

ИСТОРИЯ ИМПЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

БЕЛАРУСЫ И РУССКИЕ 1772—1991 гг.

Составитель Анатолий Тарас

Издание 2-е, исправленное

Минск Издатель А.Н. Вараксин 2008 УДК 94 (476+470) "1772/1991" ББК 63.3 (4Бел)+63.3 (2Рос) И90

Охраняется законом об авторском праве.
Воспроизведение книги в целом или любой ее главы допускается
только с письменного разрешения редактора-составителя и авторов глав.

И90 История имперских отношений: беларусы и русские, 1772—1991 гг. /Составление, перевод с беларуского языка, научное редактирование А.Е. Тараса — Минск: А.Н. Вараксин, 2008. — 608 с. ISBN 978-985-6822-76-9

После захвата Российской империей в 1792—95 гг. беларуской части Речи Посполитой — Великого княжества Литовского — в памяти жителей Беларуси за 200 лет было стерто почти все, что могло способствовать их национальной самоидентификации. В послевоенный период процесс «забывания» беларусами своего языка, своей истории и своей культуры, организованный партийно-советским руководством, приобрел новый импульс. По замыслу кремлевских идеологов, все народы СССР должны были «слиться» в единую «коммунистическую нацию» на базе русского языка, советской культуры, марксистско-ленинской идеологии.

Несмотря на то, что Беларусь обрела в 1991 году независимость, общественность соседних стран, в первую очередь России, рассматривает ее через призму старых мифов и догм — как эпохи царизма, так и советской эпохи. Даже некоторые беларусы (тем более, представители других этносов) еще верят в то, что «беларусы — часть великой русской нации», что «Беларусь — условное название Северо-Западного края Российской империи», что «язык, религию, культуру, искусство и вообще цивилизацию беларусы получили от русских». Данная книга последовательно и аргументировано опровергает эти и другие выдумки шовинистов.

Практическое ее значение обусловлено тем фактом, что беларуское общество ныне подвергается сильному идеологическому воздействию со стороны российских «державников» (а также их «пятой колонны» в Беларуси), призывающих «ликвидировать» суверенное беларуское государство и «включить» его в состав Российской Федерации. С другой стороны, национальное самосознание значительной части беларусов размыто в результате двух веков экспансии со стороны восточного соседа в областях политики и экономики, языка и истории, религии и культуры.

Поэтому важно донести до беларусов всех поколений, в первую очередь до молодежи, правду об истории нашего народа, его языке и культуре.

УДК 94 (476+470) "1772/1991" ББК 63.3 (4Бел)+63.3 (2Рос)

- © Тарас А.Е., составление, перевод на русский язык, 2008
- © Тарас А.Е., составление, перевод на русский язык, 2008, с изменениями
- © Оформление. Издатель А.Н. Вараксин, 2008

«Кожны сумленны чалавек павінен зрабіць што-небудзь добрае для сваёй Бацькаўшчыны»

(«Каждый совестливый человек должен сделать что-то хорошее для своей Отчизны»)

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Главную идею этой книги можно кратко характеризовать следующим образом: всем людям, проживающим ныне в независимом суверенном государстве — Республика Беларусь, необходимо определиться, кем они себя считают: его гражданами или гостями?

Беларусь, по определению, не Россия, не Польша, не Украина. Поэтому каждому человеку, имеющему беларуский паспорт, давно пора решить, кто он — беларус, живущий в своем национальном государстве, или иностранец, оказавшийся здесь по воле судьбы? Речь не идет об этнической принадлежности, ведь графа «национальность» в беларуском паспорте отсутствует. Беларусами могут считать себя русские и поляки, евреи и украинцы, татары и литовцы. В нашей многовековой истории так всегда и было.

Имеется в виду другое — гражданская самоидентификация. То есть, с каким государством отождествляет себя человек, сторонником чьих политических и экономических интересов он является? Если, например, все его помыслы связаны с Россией, то зачем ему беларуский паспорт? Получил бы российский с орлами и вид на жительство в Беларуси, не было бы никаких вопросов.

В данной связи уместно напомнить, что беларуское законодательство отвергает двойное гражданство. Это правильно. В нормальном обществе недопустимо, чтобы его члены ментально связывали себя с какой-то другой страной — считали приоритетными ее историю и традиции, культуру и искусство, язык и религию, законы и политику. Вот и наше государство побуждает всех жителей Беларуси к осознанному выбору. Как ни пытаются некоторые люди уходить от такого выбора, сделать его придется всем. Каждому рано или поздно надо выбрать что-то одно, потому что невозможно до бесконечности сидеть на двух стульях сразу. Я надеюсь, что изучение материалов предлагаемой вашему вниманию книги поможет многим читателям совершить сознательный выбор.

.0

Книга подготовлена на русском языке, исходя из следующих соображений. Во-первых, те граждане Беларуси, которые читают по-беларуски, в своем большинстве осведомлены о проблемах русификации нашей страны. Эта книга предназначена не им, а беларусам, забывшим национальный язык, либо сознательно отказавшимся от него*.

Во-вторых, редактор-составитель и авторы хотят, чтобы эта книга была доступна читателям других бывших союзных республик Советского Союза, так как они тоже являются жертвами русификации.

В-третьих, мы рассчитываем на то, что с ней познакомятся российские политологи, публицисты, историки — те люди, которые вырабатывают идеологию современной России.

.0.

Несколько слов о терминах. Авторы используют в своих материалах термины «Беларусь и «беларусы» (через «а»). Но в цитатах из публикаций российских авторов, а также из документов советского периода, в названиях ряда опубликованных книги и статей слова «Белоруссия» и «белорусы» пишутся через «о».

Кстати, вот что говорит по этому поводу шведский журналист Альбин Абрахамсон в своей книге «89 миллиметров от Европы» (1999 г.), посвященной Беларуси:

«Большинство шведов до сих пор называют эту страну Белороссия (Vitryssland), несмотря на то, что с 19 сентября 1991 года она называется Республика Беларусь. В этом неправильном наименовании мы находимся в одной компании с большинством европейских культур, которые тоже придерживаются старого названия Беларуси: англичане говорят «Byelorussia» или «Belorussia», французы — «Bielorussie», а немцы — «Weissrussland»...

Для беларусов название Беларусь важно тем, что оно указывает на то, что происхождение страны корнями входит в старую Киевскую Русь, а не в Россию. Отсюда и легкое раздражение, когда мы, шведы, говорим Бело-россия, а не Бела-русь».

.0.

Предлагаемая коллективная работа в основном составлена из работ, ранее опубликованных на беларуском языке. В процессе подготовки к изданию эти работы были переведены на русский язык, сокращены и заново отредактированы. При этом с целью экономии места и облегчения восприятия текста редактор снял большинство сносок на цитируемые источники.

^{*} Согласно опубликованным данным опросов социологов, по состоянию на сентябрь 2007 года, 57,4% жителей Беларуси читают книги, журналы и газеты только на русском языке. Еще 38,3% могут читать на двух языках. Лишь 4,3% населения (около 420 тыс. чел.) читают литературу и прессу исключительно на беларуском языке.

ВВЕДЕНИЕ: РУССКИЕ И БЕЛАРУСЫ

(Вадим Деружинский, журналист)

То такие беларусы? Представления об этом весьма туманны даже у многих беларусов. Таков печальный результат русификаторской политики царизма в XIX веке и экспериментов коммунистов в XX веке по созданию «единого советского народа».

Но что является для беларусов привнесенным извне, а что — исконно родным? Этот вопрос важен хотя бы потому, что сегодня беларусы возрождают свою государственность и культуру, чему мешают мифы, навязанные царскими и коммунистическими идеологами.

Например, в России многие политики, общественные деятели, журналисты, историки систематически заявляют о том, что беларусы и русские — практически один и тот же народ, с единой культурой, религией, языком и историей, с едиными «корнями». Исходя из этого принципиально неверного тезиса, они обосновывают ненужность беларусам своей государственности и настойчиво предлагают увеличить территорию России за счет «шести беларуских областей».

Популярны в определенных кругах и рассуждения о «степени похожести» беларусов и русских — мол, они соотносятся между собой примерно так же, как этносы немцев и австрийцев. Однако эта аналогия несостоятельна. После того, как Гитлер аннексировал Австрию в 1934 году (пресловутый «аншлюс»), австрийцы не превратились в немцев, несмотря на то, что в своем большинстве были увлечены идей нацистов о создании Третьего Рейха. Слияние этносов возможно только при условии единой истории. Именно разная история двух германских этносов не позволила австрийцам превратиться в немцев. Они уважали историю своих предков, создавших великое государство — Австро-Венгерскую империю.

Так и у беларусов (по крайней мере, у образованной части нации) сохранилась память о своем славном государстве — Великом княжестве Литовском (ВКЛ), память, которую всячески пытались уничтожить царизм и коммунизм. Понятно, что ни о каком симбиозе «двух историй» — ВКЛ и Московии — в России никто не помышляет, там ждут от беларусов одностороннего отказа от своей истории. Как и у немцев с австрийцами, так и здесь, при подобном подходе в принципе ничего хорошего получиться не может.

Но и это не главное. Немцы и австрийцы — действительно весьма похожие нации. А в нашем случае речь идет о двух РАЗНЫХ народах, общее между которыми лишь то, что было навязано беларусам за 200-летний период целенаправленной русификации во времена царской России и Советского Союза. Еще в 1910 году в своей «Краткой истории Беларуси» выдающийся беларуский историк Вацлав Ластовский (1883—1938) писал:

«Часто мы встречаем у российских историков мысли, будто при разделе Польши Россия руководствовалась чувством племенной общности с беларусами и хотела вызволить этот «русский» народ изпод гнета Польши. Но когда мы приглядимся ближе к этому вопросу, то увидим, что тут ни племенное, ни национальное, ни даже религиозное чувство не имело никого значения. Россия тогда, так же, как и Польша, была в руках шляхты — дворянства, и народ там был также в неволе, а каждое слово, брошенное за народ, за его тяжкую долю, тяжко каралось. Не могли же одни и те же самые люди быть одновременно «крепостниками» в своем Отечестве, а либералами и демократами в новодобытом крае.

Да и не знали тогда в России, кто и что такое Беларусь и беларуский народ; наука вообще стояла низко, а тем более этнография и история соседнего государства. ...Захватив под свою власть беларуские земли, Россия говорила загранице, что народ тут чисто русский, а одновременно издавались циркуляры, в которых говорилось о необходимости русификации этого народа».

1. «Белоруссия» — придуманное название

Так кто же такие беларусы, и зачем надо было русифицировать их? Вот что пишет Ластовский о переломном периоде захватнической войны Московии против Великого княжества Литовского и Польского королевства в 1654—67 годах:

«Тем временем московскому войску в Беларуси как бы перестало везти. Причина этого была вот какая: когда украинские казаки перешли под царя Московского, они думали найти в Московском государстве близкий себе православный народ; так же думали и православные в беларуско-литовских землях, видя московского царя опе-

куном своей веры. Тем временем тесное знакомство показало всю разницу СХОДНЫХ, но испокон веков РАЗНЫХ культур, беларуской и московской. При этом вышло, что беларусы и московцы рознятся во всем, даже в самой вере православной.

Для Москвы беларусы не были русским народом, но «Литвой»; в Москве думали, что русское — это то же самое, что московское, а все иное — хотя и русское, но что создавалось особыми условиями жизни, — значит и то, что создала беларуская культурная работа, что было СВОИМ для беларусов, московцы считали литовским или польским, «латинствующим» — не русским. Даже чистое православие Западной Руси было для московских людей «латинствующим», а иногда «литовской ересью», не говоря уже об Унии, которую считали просто «латинством».

По этой причине не раз между беларускими и московскими людьми происходили острые стычки и ссоры. Беларусь... теперь старалась освободиться из-под ее /Москвы/ власти. Даже ярые защитники православия быстро остыли к Москве».

Иначе говоря, цель русификации в том и заключалась, чтобы уничтожить «всю разницу сходных, но испокон веков разных культур — беларуской и московской». Например, в 1563 году, во время Ливонской войны, московский князь Иван IV «Грозный» разрушил православный Софийский собор в Полоцке, истребил православное полоцкое духовенство, сжег огромную библиотеку (включавшую древние рукописи). Эти варварские деяния московского деспота ярко выразили неприятие им и его окружением православной веры, культуры и менталитета западных соседей, стали первой попыткой «московизации» литвинов — предков нынешних беларусов*.

В энциклопедии «Беларусь» (1995 г.) сказано:

«В XIII—XVI веках сформировался белорусский этнос» (с. 107)... В процессе формирования и развития беларуский народ прошел стадии от объединения племенных союзов через народность до нации, через многие стадии социальной структуры общества» (с. 517).

Иными словами, он сформировался еще до агрессии Ивана IV. Поэтому уже первые попытки московитов обратить литвинов (беларусов) в «свой этнос» были чистым насилием. А ко времени захвата ВКЛ в 1762—1795 годах Россией (пресловутые «три раздела Речи Посполитой»), беларуский этнос существовал пять веков, причем в рамках своего национального государства — Великого княжества Литовского (ВКЛ).

Скажу специально для тех, кто не знает истории, что и после объединения с Польским королевством в конфедеративное государство

^{*} Надо отметить, что в точном научном смысле термин «русификация» неверен, так как историческая «Русь» — это Киевская земля, а не Московия. — Прим. Ped.

Речь Посполитая в 1569 году, ВКЛ сохранило все атрибуты суверенного государства: свою систему центральной и местной власти, свою национальную армию (войско ВКЛ), свои законы (Статут ВКЛ на беларуском языке), собственную валюту (литовский талер чеканился вплоть до 1794 года) и т.д. Это и есть то, что Ластовский именовал «культурной работой этноса беларусов» на протяжении столетий.

.0

Когда сегодня говорят о беларусах, надо прежде всего уяснить, о чем вообще идет речь. Термин «беларусы» появился только потому, что царская администрация переименовала «литвинов» в «белоруссцев». А после подавления восстания 1863—64 гг. генерал-губернатор М.Н. Муравьев запретил и термин «Белоруссия», придуманный идеологами царизма, вместо него он ввел термин «Северо-Западный край России». Что ж, название даже такой страны как Польша царизм с конца 80-х годов XIX века пытался заменить термином «Привислинский край»!

Иначе говоря, термины «Белоруссия» и «белорусы» придумали царские чиновники. Народ таких терминов не знал до конца XIX века. Впрочем, согласно опросам этнографов, даже в начале 1950-х годов сельские жители Минской области БССР именовали себя «ліцьвінамі» («литвинами») или «тутэйшымі» («здешними»).

После подавления восстания 1831 года российские власти проводили целенаправленную русификаторскую политику в отношении беларуского народа, посмевшего восстать вместе с поляками. Была уничтожена униатская церковь в Беларуси, запрещено богослужение и книгоиздание на беларуском языке, упразднен Статут ВКЛ (свод законов), действовавший, кстати, только в Беларуси, но не в старостве Жемойтском — нынешней республике Летува, было запрещено употребление термина «Литва»*.

Ретроспективно, желая как-то обосновать переименование царскими чиновниками литвинов в беларусов, авторы статьи в энциклопедии «Беларусь» заявляют, что «в XVI—XVII веках в Москве так называли /Белой Русью/ территории Витебщины, Могилевщины и Смоленщины. Существуют различные объяснения их этимологии»...

Не надо фантазировать. Это в Золотой Орде четыре стороны света связывали с черным, красным, синим и белым цветами, причем Востоку соответствовал синий, а Западу — белый. В частности, в Ор-

^{*} Кстати, недавно в США вышло исследование Т. Снайдера из Нью-Хэйвенского университета, где он впервые в западной историографии заявил, что историческая Литва — это Беларусь. См.: Timothy Snyder. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Belarus (1569—1999). New Haven, 2003.

де «Белой Ордой» именовали Московию, а она, пребывая три века в составе Орды в качестве одного из улусов, впитав ее традиции, стала именовать своих соседей по цветам сторон света Белой, Черной и Красной Русью.

Однако эти названия чисто внешние — ярлыки. В ВКЛ были два главных этноса: литвины (беларусы) и русины (украинцы). Жители Галиции или Волыни никогда не именовали себя «руссами», а тем более «червоными» (красными), испокон веков они русины (ныне около 5 миллионов человек). Народа «чернорусов» тоже никогда не было, упоминания о «Черной Руси» относятся к сфере мифологии.

Да, в некоторых документах Московского государства можно встретить термин «белорусцы» в отношении жителей Брянска, Витебска, Курска, Могилева, Полоцка, Смоленска. Но сами жители этих земель себя так не называли, и не именовали свои земли «Белой Русью». Например, знаменитый беларуский просветитель Франциск Скорина в 1504 году был записан в документах Краковского университета как «Франциск Лукич з Полацка», т.е. он считал себя полочанином, а в 1506 году в актах того же университета, при получении степени бакалавра, его записали как «литвина» («Litphanus»). В 1512 году в актовых записях Падуанского университета Скорина назван «русином».

Термин «беларус» не встречается ни у Скорины, ни у других просветителей нашей нации, ни у нашего шляхетства (дворянства). Историки не знают ни одного князя или хотя бы шляхтича, именовавшегося «беларуским». В Статутах ВКЛ упоминаются литвины, русины, жемойты, аукштайты, евреи, цыгане и татары. Нет ни слова о «беларусах».

В Российской империи «самодержец всея Руси» тоже не титуловался «князь белорусский». Так, царь Николай II использовал титулы «князь Витебский», «князь Самогитский (то есть Жемойтский, в отношении нынешней Летувы) и «Великий князь Литовский» — в отношении нынешней территории Центральной и Западной Беларуси плюс Вильня*. Герб ВКЛ «Погоня» российские специалисты геральдики относили именно к этой территории, тогда как к городам Жемойтии (Летувы) — «Колонны» (Калюмны).

.0.

Абсурдны представления о Беларуси и беларусах, излагаемые, например, известным в России историком Роем Медведевым на страницах популярного журнала:

st Вильня — исконное беларуское название города. Поляки называли его Вильно. А жемойты и аукштайты — Вильнюс.

«Судьба белорусского языка сложилась менее удачно, ибо белорусам как народу не удалось ни в Средние века, ни в Новое время создать независимое национальное государство... Тормозом к развитию языка стало и то, что в Белоруссии не возникло своей аристократии, своих законов, своей армии»*.

Это наглая беспардонная ложь самоуверенного москвича, пусть он хоть трижды историк. Была у беларусов своя аристократия (почти все канцлеры и гетманы ВКЛ — беларусы), была своя конституция (одна из самых первых в Европе!), зафиксированная в Статуте ВКЛ, написанном на беларуском языке, была своя армия — войско ВКЛ. Было и свое независимое национальное государство — Великое княжество Литовское (ВКЛ).

В энциклопедии «Беларусь» сказано:

«Нация — высшая ступень самоорганизации этноса, закономерный итог развития консолидирующих процессов. Проявляется в придании языку государственного статуса, создании профессиональной художественной культуры, средств массовой информации, выработке общеэтнического (национального) самосознания, его широком распространении и освоении...

Процессы консолидации беларуской народности в беларускую нацию начались в XVI — начале XVII века, активизировались в XIX веке и достигли наивысшего подъема в 1910—20 годах» (с. 529).

Следовательно, когда речь идет о беларусах и русских, подразумеваются РАЗНЫЕ НАЦИИ. При таком подходе неуместна сама идея «слияния народов» под предлогом какой-то «этнической общности». Нации не могут слиться друг с другом, ибо по своей сути не способны к этому.

Беларуская нация образовалась путем слияния этносов славян с этносами западных балтов. Но и во времена Российской империи, и во времена СССР, правящим режимам этих государств не нужны были выводы научных исследований о том, что беларусы (литвины) появились в результате смешения племен ятвягов (их центром был Драгичин, в нынешней Польше), дайнова (центр в Лиде), мазуров (центр — Варшава), лютвы или литвы (центр — Новогрудок) и пруссов (центр — Королевец, или Кёнигсберг).

Оставляю в стороне рассказ об основании Новогрудка (Новогородка) выходцами из полабского Старгорода (ныне Ольденбург) — древнейшего славянского города, известного с V века нашей эры, но захваченного немцами в XII веке. Скажу лишь, что содержание огромного периода истории славян и балтов заключалось в том, что

^{* «}Наука и жизнь», 2006, № 3.

народы Полабской Руси и Поморья, спасаясь от немецкой экспансии, уходили все дальше и дальше на восток.

Летописи свидетельствуют, что «славянские элементы» появились на территории Литвы (будущей Беларуси) благодаря миграции славян из Полабской Руси и Поморья (ободритов, лютичей-лютвинов, русинов острова Русин /Рюген/ и Старгорода /Ольденбурга/, лужичан Лужицкой Сербии, поморских пруссов, а также мазуров). Тогдашние этносы Западной и Центральной Беларуси (ятвяги, дайнова, лютва) не только дали им всем место, но и смешались с ними. В результате этого смешения возникло Великое княжество Литовское.

Мигрировавшие народы Центральной Европы принесли сюда свои фамилии на «ич», отсутствующие в языках современных поляков. украинцев и русских. Отмечу попутно, что писатель Юрий Брезан, лужицкий серб, лауреат двух Государственных премий ГДР, в книге «Избранное» (Москва, 1987 г.) своих персонажей лужичан называет «беларускими» именами Якуб, Михась, Ян. Ганна и т.л. Но «беларуские» ли это имена и фамилии? Скорее, они «собственность» лужичан.

Более чем вероятно, что литвинский (беларуский) язык и этнос возникли в про-

Молодые беларуские крестьянки

цессе взаимодействия языков и этносов полабско-поморских славян и балтов. Древние культурные истоки беларусов надо искать у лужицких сербов. Серьезных исследований в этом направлении не было, хотя именно тут очевидна полная идентичность и совпадение в деталях, а не просто нечто этнически «похожее».

Обращаю внимание читателей на указанную проблему по той причине, что в России существует принципиально иная, ничем не обоснованная версия этнокультурного происхождения беларусов: мол, беларусы — это восточные славяне, которые изначально проживали на территории Днепра (и оттуда же якобы «вышли» русские).

Именно такая концепция позволяла идеологам царизма изображать беларусов как «младший» и «изначально родственный» рус-

ским этнос, а его фактическую несхожесть с русским народом они объявляли результатом «полонизации». На самом же деле беларусы в своем этническом содержании похожи не столько на поляков, сколько на лужицких сербов, на других славян и балтов Полабья и Поморья.

2. Разное происхождение: генетика и антропология

Главная проблема для русских идеологов состоит в том, что они — вопреки научным данным — отождествляют себя со «славянами». Это заблуждение вбито в их головы с раннего детства благодаря псевдоисторическим рассказам о том, «как жили наши далекие предки». Например, в совершенно фантастическом мультике о каком-то Ратиборе, якобы жившем в VI веке, голос за кадром вещает, что «наши предки тогда назывались россичами или русичами»*.

Так вот, «россичи» — это термин XIX века, а вместо слова «русич» (тоже термин XIX века) в средние века бытовал термин «русины». Так себя именовали украинцы (и жители юго-восточных районов Беларуси), тогда как предки нынешних россиян даже во времена царя Петра I называли себя московитами. Что же касается VI века, то славян в то время на территории нынешней России вообще не было.

Историческая наука давно установила, что коренное население Московии — финские племена — закончило процесс своей славянизации к XVI—XVII векам, а население Поволжья — лишь к концу XIX — началу XX веков. То есть там, где, согласно современным российским мифам, уже в VI веке «жили славяне».

Где же следы их пребывания? Все исторические топонимы Московии — не славянские, а финские: Москва, Калуга, Муром, Рязань (Эрзя), Суздаль, Тула и т.д. Но эти финские топонимы большинство россиян по незнанию истории считают «славянскими». И точно так же (как «славянские») они воспринимают тысячи татарских фамилий типа Карамзина, Кутузова, Сумбулова или Сумарокова (прозвища татарских мурз, перешедших на службу Москве).

А действительно славянскую фамилию Скорина считают «нерусской» и «неславянской». Например, известный в России историк и публицист Мурад Аджи пишет, что «эта фамилия чужда и инородна русскому уху». Оно и понятно: поскольку Аджи себя — чистокровного тюрка — записал в «исконно русского», такому «русскому» действительно чужда старославянская лексика. Он и ему подобные знать не знают, что фамилия Скорина происходит от слова «скор-

^{*} То же самое утверждает современный российский писатель Валентин Иванов в своем романе «Русь изначальная» (1982 год). Книга талантливая в художественном отношении, но в плане истории представляет собой ненаучную фантастику.

няк» (мастер выделки кож), и что эта фамилия была в старину одной из распространенных среди славян.

Зато «исконно русским и славянским» стали считать в современной России финский «окающий» акцент: им наделяют в фильмах героев «Древней Руси», его эксплуатируют популярные комики — «русские бабки». Никого не смущает тот факт, что ближайшие родственники русских — финны Финляндии — точно так окают, когда говорят по-русски или по-немецки.

Такое же смешение понятий произошло в вопросе антропологической идентичности. Поскольку финны внешне похожи на индоевропейцев, нетрудно придти к выводу, что именно так должны выглядеть славяне. Вот характерный пример: в повести «Кто стреляет последним» (1976 г.) российский писатель Николай Наумов пишет, как некий гауптман Отто, рассматривая пленного снайпера, родом из Рязани (то есть, из этноса эрзя), констатирует: «типичный славянин — круглое лицо, короткий широкий нос». Но это описание финна, а не славянина. Среди беларусов и поляков таких лиц нет.

Российские археологи нашли массу вещественных доказательств того, что до IX века на территории современной России вообще не было славян. Важнейшую роль в этом открытии сыграли раскопки в Новгороде, которые ведутся уже нескольких десятилетий. Было установлено (специально подчеркиваю — достоверно установлено учеными), что славяне, древнерусский язык и Рюрик появились в Новгороде одновременно! Более того, сам Новгород основали в середине IX века именно эти славяне-колонисты из Полабской Руси (т.е., с территории нынешней Германии).

Никаких «исконных» славян до Рюрика не было. Этот факт вызвал шок, хотя подозрения на сей счет существовали и раньше. Так, Л.В. Алексеев в книге «Полоцкая земля» еще в 1966 году писал:

«Современные данные археологии и топонимики показывают, что в эпоху раннего железа Восточную Европу населяло три крупных группы племен. Первая, ирано-язычная, занимала Крымский полуостров, Кубань, Нижний Дон, Нижний Днепр и доходила на севере до водораздела Сейма, Десны и Оки...

Вторая, финно-язычная группа, охватывала все Верхнее Поволжье, бассейн Средней и Нижней Оки, на западе доходила до озера Эзель и оставила так называемую Дьяковскую культуру.

Третья, балто-язычная, охватывала все Верхнее Поднепровье (включая Киев, правобережье Сейма, верхнюю Оку) и уходила на запад в Прибалтику».

Обратите внимание: иранцы, финны и балты. Никаких славян!

.0.

Если бы в эти земли не пришли с запада славяне, здесь неизбежно возникли бы ТРИ ЭТНИЧЕСКИ РАЗНЫХ государства: страна балтов (нынешние земли Беларуси и Летувы), страна финнов (нынешние земли северной и центральной России), страна сарматов — нынешние земли Украины и юга России. Но в тот период, когда полабские славяне колонизировали эти земли, местный этнический (туземный) фактор мало что значил на фоне колонистов, ибо последние были несопоставимо более цивилизованны и значительно сильнее в военном отношении, чем туземцы.

Однако по мере развития национального самосознания туземных масс, в какой-то мере подвергшихся процессу славянизации, на первое место вышло именно дославянское содержание — как этнический стержень. В итоге возникли три разных государства — Литва (Беларусь) на основе этнических балтов, Московия (Россия) на основе этнических финнов и Галиция (Украина) на основе сармато-иранцев. (А.А. Бычков уточняет: украинцы этнически — это сарматские племена, аланы или ясы, говорившие на языках иранской группы, на древнеосетинском диалекте.)

Династия Рюриковичей, говоря современным языком, это династия королей славянских оккупантов — народа ободритов. Резиденция этой династии находилась в ободритском городе Любек. По мнению автора, основанному на исследованиях ряда ученых (в частности, российского академика В.Л. Янина), именно Любек — родина Рюрика, а сам Рюрик — князь ободритов. Раскопки в районе Новгорода открыли древнейшие поселения, останки жителей которых антропологически идентичны останкам ободритов в Полабье. Значит, это были колонии ободритов. Они и есть те дружинники Рюрика, которые создавали в этих местах «Русь».

Поэтому неправы официальные российские историки, упорно твердящие — вопреки фактам, что там, откуда Рюрик уехал, не было никакой Руси, а Русь была только там, куда Рюрик приехал. На самом деле и на его родине Русь продолжала существовать. Но российские историки ее в упор не видят, потому что «не могут поступиться принципами».

Российский историк М.И. Артамонов спрашивает:

«Каким образом славяне одновременно появляются на громадной территории и притом без каких-либо признаков массового переселения в эти территории нового для них народа?»

А.А. Бычков отвечает в книге «Московия: Легенды и мифы» (2005 г.):

«А и не было никакого массового переселения. Местные племена просто постепенно перешли на язык «администрации» и торговцев, ибо начальники (князья и дружинники) были чужаками, выходцами из Центральной Европы и Южной Прибалтики, их разговорным «койне» стал славянский... Исконное население Московской земли — финноязычное племя меря и балтоязычное племя голядь (галинды)».

Позже славянизированные московиты славянизировали своих соседей на востоке и юге — другие финские и тюркские народы. Процесс славянизации сам себя воспроизводил.

.0.

Кем же являются нынешние русские в этническом аспекте? Вот что пишут об этом журналисты Д. Лане и С. Петухов* в статье «Лицо русской национальности»:

«Российские ученые завершили и готовят к публикации первое масштабное исследование генофонда русского народа. Обнародование результатов может иметь непредсказуемые последствия для России и мирового порядка».

В 2000 году Российский фонд фундаментальных исследований выделил грант ученым из лаборатории популяционной генетики человека Медико-генетического центра Российской академии медицинских наук. Ученые ряд лет изучали генофонд русского народа.

Журнал «Власть» привел некоторые данные этого исследования. Самая большая сенсация заключается в том, что русские — вовсе не «восточные славяне», а финны. По Y-хромосоме генетическое расстояние между современными русскими и финнами Финляндии составляет 30 условных единиц (близкое родство). А генетическое расстояние между русским человеком и финно-угорскими народностями (марийцами, вепсами, мордвой и пр.), проживающими на территории Российской Федерации, равно всего лишь 2—3 единицам. Проще говоря, они ГЕНЕТИЧЕСКИ ИДЕНТИЧНЫ.

Результаты анализа митохондриальной ДНК показали, что еще одна близкая родня русским, кроме финнов Финляндии, это татары. Русские от татар находятся на том же генетическом расстоянии в 30 условных единиц, которые отделяют их от финнов.

Напротив, анализ генофонда беларусов показал, что они генетически очень далеки от русских, но фактически идентичны северо-восточным полякам — то есть мазурам Мазовья. Таким образом,

^{*} Журнал «Власть», № 38 (сентябрь 2005), с. 54-60. Еще один рассказ об этих исследованиях опубликован в журнале «Newsweek», 2005, № 27.

данные генетики (которая, в отличие от истории — точная наука) утверждают: беларусы — это славянизированные западные балты, а русские — это славянизированные финны.

Руководитель исследования, доктор медицинских наук Е.В. Ба-

лановская отметила:

«Пришлось рассмотреть данные многих систем — антропологии (соматологии, дерматоглифики, одонтологии), классической генетики (группы крови, белки крови), тысяч фамилий, данные по разным системам ДНК маркеров (аутосомных, Y-хромосомы, митохондриальной ДНК).

...Мы собрали воедино два огромных массива информации о русском народе, накопленные за многие десятилетия антропологией и генетикой. Мы провели два новых исследования — ДНК и фамилий. И придумали способ, как сравнить эти четыре столь разных системы признаков — антропологии, классической генетики, молекулярной генетики, фамилий. Мы строили компьютерные геногеографические карты для каждого признака.

Например, для антропологии — карту роста бороды; для классической генетики — карты встречаемости генов групп крови; для молекулярной генетики — карту гена устойчивости к СПИДу; для фамилий — карту встречаемости Ивановых во всех частях русского ареала. Четыре столь разных системы, и в каждой — много признаков. Для каждого создана карта. А затем получили «обобщенные» карты для каждой системы признаков. И после этого впервые могли сравнить все данные о русском генофонде...

Наше «открытие» в том, что совершенно разные науки и признаки — антропология, генетика, фамилии — полностью согласны друг с другом и, дополняя друг друга, рисуют общий портрет русского генофонда. Причем русский генофонд здесь, к счастью, не одинок. Еще до изучения русского генофонда мы сделали аналогичный набросок портрета генофонда народов Восточной Европы, включая в него и народы «ближнего зарубежья» (от Черного моря до Балтики), и Кавказа, и Приуралья. И обнаружили вновь единогласие свидетелей! Хотя портрет генофонда народов Восточной Европы оказался совершенно иным — волны генофонда следовали в Восточной Европе не по оси «север — юг», как в русском генофонде, а по оси «запад — восток».

Поэтому и для русского генофонда — занимающего огромную часть Восточной Европы — мы ожидали увидеть все ту же восточноевропейскую закономерность. Но нет! Русский генофонд обнаружил свое собственное строение, связанное с его собственной историей. Однако все генофонды в равной степени важны и интересны».

Результаты указанного исследования шокировали в России очень многих. Чтобы успокоить возмущенных несогласных сограждан (главным образом публицистов и некоторых историков), Е.В. Бала-

новская разъясняет, что не надо верить мифам. Следует вспомнить, что раньше эти территории действительно были исконно финскими:

«Термин «исконный» русский ареал мы всегда берем в кавычки, помня, что история дославянского населения на этой территории НА ПОРЯДОК дольше славянского. Генетическая память пронизывает все слои генофонда, все напластования, пришедшие от разных обитателей Восточной Европы. Поэтому, анализируя «исконный» ареал, мы никогда не говорим об «исконно» русском генофонде, об «исконно» русских генах. Авторы считают, что их просто нет.

Есть генофонд, раскинувшийся в этом ареале и вобравший в себя (как и все другие генофонды) гены многих популяций, оставивших в ходе многих тысячелетий свой генетический след. И любая привязка гена к народу неверна — это разные системы координат. Принадлежность к народу определяется самосознанием человека. Генофонд определяется концентрацией генов в исторически определенном ареале. Поэтому, говоря «русский генофонд», мы имеем в виду все гены, собранные ходом истории в «исконном» русском ареале и запечатленные в нем».

Итак, концепция о «едином происхождении восточных славян» (русских, украинцев, беларусов) — ныне уже разоблаченный миф. Никаких «восточных славян» нет. Генетически и антропологически русские — это финны (усвоившие язык славянского типа, принявшие православие). На картах, составленных генетиками, влияние русского генофонда еще ощутимо в Витебской и Могилевской областях, но далее в Центральной и Западной Беларуси (исторической Литве) его уже нет, генетически там ближайший сосед — польская Мазовия (Мазова).

Все это навсегда поставило точку в придуманной царизмом лжи о «едином происхождении беларусов и русских». Генетически и антропологически — это два разных этноса, более того — это разные этнические группы, ибо беларусы — индоевропейцы, а русские — нет*.

^{*} Итак, точная наука генетика доказала, что русские, беларусы и украинцы вовсе не «родные братья-славяне». Они даже не двоюродные! Славянами являются только беларусы и украинцы. Кто действительно «прямая родня» русским, так это вепсы, коми-зыряне, марийцы, мордвины, тогда как современные финны и эстонцы им двоюродные братья.

Подобные заявления русскому человеку кажутся шокирующими, достаточно вспомнить популярные в России анекдоты о «горячих эстонских парнях». Поэтому выводы генетиков будут усваиваться очень медленно, ибо они опровергают ВСЕ традиционные представления на этот счет. Принципиально новую концепцию требуется не столько понять (с этим дело обстоит достаточно просто), сколько принять. Другими словами, к ней надо привыкнуть. — Прим. Ред.

Как признается Е.В. Балановская, более всего российских ученых удивила устойчивость генофонда: они ожидали увидеть в Центральной России смещение местных финнов с тюрками и славянами. Однако весомого влияния ни славян, ни тюрков не обнаружили.

На мой взгляд, в этом нет ничего странного. При соотношении населения в пропорции местный этнос — 80-85%, мигранты («пришлые») — 15-20%, всего за 5-7 поколений, благодаря бракам с местным большинством, растворяются в нем, словно сахар в кипятке, теряя не только язык, обычаи, ментальность, но и гены! То есть, они полностью исчезают, у потомков уже не найти даже следов исходных неместных черт. Это точно так же, как у нынешних потомков (6-7-го поколений) полуэфиопа Пушкина никакие исследования не обнаруживают эфиопских генов — они полностью исчезли.

В Центральной России (исторической Московии) эта устойчивость проявила себя в том, что все сельское население (70-80% от общей численности вплоть до начала XX века) являлось генетически финским (мокша, мордва, мурома, мещера, эрзя и пр.). Это абсолютное большинство населения растворяло в себе всех пришлых, у которых максимум оставались только боярские (дворянские) и княжеские неместные фамилии.

В Литве (Беларуси) аналогично на протяжении семи последних веков литвины (беларусы) составляли около 80% населения, поэтому за несколько поколений этнически и генетически «переваривали» всех мигрантов, кроме евреев, которые вплоть до XX столетия упорно избегали смешанных браков, сохраняли свой язык и религию.

Типичный пример: русская семья с двумя детьми школьного возраста приехала в 1950 году в Беларусь. В 1960-е годы эти дети с вероятностью 80% заключили брак с беларусами, а дети детей (полурусские-полубеларусы) с вероятностью 80% позже тоже заключили брак с беларусами, дав потомство, которое уже на три четверти является этнически беларуским. Так за несколько поколений приезжие полностью растворяются в этносе беларусов.

Российских ученых удивила устойчивость исконных этносов, но, как видим, ничего удивительного в ней нет. Эта устойчивость доказывает лишь то, что Беларусь (историческая Литва) и Центральная Россия (историческая Московия) на протяжении многих веков являлись, образно говоря, МАШИНАМИ по усвоению мигрантов в свои этносы, сохраняющие изначальное генетическое и антропологическое содержание: славяно-балтское в Беларуси, финское в Центральной России*.

^{*} В 1989 году беларусы составляли 77,4% населения своей страны, а генетически идентичные им поляки — 4,7%. Таким образом, население Беларуси генетически однородно на 82%. Это очень мощная «машина» по усвоению мигрантов.

Называть «схожими до степени братства» абсолютно разные по содержанию МАШИНЫ воспроизводства генофонда просто нелепо. У беларусов — генофонд и антропология сплава западных балтов и славян, у русских — генофонд и антропология сплава финнов и тюрок.

.0

Дополняют картину современные исследования беларуских ученых, изучавших антропологию и генетику беларусов. В 2005 году, одновременно с завершением работы российских ученых по изучению русского генофонда, в Беларуси были опубликованы результаты аналогичного исследования. Это книга А.И. Микулича «Беларусы в генетическом пространстве: Антропология этноса». Вот отрывки из рецензии Дмитрия Санько на нее (в переводе В. Деружинского):

«Монография подводит итоги более чем 30-летним экспедиционным исследованиям, проведенным известным антропогенетиком Алексеем Микуличем в Республике Беларусь и на смежных территориях стран-соседей — Российской Федерации, Республики Летува, Украины. Объектом их было, прежде всего, сельское население как носитель наиболее характерных генетических и конституционных особенностей популяций. Изучением было охвачено около 120 избранных групп. Они формировались из тех представителей, которые имеют предков местного происхождения до 4—5 колена.

Исследование генофонда коренных местных популяций показало целостность беларуского этноса, его гомеостаз /устойчивость — $B.\mathcal{A}$./ во времени и пространстве, а также очевидность геногеографического компонента в этнической истории.

На карте генетической отдаленности от средних беларуских частот генов в населении Восточной Европы, созданной на основе значений ДНК-маркеров, ясно видна особенность генофонда беларусов, к которым примыкают коренные жители Псковщины, Новгородчины, Смоленщины, Брянщины, Виленского края и Украинского Полесья. Компактный ареал беларуского генофонда на этой карте в общих чертах соответствует сфере расселения беларусов в исторической ретроспективе...

Известно, что «европеизация» российского населения остановилась под татаро-монгольским нашествием. Изучение генофонда беларусов практически не показало присутствия в нем примет монгольской расы. Это подтверждает исторические свидетельства о том, что Беларусь не знала татаро-монгольского ига. Интересно также отметить, что общая тенденция изменчивости в границах беларуского ареала имеет меридиональное направление /Запад — Восток — $B.\mathcal{A}./$, в то время как для российского ареала ее направление перпендикулярно — широтное /Север — Юг — $B.\mathcal{A}./$.

Каждый из трех восточно-славянских этносов, согласно антропологическим данным, по своему уникален. Они формировались в разном географическом пространстве, на особых субстратных праосновах. Помещенная в книге графическая интерпретация обобщенных характеристик генофондов позволяет наглядно увидеть степень схожести и различия.

«Этнические облака» беларусов и украинцев довольно компактны и частично перекрываются. Российское же «облако» размытое, только незначительная его доля перекрывается с первыми двумя. В то время как украинское «этническое облако» вообще не граничит с финно-угорскими, а беларуское лишь касается их — центр «этнического облака» российских популяций находится в одном кластере с финно-угорскими, а не славянскими этносами.

Алексей Микулич аргументировано опровергает суждения московских коллег о том, что ядро российского генофонда исстари находится на северо-западе российского этнического ареала (Псковщина, Новгородчина) с привлечением части земель, которые сегодня находятся в составе Республики Беларусь. Он отмечает, что к беларусам Придвинья генетически весьма близки коренные жители Псковской и Новгородской, как и Смоленской областей (этому факту есть историческое объяснение — это этнически территория кривичей). Но это вовсе не повод исключать их из беларуского этнического ареала.

Сопоставление данных генной географии с материалами археологов дает очень интересные результаты. Географическая структура современного беларуского генофонда во многом соответствует древним археологическим культурам... Это важный аргумент в пользу генетической непрерывности поколений. Анализ антропогенетического и генодемографического материала приводит автора к выводам о глубокой древности беларуского этноса. Современная картина беларуского генофонда сформировалась как путем долговременного приспособления в результате естественного отбора, так и в процессе этнической консолидации.

Пользуясь «генетическим календарем», автор установил, что популяции коренных жителей Беларуси ведут свою родословную непрерывно не менее 130—140 поколений, то есть, самое позднее с середины 2-го тысячелетия до нашей эры. По мнению автора, происхождение, особенности языка, материальной и духовной культуры, существование в течение многих веков своего государства — Великого княжества Литовского, перевес эмиграционных процессов над иммиграционными — содействовали консолидации и формированию этнического содержания беларусов».

Исследование интереснейшее. Но книга издана на беларуском языке, а его русские не понимают, несмотря на постоянные заявле-

ния о том, что «русский и беларуский языки — по сути один и тот же самый язык».

В этом плане весьма показателен конфуз, о котором недавно (летом 2007 года) сообщил телеканал НТВ. Некий беларус, представший перед судом в России, потребовал, чтобы процесс шел на его родном языке. Поскольку таково законное право подсудимого, суд стал срочно искать переводчика с беларуского языка. Обыскали всю Москву — ни одного не нашли! Факт сам по себе странный — вроде бы Россия и Беларусь создали союзное государство, но среди представителей российской судебной власти никто не знает языка союзника. Попытка же вести процесс на русском языке ничего не дала: судьи абсолютно не понимали то, что говорил на беларуском языке подсудимый. Они воспринимали его как тарабарщину, а не «практически один и тот же язык».

Приведу житейский пример для тех, кто не поверил. Неподалеку от моего дома стоит щит с рекламой беларуского пива «Сябар». На нем изображены три бутылки пива, надпись гласит: «Вартасць сяброўства — трымацца разам». Интересно, способен ли хоть кто-то из россиян понять смысл этой чисто славянской фразы? (перевод смотри в сноске на странице 300).

3. Разные языки

Почему же русским людям кажется непонятным «почти идентичный» язык беларусов? Почему в России с пренебрежением относятся к славянскому украинскому языку, почему его не желает учить русская часть населения Восточной Украины, почему они протестуют против самого статуса украинского языка как государственного? Хотя это язык Киева, Матери городов Русских и Крестителя Руси. Откуда столь странный сепаратизм россиян, считающих себя «истинными славянами»? Ответы на эти вопросы кроются в истории становления языка титульной нации России, который лишь с огромной натяжкой можно называть «русским», а тем более — «славянским».

Еще раз напомню, что Россия — неславянская страна. К территориям, где жили древние околославянские народности, можно отнести лишь Смоленскую, Брянскую и Курскую области — земли древних кривичей (балтского племени, славянизированного западными славянами). Но они не имели никакого отношения к Московии и были завоеваны ею достаточно поздно. В остальных землях жили финские племена (народы) — весь, вятичи, меря, мещера, мокша, мордва, мурома, нарова, пермь, печора, чудь...

Северную часть этой территории завоевали славяне-ободриты, приплывшие во главе со своим князем Рюриком с Лабы (Эльбы)

примерно в 859 году, однако число этих колонистов, построивших Новгород, Ладогу, Орешек, Копорье, Старую Русу и другие укрепленные поселения, было невелико. В редких городках-крепостях, основанных ободритами, жили колониальные правители, священники и купцы, да немногочисленные дружины*. А 95% населения края было неславянским, подчинившимся оккупантам.

Языком общения между ними служил общеславянский «койне» — упрощенный вариант языка, специально предназначенный для общения между народами с разными диалектами**. Постепенно, за несколько веков, местное туземное население переняло этот койне. В Новгородской земле, как пишет академик Валентин Янин, данный процесс занял минимум 250 лет — судя по языку берестяных грамот, который из саамского (финского) становился постепенно славянским, сначала — аналитическим (с вынесенными за слово флексиями) и только затем нормальным синтетическим.

Киевский монах Нестор в «Повести временных лет» (около 1113 года) писал, что саамы Ладоги постепенно выучили язык рюриковичей и стали после этого называться «словенами» — то есть, понимающими слово, в противоположность «немцам» (немым) — то есть, языка не понимающим (отмечу попутно, что термин «славяне» не имеет никакого отношения к термину «словене», так как происходит от изначального «склавены»).

После ладожских саамов стали перенимать славянский «койне» северные финские народы — мурома, весь (вепсы), чудь, но у них этот процесс занял гораздо больше времени, а у южных финнов Владимиро-Суздальской земли принятие славянского койне затянулось до петровских времен. Кое-где сохранились и туземные языки, например, говор эрзя Рязани и говор вятичей.

Характерное «оканье» населения Центральной России сегодня русские «ура-патриоты» ошибочно считают «старославянским», хотя это чисто финская диалектная особенность, отражающая незавершенность процесса славянизации края.

В эпоху Золотой Орды Владимиро-Суздальские земли («сердце» будущей Московии) на три века ушли к этнически родственным народам угро-финнов, которых собрали под свою власть ордынские цари. В тот период на язык региона оказал огромное влияние тюркский язык (как часть вообще огромного влияния Азии).

^{*} Кстати говоря, часть колонистов-ободритов исповедала арианство, то есть, они были христианами задолго до крещения киевлян при князе Владимире.

^{**} Койне (греч.) — общий язык, образующийся при смешении ряда родственных языков и в итоге заменяющий их все. Например, таким был латинский язык, вобравший в себя наречия разных италийских племен. Флексия (греч.) — окончание слова, изменяющееся при склонении или спряжении. — Прим. Ред.

Весьма показательны в этом плане записки тверского купца Афанасия Никитина (конец XV века) о «хождении за три моря». В них автор запросто переходит со славяно-финского койне Московии на тюркский язык, не видя особой разницы между ними. В своем «хождении», буквально на каждой странице, Никитин то разражается длинной тирадой на тюркском, то непринужденно вплетает короткие тюркские фразы между русских. Вот типичный пример:

«В Индейской земле купцы останавливаются на подворьях, еду для них варят хозяйки. Они и постель гостям стелют, и спят с ними, сикиш илересен ду шитель бересин, сикиш илимесь ёкъжитель берсен достур аврат чектур, а сикиш муфут».

В этом фрагменте Никитин привел на тюркском языке некоторые деликатные подробности: «хочешь с хозяйкой иметь близкую связь — даешь два шителя, не хочешь — даешь один шитель».

Свои записки он закончил весьма характерной благодарственной молитвой: «Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного и Иисуса Духа Божия. Аллах велик»... В подлиннике дословно сказано: «Бисмилля Рахман Рахим. Иса Рух Уалло. Аллах акбар. Аллах керим»*.

В средневековой Московии существовали одновременно несколько языков. Во-первых, общеславянский «койне» — язык княжеско-боярской знати и чиновников (дьяков). Во-вторых, староболгарский язык — язык христианских текстов. В-третьих, народные языки туземцев (финские). В-четвертых, тюркские языки — средство «межнационального общения» и язык исламского компонента религии. Вся эта смесь и послужила основой для нынешнего русского языка, совпадающего своей базовой лексикой** с другими славянскими языками не более чем на 30—35%. Напротив, базовая лексика славянских языков, в том числе беларуского и украинского, совпадает между собой на 70—80%.

.0.

Сегодня российские лингвисты в своем большинстве сводят истоки современного русского языка только к двум составляющим:

^{*} Никитин совершил свое путешествие в 1466—1472 гг. В Твери тогда правил великий князь Михаил Борисович, в Москве — великий князь Иван III. В то время общей для Московии и Орды была религия, являвшаяся гибридом христианства и ислама (верующие равно почитали Иисуса и Магомета). Процесс их разделения начался с момента «стояния на Угре» (1480 г.) и завершился к 1589 г. (при царе Федоре I).

^{**} Базовая лексика — около 5000 слов и лексических выражений. Попутно надо отметить, что беларуский язык испытал заметное влияние немецкого языка. В словарях народных говоров западной и центральной Беларуси XIX века слова немецкого происхождения составляют от четверти до трети лексики. Этот вопрос подробно рассмотрен в книге Валентины Выхоты «Нямецка-беларускія моўныя паралелі» (Мн., 1999). — Прим. Ред.

к народному языку России (как уже сказано, отнюдь не славянскому, а славяно-финскому койне, с большим тюркским влиянием) и древнему болгарскому (он же «церковно-славянский»).

В качестве третьего языка можно указать современный литературный русский язык, — искусственное кабинетное изобретение, своего рода «эсперанто» на основе двух указанных выше источников (на этом «эсперанто» написана данная статья, а вы ее читаете).

Почему нынешний русский язык больше похож на болгарский язык, чем на беларуский и украинский? (Хотя в одну языковую группу с русским относят почему-то именно их, а не болгарский и не сербский.) Это кажется странным, ведь Россия не граничит с Болгарией, но соседка с Беларусью и Украиной, в чьих исконных языках нет болгарского влияния, а если его иногда находят сегодня, то оно привнесено в более поздние времена русскими завоевателями.

В том-то и дело, что в Московии коренных славян никогда не было (кроме немногочисленных выходцев из Киевской земли в XII—XIV веках). Поэтому усвоение туземцами Московии славянского языка шло через религию, которая опиралась на болгарские тексты. Туземцы Владимира, Суздаля, Москвы, Костромы, Тулы, Рязани, Мурома, Вятки и прочих финских земель усваивали славянский язык через болгарский язык церковных книг. Именно потому небольшое славянское содержание «базы» русского языка (около 30—35% лексики) является общим болгарскому языку.

В Беларуси и Украине ситуация была иной: здесь местное население (балто-славянское в Беларуси, сармато-славянское в Украине) само выработало свои славянские говоры, которые не позволили внедряться болгарской лексике из православных книг.

Есть три факта, которые прячут все российские лингвисты, хотя шила в мешке все равно не утаить. Они таковы:

- 1) до начала XVIII века язык Московии никто в Европе не называл русским, а только московским, или московитским;
 - 2) русским языком до той поры называли украинский язык;
- 3) московитский язык до XVIII века европейские лингвисты (в том числе из славянских стран) относили к финским говорам.

Конечно, сегодня все уже не так: власти Российской империи оказали огромное влияние на лингвистическую науку, поставив ей задачу придания московскому языку «славянского статуса». Реформа московского языка, осуществленная в XVIII веке Ф. Прокоповичем, М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым ставила целью именно усиление его слабых славянских черт. Однако даже через сто с лишним лет после Ломоносова, умершего в 1765 году, известный польский славист Ежи Лещинский заявлял:

«Прусский язык имеет намного больше оснований считаться славянским, чем великорусский, у которого с польским языком и другими славянскими гораздо меньше общего, чем даже у западнобалтского прусского языка».

Напомню, что наименование государства «Россия» официально ввел только Петр I между 1713 и 1721 годами — вместо прежнего названия «Московия». Царь-реформатор не только насильно брил бороды князьям и боярам, не только запретил женщинам закрывать лицо платком (чадрой) на азиатский манер и ликвидировал гаремы (терема), но и в поездках по Европе добивался от картографов, чтобы на картах его владение отныне называли Россией. Заодно он просил, убедительно подкрепляя просьбы деньгами, перенести на картах границу Европы от восточных рубежей Литвы до Урала и нижнего течения Волги.

Раньше все создатели славянских грамматик четко разграничивали русский язык (украинский) и московский, не причисляя московский язык к семье славянских языков, ибо он был скуден на славянскую лексику. Как пишет российский лингвист И.С. Улуханов в работе «Разговорная речь Древней Руси» (см. журнал «Русская речь», 1972, № 5), набор славянизмов в живом языке народа Московии расширялся очень медленно. Записи устной речи московитов, произведенные иностранцами в XVI—XVII веках, включают только некоторые славянизмы на фоне основной массы местной финской и тюркской лексики.

Так, в «Парижском словаре московитов» (1586 год) во ВСЕМ СЛОВАРЕ языка московитов имеются, как отмечает Улуханов, лишь два славянских слова — «владыка» и «злат»! В дневнике-словаре англичанина Ричарда Джемса (1618—19 гг.) есть 16 славянских слов («благо», «блажить», «бранить», «воскресенье», «воскреснуть», «враг», «время», «ладья», «немощь», «пещера», «помощь», «праздникъ», «прапоръ», «разробление», «сладкий», «храмъ»). В книге «Грамматика языка московитов» немца В. Лудольфа (1696 год) — их уже 41 (причем некоторые с типично финским «оканьем» в приставках, типа «розсуждать»). Вся прочая устная лексика московитов в этих трех разговорниках — финская и тюркская!

Так что у лингвистов XVI—XVII веков действительно не было оснований считать этот язык «славянским языком», ведь именно устная речь народа является в данном случае критерием. Разговорный язык жителей Московии потому и не считался славянским, что крестьяне, составлявшие абсолютное большинство населения, говорили на своих финских наречиях.

Вот характерный пример: русского языка не знал мордвин Иван Богдашков по прозвищу «Сусанин» из Костромского уезда, а его

родня, подавая в 1619 году челобитную Ксении Ивановне, матери царя Михаила Романова, платила толмачу за перевод с финского костромского наречия на «государев» язык (т.е. на славянский «койне» знати). Забавно, что сегодня мордовская Кострома считается в России как бы «эталоном русскости» (даже рок-группа есть, поющая старинные мордовские песни, переведенные на русский язык, с типично финским завыванием женщин, выдаваемым за «славянское»). Но всего два столетия назад никто в Костромском крае порусски не говорил.

Тот факт, что Московская церковь вещала на староболгарском языке (а дьяки писали на нем грамоты и прочие документы), в этом плане ничего не значит, так как вся Европа тогда в соборах говорила на латыни и вела делопроизводство на латинском языке, хотя ни один народ на этом языке уже давно не говорил. Напомню заодно, что после Люблинской унии 1569 года, когда беларусы создали вместе с поляками конфедеративное государство — Республику (попольски Речь Посполитую), ВКЛ сохранило своим государственным языком литвинский (то есть, беларуский), а Польша ввела в качестве государственного латинский язык. Но это вовсе не значит, что народный язык поляков — латынь. Точно так же русский язык не был народным в Московии вплоть до того сравнительно недавнего времени, когда российские деревни его наконец выучили.

Вот еще пример: по сей день во многих деревнях Смоленской, Курской и Брянской областей, входивших когда-то в состав ВКЛ, никто не «окает» на финский манер (как в Рязани или Костроме), а говорят на том же языке, на котором говорят селяне Витебщины и Минщины. Любой лингвист мог бы сделать вывод, что в этих областях живет беларуское население. Но, исполняя политический заказ, российские лингвисты относят их население к тем «окающим» восточным соседям, которые во времена Лудольфа знали всего лишь 41 славянское слово, да и то не во всех деревнях.

Улуханов пишет, что, говоря о существовании у московитов двух языков — славянского (церковного болгарского) и московитского, Лудольф сообщил в «Грамматике языка московитов» следующую подробность:

«Чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи».

Что же это за «славянский язык», если людей смешит употребление славянских слов вместо финских и тюркских? Такого никогда не было в Литве (Беларуси). Наоборот, здесь никто не понял бы того,

кто строил фразы, используя вместо славянской лексики финскую или тюркскую.

Проблема такого «двуязычия» из-за отсутствия в России народной славянской основы всегда преследовала создателей литературного русского языка. Сначала он назывался московским, затем российским. Однако после захвата Россией в 1772—1795 годах ВКЛ и Западной Украины пришлось его менять на «великорусское наречие русского языка».

Именно так русский язык фигурировал в 1840-е годы в названии словаря Владимира Даля: «Толковый словарь великорусского наречия русского языка». Даль разделял русский язык на три наречия — беларуское, украинское и российское. Но позже российские лингвисты специально изменили это название на «Толковый словарь живого русского языка», хотя труд под таким названием Даль в типографию никогда не сдавал.

В 1778 году в Москве была напечатана брошюра писателя и лингвиста Федора Григорьевича Карина «Письмо о преобразителях российского языка». Он писал:

«Ужасная разность между нашим языком /повсюду в своей работе он называет его «московским наречием» — B, \mathcal{A} ./ и славянским часто пресекает у нас способы изъясняться на нем с тою вольностию, которая одна оживляет красноречие и которая приобретается не иным чем, как ежедневным разговором...

Как искусный садовник молодым прививком обновляет старое дерево, очищая засохлые на нем лозы и тернии, при корени его растущие, так великие писатели поступили в преображении нашего языка, который сам по себе был беден, а подделанный к славянскому сделался уже безобразен».

«Беден» и «безобразен» — это сильно расходится с будущей его оценкой как «великого и могучего». Оправданием может служить лишь тот факт, что Пушкин еще не родился и не приступил к совершенствованию молодого языка («эсперанто»), только что созданного экспериментами Прокоповича — Ломоносова — Сумарокова.

Опять-таки, подобной проблемы никогда не знали беларусы, украинцы, поляки, чехи, болгары, сербы и остальные славяне, у которых язык сельских жителей органично становился языком всего народа. Это чисто российская проблема: как сочетать финский язык селян со славянским языком государства.

В итоге российские лингвисты XVIII века разорвали «пуповину» многовековой связи языка Москвы с болгарским языком, который они дружно нашли «чуждым», «вычурным в условиях России», «тормозившим становление литературного российского языка». И, отвергнув болгарский язык, припали к народному языку («москов-

скому наречию»), на 65–70% процентов состоящему из финской и тюркской лексики. Вот так, отказавшись от следования болгарскому языку, обращавшему ее «в славянство», Россия признала своим языком народный язык славянизированных финнов. Местный патриотизм победил славянское единство.

Мелетий Смотрицкий, беларуский и украинский просветитель, автор изданной в 1619 году в Вильне «Граматіки словенскія правильное синтагма», задолго до «революционера» русской лингвистики Ломоносова создал научные основы языка русинов. Как и Лаврентий Зизаний в его «Грамматике словенской» (1596 год), он четко различал болгарский церковный язык и народный язык русинов:

«Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от зла и устнъ своъ же не глати лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от злого и уста твои нехай не мовятъ здрады».

Из этой книги четко следует, что русским языком Смотрицкий считал украинский (в то время называвшийся русинским), а вовсе не язык Московии.

«Нехай» (пусть), «мовять» (говорят), «здрады» (ложь) — это беларуско-украинские слова, которые Смотрицкий называет «переводом на русский язык». Данное обстоятельство бросается в глаза. Поэтому автор статьи «Московское издание Грамматики М. Смотрицкого» (в журнале «Русская речь») доктор филологических наук В.В. Анищенко из Гомельского университета назвал язык, на который Смотрицкий ПЕРЕВОДИЛ церковно-болгарский язык, «так называемым «русским»». Так называемый Мелетием Смотрицким? Или «так называемый» всеми в начале XVII столетия?

Отчетливо просматривается желание доктора наук не огорчать российских коллег: дескать, то, что беларуский народ называл в старину русским языком, это всего лишь «так называемый «русский язык»». А «не так называемый», «настоящий» — был только в Московии — болгарский по своей грамматике, финско-тюркский по своей лексике. Видимо, Смотрицкий заблуждался в терминах.

Ненаучно перевирать средневековых авторов. Смотрицкий ясно указал, что «русское» — это исконно народное, то, что и сегодня есть в украинском и отчасти в беларуском языках, тогда как московское основано на болгарском.

.0

Еще одно всеобщее заблуждение: в России все уверены, что пишут и читают на «кириллице», хотя в действительности используется введенный Петром I «гражданский алфавит». Он кириллицей не является, так как создан вовсе не Кириллом и не его сподвижником Мефодием.

Это имперский российский алфавит, который Россия и в царский, и в советский период старалась навязать всем покоренным ею народам, даже тюркам (например, в Азербайджане). Делает это она и сегодня: недавно Государственная Дума запретила Карелии и Татарстану вернуться к латинице, назвав проект «сепаратистскими происками», хотя именно латиница более удачно отражает фонетические особенности языков финнов и татар. Вообще все это выглядит полным абсурдом: выходит, что Кирилл и Мефодий создали письменность не для болгар и чехов, чтобы те могли читать византийские библии, а для тюрок, исповедующих ислам!

Второе заблуждение состоит в том, что кириллица считается «славянским алфавитом». На самом же деле она — слегка измененный греческий алфавит, а греки — не славяне. К тому же более половины славянских народов читают и пишут именно на латинице, не на кириллице.

Наконец, это алфавит церковнославянских книг, вовсе не московский. Ссылаться на религиозные православные традиции в данной связи нелепо, потому что в средние века католическая церковь по всей Европе использовала латынь вместо национальных языков.

Кстати, если вспоминать исторические традиции, то беларуский алфавит сегодня должен быть именно латинским, а не алфавитом Петра I, так как беларуский литературный язык в течение веков формировался на основе латиницы, и все основатели беларуской литературы писали латиницей.

В Украине литературный язык формировался на основе кириллицы, а вот в Беларуси — на основе латиницы. И в XIX веке и в начале XX столетия беларуская периодика выходила на латинице — «Bielarus», «Bielaruskaja krynica», «Nasza Niwa», другие газеты, альманахи, календари (при этом ряд изданий параллельно печатался кириллицей). Но в СССР беларускую латиницу строжайше запретили как «западничество» и как напоминание о 225 годах пребывания беларусов (литвинов) в составе Речи Посполитой, вместе с поляками, украинцами и словаками.

После распада СССР в 1991 году к латинскому алфавиту вернулись четыре республики — Молдова, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Пятой могла бы стать Беларусь, так как ее литературный язык формировался именно на латинице*.

Конечно, такой шаг вызвал бы шквал возмущения в Государственной Думе России: мол, беларусы возвращаются «к польскому алфавиту»! Но какое отношение к Беларуси имеет греческо-русский

^{*} Например, латиницу использовали Николай Гусовский («Песня о зубре») и автор «Хроники Быховца», Ян Чечот и Александр Рыпинский, Константин Калиновский, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, газета «Наша Нива» и многие ее авторы. — $Прим. \ Ped.$

алфавит? Никакого. А ведь поляки — братья-славяне и соседи навсегда, тогда как с неславянской Грецией Беларусь не граничит и ничего общего с греками беларусы не имеют. Выбор между греческим и латинским алфавитами лишен политического подтекста.

Зато такой подтекст всегда присутствует в демагогических заявлениях российских идеологов и парламентариев, склонных ужасаться «отходу от России» по любому поводу, ибо в их представлениях Москва — «третий Рим», своего рода мистический центр, вокруг которого «обязано» группироваться все «прогрессивное человечество».

Когда большевики захватили власть в Российской империи, комиссары от просвещения осуществили реформу «великорусского» языка. Во-первых, его переименовали в просто «русский», дабы удалить имперское» «велико», а заодно превратили великороссов в русских. Между тем, нет в русском языке такого обычая, чтобы название национальности было прилагательным (хотя чего требовать от авторов новшества Троцкого и Свердлова, евреев, слабо разбиравшихся в тонкостях русского языка). Во-вторых, Троцкий и Свердлов утвердили «новый гражданский алфавит»: отменили букву «ять» и ряд других букв, одобрили изменение грамматических правил.

А в-третьих, мало кто помнит о том, что Лейба Бронштейн (он же Лев Троцкий) настаивал на переводе русского языка на латинский алфавит— «в целях мировой революции». Эту идею не приняли потому, что ни Сумароков, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Толстой на латинице не писали. Напротив, беларуские хронисты, поэты и писатели вплоть до начала XX века создавали свои произведения на беларуской латинице...

Кирилл и Мефодий умерли, соответственно, в 869 и 885 годах, задолго до принятия Киевом христианства (988 год), Москва в их времена еще не существовала в природе, Новгород только-только появился в виде маленькой крепости. Они создали в Моравии квазигреческий алфавит для чехов, а не для языческой Киевской Руси.

Кирилл потому и не поехал в земли нынешних Украины и России «обращать славян в православие», что никаких славян там еще не было. Некому было давать «славянский алфавит на основе греческого». Киев тогда не был славянским, он «дружил» с Хазарией, в нем жили сарматы (предки украинцев) и иудеи, поскольку сарматские князья Киева были тогда породнены с тюркскими князьями Хазарии, исповедавшими иудаизм. Они тоже исповедали иудаизм, так что Киев был тогда «городом синагог» и языческих капищ*. Чего же было Кириллу ехать в Киев к язычникам и иудеям?

^{*} К сведению русских и украинских «ура-патриотов», возмущенных «очередной исторической выдумкой»: эта тема всесторонне исследована в израильском научно-популярном телесериале о Хазарии как «еще одной прародине израильтян». Имеются также солидные научные труды по данному вопросу. — Прим. Ред.

По моему мнению, российские историки и идеологи раздувают культ Кирилла и Мефодия для того, чтобы скрывать огромные противоречия в их представлениях о самих себе как о якобы «славянах» — и чтобы отвергать «нежелательные» факты, этому мифу противоречащие (то есть, всю историческую, этнографическую и лингвистическую фактуру).

Кстати, Кирилл и Мефодий вовсе не греки, и не родные братья. Оба они — богатые православные арабы из Дамаска (Сирия тогда была христианской), нанятые властями Византии для миссии в Моравии. Например, об этом пишет, цитируя документы, российский историк А.А. Бычков в книге «Киевская Русь: Страна, которой никогда не было?» Но самое забавное то, что чехи, ради создания алфавита которых приехал православный араб Кирилл, вообще о нем не помнят, зато его возвели в культ в России, где он никогда не был...

.0.

Итак, формирование русского и беларуского языков — автономные процессы, не связанные между собой. Беларуский язык вовсе не «отпочкование» от языка Московии, как это бездоказательно утверждают российские идеологи. Он сформировался задолго до появления Москвы, и никакого отношения к восточному соседу не имеет.

Исторически беларуский язык — это язык западных балтов (ятвягов, дайнова, лютвы, пруссов, мазуров). В Польше в период до союза с Мазовией (когда ляхи жили вокруг Кракова) язык был кристально чистым славянским. Союз с Мазовией создал новый этнос: ляхи смешались с мазурами, и появился польский народ с его пшекающим языком.

Точно так же в Литве был «дзэкающий», «гэкающий», «цэкающий», «акающий» западно-балтский язык ятвягов (позже литвинов), который сегодня некоторые историки именуют «древнебеларуским» (на нем написаны Статуты и Метрика ВКЛ), хотя он тогда именовался «литовским языком». Средневековые слависты Чехии, Польши и Германии относили литовский язык к семье славянских языков, а при издании Статута ВКЛ в переводе на польский язык в издательстве Мамоничев (1614, 1619, 1623 гг.) и королевским издателем П. Элертом (1648 год) указывалось, что это перевод с литовского языка, а не с языка «беларуского».

Великий польский поэт беларуского происхождения Адам Мицкевич два века назад сказал о беларуском языке:

«На беларускай мове, якую называюць русінскай альбо літоўскарусінскай, таксама размаўляе каля дзесяці мільёнаў чалавек; гэта самая багатая і самая чыстая гаворка, яна ўзьнікла даўно і выдатна распрацавана. У перыяд незалежнасці Літвы вялікія князі карысталіся ёю для сваёй дыпламатычнай перапіскі.

Мова велікарусаў, на якой гаворыць амаль гэтулькі ж чалавек (трэба выключыць адсюль фінска-маскоўскі дыялект, які моцна ад яе адрозніваецца), вылучаецца багаццем і чысцінёй, але ў ёй няма ні цудоўнай прастаты беларускай мовы, ні гарманічнасці і музычнасці маларускай»...

Прекрасно сказано, и ничего добавить к этим словам не могу, кроме как обратить внимание читателя: Мицкевич язык России назвал «финско-московским диалектом».

Ну и как на фоне всего сказанного выглядит миф о том, что у беларусов и русских «один и тот же язык»?

4. Разный уклад быта

В XV—XVII веках знатные и богатые беларусы имели обычай отправлять своих детей учиться в европейские университеты, брили бороды, носили европейскую одежду и обувь, использовали за едой вилки, а укладом повседневной жизни мало отличались от Запада.

Московиты в этом плане являли собой нечто ВОСТОЧНОЕ, порожденное традициями Орды. Поэтому не удивляет, например, такой эпизод (о нем рассказывает Александр Бушков в книге «Россия, которой не было»). Однажды, когда литовское посольство приехало в Москву, митрополит Московский подивился их одежде и попросил себе. Получив, он долго вертел ее так и сяк, а потом яростно дырявил ножницами как «бесовскую». Если московский церковный владыка злобно рвет одежду беларуса — одно только это красноречиво говорит о фундаментальных различиях в укладе жизни двух народов.

Но более убедительным мне кажется тот факт, что женщины Московии красили свои лица — ничего подобного в тогдашней Литве (Беларуси), Польше и вообще в Европе не было.

Джайлс Флетчер (ок. 1549—1611) побывал в Московии в качестве посла в 1588—89 гг. Он написал книгу «О государстве русском», изданную в Англии в 1591 г. Вот некоторые извлечения из нее (по русскому переводу 1905 г.).

«Глава 28. О домашней жизни и свойствах русского народа

...Они большей частью роста высокого и очень полны, почитая за красоту быть толстыми и дородными, и вместе с тем стараясь отпускать и растить длинную и окладистую бороду.

...Женщины, стараясь скрыть дурной цвет лица, румянятся так много, что каждый может заметить. Однако там никто не обращает на это внимания, потому что таков у них обычай, который не только вполне нравится мужьям, но даже сами они позволяют своим женам и дочерям покупать белила и румяна для крашения лица и радуются, что из страшных женщин они превращаются в красивых кукол...

Сверх рубахи (изукрашенной шитьем, потому что летом они дома носят ее одну) надевается зипун, или легкая шелковая одежда, длиною до колен, которая застегивается спереди, и потом кафтан, или узкое застегнутое платье с персидским кушаком, на котором вешают ножи и ложку...

Сапоги..., с заправленными в них онучками (вместо носков), делаются из персидской кожи, называемой сафьян, и вышиваются жемчугом...

...Благородные женщины (называемые женами боярскими) носят на голове тафтяную повязку (обыкновенно красную), а сверх нее шлык. ...Сверх этого шлыка надевают шапку (в виде головного убора, из золотой парчи), называемую шапкой земскою, с богатою меховою опушкою... Летом часто надевают покрывало из тонкого белого полотна или батиста, завязываемое у подбородка, с двумя длинными висящими кистями.

...Что касается до мужиков и жен их, то они одеваются очень бедно: мужчина ходит в однорядке или широком платье, которое спускается до самых пят и подпоясано кушаком, из грубого белого или синего сукна, с надетою под ним шубою или длинным меховым или овчинным камзолом, в меховой шапке и в сапогах. У мужиков победнее однорядки из коровьей шкуры. Так одеваются они зимою. Летом обыкновенно не носят они ничего, кроме рубахи на теле и сапог на ногах»*.

.0.

Ян Янсен Стрюйс — голландский мореплаватель и путешественник, побывавший в Московии в 1668—69 гг. Вот что он писал:

«Москвитянин надевает на себя два или три очень широких полукафтанья... Хотя все эти три части одежды очень широки, но московит, по небрежности или по привычке, не носит пояса, почему, может быть, он и зябнет скорее, чего не было бы в том случае, если бы одежда прилегала к телу... Головной убор их неодинаков: летом — серая шапка, а зимою сия последняя — с подбивкой более или менее богатой, смотря по знатности.

Женская одежда почти не отличается от мужской; она так же длинна и сшита из материи, соответствующей положению особ. Головной убор тоже такой; на волосы, развевающиеся, как у мужчин, надевается шапка.

От мужчин отличаешь девушек только по тому, что они без бороды, да кожа на лице у них не так груба. У девушек старше 10 лет волосы позади головы завязаны вокруг. У девочек ранее 10 лет волосы подстригаются, как у мальчиков, исключая локонов, которые оставляют у них с каждой стороны так ловко, что не знаешь, какого по-

^{*} Флетчер Дж. О государстве русском. /В книге «Россия XVI века. Воспоминания иностранцев». Смоленск, 2003, с. 146-150.

ла /подросток/, пока не взглянешь на уши, в которые у девочек, подобно серьгам, вдевают большие кольца.

...Обувь мужиков из лыка, из коры деревьев /т.е. лапти — B.Д./ Хотя женщины обыкновенно очень белы, и кожа на лице у них очень гладкая, все-таки они почти все румянятся или вернее натираются аляповато белилами...

...Со дня брака жены живут почти в заключении; они лишены всякой свободы. Обыкновенное их занятие — шитье, вышиванье и тому подобные работы в отдаленной комнате, из которой они лишь весьма редко выходят»*.

.0.

Адам Олеарий (ок. 1599—1671) — преподаватель Лейпцигского университета, математик, физик и историк, антиквар и библиотекарь на службе у герцога Гольштейнского. Дважды участвовал в гольштейнском посольстве в Московию: в 1633—34 и в 1635—39 гг. В 1647 году опубликовал свои записки о путешествиях в Московию, которые являются одним из самых обстоятельных и полных сочинений иностранцев о московитах.

«Мужчины..., большею частью, рослые, толстые и крепкие люди.... Они очень почитают длинные бороды и толстые животы, и те, у кого эти качества имеются, пользуются у них большим почетом...

Усы у них свисают низко надо ртом. Волосы на голове только их попы или священники носят длинные, свешивающиеся на плечи; у других они коротко острижены. Вельможи даже дают сбривать эти волосы, полагая в этом красоту...

Женщины среднего роста, в общем, красиво сложены, нежны лицом и телом, но в городах они все румянятся и белятся, притом так грубо и заметно, что кажется, будто кто-нибудь пригоршнею муки провел по лицу их и кистью выкрасил щеки в красную краску. Они чернят также, а иногда окрашивают в коричневый цвет брови и ресницы...

Женщины скручивают свои волосы под шапками, взрослые же девицы оставляют их сплетенными в косу на спине, привязывая при этом внизу косы красную шелковую кисть.

У детей моложе 10 лет — как девочек, так и мальчиков — они стригут головы и оставляют только с обеих сторон длинные свисающие локоны. Чтобы отличить девочек, они продевают им большие серебряные или медные серьги в уши...

На сорочку и штаны они надевают узкие одеяния вроде наших камзолов, только длинные, до колен и с длинными рукавами, которые перед кистью руки собираются в складки; сзади у шеи у них воротник в четверть локтя длиною и шириною; он снизу бархатный,

^{*} Путешествие по России голландца Стрюйса. «Тверская старина», 2004, № 25, с. 105—142.

а у знатнейших из золотой парчи: выступая над остальными одеждами, он подымается вверх на затылке. Это одеяние они называют «кафтаном».

Поверх кафтана некоторые носят еще другое одеяние, которое доходит до икр или спускается ниже их и называется «ферязью»... Над всем этим у них длинные одеяния, спускающиеся до ног; таковые они надевают, когда выходят на улицу...

На головы все они надевают шапки. У князей и бояр или государственных советников во время публичных заседаний надеты шапки из черного лисьего или собольего меха, длиною с локоть... У простых граждан летом шапки из белого войлока, а зимою из сукна, подбитые простым мехом.

...У женщин, в особенности у девушек, башмаки с очень высокими каблуками: у иных в четверть локтя длиною; эти каблуки сзади, по всему нижнему краю, подбиты тонкими гвоздиками. В таких башмаках они не могут много бегать, так как передняя часть башмака с пальцами ног едва доходит до земли.

Женские костюмы подобны мужским; лишь верхние одеяния шире, хотя из того же сукна. У богатых женщин костюмы спереди до низу окаймлены позументами и другими золотыми шнурами, у иных же украшены тесемками и кистями, а иногда большими серебряными и оловянными пуговицами. Рукава вверху не пришиты вполне, так что они могут просовывать руки и давать рукавам свисать. Однако они не носят кафтанов и — еще того менее — четырехугольных, поднимающихся на шее воротников. Рукава их сорочек в 6, 8, 10 локтей, — а если они из светлого каттуна, — то и более еще того длиною, но узки; надевая их, они их собирают в мелкие складки.

На головах у них широкие и просторные шапки из золотой парчи, атласа, дамаста, с золотыми тесьмами, иногда даже шитые золотом и жемчугом и опушенные бобровым мехом; они надевают эти шапки так, что волосы гладко свисают вниз на половину лба. У взрослых девиц на головах большие лисьи шапки.

Раньше немцы, голландцы, французы и другие иностранцы, желавшие ради службы у великого князя и торговли пребывать и жить у них, заказывали себе одежды и костюмы наподобие русских; им это приходилось делать даже поневоле, чтобы не встречать оскорблений словом и действием со стороны дерзких злоумышленников. Однако год тому назад нынешний патриарх переменил это обыкновение. Теперь, поэтому, все иностранцы, каких земель они не будь люди, должны ходить всегда одетые в костюмы своих собственных стран, чтобы была возможность отличить их»*.

Добавлю: требование одеваться по-своему касалось и литвинов, приезжавших в Московию.

^{*} Олеарий А. Описание путешествия в Московию /В книге «Россия XVII века. Воспоминания иностранцев». Смоленск, 2003, с. 257—487.

Все сказанное чрезвычайно экзотично для беларуского этноса. Такой восточной экзотики в Литве (Беларуси) никогда не было, ибо она никогда не была частью Орды.

Мода женщин Московии красить лица, выбривать голову детям, оставляя «только с обеих сторон длинные свисающие локоны», мода девушек на непомерно высокие каблуки — все это взято из Казанского и Астраханского ханств Орды. Оттуда московиты переняли все это, как и прочее ордынское, в том числе кафтаны, непомерные рукава, диковинные головные уборы. Называть ордынское «русским» — язык не поворачивается, но именно так делают все российские историки и этнографы, именуя сию экзотику «русской».

Литвины не носили лаптей, национальной обуви финских крестьян, предков русских. В музее «Берестье» (Брест) представлено более ста образцов обуви древних беларусов X—XI веков — вся она кожаная, включая обувь для младенцев, нет ни одного лаптя. Загнутые носы на сапогах московитов — тоже «диковинка» для беларусов, ибо по восточному обычаю носы сапог загибали, боясь случайно задеть носом землю — чтобы не беспокоить прах усопших родственников.

Даже простое сравнение средневековых изображений литвинов и московитов показывает, что представители этих народов (крестьяне, горожане, дворяне) имели совершенно разную одежду, обувь, головные уборы, прически.

Между прочим, очень многие названия традиционной одежды русских являются чисто тюркскими. Для ученых это общеизвестный факт, хотя широкие массы читателей вряд ли что-то знают на сей счет. Чтобы не быть голословным, приведу несколько таких названий: азям, армяк, башлык, башмак, доха, епанча, зипун, кафтан, кокошник, колпак, кушак, охабень, сапог, сарафан, сорочка, сукман, тулуп, ферязь, халат, чекмень, шуба, юбка. Более того, как верно отмечает А.А. Бушков, во всех без исключения случаях «заимствовалось» не просто название, но и сам вид одежды!

Так что не случайно российские авторы, основываясь на старинных представлениях и обычаях своей нации, видят истинную Русь (Киевскую) чем-то безгранично далеким от Московии. Однако при этом именно себя они называют «русскими», свою страну — «Русью», а истинную Русь (Киевскую землю) — окраиной (Украиной) и жителей ее «окраинцами» (украинцами). Ну, еще бы! Ведь Москва, по их представлениям, с XV века является «Третьим Римом», то есть, главным центром цивилизованного человечества.

.0

Итак, принципиальные различия в укладе жизни и традициях определяются разным этническим происхождением беларусов

и русских, а также формированием этноса русских в государственном и культурном пространстве Орды.

Известный собиратель русского фольклора И.П. Сахаров (1807—1863) писал в 1836 году в первом издании своей книги «Сказания русского народа»:

«Отчего мифы, поверья, семейные сказания славянской Литвы отличаются от мифов, поверьев, семейных сказаний Велокоруссии? Отчего малорус верит в поверье, едва известное великоруссу и о котором совершенно не знает литовцо-русс?»

Сахаров ожидал найти общность традиций, но не нашел ее. Он отметил:

«Новейшие мифографы включили Купало в число славянских божеств; но его не было ни в Киеве, ни в других славянских землях. Об нем не говорят ни Нестор, ни другие писатели; это слово известно в наших письменных памятниках только с XVII столетия».

Далее Сахаров указал, что это праздник литвинов («литовцо-руссов») и что правильно говорить не «Иван Купало», а «Ян Купало». Он пишет:

«Литовцо-руссы называют Ивановское празднество — праздником росы. С вечера, под Ивановскую /Яновскую/ ночь они собираются на избранном месте, на поляне ставят шалаши, разводят огни, поют песни, пляшут с факелами и перескакивают через огонь. Рано утром отправляются в лес — на росу. Утренние сборы называются у них «стадом», а пляска «коркодоном». Утром собирались травы для врачевания и чарования. Литовцо-руссы верят и в папоротников цвет... В Лужском уезде, по реке Луге, Ивановское празднество известно более под именем Соботок. Вероятно, что это название занесено из Литвы».

О дне поминовения усопших предков (Радунице) он сказал следующее:

«Литовцы выходят во вторник на могилы своих родителей, в 2 часа пополудни, обедать и поминать их за упокой. Сначала начинается катание на могилах красных яиц, потом обливание могил медом и вином. Яйца раздаются нищим. Могилы накрываются белым столечником, устанавливаются кушанья. По старым приметам кушанье должно состоять из нечетных блюд и сухих. Богатые снабжают бедных кушаньями для родительской трапезы. После сего приветствуют родителей: «Святые родзицели, ходзице к нам хлеба-соли кушаць!» — И садятся на могилах поминать их. По окончании поминок говорят: «Мои родзицели, выбачайце, не дзивицесь, чым хата багата, тым и рада». Остатки кушанья раздаются нищим, и день оканчивается при корчмах с песнями и плясками».

Кстати говоря, в первом издании своей книги Сахаров использовал по отношению к жителям Центральной и Западной Беларуси термины «литвины», «славянские литовцы Виленщины, Минщины, Брестщины и Гродненщины», «польские и литовские славяне». В издании 1849 года термин «литвины» он заменил на «литовцо-руссы», а в издании 1885 года почти везде вместо «литовцев» вставлены «белоруссы», лишь в некоторых местах остались «литовцо-руссы».

Например, в издании 1836 года сказано: «Купало и Купальские огни известны более в Великой России, Малоруссии и Литве». А в издании 1885 года написано так: «Купало и Купальские огни известны более в Великой России, Малороссии и Белоруссии».

В издании 1849 года читаем: «Литовцо-руссы говорят, что сборище ведьм бывает на горе Шатрии, где могила Альциса и где угощает их чародейка Яусперита». В издании 1885 года написано иначе: «Белоруссы говорят, что сборище ведьм бывает на горе Шатрии, где могила Альциса и где угощает их чародейка Яусперита». Звучит нелепо, ибо беларусы не употребляют чисто балтские слова «Альцис», «Шатрия» «Яусперита».

Интересен в связи с этим тот факт, что Радуницу и Яна Купалу жемойты и аукштайты не отмечали. Как не отмечали ее и славяне (кроме литвинов и мазуров, этого сплава западных балтов со славянами). Понемногу эти праздники вошли в быт живших рядом ляхов и украинцев (в Северной Украине), а с конца XVII века (после того, как войска царя Алексея Михайловича увели в рабство около 300 тысяч литвинов) они от пленных литвинов (вместе с акающим диалектом взамен местного финского окающего) распространились сначала в самой Москве, а через столетие — вокруг нее.

Уклад жизни литвинов (беларусов) формировался в балто-славянской среде, а московитов (русских) — в среде финской, с огромным влиянием Орды. Так, русская матрешка — это отражение древнего финно-угорского культа «золотой бабы» (идола Матери с помещенной внутри меньшей Матерью, внутри которой — еще одна). Русская балалайка — татарский музыкальный инструмент, русские гусли — мордовские кусли, русские лапти — финская национальная обувь, и так далее.

.0

В Московии женщины сидели в теремах (гаремах) и носили чадру. В Киеве и Литве женщины не закрывали своих лиц. Этот обычай московиты переняли у Орды. Гаремы и чадра существовали в Московии вплоть до преобразований Петра І. В изданной в 1896 году в Петербурге 9-томной энциклопедии под редакцией Г. Гельмольта «История человечества. Всемирная история» (перевод с немецкого) сообщается:

«Петр вмешался даже в семейную и общественную жизнь. Он не допускал женских теремов и не терпел прежнего обычая закрывания женских лиц. Он требовал, чтобы женщины не жили более взаперти на манер азиатов, но чтобы они свободно ходили по-европейски».

Отметим попутно, что сам Петр Алексеевич родился в Теремном дворце московского Кремля. Итак, что же такое гарем, или терем? Слово происходит от арабского харам — «запретное», и означает женское помещение в мусульманском доме. Там жили женщины из семьи правителя: его мать, сестры, жены, дочери. Вход туда посторонним запрещался. Гаремы имели не только правители, но и богатые люди. Они располагались на верхних этажах жилого дома или в отдельном строении.

Обитательницам гарема выход из них был сильно ограничен. Николай Варкоч, посол императора Священной Римской империи в 1593 году, писал в «Описании путешествия в Москву», что в Москве «женщины... сидят все дома и редко дают себя видеть». Также он пишет, что женщины в Московии молятся у стен церкви, а не внутри их, в чем тоже видна исламская традиция.

Сегодня в этнографических передачах на российских телеканалах можно услышать такие фразы: «В старину наших русских девушек запирали в тереме, а лестницу убирали». То есть, память о теремах (гаремах) в народе сохранилась, но существовали они только в Московии, тогда как в Литве и Украине их никогда не было. Не было их и в землях Смоленска, Курска и Брянска.

От слова гарем-терем происходит, как считают лингвисты, слово «тюрьма», которое заменило более древнее «темница». Например, И.Е. Забелин в своей «Истории города Москвы» (1902 год) писал, что Теремной дворец Кремля московские хронографы называли Тюремным дворцом. Последний царский Теремной, то есть Гаремный дворец, был построен в Московском Кремле в 1635—36 годах, уже при первых Романовых. Он стоит до сих пор. В нем жили женщины из царской семьи, он также использовался для развлечений царя в узком кругу приближенных лиц. Теремной дворец является точной копией гаремов Орды и Турции. Не только функционально, но и по оформлению. Стены этого терема покрыты растительным орнаментом восточного типа. Точно таким же орнаментом покрыты стены гаремов в мусульманских странах. Коран не позволяет оформлять стены таких помещений иначе.

Сигизмунд Герберштейн (1486—1566), посол императора Максимилиана I, дважды приезжал в Московию — в 1517 и 1526 гг. В 1549 году он издал в Вене книгу «Записки о Московитских делах», снабженную многочисленными иллюстрациями. Как сказано в «Совет-

ской исторической энциклопедии» (том 4, с. 256), «Записки» являются ценным источником при изучении русской истории».

Так вот, на рисунке первой встречи Герберштейна с великим князем Василием III московский правитель изображен в чалме, персидском халате и с ятаганом. На другой иллюстрации Василий III на охоте. Рядом с ним казанский хан Шиг-Алей. Василий снова в чалме. Вот ведь странно: Московия уже давно освободилась от «ненавистного ига», но Василий носит чалму, у него отдыхает его друг — владыка Казани, стопроцентный мусульманин.

На третьем рисунке — преподнесение послами даров Василию III, сидящему на троне в чалме и в персидском халате. На официальном приеме в Кремле голову московского правителя украшает чалма. В тексте тоже сказано, что Василий был в чалме и мусульманской одежде.

Беларусь одевалась тогда по европейской моде — достаточно взглянуть на портреты беларуских магнатов, шляхтичей, купцов. А Московия одевалась по-мусульмански.

Понятно теперь, почему автор книги «Хафт Иклим» (XVI век) возмущался тем, что московиты украсили себя одеждой ислама, но сохранили страсть к свиному мясу. Для автора это кошмар! Да, московиты ели свинину. Арабский автор потому и возмущался ими, что в остальном те жили подобно мусульманам. Носили похожую одежду, запирали женщин в гаремах, закрывали их лица чадрой.

Как сообщал Георг Шлезинг в своей книге «Религия Московитов» (1695 год), московиты считали себя христианами, но в качестве приветствия произносили слово «Салом»!

5. Разные церкви

Откуда взялся в России миф о том, что у беларусов и русских «всегда была единая религия»? Рассмотрим для начала одну из недавних публикаций на эту тему. Есть такой российский журнал «Русский Дом». Он поместил статью профессора Ивана Мартынова под названием «Русофобия по-белорусски». Ее автор пугает россиян с первого абзаца:

«Союз России и Белоруссии вызывает отчаянное сопротивление Запада, который в попытке воспрепятствовать созданию союзного государства делает ставку на националистические и правые силы. Националисты в Белоруссии не имеют поддержки народа, но им принадлежат большинство СМИ, созданные на иностранные подачки. К сожалению, и некоторые государственные издания также грешат русофобией. Это мы можем увидеть даже по публикациям самой массовой газеты «Советская Белоруссия», учредителями которой являются администрация президента Республики и коллектив

редакции. Подобные публикации рассчитаны на одурманивание неопытной молодежи, которая не искушена в различных фальсификациях исторических событий, принимает за истину ложь, когда она многократно повторяется».

Оказывается, гнев Мартынова вызвали слова журналиста Олега Белоусова, посмевшего написать в популярной беларуской газете:

«Со времен раздела Речи Посполитой на нашей родине насаждалось отношение к своей земле, к своей истории, к своей культуре как к чему-то второстепенному, ненастоящему».

Чтобы дать отпор вот такой «русофобии», Мартынов пишет:

«Обратимся к реальным фактам. Как же жилось белорусам до возвращения исконно русских земель, на которых проживали они, в лоно российского государства?»

Уже в этом абзаце он сам предается безудержной фальсификации. Во-первых, беларусы всегда жили на своей собственной земле (это земля балто-славянских племен ятвягов, кривичей, дреговичей, лютичей, радимичей), а не на «исконно русской» территории финских племен, из которых в XIII—XVIII веках создавалась «великорусская народность».

Во-вторых, в течение более чем пяти столетий (до 1795 года) в беларуских землях существовало собственное суверенное государство — Великое княжество Литовское, со своими собственными правителями, а не московскими или петербургскими.

В-третьих, беларусы никуда не возвращались. Они стали жертвами агрессии Российской империи. Россия не просто захватила их земли, но и систематически подавляла язык, культуру и церковь местного населения, а взамен насаждала свои.

Далее Мартынов просто лжет:

«Преследуемые католическим духовенством, иезуитами, фанатичной польской шляхтой, а впоследствии и самим правительством Польши, обездоленные и униженные православные белорусы и украинцы в течение почти двух веков, когда входили в состав Речи Посполитой, кровью и слезами платили за свою веру, свою национальность. Православных варили в котлах, жгли на медленном огне, терзали железными когтями, сажали на спицы, травили собаками. ...От полнейшего польского геноцида белорусов именно и спасло только вхождение в состав России».

Все это — злобные выдумки убежденного сторонника московского государства, призванные скрыть историческую правду: религиозные гонения со стороны России в отношении беларусов, насильно превращенных в подданных русских царей и насильно загнанных в православную церковь московского образца.

Измышления Мартынова и подобных ему других авторов о том, что польские католики разными жуткими способами физически уничтожали православных беларусов, не только не соответствуют историческим фактам, но и выходят за пределы здравого смысла. В беларуских землях ВКЛ практически все католики, православные и протестанты были беларусами. А по Мартынову получается, что одна часть беларусов только и делала, что две сотни лет подряд с наслаждением мучила и убивала другую часть, своих родных братьев и сестер?!

Однако людям, не знакомым с беларуской историей (особенно россиянам), при чтении таких «перлов», как статья Мартынова, трудно разобраться: где — правда, а где — ложь.

Истоки христианства у беларусов

Вацлав Ластовский, крупный беларуский историк (академик-секретарь Академии Наук БССР), еще в 1910 году издал «Краткую историю Беларуси». В ней он писал:

«Или христианство к нам пришло через Киев, когда принял его Владимир, или же намного раньше через Скандинавию, — это еще не разгадано, но то является точным, что в Полоцке и Турове епархии появились очень рано, а во время крещения Руси Киевской у нас знали христианские догматы, были уже монастыри».

Обратите внимание: Ластовский пишет, что христианство появилось в беларуских землях до крещения Киева. Но откуда?

К X веку среди ближних и дальних соседей древних предков беларусов христианство было известно только у славян, живших в бассейне реки Лабы (Эльбы), у западных балтов в Поморье (хотя большинство тех и других оставались язычниками) и в землях Новгорода. Но это был особый вариант — арианство. Его создал пресвитер Арий из египетской Александрии, живший в IV веке и умерший в 336 году. Ариане не признавали догмат Троицы — единой сущности Бога-отца, Бога-сына и Бога-духа, утвержденный на Вселенском Соборе в Никее. Арианское учение гласило, что Христос был человеком. Вселенские Соборы в Никее (325 год) и в Константинополе (381 год) осудили арианство как ересь. Однако, по свидетельству историков, «ряд варварских королевств принял христианство в его арианской разновидности»*.

Арианство пришло к полабским славянам (в том числе к ободритам) и западным балтам еще в IV веке и сохранялось среди них долгое время. Папы Римские Лев III (795—816), Григорий IV (827—844), Бенедикт III (855—858) и другие направляли специальные послания

^{* «}Философская энциклопедия», том 1. М., 1960, с. 90.

священникам русов Полабья, так как их арианские общины держались обособленно от остальных христиан Европы.

Многое говорит о том, что древние жители беларуской земли исповедовали именно арианство. Так, рассказывая о Реформации на территории Беларуси, Ластовский отметил:

«В это самое время мозырский земский судья Степан Лаван распространял вместе с Будным и Матавилой социанизм и арианизм... Каждая из этих новых религиозных сект — а их было несколько десятков — имела своих широких сторонников и верующих».

Почему же оно широко распространилось во время Реформации в Беларуси, в отличие от Польши и Чехии? Видимо потому, что народ воспринимал арианство как еще не совсем забытую древнюю веру. Однако надо согласиться с мнением Ластовского: древние истоки беларуского христианства остаются загадкой. Главная причина — уничтожение вандалом Иваном Грозным в 1563 году, во время оккупации московитами Полоцка, библиотеки при храме Святой Софии, где были собраны почти все древние беларуские летописи. В том числе сгорела «Летопись Кривичанско-Полоцкой земли».

.0.

Напомню читателям, что первоначально христианская церковь была единой. Но в 867 году, вследствие конфликта между константинопольским патриархом Фотием и римским папой Николаем I, между ними произошел разрыв. Позже (в X веке) удалось достичь формального единства, хотя в административном плане церковь уже фактически разделилась на две части.

Западная (Римская) повсеместно использовала латынь в качестве языка богослужения, священных книг и документации, а восточная (Византийская) — греческий язык. Кроме того, постепенно усиливались разногласия по вопросам догматики и культа. Однако обе они являются апостольскими, так как святой дух передается непосредственно от апостолов — прямых учеников и наследников Иисуса Христа.

Летом 1054 года случился новый разрыв, на этот раз между константинопольским патриархом Керуларием и легатом римской курии Гумбертом (в тот момент еще не был избран преемник умершего папы Льва IX). Чаще всего разделение церквей связывают именно с этой датой. Но окончательно раскол (по-гречески «схизма») произошел только в 1204 году, в связи с разграблением Константинополя участниками 4-го крестового похода, организованного римским папой Иннокентием III.

Постепенно за восточной церковью (Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский патриархаты,

Кипрская и Грузинская архиепископии) закрепилось название «православная». В отношении западной церкви (Римский патриархат и подчиненные ему парафии) утвердилось название «католическая».

Киевский князь Владимир Святославович (умер в 1015 г.) решил по политическим соображениям заменить языческое многобожие на монотеистическую религию. Он устроил своего рода конкурс. В Киев приехали представители Рима и Константинополя, а также мусульмане и иудеи. Более всего Владимир склонялся к исламу, но его остановил запрет на употребление алкоголя. Именно тогда князь произнес историческую фразу — «веселие Руси есть питие». В итоге его выбор пал на греков. В 988 году произошло крещение жителей Киевского княжества в христианство греческого образца.

С той поры и вплоть до падения Константинополя в 1453 году, Русская православная церковь (Киевская митрополия) являлась составной частью Константинопольского патриархата*. Возглавлявших ее митрополитов назначали греческие патриархи, как правило, — из числа греков или болгар.

Сразу же после крещения Киева христианская церковь широко развернула миссионерскую деятельность. При этом приехавшие в Киев из Византии священники и монахи пользовались греческим и болгарским языком. Они устремлялись из киевской земли на север и на восток: проповедывали язычникам учение Христа, строили повсюду скиты, церкви и монастыри. Так, первая епархия на территории Беларуси была создана в 992 году в Полоцке. Кстати говоря, с самого начала греческой церкви пришлось здесь конкурировать с римской. Всего один пример: туровский князь Святополк крестился в 1010 году по римскому обряду (т.е. с использованием латыни).

К началу татарского вторжения во Владимиро-Суздальские земли (1238 год) Киевской митрополии подчинялись 16 епископий: Владимиро-Волынская, Галическая, Новгородская, Переяславская, Пинская, Полоцкая, Псковская, Ростово-Суздальская, Смоленская, Тверская, Туровская, Черниговская и другие. Все они находились в независимых княжествах (Владимирском, Галицком, Киевском, Полоцком, Смоленском, Тверском и прочих), а также в Новгородской республике.

Особенности московской церкви

В своем большинстве русские люди не сомневаются в том, что «град Москва» был основан в 1147 году выходцем из киевской земли, князем Юрием Долгоруким. Однако это выдумка, сочиненная

^{*} Напомним еще раз, что историческая Русь — это Киевское княжество. Московия не имела никакого отношения к Руси, она присвоила себе чужое название. — *Прим. Ред.*

в конце XVIII века специальной комиссией, действовавшей по приказу и в соответствии с замыслом царицы Екатерины II*.

Новейшие исследования доказали, что Москва — небольшое поселение финского племени мокша, возникшее неизвестно когда. В 1277 году здесь появился со своей дружиной Даниил Александрович, 16-летний сын владимирского князя Александра («Невского»). Он получил ярлык от Менгу-Тимура, великого хана Золотой Орды, разрешавший ему создать собственное мелкое княжество — град с окрестными деревнями. Так родилась Московия. Вплоть до 1480 года, когда произошло пресловутое «стояние на Угре», она и формально, и фактически была одним из улусов Орды — ее полуавтономных административно-хозяйственных единиц.

Мало кто, кроме историков, знает о том, что среди татарских завоевателей преобладали не язычники и не мусульмане, а христиане несторианского толка. Несторианство было основано константинопольским епископом Несторием (умер в 451 году). Подобно арианству, оно расходилось с апостольской церковью в понимании природы Христа, которого считало человеком. Кроме того, несториане пропагандировали тесный союз церкви с верховной светской властью и максимально возможную централизацию империи. Подвергшиеся преследованиям в Византии, общины несториан эмигрировали в Иран, Среднюю Азию и Китай.

Татарские племена приняли несторианство в процессе завоевании Китая и Средней Азии. Великим ханам Золотой Орды понравилась идея о том, что их власть — от Бога, что сами они — наместники Бога на земле, и что все подданные должны беспрекословно повиноваться им «в большом и малом». В Орде несторианскую

^{*} Царица 4 декабря 1783 года своим указом велела создать «Комиссию для составления записок о древней истории, преимущественно России» под руководством графа А.П. Шувалова. В указе было сказано: «Назначить до 10 человек, которые совокупными трудами составили бы полезные записки о древней истории, преимущественно же касающихся России... по известному довольно своеобразному плану»... (см. В.О. Ключевский «Исторические портреты», с. 564—565).

[«]Своеобразный план» состоял в том, чтобы выработать историческую доктрину российской империи, отредактировав и издав летописи в виде так называемых «сводов», а сами первоисточники уничтожить. Во-первых, прошлое Московии выглядело непривлекательно. Этот ордынский улус во время ослабления и развала Золотой Орды приступил к систематическому захвату соседних земель по всему периметру своей территории. Изначально вся внешняя политика Московии заключалась в агрессии. Во-вторых, московские властители претендовали на руководящую роль в славянском мире, но их страна не была славянской: крестьяне говорили по-фински, ходили в финских лаптях, в саамских косоворотках и коми-пермяцких кокошниках. В-третьих, с греческим православием дела здесь обстояли неважно. Вместо него долгое время процветал гибрид несторианства и ислама. Вот эти три важнейшие особенности истории и следовало скрыть. — Прим. Ред.

церковь освободили от уплаты налогов, наделили привилегиями, ее владения объявили неприкосновенными.

Вот эту церковь татары и принесли с собой во Владимиро-Суздальские земли — «сердце» будущего Московского государства. Под влиянием захватчиков священники греко-болгарских церквей, монахи монастырей, существовавших здесь в то время, очень быстро превратились в несториан. Но при этом они продолжали именовать себя «православными», сохраняли связи с Киевской митрополией и с Константинопольским патриархатом!

На протяжении 240 лет (1238—1480) церковь Московского государства была единой с церковью Золотой Орды не только в идейном отношении, но и организационно. Так утверждает Мурад Аджи (Аджиев), известный исследователь ордынского периода истории Московии*. За всю историю Орды в ней никогда не было гражданских войн на почве религиозных конфликтов — только борьба за светскую власть. На это обстоятельство обращали внимание многие российские историки. Например, Лев Гумилев писал, что отсутствие таких конфликтов в Орде свидетельствует об унифицированном вероисповедании ее народов вплоть до начала XVI века.

В 1261 году в столице Орды — Сарае, была учреждена Сарайская митрополия, которой подчинились все православные епископии в захваченных татарами землях. Около 1322 года митрополит Петр перенес ее в Москву.

Московиты переняли от ордынских несториан традицию считать своего правителя Богом на Земле. Великие ханы требовали изображать их на церковных фресках наравне с Христом, затем и московские правители, следуя этой моде, давали такие же указания. В храмах Московии появились изображения «живых богов»: Ивана III, Василия III, Ивана IV, Бориса Годунова, нарисованные рядом с Христом. При Романовых старые росписи в храмах сбили, главным образом из-за стремления убрать с них Годунова, но сохранилась суть идеи: правитель — БОГ для своих подданных.

Московские князья и цари потому и стремились непременно обратить покоренные народы в свою веру, что тем самым они делали их рабами не только административно, но и духовно. Вот главная причина, по которой Иван IV и Алексей Михайлович уничтожали «иноверцев», в том числе православных священников Киевской митрополии (например, в Новгороде и Пскове) и униатов. Только свою собственную церковь, ордынскую по духу, московиты считали «истинной», хотя всё исконно византийское (греческое) исчезло в ней еще в XIII веке.

^{*} См. книгу Аджиева «Тюрки и мир: Сокровенная история» (2004 г.), и другие его работы.

Об отсутствии преемственности между Московией и Византией наглядно свидетельствует такой факт, как отсутствие в Москве своей Софии. София, согласно представлениям греческого варианта христианства, это главный храм страны, ее мистический центр. После крещения Киева патриарх Константинополя дал высочайшее разрешение на постройку Софий в столицах трех государств региона, принявших греческий вариант христианства: в XI веке с небольшим промежутком друг за другом были построены Софии в Киеве, Полоцке и Новгороде. Но в Московии, заявившей о себе как о великом княжестве через два столетия, греческие патриархи не благословили строительство Софии. Отчего же? Ответ прост: духовенство Византии до самой гибели восточно-римской империи не считало Московию православной страной.

Поэтому главным храмом Московии был сначала Успенский собор во Владимире, позже им стал Успенский собор Кремля, где великих князей крестили, венчали и хоронили. Отмечу, что этот собор в Кремле построил тот самый митрополит Петр, который перенес свою резиденцию из Сарая в Москву.

Ни католики, ни униаты, ни протестанты не наделяли своих правителей статусом Бога на Земле. Не было этого и в Византии, где государственная власть четко отделялась от власти религиозной, по принципу «Богу — богово, кесарю — кесарево». Потому Нестория и объявили еретиком. Зато такой порядок существовал во всех улусах Орды, в том числе в Московии. В более поздние времена московское духовенство признало догмат о Троице, отвергнув несторианский тезис «Христос был человеком», но сохранило обожествление власти монарха.

Так что ненависть церкви Московского государства к церкви ВКЛ возникла задолго до пресловутой церковной унии, заключенной в 1596 году. Церкви Литвы и Московии лишь формально считались одинаковыми. Киевская православная церковь следовала традициям Византии; якобы «греческая» церковь Москвы — традициям Орды.

Не случайно, а вполне обдуманно московский князь Иван IV приказал разрушить Софийский собор в Полоцке и уничтожить его библиотеку с бесценными древними рукописями и печатными книгами. Аналогично он поступил в 1570 году в Новгороде и Пскове, где тоже церковь была киевского (т.е. греческого), а не московского толка. Он приказал полностью вырезать новгородское духовенство, разорить церкви и монастыри в городе и окрестностях, епископа Пимена отвезти в Москву и повесить на Лобном месте. В Пскове московиты по его приказу казнили архимандрита Афанасия, несколько сотен других священников и монахов, до нитки ограбили церкви и монастыри. Вовсе это не самодурство полубезумного тира-

на-садиста, как обычно подают дело московские историки, но хорошо продуманная политическая акция.

Итак, принципиальное различие между церквями Киева и Москвы возникло очень давно. С середины XV века они стали несовместимыми одна с другой. Дело в том, что московский князь Василий II, затем его сын Иван III вели захватнические войны против ВКЛ: первый в 1445—1449, второй — в 1492—1494 и 1500—1503 годах. Естественно, что отношения руководства Киевской митрополии с иерархами митрополии Москвы обрели высокую степень напряженности.

А в 1448 году московская церковь объявила, что отныне будет сама избирать своих митрополитов, не спрашивая мнения Константинополя и не посвящая своих избранников в высший церковный сан в этом центре православия. Тогда Киевская церковь, убедившись, что Москва полностью отошла от апостольской традиции, порвала свои отношения со схизматиками («раскольниками»). В 1458 году она, с одобрения Константинопольского патриарха Григория, объявила о прекращении всяких связей с церковью Москвы.

Вот что пишет современный российский историк А.М. Буровский:

«Почти сто пятьдесят лет, с 1458 по 1596 год, существовала Киевская митрополия, подчинявшаяся непосредственно Константинополю. Существовал целый культурно-исторический пласт, больше десяти епископств, объединявших православных Западной Руси. Это были русские православные люди, но притом не желавшие иметь и не имевшие ничего общего с Москвой... Западному русскому православию не было свойственно ни обожествление монарха, ни обожествление своей страны и самих себя, ни слияние церкви и государства».

Кстати, несмотря на традиционное название «Киевская», ее центр в это время располагался в беларуском Новогородке (Новогрудке). Глава церкви (на тот момент болгарин, митрополит Исидор) носил титул «митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси». Напомню, что не только Киевщина, но и все другие земли Украины входили в состав ВКЛ, именно они назывались Русью.

Московская митрополия отреагировала на это событие болезненно, но вполне логично: она заявила о разрыве всех связей не только с Киевской церковью, но и с патриархией Константинополя.

Два слова о названиях. Церковь Московии тогда так и называлась, по имени княжества. Лишь много позже, в 1589 году, посланники Бориса Годунова, «управителя» при царе Федоре Ивановиче, выторговали в Константинополе для Московской церкви право именоваться «Русской православной». Так появилась РПЦ Москвы

(ее новое название официально утвердил в 1590 году Константино-польский собор).

Тогда же, в 1589 году, в Москве было учреждено патриаршество. Этим актом РПЦ юридически оформила свою более чем столетнюю фактическую независимость от патриарха Константинополя. Годунов сделал первым патриархом своего ставленника Иова.

Протестантизм в Беларуси

В России ничего не знают о том периоде истории Беларуси, когда она была наполовину протестантской страной. Реформация в беларуских землях ВКЛ оказалась намного более широкой, чем в Польше. В Польше господствовал католицизм, а здесь в те времена происходила своего рода «культурная революция».

Первую печатную книгу (Библию) Гуттенберг издал в 1455 году в Нюрнберге, а всего через 28 лет (в 1483 году) была напечатана первая беларуская книга «Тріод Цветная», в 1491 году — «Октоіх». Первое польское издательство появилось в Кракове в 1505 году, на 22 года позже того, как беларусы создали в Кракове свое первое издательство. Беларусы стали вторыми среди славян, издавших свою печатную «Библию» (первыми были чехи в 1488 году) — в 1517 году «Библию» издал в Праге Франтишек Скорина. Третьей печатной «Библией» стала украинская (1555 год).

По стечению ряда обстоятельств, которых мы не касаемся, Литва (Беларусь) стала благодатной почвой для Реформации. Та эпоха была самой яркой в нашей истории. Народ обрел такую свободу, которой у него потом никогда больше не было. Например, Магдебургское право (самоуправление) имело большинство беларуских городов. Крестьяне обладали личной свободой. Местная власть являлась выборной: избирали глав городов, судей, начальников муниципальной полиции.

Как только в Европе распространился кальвинизм, это учение быстро стало популярным в ВКЛ. Ластовский приводит такой факт: в Сенате остались только два католика: епископы Виленский и Жмудский. В Новогрудском воеводстве из более чем 600 православных семей (киевского толка) сохранили прежнюю веру лишь 16. Люди жаждали религиозной свободы, выражая тем самым свободу экономическую и политическую. Почти вся беларуская элита перешла в протестантство. Один только Николай Радзивилл «Черный» открыл за короткое время 163 кальвинистских собора: в Бресте, Вильно, Витебске, Гольшанах, Минске, Несвиже, Новогрудке, Орше, Ошмянах, Полоцке, Сморгони, Шклове и т.д.

Польский костёл, конечно, не мог спокойно смотреть на то, что происходит в Великом княжестве Литовском, фактически превра-

тившемся в протестантскую страну. Он поручил дело иезуитам. Как известно, Игнатий Лойола основал «Общество Иисуса» (Орден иезуитов) именно для борьбы с реформацией. В 1569 году иезуиты прибыли в Вильню и открыли свой первый коллегиум. Благодаря упорным, целенаправленным, хорошо продуманным действиям они постепенно обрели власть над умами беларусов, возвращая их от идей реформации к канонам традиционного христианства. Ластовский пишет:

«Самое большое внимание иезуиты обращали на молодежь, которую старались выучить в своих школах: так они получали себе сторонников в новых поколениях. В школы свои иезуиты больше всего привлекали детей людей богатых и с влиянием в государстве, чтобы потом иметь как сильнейших сторонников».

Иезуиты буквально за какой-то десяток лет обратили из протестантов в католиков несколько десятков тысяч человек — мещан, шляхтичей, знатных магнатов. Ластовский делает парадоксальный вывод: «выходит, что распространению католицизма в Беларуси против своей воли помогло движение Реформации». Бывшие протестанты в своем большинстве стали католиками. Но примерно половина населения осталась в православной Киевской церкви.

В контексте данной статьи вывод очевиден: где тут «единая церковь» с Москвой?

Брестская уния

Разделение церквей в Европе беспокоило многих духовных лиц. В 1274 году была предпринята первая серьезная попытка воссоединения — на Вселенском Соборе в Лионе. Однако по ряду причин она, несмотря на подписание участниками Собора письменного соглашения об унии, не дала практического результата.

B XV веке, когда над Византией нависла угроза со стороны турок, греческие патриархи снова выступили с инициативой заключения унии.

Церковная уния — это договор, согласно которому православная сторона признавала духовное и административное главенство папы Римского, сохранив за собой свои богословские и культовые традиции, а католическая сторона обещала оказывать помощь в борьбе как с внешними врагами православных государств, так и с ущемлением гражданских прав православных меньшинств в государствах католических.

Во Флоренции в 1439 году собрался Вселенский Собор, который 5 июля принял документ об унии. В нем было сказано:

«Мы определяем также, что Святая Апостольская кафедра и архиерей римский имеют первенство во всем свете, что он преемник

Святого Петра и подлинный наместник Иисуса Христа, глава всей Церкви, отец и наставник христиан и что Иисус Христос дал ему в лице Святого Петра полную власть пасти, учить и руководить Святой Церковью, как это установлено в актах Вселенских Соборов и в святых канонах».

Была установлена вполне определенная церковная иерархия: выше всех находится папа Римский, после него — патриарх Константинопольский, на третьем месте — патриарх Александрийский, на четвертом — Антиохийский, на пятом — Иерусалимский патриарх.

Поставил свою подпись под этим документом и московский митрополит Исидор, грек по происхождению. Однако после возвращения в Москву в 1441 году великий князь Василий II приказал заключить его в московский Чудов монастырь как «латинского злого прелестника».

Взамен Исидора, по прямому указанию Василия, собор епископов московской митрополии в 1448 году самостоятельно избрал Иону, епископа Рязанского и Муромского, митрополитом Московским и всея Руси (то есть, с претензией и на Киевскую митрополию). А через пять лет, когда Константинополь захватили туркисельджуки, Москва официально объявила себя «Третьим Римом».

Принципиальной особенностью этого «Третьего Рима» являлось то, что его процветание зависело не от внутреннего экономического развития, а от непрерывной военной экспансии. Как известно, вся история Московии, затем Российской империи, является историей систематического захвата и ограбления все новых и новых территорий.

.0.

Итак, в 1589 году московская митрополия сама себя объявила патриархией, причем не только в пределах Московского государства, но и по отношению к православной церкви Киева. Рассматривая этот вопрос, беларуский историк, профессор Л.М. Лыч пишет:

«Нескрываемые претензии Московской патриархии на право распоряжаться Православной церковью Беларуси следует рассматривать в качестве одной из главных причин того, что многие ее высшие духовные иерархи закономерно увидели в унии надежное средство освобождения себя и своего народа от столь нежелательной зависимости».

Были и другие факторы, способствовавшие заключению унии, которые я не рассматриваю. Но этот — главный.

Православные беларуские священники хорошо помнили, что вовсе не поляки разрушили Святую Софию в Полоцке — их главный храм, а московиты. Они понимали, что самый страшный враг Киев-

ской церкви находится на Востоке, он уже заявил во весь голос о том, что требует полного подчинения себе. Было только два варианта выхода из сложившейся ситуации: либо сдача на милость московскому духовенству, либо союз с католиками Польши, тем более что между Польским королевством и Великим княжеством Литовским в 1569 году был заключен военно-политический союз в форме конфедеративного государства Речь Посполитая*. Кстати говоря, даже российские историки, как дореволюционные, так и советские, не оспаривают тот факт, что руководство ВКЛ пошло на этот союз именно в результате агрессии Ивана IV.

Идею унии между польскими католиками и беларускими православными первым высказал польский иезуит Петр Скарга еще в 1577 году в книге «О единстве церкви Божией». Люди тогда думали и действовали, с нынешней точки зрения, очень медленно. Прошло 18 лет, и вот в 1595 году Ипат Потей (епископ Владимиро-Волынский) и Кирилл Терлецкий (епископ Луцкий) обратились к папе Римскому Клименту VIII с просьбой о согласии на унию. Король Речи Посполитой Сигизмунд III тоже поддержал их просьбу.

Введение унии устраняло принципиальные причины для конфронтации между православной и католической частями общества. Православные священники и верующие ВКЛ сохраняли свои традиции обрядности, богослужения, теологии, продолжали молиться на родном языке. При этом они признали папу Римского преемником Святого Петра и своим верховным духовным владыкой.

.0

В первой декаде октября 1596 года в Бресте собрались свыше 200 духовных персон. Присутствовали экзархи (посланники) Никифор из Константинополя и Кирилл из Александрии, а также крупные государственные деятели ВКЛ — канцлер Лев Сапега, подскарбий Дмитрий Халецкий, князь Николай Радзивилл, князь Константин Острожский.

После острых дебатов Собор 8 октября принял постановление «Об унии». От православных его подписали: митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси (М. Рагоза), епископы — Брестский и Владимирский (И. Патей), Львовский и Каменец-Подольский (Г. Балабан), Луцкий и Острожский (К. Терлецкий), Полоцкий и Витебский (Г. Хрептович), Пинский и Туровский (И. Гоголь), Холмский

^{*} Отмечу, что 10 раз начинались переговоры о государственной унии Литвы с Польшей: в 1401, 1413, 1438, 1451, 1499, 1501, 1563, 1564, 1566, 1567 годах. И всякий раз по инициативе правящей верхушки ВКЛ. Но только на одиннадцатый раз, в 1569 году, эти усилия увенчались созданием общего государства. Так о каком «порабощении» поляками может идти речь?! — Прим. Ред.

и Белзский (Д. Збируйский); архимандриты Браславский (Климент), Лавришский (Г. Бральницкий), Минский (Паисий).

От католиков подписи поставили архиепископ Ян Суликовский

и двое епископов.

Король Сигизмунд утвердил унию своим универсалом от 15 декабря того же года.

Современный беларуский историк Сергей Тарасов подчеркивает:

«Формальное признание Папы главой /Киевской православной церкви/ было скорее ехидным реверансом в сторону Московии и ее патриарха, чем фактическим подчинением /Папе/».

В целом, Брестская уния стала прогрессивным шагом, устранившим почти все религиозные противоречия между православием и католицизмом. Она создала основы для слияния беларуских католиков и православных в единую нацию.

Правда, нашлись в ВКЛ и противники унии. Наиболее влиятельные — архимандрит Киево-Печерского монастыря Никифор Тур, ректор Острожской православной академии Герасим Смотрицкий, монах Иван Вышенский — автор разнузданных памфлетов, направленных против унии.

За следующие сорок лет произошло немало конфликтов между сторонниками и противниками союза церквей. Самый известный случай такого рода — убийство православными фанатиками в 1623 году в Полоцке униатского архиепископа Иосафата Кунцевича.

Наконец, в 1632 году, под председательством только что взошедшего на престол Речи Посполитой короля Владислава IV, была образована особая комиссия, которая составила специальный документ — «Статьи для успокоения народа русской греческой религии в Царстве Польском и в Великом княжестве Литовском». Новый король разрешил православным свободно совершать богослужение, строить церкви, избираться в городские магистраты. Униатам разрешалось переходить в православие, православным — в унию. Особая комиссия объехала все города, местечки и села страны и, соответственно числу униатов и православных, распределила между ними церкви и монастыри.

После этого страсти улеглись. А в середине XVII века нашествие московитов убедило всех, что самые страшные враги православных беларусов — не униаты, а московиты. Начиная с 1657 года, число сторонников московской церкви стало быстро сокращаться.

Религиозная война 1654-67 гг.

В XVI и XVII веках Московия семь раз вела войны против Великого княжества Литовского: в 1500—1503, 1507—1508, 1512—1522, 1534—1537, 1563—1582, 1609—1618, 1654—1667 годах. По своей идео-

логии все они были религиозными: московская церковь стремилась подчинить церковь киевскую, а униатскую — вообще уничтожить.

Когда царь Алексей Михайлович летом 1654 года развязал очередную агрессию против ВКЛ, он своим указом откровенно разъяснил армии вторжения, какова главная цель войны: «унии не быть, латинству не быть, жидам не быть». Оно и понятно: ведь главным вдохновителем войны явился московский патриарх Никон — фанатик, прославившийся в Московии борьбой со староверами.

Царский указ ревностно осуществлялся: были сожжены сотни беларуских деревень, десятки городов и замков. До сих пор археологи находят среди обрушенных стен католических и униатских храмов груды обугленных человеческих костей (типичная картина — скелет матери, обнимающий скелет ребенка).

Например, царь сам написал гетману Богдану Хмельницкому о том, что при захвате Мстиславля было убито более десяти тысяч человек! В городе Друя погибло все его население, около двух тысяч жителей. В Чечерске московиты убили свыше половины населения. После сдачи Могилева на милость победителя «милостивые захватчики» вывели из города и зарезали как скот всех местных евреев, от младенцев до седых стариков — свыше двух тысяч человек. В Смоленске евреев не резали, их заперли в деревянных домах и сожгли живьем. После захвата Витебска московиты, обозленные 14-недельным сопротивлением, вырезали большинство его защитников и мирных жителей. Очевидец зверской расправы писал:

«Жен и детей малых, которые у материнской груди были, стариков и старух, что в богадельнях были, без всякого милосердия высекли и выбили».

Очевидец тех страшных событий, беларуский шляхтич Ян Красинский так описал действия московских войск:

«Сносили, как наводнение, всё перед собой, грабя, сжигая, уничтожая всё, что им попадалось, разграбляя крепости и города, не оставляя в Литве ни одного угла не обобранным. Никогда прежде не чинилось в этих краях большего тиранства... Люд посполитый /простых жителей/ вырезали сразу, а шляхту и магнатов уводили прочь и, подумав, либо вешали, либо сжигали живьем. Из каждого уголка, полного резней, кровь бежала потоками по улицам местечек и городов»...

А всего в этой войне от рук захватчиков, от принесенной ими эпидемии чумы, от голода и холода погибло почти половина населения страны — около 1 млн 200 тысяч (41,3%). Еще 300 тысяч человек (10,3%) московиты вывели в свои земли и превратили в рабов. В результате от довоенных 2,9 миллионов жителей остался примерно 1 млн 400 тысяч (48,4%).

Поэтому циничной ложью являются заявления российских историков, будто бы Московия, затевая войны со своим западным соседом, «тянула руку помощи братским и единоверным православным народам беларусов и украинцев, изнывавшим от ига католичества». Во многих документах той поры, а также в записках современников засвидетельствована особая ненависть московитов к униатам. Так, в ходе Виленских переговоров, состоявшихся на втором году войны (в 1655 году), московские послы настойчиво требовали: «уния должна быть уничтожена, ибо она Богу всемогущему грубна». В 1658 году царь приказал Михаилу Шаховскому, своему воеводе в захваченной Вильне:

«Из города Вильны и из иных городов и мест, которые к Вильне близко, униятов всех, кто где живет... высылать вон тотчас, и заказ учинить крепкий, чтобы впредь униятов нигде не приймовали и высылали их вон, чтобы от них в вере каких расколов не было».

Одной из самых больших потерь униатской церкви стало разрушение Жировичского униатского монастыря возле Слонима. При этом сгорело много уникальных рукописных и печатных книг, церковных реликвий. Всех монахов, не успевших бежать, московиты убили.

Наглядным примером «братской помощи» от якобы «единоверного русского народа» могут служить события в Бресте. В январе 1660 года войска князя И.А. Хованского взяли штурмом городской замок и заняли город. Захватчики сначала полностью ограбили его, а потом предали огню, чем обрекли большинство жителей на смерть от холода и голода.

Защитников замка (около двух тысяч человек) они «посекли» (зарубили), тела их бросили в ров без погребения. Это было сделано не просто так, а явилось «специальным мероприятием» оккупантов. В этнографии оно известно под названием «заложные покойники». Термин «заложные» означает «вредоносных» людей, умерших насильственной смертью, а также способ погребения. Их не закапывали в землю, а «закладывали» кольями, ветками, досками, оставляя на поверхности земли.

Российский историк Алексей Лобин в статье «Неизвестная война 1654—1667 гг.» (см. журнал «Скепсис») утверждает, будто бы московиты верили в то, «что таких усопших не сможет принять мать-земля». Однако смысл упомянутого зверства заключался не в том, чтобы «не приняла мать-земля», которая вовсе не «мать» по христианским взглядам (она «мать» для язычников). Его суть в ином. Тела христиан, похороненные без гробов (или без савана), не могут быть воскрешены после второго пришествия Христа. Вот в чем смысл оставления трупов на поверхности земли: лишить покойников возможности

воскреснуть. Церковный закон требует, чтобы всякий христианин был погребен в гробу или в саване, и имел крест над могилой как знак для Иисуса при Его возвращении — кто тут покоится.

Российский историк своей выдумкой о «матери-земле» пытается скрыть именно религиозный характер действий московитов: воеводам царя Алексея Михайловича мало было убить защитников Бреста, они хотели лишить их возможности воскрешения при Конце Света. Такое вот «двойное убийство» — и тела, и души.

Что бы ни врали всякие Мартыновы и Лобины, подобных злодеяний никогда не было в отношениях между униатами и католиками. Униатство и католицизм различались только в некоторых вопросах догматики и культа, без всякой политики, тогда как московская церковь была тесно связана с государством и с обожествленной ею персоной верховного деспота.

Впрочем, и православные жители ВКЛ достаточно быстро увидели, что их участь — не «освобождение от поляков», а превращение в московских рабов, в лучшем случае — систематическое ограбление. Чаша терпения переполнилась. Ранним утром 1 февраля 1661 года восстали жители Могилева, во главе со своим бургомистром Леонозичем. Они застали врасплох и разгромили гарнизон московских оккупантов, а пленных отправили в Варшаву.

Шел седьмой год войны. В городе давно не осталось ни одного католика, ни одного униата, ни одного еврея — только православные. Их «измена» так потрясла патриарха Никона, что он велел предать всех жителей города анафеме (церковному проклятию) во всех церквях Московского государства. Хорош «единоверец»: православных могилевчан отлучил от церкви «в полном составе», включая младенцев, притом «на века вечные их потомков»!

Карательные походы, предпринятые по приказу царя князьями Лобановым-Ростовским, Барятинским, Хованским и другими его сатрапами, ставили целью возвращение «под государеву руку» всех «изменивших» городов. Население, прекрасно уже понимавшее, что его ждет полное истребление, сопротивлялось с величайшим мужеством. Золотыми буквами записаны в беларускую историю оборона Старого Быхова, Ляхович, Слуцка...

После 13 лет борьбы, жертв и страданий наши предки изгнали московских захватчиков, отстояли независимость своего национального государства и своей церкви.

Уничтожение униатской церкви

Суверенное государство беларусов — Великое княжество Литовское — существовало еще 138 лет. С Российской империей оно формально не воевало. Зато империя вторгалась на его территорию,

то воюя со шведами, то воюя с пруссаками, то вмешиваясь во внутренние дела Речи Посполитой.

Вот достоверный факт. В 1705 году, во время Северной войны, российская армия стояла лагерем под Полоцком. Однажды пьяный царь Петр вместе с князем А.Д. Меншиковым и членами свиты забрел от нечего делать в храм Святой Софии, национальную святыню, восстановленную беларусами после разрушения ее Иваном IV.

Там он затеял спор с униатскими священниками о православии. Царю не понравилось, что они назвали московскую церковь схизматической, ведь ее святейший синод возглавлял сам монарх. Петр стал избивать духовных лиц тростью, Меншиков — кулаками. Затем царь вытащил саблю и зарубил викария Константина Зайковского. Свита убила еще трех беззащитных священников. Обагрив храм кровью порубленных жертв, пьяная компания Петра не угомонилась. Эти варвары утащили в свой лагерь архимандрита Якуба Кизиковского и всю ночь пытали старика, требуя сказать, где хранятся соборные сокровища. Ничего не добившись, утром они повесили его.

Это я к тому, что у беларусов и русских якобы «одна вера».

Согласно подсчетам профессора Л.М. Лыча, униаты составляли к 1795 году около 60% жителей ВКЛ (в основном, крестьяне), католики — до 24%, православные — около 6% (почти все они жили в восточной части ВКЛ), верующие других конфессий (иудеи, протестанты, мусульмане) — до 10%*.

Характеризуя историю Беларуси после 1795 года, Ластовский пишет, что поскольку свыше 80% беларусов были униатами, католиками или протестантами, а приверженцы московской веры составляли весьма скромное меньшинство, российские власти поставили задачу: полностью уничтожить беларуское (и украинское) униатство.

Для начала (в 1800 г.) они подчинили униатскую церковь специальной Римско-католической коллегии в Петербурге (с 1828 года — особой Униатской коллегии). А в 30-е годы царизм приступил к ликвидации унии. В 1835 году был создан специальный секретный Комитет по униатским делам. В него вошли три представителя от РПЦ, пять высших правительственных чиновников и только два униатских епископа. Уже по составу комитета можно судить о том, сколь большое значение придавал император Николай I плану ликвидации униатства.

^{*} По официальным данным, на 1 января 2004 года в Республике Беларусь имелись 2862 общины верующих, в том числе 1290 — православных, 556 — евангелистских, 432 — католических, 299 — баптистских, 63 — адвентистов, 43 — иудейских, 27 — мусульманских, 26 — иеговистов, 13 — униатских, и т.д. Поэтому заявления типа «Беларусь — страна православных», не соответствуют реальности. Православные составляют только 45% от общего числа церковных приходов. Верующие беларусы-христиане — это и протестанты, и католики, и униаты. — Прим. Ред.

Комитет выработал ряд рекомендаций правительству о различных мерах, направленных на полное уничтожение униатской церкви. Часть униатских священников власти запугали, часть — подкупили, многих просто обманули лицемерными заявлениями и лживыми обещаниями.

Вот в такой обстановке идеологического, морального и административного давления в Полоцке собрались 25 представителей высшего униатского духовенства Литвы. 12 февраля 1839 года они подписали «Соборный акт о воссоединении».

В том же году специальным указом было запрещено использовать беларуский язык при богослужении в церквах и костёлах во всех беларуских губерниях. Одновременно предписывалось уничтожить все церковные книги на беларуском языке, в том числе все издания Библии. Попутно царь вообще запретил книгоиздание на беларуском языке.

Затем последовало многое другое в обширной программе лишения беларуского народа его исконной веры. Например, изгоняли тех униатских священников, которые «упорствовали в своих заблуждениях». Да что там изгнание. Их сажали в монастырские тюрьмы лишь за то, что они не желали отпускать бороды, чтобы не превращаться в дикобразов московского образца. Верующие не хотели слушать проповеди на русском языке, которого они не понимали, заступались за своих униженных батюшек, изгоняли приезжих русских попов... Тогда появлялись верховые казаки и били людей плетьми, агитируя их таким способом за «правильное» православие.

.0.

В результате сегодня православная церковь в Беларуси не знает беларуского языка, несмотря на то, что он является государственным.

В августе 2005 года российская телепрограмма «Вести», комментируя столкновения в Киеве между униатами и схизматиками (сторонниками московской церкви), привела слова какой-то женщины из числа последних:

«Мы не должны допускать сюда униатов, потому что это приход латинской заразы, потеря всего национального».

Но разве это так? Потерей «национального» и в Украине, и в Беларуси стало в XIX веке именно насильственное утверждение церкви московского образца, вкупе с запретом национальных языков. Какой более тяжкий урон национальному делу можно вообразить?

Вот что писал об этом Константин Калиновский в 1862 году в своей нелегальной газете «Мужицкая правда»:

«От дедов и прадедов была у нас униатская вера, это значит, что мы, будучи греческой веры, признавали за наместников Божьих свя-

тых отцов, что в Риме. Царям московским и это завидно стало, для того, упразднив в Москве греческую веру, а сделав царскую, ту, что называется православием, и нас оторвали от истинного Бога и записали в схизму поганую. Таким способом, обобрав до гроша, запрягли нас, на руки способных, в паншину, а чтобы слезы мужицкие не упали перед троном истинного Бога, отобрали у нас и духовную нашу утеху — нашу веру униатскую!»...

Контрастом сегодня является тот факт, что католическая церковь в Беларуси ведет свои службы на беларуском языке, в Украине — на украинском. Возрождающаяся в последние годы униатская беларуская церковь тоже использует беларуский язык. Но так должно быть в храмах всех конфессий. Беларусы должны общаться с Богом на своем родном языке, который Он дал нам. Ибо по замыслу Его беларуский народ появился на Свет Божий.

6. Разные национальные кухни

Рассуждая о разном укладе жизни, уместно сравнить национальные кухни беларусов и русских. Такого сравнения никто никогда не проводил, хотя есть немало сравнительных исследований артефактов материальной культуры (типов жилищ, посуды, украшений, орнаментов, одежды, обуви, причесок, орудий и приемов труда), традиций (обрядов инициации, брака, похорон) и фольклора (танцев, песен, сказок). В этом ряду важное место занимает и национальная кухня.

Национальные кухни беларусов и русских — это кухни разных народов, формировавшиеся в разных исторических условиях, в разных культурных традициях. Беларуская кухня мало отличается от польской и весьма похожа на украинскую. Русская кухня произошла от кухни финских племен. Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее.

Беларуская кухня

Прежде всего, обратим внимание на разницу в названии древнейших блюд беларуской и русской кухни. Названия русских блюд в своем большинстве имеют финские корни (щи, уха, кулага и др.), беларуских — славяно-балтские, либо чисто балтские.

Кулинарные термины, формировавшиеся во всех странах Европы до XVI века, у беларусов многообразны, у русских — однообразны. Это объясняется тем, что русский народ и русский язык — самые молодые в Европе, они сформировались только к XVIII веку, отсюда и однообразие.

Известный специалист в области поварского дела В.В. Похлебкин в книге «О кулинарии от А до Я» (1988 год) обратил внимание на русское слово «вар»:

«ВАР. Кипящая вода, жар. На основе этого слова в русском языке появилось множество кулинарных понятий — варево, варка, варенье, варец, взвар, варея, отвар, навар, повар, выварка, варенуха, варенец, вареники, приварок... Ни в одном другом языке /включая беларуский и украинский/ один и тот же корень не дал подобного количества кулинарных терминов».

Дело в том, что переходившие на русский язык финские племена Московии искали новые названия кулинарным терминам взамен старых финских. Русификацию этих племен осуществляли киевские монахи путем распространения православия на основе болгарского (церковного) языка. Понятно, что такая «программа» не содержала кулинарных терминов. А так как финны Московии не имели контактов со славянами, жившими в тысячах верст от них, кулинарные названия для нового языка им пришлось изобретать самим. Вот и вышло, что они «крутятся» вокруг корня «вар», тогда как в беларуском языке имеют многообразные корни, уходящие глубоко в историю народа. Это закон лингвистики: чем древнее язык — тем больше разных корней слов у его кулинарных терминов.

Похлебкин отнес беларускую кухню к числу самых старых в Европе. Так, он пишет, что овес (крупу и муку) многие европейские народы употребляли в пищу на ранних стадиях своего исторического развития. Позже овсяную муку и крупу вытеснили пшеничная мука и разные крупы, обладающими лучшими вкусовыми и кулинарными качествами:

«Сохранение немногих овсяных блюд у некоторых народов Европы (в белорусской, польской и шотландской кухнях) является свидетельством их древней кулинарной культуры... Белорусские и польские крестьяне разводили горсть овсяной муки в простокваше и ели это «блюдо». Точно так же шотландцы взбивали 50—75 грамм овсяной муки с 300 г сливок, добавляя в эту смесь 2—3 ложки меда, и ели сырой. Несколько горстей овсяной муки, взбитые с водой и оставленные забродить на день, составляли шотландский броуз (болтушку), излюбленное национальное блюдо, приготавливаемое без нагрева».

Похлебкин считал, что беларусы и поляки довольно полно сохранили следы древнейшей индоевропейской кулинарии (в русской кухне он вообще не нашел индоевропейских следов, которых в ней и быть не могло, ибо это финская кухня). Следы древней индоевропейской кухни у беларусов и поляков объясняются тем, что эти два этноса растворили в своей среде западных балтов (в том числе пруссов) — носителей древнего индоевропейского языка и культуры.

Напомню, что лингвисты считают язык пруссов уникальным «индоевропейским реликтом»; таким же реликтом была у пруссов их кулинарная культура. И когда Похлебкин пишет о «беларуских и польских крестьянах», следует вспоминать именно славянизированных пруссов.

Кстати, в отношении беларусов существует распространенный миф: мол, основу их кухни составляет картофель («бульба»). Это заблуждение. Картофель появился в нашей кухне совсем недавно по историческим меркам. Картофельных блюд беларусы придумали действительно много, но объем потребления ими картофеля не выше, чем у соседей. Тогда откуда этот миф?

Он прямо связан с кличкой «бульбаши», появившейся в России в XVIII веке с подачи церкви. Когда Россия в конце XVIII века захватила ВКЛ, обнаружилось, что беларуские крестьяне в массовом порядке выращивают картофель (бульбу), официально запрещенный в России московскими церковными иерархам как «бесовское яблоко» и «яблоко латинян».

Почему московские попы «ополчились» на картошку — это другая тема, но факт в том, что они ее в России официально запрещали. В своих обращения к пастве попы утверждали, что католики хотят уморить православных, заставляя их выращивать «ядовитый плод». Конечно, дыма без огня не бывает: потребление клубней картофеля, позеленевших в результате неправильного хранения, ведет к отравлению. Так ведь и протухшую рыбу тоже есть нельзя!

Беларусы (литвины) придерживались не чуждого им московского варианта христианства, а православной веры Киева (тогда уже униатской), которая ничего против картофеля не имела. Так «вопрос картошки», запрещенной церковью в России, стал своего рода идеологическим жупелом.

Именно московская церковь внедрила термин «бульбаш» — как название еретика-униата, поедающего запрещенный «латинский плод». В сопредельных с Беларусью губерниях Российской империи православные «пропагандисты» врали людям, что униаты едят «латинский плод» и от него «мрут, как мухи». Мол, это им, бульбашам, наказание свыше за униатство. Так и распространилась среди россиян кличка «бульбаши». Она чисто религиозная, не имеет отношения к кулинарии, так как наш народ ел картошки не больше, чем поляки или немцы.

Конец этой вакханалии идиотизма положили статьи российских ученых, опубликованные в Петербурге. Они доказывали, что картофель вовсе не ядовит, а его внедрение в сельское хозяйство России даст огромные плюсы — на примере Германии и других стран, где картофель стал одной из главных культур сельского хозяйства. Эти доклады возымели действие. По просьбе Российской академии на-

.0

Древние беларуские блюда, составляющие основу народной кухни, уникальны, их нет в кухне русской. Возьмем, например, авсень. Другие названия — овсень, говсень, усень, баусень, таусень, митусень, мисень и бигусень (ныне бигос). Это чисто языческое блюдо, названное по одноименному языческому празднику — первой встрече весны, приуроченному к 1 марта, с которого исчислялся новый год. То есть, это «новогоднее» блюдо. Праздник и блюдо, как пишет Похлебкин, были распространены до середины XIX века только в Восточной Беларуси, а также в Смоленской, Курской и Брянской областях — то есть, в исторических границах расселения этноса славянизированных западных балтов — кривичей.

Праздничное блюдо авсень состоит из свиной головы, запеченной в тесте; гарнир — отварные морковь и капуста, свежий репчатый лук (головками), чеснок, печеные яблоки, с появлением картофеля — еще и отварная картошка. Похлебкин замечает, что в Западной Беларуси (то есть в Литве, включавшей Минск, Вильню, Гомель, Гродно, Брест и всё Полесье), «где авсень формально не праздновали, он фактически послужил основой для создания бигоса».

Кулеш — мучная каша с салом, блюдо, распространенное в Беларуси и Украине. В России неизвестно. Зразы — чисто беларуское блюдо, распространившееся в период ВКЛ в Жемойтии и Украине, а затем и в Польше. Сегодня оно входит в число популярных блюд международной ресторанной кухни.

Галки (беларуские) и галушки (украинские) не имеют аналогов в русской кухне. Это блюдо, приготавливаемое из теста, неизвестно в России.

Жур — еще одно беларуское блюдо, абсолютно неизвестное русским. Это суп из овсяной цежи, то есть из настоя дробленного овсяного зерна или муки. Выше я уже привел мнение Похлебкина о том, что использование польско-беларуской кухней овса является признаком древней кулинарной культуры индоевропейцев.

Зайчатину славяне не употребляли в пищу, считали запретным мясом. Средневековая кухня беларусов, поляков, украинцев, словаков не знает блюд из этого мяса, считает его близким собачьему и кошачьему. Зато в Московии зайчатина была любимым мясом местного финского населения. В то же время московиты не ели телятину, достаточно популярную среди зажиточной части беларусов.

Общность кухни Беларуси, Польши, Жемойтии и Западной Украины показывают многие кулинарные термины, существовавшие только здесь. Например, пелетруна — название эстрагона, известное только в этом регионе Европы.

Плескана — сугубо беларуское и украинское блюдо: куски гречишных лепешек, обсыпанные истолченными конопляными семенами и изжаренные в масле. Аналогов в России нет.

Пячисто — беларуское блюдо: крупный кусок мяса берут неразделанным, с подкожным жиром и запекают в закрытой посуде в печи, добавив небольшое количество воды и кореньев. Готовят до полного выкипания воды, признаком чего служит сильный запах печеного мяса. Похлебкин сам наблюдал этот процесс в деревнях Западной Беларуси, и отмечал что этому древнему беларускому блюду (ему около 10 веков) нет аналогов в кухне всех народов России.

Раугеня (солодуха) — беларуское название напитка из проросшей ржи, разведенной водой. Абсолютно неизвестно в России, а по Похлебкину являлось главным народным напитком в ВКЛ и «в древнеполоцком княжестве». Этот напиток вне Беларуси известен только в Псковской области и в Жемойтии как «рявгеня».

Сула — в Беларуси название березового сока, иногда слегка заброженного. Другое название — березовица. Как пишет Похлебкин, напиток до XIX века употреблялся только в Беларуси, а в России его аналогом был хлебный квас, технология приготовления которого совершенно иная.

Беларуско-польские фляки — блюдо из рубца, совершенно чуждое русским. Рубец — самый большой отдел желудка жвачных животных. Фляки — это второе отварное или полутушеное блюдо вместе с жидкостью консистенции супа. В течение полутысячи лет это блюдо было одним из главных в беларуской кухне. А в российских совхозах и колхозах его просто выбрасывали, лишь потому, что русские блюд из рубца не готовили.

Русская кухня

Древнейшее блюдо Московии — пальтен. До XIII века финские народы Московии употребляли кровь скота, смешанную с молоком, как ритуальное блюдо и как противоцинготное средство. Монахи, обращая финнов в православие, запрещали им употреблять в пищу сырую кровь. Тогда кровь стали варить или запекать, смешав с молоком и мукой, либо делая кровяную колбасу.

Главные отличия русской кухни от беларуской обусловлены жестким диктатом Московской церкви, которая стала всецело определять стол московитов. В Беларуси (ВКЛ) и на Украине греко-право-

славная церковь Киева оказывала на национальную кухню незначительное влияние. В Московии все обстояло иначе.

Помимо запрета мужчинам брить лица, женщинам ходить без чадры, запрета на спиртное и т.п. — РПЦ строго предписывала убивать скот только осенью. Это привело к тому, что мясной основой русской кухни стала солонина — что кардинально отличает ее от кухонь всех славян. Свежее парное мясо до XVIII века — крайне редкое явление на русском столе. Только в XVIII веке в домах дворян начало появляться свежее мясо круглый год, если «только» не считать 200 дней постов. Простой же народ и в XVIII веке даже в праздники питался солониной. В XIX веке употребление солонины несколько сократилось, но лишь в СССР она стала пищевым архаизмом. Последние крупные государственные заготовки солонины в РСФСР для нужд общественного питания, армии и торговли были прекращены в начале 1930-х годов.

По вкусу солонина сильно отличалась от свежего мяса. Ее использовали в таких блюдах, как мясные солянки, солонина разварная и подобных им. Вместе с исчезновением солонины в современной русской кухне исчез весь ассортимент блюд, связанных с ней, а именно эти блюда составляли основу русской кухни на протяжении многих веков.

На фоне скудости мясных блюд и частых постов большим облегчением стало появление главного русского горячего блюда — щей. В Московию капусту завезли из Орды. Похлебкин отметил:

«Бывшие язычники, обреченные более чем полгода страдать от постов, должны были мобилизовать всю свою фантазию, чтобы выдумать такое блюдо, которое бы поддерживало их силы и не противоречило бы той проповеди аскетизма, которую ревностно вело духовенство».

Фактически щи — тоже специфический результат влияния церкви, а не блюдо, рожденное свободным кулинарным творчеством народа.

Еще одно важное блюдо русских — пельмени (по-фински «пель» — ухо, «нянь» — тесто; тестяное ухо). Это древнейшее ритуальное блюдо финских народов, которое под разными именами известно у мещеры, марийцев, мокши, муромы, эрзя. Сохранилось, например, древнее дорусское название пельменей у марийцев и жителей Рязанской области (эрзя) и Московской (мокша) — «подкогыльо», пельмени из зайчатины или мяса барсука, любимое блюдо московитов. Напомню, что зайчатина и барсучье мясо — «табу» в кухне славян, в том числе беларуской.

Важнейшим продуктом русской кухни служила лебеда, из которой делали хлеб и каши, салаты и котлеты. Московиты выращива-

ли лебеду в не меньших объемах, чем капусту, вплоть до конца XIX века. В беларуской кухне лебеда вообще не используется.

Весьма распространенное в Московии блюдо — бодряшка, смесь гречневой муки и простокваши. Похлебкин замечает, что «к западу и северу от Москвы это блюдо вовсе не было известно».

Ватрушки — мучное изделие славянской кухни. В России сие название появилось только в середине XIX века — от западных соседей. Между тем, это название распространено исстари у всех славян — в украинском, польском, чешском, беларуском, сербском, хорватском языках. Название происходит от древнеславянского слова ВАТРА — очаг, огонь, имеющего одинаковый исходный смысл во всех славянских языках. А вот в русском языке его нет. Так ватрушки показывают юность русского языка, не имеющего древних славянских традиций.

Зато широко известны калачи Московии, не присущие славянской кухне — типично татарское блюдо. Известны две их разновидности: муромские и московские. Возникновение калача в Муроме объясняется контактами местных хлебопеков с татарскими, а закрепление производства калачей в этом городе — его торговым значением в Орде. Затем, при возвышении Москвы в Орде, калач, как один из символов экономического благополучия, переместился в Москву.

От татар были также заимствованы голубцы и кавардак (тюркское «кавурдак» — жареное мясо). Московиты так называли сборные блюда из многих компонентов; не удивительно, что в переносном смысле слово кавардак означает в русском языке беспорядок.

С XIV века в кухне московитов появляется пастила, которую приготовляли на основе пюре из печеных яблок, с добавлением сахара и яичного белка. Еще одно сладкое блюдо московитов — смоква, нечто среднее между мармеладом и пастилой. И пастила, и смоква неизвестны беларуской национальной кухне.

Итак, мы видим, что русская кухня совсем не похожа на беларускую.

7. Разные национальные характеры

Национальный характер всякого народа представляет собой целостную систему, с присущей ей иерархией качеств и черт, доминирующих в образе мыслей и стереотипах поведения данной нации. Национальный характер весьма устойчив, его качества и черты передаются из поколения в поколение с минимальной коррекцией. В связи с этим многие исследователи обращают внимание на существенную роль национального характера в исторических судьбах народов.

Проблема национального характера сложна, для ее адекватного постижения необходим комплексный подход, объединяющий усилия психологов и философов, историков и культурологов, этнографов и социологов. Дать глубокий анализ этой проблемы в небольшой статье — задача совершенно невыполнимая. Поэтому ограничусь тем, что приведу мнения некоторых исследователей проблемы, свидетельствующие о принципиальных различиях в характерах русского и беларуского этносов прошлых эпох.

О русском национальном характере

Популярный в дореволюционной России публицист и историк К.Д. Кавелин писал в книге «Наш умственный строй» (1882 год):

«Вы будете превозносить простоту, кротость, смирение, незлобливость, сердечную доброту русского народа; а другой, не с меньшим основанием, укажет на его наклонность к воровству, обману, плутовству, пьянству, на дикое и безобразное отношение к женщине; вам приведут множество примеров жестокости и бесчеловечия. Кто же прав: те ли, которые превозносят нравственные качества русского народа до небес, или те, которые смешивают его с грязью? Каждому не раз случалось останавливаться в раздумье перед этим вопросом».

.0

Знаменитый историк Василий Ключевский (1841—1911) дал два предельно кратких определения сущности русского национального характера.

Первое: «Лихой человек на коне посреди бескрайней степи»*. Второе: «Поскреби русского — и под ним окажется татарин».

Несомненно, он подразумевал азиатскую ментальность Орды, а не что-то конкретно этническое, ибо русские, конечно, не татары.

.0

Писатель Максим Горький в 1922 году опубликовал в Берлине статью «О русском крестьянстве». В СССР ее перепечатали только однажды — в 1990 году в журнале «Огонек», под весьма примечательным названием — «О жестокости русского народа». Вот несколько выдержек из нее.

«Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком. В несбыточной надежде достичь равенства всех при неограниченной свободе каждого, народ

^{* «}Толковый словарь русского языка» дает следующие определения термина «лихой»: а) приносящий беду, вредный, злой, тяжкий — «лихой человек»; б) удалой, молодецкий — «лихая молодецкая песня». — Πpum . Ped.

русский пытался организовать такое государство в форме казачества... Еще до сего дня в темной душе русского сектанта не умерло представление о каком-то сказочном «Опоньском царстве», оно существует где-то «на краю земли», и в нем люди живут безмятежно, не зная «антихристовой суеты»...

В русском крестьянине как бы еще не изжит инстинкт кочевника, он смотрит на труд пахаря как на проклятие Божье и болеет «охотой к перемене мест». У него почти отсутствует — во всяком случае, очень слабо развито — боевое желание укрепиться на избранной точке и влиять на окружающую среду в своих интересах»...

«Я думаю, что русскому народу исключительно — так же исключительно, как англичанину чувство юмора — свойственно чувство особенной жестокости, хладнокровной и как бы испытывающей пределы человеческого терпения к боли, как бы изучающей цепкость, стойкость жизни. В русской жестокости чувствуется дьявольская изощренность, в ней есть нечто тонкое, изысканное.

Это свойство едва ли можно объяснить словами «психоз», «садизм», словами, которые, в сущности, и вообще ничего не объясняют. Наследие алкоголизма? Не думаю, чтоб русский народ был отравлен ядом алкоголя более других народов Европы, хотя допустимо, что при плохом питании русского крестьянства яд алкоголя действует на психику сильнее в России, чем в других странах, где питание народа обильнее и разнообразнее. Можно допустить, что на развитие затейливой жестокости влияло чтение житий святых великомучеников, — любимое чтение грамотеев в глухих деревнях.

Если б факты жестокости являлись выражением извращенной психологии единиц — о них можно было не говорить, в этом случае они материал психиатра, а не бытописателя. Но я имею в виду только коллективные забавы муками человека...

Думаю, что нигде не бьют женщин так безжалостно и страшно, как в русской деревне, и, вероятно, ни в одной стране нет таких вот пословиц-советов: «Бей жену обухом, припади да понюхай — дышит? — морочит, еще хочет». «Жена дважды мила бывает: когда в дом ведут, да когда в могилу несут». «На бабу да на скотину суда нет». «Чем больше бабу бьешь, тем щи вкуснее». Сотни таких афоризмов, — в них заключена веками нажитая мудрость народа, — обращаются в деревне, эти советы слышат, на них воспитываются дети.

Детей бьют тоже очень усердно. Желая ознакомиться с характером преступности населения губерний Московского округа, я просмотрел «Отчеты Московской судебной палаты» за десять лет (1900—1910 гг.) и был подавлен количеством истязаний детей, а также и других форм преступлений против малолетних.

Вообще в России очень любят бить, все равно — кого. «Народная мудрость» считает битого человека весьма ценным: «За битого двух небитых дают, да и то не берут». Есть даже поговорки, которые счи-

тают драку необходимым условием полноты жизни. «Эх, жить весело, да — бить некого»...

Но где же... тот добродушный, вдумчивый русский крестьянин, неутомимый искатель правды и справедливости, о котором так убедительно и красиво рассказывала миру русская литература XIX века? В юности моей я усиленно искал такого человека по деревням России и — не нашел его. Я встретил там сурового реалиста и хитреца, который, когда это выгодно ему, прекрасно умеет показать себя простаком....

Он создал множество печальных песен, грубых и жестоких сказок, создал тысячи пословиц, в которых воплощен опыт его тяжелой жизни... Он говорит: «Не бойся чертей, бойся людей». «Бей своих — чужие бояться будут»... Чувствуя себя человеком, способным на всякий труд, он говорит: «Бей русского, — часы сделает». А бить надо потому, что «каждый день есть не лень, а работать неохота».

.0

Известный русский философ и культуролог Б.П. Вышеславцев в 1923 году сделал доклад «Русский национальный характер».

В нем он отметил, что иррациональность поступков и решений составляют важную черту этого характера. Дело в том, что характер народа, его основные качества и черты относятся к сфере бессознательного. Область бессознательного (неосознаваемой части психики) в душе русского человека занимает исключительное место. Как же проникнуть в бессознательное? Фрейд открыл, что оно раскрывается во снах. Следовательно, чтобы понять «душу народа», надо проникнуть в его сны. Сны народа — его эпос, сказки, поэзия...

Анализируя этот материал, Вышеславцев определил типичные черты, страхи и мечты русского народа. Он показал, чего русский народ боится: он боится бедности, еще больше — труда, но всего более боится «горя», которое как-то странно является к нему, как будто по его собственному приглашению, привязывается и не отстает:

«Замечательно тоже, что «горе» здесь сидит в самом человеке: это не внешняя судьба греков, покоящаяся на незнании, на заблуждении, это собственная воля, или скорее какое-то собственное безволие».

Есть еще один страх в сказках русского народа, более возвышенный, чем страх лишений, труда или «горя» — это страх разбитой мечты. Каковы же мечты русской души скрыты в произведениях его коллективного творчества? Вся гамма желаний развернута в русской сказке — от возвышенных до низменных. Так, известна мечта русского народа о «новом царстве», где распределение построено на принципе «каждому по его потребностям», где стоит «бык печеный», где молочные реки и кисельные берега. Но главное — там можно ничего не делать. Такова, например, сказка о лентяе Емеле,

который предстает не отрицательным, а положительным персонажем. Таковы же сказки «о хитрой науке», благодаря которой «можно не работать, сладко есть и чисто ходить». Оказывается, «хитрая наука» — это искусство воровства. Выходит, что счастье сопутствует лодырю и вору.

Вышеславцев справедливо отметил, что сказки беспощадны: они разоблачают всё, что живет в бессознательной душе народа, притом в душе собирательной. Сказка раскрывает то, что тщательно скрыто в жизни, в ее официальном благочестии, в официальной идеологии. Смешные сказочные сны русского народа оказались вещими и пророческими.

Например, «хитрая наука» о «легком хлебе» оказалась «научным социализмом» Маркса. Именно эта наука внушала народу, что воровство есть не воровство, а «экспроприация экспроприаторов». «Хитрая наука» объясняла, как попасть в то царство, где можно бесконечно пить и есть, ничего не делая, где можно лежать на печи, а все желания будут исполняться «по щучьему велению»...

.0.

Знаменитый религиозный философ русского зарубежья Н.О. Лосский в книге «Характер русского народа» (1957 г.) выделил ряд основных черт, присущих русскому национальному характеру.

Страстность. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направленных на любимую или ненавидимую ценность. Чем выше значение ценности, тем более сильные чувства и энергичную активность вызывает она у людей. Отсюда следует особая страстность русских людей, проявляемая ими в политической и религиозной жизни. Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость суть порождения этой страстности.

В качестве доказательств Лосский приводит факты самосожжения многих тысяч старообрядцев — потрясающее проявление религиозного чувства. Он также упоминает бунты русского крестьянства и казачества под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Лосский пишет, что русский максимализм и экстремизм в его крайней форме хорошо выражен в стихотворении А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку, Коль грозить, так не на шутку, Коль ругнуть, так сгоряча, Коль рубнуть, так уж с плеча! Коли спорить, так уж смело, Коль карать, так уж за дело, Коль просить, так всей душой, Коли пир, так пир горой! Анархизм. Лосский трактует это качество русских людей достаточно оригинально. Дескать, русские свободолюбивы, но им трудно столковаться друг с другом. Поэтому в общественной жизни свободолюбие русских выражается в склонности к анархии, в отталкивании от государства. В частности, бунт под предводительством Степана Разина был движением чисто анархическим, яростно отрицавшим всякую власть и любые начала государственности*.

По мнению Лосского, именно в склонности к анархизму следует искать объяснение того факта, что в России установилась абсолютная монархия, тесно граничащая с деспотизмом. Трудно управлять демократическими методами народом, у которого преобладают анархические наклонности, такому народу нужны жестокие правители-деспоты.

Жестокость. Лосский согласен с теми, кто говорит, что повседневной жизни русского народа присуще очень много жестокости. Это жестокость мужчин — к женщинам, сильных — к слабым, большинства — к меньшинству, начальников — к подчиненным, и т.д. Рассматривая при этом крестьян как главных носителей национального характера, он объясняет их жестокость нищетой, множеством обид и притеснений, переживаемых ими и ведущих к крайнему озлоблению. Ну и, разумеется, невежеством, суевериями, предрассудками.

«Доброта». Доброта русского народа, во всех его слоях, по Лосскому, выражается в отсутствии злопамятности. Это особая доброта. Русские люди легко забывают то зло, которое причиняют другим, а потому охотно «прощают» им вспышки обиды, гнева, даже ненависти. Их доброта по отношению к завоеванным и порабощенным нациям сродни «доброте» барина, приказавшего выпороть мужика на конюшне, а затем искренне его простившего и не понимающего, чего мужик продолжает дуться...

«Обломовщина». Лосский указывает, что с горячей страстностью в русском народе прекрасно уживается пресловутая «обломовщина», та лень и пассивность, которые превосходно изобразил И.А. Гончаров в романе «Обломов». Он так объясняет природу «обломовщины»:

^{*} Достаточно почитать свидетельства о Разине, оставленные иностранцами (книги Я. Стрюйса «Три путешествия», Э. Кемпфера «Записки о персидском походе С. Разина» и др.). Этот бандит совершил налет на мирный иранский город (точнее, азербайджанский), ограбил и зарезал массу людей, город сжег, увез с собой девушку, родителей и братьев которой убил на глазах у нее (обо всем этом пишут свидетели), девушку изнасиловал, а затем утопил. И этот мерзавец — национальный герой русского народа, если вспомнить песню «Из-за острова на стрежень...», или фильм «Я пришел дать вам волю», лживый от начала до конца. — Прим. Ред.

«Русскому человеку свойственно... охлаждение к начатому делу и отвращение к продолжению его; замысел и общий набросок его часто бывает очень ценен, но неполнота его и потому неизбежные несовершенства отталкивают русского человека, и он ленится продолжать отделку мелочей».

.0.

Всемирно известный философ Н.А. Бердяев рассмотрел проблему русского национального характера в своих работах «Судьба России: Опыт по психологии войны и национальности» (1918), «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), «Русская идея» (1946) и некоторых других. Он видел существенную особенность русского национального характера в его противоречивости. Например:

«Противоречивость и сложность русской души, может быть, связана с тем, что... всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное... Структура русской души заключает в себе полярные полюсы и она с трудом может удержаться в середине. Русским с трудом дается иерархизация ценностей и установка ступеней, что так гениально делает Запад».

«Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды... Она вечно печалуется о горе и страдании народа»... /Однако/ «Россию почти невозможно сдвинуть с места, так она отяжелела, так инертна, так ленива, так покорно мирится со своей жизнью».

Географически Россия представляет собой гигантскую территорию. Необъятная земля — это «национальная плоть», которую предстоит возделать и одухотворить. Но русский человек пассивно относится к стихии земли, не стремится облагородить, «оформить» ее:

«Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны. Ширь русской земли, и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры.... Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самодеятельности...

Россия... страна невиданных эксцессов, национализма, угнетения подвластных национальностей, русификации... Обратной стороной русского смирения является необычайное русское самомнение».

Важное значение в развитии национального характера Бердяев придавал коллективно-родовому началу. Главная особенность его в том, что это «безответственный» коллективизм, диктующий человеку необходимость «быть как все». Отсюда недостаток личного до-

стоинства и нетерпимость к тем, кто не такой, как остальные, кто благодаря своему труду и способностям имеет право на большее.

Особенности и противоречия русского национального характера, в конечном счете, Бердяев сводил к отсутствию равновесия «мужественного» и «женственного» элементов в нем. Именно равновесие «мужественности» и «женственности» присуще зрелому характеру.

О беларуском национальном характере

Определение Ключевским сути русского человека («лихой человек на коне посреди бескрайней степи») отражает две вещи: бескрайность просторов Московского государства (Российской империи) и бесправность человека, ибо бескрайними просторами могут управлять только деспоты. Отсюда лихость как ответ на нее. А беларусы? Вот характерный пример:

«Старый гусар генерал И.Э. Левенштерн, вспоминая о своей службе с 1816 года офицером Белорусского гусарского полка, с грустью сравнивал этот полк с родными ему сумцами:

«Я был удивлен, что полк собрался в маленьком местечке, не производя шума по целым ночам на улице, в гостиницах... для меня это было неслыханной вещью. На другой день я увидел, как маневрировали эскадроны, и вспоминал о хмуром воинственном лице старого сумца, у которого длинные усы сурово закрывали щеку и который, не имея еще времени проспаться от вчерашнего хмеля, на плаце напивался вновь.

Наши белорусские офицеры все были трезвы, и каждый заботился о службе, но почти большинство ездило плохо, команда у них была не энергична, и взводные командиры не знали службы, в то время как дикие сумцы безошибочно карьером исполняли деплояду... Вы, старые пьяные сумцы, хотя вы и дики и грубы были, но вы были все-таки самые великолепные гусары и на войне, и во времена мира»*.

Интересная оценка: немецкий рубака на русский службе отметил, что «наши белорусские офицеры все были трезвы, и каждый заботился о службе». Поэтому служить в гусарском полку, состоявшему из беларуской шляхты, русским «сорви-головам» было скучно — люди не те. НЕ ЛИХИЕ.

Никогда беларус не был «лихим», но всегда ощущал свою ответственность за дело, которым занимался — будь то семья, работа или военная служба. Ибо лихость предусматривает именно отсутствие ответственности, она присуща менталитету анархического типа, склонному ставить себя вне норм государства и общества. В основе

^{*} Голодолинский П. История 3-го драгунского Сумского его королевского высочества наследного принца Датского полка. Часть 2. М., 1902.

его — всеобщее рабство (крестьян по отношению к помещикам, дворян по отношению к царю и т.д.), всплесками несогласия с которыми и является эта «лихость». То есть, бунтарство.

.0

Часто употребляются как синонимы термины «национальный характер» и «ментальность». Однако различие между ними все же существует. Оно заключается в том, что ментальность представляет

собой способ мышления (мировоззрение) определенной этнической общности, а национальный характер проявляется в таких психологических феноменах, как темперамент, эмоции, чувства, способы деятельности и поведения.

Иначе говоря, ментальность охватывает преимущественно сферу рационального мышления, установок и взглядов человека, тогда как национальный характер — область преимущественно бессознательных эмоционально-чувственных реакций, влечений и потребностей. В структуре национального характера различают четыре группы составных элементов:

Беларусы крестьянская нация

- а) национальный темперамент крестьянская нация («возбудимый» или «спокойный»; например, южане обычно более возбудимые, чем северяне);
- б) национальные эмоции (типа «восторженности» или «скептицизма»);
- в) национальные чувства (например, «гордость» или «скромность»);
- г) национальные предрассудки (например, русским присуще ощущение превосходства над другими нациями в Российской империи и СССР пресловутый «комплекс старшего брата»).

Так, специальные этнопсихологические исследования показали, что 75% населения США составляют экстраверты (люди, ориентированные на внешнее окружение); в Англии экстраверты и интраверты представлены в равной пропорции, в ряде стран преобладают интроверты (люди, для которых главное значение имеют личные проблемы и потребности).

В Беларуси подобные исследования не проводились, но ряд косвенных данных позволяет отнести большинство населения Белару-

си к числу интровертов, либо к числу амбивалентов — людей, совмещающих черты экстравертов и интровертов.

Беларуский этнограф и географ Аркадий Смолич утверждал в свое время, что характер беларусов лишен легкомыслия и хвастовства поляков, мстительности и упрямства украинцев, грубости и простоты московитов.

Что касается темперамента, то «типичный» беларус — это меланхолик, либо флегматик. Именно для меланхоликов характерно своеобразная власть прошлого над собственным «я», постоянное «оглядывание» назад, стремление все время осмысливать свои прошлые действия и поступки. Не случайно в начале XX века некоторые исследователи считали типичной чертой души беларуского крестьянина «добродушную меланхолию», обусловленную, по их мнению, «грустным» колоритом всей природы Беларуси.

Вот несколько фрагментов из глав «Ментальность беларусов» и «Национальный характер беларусов» учебного пособия «Беларусоведение» (1997 год), которые написал кандидат исторических наук Эдуард Дубенецкий.

«Традиционно считается, что ментальность отражается преимущественно в специфических представлениях людей о пространстве и времени, природной и социальной среде, в оценках самих себя (самосознании) и представителей других групп населения, в отношении к труду, религии, праву и т.д... В наибольшей степени национальная ментальность проявляется в языке и народном творчестве».

«Нашим предкам была присуща достаточно сильная привязанность к своей земле, родным местам, к локальному месту проживания. О своеобразном «снижении» понятия Родины до уровня архетипов «родного края», «угла», «хатки» свидетельствует множество фольклорных произведений, пословиц и поговорок... В беларуском менталитете нет склонности к бескрайним просторам, ничем не ограниченному раздолью, присущей русским и украинцам».

«Таинственный шум необъятных лесов и боров, загадочно жуткие болота, большие и малые озера, реки... сформировали у беларусов чрезвычайно богатую и удивительную фантазию, развитую впечатлительность, некоторую мистичность мировосприятия и склонность к обобщению непостижимых сил природы. Пожалуй, по глубине пантеизма беларусы весьма близки некоторым народам Востока».

«На основе анализа различных фольклорных источников можно сделать вывод и о достаточно заметной «повернутости» ментальности беларусов к прошлому, к прежним нормам жизни и традициям. Беларус все время словно оглядывается назад, из-за чего современность и будущее представляются ему как бы размытыми, недостаточно ясными и второстепенными... Свидетельством своеобразного консерватизма беларусов является типичная присказка беларуских преданий «так жили прадеды и деды». В отличие от беларусов, аме-

риканцам /и русским — $B.\mathcal{A}$./ более присуща ориентация на современность и будущее».

«Поскольку жизнь беларусов всегда сильно зависела от природных явлений, от времен года или природно-сезонных циклов, им был свойствен так называемый «календарный модус» мышления... Существовало детальное распределение дней на благоприятные и неблагоприятные, тяжелые для работы, на постные и скоромные, счастливые и несчастливые, женские и мужские, наконец, на будние и праздничные дни. Так, во многих местах Беларуси благоприятными днями традиционно считались вторник и четверг, а неблагоприятными — понедельник и пятница... Мужскими днями обычно считали понедельник, вторник и четверг, а женскими — среду, пятницу, субботу и воскресенье...

Религиозность беларусов никогда не достигала степени фанатизма, не носила характера слепой всепоглощающей веры в Божью справедливость и всемогущество».

«В прошлом у беларусов сформировался уникальный менталитет, который в некоторых чертах сохранялся почти неизменным весь период исторического развития беларуского народа. Лишь в последние два — три столетия ментальность беларусов подверглась некоторым заметным изменениям... В XVII—XIX веках она была в определенной степени деформирована под влиянием неуклонного усиления процесса ассимиляции, денационализации (сначала в виде полонизации, а затем русификации). Правда, в те времена фактически только привилегированные слои общества воспринимали польский или русский способ мышления. Самое многочисленное социальное сообщество — беларуское крестьянство — все же смогло тогда сохранить свою традиционную национальную ментальность».

В психологии существует такое понятие, как акцентуация характера, означающее доминирование в его структуре каких-то отдельных черт. Психологи выделяют не менее 12 типов акцентуаций. Вот что пишет в этой связи Э. Дубенецкий:

«У беларусов сложились преимущественно дистимный и конформный типы характера, которые определяются недостаточной инициативностью, пассивностью, склонностью к депрессии, консерватизмом, чрезмерной зависимостью от воли и мыслей «вышестоящих», официальных авторитетов, определенным «комплексом неполноценности...

Поскольку любой национальный характер представляет собой совокупность различных (нередко прямо противоположных) психологических качеств, то с некоторой долей условности можно все черты беларусов разделить на две основные группы — «положительные» и «отрицательные»...

К первой группе относятся их толерантность (терпимость), сговорчивость, добродушие, благожелательность, гостеприимство, вы-

носливость, терпеливость, трудолюбие. Ко второй — консервативность, недоверчивость, конформизм.

Исследователи подчеркивают, что беларусы в своем большинстве скрытные, замкнутые, осторожные во взаимоотношениях с незнакомыми людьми — «чужаками». Причины подобной недоверчивости лежат в специфике исторического пути беларусов, переживших множество вторжений и войн со всех сторон.

.0

Историк В. Ластовский считал, что беларуский крестьянин был намного меньшим «коллективистом», чем русский крестьянин-общинник. Во-первых, с середины XVI века в результате аграрной реформы общинное землепользование повсеместно сменилось в ВКЛ подворным. Во-вторых, в силу природно-географических факторов беларуские крестьяне и мелкие шляхтичи жили, как правило, в достаточно удаленных друг от друга маленьких деревнях, хуторах, небольших имениях («застенках»).

Вот почему насильственная коллективизация советского периода, вдобавок проводившаяся варварскими методами, была в психологическом плане абсолютно чуждым явлением для беларуских крестьян — «индивидуалистов» и интровертов. Совсем иное дело — Россия, где почти до самой революции сохранялась крестьянская община, а народ жил в густонаселенных деревнях. Впрочем, я не буду копаться в исторических подробностях. Скажу кратко. Крестьяне в Литве (Беларуси) были вассалами своих феодальных господ (панов), но не рабами. Панам принадлежала земля, а не люди, жившие на этой земле. Крестьяне обладали личной свободой. Отношения между ними и панами регулировали законы, основанные на Статуте ВКЛ.

Согласно Магдебургскому праву, в беларуских городах существовало не только самоуправление, но и разделение трех ветвей власти: исполнительной, законодательной и судебной. А сами эти власти горожане избирали.

После объединения Литвы и Польши в конфедерацию Речь Посполитая здесь утвердилась система «шляхетской демократии». Законодательную власть в поветах (районах) и воеводствах (областях) отправляли представительные органы — сеймики. Высшими органами власти были сейм ВКЛ и сейм Речи Посполитой.

Все действовавшее законодательство основывалось на конституционном акте, каковым являлся Статут Великого княжества Литовского, Жемойтского и Русского. Его разработал и издал в 1588 году выдающийся государственный деятель Лев Сапега. Этот статут действовал в беларуских землях до 1840 года — 252 года! Но и это еще не все: он имел предшественников, статуты 1529 и 1566 годов.

Общеизвестно, что русский этнос жил совершенно иной жизнью — без малейших признаков народовластия. Еще самые первые князья Владимиро-Суздальской земли, выходцы из Киевского княжества, закрепостили финских крестьян будущей Московии, чего эти колонисты не смели делать со своими крестьянами, этнически им родными. Рабами, то есть крепостными, стали в Московии финские племена, угнетенные пришлыми князьями, дружинами (боярами) и попами, то есть, представителями иного этноса. Только благодаря этническому различию между аристократией и чернью возникло в Московии крепостничество — по сути, туземное рабство.

.0.

Новейший «Этнопсихологический словарь», изданный в Москве, о беларусах говорит так:

«Самобытность и своеобразная психология беларуского народа — результат многовекового развития. Бесчисленное количество раз приходилось ему браться за оружие. И после каждого нашествия завоевателей начинал он строить жизнь почти заново — поднимая свою землю из разрухи, возрождая себя из пепла. По этой причине... упорство является одной из наиболее характерных черт белорусов.

И еще они отличаются большим трудолюбием, надежностью, скромностью, уважительным отношением к старшим, сослуживцам, а также выносливостью, неприхотливостью в любых условиях, верностью в дружбе.

Специальные прикладные исследования свидетельствуют: большинству белорусов присущи такие национальные качества, как стремление добросовестно относиться к любому делу, упорно добиваться поставленных целей, деловитость, уважение к порядку, дисциплинированность... Свои профессиональные обязанности они выполняют ревностно».

Как отмечено выше, противоречивость психологического склада русского народа Бердяев объяснял бурной и драматичной историей России. Но разве история Беларуси была менее драматична? Одни только московиты за 300 лет (с 1368 по 1667 год) 12 раз приходили к нам с войной. А десятки вторжений Тевтонского ордена? А десятки набегов крымских татар? А бесчинства запорожских казаков, не столько защищавших, сколько грабивших земли Литвы? А зверства разных Наливаек, Поддубских, Нечаев и прочих атаманов? А война русских со шведами на нашей территории? А две мировые войны, не считая гражданской? И если в России было немало губерний, никогда не видевших чужеземцев, то в Беларуси таких «островов спокойствия» нет.

Тем не менее, история свидетельствует, что беларусы никогда не отличались грубой агрессивностью по отношению даже к тем лю-

дям, которые были настроены недоброжелательно к ним. Они склонны к бесконфликтному решению житейских проблем, к компромиссам, к достижению согласия (напомню характерную беларускую поговорку «згода будуе, нязгода руйнуе» — «согласие строит, несогласие рушит»).

.0.

Беларуский философ и публицист Игнат Канчевский (Абдзиралович) в 1921 году опубликовал свое эссе «Извечный путь: Опыты белорусского мировоззрения».

Согласно его концепции, Беларусь на протяжении всей своей истории, начиная с первых актов крещения в X веке, является ареной борьбы двух направлений (типов) культуры — западного (европейского) и восточного (азиатского). В результате этой перманентной борьбы возникло и оформилось специфическое беларуское национальное мировоззрение. По его мнению, «колебание между Востоком и Западом» и неприязнь к тому и другому являются основной характерной чертой истории беларуского народа.

.0.

Беларуский историк и публицист В. Орлов в 2005 году в одном из интервью так ответил на вопрос — существуют ли различия в национальном характере между русскими и беларусами:

«Безусловно, они есть. У белорусов никогда не было миссионерского комплекса великого народа, который сознательно или подсознательно присутствует у русских. Вы всегда должны кого-то спасать, объединять. Это идет еще с той поры, когда пал Константинополь. Тогда на знаменах и светской, и духовной власти появилось: «Москва — третий Рим, а четвертому не быть».

Белорусы более толерантны — это историческая традиция. Со времен средневековья в белорусском городе или местечке рядом на площади стояли костёл, православный храм, униатская церковь да еще синагога и мечеть (татары, приглашенные князем Витовтом, жили у нас с конца XIV века). В России такое нельзя было себе представить, особенно в те времена. Я, как историк, хорошо знаю, что когда наши же православные белорусы в средние века попадали в Московию, их там считали иноверцами и обязательно еще раз перекрещивали в «истинное» православие. Даже послов не пускали в церкви, считая их «латинами».

Душа белоруса, в моем представлении, более жаждет удивительного, таинственного, волшебного. Не случайно в Беларуси сохранились многие дохристианские обряды. Скажем, Купалье, которое можно сравнить с Лиго. Беларусь, наряду с Латвией, одна из немногих стран христианского мира, где дохристианские праздники при-

сутствуют в государственном календаре. У нас это весенняя Радуница и осенние Деды (Дзяды) — дни поминовения предков».

А вот что пишет о том же Э. Дубенецкий:

«В первую очередь следует отметить национальную, религиозную и духовно-интеллектуальную терпимость беларусов. В определенном смысле она была «заложена» генетически. На начальных этапах этногенеза беларусов происходила своеобразная «притирка» разных этнических и конфессиональных общностей...

В Беларуси уже в Средние Века сложилась достаточно устойчивая ситуация национально-религиозной, общественно-политической и духовно-интеллектуальной терпимости (толерантности). Такое состояние общества в период существования Великого княжества Литовского выгодно отличалось от этно-конфессиональной ситуации в Московском государстве и в ряде европейских стран. На протяжении многих столетий в Беларуси бесконфликтно проживали беларусы, евреи, татары, русские, представители разных конфессиональных групп».

.0.

Беларуские историки Александр Кохановский и Сергей Ходин в работе «Права человека в истории и традициях Беларуси» называют толерантность главной специфической чертой национального характера беларусов:

«История распорядилась так, что Беларусь оказалась на границе двух христианских конфессий: православия и католичества, между Востоком и Западом. Это предопределило формирование таких черт национального характера беларусов, как национальная и религиозная толерантность и гостеприимство. Поэтому независимо от существовавших законов, а иногда и вопреки им, в беларуском обществе присутствовало осознание того факта, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах», что «они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

В период средневековья, когда в Западной Европе разрастались влияние инквизиции и борьба с инакомыслием, беларуский менталитет отрицал унитарность общественно-политической жизни, нетерпимость к инакомыслию, концентрацию власти в одних руках и одновременно — западный индивидуализм.

В Беларуси XVI века сосуществовали без конфликтов на конфессиональной почве православие, католицизм, ислам, иудаизм и самые радикальные течения реформационного движения. Подчеркнем, что последнее явление стало нереализованной альтернативой становления в Беларуси консолидированного толерантного общества европейского образца с очерченным национальным содержанием, уважением прав представителей национальных и конфессиональных групп, национальных меньшинств.

Терпимость к иному образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, верованиям, идеям очень ярко проявилась в стереотипах поведения, фольклоре населения Беларуси. Эта черта формировалась на протяжении более чем тысячелетней истории Беларуси и уже в позднем средневековье — начале нового времени была довольно широко распространена в правящих слоях беларуского общества, что отражалось в политике, проводимой государственными органами Великого княжества Литовского.

Это государство, а еще ранее Полоцкая земля стали второй родиной для сотен тысяч евреев, изгонявшихся из стран Средиземноморья и Западной Европы в период средневековья. Здесь они смогли развивать свои национальные традиции, практически беспрепятственно занимались торгово-промышленной деятельностью и донесли свой национальный генофонд до XX столетия. В Беларуси родились первый президент Израиля Хаим Вейцман, премьер-министры этой страны Менахем Бегин и Шимон Перес.

...В Беларуси XV—XVI веков могли найти убежище, поддержку и даже меценатов представители гонимых в большинстве стран Европы и Азии радикальных течений. В середине XVI века на беларуской земле получили поддержку и развитие идеи испанского философа, идеолога наиболее радикального течения Реформации Мигеля Сервета, а также изгнанного из Русского государства представителя еретического направления Феодосия Косого. В Беларуси развертывали свою деятельность ариане с их социальным идеалом коммун.

Вплоть до XIX века в беларуской истории не встречаются случаи осуждения на смертную казнь за вольнодумство, атеизм и т.д., а также массовые проявления религиозного фанатизма. Напротив, здесь находили убежище и защиту диссиденты соседних стран, например русские старообрядцы, потомки которых сохранили веру предков по сей день. Ощущение реальности соблюдения прав человека, отсутствие гонений по социальным и политическим мотивам в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой привлекли внимание французских ученых-энциклопедистов. Государственное устройство Речи Посполитой они считали одним из высших достижений в Европе того времени, образцом для подражания. Жан-Жак Руссо даже планировал переезд в Беларусь, где известный меценат Антоний Тизенгауз обещал ему всемерное содействие, и только случай помещал реализации этого плана.

...В значительной степени планы, связанные с соблюдением и уважением прав человека, были представлены в программных документах представителей национально-освободительного движения. Активными участниками восстаний 1794 года и 1830—1831 годов были жители городов, рассчитывавшие на возвращение более широких прав городского самоуправления по магдебургскому образ-

цу, и прежде всего шляхта, которая выступала не только за восстановление Речи Посполитой, но и за возвращение былых вольностей, за реализацию популярного в то время лозунга «За нашу и вашу свободу».

Эпоха «беларусизации» 1920-х гг., когда советское и партийное руководство пыталось учесть этническое преобладание беларуского населения, также ярко характеризует традиции толерантности, стремление к соблюдению прав человека. Не было отмечено никаких существенных проявлений национализма, высокомерного отношения к другим языкам и культурам. Более того, создание условий, способствовавших расцвету беларуской культуры, привело к развитию культур этнических меньшинств. В 1920-е гг. в местах их компактного проживания создавались национальные административные единицы, где не только обучение в школах, но и делопроизводство велось на национальном языке. Четыре языка — польский, еврейский, беларуский и русский — были объявлены государственными.

...Все отмеченное выше позволяет утверждать, что соблюдение прав человека имеет в Беларуси глубокую историю и богатые традиции, заложенные в самой психологии, способе поведения, национальном характере беларусов».

Эти мысли созвучны тому, что сказано о движении беларуского национального возрождения в 8-м томе «Нового энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, хорошо известного в дореволюционной России:

«Проявления белорусского движения неизменно отличаются одной чертой: демократизмом. Демократизм является причиной того, что в главном течении движения совершенно отсутствуют элементы национального шовинизма, что ему чужда человеконенавистническая тенденция... Национальное пробуждение белорусов в целом характеризуется тем, что оно противодействует шовинистической работе, которую ведут в Белоруссии два враждебных лагеря: русские и польские националисты».

.0.

Юлия Чернявская в работе «Пять парадоксов национального самосознания беларусов» пишет:

«Беларуская национальная идея имела специфические отличительные /от русской национальной идеи/ качества. Она не основывалась, как это часто бывает, на агрессивности в отношениях к инородцам и иноверцам: сказалось многовековое бытие в «пестрых» по национальному составу государствах. Потому возникавшая в умах интеллигенции национальная идея беларусов строилась с учетом исторически и культурно заложенного полиэтнического «характера» беларусов.

Показательно изобилие этнических русских, поляков, евреев, украинцев, татар, ставших беларускими деятелями культуры в первые десятилетия советской власти (З. Азгур, З. Аксельрод, А. Александрович, А. Бембель, Зм. Бядуля, М. Блистинов, Я.Бронштейн, В. Головчин, И. Замотин, Г. Кобец, Я. Мавр (И. Федоров), Е. Мирович, Н. Никольский, А. Овечкин, В. Пичета и др.)...

Интересно в этом контексте и отсутствие антисемитизма во всех слоях беларуского социума. Начиная со времен Великого Княжества Литовского, когда беларусы и евреи впервые зажили бок о бок, обмениваясь не только товарами, но и гуманитарными достижениями (известно, что первый перевод нескольких религиозных текстов на старобелорусский язык принадлежит виленским евреям), напряженности между этими двумя народами практически не было, что доказала Вторая мировая война.

И по сей день израильское посольство в Минске ежегодно чествует вновь обнаруженных «нееврейских праведников», не предполагавших, что они праведники, — людей, прятавших по погребам и чердакам своих домов знакомых и незнакомых евреев. Разумеется, в советскую эпоху существовал государственный антисемитизм, и он накладывал отпечаток на повседневное, бытовое поведение, однако уже в первые годы перестройки антисемитизм как явление испарился практически без следа.

Характерно для беларусов и непредвзятое отношение к «лицам кавказской», «азиатской» и прочих несуществующих национальностей. Более того, само миролюбие и нежелание беларусов входить в конфликт, а также знаменитая беларуская толерантность по отношению к иным народам и конфессиям, понимаемые как экзистенциальные этнические ценности (так называемые «фокальные» или «доминантные»), привели к тому, что национальная идея беларусов имеет «посреднический» характер. Та роль, в которой, по мнению Вл. Соловьева, должно было реализоваться мессианское предназначение России — быть посредницей между народами — в силу политических и общих социокультурных событий была принята беларусами практически внерефлективно».

.0

Интересно сравнить современные научные исследования национального характера русских и беларусов, которые независимо друг от друга проводились в России и Беларуси и освещались центральными изданиями.

«Российская газета» 29 ноября 2003 года в публикации Татьяны Смольяковой «Украинцы близки русским так же, как немцы» сообшила:

«Независимый исследовательский центр РОМИР по заказу Союза создателей социальной рекламы провел исследование «Национальное самосознание русского человека в современный период».

Были опрошены 1500 человек в разных точках страны. Кроме того, проведены дискуссии в различных возрастных группах, где люди могли не просто ответить на вопросы, но и объяснить свою позицию.

Что такое русский национальный характер? Наши современники чувствуют его, похоже, так же, как чувствовали и сто, и двести лет назад. Широта души, терпимость, пьянство, лень, сострадание, самопожертвование — вот, судя по ответам, главные составляющие русского характера. Но не единственные. Многие респонденты сказали, что русским свойственны доброта, гостеприимство, оптимизм, простота (раскованность), приветливость, находчивость, живучесть, халявность, русский «авось», уживчивость, безответственность, смелость, щедрость, любовь к Родине.

В дискуссиях добавляли и такие характеристики: «Мы часто ругаемся, но и часто миримся»; «Русские всегда чего-то ждут, пока все само собой сделается»; «На сегодняшний день воровство — это национальная черта». Всё, как во времена Карамзина. Таков русский человек — един во многих лицах, прямая противоположность самому себе.

Причины, истоки русского менталитета, молодое поколение (до 34 лет) видит в том, что русские всегда имели сильного правителя, что Россия — фильтр между Европой и Азией, и что она изначально была несвободной страной. С другой стороны, на нашем характере сказались большие просторы и природные богатства. Старшие тоже согласны: «Огромная территория, избыток природных богатств привели к широте души». Но они видят и другие корни нашего менталитета: постоянная борьба, угнетение, климатические условия («на севере люди добрее, чем на юге»), смешение народов».

Через полгода газета «Беларусь сегодня» рассказала об аналогичном исследовании среди беларусов. 14 июля 2004 года Виолетта Дралюк в статье «Что беларусу хорошо, то и японцу неплохо» рассказала о том, что ученые из Гомельского государственного технического университета им. П.О.Сухого «вот уже несколько лет упорно исследуют загадку беларуского менталитета»:

«Особые природные условия, тесные взаимоотношения с соседями, мирное сосуществование разных христианских конфессий и религий, военные походы через беларускую землю, «прививки» восточных культур — вот что сформировало ментальные особенности беларуса, считают гомельские ученые. Например, под влиянием балтов появилась у нас сдержанность, выносливость, настороженность и скрытность. Зато нет у беларусов легкомысленности и бахвальства, присущего «шляхетным» полякам. Лишены беларусы и рискованности, открытой и порой грубой простоты, столь свойственной русским. Евреям беларусы уступают в находчивости, настойчивости, умении приспосабливаться к жизненным обстоятельствам.

Зато главные козыри жителей Беларуси (причем независимо от национальности) — миролюбивость, отсутствие мстительности.

Для полного «рентгена» беларусской души в социологической лаборатории вуза сформировали своеобразный список характеристик, через которые менталитет обычно проявляется. В этот перечень попали трудолюбие, стремление к свободе и независимости, гостеприимство, чувство локтя, законопослушание, коллективизм, индивидуализм, мечтательность и т.д. — всего набралось 20 позиций. Вооруженные ими, сотрудники лаборатории двинулись в Гомельскую, Гродненскую, Брянскую, Черниговскую области, а также в приграничные польские воеводства, чтобы выяснить: какими сами себя представляют беларусы, что они думают о соседях и что соседи думают о них. Конечная задача представлялась так: получить ментальный портрет соотечественника и вывод: насколько он готов в кругу братьев-славян строить счастливое настоящее и к чему тяготеет в своих экономических пристрастиях.

...Итак: мы работоспособны, гостеприимны, душевны и совестливы, очень терпимы, склонны к коллективному решению проблем. При этом недостаточно рациональны, нерешительны, независимость и личные свободы ценим мало, медлительны и чрезмерно осторожны, что иногда хорошо (кто-то быстрее нас успевает наломать дров) и не очень (долго приноравливаемся к переменам)»...

Некоторые сравнения

Так что же отличает национальные характеры беларусов и русских? И носит ли это отличие принципиальный характер?

Очевидно, что беларусы в главных чертах национального характера не похожи на русских — это действительно совсем другой народ. Оно и понятно, ведь как отметили А. Кохановский и С. Ходин, национальный характер формируется в течение всей истории развития нации (беларусы и русские 1000 лет жили отдельно друг от друга) и на своем генетическом, антропологическом материале, разном для беларусов и русских.

Но если толерантность беларусов можно объяснять именно генетически, то вот «лихость» (определение Ключевского) русских, которая включает целый комплекс особых черт, формировалась всетаки под влиянием выбора формы существования в среде обитания — ее создала сама специфика огромных просторов. Непрестанное расширение границ Московии (вплоть до конца XIX века!) требовало все большей концентрации власти для управления все большей территорией. Это могло осуществляться только за счет уменьшения роли муниципального самоуправления, причем в наиболее удаленных местах центральная власть вообще должна была обожествляться. Такое обожествление и переняла Московия от Ор-

ды как наиболее эффективную для своего времени форму управления огромными территориями*.

В качестве ответной реакции у жителей Московии (а затем России) формировался менталитет, в котором отсутствовало ощущение себя хозяевами собственной земли. Отсюда (как обратная сторона предельно жесткой «вертикали власти») развились и экзотические черты русского человека (бесшабашность, широта души), и негативные — склонность к коррупции и воровству, нежелание содержать свои места обитания в порядке и чистоте.

У беларусов мы находим обратное: всего полтора десятилетия нынешней независимости дали им возможность строить свою страну так, как это соответствует их национальному характеру. В итоге приезжающие сегодня к нам россияне удивляются: это совсем другая страна, не похожая на Россию в главных аспектах жизни. У нас нет мафии и разгула преступности, можно без опаски гулять по вечерам, нет межэтнической напряженности. В том числе нет ни одной профашистской или националистической партии, нет свастик на стенах домов, коими расписаны все российские города. В беларуских городах чистые улицы и подъезды (профессор Преображенский говорил в повести Булгакова, что «разруха не в сортирах, а в головах»), уровень коррупции на порядок ниже, как ниже на порядок процент убийств, грабежей, воровства, пьянства, наркомании**.

Все это, конечно, не имеет прямого отношения к «толерантности беларусов», но показывает те ментальные основы, из которых как производное возникает толерантность. Поэтому ошибочны, на мой взгляд, суждения о том, что толерантность беларусов возникла якобы из-за того, что «Беларусь была веками полигоном для европейских войн». Чистоту наших улиц этим не объяснить, а первые колонии бежавших из Западной Европы евреев мы приняли еще в XV веке — задолго до эпохи больших войн. То есть, беларусы были такими изначально. На мой взгляд, в основе такого отношения к себе, миру и людям лежат генетические черты характера беларусов: балтийского, склонного к спокойному восприятию реальности.

^{*} Мне не нравится термин «толерантность», закрепившийся за беларусами. В конкретном социальном и политическом значении толерантность — это либерализм. Идеям империализма противостоят именно идеи либерализма. Национальный характер беларусов — либеральный, основанный на христианских, культурных и правовых традициях Европы; национальный характер русских — авторитарный, впитавший традиции азиатского деспотизма Золотой Орды. — B.Д.

^{**} Всего одна цифра из официальной статистики. За весь 2006 год в Республике Беларусь было совершенно 199 убийств, при населении 9,8 млн человек. Это одно убийство на 49 тысяч человек в год, что в 4—6 раз меньше, чем в ряде областей России. Но и это еще не все. Более половины всех убийств в Беларуси совершают не ее граждане, а лица, приезжающие из России, Украины и с Кавказа! — Прим. Ред.

Забавно, что среди главных черт своего национального характера русские нашли «терпимость». Несомненно, подразумевается терпимость вовсе не к «непохожим другим», а к произволу властей. Потому что «терпимости» к инородцам и иноверцам в России никогда не было, сегодня это наглядно видно по огромному числу всякого рода националистов, фашистов и прочих «нацболов». Согласно официальным данным, из 70 тысяч всех скинхедов планеты 50 тысяч живут в России, за один только 2006 год они убили более 100 человек и совершили сотни погромов. А вот в Беларуси нет ни одного скинхеда. Агитаторы РНЕ Баркашова призывали беларусов в середине 1990-х годов бороться за торжество русского национализма, но встретили полное непонимание и уехали ни с чем. Еще бы! Нет таких беларусов, которые восторгались бы словами из гимна «Русское национальное единство»:

«Нам не страшны ни пули, ни снаряды, Мы верим в то, что сможем победить: Ведь в мире должен быть один Порядок И он по праву Русским должен быть»...

И если прочие отличия можно считать второстепенными, то здесь отличие фундаментальное. Оно в том, как пишет Ю. Чернявская, что беларусы в принципе равнодушны к имперской идее Великой России. Напротив, для русских именно она является стержнем их государственности (с неизбежным побочным эффектом в виде оголтелых националистов).

Дело даже не в том, что беларусов не увлекает настойчиво пропагандируемая с востока идея возрождения империи (якобы с делегированием беларусам и украинцам роли «помощников»). Проблема намного глубже. Имперская идея противоречит основам беларуского менталитета — терпимости и толерантности, является их АНТИПОДОМ. Пытаться сделать из толерантного беларуса убежденного агрессивного шовиниста — утопия. Это можно было бы сделать, только вытравив из беларуса его душу. Иными словами, уничтожив саму суть беларусов, что и пытался осуществить в ходе своих этнических экспериментов царизм в XIX веке, а затем Сталин в XX веке.

Таким образом, цель русификации беларусов заключалась вовсе не в том, чтобы беларус стал внешне (по языку, вере и прочему) похож на русского человека. Смысл в ином — через эти инструменты влияния (язык, веру, стандарты культуры) вытравить из беларуса его специфические качества, вбить ему в голову иное понимание мироздания и своего места в нем (например, вместо терпимости — имперскую ненависть ко всем соседям, якобы «соперникам» и «врагам»). Толерантный беларус, спокойный уравновешенный либерал,

с его девизом «живи сам и дай жить другим», был не только бесполезен для империи, но и служил источником проблем для нее. Он не понимал сути ее величия, симпатизировал полякам, евреям, немцам и прочим «инородцам», отстаивал собственную культуру и собственную религию, да вдобавок постоянно бунтовал против России*.

Достаточно ясно вопрос отношений беларусов и русских выглядит с позиций концепции Льва Гумилева о комплиментарности (сочетаемости) этносов. Гумилев писал:

«Люди объединяются по принципу комплиментарности. Комплиментарность — это неосознанная симпатия к одним людям и антипатия к другим, т.е. положительная и отрицательная комплиментарность. Вне зависимости от расового состава, от культурных связей, от уровня развития возникают какие-то моменты, которые дают возможность в одних случаях установить дружественный этнический контакт, в других — он становится нежелательным, враждебным и даже кровавым».

Хотя Гумилев конкретно не рассматривал сочетаемость двух указанных этносов, вся история соседской жизни беларусов и русских доказала их некомплиментарность. Ментальность и национальный характер беларусов всегда казались русским чужими, ибо противоречили имперскому менталитету и русскому национальному характеру. Вот с этой проблемой и воевала веками Московия, а затем Россия.

С позиций концепции Л.Н. Гумилева, русские и беларусы не просто непохожие, но вообще несочетаемые этносы. Они не могут стать чем-то «единым». Такое «единство» возможно лишь в самом мрачном варианте, за счет полной утраты беларусами своей национальной специфики. Отсюда берет начало насилие властей России и СССР над покоренным беларуским этносом — все ради того, чтобы «сделать его сочетаемым».

8. Краткое резюме

В мае 2007 года немецкий посол в Беларуси сказал в интервью радиостанции «Немецкая волна», что, по его убеждению, беларусы СИЛЬНО ОТЛИЧАЮТСЯ от русских. Они «более ментально похожи на наших фризов», это спокойный и выдержанный народ с европейским менталитетом.

^{*} Хотел бы напомнить, что капитан Мирович, пытавшийся в 1764 году свергнуть Екатерину II, и народоволец Гриневицкий, убивший царя Александра II, были беларускими шляхтичами. Первый съезд РСДРП состоялся в Минске. Соглашение, положившее конец существованию «красной» российской империи, тоже было заключено в Беларуси. Случайно ли все это? — Прим. Ред.

Показательны опросы Всероссийского центра по изучению общественного мнения, проведенные в марте 2007 года среди жителей европейской части России: оказалось, что 72% опрошенных не считают себя европейцами. Аналогичный опрос в Беларуси дал принципиально иной результат: до 80% беларусов-горожан видят себя именно европейцами!

Сразу возникает вопрос: почему почти три четверти живущих в европейской России русских европейцами себя не считают? Ведь они живут европейским образом жизни, носят европейскую одежду, пользуются благами европейской цивилизации, исповедают европейское христианство. Почему же они не считают себя частью Европы? Да потому, что в их головы вбита «альтернатива» в виде принадлежности к «Великой Империи» («Третьему Риму»), которая традиционно — враг Запада. В рамках именно этой концепции ее идеологи пытаются сделать одним из аргументов в свою пользу миф о том, что «беларусы, украинцы и русские — один народ».

В политическом плане наши соседи с востока настойчиво предлагают ликвидировать суверенное беларуское государство, после чего надеются «растворить» наконец беларусов в своем «великорусском этносе». Именно такие помыслы заставляют российских «объединителей» в штыки воспринимать не только беларуский язык, но и все, что связано с нашей национальной культурой.

Не надо мифами о «славянском треугольнике» создавать аналог басни Крылова, персонажами которой являются лебедь, рак и шука. Сколько бы они вместе не тянули, а воз и поныне там. Тем не менее, некоторые мыслители, находящиеся в плену у старых мифов, продолжают уподобляться персонажам этой басни. Вот что пишет, например, доктор экономических наук В.Ф. Байнёв:

«Под Великим Русским народом авторы... подразумевают единую, нераздельную совокупность трех его ветвей — белорусов, великороссов и малороссов — носителей, что называется, на генетическом уровне идей высочайшей духовности, гуманизма, соборности и коллективизма, обусловливающих колоссальное превосходство русского мировоззрения над примитивной рыночно-капиталистической философией западного «экономического человека», граничащей с зоологическим индивидуализмом и меркантильным эгоизмом»*.

Если исходить из всего сказанного выше, то любому нормальному человеку понятно, что подобные заявления — ахинея.

Еще в конце XIX века создатель германской империи князь Бисмарк сказал: «Социализм — замечательная вещь. Но строить его надо в такой стране, которую не жалко». «Такой страной» оказалась

^{*} Журнал «Новая экономика», 2007, № 7-8, с. 4.

Россия. Вот русские и не могут проститься с социалистической отравой. КПРФ уверенно занимает вторые места на выборах всех уровней, от региональных до всероссийских. На выборах в Государственную Думу 2 декабря 2007 года она набрала 10% голосов. А в Беларуси о коммунистах давно забыли. Разве это не свидетельство разной ментальности?!

Еще одним доказательством различий между беларусами и русскими является образ жизни обеих наций в постсоветский период. Несмотря на заявления об «исчезновении» беларусов, мы за 16 лет создали чистое, порядочное, культурное госу-

Беларуский пейзаж

дарство. Русские же погрязли в коррупции, пьянстве, наркомании, преступности.

Конечно, многое связано с особенностями власти. Весьма характерно то, что в высших эшелонах беларуской власти не нашлось негодяев, подобных пресловутому Е.Б.Н. вместе с его шайкой. Но власть такова, каков народ. Например, разве кто-то заставлял русских превращать пьянство из «национального вида спорта» в национальное безумие?! Выпады национал-патриотов, мол, это евреи споили русских — просто чушь. Уж в Беларуси евреи составляли гораздо больший процент населения, чем в России. Почему же они не споили беларусов? Почему не споили украинцев?

По всем важнейшим психологическим параметрам беларусы изначально отличались от русских — и поразительно другими выглядят сегодня. Беларусы, возродив свою древнюю государственность, ныне находятся в самом начале пути возрождения своей нации.

У нас — свой собственный путь в истории человечества, отличный от русского пути. Беларусы и русские — географические соседи, но вовсе не один народ. У нас разная судьба и предназначение.

ЧАСТЬ І. БЕЛАРУСЫ В ТЕНИ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

Глава 1. Краткий очерк политической и культурной жизни (1772—1916 гг.)

(Захар Шибека, доктор исторических наук)

А втор полагает, что все события, когда-либо происходившие на территории расселения беларуского этноса, принадлежат беларуской истории. Только такой подход позволяет нам чувствовать себя хозяевами нашей земли, воспринимать свое Отечество во всей совокупности того, что у него было в прошлом хорошего и плохого.

Историческое беспамятство и культурная неосведомленность — это результат утраты собственной исторической и культурной традиции. Советская Беларусь появилась в 1919 году, а всё, что происходило на беларуской земле до этой даты, долгое время считалось либо польским, либо русским. Позже поддержку государства получала только «пролетарская» культура, по своей сути — космополитичная, но с ярко выраженным «русским акцентом».

Именно по этой причине «багаж» исторических и культурных знаний большинства жителей современной Беларуси, включая ее политических лидеров, чрезвычайно скуден. Однако автор уверен, что такая ситуация неизбежно изменится после освоения и осмысления населением независимого суверенного государства Беларусь своего культурно-исторического наследия.

1. Период польского доминирования и литовско-беларуского регионализма (1795–1830)

В последней четверти XVIII века с политической карты Европы исчезло Великое княжество Литовское (ВКЛ) — государство, на территории которого жили предки двух со-

^{*} Сокращенный вариант глав I—IV из книги 3. Шибеки «Очерк истории Беларуси. 1795—2002». Сокращению подверглись, в основном, материалы социально-экономического характера.

временных народов, беларуского и литовского. ВКЛ существовало свыше пяти столетий, сначала как полностью независимая держава, а с 1569 года в конфедеративном союзе с Польским королевством. Этот союз получил название Республика Обоих Народов, или Речь Посполитая.

В результате двух продолжительных войн, сопровождавшихся колоссальными разрушениями и людскими потерями (в 1648—1667 гг. с московитами, в 1700—1721 гг. со шведами), в Речи Посполитой развился глубокий социально-экономический кризис. Он привел к тому, что Республика постепенно утратила свою былую экономическую и военную мощь, а также политическую устойчивость.

В итоге она стала добычей для соседних государств — России, Пруссии и Австрии, этих, по определению Карла Маркса, «трех разбойников с большой дороги». Лидер российских большевиков В.И. Ленин позже присоединился к оценке Маркса, написав: «Курляндию и Польшу они вместе делили, эти три коронованных разбойника. Они делили сто лет, они рвали по живому мясу, и русский разбойник урвал больше, потому что был тогда сильнее других».

Закрепление царской власти в бывшем ВКЛ (1795–1811)

Миф о воссоединении. После 1795 года под властью династии Романовых оказались более трех миллионов беларусов. Российская императрица Екатерина II (правила в 1762—1796 гг.) обосновывала свое право на захваченные земли тем, что выдавала их за стародавние русские, которые в прошлом якобы были подчинены Польшей. На этом основании Беларусь, правобережная Украина и даже Жемойтия (нынешняя Летува) были официально объявлены «воссоединенными» с Россией. Кстати говоря, многие современные российские историки снова взяли на вооружение эту выдумку екатерининских идеологов.

Но одновременно в правительственных документах можно было встретить более точное и откровенное название — «новоприобретенные земли». Например, один из этих документов называется «Записка об учреждении новоприобретенных земель».

Традиционнно, славянская часть жителей ВКЛ называла себя литвинами («мы — ліцьвіны»). Литвины с древних времен жили в бассейнах рек Западная Двина, Днепр, Припять, Неман и Буг. Однако в Российской империи название «Литва» сохранилось только в отношении северо-западной части бывшего ВКЛ. А в восточной его части (на территории нынешних Витебской, Могилевской и Гомельской областей) правительство внедряло названия «Белоруссия» и «белорусы», придуманные чиновниками в Петербурге.

В сентябре 1772 года был издан манифест за подписью Екатерины II, в котором присоединенные земли ВКЛ объявлялись «издревле законной и неоспоримой» наследственной собственностью Российского государства. В этом манифесте они еще не назывались Белоруссией, но уже в манифесте губернатора Каховского от 6 октября 1772 года упоминаются «белорусские провинции».

На присоединенных к Российской империи землях ВКЛ было учреждено Белорусское генерал-губернаторство (Полоцкая и Могилевская губернии) во главе с вице-президентом военной коллегии графом 3.Г. Чернышевым. В 1772—82 гг. он был первым царским наместником в «Белоруссии».

В «Акте разграничения Белорусских земель, заключенном с Королем Польским и Речью Посполитой» 4 июля 1775 года территория, присоединенная к России, характеризовалась как «земли новоприобретенные к Российской империи».

В сенатском указе от 16 июня 1782 года, который предписывал необходимость высылки из «Белоруссии» бежавших туда крепостных крестьян других губерний Российской империи, российские правительственные чиновники использовали термин «Белая Россия».

В правительственных актах Российской империи в период с 1775 и до 1840 года «Белоруссией» называлась только территория Могилевской и Витебской губерний.

Именно названия «Белоруссия» и «Белая Русь» в наибольшей мере отвечали задачам имперской политики. Они как бы доказывали, что здесь — тоже Россия, только «белая», а «белоросы» — разновидность россов (русских). Поэтому сфера употребления этих терминов, под давлением «сверху», постепенно расширялась. Но, несмотря на давление, на всем пространстве этнической территории беларусов они прижились лишь к концу XIX века. Старинное же название «Литва» в конце концов закрепилось за той территорией, где существует нынешняя Летува (в ВКЛ она называлась Жемойтия, или Жмудь).

Таким образом, современный термин «беларусы» появился, по историческим меркам, недавно. Он не соответствует этнографическим реалиям, существовавшим вплоть до конца XIX столетия. Однако, придерживаясь укоренившейся традиции, далее мы будем использовать термины «Беларусь» и «беларусы» в отношении всего рассматриваемого периода.

Первые попытки русификации. Польский профессор Станислав Косцялковский следующим образом охарактеризовал степень распространения польской культуры в Беларуси после трех разделов Речи Посполитой:

«Все христианское мещанство городов и местечек этих земель /Беларуси/, от работников до ремесленников, купцов, торговцев и чиновников, все духовенство, а также вся интеллигенция, полуинтеллигенция городская и сельская, все помещики от беднейшего до самого богатого и высоко стоявшего в общественной иерархии, как равно вся шляхетская демократия, очень многочисленная в некоторых местностях, застенковая и загородная шляхта, иногда весьма бедная и не отличавшаяся от простых крестьян, — все это было в культурном отношении таким же, как и общество, принадлежавшее к тем же слоям населения прочих земель Речи Посполитой.

Сельское же крестьянское население сохранило сокровища старо-литовского или беларуского прошлого. Оно жило в своей сословной обособленности отдельной культурной жизнью. Оно говорило по-беларуски, часто не понимая польского языка»*.

Между крестьянством и другими слоями общества существовала глубокая рознь, сложившаяся за прошедшие века. Ополяченная часть населения Литвы (Беларуси) держала себя обособленно от православной ее части.

Поэтому Екатерина II стремилась заручиться поддержкой местных помещиков и жителей городов, в своем большинстве — католиков, в меньшей степени — униатов. В секретном письме князю А.А. Вяземскому она подчеркнула необходимость проведения осторожной политики во взаимоотношениях с представителями имущих сословий бывшего ВКЛ: «Нарушать привилегии их все сразу очень непристойно было бы»...

Манифест царицы к жителям всех присоединенных земель от 13 апреля 1793 года объявил полную свободу вероисповедания, шляхте и горожанам он гарантировал те же права и вольности, которыми пользовались дворяне и горожане в Российской империи.

Вместе с тем, Екатерина имела достаточно конкретный план русификации и делала практические шаги в этом направлении. Отметим в этой связи, что в указах генерал-губернаторам «Белоруссии» она высказывала пожелание, чтобы «меж Белоруссией и Россией исчезла грань инородия и чтобы эти древние просторы русские сделались русскими не одним только именем, но душою и сердцем». Императрица «давала постоянно чувствовать не русскому по происхождению населению Белоруссии», что эта область навсегда присоединена к России и «уже не отделима от неё»**.

Первыми жертвами русификации стали жители восточной части Беларуси (Витебщины, Могилевщины, Гомельщины), захваченной

^{*} Koscialkowski St. Rzeczpospolita Obojga Narodyw (1569—1795). В книге «Dzieje Ziemi W. Ks. Litewskiego», Londyn, 1953.

^{**} См.: «Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования (1803—1832 гг.) Отдел третий. Вильна, 1908, с. 51.

в 1772 году. Здесь по требованию императрицы было отменено действие Статута ВКЛ, а вместо него введено российское законодательство, в административных и судебных органах начал употребляться русский язык, в эти органы направляли русских чиновников.

Однако быстро выяснилось, что российские законы не соответствуют местным условиям, русские чиновники не понимают здешних языков (беларуского, польского, еврейского, жемойтского), а жители не понимают русскую речь. На этой почве возникало множество недоразумений и конфликтов между населением и оккупантами.

Властям стало понятно, что одни только административные и экономические меры с целью преодоления «грани инородия» не дадут желаемых результатов без широкой русификации населения. Первые шаги в этом направлении тоже сделала Екатерина II. В 1778 году она приказала отпускать, начиная с 1779 года, в распоряжение Псковского архиепископа 500 рублей ежегодно для создания русских школ в Полоцкой губернии. В 1780 году была открыта гимназия в Невеле, которая состояла из 2-х классов. В первом классе учили читать, писать и петь на русском языке, во втором — давали основы латыни.

В 1789 году царица утвердила «Положение о главных и малых народных училищах». В соответствии с ним были открыты главные училища с пятилетним сроком обучения в Полоцке и Могилеве, малые училища в Копыси, Мстиславле, Орше, Чаусах, Черикове. Учебники для этих училищ, как и преподавателей, присылали из Петербурга, обучение велось на русском языке. Однако число учащихся в них было невелико, в 1795 году — 747 человек. При этом 433 человека учились в двух главных училищах, а в пяти малых число учеников колебалось в пределах от 28 до 62 человек. Жители беларуских городов не видели нужды в обучения своих детей русскому языку.

Тем временем Екатерина II умерла (6 ноября 1796 года), российский престол занял ее сын Павел (царствовал в 1796—1801 гг.). Чтобы успокоить недовольных магнатов и шляхту бывшего ВКЛ, он «стал воскрешать в присоединённых от Польши областях прежние начала польской жизни»*. В частности, Павел I разрешил шляхте созывать уездные сеймики и возобновил юрисдикцию Статута ВКЛ в беларуских землях. Во время его царствия процесс русификации сферы образования замедлился, о чем свидетельствует сокращение числа учащихся в основанных Екатериной народных училищах до 348 человек в 1798 году.

Но император Павел I поступал так не потому, что считал беларусов самостоятельным народом. Напротив, и ему, и его сыну Алек-

^{*} См.: «Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период...», с.. 81.

сандру I, Беларусь казалась «польским краем». Он всего лишь стремился к «умиротворению» шляхты.

Это обстоятельство широко использовали польские патриоты, развернувшие усиленную полонизацию беларуского населения, в основном шляхты и горожан. Царское правительство способствовало этому процессу ради обеспечения спокойствия в «промежуточной стране» между Россией и Польшей, ради привлечения на свою сторону широких кругов шляхты и мещанства. Почти все школы вели обучение на польском языке; он также использовался в местных административных учреждениях, в официальных документах. Подобной ситуации не было раньше даже тогда, когда ВКЛ входило в состав Речи Посполитой!

Административное деление. Царские картографы долго кроили «новоприобретенные» земли. Только в 1801 году они окончательно распределили их между шестью губерниями. Эти губернии образовали два генерал-губернаторства — Литовское (Виленская, Гродненская, Минская губернии) и Белорусское (Витебская, Могилёвская, Смоленская).

Губернии, учрежденные на территории ВКЛ, захваченной Российской империей

В 1807 году французский император Наполеон I отобрал у Пруссии Белостокскую область и передал ее России в качестве вознаграждения за согласие присоединиться к континентальной блокаде Англии. После этого события вся этническая территория расселения беларусов оказалась в составе Российской империи. Однако ее административное деление и тогда, и в более поздние времена, производилось без учета этнических границ.

Желая создать «русское начало» в захваченных землях, российская императрица широко использовала практику «пожалований» своим военачальникам и фаворитам беларуских городов и местечек. Например, все Кобринское староство получил фельдмаршал Александр Суворов. Были отмечены и другие. Князь Григорий Потёмкин получил в подарок город Кричев, флигель-адьютант Семен Зорич — город Шклов (в 1778 году) и т.д. При этом Екатерина II поощряла обласканных ею сановников создавать в своих новых имениях дворцово-парковые ансамбли с целью распространения в Литве имперской культуры. Например, она выдала графу П.А. Румянцеву-Задунайскому дополнительно 100 тысяч рублей на строительство роскошного дворца в Гомеле. А для украшения его интерьеров щедрая государыня пожаловала генерал-фельдмаршалу большую коллекцию картин и прочих предметов искусства.

За 23 года Екатерина подарила в беларуских землях своим приближенным около 180 тысяч так называемых «ревизских душ» из числа «государственных крестьян».

Ситуация с конфессиями. Как известно, Российская империя захватила ВКЛ под флагом защиты прав «диссидентов», или православных верующих, которых к 1772 году насчитывалось не более 6% от всего населения. Но никаких реальных выгод в православной России они не получили. Что же касается угрозы насильного перевода их в католичество, то она исчезла еще в 1768 году, когда сейм Речи Посполитой принял постановление о свободе вероисповедания.

Положение костела существенно не изменилось. Католикам, составлявшим до 24% населения ВКЛ, было «высочайше дозволено» свободно отправлять свои обряды. Их храмы и монастыри сохранили свою собственность. В 1774 году императрица разрешила основать Белорусскую католическую диатезию, практически не подчинявшуюся Папе Римскому. Даже орден иезуитов, запрещенный с 1773 года в Европе, по-прежнему действовал в захваченных Россией землях ВКЛ.

Кстати говоря, этот факт повлек любопытное мероприятие: американские «слуги Иисуса» ради сохранения своего ордена обошли папский запрет тем, что в 1805 году присоединились к беларуским иезуитам. Их организация в США получила название «Bielorussian province», которое она сохраняла до 1914 года!

Правда, царица призывала католическую шляхту переходить в православие, но безуспешно. Совсем иначе она отнеслась к униатской церкви, объединявшей около 60% жителей ВКЛ, в основном крестьян. Она объявила униатов «жертвами» католической экспансии, а 22 апреля 1794 года, в связи с восстанием Костюшко, издала указ о переводе униатов в православие. При этом власти действовали без всяких церемоний. Они собирали людей в храме, и если не встречали особого сопротивления, записывали всех присутствующих в православные. Если же возмущенная толпа изгоняла новоявленных «миссионеров», то приход оставался униатским. Вот таким «добровольно-принудительным» способом при Екатерине около 600 тысяч униатов стали православными!

Видя, что творится, многие униаты начали в знак протеста переходить в римско-католическое вероисповедание. Например, в Минской губернии это сделали в 1795 году 200 тысяч униатов. Оставшиеся в униатстве верующие и священнослужители подчинялись Белорусской униатской епархии, учрежденной царскими властями в 1783 году. Император Павел I прекратил насилие над униатами и отменил указ 1794 года. После этого часть униатов вернулась в свою веру. Но многие для надежности все же так и остались в костёле.

Шляхта. Шляхта, составлявшая к концу XVIII века примерно 12% всего населения ВКЛ, получила права русского дворянства. Единственным условием получения этих прав было принесение присяги на верность Екатерине II. Российская императрица спасла закоренелых крепостников от угрозы освобождения крестьян, к чему стремились либеральные круги Речи Посполитой. Более того, шляхта даже усилила свою власть над крестьянами, в частности, приобрела возможность продавать крепостных крестьян без земли, что ранее было запрещено.

В Беларуси (ВКЛ) существовал значительный слой мелкой шляхты — малоземельной и безземельной. Имея больше «гонора», чем денег, такая шляхта кормилась тем, что арендовала землю у магнатов, либо служила им на различных должностях за жалованье. В ответ она всячески поддерживала своих опекунов на поветовых сеймиках. В составе России это благоденствие кончилось.

Недовольная ограничением «основных привилегий», группа шляхтичей с весны 1796 года готовила восстание, группируясь вокруг Виленской ассоциации, но осенью 1797 года заговор раскрыли власти. Итак, первая политическая акция, направленная на возрождение унитарной Речи Посполитой (согласно конституции от 3 мая 1791 года) не удалась.

Кстати говоря, средняя и мелкая шляхта ВКЛ не чуралась беларуского языка, с домочадцами, а тем более с крестьянами, шляхтичи и шляхетки говорили только по-беларуски.

Крестьянство. Податное обложение беларуских крестьян вплоть до 1811 года было в 4—5 раз выше, чем русских. Вместо подымного налога (с участка земли) российские власти ввели подушный (с каждого физического лица). Возрос объем «панщины» (барщины). Появилась рекрутская повинность: в русскую армию забирали на 25 лет. Между тем, в ВКЛ существовала наемная армия, никаких рекрутских наборов никогда в помине не было. Матери оставались без сыновей, молодые женщины — без мужей.

Не удивительно, что крестьяне начали бунтовать уже на второй год (1796) после окончательного захвата ВКЛ. Крестьянское движение удалось остановить с помощью войск только к середине 1797 года. Многие крестьяне бежали тогда от русских, якобы спасавших православных, в земли Белостокского округа, отошедшего к протестантской Пруссии.

Горожане. Жители городов (мещане) остались свободными от крепостной зависимости и в Российской империи. Однако они утратили самоуправление (Магдебургское право), широко распространенное в ВКЛ, но отсутствовавшее в России.

Кроме городов, в Беларуси было много местечек (городков) — поселений переходного типа между городами и селами, неведомых в России. Почти все они принадлежали магнатам, так как находились в их владениях. Царское правительство долго не могло решить, к какой категории их отнести — к городам или селам? Пользуясь этим, многие магнаты ту часть местечек, где жили свободные мещане-хлеборобы, объявили селами, а самих мещан — крепостными крестьянами. В местечках, «реформированных» подобным образом, осталось лишь еврейское население.

Торгово-промышленную деятельность еврейского населения затруднили большие налоги и дискриминация по религиозному признаку. Так, с еврейских торговцев и ремесленников российские власти брали вдвое больший налог, чем с христианских. В 1786 году евреям запретили заниматься производством алкоголя. А в 1794 году царским указом для них ввели печально знаменитую «черту оседлости», примерно совпавшую с границами бывшего ВКЛ.

Последствия вмешательства России в историческую судьбу беларусов.

- Вследствие закрепления всех земель ВКЛ под властью русской абсолютной монархии, в Беларуси (Литве) прервался процесс перехода от шляхетской к демократической республике. Это был большой шаг назад, к усилению крепостничества и авторитаризма.
- Замедлился процесс национальной самоидентификации беларуского народа, гарантом чему являлось Великое княжество Литовское.

- Беларусь оказалась в составе экономически отсталого государства. Оно не могло содействовать экономическому прогрессу края.
- Агрессивная Российская империя вела непрерывные войны с целью захвата все новых и новых территорий по всему периметру своих границ. Беларуский народ отныне служил источником «пушечного мяса» для этих захватнических авантюр.

Однако поначалу Россия смогла осуществить только военно-административное подчинение захваченных земель. Для полной инкорпорации ей недоставало и экономических, и культурных, и людских ресурсов.

Война 1812 года

В этой войне русские сражались за своего царя-крепостника, поляки — за возрождение Польши, французы — за военную добычу и славу. А беларусы — за право на жизнь...

Вторжение. В начале XIX века между Францией — с одной стороны, Россией, Пруссией, Австрией — с другой, шла борьба за гегемонию в Европе. В войне 1805—07 гг. Наполеон победил Третью антифранцузскую коалицию. После этого он создал автономное Варшавское герцогство в тех польских землях, которые ранее по трем разделам Речи Посполитой достались Пруссии.

Продолжение войны обе стороны считали неизбежным. На территории Беларуси и современной Летувы осенью 1811 года сосредоточились значительные силы русских. Первая армия Барклая-де-Толли, расположенная севернее Немана, насчитывала 120 тысяч человек. Ее штаб находился в Вильне. Штаб Второй армии Багратиона (48 тысяч человек), занявшей позиции от Немана до Припятских болот, разместился в Волковыске. Содержание русских войск легло тяжелым грузом на плечи населения. Средств, отпускавшихся армии на закупку провианта и фуража не хватало, так как значительная часть денег оседала в карманах командиров и интендантов. Голодные солдаты часто грабили местных жителей.

24 июня 1812 года полумиллионная «Великая армия» Наполеона переправилась через Неман. Под ее знаменами, кроме французов, шли австрийцы, немцы, датчане, голландцы, итальянцы, португальцы. И, конечно же, поляки. Русские войска отступали на восток, оставляя врагу опустошенный край. Они сжигали склады, угоняли крестьянскую скотину. Несмотря на это, «Великая армия» непрерывно требовала хлеба, мяса, фуража, лошадей и подвод.

Беларуские земли стали ареной кровавых битв. За время наполеоновского наступления только крупных сражений здесь произошло не менее 15. «Генеральное сражение» тоже могло состояться на територии Беларуси, если бы Первая и Вторая русские армии успели соединиться под Витебском. Российский генералитет не хотел переносить военные действия в русские губернии. Наполеон же первоначально планировал завершить свой поход в Витебске.

Новое ВКЛ и новая Белоруссия. Шляхта и горожане ВКЛ (особенно на западе) приветствовали «Великую армию», видя в ней избавительницу от российских захватчиков. Поздравительные речи в честь победителей звучали не только в Вильне, Гродно и Минске, но даже в Могилеве и Смоленске. Почти все студенты Виленского университета выразили желание служить в армии Наполеона. Представители минской аристократии встретили французского маршала Луи Даву в двух милях от города. В Могилеве православный епископ Варлаам и иеромонах Орест благословили французов, избавивших город, как они выразились, от «наших хищников».

По мере приближения французских войск русские чиновники покидали города на повозках, нагруженных казенным имуществом, архивами и казной. Шляхта оставалась дома и создавала временные комиссии для управления губерниями и поветами. Ждала Наполеона и беларуская деревня. Крестьяне слышали, что в герцогстве Варшавском французский император отменил крепостное право. Накануне войны в западные губернии России засылались прокламации, в том числе на беларуском языке, о свободе, которая придет вместе с наполеоновской армией.

Появление Наполеона наглядно выявило отрицательное отношение большей части населения к царскому режиму. Прошло всего 17 лет с момента ликвидации ВКЛ, воспоминания о нем еще не стерлись в памяти жителей Гродненщины, Брестчины, Виленщины, Минщины. Только за Двиной и Днепром, где срок русского господства был вдвое больше, население отнеслось к французам более сдержанно.

В этой войне беларусы воевали и за русского, и за французского императора. Так, в 1811 году царское правительство набрало в Беларуси около 15 тысяч рекрутов. Среди российских офицеров были беларуские шляхтичи. Служили наши земляки и во французской армии. А генерал Юзеф Понятовский набирал их в полки Варшвского герцогства.

Одни беларусы делали это по принуждению, другие сознательно, но фактически те и другие с одной и той же целью — возродить Великое княжество Литовское и покончить с крепостным правом. Только одни надеялись добиться своих целей верной службой русскому императору, а другие — французскому. Естественно, что поначалу перевес отдавался более удачливому Наполеону, который к августу занял почти все беларуские земли. Под властью царя остались только Речицкий, Мозырский, частично Бобруйский и Белицкий

(Гомельский) поветы, укрытые непроходимыми полесскими болотами, да еще Бобруйская крепость.

Наполеон учел благоприятные для него настроения в беларуском обществе. Он не позволил полякам восстановить Речь Посполитую в границах 1772 года, вместо этого объявил о создании еще двух автономных государств. Первое — княжество Литовское со столицей в Вильне — включало Виленскую, Гродненскую, Минскую губернии и Белостокскую область. Второе — Белоруссия со столицей в Могилеве — охватывало Приднепровье и Придвинье.

Тем самым Наполеон поставил границу дальнейшему расширению герцогства Варшавского, ублажил ту часть беларуской шляхты, которая мечтала о возрождении своего государства, подготовил почву для политического торга с Александром І. В случае необходимости он мог уступить царю Белоруссию, оставив себе Литовское княжество. Правда, раздел этнической территории на две части не понравился местной шляхте, ее представители просили Наполеона соединить Литву и Белоруссию в одно целое.

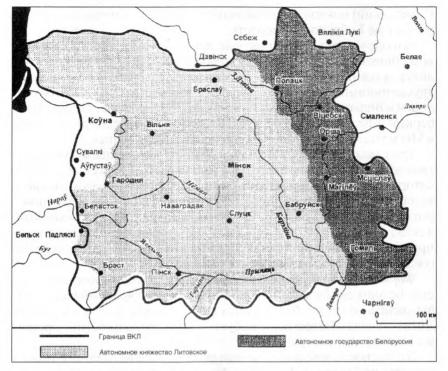
Формирование местной администрации. Автономному государству Белоруссия было отпущено слишком мало времени на то, чтобы «встать на ноги». Рядом с ним шли жестокие бои. А вот «новая Литва» успела обзавестись атрибутами государственности — органами власти, армией, границами.

Литовское княжество возглавила Комиссия временного правительства из 7 человек. Ее опекал французский комиссар, назначенный Наполеоном. Департаментами (бывшими губерниями) управляли административные советы (3 человека в каждом), под контролем французских интендантов. Поветы французы переименовали в супрефектуры, волости — в кантоны. В городах были созданы муниципалитеты.

Для поддержания порядка в городах и поветах спешно создавались отряды национальной гвардии и жандармерии. Чуть позже началось формирование армии княжества. К декабрю 1812 года в ней было уже 19 тысяч человек. Одним из источников ее комплектования служили беларусы, бежавшие из русской армии. Из беларуских шляхтичей-добровольцев был учрежден кавалерийский полк в составе императорской гвардии. Местные татары сформировали эскадрон конных разведчиков.

Временное правительство Литовского княжества в первую очередь заботилось о сборе денежных и натуральных налогов для французской армии и об удержании в спокойствии крепостных крестьян. Все делопроизводство и обучение оно вело на польском языке.

Политическим идеалом для основной массы шляхты являлись «золотые вольности» прежней Речи Посполитой. Даже патриотически настроенные помещики свободу своего края связывали с Поль-

Автономные государства— Великое княжество Литовское и Белоруссия— созданные Наполеоном

шей. Поэтому уже через месяц «независимого» существования в Литве возникло движение за учреждение конфедерации с Варшавским герцогством.

Изменение отношения к французам. Тем временем отношение большинства населения к французам постепенно менялось в худшую сторону, особенно в местечках и деревнях, где процветало мародёрство. Мародёров не останавливала даже угроза смертной казни. Особенно тяжелые испытания выпали жителям Витебской губернии. Там почти непрерывно шли военные действия между российским корпусом генерала П.Х. Витгенштейна, прикрывавшим путь на Петербург, и французскими войсками маршалов Удино и Сен-Сира. 12-тысячный французский гарнизон Витебска партизаны фактически держали в осаде. Свою злобу из-за непрерывных стычек и нехватки продовольствия французы срывали на местных жителях. Поэтому те все чаще принимали сторону русской армии. К тому же на Витебщине проживало много русских староверов.

Простой народ возмущался иностранцами, которые вместо ожидаемой свободы принесли бедствия и страдания. Шляхта тоже бы-

ла недовольна диктатом французской военной администрации. Поэтому, когда Наполеон отступил от Москвы в беларуские земли, его войска уже не нашли поддержки населения. Деморализованные, голодные, полураздетые французы чинили насилие над жителями сел, местечек и городов, грабили всех подряд.

Возвращение российских властей. Вслед за отступавшими французами шли российские генералы со своими войсками. Несмотря на недовольство французами, никто их здесь хлебом-солью не встречал, даже староверы. Войска Наполеона яростно сопротивлялись. Наши земли стали свидетелями еще 14 значительных сражений.

Русские армии (М.И. Кутузов с востока, П.Х. Витгенштейн с севера, П.В. Чичагов с юга) прижали французов к реке Березине. Казалось, что здесь Наполеона ждет полный крах. Но русские генералы то ли «проспали», то ли не смогли согласовать свои действия. В четырехдневном сражении (14—17 ноября) возле деревни Студёнка под Борисовом погибли более 20 тысяч солдат «Великой армии», включая беларуских добровольцев. До 30 тысяч сдались в плен. Но император ускользнул, а 27 ноября уехал из Сморгони в Париж. Уцелевшие французские части перешли Неман в декабре 1812 года.

Княжество Литовское, державшееся на французских штыках, прекратило существование. Его администрация с приближением русской армии бежала за границу, прихватив казну и архив. Далее Временное правительство Литвы свыше 6 месяцев действовало в Варшаве, Кракове и Дрездене. Литовские полки были разбиты в сражениях у Студёнки, Койданово, Нового Сверженя, Слонима. Остатки их обороняли Вильню, затем отступили к Кёнигсбергу, где влились в польские и французские воинские формирования.

Поведение победителей. Фактически, русские генералы вторично завоевали беларуские земли. И они вели себя здесь как в стане врага. Например, русский полковник-гусар Денис Давыдов, известный в России как герой-партизан и поэт, в наших землях «прославился» издевательствами над жителями Гродно.

Попытки сопротивления русские карали смертью. Они грабили крестьянские хаты и дома мещан, шляхетские имения, дворцы магнатов. Русские солдаты отбирали всё, что не успели отобрать солдаты французские, обрекая простой люд на голодную смерть. Например, адмиралу Чичагову, командовавшему Южной, или Молдавской армией, потребовались 40 возов, чтобы отправить в Петербург и Москву богатства из Несвижского дворца Радзивиллов*.

^{*} Некоторые беларуские исследователи, в частности С.В. Букчин, полагают, что Чичагов опоздал к Березине по той причине, что охотился за сокровищами, вывезенными французами из московского Кремля. Он их захватил и без лишнего шума отправил в Москву на 5 повозках, среди упомянутых 40, под видом сокровищ Радзивиллов. — $Прим. \ Ped.$

Фельдмаршал князь М.И. Кутузов просил царя отобрать имения у тех магнатов и помещиков, которые помогали Наполеону, и раздать их русским генералам и офицерам. Но Александр I не сделал этого. Он предпочел помириться с местной шляхтой, чтобы облегчить подчинение ее своей власти.

Кровавый след войны. Население Беларуси оплатило войну России с Францией огромными жертвами — около миллиона человек. От рук французских и русских оккупантов, от голода и холода, от эпидемий погиб каждый четвёртый. В отдельных городах численность жителей сократилась в 2—3 раза. Таких людских потерь Беларусь не знала с времен Северной войны 1700—1721 гг. В районах военных действий деревни, местечки и города были частью полуразрушены, частью уничтожены дотла. В 1813 году хлеборобы беларуского края едва собрали зерно, чтобы засеять хотя бы половину довоенных пахотных земель. Эпидемии еще долго собирали свою жатву в Беларуси, а ее население десятки лет с проклятиями вспоминало войну.

От повального голода крестьян спасла картошка. К концу 1820-х годов она из огородной превратилась в полевую культуру и стала для беларуской деревни настоящим «вторым хлебом». Одновременно это способствовало производству алкоголя в помещичьих имениях. Картофельную водку («гарэлку») помещики сбывали в многочисленные трактиры, появившихся на «большаках» (магистральных дорогах) через каждые три — четыре версты.

Полонизация под покровительством царя (1813–1830)

После изгнания Наполеона в землях бывшего ВКЛ — исторической Беларуси — долго шла борьба между русскими и поляками за культурное влияние на местное (беларуское) население. Первое время поляки, избрав своим оружием знания, успешно «побеждали» завоевателей. Они стремились превратить Беларусь в польскую провинцию.

Взгляды верхов на Беларусь. Беларуские земли в те времена воспринимались в русском обществе как польские. Например, упомянутый выше гусарский полковник (позже генерал) Денис Давыдов назвал Беларусь в своих мемуарах «чужим нам польским краем». Лишь некоторые видные деятели екатерининской эпохи, такие, как поэт Гавриил Державин, или историк Николай Карамзин, упорно считали Беларусь (которую они называли Литовской Русью) краем русским, а не польским. Но его самобытность в ту эпоху не признавал никто.

Царь Александр I с юности проявлял симпатии к Польше, а также к иезуитам. Важную роль в формировании такого отношения

сыграл польский князь Адам Чарторыйский (1770—1861). С 1796 года он являлся адъютантом цесаревича, в 1801—03 гг. входил в состав так называемого «Негласного комитета» при царе, где вырабатывался политический курс России, а в 1804—06 гг. занимал пост министра иностранных дел империи. Поэтому и царь, и его окружение воспринимали западные земли империи в значительной мере глазами Чарторыйского.

После победы над Наполеоном император Александр планировал превратить герцогство Варшавское в свой протекторат. Адам Чарторыйский предложил ему присоединить к герцогству еще и беларуские земли, чтобы в итоге создать Польское королевство под покровительством России. Частично этот план был осуществлен. Европейский конгресс монархов, заседавший в Вене с сентября 1814 по июнь 1815 года, передал России значительную часть герцогства Варшавского за ее заслуги в победе над Наполеоном.

На этой территории было образовано Королевство Польское. Его площадь составила 128,5 тысяч кв. км (8 воеводств), население — 3,3 млн человек. 27 ноября 1815 года Александр I подписал текст конституции королевства, по которой оно получило статус монархии, связанной с Россией личной унией.

Но подчинить Варшаве Беларусь (Литву) и Жемойтию (нынешнюю Летуву) Александр I не отважился, ибо столкнулся с враждебным отношением правящих кругов империи к полякам, недавним пособникам Наполеона. Тем не менее, русский монарх покровительствовал полякам на территории беларуско-литовских губерний, особенно в сфере просвещения. Тем самым он надеялся достичь взаимопонимания со шляхтой бывшей Речи Посполитой и надежно инкорпорировать в империю все «польские земли» (Беларусь, Жемойтию, Польшу).

Просвещение играло важную роль в «польской» политике Александра I не только потому, что он был «просвещенным монархом». Как уже сказано выше, этнокультурная проблема возникла перед Россией сразу же после начала захвата территории ВКЛ. Выяснилось, что византийско-азиатские традиции русской культуры здесь не воспринимаются. Правящая верхушка Литвы (Беларуси) была ближе к европейским культурным ценностям, не говоря уже о Польше. Это заставляло власти Российской империи не только идти навстречу культурным запросам местной шляхты, но и самим европеизироваться.

Вообще, большая часть времени правления императора Александра I (20 лет из 25) характеризуется определенным либерализмом в национально-культурной политике. Во всяком случае, русификация населения беларуских земель практически не велась. Изучение русского языка, издание книг и даже делопроизводство на русском языке было делом исключительно добровольным. Зато полонизация осуществлялась, что называется, «широким фронтом».

Политика в области просвещения. Уже правительство Екатерины II открывало русские народные училища, по образцу австрийских школ. В этих учебных заведениях впервые учились вместе мальчики и девочки, дети шляхты и купцов, мещан и даже крестьян. Но шляхта в своем большинстве игнорировала чуждые ей русские школы, предпочитая школы при католических и униатских монастырях. Поэтому екатерининские училища быстро пришли в упадок.

Павел I, считавший Беларусь польской провинцией, стремился укрепить здесь свое влияние с помощью католического образования. И не случайно. Почти при каждом местном костёле существовала школа. Большим авторитетом пользовались иезуитские коллегиумы (средние учебные заведения), дававшие классическое образование европейского образца. Католические школы успешно полонизировали не только беларускую шляхту, но и пришлых русских дворян.

Александр I хотел приблизить Россию к Западу. В первые годы своего правления он реформировал школы, решая задачу по расширению светского образования. Созданное им в 1802 году Министерство народного просвещения начало открывать школы трех типов: приходские училища, поветовые училища, губернские гимназии. Всю Россию оно разделило на 6 учебных округов во главе с попечителем и университетом в каждом из них. В Виленский учебный округ вошли школы, находившиеся на территории ВКЛ (т.е. в современной Летуве, Беларуси и Правобережной Украине).

Польская партия. Попечителем Виленского учебного округа царь назначил в 1803 году своего «друга» Адама Чарторыйского. Князь избрал помощниками лучших деятелей польской культуры того времени. Так, административными делами ведал известный ученый Тадеуш Чацкий. В качестве теоретика выступал бывший ректор Краковского университета Гуго Коллонтай. Более 20 лет, вплоть до отставки в 1824 году, князь Адам и его сторонники делали всё, чтобы сохранить и приумножить традиции польского просвещения и польской науки.

Став попечителем, Адам Чарторыйский в том же 1803 году открыл университет на основе Виленской иезуитской академии. Кроме четырех светских факультетов (медицинского, юридического, филологического, физико-математического), он имел еще и богословский. Высокие профессорские оклады привлекали в Вильню лучших ученых из Польши, Пруссии, Австрии, Италии. Первым ректором стал Иероним Стройновский, в 1807 году его сменил астроном, математик, философ Ян Снядецкий. В состав профессуры входили и уроженцы Беларуси, например, филологи Михаил Боб-

ровский и Игнат Данилович. Университет в Вильне быстро превратился в общепризнанный центр науки и культуры польского, беларуского и литовского (жемойтского) народов.

В состав Виленского учебного округа входили и светские школы. Это губернские гимназии (в Витебске, Гродно, Минске, Могилеве, Слуцке, Свислочи), поветовые и приходские училища. Гимназии Виленского округа отличались от русских гимназий более разносторонними учебными программами. В России обучение на таком уровне вела только гимназия при Московском университете. Высоким профессионализмом отличались преподаватели поветовых училищ. Их программа, рассчитанная на 6 лет, мало чем отличалась от гимназической. Только в штате гимназии состояли 6 учителей, производившие набор учеников каждый год, а в поветовых училищах работали 3 учителя, набиравшие учащихся через год.

Приходские школы существовали за счет помещиков, священников и богатых горожан. Свои учебные заведения имели не только католики, но и униаты, протестанты, иудеи, магометане, православные. Девочки учились в частных пансионах и при монастырях.

Иезуитское просвещение. Университетский совет контролировал все учебные заведения Виленского учебного округа, в том числе при костёлах. Это вызывало недовольство монахов-преподавателей. Особенно несговорчивыми оказались иезуиты, чей орден находился под опекой царского двора, а потому долго сохранял в России свои права и собственность.

В 1812 году иезуиты добились самостоятельности в сфере просвещения. По решению правительства от 10 июня, незадолго до начала вторжения Наполеона, в Полоцке была открыта иезуитская академия на правах университета, в том числе с правом контроля над училищами ордена по всей России. Так Беларусь обрела два высших учебных заведения.

В Полоцкой академии было три факультета: теологии, языков и литературы, философии и свободных наук. Работала типография, печатавшая, между прочим, сборники духовных песен на беларуском языке. Существовали библиотека (до 40 тысяч томов), музей, картинная галерея. Здесь можно было получить прекрасное образование. Иезуиты, имевшие великолепную подготовку и обладавшие педагогическими талантами, просто очаровали многих русских аристократов, которые посылали на учебу к ним своих детей, а сами — переходили в католичество.

Довольно скоро (через 8 лет) интеллектуальные и миссионерские способности иезуитов по достоинству оценили и в Риме, и в Петербурге. Папа Римский возродил орден иезуитов, а русский царь, уступив категорическим требованиям высших иерархов Русской православной церкви (РПЦ), запретил его деятельность в России. С этого

момента национальная политика царизма в Беларуси медленно, но неуклонно начала поворачиваться в сторону русификации.

В 1820 году Полоцкую академию и подчиненные ей учебные заведения закрыли, книги, картины и музейные ценности отправили в Петербург и Москву. Некоторые изгнанные из Беларуси иезуиты перебрались в США. Один из них, отец Франтишек Деружинский, уроженец Орши, возглавил Американское иезуитское общество, а также основал первый католический университет в Соединенных Штатах.

Одновременно Александр I повелел начать пресловутый «разбор шляхты». От шляхтичей бывшего ВКЛ потребовали документально подтвердить свои права, дарованные в разное время великими князьями Литвы и королями Речи Посполитой. Тем, кто не мог доказать шляхетство, предлагали записаться на выбор в одно из податных сословий — мещанство или крестьянство. Но кампания по «разбору шляхты» растянулась на десятилетия, ибо шляхта упорно держалась за свои права, невзирая на любые поползновения властей.

Усиление полонизации. В Виленском округе сложилась лучшая в Российской империи система образования. Но руководство округа использовало ее для полонизации беларуской интеллигенции, происходившей из шляхты. Обучение в Виленском университете и во всех подчиненных ему школах велось на польском языке. Только восточнее Днепра можно было встретить русскоязычные школы, содержавшиеся за государственный счет.

Преподавание на русском, беларуском, еврейском и других языках сохранялось в религиозных училищах, которые с трудом подавались контролю. Беларуские школы существовали при некоторых монастырях униатского ордена базилианцев. Однако владение именно польским языком считалось в здешнем крае признаком культурности, образованности, шляхетности. Беларуский язык оставался языком неофицальным, домашним, языком повседневного общения крестьян, мещан, мелкой шляхты и разночинцев*.

Виленский губернатор в 1808 году жаловался царю, что здесь редко можно встретить человека, умеющего читать и писать по-русски. Гораздо чаще на улицах беларуских городов слышалась польская речь. Но все же полонизация охватила мещан меньше, чем шляхту. А беларуское крестьянство в своем подавляющем большинстве вообще избежало полонизации, так как образование было для него

^{*} В этом плане можно провести аналогию с использованием французского языка российским дворянством с целью утверждения своей исключительности. Но если французский язык является абсолютно чужим для русских, то польский язык очень близок беларускому, особенно в его исконном виде, еще не подвергшемся русификации. — Π рим. Ped.

практически недоступным. Это, как ни парадоксально, сохраняло этническую почву для будущего беларуского возрождения.

О создании же беларуских народных школ не думали ни российские власти, ни польские патриоты, ни верхи местного общества. Отсутствие у беларусов национального образования исключило их из процесса консолидации наций, происходившего в Европе во второй половине XVIII — первой половине XIX века. Вот почему беларуское национальное движение развивалось с большим опозданием.

Благодаря Виленскому университету и Полоцкой академии в беларуских землях бывшего ВКЛ собрались лучшие интеллектуальные и патриотические силы польского народа, стремившиеся закрепить за своей отчизной эти земли средствами культуры. Виленский университет стал для поляков своего рода «маяком» в их борьбе за сохранение национальной самобытности. Именно в Вильне расцвели таланты поэтов Адама Мицкевича и Владислава Сырокомли. Но для беларуской культуры этот расцвет имел трагический оттенок. Она теряла своих лучших сынов, становившихся на службу польской нации. Например, и Мицкевич, и Сырокомля происходили из беларуской шляхты.

Беларуский регионализм. Все же нельзя сказать, что польские патриоты встречали в Беларуси повсеместную поддержку. Например, им долго пришлось бороться с профессорской оппозицией Виленского университета, во главе с первым ректором Иеронимом Стройновским (1752—1815), украинцем по происхождению, за то, чтобы среди профессуры преобладали поляки. Гуго Коллонтай был недоволен тем, что Стройновский создал при университете кафедру русского языка, а приходские школы Виленского округа оставил в ведении церквей, в том числе православных. Наконец, в 1806 году его отстранили от руководства университетом под благовидным предлогом.

Настойчивое стремление Чартрорыйского и его сподвижников ставить политические проблемы выше научных вызывало недовольство местных преподавателей польским национальным эгоизмом. Ответная реакция с их стороны приобрела форму изучения беларуской национальной культуры. Именно преподаватели Виленского университета стали первыми провозвестниками беларуского возрождения. В частности, Михаил Бобровский начал изучать наследие Франциска Скорины, Игнат Данилович (1787—1843) занялся Литовским Статутом и старобеларускими летописями. Именно полонизация пробудила среди некоторых представителей беларуской шляхты интерес к прошлому своей Отчизны, к культуре народа.

Многие униатские священники тоже были недовольны полонизацией. Сильную оппозицию встретила польская партия в лице униатского митрополита, беларуса Ираклия Лисовского (1734—1809), и униатского клира, не желавшего идти по пути полонизации. В ру-

ках униатской церкви были школы, в том числе беларуские. Между тем, Т. Чацкий скрытно добился издания царского указа о переводе всех школ при базилианских (т.е. униатских) монастырях в подчинение Виленскому округу. Это означало их полонизацию. Тогда Лисовский напрямую обратился к царю Александру, которому пришлось отменить только что изданный указ.

Да и вообще беларуско-украинская шляхта хотя и считала себя «польской», но всегда добавляла, что она «из литвинов» (беларусов) или «из русинов» (украинцев). Традиции независимой Литвы еще сохранялись в среде местного шляхетства.

В поисках лучшей доли (1813-1830 гг.)

Реформы императора Александра I на территории ВКЛ в основном ограничились просвещением. Этого было недостаточно для сохранения спокойствия в обществе, недовольном российским деспотизмом. Перемен к лучшему можно было достичь либо путем расширения реформ «сверху», либо путем вооруженной борьбы «снизу» за возрождение реформированой Речи Посполитой.

Виленские общества. Распространение идей просвещения и науки, а также ухудшение социально-экономического положения края усилили общественно-политическую активность передовой части шляхты. По-прежнему актуальными оставались для нее проблемы освобождения от российского господства, либерализации государственного управления, изменения условий хозяйствования.

Центром просвещения и общественно-политической жизни была Вильня. Здесь действовал университет, издавались газеты. После изгнания французов при университете появились научно-просветительские студенческие кружки, деятельность которых постепенно приобрела политическую окраску. Это «шубровцы» («лентяи»), «филоматы» («любители наук»), «лучистые» (от слова «луч»), «филореты» («любители благотворительности»).

Студенческая молодежь стремилась посредством просвещения улучшить состояние Отечества, под которым подразумевалось бывшее ВКЛ. Большим авторитетом среди членов кружков пользовался знаменитый профессор истории Иоахим Лелевель (1786—1861), пропагандировавший теорию «естественного права» всех людей на свободную и обеспеченную жизнь. В деятельности студенческих обществ участвовали знаменитые уроженцы Беларуси: поэты Адам Мицкевич, Ян Чечот и Томаш Зан, известный ученый Игнат Домейко. Они призывали сохранять традиции предков, любить и изучать родной язык. Родным языком для многих студентов был беларуский. На вечеринках членов кружков часто звучали беларуские народные песни.

Тайное общество филоретов создали руководители кружка «лучистых» после его закрытия в 1820 году. Оно имело четко сформулированную политическую цель — возрождение Речи Посполитой, в состав которой должны были войти как Литва (3 губернии), так и Белоруссия (еще 3 губернии). Это общество имело более 300 активных членов, среди которых были не только студенты, но и помещики, адвокаты, учителя. Общество возглавил Томаш Зан, его помощниками стали Ян Чечот и Франц Малевский. Кружки филоретов возникли также в Высшем училище ордена Пиаров в Полоцке, среди учащихся Белостока.

Главным проводником антипольской политики в беларуских землях тем временем стал сенатор, граф Н.Н. Новосильцев (1761—1831). В 1821 году он занял должность попечителя учебных заведений в Царстве Польским. Именно по его инициативе в 1822 году было

предпринято следствие по делу филоматов и филоретов.

В 1823 году виленская организация филоретов была разогнана. Томаша Зана власти заключили в тюрьму, так как он, спасая друзей, всю вину взял на себя. Прочих руководителей сослали во внутренние губернии России. Рядовых членов общества, в том числе Адама Мицкевича, заставили покинуть университет и уехать из Вильни. Попечитель учебного округа Адам Чарторыйский в знак протеста против всего этого в начале 1824 года ушел в отставку. Его место в начале 1825 года занял граф Новосильцев.

В 1824 году учебные заведения Витебской и Могилевской губерний царское правительство вывело из подчинения Виленскому университету, мотивируя это тем, что созданная университетом система «учебных заведений и постановка учебного в них дела оказались несоответствующими нуждам и интересам России».

Тем не менее, виленские общества сыграли свою роль. В частности, они привлекли образованную молодежь к изучению этнографии беларуского народа и его культуры. Ян Чечот, Адам Мицкевич и другие впервые напечатали на польском языке беларуские легенды, песни и предания, а отдельные произведения — на беларуском (латинским шрифтом).

Военная оппозиция. В 1820 году многие офицеры гвардейского Семеновского полка, размещенного возле Петербурга, выступили против издевательств над солдатами. Царь Александр I был недоволен таким «вольнодумством» и решил укротить дерзость армейской молодежи походом в Беларусь. С лета 1821 по лето 1822 года 30-тысячная русская армия квартировала по городам, местечкам, деревням и имениям Витебской, Виленской, Гродненской, Минской губерний. Власти надеялись, что русские гвардейцы произведут хорошее впечатление на беларуское общество, найдут общий язык с местной шляхтой и тем самым поспособствуют ее русификации.

Однако беларуское население встретило русских военных весьма сдержанно. Юнкер Александр Одоевский (1802—1839), князь, поэт и декабрист в одном лице, удивлялся тому, насколько сильно ощущалось различие между Россией и Беларусью сразу же за чертой Псковской губернии, и сожалел о том, что местные светловолосые паненки избегают офицеров. На руских здесь смотрели, как на иностранцев. Никита Муравьев (1796—1843), один из организаторов «Северного общества» декабристов, писал матери, что жители Беларуси знают русских не лучше, чем китайцев.

Все же некоторое сближение происходило. Офицеры изучали польский язык. Идеи патриотизма и реформизма были одинаково близки определенной части русских и польских аристократов. Видимо, не случайно первый вариант русской конституции Никита Муравьев написал в Беларуси. Результат похода оказался не тем, на который надеялся царь. Гвардейцы вернулись в столицу империи еще более убежденными противниками существующих порядков.

Планы декабристов. Декабристское движение советская историография всегда покрывала вуалью романтики, но факты — упрямая вещь. Демократизм проектов конституций соединялся у декабристов с великодержавным русским шовинизмом. Так, глава «Южного общества» Павел Пестель (1793—1826) защищал идею единой и неделимой России, делая исключение только для королевства Польского. По его мнению, оно могло получить независимость, но при условии тесного политического и военного союза с Россией.

Чтобы заручиться поддержкой польского «Патриотического общества» в борьбе за свержение самодержавия, Пестель соглашался на территориальные уступки полякам. Он планировал передать им после военного переворота Гродненскую и Виленскую губернии, а также большую часть Минской губернии. Это был первый план раздела беларуских земель между Россией и Польшей, составленный без ведома беларусов. Вообще, программа Пестеля декларировала полную русификацию нерусского населения империи. В соответствии с ней все национальные языки следовало запретить. Пестель признавал существование беларусов, но только как части русского народа, «испорченной» длительным господством поляков.

Проект конституции Никиты Муравьева предусматривал федеративное устроение России. Империя должна была состоять из автономных государств, представлявших собой территориально-хозяйственные единицы по образцу североамериканских штатов. Беларуские земли Н. Муравьев планировал включить в состав двух таких государств: Западного (со столицей в Вильне) и Днепровского (со столицей в Смоленске). Пестель считал беларусов и украинцев русскими, поэтому национальный вопрос фактически не рассматривал.

Декабризм в Беларуси. Движение декабристов нашло поддержку среди некоторых представителей шляхты западных беларуских земель и ряда офицеров Литовского корпуса русской армии. Именно они создали в 1825 году в Белостоке тайную организацию «Военные друзья». Руководил ею белостокский шляхтич, бывший филомат Михаил Рукевич. Его ближайшими помощниками являлись капитан Константин Игельстром и поручик Александр Вегелин. Организация насчитывала 45 членов, поддерживала связь с польским «Патриотическим обществом» и с русскими декабристами.

24 декабря 1825 года члены организации попытались сорвать присягу Литовского пионерского (инженерного) батальона новому царю Николаю І. Это произошло в местечке Брянск, под Белостоком. Однако другие части корпуса не поддержали заговорщиков. Рукевич, Игельстром и Вегелин были арестованы и в начале 1827 года приговорены к каторжным работам в Нерчинских рудниках, где они оказались в одной компании с остальными декабристами*.

Итак, после войны 1812 года в России некоторое время были популярны идеи реформ. Однако русские дворяне-реформаторы своими имперскими амбициями не могли увлечь беларускую шляхту, которая осталась в сфере влияния польского освободительного движения. Неудачное выступление декабристов только укрепило самодержавие. Все это еще больше сближало патриотически настроенную шляхту Беларуси и Польши, подталкивало их к идее совместной вооруженной борьбы за национальное освобождение.

.0.

В целом, в 1795—1830 годы местная элита жила на руинах Речи Посполитой и Великого княжества Литовского. Шляхетское сословие восприняло разрыв с прошлым как подлинную катастрофу. Оно не теряло надежду восстановить разрушенное здание конфедерации. Именно под этим лозунгом происходила интенсивная полонизация беларуских земель.

Но при этом шляхетское сословие исчезнувшего ВКЛ сохранило свой регионализм. Этот факт наглядно продемонстрировали члены виленских студенческих обществ и некоторые униатские священники-беларусы. Что касается простого народа, то он в своем подавляющем большинстве остался безразличным к политическим переменам и по-прежнему был привержен родному языку, униатской религии, традициям и обычаям предков во всех сферах своей жизни.

^{*} К. Игельстром (1799—1851) отбывал каторгу в 1828—32; в 1832—36 находился в ссылке в Сибири, в 1836—43 служил рядовым в действующей армии на Кавказе. В 1843 был уволен в отставку с чином поручика, но с запрещением въезда в Петербург и Москву.

2. Период польско-русского противостояния и беларуского распутья (1831–1863)

Восстание 1831 года

1794, 1812, наконец, 1831 год... Уже в который раз польский народ поднимался на борьбу за свое национальное освобождение. А эта борьба становилась частью беларуской истории.

Царь Николай и Польша. Новый император Николай I (правил в 1825—1855 гг.) был воспитан в духе милитаризма, абсолютного самодержавия и великорусского шовинизма. Он, в отличие от своего брата Александра, не мог и не хотел быть лояльным по отношению к непокорным полякам. Королевство Польское (его конституцию, сейм и армию) в Петербурге терпели только потому, что того требовало Венское соглашение европейских монархов. Не помогало полякам и то, что наместником Польши был старший брат Николая, великий князь Константин (1779—1831).

Между тем, разгром декабристов не испугал радикально настроенных польских патриотов. Они продолжили подготовку к вооруженной борьбе за полную независимость от России, планируя провозгласить республику и отменить крепостное право. Однако их взгляды не разделяло большинство польских аристократов. Консерваторы отвергали любые социальные реформы и желали установления в Польше конституционной монархии.

Радикалов, объединившихся в «Патриотическом обществе», возглавил профессор истории Иоахим Лелевель, а лидером консервативной аристократии был давний друг царя Александра — князь Адам Чарторыйский. Несмотря на противоположность социальных программ, обе эти партии объединяло стремление возродить Речь Посполитую в границах 1772 года. Великое княжество Литовское они считали частью Польши, хотя на его территории жили не поляки, а предки современных беларусов и литовцев.

Спор за беларуские земли. Польское королевство в 1831 году восстало и вступило в войну против России. В польской армии было много беларусов, уроженцев Белостокского округа и Гродненской губернии. Были беларусы и в русской армии. Как и в 1812 году, они воевали друг против друга.

Значительную роль в восстании 1831 года играла борьба за беларуские земли. Так, восставшие варшавяне предъявили великому князю Константину два требования: во-первых, признать Польшу независимым суверенным государством; во-вторых, присоединить к ней все бывшие земли Речи Посполитой, в том числе беларуские и жемойтские. Царя Николая I польские посланники просили о том же, что и Константина. Когда русские в августе окружили Варшаву

и предложили сдаться, руководство повстанцев заявило о согласии при том условии, что к королевству Польскому (как автономному государству в составе Российской империи) будут присоединены все земли бывшей Речи Посполитой.

Ход восстания в Беларуси. На поддержку восстания в восточных землях бывшей Речи Посполитой «Патриотическое общество» возлагало большие надежды. Оно посылало сюда прокламации и своих эмиссаров. В Вильне был создан подпольный центральный революционный комитет, подчиненный Варшавскому временному правительству. Он готовил восстание с целью присоединения Беларуси и Литвы к Польше. Комитет, в свою очередь, направлял своих комиссаров в соседние поветы, где тоже готовилось выступление. Наиболее непримиримыми врагами царизма показали себя католические священники (ксёндзы) и учащаяся молодежь.

Виленский генерал-губернатор Матвей Храповицкий (1784—1847), располагавший трехтысячным гарнизоном, чувствовал себя неуверенно, просил от царя подкреплений и вел себя с горожанами исключительно деликатно. Но подпольному комитету не удалось поднять жителей Вильни на восстание и захватить власть в городе.

Выступление в поветах революционеры решили приурочить к мартовскому рекрутскому набору и весеннему сбору налогов. Однако крестьяне ставили условием поддержки повстанцев освобождение от всех государственных повинностей и предоставление им личной свободы вместе с землей.

В марте-апреле восстание охватило Виленскую губернию и часть Минской (Дисненский и Вилейский поветы). В частности, повстанцы заняли и несколько дней удерживали город Дисна. 25-летняя беларуская графиня Эмилия Плятер, поэтесса и собирательница народного фольклора, вооружила на свои средства отряд, который действовал на границе Витебской и Виленской губерний.

Отряды повстанцев заблокировали Вильню, ее связь с Россией прервалась. Храповицкий тщетно ждал подкрепления из Ошмян, где в это время хозяйничал мятежный помещик Порфирий Важинский. 23 марта под его руководством повстанцы захватили Ошмяны и разоружили русский гарнизон. Был объявлен рекрутский набор в повстанческое войско: от каждых 20 душ мужского пола — один всадник и два пехотинца. Важинский возглавил правительство Ошмянского повета, пообещал крестьянам личную свободу. Примерно так же развертывались события в Вилейском и Дисненском поветах.

Число повстанцев быстро увеличивалось, но у них не было руководящего центра, отряды действовали порознь. Вскоре сдались Ошмяны. От рук казаков там погибло до 350 человек. После этого откладывать захват Вильни стало невозможным. Комитет решил объединить все силы для захвата Вильни. Это дело поручили Залускому,

вожаку повстанцев Упитского повета. Но тот медлил. Отряды повстанцев, приближавшиеся к городу, по очереди терпели поражения. Крестьяне почти не сопротивлялись и бежали с поля боя. 12 апреля в Вильню прибыло подкрепление. Время было упущено.

Переход к партизанской борьбе. Руководители восстания поняли, что в открытых сражениях они не смогут разбить армейские части. Залуский распустил свое войско в поветы для партизанской борьбы. В апреле — мае 1831 года карательные отряды разошлись во все стороны от Вильни и начали охоту за повстанцами. Страх перед карателями, в сочетании с объявленным царем прощением, возвращал крестьян по домам. После издания в мае царского указа о судебном наказании и конфискации имений за участие в восстании притихло и большинство шляхты.

Но те, кто остался в лесах, по-прежнему вели упорную борьбу. Так, 18 мая в неравном бою был разбит партизанский отряд Э. Станкевича, состоявший из виленских студентов. В этом бою погибли более 200 человек. На Гродненщине партизанское движение возглавлял секретарь гродненского губернатора Красовский. Он собрал в Беловежской пуще лесников, лесную стражу, местных крестьян. Из лесной глухомани он совершал внезапные вылазки.

Для уничтожения отряда Красовского в Беловежскую пущу прибыл русский полк. Но неожиданно для себя он встретил там вместо партизан хорошо вооруженное польское войско во главе с генералом Д. Хлаповским. Русские были разбиты. А польский генерал пошел в Литву, где в связи с его появлением восстание сразу оживилось. Вскоре туда же прибыл с 12-тысячным войском еще один польский генерал, Антоний Гелгуд. За счет местных повстанцев силы поляков еще больше увеличились. Все же взять Вильню им не удалось. 19 июня повстанческое войско потерпело серьезное поражение. Лишь отряду польского генерала Генрика Дембиньского удалось прорваться к Варшаве.

В июле волнения еще продолжались в южных поветах Минской губернии — Мозырском, Пинском и Речицком. В Беловежскую пущу на помощь Красовскому прибыл польский отряд С. Ражицкого. Но помещиков шляхту и крестьян все меньше привлекала безнадежная борьба. Они складали оружие и приступали к жатве. До конца лета повстанческое движение повсюду прекратилось. Всего в Беларуси в нем участвовало около 25 тысяч человек.

До восточной части беларуского края восстание практически не дошло. Там было гораздо меньше католической шляхты, а русское господство существовало на 23 года дольше.

Беларуская шляхта и крестьянство. Беларуская шляхта традиционно объединялась с польской в стремлении воссоздать независимую Речь Посполитую. Всем антироссийским силам требовалось

крупное польское государство, ибо только оно могло противостоять Российской империи. В будущей Великой Польше клерикалов привлекало господство католицизма, романтично настроенную молодежь и шляхетскую интеллигенцию (в том числе православную) — перспектива установления республиканской формы правления и приобщения к европейской культуре. Именно эти слои общества приняли участие в восстании на территории Беларуси. Те интеллектуальные инициативы, что были заложены в стенах Виленского университета, еще не успели кристаллизироваться в национальную идею. Поэтому протест беларуского населения против российских угнетателей соединялся с польским национально-освободительным движением.

Однако беларуская шляхта утратила былую консолидацию. Пока одни проливали кровь за Польшу, другие, более прагматичные, остались верны русскому правительству. Их устраивал монархический и крепостничесий царский режим, обеспечивавший шляхетскому сословию (дворянству) ведущую роль в российском обществе.

Восстание имело отчетливо выраженный шляхетский характер как по своим целям, так и по составу участников. Интересы крестьянства практически никто не учитывал. Поэтому беларуские крестьяне не поддержали повстанцев. Если крестьяне и вступали в повстанческие отряды, то преимущественно под влиянием уговоров своих господ. Русские же староверы единодушно встали на сторону русской армии и помогали ей в Виленской и Витебской губерниях.

Ослабление польского влияния. Император Николай I заявил, что безжалостно накажет депутатов сейма, голосовавших за свержение династии Романовых с польского трона, офицеров и солдат, не сложивших оружие после капитуляции Варшавы, руководителей восстания. Все остальные могли покаяться и получить царское прощение. Однако воины разбитого Войска Польского отдали предпочтение эмиграции. Большинство их осело во Франции, часть уехала в Англию.

Русское правительство ликвидировало атрибуты польской государственности: конституцию, сейм, армию. Королевство Польское в 1837 году было переименовано в Царство Польское, включено в состав империи и разделено на губернии. Царским наместником стал генерал-фельдмаршал граф Иван Паскевич (1782—1856), побелитель поляков.

Возможности дальнейшей полонизации Беларуси существенно ослабли. Зато теперь власти империи занялись ее русификацией. Отныне соперничество между польской и русской культурами стало долговременным фактором развития Беларуси. Одна сторона стремилась сделать беларусов русскими, православными, монархистами, другая — поляками, католиками, республиканцами.

Беларуский этнос могла консолидировать только единая национальная идеология, которая позволила бы подняться выше религиозных и сословных различий внутри его. Но условия для выработки такой идеологии после восстания усложнились. Кроме того, поражение повстанцев повлекло новые потери среди немногочисленных беларуских интеллектуалов: часть погибла в боях, часть была репрессирована и сослана, часть эмигрировала.

Волна николаевской русификации

Восстание 1831 года подвигло Николая I к целенаправленной борьбе против полонизации. Казалось бы, что в такой ситуации поддержка беларуского регионализма обретала для царского режима политический смысл. Но события пошли по другому руслу. Если до восстания царизм ограничивался политическими средствами русификации, т.е. лояльностью населения по отношению к российской державе, то отныне он сделал ставку на идеологические средства. В Петербурге решили, что в империи не только беларусы, но и украинцы должны стать русскими.

Программа русификации. Первую программу русификации западных губерний империи разработал бывший декабрист Михаил Муравьев (1796—1866). Свою карьеру чиновника он делал в Беларуси. Сначала был витебским губернатором (в 1827 году), потом могилевским (1828—30 гг.) и гродненским (1831—35 гг.), кроме того, в 1831 году служил чиновником по особым поручениям при штабе армии генерал-лейтенанта П.А. Толстого, действовавшей против повстанцев. Почти всё, что Муравьев предложил в записке, поданной царю в 1831 году, российское правительство попыталось реализовать.

Одним из главных направлений национальной политики царизма после подавления восстания стала борьба против польского влияния в беларуских землях. С этой целью в 1832 году был создан секретный «Особый комитет по делам западных губерний», который возглавил князь В.П. Кочубей (1768—1834). Комитет должен был разработать комплекс мер по наведению спокойствия и сближению западных губерний с оставшимися частями Российской империи. «Наведение спокойствия» выглядело на практике как комплекс репрессивных мер.

Одним из первых шагов в этом направлении стало распоряжение виленского генерал-губернатора Храповицкого о запрете польского языка в делопроизводстве и официальной переписке всех государственных учреждений. Но среди местных чиновников мало кто умел хотя бы говорить по-русски, не говоря о чтении и письме. Это давало основание для замены их выходцами из России. Чтобы поощрить последних к переезду, их назначали на более высокие долж-

ности и устанавливали более крупные денежные оклады, чем в центральных губерниях. Тем не менее, желающих уехать на постоянное жительство в чужой край находилось немного. Так, в 1855 году (через 23 года!) численность русских чиновников в Виленской и Гродненской губерниях не превышала 20%. К тому же крестьяне относились к ним еще с большим недоверием, чем к местным. Те хотя бы могли объяснить жителям села, чего хочет от них власть.

Введение русской администрации в бывшем ВКЛ практически провалилось. Правительству пришлось смириться с тем, что большинство государственных служащих здесь по-прежнему составляли полонизированные шляхтичи, которые изучали русской язык весьма неспешно.

В 1831 году царская администрация объявила о прекращении юрисдикции Статута ВКЛ в Витебской и Могилёвской губерниях, а в 1840 году и во всех остальных западных губерниях. Но жизнь очень скоро показала, что быстро ввести русские законы в этих землях, с их богатыми юридическими традициями, просто невозможно. Слишком сильно российское законодательство противоречило так называемому «обычному праву» — системе правовых норм, сложившихся на основе традиций. Поэтому дело повернулось таким образом, что местные правовые нормы стали вносить в свод законов Российской империи. Основой для данного мероприятия послужил «Западный свод законов», подготовленный профессором Виленского университета Игнатом Даниловичем на основе Статута ВКЛ, но не изданный. В результате, законы ВКЛ продолжали действовать под видом российских.

В 1839 году царизм ликвидировал униатскую церковь в Беларуси и Украине. В результате этого акта из практического обращения был выведен огромный пласт униатской литературы, а беларуский язык окончательно локализовался в сфере частной жизни. Но главное негативное последствие данного события для беларусов состояяло в том, что они утратили возможность создать свою национальную церковь*.

Изобретение провинциального названия. В 1840 году царю Николаю I представили на утверждение проект указа, в котором шла речь о «белорусских» губерниях (Витебской, Могилёвской, Смоленской) и «литовских» (Виленской, Гродненской, Минской). Царь приказал переписать указ, назвав в нем каждую губернию отдельно, и распорядился впредь сохранять такой порядок. Действительно, в дальнейшем правительство избегало называть указанные губернии «белорусскими» или «литовскими».

^{*} Разгром униатства подробно рассмотрен в следующей главе.

Вот так на беларуские земли распространилось общее имперское правило избегать в административных названиях этнографической окраски. Под запретом оказались в первую очередь термины «Литва» и «литовский». Официально по отношению к западной части бывшего ВКЛ их больше не использовали. Что же касается терминов «Белоруссия» и «белорусский», то они не только сохранились, но мало-помалу распространились и на бывшие литовские губернии, однако значительно позже, к концу XIX века.

«Разбор шляхты». Восстание заставило царское правительство основательно заняться шляхетским сословием в Беларуси. Николай I стремился окончательно ликвидировать шляхетскую оппозицию. Объявленная им амнистия касалась только Польши и не распространялась на беларуские губернии. Повстанцев-шляхтичей насильно брали в армию рядовыми солдатами

Царский указ 1831 года возобновил «разбор» шляхты, впервые объявленный в 1820 году, но быстро заглохший. Всех, кто не смог предъявить подлинных документов о своем происхождении, «вычистили» из дворянского сословия. Копии, даже составленные судами бывшей Речи Посполитой, власти не признавали. Таких «недоказанных» шляхтичей переводили в податные сословия — мещанство, или в крестьянство. В 1831—32 гг. шляхетское достоинство утратили около 10 тысяч человек (не считая членов их семей). В разных поветах было сокращено от половины до двух третей шляхты! Сокращение продолжалось более 30 лет! И еще долго существовал официальный термин «недоказанный дворянин» (таким был, например, отец поэта Янки Купалы — Ян Доминикович Луцевич).

С той целью, чтобы люди, внезапно лишившиеся шляхетства, не пошли толпами в революционеры, «Особый комитет» разработал в 1832 году льготные условия для переселения их на Северный Кавказ, а позже в Саратовскую, Оренбургскую и Екатеринославскую губернии. Каждая семья переселенцев получала 50 десятин земли (546,3 кв. м), освобождение от налогов на 5 лет и безвозмездную ссуду на строительство усадьбы. Все это выглядело вполне пристойно. Вот только костёлов в этих местах не было, а создавать их власти не разрешали. Поэтому набожные бывшие шляхтичи в своем большинстве отказывались от царской «милости».

Отношения с правительством той части шляхты, что сумела доказать свое аристократическое происхождение, оставались сложными. Участники восстания дождались царской амнистии. Но власти не доверяли местному дворянству. Николаевское правительство хотело создать в Беларуси надежный слой русских помещиков, если не взамен, то хотя бы в противовес здешней шляхте и ее культуре. Ради этой цели были объявлены различные льготы для новых землевладельцев. Однако малоурожайные беларуские земли не привлекали искушенных хозяев, поэтому выделяемые участки обычно брали русские чиновники, служившие в западных губерниях. А они, получив землю, не спешили расставаться со службой и, к тому же, не имели ни средств, ни знаний, ни желания для того, чтобы успешно конкурировать с местными помещиками.

Разгром системы просвещения. Под влиянием восстания 1831 года царское правительство пришло к выводу, что учебные заведения «всей Западной России не менее нуждаются в полном преобразова-

нии, чем учебные заведения Белоруссии».

Все учебные заведения, по планам властей, надо было подвергнуть «полному преобразованию в духе основных начал той самой системы, которая стала приводиться во исполнение в Витебской и Могилёвской губерниях». Так, униатские и католические монастырские школы превращались в светские уездные училища и гимназии.

В начале 1832 года император Николай поручил Комиссии духовных училищ обязать всех руководителей и преподавателей семинарий западных губерний направлять образование и воспитание к укреплению чувства духовного единства с Россией, дабы их воспитанники в дальнейшей своей деятельности заботились о распространении этого чувства среди местного населения.

Активное участие студенческой и ученической молодежи в восстании стало одной из причин того, что Николай I в мае 1832 года своим указом закрыл Виленский университет — как рассадник вольнодумства и сепаратизма. Правда, медицинский факультет «высочайшим повелением» тогда же преобразовали в Медико-хирургическую академию, а богословский факультет — в духовное училище для католиков.

Но и эту академию в 1842 году закрыли за участие ее студентов в польском освободительном движении. Тогда же духовное училище перевели в Петербург. А университетские ценности (библиотеку, оборудование кабинетов, музей) увезли из Вильни в Киев, где с 1834 года действовал университет Святого Владимира.

Лишив беларускую и польскую молодежь возможности учиться в университете у себя дома, правительство выделило, начиная с 1833 года, 50 ежегодных стипендий для обучения в Петербургском и Московском университетах «благонадежных» выпускников беларуских гимназий. Позже к этому добавили по 5 стипендий в каждом из имевшихся в империи университетов. Понятно, что указанная мера тоже ставила целью русификацию беларусов.

Наконец, в 1848 году в Беларуси появилось русское высшее учебное заведение: Горы-Горецкий земледельческий институт. Он находился в Оршанском повете и был единственным институтом такого профиля во всей Российской империи. Его студенты проходили практику в имениях местных помещиков. Благодаря практикантам,

хозяева усваивали методы научной агрономии и зоотехники, а практиканты — шляхетский дух свободы. В студенческой среде снова начали распространяться патриотические идеи. Горы-Горецкий институт перенял эстафету вольнодумства от Виленского университета.

После закрытия Виленского университета все средние учебные заведения учебного округа оказались в распоряжении царских чиновников. Они приступили к замене польских школ русскими. В результате их неустанного труда на этом поприще численность гимназий и поветовых училищ сначала сократилась в беларуских губерниях вдвое и только в 1844 году снова достигла уровня 1831 года.

Школы при костёлах и монастырях власти закрывали вообще. Преподавание на польском языке было запрещено во всех учебных заведениях. Однако местные учителя далеко не всегда могли вести обучение на русском языке. Тогда их по мере возможности заменяли выходцами из центральной России. Русские учителя получали деньги на проезд и повышенные оклады. Но в западные губернии ехали преимущественно разночинцы, то есть, выходцы из низших слоев общества, с точки зрения властей — недостаточно благонадежные. Лучше их решали задачи русификации русские священники, которых привлекали к преподаванию в начальных школах.

Однако вся империя в целом не имела столько интеллигентов (а тем более благонадежных), чтобы с их помощью успешно вести русификацию беларуского края. В 1839 году приехавшие из России учителя составили в Беларуси только 17%. Качеством обучения русские школы значительно уступали польским. К тому же полонизированная шляхта не признавала ценности русской культуры. Народных школ было мало. Крепостническое презрение к крестьянам и бедная казна обрекали их на неграмотность, зато спасали от русификации.

Царь Александр II (правил в 1855—1881 гг.), взойдя на престол, посчитал за лучшее возобновить в учебных заведениях беларуского края преподавание на польском языке.

Продолжение революционной борьбы. Правительственные круги не обращали никакого внимания на беларуское крестьянство и народную культуру. Население края считалось либо польским, либо полонизированным. Таких взглядов придерживались и члены «Особого комитета». Не удивительно, что в ответ на политику русификации местные помещики и особенно шляхетская интеллигенция снова стали искать спасение в борьбе за возрождение Речи Посполитой. Все, что исходило от царского правительства, они считали реакционным, а все польское — передовым. Поэтому интерес к польской культуре только возрастал

Польская эмиграция не отказалась от идеи вооруженной борьбы за свободу Польши. Так, видный деятель польских эмигрантских

кругов в Париже Юзеф Заливский призывал «идти в русскую Польшу» и вести там партизанскую войну, а параллельно готовить за пределами империи армию вторжения. В Гродненскую губернию проник член Национального Польского комитета Михаил Валович. Он первым предложил соединить революционное движение шляхты с крестьянским движением. Пан-бунтарь действовал в окрестностях Слонима и Новогрудка, готовил вооруженное выступление и организовывал партизанские отряды. Крестьяне долго прятали его на хуторах. Но все же Валович был схвачен и в 1833 году повешен в Гродно.

На смену погибшим борцам приходили новые. Например, польский революционер Шимон Канарский по поручению руководства парижских эмигрантов в 1835—38 годах объехал весь беларуский край и западную часть Украины, занимаясь революционной агитацией. Благодаря умелой конспирации жандармы долго не могли выследить его. Весной 1838 года Канарского все же арестовали на пути из Вильно в Минск, а в феврале 1839 года казнили. Во время следствия жандармы узнали о существовании «Союза польского народа», которым руководил Канарский. Эта тайная организация имела свою типографию, была широко разветвлена, а своей целью ставила возрождение демократически реформированной Речи Посполитой.

«Демократическое общество» Савича. В ходе следствия по делу Канарского всплыло имя Франтишека Савича, студента Медико-хирургической академии в Вильне, сына священника из Валетичей, что возле Пинска. Стало известно, что он возглавлял тайное студенческое «Демократическое общество», которое действовало с 1836 года самостоятельно, а позже вошло в организацию Канарского. В 1838 году Савича арестовали, затем отправили рядовым солдатом на Кавказ, в действующую армию. Вскоре он бежал. Раздобыв фальшивые документы, Савич открыл медицинскую практику в одном из местечек Житомирского повета, но умер от холеры.

Жандармы упорно искали Савича, чтобы судить вторично. И не случайно. Они нашли политическую программу «Демократического общества». Она провозглашала право всех наций на создание независимых государств, содержала призыв к народам России объединиться в борьбе против самодержавия и крепостничества путем народного восстания. Такие идеи в многонациональной империи были гораздо опаснее тех, что пропагандировали филореты или декабристы. Поэтому Медико-хирургическую академию сразу закрыли.

«Союз вольных братьев». Жестокая расправа с Валовичем, Канарским, Савичем и их последователями немного заглушила общественное движение в Беларуси. Но вскоре оно снова оживилось под влиянием революционных событий в Европе (восстание 1846 года в Галиции, революции 1848 года в Венгрии и Франции).

В 1846—49 гг. в Беларуси действовал конспиративный «Союз вольных братьев» (с 1848 года — «Союз литовской молодежи») с центром в Вильне и отделениями в Гродно, Лиде, Минске, Новогрудке, Ошмянах, Слониме, других городах и местечках края. Союз объединял преимущественно ученическую и студенческую молодежь. Его создали и возглавили братья Далевские, Франтишек (1825—1904) и Александр (1827—1862), позже к ним присоединился Сигизмунд Сераковский (1826—1863), в то время — студент петербургского университета*.

В 1848 году союз приступил к подготовке восстания и агитации. В фольварке Боровляны под Минском Далевские организовали кустарное производство оружия. Повстанцы надеялись отвлечь русскую армию от борьбы с венгерской революцией и продержаться до прихода в беларуские земли венгерской революционной армии во главе с польским генералом Генриком Дембиньским (1791—1864), героем восстания 1831 года. На переговоры с ним поехал Сераковский, но в пути был арестован. Напав на след «Союза свободных братьев», жандармы разгромили его. Франтишека Далевского приговорили к 15 годам каторги, Александра — к 10 годам, Сераковского отправили солдатом в Оренбург, и т.д.

Появление организаций Савича и Далевских свидетельствовало, что имперская политика русификации не подавила стремление к независимости в землях бывшего ВКЛ. Идеи национально-освободительной борьбы по-прежнему вдохновляли представителей мелкой и средней шляхты — студентов и гимназистов, преподавателей, чиновников, священников, офицеров.

Ростки беларуского сепаратизма. Савич и братья Далевские ставили будущую судьбу своего Отечества в зависимость от судьбы Польши. Но они уже не были «убежденными поляками», так как понимали культурно-этническое своеобразие беларусов.

Российское правительство после восстания 1831 года добилось ослабления польского духовного прессинга в Беларуси, а заменить его «русской давильней» еще не успело. Это и позволяло отдельным представителям местной интеллигенции (особенно выходцам из среды униатских священников) более критично оценивать идею возрождения Речи Посполитой в качестве унитарного государства. Русский литератор Николай Добролюбов провидчески заявил в 1860 году: «Посмотрим еще, что скажут сами белорусы», имея в виду неизбежность возникновения беларуского национального движения.

^{*} В национально-освободительном движении участвовали и два других брата Далевских — Константин и Титус, а также их сестра Аполония. — *Прим. Ред.*

Первые проявления «беларусизма»

В первой половине XIX века в европейских странах происходило стремительное становление профессиональных национальных культур. Но беларусов в составе России не признавали самостоятельным народом, их считали либо поляками, либо полонизированными русскими. Отсюда мнение, что тогдашняя Беларусь в культурном отношении представляла пустыню.

Польская ориентация. На самом же деле Беларусь издавна находилась в сфере влияния западноевропейской культуры, средством приобщения к которой служил польский язык. Это был язык про-

свещения и науки. Все новые веяния шли через Польшу.

К началу XIX века в европейской культуре восторжествовал романтизм. Романтики отвергали космополитические каноны классицизма. Резко усилился интерес к национальным языкам, национальной истории, национальным обычаям и традициям. 1830—40 годы стали эпохой пробуждения национального самосознания славянских народов, появления интереса к своему прошлому и своей культуре. Достаточно упомянуть движение славянофилов в России.

Не обошли перемены и Беларусь. По-прежнему наша земля питала своими талантами польскую культуру. Напомню ряд имен. Поэты Адам Мицкевич, Владислав Сырокомля, Антон Одинец, Александр Ходько, Юлиан Корсак. Романист Юзеф Крашевский. Композиторы Станислав Монюшко и Флориан Миладовский. Ученые Зориан Даленга-Ходаковский, братья Евстафий и Константин Тышкевичи, Адам Киркор, Теодор Нарбут и целый ряд других.

С ними наш край не только терял, но и приобретал. Эти выдающиеся беларусы служили своей Отчизне. Они писали по-польски, зато использовали материалы беларуской истории, этнографии, археологии, языка. Поэтому ныне ими гордятся как поляки, так и бе-

ларусы.

Русское влияние. Русское общество первой половины XIX века не интересовалось Беларусью. Да и жители беларуских губерний знали тогда русских только в качестве чиновников и военнослужащих, а русский язык изучали по необходимости. Но с течением времени в Беларуси начало ощущаться влияние русской культуры.

Среди образованных людей возник естественный интерес к русской литературе. В 50-е годы XIX века русские книги, газеты и журналы, разумеется, благодаря стараниям правительства, появились в губернских и некоторых уездных городах, где было довольно много русскоязычных чиновников. Знание русского языка давало местной шляхте возможность получить высшее образование и поступить на государственную службу. В то же время этот язык позволял знакомиться с произведениями Пушкина и Лермонтова, Гоголя

и Белинского, с журналом «Современник» Некрасова и антиправительственной нелегальной газетой «Колокол» Герцена.

Некоторые беларусы тоже внесли свой вклад в русскую культуру, правда, более скромный, чем в культуру польскую. В этой связи можно вспомнить публициста Фаддея Булгарина (1789—1859), востоковеда и писателя Осипа Сенковского (1800—1858), более известного под псевдонимом «барон Брамбеус», композиторов Михаила Глинку (1804—1857) и Осипа Козловского (1757—1831), этнографа Петра Шпилевского (1823—1861), правоведа Владимира Спасовича (1829—1906).

Перекресток культурь. В беларуских землях встречались и соперничали две мощные культуры — польская и русская. Но культурное влияние поляков и русских неизбежно приобретало здесь форму целенаправленной духовной интервенции. В результате подвергался деформации процесс культурного развития беларусов, не защищенных собственным государством, лишившихся своей национальной религии.

Беларуский язык, который до 1696 года являлся государственным языком ВКЛ, остался живым разговорным языком преобладающей части общества — языком крестьян, мещан (горожан) и мелкой шляхты. Однако привелигированные слои (крупная и средняя шляхта, чиновники, интеллигенция) теперь говорили по-польски или по-русски.

Беларуский язык тем более не был нужен царскому правительству. Ведь имперская политика основывалась на тезисе, согласно которому великороссы (русские), малороссы (украинцы) и белороссы (беларусы) — «родные братья». Этот принципиально неверный тезис стараниями властей и многочисленных идеологов глубоко укоренился в российском обществе. Не только официальные круги России, но даже русские революционеры, начиная с декабристов, считали беларуский язык лишь диалектом русского языка. Поэтому те и другие были убеждены, что противоставить полонизации западных губерний нужно именно русский язык, русскую культуру, русскую православную церковь.

Если же взглянуть на языково-культурную ситуацию в Беларуси первой половины XIX века с точки зрения самих беларусов, мы увидим, что творчество представителей беларуского народа, в зависимости от обстоятельств, осуществлялось в большинстве случаев на польском или русском языке, и лишь иногда — на беларуском.

Исследования на польском языке. Еще во времена существования Виленского университета среди его студентов и преподавателей возник интерес к истории и культуре беларуского края. Так, языковед, фольклорист, археолог и этнограф 3. Даленга-Ходаковский (псевдоним Адама Чарноцкого) установил территорию распространения

беларуского языка, описал беларуские народные обряды, многое сделал для изучения древних городищ. Археолог и этнограф граф Евстафий Тышкевич (1814—1873) в 1855 году создал Виленский музей древностей, а при нем Археологическую комиссию, организовывшую и контролировавшую раскопки в стране. Питомец Виленского университета Теодор Нарбут в 1834—1841 гг. написал 9-томную историю «литовского народа», под которым он понимал население ВКЛ. Беларуский народ как самостоятельный субъект истории он еще не выделял.

Однако понимание отличия беларусов от поляков и русских уже заметно в трудах профессоров права Виленского университета Юзефа Ярошевича (1793—1860) и Игната Даниловича. Трехтомный труд Ю. Ярошевича «Образ Литвы с точки зрения ее цивилизации от древнейших времен до конца XVIII века» (1844—1845) стал первой историей государственного строя и права ВКЛ. Историку и литератору Адаму Киркору (1818—1886) принадлежит ряд статей о Беларуси, которые вошли в известный коллективный труд «Живописная Россия», выходивший под редакцией П.П. Семенова.

Научные исследования «открывали глаза» образованным беларусам на подлинный облик их Отечества. Ученые не находили здесь ничего этнически польского и, как следствие, начинали ценить родную землю. Их труды содействовали появлению и развитию «беларусизма».

Исследования на русском языке. Научные работы на русском языке играли скромную роль в жизни беларусов того времени. В значительной мере потому, что адресовались русскому читателю и печатались в малодоступных научных изданиях. Например, в 1824 году протоиерей Иван Григорович (1792—1852) издал «Беларуский архив», сборник старинных беларуских грамот. Он же составил первый «Словарь западнорусского языка». Этнограф П. Шпилевский печатался в русских журналах «Современник», «Иллюстрация», «Пантеон». Он считал беларусов потомками кривичей и дреговичей, прекрасно знал народные обычаи и обряды, вплотную приблизился к пониманию самобытности беларуской нации. Известность Шпилевскому принесла его краеведческая книга «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю».

Уроженец Беларуси, генерал-майор Михаил Без-Корнилович написал книгу «Исторические известия о знаменитых местах в Беларуси...» (1855), в которой рассказал о здешних городах с беларуской точки зрения. Такой же позиции придерживался историк Осип Турчинович в своей работе «Обзор истории Белоруссии с древних времен» (1857). Это был первый исследователь, который заявил, что Беларусь имеет собственную историю.

Как русскоязычные беларуские ученые, так и польскоязычные шли по одному и тому же пути познания истории и культуры своего народа. Тем и другим мешало влияние российской имперской доктрины.

Народное творчество. Несмотря на всю силу влияния польской и русской культур на образованную часть нации, беларуское крестьянство оставалось неподвластным им обоим. В сельской жизни было известно только народное творчество. От рождения до смерти крестьян сопровождали песни, сказки и поговорки на родном языке. Они учили и лечили, радовали и утешали, объясняли и поучали селян. По праздникам скоморохи устраивали в селах представления батлейки (вертепа) — старинного кукольного театра. Эстетические ценности и вкусы народа находили выражение в могочисленных изделиях из соломки, резьбе по дереву, ткачестве и вышивках, гончарных, керамических и кузнечных изделиях...

Зарождение беларуской литературы. Беларуский крестьянский «материк» привлекал к себе местную интеллигенцию, получившую польское образование, но не порвавшую кровной связи с крестьянством. Ее этнографические интересы перарастали в литературные. Изучение беларуского языка и фольклора рождало желание писать по-беларуски специально для темных забитых селян, чтобы способствовать их просвещению.

Это был долгий и сложный процесс. Сначала появились анонимные рукописные произведения, так называемые «разговоры». Их создатели еще не отважились раскрывать себя, ибо писали на «мужицком» языке. Особую популярность приобрели рукописные сатирические поэмы «Энеида навыворот» и «Тарас на Парнасе» (первая половина XIX века). Их авторство по сей день точно не установлено (первую поэму приписывают смоленскому помещику Викентию Ровинскому, вторую — выпускнику Горы-Горецкого института Константину Вереницыну).

К литературному творчеству приобщился сын кузнеца Павлюк Багрим (1813—1891), родом из местечка Крошин Новогрудского повета. Там была школа ксёндза Магнушевского, где учился Павлюк. Ксёндз имел небольшую библиотечку. Павлюк любил читать польские стихи, а потом и сам начал писать, но на родном языке. До нас дошло единственное произведение самобытного поэта «Заиграй, заиграй, хлопче малый...», наполненное размышлениями о тяжелой судьбе крепостного юноши. В отношении его было учинено следствие, в связи с обвинением в распространении запрещенных стихотворений, якобы «развращавших» крестьян. Власти конфисковали три тетради стихотворений поэта, а его самого отдали в солдаты на 25 лет. Последний период жизни он провел в Крошине, где работал кузнецом.

Единственным сохранившимся стихотворением «Куда же ты, счастье, делось?» вошел в историю беларуской литературы революционер Ф. Савич. Несомненно, были в те времена и другие самобытные авторы, подобные Багриму и Савичу, однако их произведения остались неизвестными потомкам.

Некоторые местные авторы обращались к беларускому языку ради того, чтобы познакомить крестьян с неизвестными им культурными ценностями. Типичным представителем таких литераторов был Александр Рыпинский из Дисны, автор баллады на беларуском языке «Бес» («Нячысцік»). Он использовал польский алфавит («латинку»). Оказавшись в эмиграции во Франции, Рыпинский издал на польском языке книгу «Беларусь» (1840).

Многое сделал для популяризации беларуского языка поэт и писатель Ян Борщевский из Полоцкого повета, автор четырехтомного авантюрного романа «Шляхтич Завальня» (1840—1844).

Ян Чечот (1796-1847) из Новогрудского повета писал стихотворения на польском и беларуском языке, похожие на народные песни. Изучение беларуского фольклора позволило ему понять своебразие беларуской речи, которую исследователь назвал «кривичской» (от племени кривичей). Он первым попытался определить ее грамматический строй. Более того, Чечот пришел к совершенно нетипичной для полонизированных шляхетских кругов мысли о том, что местная шляхта есть часть кривичского (беларуского) народа, и что ее предки говорили на кривичском язы-

Великий беларуско-польский поэт Адам Мицкевич (1798—1855)

«Беларуский Дюма» писатель Ян Борщевский (1790—1851)

Беларуско-польский поэт Владислав Сырокомля (1823—1862)

ке, жили в прошлом (во времена ВКЛ) вместе с крестьянством в единой культурной среде.

Шляхтич Александр Аскерко из Минской губернии составил первый беларуский букварь для крестьянских детей.

Однако процессу возвращения беларуской шляхты к исконным корням постоянно мешал царизм своей политикой русификации. Поэтому шляхта отгораживалась от русских польским языком, польской культурой и католической верой.

«Отец» беларуской литературы. Первым последовательным защитником и пропагандистом отечественных традиций в беларуской литературе стал Винцент Дунин-Марцинкевич. В отличие от А. Рыпинского, он не тащил крестьян в польскую культуру, а говорил полонизированной шляхте об ее этническом и языковом родстве с беларуским крестьянством.

Дунин-Марцинкевич создал ряд эпических произведений («Гапон», «Вечерница», «Купала»), популярную драматическую пьесу «Пинская шляхта». Кстати, он же первым перевел на беларуский язык поэму Адама Мицкевича «Пан Тадеуш», считающуюся «энциклопедией» беларуской народной жизни. Но напечатать это произведение «польским алфавитом» не разрешила царская цензура (вышло только ее начало). Творчество Дунина-Марцинкевича весьма способствовало национальному самоутверждению образованной части беларусов.

Элитарная культура. В первой половине XIX века элитарная культура перестала быть достоянием только шляхетского сословия. Профессиональные актеры, музыканты, художники, скульпторы, архитекторы из дворцов магнатов и усадеб помещиков постепенно перебирались в города, где их ждали богатые горожане, многочисленные чиновники, интеллигенты. Там творческие личности находили материальную поддержку, избавлялись от самодурства помещиков-крепостников.

На смену придворным театрам пришли польские коммерческие труппы, гастролировавшие по городам. Главными театральными центрами стали Вильня, Гродно и Минск. В 40-е годы началась русификация театра. В русле театральной реформы 1845—47 гг., которую проводил виленский генерал-губернатор Ф. Миркович, предусматривалось введение на всех сценических площадках русского языка, создание постоянных театров в губернских городах (с монопольным правом гастролей в соответствующих губерниях), формирование театральной дирекции с функцией цензурного наблюдения. В результате театральные коллективы все чаще стали использовать русскую, а затем и украинскую драматургию.

В середине XIX века были заложены основы беларуского театра. Главную роль в этом сыграл Дунин-Марцинкевич, вокруг которого

собрались лучшие художественные силы Минска. В 1852 году минские любители поставили первый беларуский музыкальный спектакль «Идиллия» («Крестьянка»). Ее либретто написал Дунин-Марцинкевич, а музыку — С. Монюшко и К. Кржижановский. Со сцены звучали одновременно беларуский и польский язык, беларуские народные мелодии.

Беларуский край всегда славился своими музыкальными и песенными традициями. Музыку преподавали в школах, она звучала в имениях, на городских площадях. На беларуской земле, в Залесье возле Сморгони, творил композитор Михаил Клеофас Огинский, автор знаменитого полонеза «Прощание с родиной» и множества других произведений. Классиком польской и беларуской музыки стал Станислав Монюшко, родившийся в Игумене Минской губернии (ныне Червень), долго живший в Минске. Здесь ставились его оперы, в том числе «Галька», посвященная жизни беларуского народа. Беларуским колоритом отличались музыкальные композиции для фортепьяно Антона Абрамовича («Беларуская свадьба», «Очарованная волынка»).

Весьма ценилось в Беларуси изобразительное искусство. При гимназиях имелись классы рисования. Профессиональную

подготовку художники могли получить в Виленском университете, в Полоцкой иезуитской академии. Художественные полотна шедро украшали костёлы, усадьбы помещиков государственные учреждения. На основе местных культурных традиший сложилась виленская художественная школа. Ее представителей характеризовало стремление к изображению повседневной жизни и истории края. Наиболее известными художниками того времени были: в историческом жанре Ян Домель (1780 - 1840).в портретном — Валентий Ванькович (1799-1842) и Иосиф Алешкевич (1777-1830), в натюрморте — Иван Хруцкий (1810 - 1885).

«Отец» беларуской литературы Винцент Дунин-Марцинкевич (1807—1884)

Исторически так сложилось, что польскоязычная культура концентрировалась в имениях шляхты, местечках и городах, а русскоязычная — только в городах (в первую очередь губернских, в меньшей степени — уездных). Но и в русифицированных городах тоже нашлось место для местной культуры, которая начала функционировать на естественном для себя беларуском языке. Напомним в данной связи о литературно-художественных кружках Адама Киркора в Вильне, Винцента Дунина-Марцинкевича в Минске, Артема Вериги-Даревского в Витебске.

В 1840—50 годы беларуский дух вполне достойно проявил себя. Но в то время он не воспринимался в качестве духа самостоятельной нации, а только как польский или русский. В частности, произведения на польском языке считались принадлежащими Польше, на русском языке — России. Это весьма существенно сдерживало развитие национального самосознания беларусов. Но, к счастью, у них сохранялась мощная этническая основа.

Вместе с тем, некоторая часть беларуской шляхты стала называть себя польской шляхтой «литвинского (беларуского) происхождения». Она осознавала не только свое историческое прошлое, но и свои собственные политические интересы.

Беларуская идея. Благодаря деятельности обществ филоматов и филоретов в Вильне, возник своего рода идейный проект. Он ставил своей целью национальное, культурное и государственное возрождение Литвы (Беларуси), подчеркивал значимость социальной тематики, нацеливал интеллигенцию на изучение жизни простого народа. Именно этот проект фактически задал ориентиры для социально-гуманитарной мысли Беларуси всего XIX — начала XX века.

В частности, поиски утраченной национальной традиции, критериев национальной самоидентификации и путей развития национального самосознания привели в Беларуси XIX века (в некоторой мере также под влиянием идей романтизма) к возникновению мощной волны этнографических (шире — культурно-антропологических) исследований. В них, наряду с беларускими, участвовали польские и украинские ученые.

Вот только самые известные имена: З. Даленга-Ходаковский (1784—1825), И. Носович (1788—1877), М. Без-Корнилович (1796—1862), К. Тышкевич (1806—1868), И. Баричевский-Тарнава (1810—1887), А. Киркор (1819—1886), А. Сементовский (1821—1893), П. Шпилевский (1823—1861); А. Ельский (1834—1916), Н. Никифоровский (1845—1910), М. Федоровский (1853—1923), В. Добровольский (1856—1920), Е. Карский (1861—1931), А.Е. Богданович (1862—1940), М. Довнар-Запольский (1867—1934), У. Верига (1868—1916).

Осмысление и обработку этого круга идей осуществили в Беларуси середины и второй половины XIX века беларуские литераторы. Важную роль в становлении беларуского самосознания сыграли произведения Адама Мицкевича, Яна Чечота, Владимира Сырокомли (Л. Кондратовича), Винцента Дунина-Марцинкевича, А. Вериги-Даревского, Яна Борщевского, Янки Лучины (И. Неслуховского), А. Гуриновича, но особенно — Франтишека Богушевича.

От реформ к восстанию (1832-1862 гг.)

В России главными реформаторами всегда выступали цари. При этом в 1830—50-е годы Беларусь служила для них своего рода экспериментальным полигоном.

Реформаторство «сверху». После событий 1831 года правительство империи задумалось о том, как обеспечить поддержку со стороны крестьян беларуского края, поскольку здешняя шляхта постоянно демонстрировала ненадежность. В итоге Петербург стал на путь постепенного ограничения собственнических прав беларуских помещиков по отношению к крепостным.

В 1839 году Николай I провел инвентарную реформу в государственных имениях. Реформа охватила всю империю, но в беларуских губерниях она выглядела наиболее радикально. Здесь шляхту лишили прав вотчинной полиции и суда над крестьянами. Эти функции полностью передали государственным чиновникам. Специальные комиссии составили для каждого имения опись с указанием точных размеров крестьянских наделов и обязанностей. Более того, наделы государственных крестьян были увеличены с 2—5 до 12—22 десятин (десятина — 1,093 га) и переведены с барщины на оброк. Реформа сделала государственных крестьян опорой царизма в западных губерниях империи, где они составляли около 18% населения.

В 1844 году правительство распространило инвентарную реформу и на помещичьих крестьян Беларуси и Украины. Правда, помещики пытались бойкотировать реформу. Но крестьянское восстание 1846 года в Галиции, а также выступления крестьян в Белостокском округе заставили правительство принудительно ввести инвентари во всех частных имениях Виленской, Гродненской и Минской губерний.

С 1852 года уже во всех беларуских губерниях власти начали вводить инвентари по образцу Киевского генерал-губернаторства. Согласно им, обязательный минимум земли на каждое крестьянское хозяйство был увеличен до 8-15 десятин (8,74-16,4 га). Барщина одной семьи за пользование землей не могла превышать четырех дней в неделю: трех для мужчин и одного для женщин. Кроме западных губерний, инвентари в помещичьих имениях нигде не вводились.

Ликвидация крепостного права. После смерти Николая I его сын Александр II (правил в 1855—1881 гг.) начал подготовку к упразднению крепостного права. Для первого опыта он выбрал беларуские губернии. Здешние помещики были более подготовлены к столь радикальным изменениям как экономически, так и морально. Пример Польши и Прусии, где крестьяне уже имели личную свободу, давал помещикам надежду на сносное будущее и без крепостничества.

Местные помещики соглашались на освобождение крестьян без земли, что превратило бы землю в товар, а бывших крепостных — большей частью в батраков, меньшей — в фермеров (если кто-то из них нашел бы средства выкупить землю). Для крестьян же это был наихудший вариант. Но царизм не пошел по такому пути, хотя вовсе не из сострадания крестьянству. Сыграл свою роль элементарный расчет. Из 23 миллионов «душ» крепостных в империи возникла бы мощная армия неимущих батраков, которая смела бы и дворянское землевладение, и правящую династию. Поэтому российских крепостных освобождали с землей в обязательном порядке. Землю, в свою очередь, требовалось обязательно выкупать.

Однако крепостная система довела крестьян до такого состояния (особенно в Беларуси), что без помощи государства (в виде займа) они не могли откупиться от помещиков. Кроме того, в России сохранялась сельская община (мир), основанная на круговой поруке. Из-за нее аграрная реформа проводилась очень медленно. В Беларуси же (за исключением Могилевской и части Витебской губернии) общину ликвидировали еще в XVI веке. Это обстоятельство тоже повлияло на решение начать отмену «крепости» с западных губерний.

Отмена крепостничества стала очень важным шагом русской деревни на пути к рыночным отношениям, но оказалась недостаточной для Беларуси. Более высокий уровень развития товарно-денежных отношений требовал здесь и более радикальных перемен. Традиционное подворное землепользование делало беларуских крестьян вполне самостоятельными хозяевами. Поэтому они считали крайней несправедливостью выкуп земли, которой неизменно пользовались на протяжении столетий. По реформе крестьяне получили недостаточные наделы, которыми к тому же нельзя было распоряжаться до уплаты выкупа. Это делало деревню экономически зависимой как от помещиков, так и от государства, кредитовавшего выкупные операции.

В поисках «настоящей воли». Ознакомление с условиями реформы вызвало глубокое разочарование крестьян. Среди них повсеместно распространился фантастический слух, будто бы царь издал указ о «настоящей воле», но «паны» прячут его. Весной 1861 года беларуские крестьяне повсеместно отказывались работать в имениях. Столь мощный протест наблюдался еще только в Литве и Поволжье, так

как именно здесь правительство обошлось с бывшими крепостными самым наглым образом. Их наделы уменьшились в среднем на 30%, а барщина в рамках «временных обязанностей» возросла.

Еще до начала реформы для ее «обеспечения» на территории края были размещены дополнительные воинские части. Никогда раньше в беларуских деревнях не использовались столь широко розги, аресты, расстрелы безоружных людей, как в первый год после «освобождения». На время удалось усмирить крестьян, но уже в конце 1861 и особенно в 1862 году крестьянское движение возобновилось. Наибольшее число выступлений было связано с отказом подписывать уставные грамоты, определявшие объем крестьянских повинностей в пользу бывших владельцев вплоть до окончательного выкупа земли. Крестьяне считали это выдумкой помещиков и упорно сопротивлялись. В Беларуси к 1863 году процент подписанных уставных грамот оказался на треть меньше, чем в целом по стране.

Почти одновременно с объявлением крестьянской «воли» в феврале 1861 года в Варшаве русские солдаты расстреляли демонстрацию в честь годовщины Гроховской битвы 1831 года. Пять человек погибли, многие получили ранения. Это трагическое событие вызвало волну манифестаций протеста по всей Польше и затронуло Беларусь. Панихиды по убитым прошли в костёлах Вильни, Минска, Витебска, Гродно. В них участвовали чиновники местного происхождения, учащаяся молодежь, ремесленники, осевшая в городах шляхта. Манифестации по различным поводам не прекращались в Польше и Беларуси в течение вего лета.

22 августа 1861 года правительство ввело в западных губерниях военное положение и специальные полицейские суды. Так вслед за крестьянами в состоянии войны с правительством оказались и горожане.

Недовольство помещиков. Реформа 1861 года не удовлетворила не только крестьян, но и большинство помещиков. Они надеялись на освобождение крестьян без земли, как это произошло в Польском королевстве при его создании в 1807 году. Возмущало местных помещиков и то, что правительство не позволяло им создавать кредитные и земледельческие общества, ограничивало торговлю лесом, разрушало акцизами производство алкоголя. Разумеется, не нравилась полонизированной шляхте и политика русификации края.

Все это усиливало желание беларуских помещиков каким-то образом отгородиться от России. Например, дворянство Витебской губернии еще в 1858 году просило Александра II присоединить «Белоруссию» к Привислинскому краю (польским губерниям) в надежде, что это позволит им сохранить землю при освобождении крестьян, как и польской шляхте. Существовали надежды на то, что вслед за Финляндией царь предоставит автономию Польше. В ноябре 1861

года дворяне Минской губернии тоже просили царя соединить их с Польшей.

Беларуские помещики-католики группировались вокруг предводителя дворянства Гродненской губернии графа Старженского. Они поддерживали связь с либеральной шляхетской группировкой в Варшаве, так называемыми «белыми»». «Белые» хотели сначала заручиться надежной поддержкой Франции и Англии, и только после этого поднять восстание в Польше, Литве и Беларуси. Они не сомневались, что в таком случае властям Российской империи, потерпевшей поражение от Англии и Франции в Крымской войне 1853—56 гг., придется предоставить независимость Речи Посполитой в границах 1772 года.

Революционный лагерь. В отличие от Польши, главную роль в подготовке восстания в Беларуси играли не либералы, а радикалы («красные») — в основном, представители шляхетской студенческой и ученической молодежи. В конце 1861 года, после закрытия Петербургского университета за участие студентов в протестах против варшавского расстрела, сотни его студентов вернулись в Беларусь и включились в агитационную работу среди крестьянства.

Они выражали стремление шляхты к независимости Беларуси (Северо-Западного края) от России. Их целью являлось федеративная Речь Посполитая: Польша + Беларусь + Правобережная Украина. Учеба в России тоже не прошла даром. Молодых революционеров привлекла идея всеобщего крестьянского восстания, предложенная русским революционером Николаем Чернышевским. Активную помощь оказывал им польский центр в Петербурге, которым руководили Сигизмунд Сераковский и Ярослав Домбровский.

Из среды петербургских студентов вышел и лидер беларуских радикалов Викентий Константин Калиновский, сын мелкого фабриканта шляхетского происхождения, родом из Мостовлян Гродненского повета. Закончив юридический факультет Петербургского университета, в начале 1861 года он вернулся на родину. Но вследствие репутации «неблагонадежного» работу не нашел. Тогда молодой юрист стал профессиональным революционером.

Он и его друг Феликс Рожанский, под видом торговцев, обошли пешком всю Гродненшину. Беседуя с крестьянами, они призывали их к борьбе против российских властей и местных помещиков. В том же году Калиновский создал и возглавил революционную организацию для подготовки крестьянского восстания. Активным ее участником стал еще один друг Калиновского — Валерий Врублевский (1836—1908), выпускник петербургского Лесного института, занимавший пост лесничего Беловежской пущи, а позже прославившийся, вместе с Домбровским, в событиях Парижской коммуны.

В июне 1862 года в Варшаве был создан конспиративный Центральный национальный комитет (ЦНК) для непосредственной подготовки восстания. В него вошли как либералы («белые»), так и революционеры-демократы («красные») во главе с Ярославом Домбровским.

«Красные» выступали за достижение полной независимости Речи Посполитой путем всенародного восстания, в союзе с революционными силами России. Крестьянам они обешали землю, а беларусам и украинцам — право на национальное самоопределение. Идеи «красных» разделяли революционеры Беларуси. В конце лета 1862 года они создали в Вильне Литовский провинциальный комитет для руководства восстанием. Туда вошел и Калиновский.

«Мужицкая правда». Важную роль в подготовке восстания сыграла газета «Мужицкая правда», первая на беларуском языке, которую Калиновский нелегально издавал вместе с В. Врублевским и Ф. Рожанским. С июня 1862 по май 1863 года в Белостоке вышли семь номеров.

Национальный герой беларуского народа Викентий Константин Калиновский (1838-1864)

На ее страницах Калиновский четко сформулировал для своих соотечественников главную политическую цель — освобождение от российского ига. Он планировал воссоздать ВКЛ в составе федеративной, но не шляхетской, а демократической Речи Посполитой. Тем самым Калиновский выступал за возрождение беларусами своей государственности в форме федерального союза нового образца. Определил он и путь к реализации этой цели — совместное восстание беларуских горожан и крестьян, в союзе с польским и украинским народами. Была у него надежда и на то, что в этой борьбе им помогут крестьянские восстания в русских губерниях.

На местных помещиков автор зажигательных призывов мало рассчитывал, ибо он, в отличие от Дунина-Марцинкевича, не лелеял иллюзий о возможности взаимного понимания между ними и крестьянством. Калиновский также боролся с иллюзиями крестьян в отношении царя, разоблачал хишнический характер реформы 1861 года, обещал бесплатно раздать крестьянам большинство земельных владений помещиков. К началу 1863 года Литовский провинциальный комитет разослал по губерниям, поветам и волостям Северо-Западного края своих комиссаров. Организация революционеров насчитывала около трех тысяч человек.

Следует специально подчеркнуть то обстоятельство, что польские и беларуские революционеры не предавались утопиям. Восстания 1794 и 1831 годов наглядно показали, что в борьбе один на один с Российской империей повстанцы неизбежно потерпят поражение. Поэтому свои планы они связывали с вооруженным вмешательством Франции, Англии и, возможно, Австрии.

Восстание 1863 года

Начало восстания. В конце 1862 года царское правительство, располагавшее агентурными сведениями о подготовке восстания, объявило в Польше внеочередной рекрутский набор, причем по заранее составленным спискам. Оно хотело таким способом очистить польские земли от революционной молодежи. В ответ Центральный национальный комитет издал в Варшаве в январе 1863 года Манифест о восстании и преобразовал себя во Временное народное правительство.

Главной целью восстания его члены считали воссоздание независимой Речи Посполитой, в состав которой вошло бы и автономное Литовское (Беларуское) государство. Они планировали ввести республиканскоий способ правления, установить равенство всех сословий перед законом. Что касается аграрного вопроса, то были изданы два декрета. Крестьянам передавались в собственность те земли, которыми они пользовались. Безземельные получали две десятины, но только в том случае, если присоединялись к восстанию. За землю, отданную крестьянам, бывшие владельцы должны были получить денежную компенсацию. Между тем, крестьянство рассчитывало на передел всех помещичых земель без всякого выкупа.

Временное правительство приняло специальное воззвание к населению Беларуси и Украины с призывом о поддержке восстания. При этом польские руководители не упомянули о своем обещании предоставить беларусам, литовцам и украинцам право самим распорядиться своей судьбой. Такое развитие событий не вполне удовлетворяло радикальное руководство в Вильне. К тому же оно еще не успело завершить подготовку к восстанию. В Могилёвской и Витебской губерниях связь с крестьянством практически отсутствовала. Но освободиться от царского гнета можно было только в союзе с польским народом. Поэтому Литовский провинциальный комитет обратился 1 февраля к населению Беларуси со своим собственным

манифестом о восстании и выразил солидарность с программой Временного правительства.

В феврале-марте шло формирование повстанческих отрядов. Их главной базой в Беларуси, как и в 1831 году, стала Беловежская пуща (Гродненщина). Отряды возглавили образованные люди — офицеры либо студенты. Из городов в леса пробирались чиновники, ученики старших классов гимназий, ремесленная молодежь. Дружно бралась за оружие малоземельная и безземельная шляхта. Католическое духовенство практически полностью поддержало повстанцев, тогда как православное сохранило верность царю и лишь в отдельных случаях отважилось на поддержку повстанческого движения. Помещики и богатые горожане платили революционным властям специальный налог. Деньги шли в основном на закупку оружия за границей.

Калиновский и руководитель литовских революционных демократов Антон Мацкевич положили много сил на то, чтобы вовлечь в восстание беларуское и литовское крестьянство. Калиновский написал специальную инструкцию для местных повстанческих властей о безусловном немедленном наделении крестьян землей, в соответствии с варшавским и виленским манифестами и декретами. Инструкция предусматривала даже наказание смертью наиболее жестоких и несговорчивых помещиков. Обычно комиссары повстанцев собирали жителей деревень, читали им манифест о восстании и декреты о земле, выдавали акт на владение землей, а затем приводили к присяге на верность Литовскому провинциальному комитету.

Узнав об этом, правительство Александра II издало 1 марта 1863 года указ, согласно которому временные обязанности крестьян западных губерний в пользу помещиков немедленно отменялись, вводился обязательный выкуп крестьянских наделов за счет государственных кредитов, а выкупные платежи снижались на 20% по сравнению с нормами 1861 года. Крестьянам были выделены, за счет помещиков, дополнительные участки земли, что увеличило их наделы на 25—40% (в зависимости от поветов). Уступки властей нейтрализовали усилия радикалов поднять крестьян на восстание.

Разгар восстания. В марте — апреле 1863 года 123-тысячная российская армия направилась в леса, где еще продолжалось формирование повстанческих отрядов. Вскоре начались стычки, развернулась партизанская война. Обычно повстанческие отряды насчитывали от 100 до 300 человек, были вооружены стрелковым оружием разных образцов, в том числе охотничьим. Русские батальоны и полки превосходили их численностью, вооружением, профессиональной выучкой.

По мере нарастания освободительного движения развернулась борьба между либералами и радикалами за руководящую роль в нем. Сначала инициатива принадлежала радикальной молодежи во главе с Калиновским, чьим идеалом являлась крестьянская республика. Поэтому свои главные надежды они возлагали не на иностранную помощь, а на крестьянское восстание, которое готовили изо всех сил. Сторонники Калиновского верили, что крестьянское восстание в Беларуси послужит примером для русского крестьянства, оно тоже восстанет, и тогда царизму придет конец.

Либеральная польская и беларуская шляхта выступала против российского самодержавия, но не разделяла столь радикальных методов его свержения. Она достаточно обоснованно опасалась, что крестьянский бунт заодно с царизмом сметет и ее. Не нравился ей и беларуский сепаратизм, усилившийся параллельно с недовольством тем, как руководило восстанием Временное правительство. Варшавские либералы быстро договорились с виленскими либералами. Между тем, в конце февраля главные посты в Национальном комитете в Варшаве перешли к «белым». За спиной радикалов они создали новое правительство для Беларуси — Отдел временного правительства для руководства провинциями Литвы. Его возглавил Якуб Гейштор. Литовский провинциальный комитет был распущен, его постановления отменены.

Калиновский признал смену власти и принял от Гейштора должность комиссара Гродненской губернии. Он и его сторонники не

Нападение крестьян-косинёров на царскую пехоту

Бой повстанцев с царскими карателями

хотели вносить раскол в ряды повстанцев, да и не надеялись одержать верх над «белыми». Их надежды на мощный подъем крестьянского движения в Беларуси и Литве и на восстание в России не оправдались. Зато по примеру польских помещиков к восстанию начали присоединяться беларуские помещики. Им придали смелость слухи о скором вмешательстве Франции и Англии. Интеллигентов на руководящих постах начали заменять артистократы, возросли денежные пожертвования от них.

Царский указ от 31 марта о помиловании повстанцев при условии, что они сложат оружие до 1 мая, вначале игнорировался. Помещики были заинтересованы в подъеме восстания ради создания повода для интервенции — фактически единственной надежды либералов на успех в борьбе против царизма. Эта надежда была отнюдь не беспочвенной. Послы Англии, Франции и Австрии в России дважды вручали министру иностранных дел империи, князю А.М. Горчакову, ноты своих правительств — 5 апреля и в конце июня. Согласованные ноты содержали одно и то же требование: немедленно прекратить вооруженную борьбу с повстанцами и вступить в переговоры с Временным правительством об условиях предоставления Польше независимости или автономии.

Одновременно радикалы, вопреки либеральному руководству, делали все возможное, чтобы привлечь к восстанию крестьян. Под воздействием всех этих факторов в апреле-июне повстанческое движение находилось на подъеме, хотя и локализовалось в пределах Гродненской, Виленской и Минской губерний.

План Сераковского. Виленское правительство либералов вызвало из Петербурга С. Сераковского для общего руководства силами повстанцев. В то время он служил в российском Генеральном штабе, имел чин подполковника. Сераковский разработал план расширения территории восстания. В первую очередь следовало захватить крепость Двинск в Витебской губернии (ныне Даугавпилс в Латвии), с целью затруднить сообщение карателей с Петербургом. Затем надо было взять Горы-Горки и артиллерийский парк в Могилёве. А оттуда отряды повстанцев устремились бы в Поволжье, чтобы поднять крестьянское восстание в этом беспокойном регионе. Сераковский вместе Антоном Мацкевичем (1828—1863) сформировал повстанческую армию в районе Ковно (ныне Каунас). Однако он благоразумно не ознакомил виленских либералов со своей тактикой опоры на крестьянство.

Увы, молодой граф Леон Плятер не смог взять Двинск. Его отряд разбили, а самого захватили в плен и позже казнили.

Захватом Горы-Горок руководил капитан Людвик Звяждовский, бывший офицер российской армии. При деятельном участии студентов местного земледельческого института он взял город в ночь с 23 на 24 апреля. Отряд захватил деньги, оружие и двинулся к Могилёву, но не встретил поддержки местных крестьян. Напротив, они помогали русским солдатам. Нереальность похода в Поволжье через русские губернии стала очевидной. Звяждовский потерпел пораженне от русских войск, после чего распустил свой отряд.

В Минской губернии повстанцев постигла та же судьба, что и в Могилёвской. Отряд Антона Трусова, шляхтича-демократа, носившего крестьянскую одежду, тоже был разбит.

Только Станислав Лесковский со своими людьми еще долго вел борьбу, так как защитой ему служили густые леса в районе Игумена (в нынешней Минской области).

Зигмунд Сераковский, получивший звание воеводы Литвы и Беларуси, успешно сражался в Ковенской губернии. Но в конце апреля он тоже потерпел поражение, раненый попал в плен и несколько позже был повешен. Правда, литовцы продолжили борьбу под руководством Антона Мацкевича.

Не прекратилось восстание и на Гродненщине. Здесь борьбу возглавляли Калиновский и Домбровский. Отважно сражался в южной части Беларуси отряд Ромуальда Траугута*.

^{*} В августе 1863 года Временное правительство отправило его в Париж с важным поручением. С 17 октября Траугут возглавил Временное правительство. В условиях спада восстания он принял ряд энергичных мер с целью его продолжения и развития. Но 11 апреля 1864 года был схвачен царскими войсками и 5 августа повешен. — Прим. Ред.

В конце мая повстанцам удалось собрать свои силы возле местечка Миловиды Слонимского повета и нанести карателям крупное поражение. Несмотря на этот успех, до лета почти все отряды, которые были созданы Литовским провинциальным комитетом и получили хорошую выучку, были разбиты. Поспешно создававшиеся новые отряды шли на верную смерть.

Неудачи умерили повстанческий пыл либералов. Стало очевидным и то, что иностранной военной помощи не будет. Помещики начали отходить от восстания. Кроме того, аресты руководителей восстания из числа «белых» парализовали деятельность Отдела руководства провинциями Литвы. В таких условиях местные радикалы снова взяли руководство восстанием в свои руки и назначили Калиновского диктатором Беларуси и Литвы (руководителем Беларуско-Литовского красного правительства). Это призошло в первых числах июля. Новые руководители уже не считались с варшавским

правительством «белых», они надеялись только на свой народ. Именно в этом заключались корни оптимизма Калиновского и его ближайших помощников, таких как Владислав Малаховский и Титус Далевский

Калиновский издал специальное обращение к народу Беларуси и Литвы, в котором разъяснил, что повстанцы сражаются не за восстановление крепостного права, а за лучшую жизнь для крестьян. Но в борьбе за крестьянские массы повстанцы уступали царизму. К тому же им приходилось сражаться на два фронта: с аристократами-перебежчиками и с самолержавием.

Ромуальд Траугут (1826—1864)

Действия карателей. Для подавления восстания царь назначил известного русификатора Михаила Муравьева. Приехав в середине мая в Вильню, он начал с того, что приказал повесить двух ксендзов. Первой его жертвой стал ксёндз Станислав Ишора из Лидского повета. Через два дня та же судьба постигла ксендза Раймонда Земацкого. Скоро все тюрьмы до отказа наполнились заключенными. Чтобы запугать местных жителей, повстанцев вешали и расстреливали на торговой площади Вильни почти ежедневно.

Численность русских войск в Северо-Западном крае достигла 200 тысяч человек. Они находились в непрерывном движении. Повстанцев, схваченных с оружием в руках, расстреливали на месте

без всякого суда. Поселения шляхтичей, однодворцев и даже крестьян, заподозренных в связях с повстанцами, сжигали, жителей арестовывали и высылали в Сибирь. Жителей деревень в радиусе 10—12 верст от тех мест, где появлялись повстанческие отряды, штрафовали за то, что они не доносили властям о «панских шайках», независимо от того, знали они о том или нет.

Русские солдаты конвоируют повстанца

Крестьян набирали в деревенскую охрану — помогать войскам в поисках повстанцев. За помощь частям русской армии селянам из конфискованных у повстанцев имений отдавали различные инструменты, скотину, даже мебель и домашние вещи. За помещиками и ксендзами было учреждено наблюдение, была ограничена возможность их поездок за пределы имений и приходов. Имения помещиков-бунтарей Муравьев конфисковывал, монастыри, признанные пособниками повстанцев, закрывал. Всех помещиков-католиков он обложил 10% сбором с прибылей в пользу государства.

В результате этих мер восстание резко пошло на спад. Ксендзы призвали сложить оружие. Уже в конце июля 1863 года делегация шляхетства Виленской губернии, во главе с губернским предводителем шляхты Домейко, подала Муравьеву письмо на имя царя, в котором каялась в своих «проступках» и заявляла о преданности трону. Такие же письма подали в прочих губерниях.

В поисках эффективных средств борьбы Калиновский решил прибегнуть к террору. Он создал специальный трибунал и команду

«кинжальщиков — для приведения в исполнение приговоров этого трибунала. Первым терактом стало неудачное покушение на виленского предводителя дворянства Домейко.

Отдельные повстанческие отряды действовали в Гродненской губернии до октября. Они отказались от пеших бойцов, разделились на конные группы по 10—12 человек и стали практически неуловимыми. Однако сопротивление карателям становилось все более бессмысленным. Повстанцы покидали леса. Одни скрывались за границами империи, другие маскировались под верных подданных государя-императора.

Тем не менее, призрак крестьянского восстания по-прежнему беспокоил Муравьева. Он узнал, что на весну 1864 года планируется новое восстание. Поэтому Муравьев создал специальную комиссию для рассмотрения уставных грамот, сделавшую немало земельных подачек крестьянам за счет помещиков. В ноябре Муравьев распространил действие царского указа от 1 марта (об отмене временных обязанностей крестьян и о сокращении на 20% выкупных платежей за землю) на территорию Витебской и Могилёвской губерний. Он также восстановил право крестьян пасти свою скотину в лесах и на убранных от урожая помещичьих полях.

Муравьев, как никто другой, способствовал распространению среди беларуского крестьянства веры в «доброго царя», а также разжиганию враждебности православной его части по отношению к католической шляхте. С того времени политика противопоставления православных крестьян национальной католической элите стала традиционной для российских властей в западных губерниях империи.

Результаты восстания. Царь, его правительство и русские шовинисты праздновали победу «над поляками». М.Н. Муравьева провозгласили русским национальным героем. Царь даровал ему титул

графа. По его личным приказам были казнены 128 повстанцев (не считая расстрелянных на местах боев), около 12,5 тысяч человек сосланы, более чем на шесть тысяч человек наложены различные административные взыскания. Жестокость царского палача оправдывали все российские газеты, в том числе либеральные «Московские новости» М.Н. Каткова. Пели дифирамбы ему известные поэты П.А. Вяземский и Н.А. Некрасов. Только Александр Герцен в своем «Колоколе» постоянно называл Муравьева «вешателем» и «людоедом».

Михаил Муравьев (1796—1866)

Адам Пусловский (1842—1863), командир отряда повстанцев

Калиновский мог уехать за границу. Однако вместо этого он перешел на нелегальное положение и остался — готовить весеннее выступление. Его искали жандармы. Приходилось почти ежедневно менять имена, одежду, квартиры. В январе 1864 года его все же арестовали в Вильне. Суд приговорил вождя повстанцев к смертной казни. 10 марта его повесили на Лукишской площади. Он не дрогнул перед смертью, шел к виселице твердым шагом.

Беларуские историки считают Калиновского национальным героем. Шляхтич по происхождению, он связал свою судьбу с крестьянством, составлявшим подавляющее большинство народа, принял его язык, понял его коренные интересы и с оружием в руках боролся за «волю и землю». Наконец, он пожертвовал своему народу собственную жизнь.

Достижения или утраты? Беларуская интеллигенция шляхетского происхождения во главе с Калиновским, вопреки польскому национализму, вопреки пришлым русификаторам, отстаивала идею федеративного союза Беларуси с Польшей. Но эту идею беларуские крестьяне либо вообще не понимали, либо расценивали как союз с бывшими хозяевами, а потому отвергали. До 70% повстанцев составила шляхта. Крестьян было среди них в среднем 18%, только в Гродненской губернии — около 33%.

В результате разгрома повстанцев почти все интеллигенты, осознавшие свою связь с крестьянством и вступившие в борьбу за улучшение его положения, погибли, оказались в ссылке, эмигрировали. В то же время политика русификации принесла первые плоды. Почти все православные беларуские крестьяне проявили покорность царю. Пропасть между православной частью крестьянства и католическими помещиками еще больше углубилась.

Восстания 1831 и 1863 года окончательно изменили прежний культурный ландшафт беларуских земель. Полонизацию сменила волна русификации в виде обширного комплекса административных, идеологических и экономических мер. И всё же благодаря польско-русскому противостоянию понимание беларуской самобытности значительно возросло. Русские убедили беларусов в том,

что они — не поляки, но не смогли доказать, что беларусы — часть русского народа. А деятельность Калиновского и его публицистические произведения помогли в более поздние времена многим беларуским деятелям осознать необходимость борьбы за свою собственную государственность.

3. Период русского доминирования и зарождения беларуского движения (1863–1904 гг.)

Девятый вал денационализации

Стержнем политики царизма в Беларуси после восстания 1863 года снова стала русификация. Один из главных проводников этой политики, попечитель Виленского учебного округа в 1864—67 гг. Иван Корнилов заявил:

«Для нашего морального авторитета, для достоинства русского имени, наконец для очевидного доказательства, что здешний край действительно русский, а не польский, правительство должно всеми мерами возбуждать и поддерживать здесь деятельность российской мысли и слова».

В феврале 1864 года был создан «Комитет по делам Царства Польского», существовавший до конца мая 1881 года — создан специально для планомерной русификации Польши и Беларуси. Официально председателем комитета считался царь, фактически его возглавлял князь П.П. Гагарин (до 1872), затем великий князь Константин Николаевич (в 1872—81). Членами комитета являлись министры и некоторые высшие сановники. Внимание комитета привлекло преимущественно крестьянство. Власти считали:

«4/5 здешнего деревенского населения исповедуют православную веру... Его мы должны поддерживать и на нем основывать свою силу, внедряя во все ветви общественного строя российские начала и народность».

Западные губернии в 1864 году по предложению Муравьева получили официальное название Северо-Западный край*. Он же стал его первым генерал-губернатором.

Административные меры. В ходе восстания местная администрация, состоявшая большей частью из ополяченной шляхты, фактически вышла из подчинения центральным органам власти империи. Она саботировала распоряжения правительства, более того, вела

^{*} Отметим попутно, что украинские земли с левой стороны Днепра с середины XVII века царские власти называли Малороссией. Правобережная Украина в 1832 году получила официальное название Юго-Западный край. — *Прим. Ред.*

агитацию среди населения против русского господства. Поэтому внедрение «российских начал и народности» осуществлялось путем устранения с государственной службы представителей шляхты и назначения на должности исключительно русских чиновников, а также через учебные заведения.

Российские газеты призывали выпускников университетов стать «миссионерами русского народа» и печатали объявления о вакансиях. Правительство привлекло новые кадры экономическими выгодами. Проезжие расходы оно оплачивало в двойном размере, а служебные оклады увеличило в западных губерниях в полтора раза. Довольно быстро беларуские земли заполонили русские бюрократы. Однако во враждебном им окружении они быстро морально разлагались: брали взятки, пьянствовали, увлекались азартными играми. Местное население особенно шокировала склонность приезжих к сквернословию.

Беларускую шляхту, не говоря уже о польской, власти отстраняли от государственной службы. Уроженцы Беларуси после окончания университетов в Петербурге Киеве или Москве обычно стремились на родину, но их сюда не пускали. Только в 1880—90 годы, да и то преимущественно в Витебской и Могилёвской губернииях, появились чиновники из числа образованных беларусов крестьянского происхождения. Русская администрация воцарилась во всех губернских и поветовых центрах. Новыми надсмотрщиками для крестьян стали земские начальники, которых царь Александр III учредил в 1889 году. Эти должности могли занимать только православные русские*.

И все же последователи Калиновского не прекратили борьбу с царизмом. Один из них — Игнат Гриневицкий, уроженец Минской губернии, студент Петербургского политехнического института, 1 марта 1881 года совершил покушение на Александра II. Бомба, которая убила царя, смертельно ранила и 25-летнего патриота. Но все же Гриневицкий отомстил за Калиновского!

Новый самодержец Александр III (правил в 1881—1895 г.) начал с того, что принял «Положение об усиленной охране», которое в случае необходимости можно было ввести в любой губернии империи. Согласно этому «Положению», губернаторы и генерал-губернаторы получили практически неограниченную власть. В частности, они могли предать смертной казни любого «бунтовщика» без всякого следствия и суда.

^{*} Отметим попутно, что в 1874 была упразднена должность наместника Царства Польского, его сменил Варшавский генерал-губернатор. А с 1888 года вместо термина Царство Польское в официальных документах стал употребляться термин «Привислинский край». — Прим. Pеd.

Восстание 1863 года, а затем военное положение (оно сохранялось в западных губерниях в течение семи лет, до 1870 года) препятствовали проведению в Беларуси гражданских реформ, задуманных Александром II. Они проводились здесь либо с опозданием, либо с перерывами. Так, судебная реформа 1864 года, вводившая бессословный характер и относительную независимость судов, была распространена на Северо-Западный край только через 19 лет! Земскую реформу 1864 года, предусматривавшую передачу выборным органам местного самоуправления решение вопросов начального образования, здравоохра-

Игнат Гриневицкий

нения, разграничения земельных участков, статистического учета, в Беларуси вообще не собирались вводить (её ввели только в 1903 году!). Царское правительство опасалось через земское самоуправление усилить позиции помещиков-католиков.

Монополизм русского языка. После подавления восстания 1863 года русский язык в западных губерниях стал обязательным. Муравьев приказал переписать по-русски все польские вывески, запретил разговаривать по-польски на любых собраниях и в государственных учреждениях, потребовал ввести русский язык в делопроизводство частных лавок и магазинов.

Еще в 1859 году был издан царский указ о запрещении печати «польским» (т.е. латинским) алфавитом за пределами царства Польского. От этого запрета пострадали украинский и беларуский языки, еще не приспособленные тогда к русскому алфавиту. После восстания 1863 года данный запрет осуществлялся более жестко и последовательно.

Русификация системы просвещения началась с очистки учебных заведений от ученической молодежи, принимавшей участие в восстании. Если провести полное очищение учебного заведения от ненадежных учащихся власти считали невозможным, оно подлежало ликвидации. Так, в марте 1864 года был закрыт Горы-Горецкий земледельческий институт.

В соответствия с распоряжением министерства просвещения от 6 января 1864 года ученикам в учебных заведениях запрещалось разговаривать на любом языке, кроме русского.

В сфере образования власти Северо-Западного края руководствовались «Временными правилами для народных училищ севе-

ро-западных губерний», изданными М.Н. Муравьевым 1 января 1864 года. В соответствия с ними ставка сделалась на «истинно-русских» учителей и русское православное духовенство.

Школьная реформа 1864 года дала право Министерству народного образования открывать народные (сельские), а с 1872 года и городские училища. Все остальные начальные школы разных ведомств и частных лиц подлежали ликвидации. Мужские гимназии разделили на два типа — классические и реальные. Первые специализировались на гуманитарных науках, вторые — на естественных. Позже реальные гимназии преобразовали в реальные училища.

В 1864—68 гг. в Витебской, Минской и Могилевской губерниях были открыты 289 русских народных училищ, тогда как в 1861—63 гг. только 137 начальных школ. Попечитель Виленского учебного округа И. Корнилов требовал класть в основу всего процесса обучения и воспитания православную религию. Благодаря мерам, принятым властями, к концу 1860-х гг. в начальных классах школ западных губерний, помимо учителей работали 580 священников и 116 выпускников православных духовных семинарий.

В 1866 году в университетах России ввели процентную норму для приема студентов-католиков. Преграды на пути к получению высшего образования ставились с той целью, чтобы не умножать шляхетскую интелигенцию — будущих сепаратистов. По той же причине царское правительство с большой неохотой соглашалось на открытие в западных губерниях новых гимназий. Все это замедлило и осложнило процесс формирования беларуской интеллигенции.

Диктат православной церкви. В основу всей системы народного образования в Беларуси была положена православная религия. Ученикам вдалбливали в голову, что все католики — это поляки. Из этого лживого тезиса следовало, что беларусов среди католических верующих нет вообще. Главным лицом в любой школе стал православный священник. Он не только излагал основы вероучения и священную историю, но и следил за преданностью учителей царю и РПЦ.

Власти уволили из школ всех беларуских учителей-католиков, ибо считали их поляками. Поэтому в школах возник дефицит педагогов. Тогда учителей начали выписывать из центральной России на тех же льготных условиях, что и чиновников. Правда, уже при виленском генерал-губернаторе Александре Потапове (1868—74 гг.) от столь диких методов русификации пришлось отказаться, чтобы не давать повода местной шляхте пополнять ряды оппозиции.

Муравьев выступал за максимальное увеличение числа русских начальных школ в сельской местности. Он хотел, чтобы такие школы русифицировали беларуских крестьян, воспитывали их в духе христианского смирения, покорности властям, любви к царю. Одна-

ко народные школы содержались не за счет государства, а на средства крестьян и налогов с помещиков. Когда же крестьяне из-за бедности начали отказываться от содержания школ, их количественный рост прекратился. Программа русификации беларуского крестьянства срывалась.

Главное официальное лицо, контролировавшее православную церковь России, обер-прокурор Синода Константин Победоносцев (1827—1907) не мог с этим смириться. В соответствии с «Правилами о церковноприходских школах» от 13 июня 1884 года он начал открывать в беларуских землях однокласные и двухклассные церковно-приходские школы (ЦПШ), содержавшиеся за счет духовного ведомства. Вскоре число таких школ превзошло число народных

училищ министерства образования. Нигде в империи начальное образование не имело столь ярко выраженной религиозно-русификаторской направленности, как в Беларуси. В ЦПШ преподавались Закон Божий, сведения из церковной и российской истории, церковное пение. Естественно, все это — на русском языке.

Однако титаническая деятельность школьных русификаторов большей частью уходила «в песок». Крестьянские дети оставались равнодушными к официальной идеологии, а в повседневных трудовых буднях быстро забывали и русский язык, и русскую грамоту, со-

Поп — преподаватель ЦПШ

вершенно им не нужные. На вопрос «кто вы?» крестьяне обычно скромно отвечали — «тутэйшыя» («здешние»).

Более серьезной идеологической обработке подвергалась деревенская молодежь в учительских семинариях, готовивших учителей для начальных школ. Первая учительская семинария открылась в Молодечно в 1864 году, став первой во всей Российской империи. Потом такие же семинарии появились в Несвиже, в Свислочи (Гродненская губерния), в Полоцке. Крестьянских юношей весьма привлекала возможность получить образование за казенный счет. Конкурс на вступительных испытаниях достигал 10 человек на место.

Учительские семинарии должны были «взращивать в учителях самоотверженное исполнение законов и привязанность к российской национальности». Семинаристы жили на казарменном режиме. Привязанность к российской национальности предусматривалось воспитывать у них запретом разговаривать между собой по-беларуски и высмеиванием всего беларуского как «отсталого». Иными словами, здесь готовили русификаторов местного образца. Но болезнь денационализации у большинств выпускников потом проходила, ведь учителя работали в самой гуще беларуского народа. Не случайно многие питомцы учительских семинарий приняли участие в беларуском национально-освободительном движении.

Наибольших успехов русификаторы достигли в городах, где концентрировалась российская бюрократия и интеллигенция, действовало много русских школ. К началу XX века в губернских и уездных городах русский язык начал считаться «городским».

Наступление на католическую церковь. После восстания 1863 года М.Н. Муравьев закрыл 30 католических монастырей, поддержавших повстанцев. Католиков ограничили в правах на образование и предпринимательство. Однако репрессии обострили конфликты на религиозной почве. Католическая церковь тайно открывала польские школы, переманивала к себе крестьян из числа бывших униатов. Это наблюдалось во многих местах Минской и Гродненской губерний.

После восшествия на престол царя Александра III власти стали насильно записывать католиков из числа бывших униатов в православные, а костёлы переделывать в православные церкви. Верующие упорно сопротивлялись, не позволяли разорять костёлы. В ответ власти возбуждали судебные дела. Но и это не помогало. Крестьяне, силой приписанные к РПЦ, нередко вообще отказывались от исполнения любых православных обрядов. Так, в ряде деревень южной части Минской губернии дети «фиктивных» православных и «упорствующих в католицизме» оставались некрещеными, браки — без венчания, покойники — неотпетыми. А это позволяло властям считать внебрачными детей, рождавшихся от невенчаных родителей, преследовать людей, погребавших покойников без православных обрядов. Фактически, духовно изнасилованные жители Беларуси вели необъявленную религиозную войну с самодержавием.

Русская православная церковь после восстания 1863 года являлась главным инструментом русификации края. Здесь развернулось небывалое церковное строительство, которое велось за счет поборов с местных помещиков, а также пожертвований царского двора и русских национал-патриотов. Строительными работами руководил русский чиновник Помпей Батюшков. За десять лет его деятельности в Беларуси и Литве были построены около 1700 православных храмов.

Православные русификаторы начали объединяться в особые союзы — братства. Уже к концу 60-х годов их численность в Северо-Западном крае и Украине достигла 200. Церковь чрезмерно политизировалась. И только царский указ 1890 года официально запретил ей заниматься деятельностью, направленной против других конфессий. Но упомянутый указ во многих случаях не исполнялся.

Вторая волна русификации имела для беларусов более серьезные результаты, чем первая. Хотя царизм острие своего удара направил против «полонизма», он выжил. Носителями польской культурной традиции являлись шляхтичи. Они сберегли ее, объединяясь в сельскохозяйственные и кредитные общества, группируясь на основе светских салонов и просветительских кружков. Например, в конце XIX века широкой известностью в Вильне пользовался кружок писательницы Элоизы Ожешко (1841—1910), уроженки Гродненской губернии. Зато почти полностью исчезло слабое беларуское начало, объявленное «польским».

Эстафета развития культуры из имений магнатов и шляхты перешла в города. Но беларуской культуре в этих городах, возводившихся руками беларусов, места не находилось. Там процветали иные культуры — польская, русская, еврейская. А приобщение беларуской массы к русской культуре, при отсутствии собственного государства и национальной религии, имело своим следствием русификацию. Если интеллектуалы могли критически перерабатывать достижения чуждой культуры в своих собственных интересах, то на «простых людей» она действовала подобно отраве — калечила этническое самосознание, формировала синдром неполноценности.

«Откат». В результате режима насилия и террора, которыми М.Н. Муравьев искоренял «польский дух» в Северо-Западном крае, в беларуских землях установилась доминирующее положение русского чиновничества и православной церкви, чьи основные усилия были направленные на тотальную русификацию.

И без того неблагоприятные для беларуской самоидентификации условия ухудшились многократно. В оккупированных российской бюрократией землях воцарилась такая атмосфера, что не только роста самосознания не могло быть, но и тем, кто успел осознать себя беларусами, лучше было скрыться за наименованием «русский» или хотя бы «здешний». Вот как характеризовала обстановку в Западном крае середины 60-х годов XIX века свидетельница тех событий Н.С. Ланская:

«Несколько лет назад Западный край был центром, куда стекалось великое множество людей великорусского происхождения преимущественно и православного вероисповедания обязательно. В то время край представлял собой арену, где, ничем не рискуя, можно было

тысячу раз отличиться, выйти, что называется, в люди и после, почивая на лаврах, произнести со спокойной совестью: мы обрусили.

Сюда стремились все те, кто был чем-то недоволен у себя дома: каждый, кого обошли чином, местом или наградой, чей не приняли или вернули проект, чье поместье в результате новых порядков пришло в упадок, а взяться за дело не было ни уменья, ни сил — все это спешило в Западный край. Здесь стекались люди всяких профессий, возрастов и состояний: молодые, старики, любители пожить и те, что прожились насквозь, разочарованные в любви, обманутые в жизни и те, что сами обманывали, — все стремились сюда с лихорадочной поспешностью...

Аттестатов никаких не требовалось: достаточно было приехать из России и заявить себя православным, чтобы получить право на такие льготы, права и преимущества, которые превращались в настоящий рог изобилия. Можно поэтому представить, какое количество разного сброда заполонило эти несчастные девять губерний! Какой контингент лжи, подлости, всяческих обманов, подкупов, фальши и морального разврата принесла с собой эта православная армия оголодавших и жаждущих, оборванных и нетерпеливых!

Словно саранча, бросились они на готовые места, спеша захватить все это пространство, очищаемое для них насильно; церемониться не было нужды, и под видом обрусения и пропаганды православия эти завоеватели преследовали такие цели, которые не имели ничего общего ни с религией, ни с моральностью, ни даже с политикой настоящего обрусения»*.

«Западнорусизм». Национально одержимые русские деятели стремились убедить местных жителей, российскую и европейскую общественность в том, что Беларусь всегда была «истинно русским» краем, ее народ — ветвью русской нации, а беларуский язык — всего лишь «наречием» русского языка.

В результате целенаправленной политики русификации на территории Беларуси постепенно возник целый слой местного общества, который стал опорой русского господства в крае. Его составили православные священники, учителя и чиновники из беларусов. Все они жили только на жалованье, а потому завидовали помещикам-католикам. Полная зависимость от государства и враждебность ко всему польскому объединяла их в стремлении как можно плотнее «прислониться» к России. Именно в ней они видели единственную гарантию своего благополучия. Эти местные пособники русских властей охотно отказывались от исторического и культурного наследия беларуского народа времен Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой.

^{*} Ланская Н. Обрусители. Санкт-Петербург, 1887, с. 9.

Благодаря им, в России приобрела популярность концепция, согласно которой Беларусь — это Западная Русь, а беларусы — те же русские, но «испорченные» польским влиянием. Она получила название «западнорусизм».

Ее главным теоретиком был историк и этнограф Михаил Коялович (1828—1891), сын униатского священника из Гродненской губернии. В основе деятельности Кояловича лежала идея о превосходстве православия над всеми другими религиями. Скандальную известность получили его «Лекции по истории Западной России» (1864 г.) — откровенно антипольские и антисемитские как по своему духу, так и по подбору фактов. Социально-экономические проблемы для него не существовали. Все сложности исторического процесса он сводил к национально-религиозному вопросу, решаемому им с позиций православия, монархизма и великорусского шовинизма.

Став профессором истории Петербургской духовной академии, Коялович сосредоточился на борьбе с «польским влиянием». С этой целью он требовал даже ввести в государственных школах и учреждениях Северо-Западного края беларуский язык, а земли «польских помещиков» (в действительности, беларуских помещиков-католиков) раздать крестьянам. Однако Коялович отрицал самобытность не только беларусов и украинцев, но даже летувисов (жемойтов), и пропагандировал «слияние» их с «великорусской народностью».

Беларуский общественно-политический деятель 1910—20-х годов Александр Цвикевич считал, что «болезненное умиление к России» возникло у М.О. Кояловича потому, что он рассматривал последнюю как защитницу беларусов, украинцев и литовцев «от исторического польского притеснения». Цвикевич характеризовал «западнорусизм» как такое течение в общественной мысли, которое отрицало наличие беларуской национальной культуры. Поэтому идеологи «западнорусизма» не признавали прав ни Беларуси, ни Украины на самостоятельное культурное и политическое развитие, видели их будущее исключительно в составе России.

Сторонники концепции западнорусизма группировались вокруг журнала «Вестник Западной России», издававшегося в Вильне с 1864 по 1871 год. Его редактором был Ксенофонт Гаворский (1811—1871), тоже сын униатского священника, но с Витебщины. Гаворский, его сотрудники и авторы, публиковавшиеся в журнале, пропагандировали «исконное родство» беларусов и русских, призвали к полному слиянию их с великорусским народом.

Известный русский историк и этнограф А.Н. Пыпин (1833—1904) писал, что в Западно-Русском крае этот журнал «на деле стал одним из тех друзей /беларусов — A.T./, которые бывают хуже врагов». К числу псевдозаслуг Гаворского относятся такие деяния, как разгром Виленского археологического музея, пропаганда плана массо-

вого поселения в Беларуси русских помещиков и отставных солдат. Кстати говоря, он избегал употреблять в своих публикациях термин «Белоруссия» — только Северо-Западный край России.

По мере расширения новой идеологии польский провинциализм заменялся российским. Но и вторая волна русификации не смогла существенно деформировать этническо-культурное своеобразие беларуской деревни. В ходе всероссийской переписи 1897 года 73% жителей Северо-Западного края назвали своим родным языком беларуский, около 14% — еврейский, около 5% — украинский (преимущественно в Кобринском повете), около 2,5 — польский и только 4% — русский. Остаток пришелся на латышей, летувисов, татар, немцев, цыган и представителей прочих народов.

А всего в Российской империи около шести миллионов человек назвали себя беларусами!

Культура Беларуси. Проблема взаимодействия

Мрачное время наступило после восстания 1863 года для культуры Беларуси. Казалось, что еще до конца XIX века произойдет ее полная русификация.

Культурная переориентация на восток. В эпоху «муравьевщины» официальные научные исследования и художественное творчество в Северо-Западном крае стали возможными только на русском языке. Интеллектуальное творчество на польском языке полностью утратило государственную поддержку. Беларуская печать тоже была запрещена. В крае не осталось ни одного высшего учебного заведения. Все это подавляло и обедняло культурные процессы.

Царское правительство после подавления восстания пыталось привлечь официальную науку к поиску «весомых доказательств» того, что Беларусь издревле была «русским краем» — «Белой Русью». В 1867 году в Вильне открылось отделение Русского географического общества, которое приступило к работам в указанном направлении. Оно устраивало археологические экспедиции, собирало стариные вещи, рукописи, печатные книги. Изучением Приднепровья занялся даже могилевский губернатор Александр Домбовецкий. Однако в 1874 году виленское отделение закрылось, так как русские сотрудники в своем большинстве безразлично относились к беларуской старине, а местных сотрудников почти не было.

В то же время беларусы, получавшие образование в российских университетах, не забывали о своих корнях. Процесс самопознания не угас, хотя в большинстве случаев он оставался на любительском уровне. Только немногие беларусы смогли стать профессиональными учеными. Конечно, им приходилось писать на русском языке

и подстраиваться под официальные доктрины, однако научные знания о Беларуси не теряли от этого обстоятельства своей ценности. В 1870 году вышел первый беларуско-русский словарь Ивана Насовича (1788—1877), старейшего беларуского языковеда и этнографа, родом из Быховского повета. Во второй половине XIX века начали свою работу беларуские этнографы Павел Шейн (1826—1900), Николай Никифоровский (1845—1910) и Евдоким Романов (1855—1922).

Беларуский народ получил своего первого академика Ефима Карского, уроженца Гродненщины. Мировую известность принес ему фундаментальный труд «Белорусы» (три тома в семи частях), в котором автор исследовал происхождение и развитие беларуского языка. Первый том увидел свет в 1903 году. Свое исследование Карский начал с определения территории расселения беларуского этноса в соответствии с распространением его языка.

Работы российских ученых по истории Беларуси обычно не выходили за рамки официальных взглядов на наш край как на провинцию общерусской державы. Многие беларуские студенты прошли русскую историческую школу, переняли методологию, но далеко не всегда разделяли ее идеологическую направленность.

В 1880-е годы началась научная и просветительная деятельность выдающегося беларуского историка Митрофана Довнар-Запольского (1867—1934). Уже в своих первых статьях, опубликованных на русском языке, он доказывал самобытность беларуского народа.

Беларуская тема в русской периодике. Патриотические статьи Довнар-Запольского с 1888 года печатала частная либеральная газета

«Минский листок» (1886—1902), одна их первых в Беларуси. Его материалы легко проходили цензуру, так как были облачены в наукобразную форму. Вокруг редакции «Минского листка» собралась группа энтузиастов беларуской истории и культуры: Довнар-Запольский, поэт Янка Лучина (Ян Неслуховский) и ряд других.

Свои статьи и заметки они печатали не только в газете, но и в ежегодном приложении к ней «Северо-Западный календарь», выходившем в 1888—93 гг. Под видом «Календаря» фактически существовал альманах, посвященный изучению Беларуси. Статьи беларуских ученых печатал и «Виленский вестник», вокруг которого тоже образовался беларуский

Ефим Карский (1860—1931) Действительный член Российской Императорской Академии Наук

кружок. В частности, свои очерки жизни беларуского народа печатал в нем этнограф Е. Романов. Не чурался беларуских материалов и «Смоленский вестник». Газетные статьи беларуских патриотов на русском языке пользовались большой популярностью среди деревенской и местечковой интеллигенции.

Как уже отмечено выше, беларуское крестьянство самоизолировалось и от полонизации, и от русификации. Благодаря этому, оно сохранило свою самобытность, которую теперь выявляли ученые — этнографы, языковеды, историки. Официальная доктрина принадлежности беларуского края к «общерусскому государству» не подтверждалась. Этот факт существенно подрывал позиции местных сторонников «западнорусизма». Беларуские интеллигенты начали постепенно переходить на национальную платформу.

Беларуская литература. Во время восстания 1863 года впервые появилась пропагандистская литература на беларуском языке. В ней и польские патриоты, и русские чиновники обращались к беларуским мужикам, призывая их встать на свою сторону. Только Калиновский в «Мужицкой правде» призывал крестьян бороться за собственные интересы. В виленской тюрьме, незадолго до казни, он написал стихотворение «Марыська чернобровая, голубушка моя»... Оно стало лирическим прощанием революционера и с Отчизной, и с любимой девушкой, виленчанкой Марысей Грагатович.

Поэт Франтишек Богушевич, происходивший из ошмянской шляхты, тоже участвовал в восстании, но чудом избежал репрессий. Он обратился к языку своих предков под влиянием украинского возрождения (Богушевич окончил Нежинский юридический лицей). В силу запрета публикаций на беларуском языке, первый сборник стихов Богушевича «Дудка беларуская» вышел в Кракове в 1891 году на «латинке» (под псевдоним Мацей Бурачок), а второй — «Смык беларуский» («Беларуский смычок») в Познани в 1894 году (под псевдонимом Симон Ревка). В своих стихах Богушевич показал тяжелую жизнь беларуского крестьянина, заявил об его человеческом и национальном достоинстве, призвал беларусов уважать родную культуру.

Беларуская литература второй половины XIX века обогатилась произведениями Янки Лучины, Адама Гуриновича, Казимира Костровицкого (псевдоним — Карусь Каганец), Ольгерда Обуховича (первый беларуский баснописец), Феликса Топчевского. Все они тематикой своего творчества в той или иной степени были связаны с крестьянской жизнью.

Использовал народный язык игуменский помещик Александр Ельский (1834—1916). В 1892 году он издал в своем переводе на беларуский язык первую песню «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича. Во второй половине 90-х годов ему удалось напечатать в Петербур-

ге на беларуском языке свою повесть в стихах «Сынок», несколько поучений для народа («Слово о проклятой водке и о жизни и смерти пьяницы»), другие произведения.

Хранителями родного языка выступали кружки ученической и студенческой молодежи, которые под влиянием этнографических исследований интересовались вопросами народной культуры. Студенческие кружки уроженцев Беларуси возникли в конце XIX века в Варшаве, Кракове, Киеве, Одессе, Харькове, Москве и Петербурге. Среди московских студентов пользовался популярностью Антон Левицкий (1868—1922), будущий беларуский писатель, известный под псевдонимом Ядвигин III.

Поэт Франтишек Богушевич (1840—1900)

В Петербурге студент технологического института Вацлав Ивановский организовал в 1899 году студенческий кружок из земляков. В начале нового века члены кружка издали на гектографе литературные сборники «Колядная писанка» и «Великодная писанка», а также переиздали в 1903 году под видом болгарской книжку Янки Лучины «Вязанка».

Города как центры культуры. После реформы 1861 года в Беларуси ускорилось формирование профессиональной культуры — сферы деятельности творческой интеллигенции. Центром беларуской профессиональной культуры выступала Вильня. Но даже в 1897 году беларусы составляли лишь 17% горожан Северо-Западного края и были слабо представлены среди состоятельной их части.

Традиционная (народная) культура безбрежным морем окружала города, своеобразные «острова» профессионального творчества. Беларуская деревня привлекала городских интеллигентов своими деревянными скульптурами и церквями, народной праздничной одеждой, изделиями ткачества и гончарного промысла, богатейшим фольклором, музыкальными мелодиями, традиционными обрядами и праздниками.

У беларусов уже давно не было своего государства, но сохранился родной язык, была родная земля. Язык и земля позволяли им мечтать о национальном самоопределении.

Наиболее значимыми проводниками русского культурного влияния являлись губернские города. Русская либеральная интеллигенция группировалась вокруг редакций периодических изданий,

музеев, собиралась на вечеринки на частных квартирах. Так, в Витебске в 1883 году было создано Общество любителей музыкального и драматического искусства, в Минске в 1899 году — Общество любителей изящных искусств. Русское культурное влияние охватывало и местечки. Оно исходило не только от православной, но и от иудейской интеллигенции, которая выступала носителем как собственно еврейской, так и русской культуры.

Русской культуре городов противостояла польская культура имений (русских помещиков в беларуских землях было мало). Во дворцах бывших магнатов и в шляхетских имениях, как правило, имелись библиотеки. Там можно было найти древние рукописи, старые печатные издания на латинском, греческом, польском языках, фолианты европейских издательств. Одной из наиболее крупных в стране считалась библиотека князей Хрептовичей в Щорсах, которая в 1880 году насчитывала около 20 тысяч томов. Материалы семейных архивов хранили сведения о далёких предках, о визитах польских королей, походах Лжедмитрия и Наполеона.

Помещения многих усадеб украшали картины известных художников. Чаще всего — представителей виленской школы Яна Рустема, Франтишека Смуглевича, Симона Чаховича, Викентия Дмаховского и других. Но иногда встречались работы Леонардо да Винчи, Питера Пауля Рубенса, Тициана, Рембрандта, других мастеров европейской живописи.

Практически в каждой помещичьей усадьбе имелась коллекция слуцких поясов (сейчас этим не может похвастать ни один беларуский музей). Правда, шляхетские собрания оказались после 1863 года как бы под домашним арестом. Ими могла пользоваться разве что католическая интеллигенция. Православная интеллигенция в вопросах истории и культуры Северо-Западного края разбиралась гораздо хуже, чем католическая.

После восстания 1863 года наиболее крупные польские учреждения культуры в городах были закрыты. Но интеллигенция, воспитанная на традициях польской культуры, ввела взамен традицию «открытого дома». В частных салонах обсуждались литературные произведения, заслушивались доклады, устраивались дискуссии. Так, в Минске собрания происходили в доме родителей известного беларуского писателя Ивана Неслуховского (Янки Лучины) и в частной польской библиотеке (1863—94 гг.). Неофицальное обучение молодежи на польском языке, на материалах польской истории и культуры получило распространение во всех сколько-нибудь значительных городах Беларуси.

Еврейская культура. Культурная деятельность еврейского населения концентрировалась в городах вокруг многочисленных синагог, иудейских учебных заведений (ешиботов), благотворительных об-

ществ, домашних библиотек, «открытых домов» интеллигенции. Ешиботы давали религиозное образование. В Воложинский, Мирский и Любовицкий ешиботы приезжала на учебу еврейская молодежь со всей России, а также из-за границы.

В Витебске в начале XX века талантливый художник Иегуда Пэн (1854—1937) основал художественную школу-мастерскую, где получили профессиональную подготовку сотни юношей. Самые известные среди них — Марк Шагал (1887—1985) и Соломон Юдовин (1892—1954). Во второй половине XIX века появилась художественная литература на идиш.

Главными центрами еврейской культуры выступали Вильня и Минск. Именно здесь зародился еврейский социализм, возникло национально-освободительное сионистское движение. Беларуские местечки Беларуси тоже дали еврейской культуре ряд выдающихся деятелей. Так, классик еврейской литературы Менделе Мойхер-Сфорим (1836—1917) был родом из Копыля, всемирно известный художник Хаим Сутин (1893—1944) — из Смилович, известный певец Авраам Бернштейн — из Шацка, скрипач И. Жуховицкий — из Острошицкого Городка.

.0.

Благодаря традициям многонациональной культуры, издавна существовавшей в беларуских землях, не могло быть и речи о полном доминировании русской культуры. Отличительной особенностью интеллигенции Беларуси стало то, что многие ее представители относили себя одновременно к различным культурам.

Политическая переориентация на Россию

Во второй половине XIX века народы Западной Европы отказывались от революции как средства обновления жизни общеста, переходили к реформаторским методам и парламентаризму. В России же наоборот, после половинчатых, не доведенных до конца реформ Александра II, число сторонников революционных перемен возрастало.

В беларуских землях сложились такие условия жизни, что царским режимом были недовольны все слои общества. От реакционной национальной политики царизма страдали беларусы-католики, поляки, евреи, татары. Крестьянство бедствовало в результате нехватки земли и административного произвола. Беларуские интеллигенты, вышедшие из народа, болезненно реагировали на отсталость деревни и пренебрежение народной культурой. Рабочие жаждали повышения заработной платы. Даже некоторые представители российской администрации в западных губерниях пропитывались духом либерализма.

Народники в Беларуси. Борьбу против царизма возглавила российская интеллигенция. В поисках путей перехода к справедливому устройству обществу она увлеклась идеей социализма, возникшей в Европе. Но в аграрной России социализм мог быть только крестьянским: российские социалисты отстаивали идеалы социального равенства, а не гражданских свобод и демократической организации общества. Это движение получило название «народничество», его основали Александр Герцен и Николай Чернышевский. Высший подъем революционной активности народников пришелся на 1870-е — начало 1880-х годов.

В Беларуси «крестьянский социализм» не мог прижиться, так как здесь не было устойчивой традиции крестьянской общины. Более того, здешнее крестьянство после 1863 года свои надежды на лучшее будущее связывало в основном с монархическим режимом. Политизированная же часть интеллигенции Беларуси, в отличие от народников, вдохновлялась идеалами свободы и демократии, а не социального равенства.

Крестьянское движение в беларуских землях развивалось независимо от деятельности народников. Если до 1861 года беларуские крестьяне боролись «за волю», то после 1863 года и до конца XIX века — исключительно «за землю».

Поэтому русские народники в Беларуси вели свою агитацию только среди городских рабочих и ремесленников, причем среди беднейшей их части. В то же время территория Беларуси служила русским народникам своего рода «тыловой базой». Так, после того, как общероссийская народническая организация «Земля и воля» (1876—79) разделилась на две — «Черный передел» и «Народная воля», в Минске в 1881—82 гг. действовала подпольная типография «Черного передела». Ее издания распространялись по всей России. Народовольцы в 1882 году создали свой филиал для Северо-Западного края, с центром в Вильне. Этот региональный орган должен был руководить их кружками в беларуских землях. Но провалы и аресты быстро парализовали его деятельность.

В 1874—84 гг. существовали нелегальные народнические кружки беларуских студентов в Петербургском и Московском университетах. В 1881 году группа радикально настроенных беларуских студентов Петербургского университета обсуждала вопрос о создании своей партии по образцу российской «Народной воли», которая объединила бы все революционные кружки беларусов. Инициаторами выступили студент из Витебска Александр Марченко и народоволец Игнат Гриневицкий. Но инициативная группа столкнулась с безразличием беларуской интеллигенции и противодействием представителей «Народной воли» в Беларуси.

В январе 1882 была создана Северо-Западная организация «Народной воли», объединявшая кружки Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской губерний. В Беларуси также существовали народнические кружки учащейся молодежи.

Группы беларуских народников нелегально издали несколько прокламацний: «К беларуской молодежи» (1881 г.), «Письма о Беларуси. Письмо первое Данилы Боровика» (декабрь 1882 г.), «К беларуской интеллигенции» (1883 г.), «Послание к землякам-беларусам чистосердечного беларуса» (январь 1884 г.). В «письме Боровика» впервые было четко заявлено о том, что интеллигенция (ее «лучшие люди») должна выступать в роли своеобразного «локомотива» на пути развития самосознания и гражданской воли народа.

Смена ориентиров. Доктрине западнорусизма в беларуской общественной мысли противостоял круг идей, в последующем став-

ших основой для идеологии национального возрождения.

Впервые их четко сформулировал Константин Калиновский, руководитель восстания 1863—64 гг. в Беларуси и Литве. Именно Калиновский прочно связал идеи национальной самоидентификации и национального освобождения с решением социальных проблем (в первую очередь — проблем крестьянства).

В последующем эта тема стала доминантной в беларуской возрожденческой традиции. Перенос акцента с национальных на социальные факторы (хотя первые тоже учитывались) был наиболее характерен как раз для «народников». Это движение в Беларуси связано с такими фигурами, как И. Гриневицкий (1856—1881), Г. Исаев (1857—1886), А. Бонч-Осмоловский (1857—1930), Б. Белобоцкий (1861—1888), Д. Лаппо (1861—1936), М. Абрамович (1871—1925) и рядом других. Наиболее интересен среди них К. Каганец (Р. Костровицкий; 1868—1918). Он синтезировал народнические (эсеровские) идеи с идеологией национального возрождения.

Труппа «Гомон». В 1884 году была предпринята новая попытка создания беларуской революционной партии социалистического направления. Предполагалось, что она объединит все нелегальные кружки в Беларуси и будет координировать свою деятельность с «Народной волей». В роли организаторов выступили в Петербурге члены кружка народников, выходцев из Беларуси, имевшие связи с кружками в Витебске и Минске. Они назвали себя группой «Гомон». Они издали на русском языке два номера подпольного журнала «Гомон (Белорусское социально-революционное обозрение)». Но полиция вскоре арестовала часть членов редакции.

В группу «Гомон» входили студенты петербургских высших учебных заведений: уроженец Могилёва Хаим Ратнер, который редактировал журнал, выпускник слуцкой гимназии В. Крупский, С. Нестюшко-Буйницкий с Витебщины, М. Стацкевич с Виленщины,

Первый номер журнала «Гомон»

Сафронов, слушательница Высших женских курсов А. Ратнер. Те, кто остался на свободе, издали в конце 1884 года еще один номер журнала. На этом деятельность гомоновцев закончилась.

Все же они оставили хорошую память о себе. Именно они разработали первую теорию развития беларуской нации.

По мнению членов «Гомона», все нации равны между собой. Нельзя делить их на «государственные» и «негосударственные». Наряду с другими существует и беларуская нация, имеющая свою территорию, язык, культуру,

историческое прошлое. Будущее своего края беларуские революционеры видели в составе социалистической России, построенной на основе федерализма. Но они отвергли идею единого правительства федерации, так как опасались диктата в нем представителей русской нации. Они считали, что каждому из субъектов федерации надо иметь свое правительство, а единым должен быть только законотворческий орган — федеральное собрание.

Таким образом, тезис о праве наций на политическое самоопределение, выдвинутый в 1830-е годы Франтишеком Савичем, гомоновцы дополнили конкретной политической программой.

Для группы «Гомон» и ее сторонников была характерна активная пропаганда идеи первостепенной роли интеллигенции в пробуждении национального самосознания беларусов, в национальном и социальном освобождении народа.

Марксизм или национализм? В те времена многие считали, что выход России из социального кризиса может обеспечить рабочий социализм на основе марксизма. Сначала идеи рабочего социализма распространяла в Беларуси польская марксистская партия «Пролетариат», созданная в 1882 году Людвигом Варыньским (1856—1889). Затем беларуские интеллигенты установили связь с русской марксистской организацией «Освобождение труда», основанной в 1883 году в эмиграции Г.В. Плехановым.

Марксисты проповедывали идею пролетарского интернационализма. В условиях России это означало, что революционным представителям угнетенных народов следовало отказаться от своих национальных интересов и полностью подчиниться русскому партийному центру. Марксизм в своем русском варианте являлся антинациональным имперским учением. В дальнейшем он привел к то-

му, что судьба России оказалась в руках денационализированных элементов (евреев, грузин, армян, латышей, русских и прочих), которые попытались уничтожить всю национальную жизнь в огромной стране. Но в конце XIX века только единицы смогли понять, что марксизм предлагает путь в тупик.

Что касается альтернативы — объединения всех противников самодержавия на национальной основе — то это казалось тогда невозможным. Русские революционеры отвергали идею добровольного союза наций ради ликвидации империи и достижения политической независимости каждой из наций. С самого начала ставка делалась на превращение дворянской империи в империю социалистическую, с последующим расширением ее в мировом масштабе.

Марксизм — идеология бедняков. Рабочий социализм не мог найти благоприятной почвы среди сельских тружеников в беларуских деревнях, имениях и фольварках. Только в городах и местечках, где было много еврейской пролетарской бедноты, он встречал сочувствие. Беларусы же составляли тогда не более 9% от числа рабочих городских предприятий. Рабочее движение в Беларуси по своему национальному составу было в основном еврейским, причем в наибольшей мере оно объединяло бедноту, неквалифицированных и малоквалифицированных пролетариев*.

В ноябре 1892 года, на Парижском съезде польских социалистов, была учреждена Польская социалистическая партия (ППС), которая приобрела влияние в западной части Беларуси. В своей программе она прямо заявила, что главным условием реализации социалистических идей в Польше является восстановление независимого польского государства в границах 1772 года. Как видим, польский рабочий социализм с самого начала пошел по иному пути, нежели российский.

По примеру ППС в 1897 году в Вильне была учреждена еврейская рабочая партия «Бунд» («Союз»). Спасение своего народа Бунд связывал с социалистической Россией. Евреи мечтали возродить древнее иудейское государство в Палестине с помощью «новой России».

С этой целью вскоре после создания Бунда связанный с ним предприниматель и политический авантюрист Александр Парвус (Исаак Гельфанд; 1867—1924) — уроженец местечка Березино Минской губернии, предпринял меры по созданию русской марксистской партии. Именно Парвус организовал и финансировал первый и второй съезды РСДРП; в его квартире в Женеве и на его деньги печаталась газета «Искра»; именно он разработал план свержения мо-

^{*} Напомню, что термином «пролетарии» (proletarii) в Древнем Риме обозначали низший неимущий слой граждан, обладавших только потомством, от слова «proles» — «потомство». — *Прим. Ред.*

нархии в России (так называемый «меморандум Парвуса»); свел Ленина в 1909 году с Инессой Арманд (1874—1920), ставшей его любовницей и оказывавшей почти гипнотическое влияние на «вождя русской революции»; познакомил Ильича с офицерами германского генерального штаба, выдавшими ему 50 миллионов марок для устроения революции. Он же организовал транзит большевистской верхушки в опломбированном вагоне через территорию Германии. Наконец, именно Парвус, а не Троцкий, является автором концепции «перманентной мировой революции». Но не будем отвлекаться от основной темы.

Первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) состоялся в 1898 году в Минске, важнейшем центре Бунда. В нем участвовали 9 человек, трое из них представляли Бунд (А. Кремер, А. Мутник, Ш. Кац), кроме того, еще два делегата тоже были евреи (Н. Вигдорчик, Б. Эйдельман). Именно Бунд взял на себя роль технического организатора съезда, а затем ряд лет входил в состав РСДРП как автономное подразделение.

Позже ЦК партии (3 человека) был арестован и оказался в тюрьме. Тем не менее, в Беларуси начали возникать социал-демократические организации, находившиеся под бундовской опекой. Это не нравилось русским социал-демократам, претендовавшим на руководство рабочим движением во всей России. Их новый лидер Владимир Ульянов (Ленин) на ІІ съезде РСДРП (1903 год) под влиянием Парвуса пошел на раскол партии ради утверждения в ее рядах духа деспотизма и безусловного подчинения центру. Ленинцы (большевики) взяли курс на сохранение Российской империи, но под своим управлением. Сделав свое дело, Бунд вышел из состава РСДРП.

Была также сделана попытка связать рабочее движение с сионизмом — идеологией национально-освободительной борьбы еврейского народа. После Всероссийского съезда сионистов в Минске (1902 год) появилась партия рабочих-сионистов («Поалей цион»).

Первая беларуская партия. В 1902 году, при содействни польских социалистов (членов ППС), в среде беларуских студентов Петербурга возникла Беларуская революционная партия (БРП) во главе с Вацлавом Ивановским (1880—1943). Правда, она больше напоминала студенческий просветительский кружок. В своем воззвании «К интеллигенции» — на польском языке — члены БРП призвали образованных беларусов польской культуры вернуться к языку своих предков, заняться изданием беларуских газет и книг.

В том же году в Петербург приехали на учебу братья Антон и Иван Луцкевичи из Минска и Элоиза Пашкевич из окрестностей Лиды. Они помогли Ивановскому подготовить первый номер газеты «Свобода», которая должна была стать органом БРП. Иванов-

ский отпечатал ее небольшим тиражом у себя на родине, в деревне Лебёдка Лидского повета. Но обстоятельства сложились таким образом, что тираж пришлось уничтожить, сохранились только два экземпляра.

Позже возникло соперничество между Ивановским и братьями Луцкевичами, которые были недовольны польским влиянием. БРП распалась. Ивановский занялся просветительством, а Луцкевичи основали в Минске новое политическое объединение — Беларускую революционную громаду (БРГ), которая, однако, не отличалась активной деятельностю.

Постепенно в Вильне, Минске и Петербурге — трех центрах беларуского политического движения — усилились настроения к объединению. Это привело к созданию в 1903—04 гг. Беларуской социалистической громады (БСГ), действительно ставшей первой национальной партией беларусов*. Ведущую роль в ее руководстве играли Вацлав Ластовский и братья Луцкевичи. Кроме них, в число руководителей партии вошли рижский студент Александр Власов, писатель Казимир Костровицкий (1868—1918), более известный под псевдонимом Карусь Каганец, минский рабочий Виктор Зелезей, крестьянин Игуменского повета Николай Цехановецкий, виленский гимназист Алесь Бурбис.

У крестьянской нации в соответствии с тогдашними политическими ориентирами могла быть только партия крестьянского социализма. Но одновременно она, подобно ППС, была партией национального социализма, ибо ставила своей целью достижение беларуским народом как социального (экономического), так и национального равенства. Характерно, что польские социалисты не смогли склонить руководство БСГ к признанию идеи федерации Беларуси и Польши.

Политические оформление оппозиционных сил в Беларуси завершилось к 1904 году. Это были БСГ, РСДРП, ППС, Бунд, а также ПСР (партия социалистов-революционеров, или эсеров). Все они вели нелегальную агитацию в городах и деревнях. Основной формой агитации служили печатные издания (листовки, газеты, брошюры), преимущественно на русском языке. Только БСГ и ППС обращались к крестьянам по-беларуски, чем продолжили традицию «Мужицкой правды» Калиновского.

Общий характер периода. Для инкорпорации Беларуси в состав России потребовалось целое столетие. За 40 лет после восстания 1863 года, административное подчинение России дополнилось подчинением культурным, а затем и экономическим. В деспотическом государстве азиатского типа, каковым была Россия, процесс подчи-

^{*} Грамада (бел.) — «ватага» (рус.)

нения осуществлялся преимущественно методами насилия. Однако и в сумрачной атмосфере русификации беларусы не только теоретически обосновали идеалы независимой политической жизни (группа «Гомон»), но и начали политическую борьбу за такую жизнь (создание БСГ).

Русификация замедлила и осложнила, однако не остановила процесс дальнейшего развития беларуской нации. Распространялось просвещение, пусть посредством русского языка. Шло интенсивное изучение отечественной истории и культуры. Научные исследования доказали, что беларусы — самостоятельный народ, а не «часть» русской или польской нации. К началу XX века они в своем большинстве приняли самоназвание «беларусы».

Беларуское национальное движение с конца XIX века стало усиливаться. Беларусов спасали от денационализации четыре фактора:

- значительная этническая масса;
- наличие собственной историко-культурной традиции;
- противостояние польской и русской культур;
- непривлекательность имперских идеалов для носителей национального самосознания.

4. Период модернизации империи и национального самоутверждения беларусов (1905–1916 гг.)

Беларусь в революции 1905—1907 гг.

Провал восстаний 1831 и 1863 годов под лозунгами возрождения Речи Посполитой дискредитировал саму идею такого пути национального освобождения беларусов. В поисках нового пути беларуские патриоты пришли к социалистической доктрине и переориентировались с Польши на Россию. Назревало всероссийское выступление бедных против богатых — социальная революция.

Основными причинами революции явились: недовольство царизмом как самодержавной формой правления, кризис в экономике (в частности, в аграрных отношениях), стремление угнетенных народов империи к расширению своих политических и гражданских прав.

Жестокое поражение русской армии и флота в войне с Японией обострило экономический кризис и ускорило революцию. Расстрел 9 января 1905 года шествия к царю петербургских рабочих с семьями всколыхнул всю страну. Волна митингов протеста охватила империю, в том числе беларуские города. Так началась первая российская революция.

Первый этап революции. Он продолжался с января по сентябрь 1905 года. В ходе весенних забастовок рабочие Беларуси добивались повышения заработков и сокращения рабочего дня до 9—10 часов. Активно участвовали они и в политических выступлениях (митингах, демонстрациях) солидарности с трудящимися России. Волнения перекинулись в деревню.

В марте БСГ совместно с ПСР собрала в Минске крестьянский съезд. Эсеры доказывали делегатам, что получить землю можно только силой. Но громадовцы выступили против насильственных методов. В результате аграрная программа так и не была принята. Съезд призвал крестьян устраивать забастовки и требовать от помещиков части урожая, а при отказе захватывать их собственность, в том числе землю. Съезд высказался также за повсеместное создание в деревнях крестьянских братств или союзов, а для руководства ими учредил Беларуский крестьянский союз.

Крестьяне отликнулись на призыв. Летом по беларуским деревням прокатилась волна забастовок. Они составили почти половину всех крестьянских выступлений в империи. Батраки и поденщики требовали увеличения заработной платы, а кроме того просили помещиков поделиться землей. Именно летом 1905 года громадовцы выдвинули свой лозунг: «Трудовая беднота всех стран, соединяйся»!

БСГ начала рассматривать себя как крестьянскую партию. Она поставила целью достижение политической автономии Беларуси в Российской империи, а также культурно-национальной автономии для этнических меньшинств (поляков, евреев, татар).

Второй этап революции. Это был ее подъем, который пришелся на октябрь — декабрь 1905 года. В октябре империю охватила всероссийская политическая стачка. В Беларуси первыми включились в борьбу железнодорожники. Их поддержали фабричные рабочие и ремесленники. Декабрьское вооруженное восстание в Москве, ставшее кульминацией событий 1905 года, сопровождалось всероссийской железнодорожной стачкой. Подъем революции повлек ряд изменений в общественной жизни Беларуси.

Во-первых, усилились волнения в деревне. Агитаторы РСДРП призывали крестьян к террору (сжигать и грабить имения, убивать их владельцев, захватывать землю). БСГ, почти все лидеры которой вышли из шляхетской среды, призывала крестьян бороться с помещиками цивилизованными методами — путем забастовок.

Беднейшие слои крестьянства и молодежь были настроены агрессивно. Все случаи аграрного террора пришлись на восточную часть Беларуси, где имелось много крестьян-отходников, и где вели агитацию российские партии. В декабре 1905 — январе 1906 года здесь в 17 имениях пролилась кровь. И все же в беларуских деревнях террор не получил широкого распространения. Он применялся

лишь в отношении наиболее ненавистных и непримиримых помещиков. В беларуской сельской среде всегда преобладало уважительное отношение к чужой собствености.

С конца 1905 года крестьяне начали кампанию неповиновения губернским и поветовым властям, отказывались платить налоги, под воздействием агитаторов БСГ принимали резолюции о переводе обучения детей на родной язык. Однако у БСГ было слишком мало профессиональных партийцев, способных работать на селе. Поэтому она объединяла свои усилия с эсерами, призывала крестьян вступать в эсеровский Всероссийский крестьянский союз, учрежденный в августе 1905 года.

Во-вторых, подъем революции вызвал ответные репрессии властей. После подавления декабрьского восстания в Москве начались рейды карательных отрядов, сопровождавшиеся казнями и массовыми арестами. Рабочее движение было подавлено. Местные власти организовали еврейские погромы в Гомеле, Речице, Орше и Белостоке. В январе 1906 года карательная экспедиция во главе с губернатором Гагманом прошлась по Могилёвщине. Каратели сжигали хаты «бунтовщиков», секли смутьянов розгами, а то и казнили без следствия и суда.

В-третьих, дворянство пошло на уступки. 17 октября 1905 года царь Николай II издал манифест, в котором обещал своим подданным политические свободы и парламент (Государственную Думу) с правами законодателя. А на другой день после объявления манифеста, в Минске, по приказу губернатора Павла Курлова, солдаты расстреляли митинг на привокзальной площади. До 100 человек погибли, около 300 было ранено («Курловский расстрел»). То же самое произошло в Витебске, хотя с меньшим числом жертв. И все же в России началось становление парламентской монархии.

Выборы в первую Государственную думу состоялись в начале 1906 года. За голоса жителей Беларуси боролись три политических лагеря: консервативный, либеральный и революционный.

В консервативном лагере наиболее реакционную позицию занимал «Союз русского народа» (черносотенцы). Он объединял чиновников, православное духовенство, часть крестьян (в том числе староверов), часть мелких торговцев. На местах с черносотенцами активно сотрудничали члены партии октябристов. Все они стремились к сохранению монархии, под лозунгом «Россия для русских», не желали слышать ни о каких реформах.

Либеральный лагерь формировался преимущественно за счет партии конституционных демократов (КД — кадеты). Его идеалом была конституционная монархия с двухпалатным парламентом. Кадеты выступали за частичное отчуждение помещичых земель по рыночнам ценам. Они отвергали национальную дискриминацию

народов России, но право создания государственной автономии распространяли только на Финляндию и Польшу. Созданная в начале 1906 года конституционно-католическая партия Беларуси и Литвы, во главе с виленским епископом бароном Эдвардом Ропом, приняла программу, близкую кадетской. Представители либерального лагеря являлись сторонниками политических реформ, но врагами социалистов.

Революционный лагерь представляли левые партии (РСДРП, ПСР, Бунд, БСГ, ППС, ТНСП). Хотя Дума и открывала возможность парламентской борьбы за демократическую перестройку России, однако левые партии все еще надеялись на свержение самодержавия путем революции, а потому все они, за исключением ПСР (эсеров) и ТНСП (трудовиков), бойкотировали выборы.

Третий этап революции. Это период с января 1906 по июнь 1907 года. Его отличительной особенностью стали две тенденции: затуханне революционных выступлений и распространение парламентских методов борьбы за демократизацию России.

Что касается революционного течения, то число крестьянских выступлений в Беларуси летом 1906 года приблизилось к прошлогоднему уровню. Основной формой борьбы крестьян опять стали забастовки. Они проходили более организованно, ибо теперь их возглавляли сельские группы революционных партий. Но к концу года партийные и внепартийные организации крестьян были уничтожены. Очередной призыв в армии вымел из деревень и революционную молодежь. Крестьянское движение, как и рабочее, угасало.

Первый российский парламент (Дума) начал работу в апреле 1906 года. Кадеты, которые получили большинство депутатских мест (в том числе от беларуских губерний), игнорировали стремление угнетенных народов России к политической независимости. Поэтому многие депутаты от национальных окраин проигнорировали кадетскую фракцию и создали свою — фракцию автономистов. К ней присоединилась едва ли не половина из 36 депутатов от Беларуси, среди которых выделялся пинский помещик Роман Скирмунт.

Основным вопросом в повестке Думы был аграрный вопрос. Эсеры и трудовики (члены Трудовой народно-социалистической партии) требовали национализации земли и равного раздела земли между «хозяевами», в чем было заинтересовано российское крестьянство. В отличие от них, среди депутатов-крестьян от беларуских губерний господствовали идеалы частной собственности.

Правительственная программа предусматривала ряд мер по ликвидации общинного землепользования и закреплению частной собственности на землю, но о значительном расширении крестьянского земельного клина речь не шла. Потому депутаты большинством

голосов отказали правительству в поддержке, и оно 9 июля 1906 года распустило Думу, объявив новые выборы.

Революция дала возможность БСГ приступить к изданию первой легальной беларуской газеты «Наша доля». Она выходила в Вильне с 1 сентября по 18 ноября 1906 года. На седьмом номере газета была запрещена за революционную пропаганду. Но по поручению виленских руководителей БСГ (братьев Луцкевичей) Александр Вла-

Эдвард Войнилович (1847—1928), выдающийся деятель беларуского католического движения

сов сразу начал издавать еженедельную легальную газету «Наша Нива», призывавшую уже не к революции, а к парламентской борьбе. Ее финансировали беларуские помещики-католики Эдвард Войнилович, Роман Скирмунт и Магдалена Радзивилл.

В выборах II Думы (1907 год) левые силы, которые отказались от тактики бойкота, не провели ни одного депутата от Беларуси. Идеи социализма мало привлекали здешних крестьян. Их письменные обращения (наказы) в Думу нового созыва показали, что беларуская деревня добивалась не отмены частной собственности на землю, а коренного перераспределения земли.

Перед Второй думой, приступившей к работе в феврале 1907 года,

встала те же проблема, что и перед Первой — найти выход из аграрного и национального кризиса. Дума зашла в политический тупик и 3 июня 1907 года царское правительство распустило и ее. Очередные выборы прошли в соответствии с новым, более реакционным избирательным законом, принятом без согласия депутатов. Правительство перестало считаться с оппозицией, так как за ее плечами уже не было революционного движения народа.

Уроки революции для национального движения. Социалистический вариант борьбы бедных против богатых не привел к свержению царизма в России и освобождению ее народов.

Вариант союза бедных с богатыми против царя — на национальной основе — был бы гораздо эффективнее, но аграрный вопрос заслонил собой национальный. Ни беларуский народ, ни беларуская интеллигенция еще не понимали, что им надо объединиться ради общего дела — национального освобождения, более важного, чем крестьянские мечты о земле и полуфантастические теории интеллигентов. Но элементы войны окраин против центра в первой рос-

сийской революции все же имели место. Огромное государство не сплавило многочисленные этносы в единую «русскую нацию», и сплавить не могло в принципе.

Столыпинские реформы

Хотя программа выхода из революционного кризиса, предложенная правительством Петра Столыпина, принципиально противоречила программам всех оппозиционных партий, она получила молчаливое одобрение большинства населения, а сам премьер — неслыханно широкие полномочия от царя. Этого оказалось достаточно, чтобы кабинет П.А. Столыпина за короткий срок (1906—11 гг.) вывел империю на уровень стабильной, более или менее цивилизованной жизни, которой она не знала никогда прежде.

Национальная политика. Избирательный закон от 3 июня 1907 года ограничил число депутатов от национальных окраин. Выборы в Думу от беларуских губерний фактически производились по национальным спискам — русскому, польскому и еврейскому. Беларуского списка не было вообще. Беларусы-католики шли на выборы по польскому списку, беларусы-православные — по русскому. При этом власти всячески ограничивали католиков, что дало определенные преимущества в предвыборной борьбе крестьянам православного вероисповедания. Нигде крестьяне не были столь широко представлены в Третьей Думе, как от Северо-Западного края.

Крестьянские депутаты вступали в партии, поддерживавшие праительство. А беларуских национальных деятелей вообще отлучили от парламента. Поэтому на выборах в III Думу победу в беларуских губерниях одержали проправительственные силы (80% мандатов). Значительное число мест досталось в 1907 году католической Краевой партии Литвы и Белоруссии. То же самое повторилось на выборах в IV Думу.

В результате репрессий деятельность РСДРП и ПСР с 1908 года фактически прекратилась. БСГ объявила о роспуске партии, ее ядро сгруппировалось вокруг газеты «Наша Нива».

Правительство встало на путь прямой поддержки русского национализма. Премьер-министр Столыпин, начинавший служебную карьеру в Беларуси, проводил политику жесткого подчинения окраин центру*. Одновременно он сделал некоторые, весьма ограниченные уступки «инородцам».

17 апреля 1905 года был принят закон о веротерпимости. Он повлек в Беларуси массовый переход в католическую веру бывших

^{*} Петр Аркадьевич Столыпин (1862—1911) в 1899—1901 гг. был уездным, затем губернским предводителем Ковенского дворянства, в 1902 — губернатором Гродненской губернии. — Прим. Ред.

униатов, насильно превращенных в православных. Только в Виленской губернии в 1905—09 годах перешли в католицизм около 18 тысяч человек. Рим высказывался за воссоздание в России униатской церкви, но руководство РПЦ не допустило этого, так как опасалось, что в западных губерниях не выдержит конкуренции с униатами. Новый закон углубил религиозный раскол беларусов.

Начальные церковно-приходские школы заменялись народными школами светского характера. Широкую популярность приобрели коммерческие училища — средние школы с 6-летним сроком обучения. Наряду с учительскими семинариями, открылись учительские институты — в Витебске (1910), Могилёве (1913), Минске (1914). В 1911 году в Витебске открылся филиал Московского археологического института, где известный беларуский историк А. Сапунов читал курс истории Северо-Западного края. Но школы с беларуским языком обучения по-прежнему запрещались. Беларусам разрешили преподавать в школах на родном языке только Закон Божий. Право на преподавание своего языка в качестве отдельного предмета в школах Северо-Западного края получили в 1905 году лишь поляки и летувисы (закон от 1 мая).

В Витебской, Минской и Могилёвской губерниях в 1911 году правительство разрешило создать земства. Разрешение не касалось Виленской и Гродненской губерний. Власти не сомневались, что там земские органы окажутся в руках польских помещиков. С целью борьбы против «польского засилия» в трех названных губерниях Столыпин распорядился проводить выборы в земства раздельно по «русской» (православной) и «польской» (католической) куриям. При этом для обеспечения преимуществ православным крестьянам он вдвое снизил имущественный ценз. В итоге «русские» получили в земствах 2/3 мест, «поляки» — 1/3.

Эта «земская география» наглядно показала границу сферы фактического влияния России на территории бывшего ВКЛ, которую ей удалось отвоевать за 120 лет борьбы с беларусами и поляками, исповедавшими католицизм или униатство.

Духовная жизнь в эпоху «Нашей Нивы»

Реформы правительства Столыпина вызвали экономический подъем в империи. Благодаря улучшению экономического положения государства власти впервые получили возможность русифицировать национальные окраины не только мерами силового воздействия, но и с помощью экономических рычагов. Но одновременно появились новые возможности и у националистов.

Русско-беларуский вариант самосознания. Долгая царская неволя приучила беларусов к покорности. Им пришлось приспособиться

к российским порядкам — только бы выжить. В определенном смысле беларусы стали нацией приспособленцев, чем и спасались. Так, православные предприниматели (фермеры, торговцы, отдельные фабриканты) в конкурентной борьбе с помещиками польской культуры и евреями искали заступничества у российских властей. Карьерные интересы беларуской интеллигенции требовали и от нее лояльности царскому режиму. Православные беларусы стали носителями русско-беларуского (имперского) варианта самосознания: они признавали своим отечеством Россию, поддерживали царя, слушались священников и все же отличали себя от русских.

Показательны в этом смысле взгляды Луки Солоневича, в прошлом сельского учителя, волостного писаря, чиновника канцелярии гродненского губернатора. В 1908 году он организовал в Вильне «Белорусское общество», а в 1909 году издавал на русском языке газету «Белорусская жизнь». Солоневич и его сторонники признавали беларусов самостоятельным народом, но «культурным» языком для него считали русский. Газета критиковала правительство за то, что оно не принимало действенных мер для ограничения господства крупных «польских» помещиков (в действительности беларуских. но католической веры и польской культуры). Кроме того, они обвиняли власти в игнорировании жизненно важных интересов беларуского «народа», под которыми понимали потребность крестьянства в значительном расширении земельных участков. Солоневич и ему подобные пытались сочетать российский провинциализм с элементами регионального сепаратизма, постепенно приближаясь к идеологии беларуских националистов.

Польско-беларуский вариант самосознания. Завоеванные революцией гражданские свободы содействовали новому подъему в Беларуси польской культуры, усилению влияния католического костёла. Например, с 1906 по 1914 год число польских газет и журналов, издававшихся в Вильне, увеличилось с 11 до 28. До 1908 года в Вильне работало популярное культурно-просветительное товарищество «Освята» («Просвещение»), имевшее отделения в Минске, Несвиже, Гродно и других городах. Воинствующие клерикалы не признавали самобытности беларусов и стремились к полной полонизации беларусов. А с другой стороны, слабость беларуского движения не способствовала участию в нем беларусов-католиков.

В это же время на сцене появился польско-беларуский (краевой) вариант самосознания. «Краёвцы» представляли католическую интеллигенцию и землевладельцев (Роман Скирмунт, Александр Ледницкий, Михаил Ромер и другие). Это движение заявило о себе в феврале 1906 года программной статьей в «Виленской газете». Как правило, местные патриоты отличали себя от поляков, почему и назывались «краёвцами», или «литвинами». Под термином «край» они

подразумевали земли бывшего ВКЛ, считая их единым экономическим и культурным целым.

Краевое движение стало ответом беларуской интеллигенции польской ориентации на русский шовинизм с одной стороны, на польский национализм с другой, а стимулировали его общие польско-беларуские культурные традиции Виленщины. Концепция «краёвости» предусматривала равноправие польского и беларуского народов. Большинство краёвцев постепенно эволюционировало в направлении польской национальной идеи, и лишь единицы — в сторону беларуской.

Витольд Жуковский, автор книги «Поляки и белорусы» (Вильня, 1907 год) предложил местной элите, во-первых, нейтрализовать «всепольских объединителей»; во-вторых, бороться за освобождение от власти царя Беларуси и Польши; в-третьих, создать политический союз между ними с целью защиты от имперских устремлений России и Германии.

После революции 1905 года беларускую интеллигенцию стали широко пополнять выходцы из крестьян. Национальное движение начало получать некоторую поддержку и со стороны беларуских предпринимателей. За период с 1897 по 1916 год общая численность состоятельных хозяев-беларусов достигла миллиона человек. Неко-

Первая страница газеты № 35 (август 1910 г.)

торые помещики-католики под влиянием национально-культурного движения тоже вспомнили о своем беларуском происхождении.

«Наша Нива». Самое главное — беларусы впервые получили свою газету «Наша Нива», выходившую с ноября 1906 по август 1915 года. Опираясь на нее, беларуские лидеры во главе с братьями Иваном и Антоном Луцкевичами широко развернули культурно-просветительскую работу с целью достижения национального единства беларусов и идейной подготовки их к борьбе за свою государственность.

Газета пропагандировала единство беларусов независимо от вероисповедания, требовала введения беларуского языка в школах, церквях и костё-

лах. Она поднимала беларуский язык на уровень литературного и научного, что позволяло беларусам избежать перехода на русский или польский язык.

«Наша Нива» стала собирательницей беларуских литературных талантов. Не имея возможности платить гонорары, она время от времени спасала литераторов тем, что приглашала их на работу. Среди ее сотрудников были Якуб Колас, Тишка Гартны (Дмитрий Жилунович), Змитрок Бядуля. Когда редактора-издателя газеты А. Власова призвали в российскую армию, его заменил в 1914—15 гг. Янка Купала. Секретарем редакции с 1909 года был Вацлав Ластовский. Именно он открыл поэта Максима Багдановича, начал печатать его произведения. Писатель Максим Горецкий и поэт Алесь Гарун тоже начали печататься в «Нашей Ниве».

При редакции существовало издательство. С 1910 года оно выпускало популярный среди крестьян «Белорусский календарь», в котором печатались не только справочные материалы, но и лучшие художественные произведения беларуских литераторов. С 1912 году

в Вильне издавался сатирический журнал «Крапива», а сельскохозяйственный отдел газеты превратился в журнал «Соха» (с конца 1913 года он выходил в Минске). Здесь появился еще один питомец «нашенивцев» — литературный ежемесячник для молодежи «Лучинка», который редактировала Элоиза Пашкевич («Тётка»).

Сразу после отмены в декабре 1904 года ограничений для нерусских языков, В. Ивановский основал в Петербурге беларуское издательство «Заглянет солнце и в наше оконце». В 1905 году оно выпустило первые буквари для беларуских детей на «латинке» (составитель Ивановский) и «кириллице» (составитель Карусь Каганец).

Элоиза Пашкевич-«Тётка» (1876—1916)

В 1913 году Ивановский, с помощью Янки Купалы и Ивана Луцкевича, перевел свое дело в Вильню, где организовал Беларуское издательское общество и открыл первый беларуский книжный магазин. Кроме того, появились беларуские издательства в Минске («Минчук») и Вильне («Наша хата», «Полочанин», «А. Гриневич»). Благодаря усилиям сотрудников «Нашей Нивы» беларуские писатели получили возможность печатать свои произведения на родном языке. За период с 1906 по 1915 год было издано около 160 книг на беларуском языке, причем половину из них напечатал В. Ивановский.

Первое иследование по истории Беларуси увидело свет в Вильне в 1910 году. Книга называлась «Краткая история Беларуси». Ее написал на беларуском языке Вацлав Ластовский. Это стало важным со-

Янка Купала

Якуб Колос

Александр Власов, издатель «Нашей Нивы»

бытием в летописи беларуского национального движения.

Один из основателей «Нашей Нивы» Иван Луцкевич, этнограф и археолог по профессии, собирал коллекции для будущего беларуского национального музея. Под влиянием «Нашей Нивы» беларуские студенческие кружки в российских университетах начинали заниматься теоретическим обоснованием самоутверждения беларуской нации.

В Петербурге выходил литературно-художественный альманах «Молодежь Белоруссии» (1912-13), который, по сути, был первым изданием беларуской научной публицистики, работал беларуский научно-литературный кружок студентов (1912-17). Его организовал Бронислав Тарашкевич, позже создавший первый учебник беларуской грамматики. Под руководством Е. Карского, Е. Романова, Б. Эпимаха-Шипило кружковцы разработали комплексную программу изучения беларуского языка, фольклора, этнографии, народного искусства, впервые заговорили о беларусовелении как системе знаний.

«Наша Нива» заинтересовала беларускую молодежь народной культурой, литературными произведениями соотечественников. Под влиянием ее пропаганды в городах, местечках и деревнях появлялись любительские кружки, устраивавшие вечеринки с народными песнями и танцами, декламированием произведений беларуских писателей и поэтов.

С 1907 года открывались частные беларуские школы. Осенью того же года прошел съезд их учителей, учредивший неофициальный Беларуский учительский союз.

Еженедельная беларуская газета имела объем в один печатный лист (24 страницы машинописного текста) и тираж до 4,5 тысяч экземпляров — очень мало для 6 миллионов беларусов. Но на больший тираж не хватало средств. Зато газету передавали из рук в руки. Только в 1910 году она поместила 666 корреспонденций из 320 населенных пунктов. Беларусы читали свою газету во всех уголках империи, а также в Праге, Париже, Лондоне, Нью-Йорке. Национальная культура, которую пропагандировала и поддерживала газета, являлась для беларусов главным объединяющим фактором. Реализовать эту миссию было не просто. Например, выписывать и читать «Нашу Ниву» власти запрешали учителям Виленского учебного округа, государственным чиновникам, учащимся сельскохозяйственных школ.

БСГ, действовавшая в подполье, оказывала значительное влияние на идеологическую направленность «Нашей Нивы». Это была действительно народная газета. Она никогда не позволяла себе пренебрежительных высказываний в адрес других наций. Более того, постоянно напоминала о необходимости уважения национальных прав всех народов, призывала беларусов широко использовать достижения русской, польской и украинской культуры.

В январе 1913 года в Вильне, при финансовой поддержке княгини Магдалены Радзивилл, начала выходить на беларуской «латинке» католическая еженедельная газета «Беларус». Ее редакторы-издатели Адам Бычковский и Болеслав Пачобка, крестьяне по происхождению, намеревались работать исключительно для беларусов-католиков. но под влиянием «Нашей Нивы» перешли к пропаганде и защите общебеларуских интересов. В национальное движение включились ксендзы Винцент Годлевский и Александр Астрамович (Андрей Зязюля). Так зародилось клерикальное течение в беларуском лвижении.

Научная деятельность. В начала XX века научная деятельность в Беларуси утратила политическую окраску и обрела прикладной характер. Появилась сеть научных учреждений. Изучением края занимались Витебская ученая архивная комиссия, созданная в 1909 году, Смоленская ученая архивная комиссия, Минский церковный историко-археологический комитет (1908 г.), воссозданный в 1910 году в Вильне Северо-Западный отдел Российского географического общества, польское Общество друзей науки в Вильне (1907), Общество изучения Беларуского края в Могилёве.

При содействии этих учреждений были созданы краеведческие музеи в Витебске, Вильне, Гродно, Минске и Могилёве. Первыми научными учреждениями естественного профиля стали исследовательские станции — Беняконская сельскохозяйственная в Виленской губернии (1910) и Минская болотная (1913).

Антон Луцкевич (1884—1942)

Вацлав Ивановский (1880—1943)

Вацлав Ластовский (1883—1938)

В Минске в 1912—16 гг. издавался первый в империи журнал по культуре болот — «Болотоведение». Всего же в Беларуси в период с 1906 до 1917 года выходили около 20 научно-популярных периодических изданий, в том числе 8 сельскохозяйственных, остальные — по медицине, болотоведению, лесоводству, железнодорожному транспорту и общим проблемам. Их редакции находились в Вильне, Витебске, Бобруйске, Гродно, Лепеле, Минске, Могилёве.

Тернистый путь возрождения. Во всех национальных окраинах постепенно усиливалось национальное движение, принявшее форму развития своих национальных культур (языка, литературы, искусства, этнографии, истории и т.п.).

В начале XX века одни беларусы видели свой край русским и православным, другие - польским и католическим. А сотрудники «Нашей Нивы», их сторонники и последователи видели свое Отечество беларуским и христианским, это значит - единым, хотели примирить враждебные стороны на основе интересов беларуской земли. Но все они ставили политической целью автономию Беларуси в составе Российской империи. правда, на разных культурно-этнических основах. И только отлельные интеллектуалы мечтали о свободе своей страны вне границ России. В частности, Иван Луцкевич начал пропагандировать идею беларуско-украинской федерации.

После революции 1905 года процесс самоутверждения беларуской нации ускорился. Но национальное самосознание еще не стало всеобщим явлением. Да и успехи группы «На-

шей Нивы», по сравнению с культурными деятелями Польши, Украины и Литвы, были достаточно скромными. Вот некоторые причины отставания:

- 1. Шовинистическая идеология и политика царизма парализовали национальное самосознание у большинства православных беларусов, и они не участвовали в национальном движении.
- 2. Беларусы-католики (преимущественно шляхетско-крестьянская интеллигенция) быстрее присоединялись к беларускому движению, так как ощущали себя преемниками традиций ВКЛ. По переписи населения 1897 года, 43,3% представителей католической шляхты беларуских губерний своим родным языком назвали беларуский. Именно католическая интеллигенция создавала ядро нации. Однако национальной консолидации сильно мешал барьер недоверия между православными массами и католическими лидерами.
- 3. Беларуское движение не имело прочной экономической базы. Торгово-промышленная элита еще только формировалась. А среди помещиков-католиков присутствовало постоянное опасение того, что сильное беларуское движение социалистической ориентации лишит их земельных владений.
- 4. У беларусов не было таких островков относительной национально-культурной свободы, как у литовцев в немецкой Пруссии или украинцев в австрийской Галиции, откуда бы исходил свет национальной культуры.

Тем не менее, движение беларуского национального Возрождения крепло столь быстро, что захватывало как русифицированных, так и полонизированных беларусов. Основной круг представителей движения за возрождение беларуской национальной культуры сложился вокруг редакции газеты «Наша Нива». Одна часть лиц этого круга приняла активное участие в процессе «беларусизации» в 1920-е годы в БССР, другая часть действовала в Западной Беларуси и в эмиграции.

Первая мировая война

«Великая война» в Европе началась 1 (14) августа 1914 года. Беларуские деятели отнеслись к ней по-разному. Одни стали «оборонцами», так как надеялись, что после победы будет легче перестроить империю на федеративных принципах. Другие были «пораженцами». Они верили в то, что военное поражение России приведет к всенародному восстанию против царизма.

Германская оккупация. С первых дней войны в беларуских губерниях было введено военное положение. Вся общественно-политическая жизнь замерла. Были дозволены только патриотические манифестации, молебны и собрания. Правительство развернуло широ-

кую пропагандистскую кампанию под флагом защиты России и самодержавия. Угар псевдопатриотизма охватил многих жителей Беларуси.

«Наша Нива» избегала громких слов о войне. Насколько это было возможно, она писала о тех бедах, что она несла. Действительно, появились беженцы. Крестьян Белостокского округа и Гродненской губернии первыми в империи погнали на строительство военных объектов.

Летом 1915 года военные действия развернулись непосредственно в беларуских землях. Августовское наступление немцев шло в направлении Ковно — Вильня — Минск. 3-го сентября оккупанты заняли древнюю столицу ВКЛ, а через две недели кайзеровская кавалерия перерезала железную дорогу Минск — Москва в районе Смолевич. Ценой больших усилий русской армии удалося остановить немцев и отбросить их в район озер Свирь и Нарочь. Но германская армия продолжала удерживать Западную Беларусь. В августе ставка российского главнокомандующего была перенесена из Баранович в Могилёв.

В октябре 1915 года русско-германский фронт стабилизировался на линии Двинск — Браслав — Поставы — Сморгонь — Барановичи — Пинск. В течение следующих двух лет и пяти месяцев (до февраля 1918 года) он оставался неизменным и делил Беларусь на две части. Здесь сосредоточились свыше 1,5 миллиона русских солдат и офицеров, около миллиона немецких. Штаб Северного фронта находился в Двинске, штаб Западного — в Минске. В июле 1916 года русская армия попыталась прорвать фронт в районе Баранович, но лишь потеряла 80 тысяч солдат.

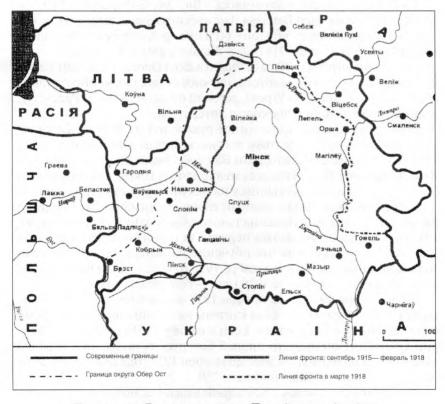
По всей линии фронта с обеих сторон ее непрерывно строились траншеи и блиндажи, проволочные заградения и полевые укрепления, складские помещения и бараки. Германские власти были заинтересованы в сохранении в прифронтовой полосе стабильных хозяйственных структур, работавших на нужды войны. Потому они старались не мешать хозяйственной деятельности населения. Местных помещиков, торговцев и фабрикантов обложили военным налогом, но, заплатив его, они могли заниматься своим делом. Простой же народ страдал от реквизиций и принудительных работ по строительству военных объектов.

В соответствии с приказом командующего восточным фронтом фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга (июль 1915 года), всякая политическая деятельность на оккупированных территориях запрещалась. Право на существование получили только комитеты помощи жертвам войны, созданные еще до оккупации в прифронтовой полосе российских войск. Им разрешили подавать германским воен-

ным властям просьбы и предложения от национальных групп по вопросам культуры, образования, социальной полики.

Действия оккупантов. Власти германской империи не собирались разрушать Российскую империю. Она нужна была им как неисчерпаемый источник сырья для промышленности и гигантский рынок для сбыта промышленных изделий. Задача состояла в том, чтобы экономически более тесно привязать Россию к Германии. Поэтому территориальные претензии немцев были достаточно умеренными. Они хотели отдвинуть русских от своих восточных границ, а для этого планировали создать буферное польское государство, аннексировать Литву и Курляндию.

Беларусь они считали частью России, отсталой в экономическом и культурном плане, но со своей этнической спецификой. Занятые немцами беларуские земли вошли в военно-административный округ Обер Ост, созданный осенью 1915 года, и в военно-оперативную полосу. В Обер Ост входили Курляндия, Литва и часть Беларуси, приблизительно по линии Браслав — Лида — Зельва — Брест. Всю

Территория Беларуси во время Первой мировой войны

территорию Обер Оста немцы планировали присоединить либо к Польше, либо к Германии. Земли военно-оперативной полосы они собирались вернуть царю после подписания мирного договора.

Оккупационную администрацию возглавил генерал Эрих фон Людендорф. Он подчинялся командующему Восточным фронтом фельдмаршалу Паулю фон Гинденбургу, победителю русских армий в Восточной Пруссии.

Национальное движение. Для укрепления своего положения в крае оккупационные власти взяли за правило одинаково относиться ко всем нациям. Представителям всех национальностей была разрешена культурная деятельность, обучение и издание газет на родном языке. Столь широкие права беларусы получили впервые, хотя в условиях военного времени реализовать их было трудно — не хватало национальной интеллигенции и финансовых средств. Да и оккупанты больше занимались грабежом беларуских земель, чем повышением культуры местного населения. Поэтому беларуское культурное движение под оккупацией имело свою специфику.

Во-первых, оно сосредоточилось в Вильне. С 15 февраля 1916 года здесь под редакцией Вацлава Ластовского начала выходить на беларуском языке газета «Гомон» («Разговор»), существовавшая до конца 1918 года. С лета 1916 года в Вильне работал Беларуский клуб, при нем — любительский театр Франтишека Олехновича. Там же открылись беларуская библиотека, научное общество, кооперативное объединение «Раніца» («Утро»), детский приют «Золак» («Рассвет»), издавались учебники и школьная литература.

Во-вторых, организационно им руководил из Вильни Беларуский комитет помощи жертвам войны, который действовал с марта 1915 года под председательством Вацлава Ивановского, а затем Антона Луцкевича. Новый председатель сплотил вокруг себя почти всех беларуских деятелей, оставшихся на оккупированной территории.

В-третьих, беларуские деятели главное внимание обратили на расширение системы национального образования. Еще в ноябре 1915 года в Вильне открылась первая в истории беларуская публичная школа (до того момента обучение на беларуском языке вели только частные школы). В декабре 1915 года там же открылись учительские курсы, а в январе 1919 года — беларуская гимназия.

С 15 октября 1916 до 15 ноября 1918 года в Свислочи (Гродненщина) действовала беларуская учительская семинария. За это время она подготовила 144 учителя. Если в октябре 1916 года на территории Обер Оста было всего лишь 8 беларуских школ, то к ноябрю 1918-89. В оперативной зоне до ноября 1918 года появилось до 60 беларуских школ. Общая цифра -150.

Проекты политического самоопределения. Несмотря на то, что оккупанты ограничили полномочия беларусов делами культуры и про-

свещения, уже в 1915 году в Вильне возник конспиративный общенациональный орган — Беларуский Народный Комитет, который занимался не только культурными вопросами. Его членами стали братья Луцкевичы, братья Станкевичи, поэтесса Констанция Буйло, писатель Максим Горецкий.

Существовали несколько проектов обретения беларуской государственности.

Пинск. Католический собор (построен в 1631—1635 гг.)

Наиболее реальным в условиях оккупации считался проект возрождения Великого княжества Литовского, в котором беларуские и литовские земли соединились бы по принципу автономии, с сеймом в Вильне. Идею воссоздания ВКЛ выдвинула группа социал-демократической ориентации, во главе с братьями Луцкевичами. Эта инициатива нашла поддержку. Для осуществления поставленной цели в декабре 1915 года была создана Конфедерация Великого княжества Литовского из представителей организаций беларусов, литовцев, поляков и евреев. Тогда же Конфедерация издала на четырех языках Универсал, в котором призвала все организации присоединиться к ней. Этот документ свидетельствовал, что взгляды деятелей беларуского движения существенно изменились по сравнению с 1905 годом. Тогда члены БСГ еще не представляли себе Беларусь вне федеративной России.

Однако реализации идеи возрождения ВКЛ препятствовали планы поляков и литовцев. Первые по-прежнему вели речь о воссоздании Речи Посполитой, с включением в нее Беларуси и Литвы. Вто-

рые хотели создать свое национальное государство. Конфедерация не нашла поддержки и у немцев, а потому быстро распалась.

Второй проект предложила либеральная группа во главе с Ластовским. Она отвергла всякие союзы, в том числе с литовцами, выступив за полную государственную независимость и территориальную цельность Беларуси в ее этнографических границах. Ластовский первым среди беларуских политических лидеров выдвинул идею полной независимости Беларуси. Однако ее реализация могла осуществиться только в перспективе.

В 1916 году виленские национальные деятели представляли Беларусь (и западную, и восточную) на конференциях народов России в Стокгольме (апрель) и Лозанне (июнь). Впервые на международном уровне беларусы поставили вопрос о своей политической самостоятельности и заявили о желании освободиться от российского господства. Но их стремления не вызвали никакого интереса ни в Европе, ни в Америке.

Немецкая оккупация значительно ослабила духовный диктат русских и поляков. Беларусы и литовцы начали делать важные шаги на пути к своему национальному самоутверждению. Прогерманская ориентация сближала соседей, тем более, что в противовес польскому национализму такому сближению способствовали немцы. Однако путь к согласию между беларускими и литовскими национальными деятелями был трудным и сложным.

Оккупанты выказывали намерение создать отдельное государство только для литовцев. Это способствовало возникновению в январе 1917 года Литовской Тарибы (совета) и дало смелость литовцам высказать претензии на беларуские земли, входившие в состав Обер Оста. Беларуский клуб принял резолюцию протеста против территориальных домоганий Тарибы и попросил у германскиех властей разрешения на проведение в Вильне беларуской национальной конференции для учреждения своего представительноого органа по примеру литовцев, но безрезультатно.

Таким образом, в Вильне еще до свержения царизма были выработаны три основных варианта достижения беларуской государственности вне России. Вильня стала для беларусов, как и для литовцев, центром национальных сил. Одновременно она превратилась в фактор политической конкуренции на пути борьбы за государственное самоутверждение. Литовцы опережали беларусов. К идее полной независимости они пришли еще в 1896 году.

Положение беларусов в восточной части страны. Война вызвала существенные изменения и в жизни беларуского население с восточной стороны фронта. В демографическом плане изменения были таковы.

Во-первых, отступление русских войск в 1915 году сопровождалось массовым беженством. По примерным подсчетам, с территории Беларуси добровольно или под принуждением выехали в глубь России около двух миллионов человек (преимущественно женщины, дети, старики православного вероисповедания). Царские власти использовали дешевые рабочие руки беженцев для работы на военных предприятиях и в помещичьих имениях. В различных российских городах для беженцев создавались комитеты помощи жертвам войны. Они строили жилые бараки, открывали столовые, раздавали пайки и денежную помощь. Однако слабые и больные люди голодали, многие умерли.

Во-вторых, происходила тотальная мобилизация в российскую армию. В Минской, Могилёвской, Витебской губерниях власти призвали 633,6 тысяч человек — более половины трудоспособных мужчин. Многие крестьянские семьи остались без кормильцев. Некому было работать в поле. Мобилизованных беларусов обычно отправляли на фронты вне их родины — Юго-Западный, Румынский, Кавказский.

В-третьих, беларуские прифронтовые губернии заполонили войска российской армии, российские рабочие и чиновники. То есть, место беларусов занимали русские.

Указанные демографические изменения позже в значительной мере определили судьбу беларуского народа, так как ослабили его национально-освободительное движение, усилили пророссийские настроения.

Положение беларуских крестьян существенно ухудшилось. Были введены трудовые обязанности. Так, осенью 1915 года на работы по рытью окопов, ремонту дорог и мостов было привлечено практически все трудоспособное население прифронтовых уездов Минской и Витебской губерний. Плохое питание и тяжелые условия труда приводили к эпидемическим заболеваниям. Производились бесконечные реквизиции. Деревня голодала.

Обнищание крестьян на фоне относительного благополучия помещиков, наживавшихся на военных заказах, обостряло социальную напряженность в деревне. Война лишила крестьян возможности зарабатывать и кормить свои семьи.

Серьезно ухудшилось экономическое положение горожан. За счет военнослужащих и беженцев численность городского населения увеличилась вдвое, а то и втрое. Соответственно, значительно возросла квартплата. Железные дороги едва справлялись с военными перевозками. Обеспечение товарами гражданского населения регулярно срывалось. Горожане первыми узнали, что такое голод, спекулятивные цены, бесконечные очереди. Средняя номинальная зарплата в городах восточной Беларуси была в 1915 году ниже обще-

Поэт Максим Богданович (1891—1917)

российского уровня почти в два раза. Местных жителей ежедневно хоронили лесятками.

Что касается беларуского национального движения, то оно в восточной части имело две особенности.

Во-первых, деятельность беларуских патриотов протекала в намного худших условиях, чем под немецкой оккупацией. Царское правительство разрешило беларуским комитетам помощи беженцам только гуманитарную деятельность.

Культурная запрещалась, так как царские власти «в упор» не видели, чем жители беларуских губерний отличаются от жителей Тулы или Пензы. Вплоть до 1917 года на террито-

рии Беларуси, свободной от немцев, не выходила ни одна беларуская газета.

Во-вторых, и эта гуманитарная деятельность более или менее развернулась только в Минске, который стал вслед за Вильней вторым центром беларуского движения. Беженцы значительно увеличили удельный вес беларусов среди минчан.

Летом 1915 года в Минске открылась Беларуское общество по оказанию помощи пострадавшим от войны, в которое вошли 50 человек. Его возглавлял адвокат В. Чаусов. Все сотрудники общества питались в платной столовой, находившейся возле Красного костела (костел Св. Симона и Св. Елены) и получила название «Беларуская хатка».

Фактически, она стала клубом творческой беларуской интеллигенции, которая устраивала вечеринки для беженцев, не спрашивая разрешения городских чиновников. С лекциями, докладами, чтением своих произведений там выступали беларуские писатели и поэты — Змитрок Бядуля, Ядвигин Ш., Альберт Павлович, Язеп Фарботка, Фабиан Шантырь, Зоська Верас (Людвика Сивицкая), театральные деятели Владислав Голубок и Всеволод Фальский, архитектор Леон Дубейковский и другие. Именно в «Хатке» читал свои стихи Максим Богданович, в том числе знаменитую «Погоню».

Свержение царизма

Революционные перемены. Великая европейская война доказала полное банкротство и нежизнеспособность российской империи. Она не смогла обеспечить ни экономической, ни военной, ни поли-

тической стабильности многонационального государства. Для выхода из глубокого кризиса требовалось ликвидировать не только само-

державие, но и саму империю.

Революция, произошедшая 23—27 февраля 1917 года в Петрограде, свергла с трона последнего российского самодержца Николая II. После этого в считанные дни царская администрация (аппарат губернаторов) была отстранена от власти по всей стране. Ни одна воинская часть, ни одна политическая партия в империи не встали на защиту царя.

Телеграфные и газетные сообщения о событиях в Петрограде вызвали всеобщую радость в беларуских землях. Во всех крупных городах прошли митинги и демонстрации в поддержку Временного правительства. Функцию ликвидации в Беларуси органов царского режима взяли на себя советы солдатских и рабочих депутатов, которые создавались преимущественно по инициативе военнослужащих. Советы разоружали полицию и жандармерию, освобождали политических заключенных, создавали из числа добровольцев народную милицию. Революционные перемены происходили и в деревне. Крестьяне переизбирали волостных старшин, отказывались подчиняться земским начальникам и уездным чиновникам, избирали советы крестьянских депутатов.

Созданием новой администрации, подчинявшейся Временному правительству Российской демократической республики (РДР), занялись гражданские комитеты порядка. В их состав вошли деятели бывших земских и городских управ, а также представители вновь образованных советов. Руководство комитетами порядка постепенно перешло к губернским и уездным комиссарам, которых назначало Временное правительство РДР из числа местных чиновников. Городские и крестьянские советы заявляли, что подчиняются этим комиссарам и временному правительству*.

^{*} Первое временное правительство РДР, во главе с князем Г.Е. Львовым, было создано 2 (15) марта. Из 11 членов кабинета 5 человек являлись кадетами (в т.ч. премьер Львов), 2 — октябристами. 6 (19) мая его сменило Второе правительство в составе 15 человек. Премьер остался тот же — князь Львов, но обозначился сдвиг «влево» за счет 6 новых членов кабинета». 24 июля (6 августа) было сформировано Третье временное правительство. Премьером стал эсер А.Ф. Керенский. И, наконец, 25 сентября (8 октября) — четвертое (тоже из 15 человек). Именно это последнее правительство свергли большевики 25 октября (7 ноября). — Прим. Ред.

Глава 2. Ликвидация униатской церкви и внедрение московского православия

(Леонид Лыч, доктор исторических наук)

осле заключения в 1596 году Брестской церковной унии религиозная жизнь на территории ВКЛ еще долго сопровождалась многочисленными конфликтами между униатами, католиками и православными. Но постепенно острота конфронтации сгладилась.

Высшие иерархи польской католической церкви никогда не отказывались от стремления окатоличить и ополячить униатов. Однако все их попытки склонить униатов в свою веру провалились. За два века число униатов не только не сократилось, а наоборот выросло. И ни в одном из униатских приходов верующие не отождествляли себя с поляками.

Потому было бы ошибкой считать униатскую церковь инструментом превращения беларусов в поляков, или перехода наших предков в католицизм. Отказу беларусов от своей национальности способствовали русская православная церковь (РПЦ) и католический костёл, но не униатская церковь. Если за время существования униатской церкви какая-то часть беларусов и пропиталась духом «полонизма», все же эта беда не идет ни в какое сравнение с тем, что произошло после упразднения Брестской унии в 1839 году. Забегая немного вперед, скажу, что тогда к католической церкви примкнуло более миллиона униатов, многие из которых с течением времени отреклись и от своей национальности!

1. Некоторые особенности униатской церкви в Беларуси

Если бы в последней четверти XVIII века не произошли три раздела Речи Посполитой, в результате которых Беларусь оказалась под властью Российской империи, позиции униатства, несмотря на попытки полонизации, укрепились бы. Вполне вероятно, что по мере роста общей культуры и этнического самосознания беларуского народа определенная часть его, исповедавшая католицизм либо православие московского образца, перешла бы в униатство, хотя бы только потому, что оно вело богослужение на беларуском языке и с учетом национальных традиций.

Униатское духовенство имело право гордиться своей ролью в духовной и культурной жизни ВКЛ. Первая в Беларуси униатская кон-

^{*} Сокращенный и переработанный вариант глав VII — IX из книги Л. Лыча «Христианство в этнокультурной жизни Беларуси с древности до 1917 г.» (2006 г.)

грегация (объединение церковных общин) была создана в 1617 году в Новогрудке. А к моменту первого раздела Речи Посполитой (1772 год) 8 униатских епархий ВКЛ имели 9337 приходов (в том числе в Полоцкой епархии — 598, в Пинской — 238).

Для сравнения: в Виленской епископии был в то время 491 католический приходский костёл и 136 филиалов, в Жемойтской епископии — 94 прихода и 66 филиалов, в Смоленской епископии — 3 костёла и 3 филиала, а всего — 793 прихода вместе с филиалами (8,5% от числа униатских). Православная епархия к 1772 году осталась только одна — Могилевская (264 прихода).

К 1795 году соотношение верующих христианских конфессий в ВКЛ было примерно следующим: униаты — 66%, католики — 26%, православные — 7%, протестанты — 1%. А во всей массе населения около 10% составляли иудеи и 0.5% — мусульмане (татары).

Эти цифры убедительно свидетельствуют, что к концу XVIII века в беларуских землях именно униатская церковь являлась самой массовой и влиятельной.

За религиозной жизнью в ВКЛ пристально и ревниво следила московская церковь. Ее высших иерархов крайне раздражало распространение как католичества, так и униатства. В свою очередь, враждебное отношение московской патриархии к униатской церкви вынуждало руководство последней сознательно усиливать различия между западным православием (греческого образца) и восточным (московского образца). Например, именно по таким соображениям униатские иерархи рекомендовали ставить в церквях скамьи для прихожан, использовать в службе органную музыку. Крестились униаты не тремя пальцами, как православные московского толка, а двумя — как принято у греков (и у русских старообрядцев).

Собор униатской церкви в Замостье (1720 г.) ввел в ее культ католический символ веры (взамен православного), сделал обязательным упоминание Папы Римского во время богослужения, отменил день памяти св. Григория Паламы (как чисто православный), принял латинский праздник Божьего тела, узаконил святость униатского архиепископа Иосафата Кунцевича, принявшего мученическую смерть в 1623 году от рук православных фанатиков. Кроме того, одежда униатских священников приобрела некоторые латинские черты, еще раньше им рекомендовали брить бороды. Однако все эти изменения не влияли на повседневную культовую практику в церквях и не волновали крестьян, составлявших подавляющее большинство верующих.

Для них самым важным отличием униатской церкви как от католической, так и от православной, являлось использование ею беларуского языка. К этому униатское духовенство пришло не сразу. Довольно долгое время в храмах западного православия слышался цер-

ковнославянский (староболгарский) язык. Однако его позиции из года в год слабели. С одной стороны, он невольно сближал униатский клир с московским. С другой — этот язык плохо понимали рядовые верующие.

По мнению ученых, даже во времена Франтишека Скорины (ок. 1490 — ок. 1551), литвины (беларусы) с трудом воспринимали церковнославянский язык. Именно это обстоятельство побудило нашего первопечатника и его последователей перевести тексты Библии на живой язык народа.

Кстати говоря, столь выдающийся деятель западного православия как Лаврентий Зизаний (ок. 1560—1634) тоже не видел иного пути популяризации христианской идеологии, кроме перевода церковной литературы на язык, понятный массам. В 1596 году он издал в Вильне книгу «Лексіс», в которой дал перевод на беларуский язык более тысячи церковнославянских слов. Необходимость разъяснения непонятного церковнославянского языка ощущали буквально все просветители и реформаторы, так как сфера его употребления ограничивалась исключительно духовенством.

С целью усиления своих отличий от православия московского образца и от римско-католической церкви, униатство вполне логично пришло к идее замены церковнославянского и латинского языков в богослужении на местный (старобеларуский) язык. Он был не только родным для абсолютного большинства населения, но и государственным на всей территории ВКЛ. Кроме того, он являлся хорошо развитым литературным языком (на нем были написаны Статуты ВКЛ), с богатой лексикой, вполне достаточной для адекватного перевода книг Священного Писания и литургических текстов. Униатская церковь использовала беларуский язык также и в официальной переписке с властями.

Если бы не постоянное негативное влияние факторов внешней политики, униатство неизбежно стало бы национальной религией беларуского народа. К сожалению, история сложилась иначе. Поэтому все достижения униатства в указанном направлении надо целиком отнести к стремлению его духовенства и рядовых верующих иметь такую церковь, которая бы служила на понятном народу языке, ценила и уважала местные традиции.

Правда, после перехода всех ветвей и уровней власти ВКЛ с 1696 года на польский язык, униатскому духовенству иногда приходилось отступать от своих принципов. Объяснение этому факту дал наш знаменитый языковед, академик Ефим Карский:

«Беларуская интеллигенция к этому времени (конец XVII века — Л.Л.) окончательно полонизировалась: униатское духовенство двигалось по тому же пути, употребляя нередко даже в полемических произведениях, написанных в защиту православия и беларуской на-

родности, польский язык, как более понятный и распространенный среди читателей».

Было бы несправедливо осуждать униатское духовенство за это. Тем более, что и после запрета властей Речи Посполитой на употребление беларуского языка в служебном делопроизводстве, оно не отказалось от употребления его в своих храмах. Вот что писал об этом классик беларуской литературы Максим Горецкий:

«В другом /повседневном — A.T. / обиходе наш старый книжный язык существовал и далее, вплоть до конца XVIII-го века. Прежде всего в униатстве. Почти все наше низшее сельское духовенство к концу XVIII-го века было униатским, не было такого села, где не имелось бы униатской церкви... Униатские же духовные лица, хотя и сильно подпали под влияние польского языка, твердо держались языка своей паствы, проповеди говорили и науку в школах преподавали по-беларуски. От церковнославянщины униаты отдалились настолько, что уже ко времени собора в Замостье (1720 г.) разве что один из ста священников понимал по церковнославянски, и униатским митрополитом Львом Кишкою был издан нужный словарь (1722 г.). Вот же униатские религиозные писатели, кроме латинского и польского языка, пользовались в своих произведениях и своим родным языком»*.

Итак, после официального запрета на употребление беларуского языка в делопроизводстве, его социальные функции сократились до крайности. И только униатское духовенство сохранило верность ему. А поскольку униатство исповедовало большинство беларуских крестьян, нетрудно понять, сколь огромную роль играла оно в деле сохранения и укрепления этнического самосознания беларусов.

Например, только в период 1771—92 годов, не считая всей предыдущей эпохи, униатское духовенство издало на беларуском языке (латиницей) ряд популярных в народе религиозных сборников и песнопений, в том числе «Молитвенник», «Радуйся Божий народ», «Новая радость стала», «Царю Христу молюсь», «Люди говорят». Проповеди на беларуском языке еще долго звучали в униатских храмах и после присоединения всего нашего края к Российской империи.

Ксёндз Адам Станкевич, принявший мученическую смерть от сталинистов в 1949 году, был знатоком истории религиозно-церковной жизни Беларуси. Вот что он написал в 20-е годы:

«Она /уния/ превратилась в Беларуси в народную веру, дополненную беларуским богослужением в церкви, беларускими песнями, проповедями и т.д.» ***

^{*} Горецкий М. История беларуской литературы. Минск, 1992, с. 148-149.

^{**} Журнал «Спадчына» («Наследие»), 1992, № 1, с. 64.

Народ уважал эту церковь еще и за то, что она была дешевой в прямом смысле этого слова. Тем самым она сильно отличалась от католического костёла, который, с одной стороны, постоянно требовал пожертвований от верующих, а с другой — использовал любой повод, чтобы поразить их своей роскошью. Так, историк католицизма Я. Мараш упоминает случай, когда во время похорон в Минске предводителя шляхты Игнатия Завиши возле катафалка горели четыре тысячи свечей и десять тысяч оливковых лампад!

Противники униатства иногда заявляют, что кроме уважения к беларускому языку, оно не дало больше ничего духовной культуре нашего народа. Подразумеваются произведения музыки, живописи, скульптуры, декоративного искусства, в большом количестве созданные по заказам католической и православной церквей. Бесспорно, возможности последних для стимулирования творческой деятельности мастеров искусств были несравненно лучше, чем у бедной униатской церкви, поскольку они располагали крупными финансовыми средствами, их поддерживало государство.

Но все художественные произведения, предназначавшиеся православным и католическим храмам, не могут сравниться с тем, что сделала униатская церковь для сохранения беларуского языка, без которого не было бы самобытного беларуского этноса.

2. Наступление властей на униатство в 1772-1825 гг.

Тяжкие времена для униатства началась после присоединения Беларуси (ВКЛ) к России в результате трех разделов Речи Посполитой. Теперь у греко-римской церкви помимо соперника — польского католического костёла — появился опаснейший враг — русская православная церковь (РПЦ), являвшаяся составной частью государственного аппарата России. Если костёл желал, чтобы униаты отказались от всех обрядов греческого образца, то РПЦ ненавидела униатов за принятие ими некоторых католических догматов и элементов культа. Она с великой радостью приветствовала захват беларуских земель. Высшие иерархи РПЦ не сомневались в том, что пришло время покончить с унией на этой территории.

Однако традиционную церковь народа нельзя было просто запретить. Это вызвало бы сопротивление с непредсказуемыми последствиями. Поэтому Екатерина II, развратная, но умная и образованная немка, сидевшая на русском троне, действовала более хитро.

После первого раздела Речи Посполитой униаты восточных земель ВКЛ входили в состав Полоцкой архиепископии и подчинялись Лифляндской, Эстляндской и Финляндской юстиц-коллегиям. Отношения униатской церкви (как и католической) со светскими властями определял «Регламент», пожалованный императрицей

12 февраля 1769 года католической общине Петербурга. Этот документ, в частности, допускал связи с Римом только по вопросам веры.

В указе царицы от 28 мая 1772 года относительно порядка управления присоединенными «польскими землями» (так они названы в этом документе) было сказано о недопущении «запрета либо неудовольствия их разных вер».

22 апреля 1794 года Екатерина II издала указ с дипломатичным названием «О устранении всяких преград к возвращению униатов к православной греческой церкви». Жизнь показала, что преграду можно было легко найти в чем угодно. Виновникам «преград» грозило суровое наказание, ибо даже самую незначительную из них власти квалифицировали как уголовное преступление.

Уже первые годы жизни униатской церкви в новых условиях показали, что заверения Екатерины II о том, что она якобы будет заботиться, чтобы «все народы в России пребывающие славили Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих» — только слова. Царские чиновники, при активной поддержке православного духовенства, осуществляли мощное давление на униатов. В 1780—83 и 1794—95 гг., под давлением властей к РПЦ было «присоединено» свыше 600 тысяч беларуских униатов. Указом Екатерины II от 19 октября 1795 года были упразнены все униатские епархии, кроме Полоцкой.

Сведения, содержащиеся в документах конца XVIII — первых двух десятилетий XIX века, позволяют отвергнуть заявления некоторых русских дореволюционных историков о том, что массовый переход униатов в православие осуществлялся добровольно. Как правило, перемене вероисповедания всегда предшествовала серьезная, хорошо продуманная идеологическая обработка униатов. Вот что писал в этой связи российский исследователь истории религии Н.М. Никольский (1877—1959):

«Среди крестьян был пущен слух, что за принятие православия их отберут от панов и передадут в казну, — а положение государственных крестьян было легче, чем помещичьих. Панов предупреждали официально, что всякое противодействие с их стороны будет квалифицироваться как уголовное преступление и повлечет за собой отдачу под суд и секвестр поместий. Светским властям — генерал-губернатору, губернаторам и земской полиции — было предписано /указом Екатерины II от 22 апреля 1794 года/ оказывать духовным властям «всякую помощь и защиту»...

Губернаторы действовали просто. Они «убедительно советовали» униатскому духовенству переходить вместе с прихожанами в православие, а несогласных попов арестовывали и высылали. В одних местностях униатские попы дипломатично соглашались и затем занимали позицию ожидания, а в других местах, как, например, в не-

которых приходах Могилевской и Полоцкой губерний, вместе с помещиками организовывали крестьянские бунты, что вынудило начальство призадуматься».

Рьяным сторонником принудительного обращения униатов в православие выступал Могилевский православный архиепископ Георгий Конисский. Он приехал в Могилев из Киева еще в 1755 году, за семь лет до первого раздела Речи Посполитой. От Могилевской епархии Конисский прибыл в 1762 году в Москву на коронацию Екатерины II в Успенском соборе и подал ей петицию, содержавшую, по мнению поэта А.С. Пушкина, «сетования народа, издревле нам родного, но отчужденного от России жребием войны»*. Как видим, архиепископ не страдал скромностью. Не имел он морального права говорить от имени народа, к которому этнически не принадлежал, говорить от имени земли, где поселился совсем недавно.

А к чему он призывал императрицу? К тому, чтобы она завершила объединение «православных братьев» силой оружия! Где же тут христианское миролюбие? Только ненависть. Что ж, царица услышала его. Именно Конисскому императрица Екатерина поручила осуществить ликвидацию униатской церкви путем «присоединения» ее к Русской православной церкви. Но тогда из этого мало что вышло. Народ и шляхта всячески сопротивлялись.

Справка: Г. Конисский (1717—1795) родился в Нежине, учился, а затем преподавал в Киево-Могилянской академии, где читал курсы богословия и философии. В 1751—55 был ее ректором. В 1744 принял монашество. С 1755 — православный епископ, затем архиепископ Могилевский. Всеми силами и средствами боролся против католиков и униатов. Проповедовал необходимость установления «единой веры православной» среди россов, белороссов и малороссов. Долгое время ошибочно считался автором анонимной «Истории руссов» (1846 г.).

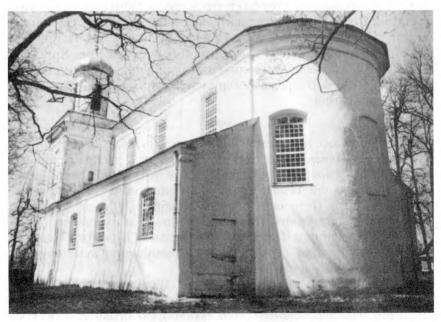
В своих публичных выступлениях и в исторических работах Конисский намеренно преувеличивал роль административных факторов в распространении униатства, зато — вопреки фактам — категорически не желал видеть применения именно таких мер к униатам Могилевщины и Витебщины. Его меньше всего волновало то, что смена ве-

^{*} В этой связи следует напомнить характеристику, которую дал Пушкину в 1937 году русский философ-эмигрант Г.П. Федотов — «певец империи». Пушкин воспринимал историю Московского государства (России) и завоеванных им соседей с позиций Н.М. Карамзина, автора 12-томной «Истории государства Российского» (1816—29 гг.). Сочинение Карамзина он называл «созданием великого писателя». Пушкин, как и Карамзин, был убежденным русским патриотом-державником. — Прим. Ред.

роисповедания происходила путем обмана, запугивания и насилия со стороны православного клира и местной администрации.

Например, когда российские власти задумали превратить в православных униатов деревни Нача (Борисовский округ), сюда 23 июня 1795 года прислали пристава Ивана Тисова, двух православных попов и взвод солдат во главе с унтер-офицером. Под охраной солдат попы переписали всех крестьян и объявили, что отныне они — православные. Крестьяне угрюмо молчали, но попов это не смутило. Они явно разделяли утверждение, согласно которому молчание — знак согласия! Однако униатский священник Александр Самович не испутался. После запрета собираться в церкви он служил службы в гумне одного из соседних с Начей застенков /небольшого шляхетского имения — *Ред.*/. Вскоре сюда стали приходить все его бывшие прихожане. А к попам в церковь они не ходили.

Дело дошло до Минского губернского суда, представителям которого крестьяне заявили, что их насильно записали в православные. К моменту судебного рассмотрения дела в семьях этих крестьян имелись уже 29 новорожденных детей, не прошедших обряда крещения в православной церкви, и 9 человек взрослых, похороненных без православного отпевания. Суд не смог добиться от крестьян согласия обратиться в православие. Тогда он постановил аресто-

Униатская церковь Иоанна Крестителя (1742 г.) Деревня Вишневец (Столбцовский район)

вать 9 крестьян и священника А. Самовича. Над детьми, крещеными по униатскому обряду, попы насильно совершили обряд православного крещения.

Правда, вскоре по указанию Минского губернского управления арестованных освободили, чему способствовала смена «царственной персоны» — смерть Екатерины II (6 ноября 1796 г.) и воцарение Павла I.

Но этим дело не кончилось. Крестьяне Начи попытались обратиться к самому императору, когда при посещении Беларуси он вместе с сыновьями Александром и Константином 8 мая 1797 года остановился на ночлег в их деревне. Однако царь расценил сам факт подачи коллективного заявления как опасное преступление и отдал приказ арестовать трех крестьян, а в Начу послать роту гренадер «для прекращения беспокойств, происходящих от прежде бывших униатов противу благочестивой церкви, после того как они раньше присоединились было к оной». Каждому из трех арестованных крестьян дали по 50 ударов бичом и вырезали ноздри. Только после этого жители Начи «согласились вернуться» в православную церковь, что дало основание Минскому губернскому суду освободить от ответственности униатского священника Александра Самовича. И это называется добровольным переходом?!

Следует упомянуть и тот факт, что после каждого очередного раздела Речи Посполитой представители российских властей силой отбирали лучшие униатские храмы и передавали их РПЦ. Например, так они поступили в 1794 году с храмом Воскрешения Христова в Минске. Его переоборудовали и назвали Екатерининским православным собором. В городах Беларуси и Украины были отобраны десятки таких храмов.

.0.

Не улучшилось положение униатской церкви и после того, как императоры Павел I и Александр I, опасаясь распространения в Российской империи идей французской буржуазной революции, сознательно пошли на сближение с католицизмом. По распоряжению царя Павла Петровича в конце декабря 1800 года униатскую церковь поставили в прямую зависимость от католической. Речь идет об учреждении в Петербурге специальной Коллегии по делам римско-католической церкви. Ведать делами унии в нем поручили соответствующему департаменту.

В таких условиях униатскому духовенству стало труднее оберегать своих прихожан от влияния католицизма, чем во времена Речи Посполитой, власти которой не столь активно, как правительство России, вмешивались в религиозную жизнь. Теперь польский костёл и его ударная сила — иезуиты — с небывалым напором занялись

конфессиональной переориентацией униатов. Правда, последние столь же упорно сопротивлялись. Поэтому мы не можем согласиться с дореволюционным историком Василием Ратчем, заявившим следующее:

«Уловки ксендзов, зависимость более низкого униатского духовенства от помещиков, интриги высшего, неясность /действий/ заново учрежденных русских властей парализовали порывы населения (к переходу в православие. — $\Pi.\Pi.$) и дали возможность унии, этому безобразному ребенку веронетерпимости костёла, просуществовать еще 45 лет».

Не в этом заключалась главная причина. Уния продолжала жить и после разделов Речи Посполитой лишь потому, что верность своей церкви сохранил простой беларуский народ.

Кстати, если согласиться с тезисом о массовом «добровольном» переходе униатов в православие, тогда невозможно объяснить, почему император Павел I признал противозаконным факт перевода униатов в православие и разрешил им отойти от последнего. Правда, на этом пути возникли достаточно серьезные преграды: православное духовенство вовсе не стремилось исполнить волю императора. Среди его иерархов преобладали сторонники самых жестких методов обхождения с греко-католиками. Такими примерами богатая история Беларуси. В частности, много примеров грубого насильственного обращения униатов в православие содержалось в петиции шляхты Минской губернии, поданной Павлу I в марте 1797 года.

На основе анализа многочисленных фактов, зафиксированных в документах, объективно настроенные историки, в том числе российские, неоднократно убеждались, что присоединение униатов к православной церкви никогда не являлось добровольным актом в точном смысле слова. В лучшем случае оно происходило «в надежде на улучшение быта» (снижение налогов, сокращение барщины, и т.п.), вызванной провокационными слухами, специально распускавшимися агентами властей. В худшем случае — под прямым принуждением.

Вскоре, обманутое в своих надеждах, движение «перехода» полностью остановилось. Более того, участились случаи возвращения обратно в униатство, что обеспокоило императора. Весной 1799 года он приказал минскому губернатору Корнееву разобраться в причинах. Последний в рапорте от 9 июня того же года сообщил следующее:

«При первом призыве "к переходу" крестьяне, которые присоединились, рассчитывали, что и все их единоверцы сделают то же самое, и надеялись на сокращение всяких налогов и работ, что неосторожно (!) предложено им было теми, кто обращал».

«Борцы за возвращение», записывая «присоединенных», самовольно включали в списки много таких людей, кто ни о чем подобном не помышлял. Результатом стало то, что в некоторых «присоединенных» приходах крестьяне вообще перестали ходить в церковь, отказались выполнять церковные таинства (крещение, венчание, исповедь, отпевание и другие) по православному обряду, возвращались в унию либо принимали католицизм. Православные священники в этих новых приходах, не имея доходов, «унижали народ, заставляя их против воли ходить в церковь, и принося жалобы без основания в разврате на униатских в соседстве попов, в итоге чего множество заведено следствий и народ, большей частью безвинно, понес наказания».

Говоря о «крутом и плохом обороте» в деле присоединения, Корнеев обвинил вновь прибывших православных священников в грубом обхождении с людьми, в заботах их только о внешней стороне религии (совершение обрядов), в пренебрежении проповедями, к чему привык народ. Все это, по мнению губернатора, сделало их «омерзительными народу»... Согласно его замечанию, «католические и униатские попы пользовались большим уважением, заслуженным ими своей жизнью и деятельностью».

С 26 января 1798 года (при Павле I) униаты были подчинены Департаменту римско-католических дел, выделенному как самостоятельный орган из юстиц-коллегии. А с 1801 года — созданной вместо него Римско-католической духовной коллегии, в состав которой представители униатского духовенства вообще не входили.

101

Униаты, оказавшиеся «под огнем с двух сторон» (между католической и православной церквями) пускались на разные уловки. Например, чтобы скрыть от глаз российских духовных и светских чиновников факт использования ими беларуского языка, нужную для церковной службы литературу униатские типографии печатали не кириллицей, а латиницей. Иногда униатское духовенство обращалось с жалобами «на самый верх», используя ради достижения своих целей более терпимое отношение Павла I, и особенно Александра I, к вопросам религиозной жизни — по сравнению с царицей Екатериной II. Большим успехом униатских иерархов стало открытие в 1806 году греко-униатской семинарии в Полоцке, работавшей свыше 30 лет.

Указом Павла I от 28 апреля 1798 года были созданы две новые униатские епархии — Брестская и Луцкая. В 1804 году И. Лисовский, архиепископ Полоцкий, добился, чтобы в Римско-католическую коллегию вошли по одному епископу и одному заседателю от каждой из трех епархий. 16 июля 1805 года коллегия была разделе-

на на два департамента: по делам католической и униатской церквей. В 1809 году была создана еще и Виленская епархия.

Униатская церковь смогла бы добиться многих уступок от властей империи, если бы действовала совместно с костёлом. Но, к сожалению, отношения между ними оставляли желать лучшего. И вообще политика России в «новоприобретенных землях» по отношению к католической церкви долгое время (до 1831 года) оставалась благоприятной, тогда как к униатству она была негативной с самого начала.

Одновременное воздействие на униатскую церковь со стороны русского православия и польского католицизма мешало ее клиру вырабатывать единую линию действий при решении принципиально важных проблем. Например, по-разному восприняло униатское духовенство восстание 1830—31 годов. Часть священников, особенно из тех, что подпали под влиянием костёла, желала поражения царской России за ее посягательства на греко-католицизм, другая часть, наоборот, все надежды на спасение своей церкви от ополячивания и окатоличивания связывала с разгромом поляков.

Тем не менее, при всех шатаниях униатских священников и монахов то в сторону православия, то в сторону католицизма, их церковь никогда не изменяла интересам беларуского народа, бережно хранила его язык и традиции. Например, Полоцкий униатский архиепископ Якуб Адам Акело-Мартусевич в 1824 году издал приказ «учить в церквях народ беларуский на его родном языке». Даже в 1837 году, за два годы до своего упразднения, униатская церковь еще смогла издать катехизис на беларуском языке*.

.0.

В совсем иной ситуации, нежели в России, оказались униаты Белостокского округа, который в 1795—1807 гг. входил в составе Пруссии. В этом округе насчитывалось несколько десятков тысяч униатов. У них было 70 церквей, три монастыря (в Супрасле, Дрогичине, Кузнице) и две школы (в Малой Берестовице и в Клешелях).

Прусские власти с разрешения Папы Римского учредили в 1796 году самостоятельную Супрасльскую униатскую епархию, со своим капитулом и духовной семинарией. Немногочисленное духовенство этой епархии отличалось исключительной сплоченностью, упорством в борьбе за свои права и вполне самостоятельными взглядами на унию. Все эти качества развились у них в процессе противостояния польскому католическому костёлу, влияние которого в этой самой западной части Беларуси ощущалось наиболее сильно.

^{*} Катехизис — книга, кратко излагающая основы христианского вероучения в форме вопросов и ответов.

Далеко не случайно именно на территории Супрасльской униатской епархии, в семьях униатских священников родились и выросли люди, которые, став профессорами Виленского университета, вошли в нашу историю как первые разработчики беларуской национальной идеи. Это Михаил Бобровский и Платон Сосновский — оба из-под Клещель; правовед Игнат Данилович (1787—1843), этнограф Юзеф Ярошевич (1793—1860) — оба из Бельска Подляшского; историк Игнат Анацевич (1780—1845) — из Малой Берестовицы.

Кстати говоря, из семей униатских священников вышли и такие выдающиеся деятели беларуской культуры, как историк и этнограф Адам Киркор (1819—1896), физиолог Михаил Гамалицкий (1791—после 1857), художник Ян Хруцкий (1810—1885), писатель Ян Борщевский, ученый-востоковед Иосиф Гошкевич (1814—1875).

Вполне правомерно наш выдающийся историк Николай Улащик (1906—1986) заявил:

«Сколь много выдвинуло научных деятелей деревенское униатское духовенство, столь бедным осталось православное, хотя условия для него были несоизмеримо благоприятнее».

Деятель беларуской культуры XX века А. Цвикевич писал:

«Интеллигентные униатские семьи являлись носителями идеи беларуской самобытности. На почве унии как особой «мужицкой веры» беларуская интеллигенция первой половины XIX века стремилась построить будущее Беларуси, — то ли вместе с Польшей, то ли отдельно от нее. Унию местные работники собственно и рассматривали как мост на Запад — мост, который одновременно разъединял их с восточным московско-православным миром»*.

.0.

Навязчивое стремление российской правящей верхушки духовно подчинить беларусов в определенной степени напоминало религиозную войну. Но, насильно превратив значительную часть униатских церквей и приходов в православные, духовные и светские власти Российской империи все же не создали надежной опоры для себя в беларуских землях. Облачившиеся в рясы православных попов, бывшие униатские священники в душе по-прежнему остались сторонниками прежней веры.

Их настроения наглядно проявились в 1812 году, когда многие новые служители православной церкви (то есть, недавние униаты) радостно приветствовали наполеоновские войска. Им было известно, что во Франции утвердилось терпимое отношение ко всем религиозным конфессиям. Следовательно, надеялись они, ничто теперь не будет угрожать опальной в России униатской церкви.

^{*} Цвикевич А. Западно-русизм. Минск, 1993, с. 149.

3. Как уничтожили униатскую церковь

После изгнания Наполеона такое поведение униатов побудило российскую верхушку пересмотреть и ужесточить политику в отношении униатства. Их надежды на то, что униаты сами стихийно потянутся к «истинной православной вере», не сбылись. Причиной всех конкретных актов «воссоединения» служили либо лживые обещания, либо откровенное насилие. Поняв, что реальные возможности для добровольного «возвращения» греко-католической церкви в лоно московского православия отсутствуют, Синод и император решили выдвинуть на первый план административные меры.

Император Николай I взял курс на «укрепление русской народности и православной веры» в западных губерниях. Увы, нашлись униатские священники высшего ранга, которые за соответствующее вознаграждение согласились служить РПЦ и российскому императору. Первое место среди этих предателей принадлежит епископу Семашко. Взгляды Семашко на веру своих отцов и дедов изменились после того, как он в 1822 году устроился на работу в униатский департамент римско-католической коллегии.

Справка: Семашко Иосиф, родился в селе Павловка Липецкого повета Киевской губернии, в семье униатского священника. В 1820 году окончил семинарию при Виленском университете со степенью магистр богословия. В том же году занял должность проповедника и профессора богословия в Луцкой семинарии, с посвящением в сан иподиакона, а затем диакона. С 1821 года — священник и заседатель Луцкой консистории. В 1822 году получил сан протоирея, стал членом 2-го (униатского) департамента римско-католической коллегии в Петербурге. С 1823 года каноник, с 1825 прелат-схоласт Луцкого униатского кафедрального капитула, находившегося в Петербурге.

В 1827 году подал императору записку о положении униатской церкви в Российской империи и средствах присоединения ее к РПЦ. Николай I одобрил записку, она стала программой для дальнейших действий. С 1829 года — викарный Мстиславский епископ в Полоцкой униатской архиепархии, председатель ее консистории. Одновременно сохранил членство, а затем председательство в Греко-римской коллегии, созданной в 1828 г. С 1833 года — епископ Литовский.

Был организатором и активным участником Полоцкого униатского собора в 1839 году. С 1840 года православный архиепископ Литовский и Виленский (с 1852 — митрополит). В 1844 году поселился в Жировичах, на следующий год — в Вильне. С апреля 1847 года — член Святейшего Синода. (А.Т.)

В качестве главного аргумента в пользу слияния ее с РПЦ Семашко объявил угрозу со стороны польского костёла. В своих до-

кладных записках он не жалел красок, чтобы убедить Синод и высшие власти Российской империи в том, что над униатской церковью сгущаются тучи католицизма, а потому ее паству и служителей надо спасать от полной полонизации.

5 ноября 1827 года он подал царю Николаю I записку «О состоянии униатской церкви в России и о способах возвращения униатов в лоно православной церкви». В ней Семашко писал:

Епископ Иосиф Семашко (1799–1864)

«Униатское духовенство, во времена Польши несколько римскому /католическому — Л.Л./ вражеское, теперь взаимностью пользы почти с им соединилось... /Оно стало/ «скорей более низким разрядом римского, чем самобытным сословием... Оно ввело взамен древних греческих обрядов — большую часть римских, взамен выразительного для народа богослужения — тихо читанные мши /мессы/...

Остался единственною почти определяющею чертою славянский язык, в богослужении употребляемый — но и тот поставленными из римлян священниками, а даже природными униатами ежедневно искажается и неохотно

используется — в нравоучения народа по большей части употребляется польский язык, для него непонятный; а даже слышал, что по многим местам учат его самым важным молитвам на этом языке...

Довольно одного благоприятного случая, и полтора миллиона русских по крови и языку своей /т.е. беларусов — Л.Л./ отчуждены будут от старших своих братьев».

Кого Семашко понимал под «старшими братьями», понятно без объяснений.

Он намеренно преувеличивал степень полонизации униатской церкви (особенно в заявлениях о том, что в проповедях польский язык преобладает над беларуским), желая ускорить административные меры по соединению ее с РПЦ. Беларуский язык, православные обряды и народные обычаи теперь занимали уже не то место в униатской церкви, как это было до присоединения ВКЛ к России. Но Семашко, вместо того, чтобы расширять и укреплять национальные (беларуские) элементы в униатском богослужении, был озабочен совсем другим — как бы поскорее сделать ее частью московского православия. Он полагал, что это не так уж и сложно:

«Следует их только отдалить несколько от римлян ... следует дать при помощи воспитания надлежащее направление общественному

мнению духовенства, которое занимает 1500 униатских приходов... и народ легко пойдет путями, которые указываются своими пастырями. Пусть поспешит благожелательное начальство препровождением к действию... основанием училищ для униатского духовенства».

В декабре 1827 года министр народного просвещения, главный управляющий Департамента иностранных вероисповеданий адмирал А.С. Шишков подписал разработанный его подчиненными и Семашко проект ликвидации униатской церкви. Для этого надо было прежде всего оторвать униатскую церковь от католической.

Уже 22 апреля 1828 года (по прямому приказу царя Николая) униатский департамент был выведен из состава Римско-католической коллегии и преобразован в самостоятельную Греко-униатскую коллегию. Вместо прежних четырех униатских епархий (Брестской, Виленской, Полоцкой, Луцкой) учредили две — Белорусскую (с центром в Полоцке) и Литовскую (с центром в городке Жировичи Слонимского повета, а позже в Вильне).

Особое внимание Семашко к созданию для униатов духовных училищ русского образца было обусловлено точным расчетом. Он прекрасно понимал значение русского языка и русских православных традиций в реализации задуманного им плана:

«Ничто более не сближает людей между собой, как использование в общей жизни одного языка, а потому и надо ввести во всех духовных училищах преподавание наук взамен польского на русском языке — сразу или постепенно».

Вот в чем заключалась причина той энергии и настойчивости, с которыми Семашко внедрял русский язык в униатские церкви и учебные заведения. Кстати говоря, сам он плохо владел русским языком. Духовное образование Семашко получил на польском языке, долгое время пользовался им не только при исполнении церковных служб, но и в бытовых отношениях с близкими людьми. Но такова психология всех предателей и ренегатов — кусать руки, обласкавшие их.

Семашко использовал для достижения поставленных им целей абсолютно всё, в том числе откровенные вымыслы. Например, в записке от 26 июля 1832 года, посвященной положению униатской церкви после восстания 1830 года, он, вопреки исторической правде, утверждал:

«Уния никогда не имела собственной самостоятельности — это была только мера для перерождения русских православных в римлян-поляков; и униаты в двухвековой борьбе этих мощнейших противников принуждены были всегда подчиняться более сильному».

Разумеется, такую цель польский костёл ставил перед собой, но униаты сопротивлялись ему весьма упорно и вполне успешно. Они никогда не отождествляли себя с поляками, даже если использовали польский язык, а называли себя «ліцьвінамі» («литвинами»). Напротив, та часть православных, что перешла в католическую веру, стала называть себя «поляками». Униатство же позволяло беларусам и украинцам сохранять свою этническую самостоятельность. Если бы это было не так, разве написал бы министр внутренних дел России Блудов следующие слова в письме к Семашко:

«Государь император, в отеческой заботе о счастье всех верных его подданных, обращая пристальное внимание и на особенное положение униатов, что находятся в империи ... всегда высказывал твердую свою волю, чтобы эта народность их, которая не изменилась в течение столь долгого времени (подчеркнуто мной — Л.Л.), была во всех отношениях охраняемой»...

Как видим, тот факт, что униаты за 200 с лишним лет не стали поляками, признал даже царь!

По инициативе Семашко, в 1832 году Греко-римская коллегия приняла решение об изъятии старых униатских служебников, с заменой их русскими православными, а также иной церковной литературы. Униатские священники пытались спасать эти книги, напечатанные на беларуском языке. Например, 2 апреля 1834 года в Новогрудке 56 священников подали протест самому Иосифу Семашко. Однако они добились лишь того, что всех их наказали годом заключения в монастырской тюрьме.

Правительство России использовало в целях борьбы с униатством участие некоторых униатских священников и монахов в восстании 1830—31 годов. Как только выяснилось, что в ряде мест греко-католическое духовенство выступало на стороне повстанцев, тут же последовало решение о закрытии двух третей их монастырей. После этого более чем 200 монахов ордена базилианцев перешли в католичество. Кроме того, была закрыта Жировичская униатская семинария, преподаватели которой посмели заявить о своей симпатии к идее возрождения автономного беларуского государства.

Закрытие монастырей и Жировичской семинарии, уничтожение старых книг, внедрение русского языка — все это сильно ослабило униатскую церковь, но она, к удивлению ее врагов, все еще жила. Так, в 1833 году в Гродненской губернии насчитывалось 472 тысячи униатов, в Минской — 376 тысяч, в Витебской — 273 тысячи, в Могилевской — 228 тыся. Итого 1 млн 349 тысяч, не считая униатов Виленской губернии.

Для подавления униатской церкви сил одной только Могилёвской православной епархии на всю Беларусь не хватало, поэтому

в 1832 году РПЦ создала еще одну, с центром в Полоцке. Епископ новой Полоцкой епархии Изумруд Крыжановский вместе со здешним губернатором начал силой загонять униатов в православие. Это вызвало большое возмущение верующих. На дворянских выборах в Витебске 172 шляхтича подписали Акт протеста. Царь «успокоил» их угрозой конфискации имущества. Но от метода насильного перевода целых парафий в православие пришлось отказаться. Крыжановского перевели в другое место.

Самым главным пунктом в плане Семашко являлось склонение на сторону РПЦ униатского приходского и высшего духовенства. Именно ради достижения этой цели руководство Греко-католической коллегии назначило его в 1833 году главой Литовской епархии (с центром в Вильне). Вместе с Изумрудом Крыжановским он начал объезжать епархию. Эти деятели предлагали униатским священникам поставить свою подпись на тексте документа о согласии присоединиться к православию. Тем, кто шел им навстречу, тут же выдавали безвозмездную денежную ссуду, жаловали новую церковную одежду и золотые нагрудные кресты, а иных переводили на более выгодные должности (например, в городские церкви и соборы).

И все же вопрос «воссоединения» униатов с РПЦ оставался нерешенным. Главной причиной многочисленных проблем, возникавших на этом пути, являлась преданность рядовых верующих своей религии. Утратив надежду радикально изменить их настроения в обозримом будущем путем идеологической обработки масс, высшие круги светской и духовной власти решили ликвидировать униатство чисто административными мерами.

.0.

Царское правительство решило, что лучшим способом подготовки к ликвидации униатской церкви будет широкое употребление в ее повседневной практике ортодоксальной обрядности РПЦ. В феврале 1834 года совещание униатских епископов, «с подачи» Семашко, обязало приходских священников использовать для церковных служб православные молитвенники. А с 1835 года началось введение «чисто православных» обрядов. В 1836 году в униатских церквях демонтировали органы и установили иконостасы, после чего они уже почти не отличались от православных. Было также приказано вести метрические книги униатов на русском языке. Все эти изменения сопровождались насилием. Крестьяне протестовали.

Все же число сторонников объединения с РПЦ среди священников постепенно увеличивалось. Под влиянием правительственной агитации они искренне верили в то, что «русское православное правительство» будет больше заботиться о них тогда, когда они сами станут православными.

В 1837 году царь Николай I своим указом подчинил Греко-униатскую коллегию департаменту иностранных вероисповеданий Святейшего Синода.

В 1831—37 гг. один за другим умерли пять униатских епископов (А. Головня, И. Жарский, И. Матусевич, К. Сератинский, Л. Яворовский) — противники слияния с РПЦ. А в начале февраля 1838 года умер глава униатов, митрополит Иосафат Булгак, более всех других сопротивлявшийся «воссоединению» (ходили упорные слухи о том, что его отравили).

После этого у Семашко освободились руки. Он потребовал от всех священников дать подписку о согласии на объединение с РПЦ. Правда, такую подписку дали только 186 человек. Большинство воздержалось, а самые смелые пытались бороться. Но отдельные протесты ничего не могли изменить. Секретный комитет по униатским делам, созданный в Петербурге в 1835 году, уже готовил полное уничтожение униатской церкви.

В него вошли 10 человек: от РПЦ — митрополит Московский Филарет, митрополит Новгородский Серафим, архиепископ Тверской Григорий; от правительства — министр внутренних дел Блудов, обер-прокурор синода Нечаев, статс-секретарь Танеев, действительный тайный советник Голицын, генерал граф Толстой; от униатской церкви — епископ Иосиф Семашко и митрополит Иосафат Булгак. Уже по составу комитета можно судить о том, сколь большое значение придавали власти проблеме ликвидации униатства. Из всех его членов только И. Булгак являлся противником этого плана, но после его смерти, наступившей 25 февраля 1838 года, исчезло и это последнее препятствие.

Из секретного письма министра внутренних дел Блудова от 29 мая 1835 года, направленного Семашко, ясно следует, что главной функцией данного комитета являлась вовсе не «защита» униатов от польско-римского влияния, а полная интеграция их в православие.

.0.

Разумеется, польское католическое духовенство, помещики и чиновники католического вероисповедания в Беларуси и Украине видели, к чему ведут дело правительство и Синод. Опасаясь полной утраты своего влияния на несколько миллионов беларусов и украинцев, они стали открыто высказывать недовольство политикой Петербурга в отношении униатской церкви. Более половины помещиков-католиков находилось в оппозиции к официальному курсу по этому вопросу. После 1832 года значительное распространение получили действия ксендзов и помещиков, направленные на то, чтобы удержать униатов в их вере, а тех, кто уже перешел в православие, обратить в католичество.

Благодаря этому стихийному движению среди униатских священников на местах появилась надежда устоять против политики Синода и царя на слияние с православной церковью. Но она не сбылась. В ноябре 1838 года вышел царский указ, требовавший от епископов направлять непокорных священников в дальние российские монастыри. Семашко, в свою очередь, желая остановить дальнейшее углубление конфликтной ситуации, в записке от 1 декабря 1838

года просил правительство немедленно приступить к самым решительным действиям.

26 января 1839 года Комитет утвердил Положение о мероприятиях по ликвидации унии. Этот документ предусматривал сочетание кнута и пряника.

Члены комитета не исключали «противодействий как со стороны панов, так и со стороны римского духовенства воссоединению униатов», а посему предложили наделить генерал-губернаторов особыми полномочиями, с той целью, чтобы любые беспорядки, «если бы они и происходили вдруг в нескольких местах, были бы немедля остановлены в самом их начале». Генерал-губернаторов обяза-

Последний униатский митрополит Иосафат Булгак (1758—1838)

ли немедленно связываться с военным министром на предмет размещения войск в «подозрительных уездах». Вместе с тем им рекомендовалось не вводить войска без особой нужды в деревни, населенные униатами.

Комитет направил директивы и духовному, и гражданскому начальству, в соответствия с которыми «последнее должно было предупредить помещиков, что всякая попытка с их стороны к сопротивлению и агитации против имеющего произойти акта (упразднения унии — Л.Л.) повлечет за собой ссылку и даже конфискацию поместий». В распоряжение губернаторов послали отряды казаков, расквартированные в Полоцке, где должен был собраться собор.

В то же время, желая избежать массовых протестов со стороны униатских священников, авторы Положения сочли нужным на первых порах пойти им навстречу по ряду мелких вопросов. Так, один из пунктов Положения гласил:

«Поскольку большая часть униатских священников дала подписки о готовности своей присоединиться к православию с условием, что им разрешено было остаться при местных обычаях своих, не

противоречащих православию, а, с другой стороны, быстрое изменение таких, как бритье бороды и ношение теперешнего платья, избавило бы их влияния на народ, надо засвидетельствовать, что не будет требоваться изменения прежних, стариной установленных обычаев. Такое засвидетельствование от наивысшей власти удобнее сообщить секретными сношениями греко-униатским епископам, чтобы они предъявили это священникам вместе с провозглашением им синодского указа».

Ну, а для тех, кто все равно будет противиться, Положение предусматривало иное обращение:

«Если духовные окажут сопротивление начальству, так их можно переводить либо в униатские монастыри южных губерний, окруженные православными приходами, либо в православные монастыри великорусских губерний».

.0:

Что касается униатских епископов, то Семашко был уверен в том, что без особых проблем добьется от них согласия на упразднение униатской церкви. К сожалению, он не ошибся. Хорошо продуманные меры индивидуального воздействия, предпринимавшиеся им и его ближайшими помощниками в течение нескольких последних лет, дали соответствующий результат. Героев среди высших иерархов не нашлось. Святые отцы, выступавшие «против», покинули этот мир до начала Собора в Полоцке.

Собравшись в Полоцке, 25 епископов без всяких возражений подписали 12 февраля 1839 года «Соборный акт о воссоединении». Текст документа заранее подготовил упомянутый выше секретный Комитет. Естественно, в нем содержалось заявление о том, что «предки наши, по языку и происхождения, всегда составляли неделимую часть Русского народа», а Россия называлась исключительно «матерью нашей».

В тот же день Иосиф Семашко вместе с Василием, епископом Оршанским, и Антонием, епископом Брестским, подписали очень похожее по содержанию на «Соборный акт о воссоединении» прошение к российскому императору Николаю I о разрешении униатам «присоединиться к их праотческой Православной Всероссийской церкви». К этому прошению были приложены 1305 подписей различных духовных лиц греко-униатской церкви, собранные за предыдущие пять лет.

Вряд ли епископы осознавали свою вину перед рядовыми верующими. Ксёндз Адам Станкевич вполне справедливо отметил в 1920-е годы:

«Было им уже все равно, кому служить — польскому магнату или российскому царю. Важно было служить там, где похвалы, сила, слава, поощрения, карьера!»

Подписанный в Полоцке документ легко и быстро прошел все этапы формального утверждения в высших инстанциях власти. Царь уже 1 марта своим указом Святейшему Синоду поручил последнему рассмотреть данный вопрос и принять по нему соответствующее постановление, что и было сделано 23 марта. Получив составленный 23 марта соответствующий документ (Всеподданейший Синодальный доклад), царь наложил лаконичную резолюцию: «Благодарю Бога и принимаю».

После этого Синод 30 марта составил «Синодальную грамоту к воссоединенным епископам и духовенству», в которой высказал благодарность им «за старание быть вместе с Русской православной церковью». В тот же день эту грамоту подписал Николай І. На том юридическая сторона процедуры объединения униатской церкви с РПЦ завершилась. Разумеется, в память о столь выдающемся событии была отчеканена памятная медаль. На ее обороте было откровенно написано — «торжество православия».

Однако сразу объявить о свершившемся объединении массам верующих ни власти, ни епископы, ни приходские священники не решились. Кто как умел, тот так и готовил их к столь крутой перемене в жизни. Но, независимо от того, «под каким соусом» сообщалось о происшедшем, никто не радовался. Даже столь убежденный сторонник православия как Г. Киприянович написал, что «простые люди встретили молчанием весть о кончине папства, не понимали различий между римскою и православною церквями».

Спустя полвека члены петербургской группы беларуских народников в одном из своих «Писем о Беларуси» дали такую характеристику этому событию:

«За два века часть беларуского народа успела уже сжиться с унией, и принудительное возвращение в православие явилось унижением народной души»*.

Уния как компромисс православия и католицизма могла спокойно существовать в толерантной Речи Посполитой, но была несовместима ни с деспотизмом российского самодержавия, ни с идеями московской церкви о «Третьем Риме» и «Святой Руси», по отношению к которым весь остальной мир «идет не в ногу». Ликвидировав унию, царизм добился усиления позиций православия в Беларуси, «освободил» беларуских униатов от культурного влияния на них Польши.

^{*} Публицистика белорусских народников. Минск, 1993, с. 26.

Около трети униатов после 1839 года перешли в католицизм в знак несогласия с ликвидацией родной им церкви. Вот так царизм возродил в беларуских землях религиозное противостояние, преодоленное в конце XVI — начале XVII века благодаря Брестской церковной унии. Религиозный антагонизм между православными и католиками в последующие десятилетия сильно препятствовал национальной консолидации беларусов. Более того, он препятствует этому до сих пор.

4. Последствия ликвидации униатства

То, что сделали власти в 1839 году с огромным числом верующих, не имело аналогов в истории беларуского народа. Например, обращение литвинов-язычников в христианство заняло в свое время более двух веков! И то отдельные группы язычников сохранились в наиболее глухих местах Полесья до начала XIX столетия. А тут смену конфессии произвели буквально одним махом, к тому же не спрашивая согласия самих верующих. Впрочем, правящие круги крепостнической России во главе с их царем Николаем «Палкиным» меньше всего беспокоились о таком пустяке.

Простые люди повсеместно роптали, но их успокаивали казаки своими нагайками. Недобрые воспоминания об этих ревностных помощниках православных попов долго хранились в народной памяти. Вот что писал, например, Язеп Лёсик в повести «Иеронимлесник»:

«Мужчины молчали, женщины крестились, говорили бусины /связки молитв/ да тихонько плакали, ведь за вопли и причитания казаки хлестали нагайками... Ксендза — так его арестовали, посадили в кибитку, повезли в Минск, в острог ... Людей возвращали к православию. Для этого подводили к попу человек по десять, ставили на колени и, приказав поднять два пальца вверх, исповедовали. Назавтра загоняли причащаться»*.

Михаил Коялович писал, что митрополит Семашко приказывал сажать в монастырские тюрьмы бывших греко-католических священников только за то, что они не желали отпускать бороду. Он делал это вопреки Положению о воссоединении церквей, предусматривавшему либеральное отношение к вопросам внешности новообращенных служителей РПЦ.

Поскольку православное духовенство в беларуских землях руководствовалось исключительно интересами русской нации, а католическая церковь — преимущественно интересами польской нации,

^{*} Лёсик Я. Произведения. Минск, 1994, с. 48.

бывшим униатам было трудно делать выбор между двумя этим крайностями. На это ушли десятилетия. Часть униатов, не желавших принимать ни православие, ни католичество, в полном отчаянии от свершившегося покинула Отчизну и уехала в другие страны. Некоторые крестьяне из западной части Беларуси добрались даже до Бразилии! А многие из оставшихся несколько раз меняли веру, так и не примкнув окончательно ни к одной из них.

Униатство, существовавшее в Беларуси свыше 240 лет, не могло быстро уйти в небытие. Переход верующих из одной конфессии в другую был неразрывно связан с процессом постепенного изменения религиозного самосознания, растянувшимся на длительный срок. Не случайно многие иерархи РПЦ заявляли, что бывшие униатские священники в душе не отреклись от своей веры, стараются быть россиянами только внешне. По той же причине долгое время считалось, что для достижения наибольших успехов в деле русификации беларусов следует направлять в Северо-Западный край священников из центральных русских губерний, а не выходцев из местного населения.

Запрещенное униатство для многих его приверженцев стало после этого еще дороже и ближе. А.И. Герцен почти через 20 лет после Полоцкого собора — в 1858 году — писал в 27-м номере газеты «Колокол» о посылке Виленским генерал-губернаторам В. Назимовым войск на помощь православному духовенству — «склонить» в лоно их церкви несговорчивых униатов. Дух униатства особенно долго сохранялся в таких местах, куда трудно было добраться православным попам — на Полесье и в Августовской губернии Царства Польского.

Равнодушное отношение бывших униатов к навязанной им православной вере московского образца вынужден был отметить лютый враг римско-католической и греко-католической церквей М. Коялович. Побывав в 1866 году в Вильне, в других городах и селах Беларуси, он записал в своем дневнике:

«В православных храмах почти не видно простого народа, и видно только служилую русскую интеллигенцию, а костёлы переполнены простым народам. Православный храм... чужд тамошнему русскому /беларусов Коялович называл русскими — $\Pi.\Pi./$, а костел, где так много искусственности и непонятно все, что соответствует канону, переполнен русским народам, да еще этот русский народ распевает там заодно с панами по-польски прибавочные части из латинского богослужения»*.

До конца жизни сохранил искреннюю приверженность униатству Иван Карский, дядя известного основателя беларуского языко-

^{*} Церковный вестник, 1886, № 45, с. 708.

ведения Ефима Карского. В Лошанском приходе Гродненского уезда, где он жил, служба по-униатски сохранялась вплоть до 1855 года:

«Почти все церковные службы проводились на униатский манер. Если священник предложил петь: «Господи, помилуй», то крестьяне отвечали: «Мы не москали, чтобы петь «Господи, помилуй». Из пяти тысяч душ этого прихода всего-навсего пять знали бусины и молитвы по-русски».

.0

Пока в Беларуси существовало униатство, царизму было трудно разобщить наш народ с помощью религиозного фактора. Рядовые униаты легко шли на сближение с православными благодаря общему с ними восточному обряду, а с католиками их объединяло подчинение Папе Римскому.

Но после упразднения унии беларуские крестьяне постепенно разделились на православных и католиков, за спинами которых стояли две крупные нации — русская и польская, с традиционной враждой между собой. В связи с этим беларусы-православные начали все более ориентироваться на Россию, а беларусы-католики — на Польшу, что нередко провоцировало конфликтные ситуации. И если дело не дошло до братоубийства, то лишь потому, что у наших прадедов хватило ума и выдержки не доводить дело до кровопролития. Одним из первых обратил внимание на указанное обстоятельство Янка Станкевич:

«Беларусы, по мнению московского правительства, должны были превратиться в два враждебных табора, в янычар, которые, сражаясь между собой, могли бы сами себя уничтожить».

В отчаянии сотни тысяч беларусов-униатов, желая как можно больше «насолить» русскому православному духовенству за совершенную им гнусность, бросились в объятия католицизма, с которым они прежде постоянно воевали, ибо не желали изменять униатской церкви. Никогда еще так быстро не росла численность беларусов-католиков, как после упразднения Брестской унии. Кое-кто среди иерархов РПЦ понимал гибельность Акта 1839 года, но предпочитал помалкивать. Между тем настроение огромной массы людей являлось весьма мрачным.

Чтобы лучше понять трагизм положения крестьян-униатов, давайте на минуту представим себе чувства людей, лишенных возможности крестить детей, венчаться, хоронить членов семьи согласно обычаям своих отцов, дедов, прадедов и прапрадедов. Оказавшись в столь непростой ситуации, одни эмигрировали, другие избегали ходить в церковь, не приглашали священников к себе домой, третьи тайно молились и совершали обряды согласно старым заветам. На-

пример, в мемуарах беларуского историка, краеведа, писателя Александра Ельского приведены факты крещения детей согласно униатскому обряду даже в конце XIX века! Иными словами, то, что происходило в Беларуси после 1839 года, во многом напоминало события в Московии после церковной реформы, проведенной в 1653—55 гг. патриархом Никоном.

Дореволюционные русские историки слишком преувеличивали стычки между униатами и православными, стараясь этим оправдать насилие над первыми. Как при заключении Брестской церковной унии в 1596 году, так и при упразднении ее в 1839 году беларусы вели себя цивилизованно, не поставили конфессиональный фактор выше национального.

Разумные люди очень быстро поняли всю трагедию конфессионального разделения беларусов. К числу таковых относился и руководитель восстания 1863—64 гг. в Беларуси Константин Калиновский. В шестом номере своей подпольной газеты «Мужицкая правда» он обвинил русское правительство в том, что оно «отобрало у нас нашу справедливую униатскую веру и погубило нас перед Богом навеки, чтобы иметь возможность нас без конца драть».

Если бы у нас во время восстания была своя национальная церковь, она сделала бы все возможное для мобилизации народа на борьбу с царизмом, стремившимся «драть» беларусов до бесконечности. Что же касается православной церкви, то она активно поддержала все действия царских войск по борьбе с повстанцами и все зверства, творившиеся по приказам Муравьева-вешателя.

Калиновский и его соратники твердо верили в то, что в условиях Беларуси наиболее успешно в роли национальной церкви могла выступать только униатская церковь. Логика их рассуждений была проста и понятна. Православная церковь в беларуских землях полностью подчинялась русскому Синоду, во главе которого стоял сам царь; католическая церковь (костёл) всецело зависела от польского духовенства. Поэтому в планах и действиях их обеих не было ничего хорошего применительно к беларуской национальной идее. Не случайно возрождение униатства являлось одним из важнейших требований программных документов, выработанных накануне восстания 1863—64 годов группой Калиновского...

.0

Произошедшие перемены в церковной жизни сразу же выявили острую нехватку духовных служителей разного рода и ранга, которым следовало отныне проводить в Беларуси линию руководства РПЦ. «Помощь» не заставила себя ждать. Прибывшие из центральных губерний России православные священники с таким напором взялись за униатов, что даже превзошли в своих стараниях прежних

иезуитов. И все же до иезуитов им было далеко. Те, отправляясь в чужие края с миссионерскими целями, предварительно изучали язык местного населения, приобретали хотя бы элементарные сведения об истории и культуре коренного населения. Русские православные священники не утруждали себя подобной чепухой. Учитывать местную национально-культурную специфику они изначально не собирались. Свою задачу попы видели в другом: в «исправлении» жителей Северо-Западного края, «испорченного», по их мнению, пагубным влиянием «латинства» и польской культуры. Тот факт, что им самим по части образования и общей культуры было очень далеко как до ксендзов, так и до образованной части беларусов, ускользал от их понимания.

Возможно, результаты упразднения унии были бы менее трагическими, если бы все то, о чем сказано выше, касалась только перемен в конфессиональной жизни миллионов беларусов. Но дело этим не ограничилось. Срочно был издан царский указ о запрете употреблять беларуский язык в бывших греко-римских, а ныне уже православных храмах, всячески следить за тем, чтобы беларуское слово не использовалось также и в католических храмах. А это вполне могло иметь место там, где ксендзами являлись прежние униаты. Сам того не понимая, запретом беларуского языка в римско-католической церкви царский режим весьма способствовал укреплению в нем позиций польского языка, а значит, и усилению процесса ополячивания верующих этой конфессии из числа этнических беларусов.

И все же с хода, одним махом невозможно было оторвать вчерашних униатов от их родного языка, на котором они так долго общались с Богом. С этой любовью к материнскому слову еще очень долго пришлось считаться высшим духовным и светским лицам.

Трудности с переводом рядовых униатов в православие оказались полной неожиданностью для Синода. Ошибка его заключалась в том, что это достаточно сложное мероприятие было начато раньше, чем успели подготовить нужное число православных священников из беларусов, хорошо знакомых с языком и обычаями народа. На присланных из России попов с их подчеркнуто чистой русской речью униаты-беларусы смотрели как на чужих людей, ни в чем им не доверяли.

Особенно трудно проникало русское слово в те униатские церкви, где в результате разных обстоятельств успел завоевать прочные позиции польский язык. В большинстве таких храмов обычным явлением было исполнение религиозных гимнов и псалмов исключительно на польском языке, что противоречило смыслу всей политики светских и церковных властей Российской империи. Подобные факты до такой степени напугали Семашко, что он даже разрешил временно вести службы на беларуском языке, лишь бы неграмотное

в области русского языка духовенство Литовской епархии не читало проповеди и не разъясняло положения катехизиса по-польски. Правда, в качестве вынужденного шага все же пришлось перевести на польский язык православный краткий катехизис.

.0.

Русские епископы и священники оставили позорный след в истории как истребители ценностей беларуской культуры. Первые попытки делались еще после первого раздела Речи Посполитой, но массовый масштаб это варварство приобрело после 1839 года. В первую очередь, речь идет о сожжении книг. Между тем, помимо служебников, на беларуском языке печатались оригинальные теологические и художественные сочинения, в том числе стихотворные произведения. Все это, за редким исключением, тоже безвозвратно погибло в огне.

По инициативе Семашко массовое уничтожение рукописей и книг бывших униатских церквей и монастырей началось в 1841 году. Огненная казнь продолжалась более 18 лет, до 1859 года, когда уже нечего было предавать огню. Поначалу книги жгли в печах Жировического монастыря, превращенного из униатского в православный, но поскольку такой способ оказался слишком медленным, книги стали сжигать на кострах, разложенных на монастырской площади.

Гнусную роль истребителя книг взяло на себя руководство Полоцкой православной духовной консистории, куда еще в 30-е годы XIX века их свозили со всей огромной территории Белорусской епархии. В то время в нее входили приходы Витебской и Могилёвской губерний; Борисовского, Бобруйского, Дисненского, Игуменского, Мозырского и Речицкого уездов Минской губернии, Житомирского и Овручского уездов Волынской губернии; Махновского, Радомысльского и Свирского уездов Киевской губернии; четырех уездов Херсонской губернии; Зельбургского уезда Курляндии. Из доставленных в Полоцк книг случайно могли уцелеть только те, которые чем-то привлекли внимание полоцких православных архиереев, принимавших самое непосредственное участие в актах сожжения.

Можно ли квалифицировать массовое уничтожение книг на беларуском языке иначе, нежели «геноцид в области культуры?!»

На литературу униатских учебных заведений обычно накладывался арест, с тем, чтобы тщательно просмотреть ее и определить, куда что вывозить. После ликвидации унии прекратила свое существование и библиотека Полоцкой униатской семинарии. В ней насчитывалось более 10 тысяч томов различных книг, в том числе ста-

ропечатных. Самые ценные из них присвоила Киевская православная духовная академия.

С той целью, чтобы в Беларуси осталось как можно меньше чего-нибудь такого, что напоминало бы о прежнем существовании Греко-римской церкви, в 1845 году в Петербургский Синодальный архив был вывезен архив униатских митрополитов, в котором хранилось множество ценных документов. Самые старые из них датировались 1470 годом*.

Сказанное выше позволяет понять, почему от обширного униатского духовного наследия, создававшегося в течение столь долгого времени, осталась так мало, и почему почти все сохранившиеся раритеты находятся в частных коллекциях. Например, в конце XIX — начале XX века предметы униатского культа можно было видеть у минчанина Генрика Татура. Некоторые из них, в том числе униатскую культовую посуду после смерти Татура в 1908 году купил Илларион Светицкий для беларуского отдела Национального музея в Львове (входившего в то время в состав Австро-Венгерской империи). Эту акцию одобрила партия Беларуская Социалистическая Громада во главе с Иваном Луцкевичем, являвшимся учеником Г. Татура. Луцкевич считал, что продажа этой коллекции в музей Австро-Венгрии сохранит ее для потомков, так как музеям Российской империи произведения униатского искусства не были нужны.

.0.

Сознательное целенаправленное уничтожение духовных и материальных ценностей униатской церкви имело самые тяжелые последствия для культуры Беларуси в целом. Даже в 20-е годы XX века высказывалась мысль, «что причиной нынешней отсталости беларусов от украинцев и летувисов является упразднение Беларуской Униатской Церкви. Если бы не это, то беларусы не только не отстали бы от них, но возможно даже опередили, как это было в прошлом». Ксёндз Адам Станкевич писал:

«Расторжением унии и запретом в костёлах и церквях беларуского языка правительство Николая I совершило преступление над беларуским народом, равного которому нет в истории Беларуси. Преступление это даже много больше того, которое совершили москали над беларусами в 1915 году перед наступлением немцев, когда свы-

^{*} Все эти документы по сей день остаются в распоряжении руководства Московской патриархии. Возвращать их в архивы независимой Беларуси никто не собирается. Впрочем, то же самое касается и национальной реликвии беларусов — креста святой Ефросинии Полоцкой, бесследно исчезнувшего в секретных хранилищах России, а также множества ценнейших книг, картин, коллекций, в разное время украденных русскими и советскими генералами и чиновниками в беларуских городах и в имениях помещиков. — Прим. Ред./

ше миллиона беларуского населения Гродненщины, Виленщины и Минщины были изгнаны в далекую московскую чужбину, где умирали массами от голода, стужи и эпидемий»*.

В дореволюционной исторической литературе писать о теневых сторонах принудительного воссоединения униатов с православными не дозволялось. Но то, что «негатив» имел место, многие хорошо понимали. Даже в книге Г. Киприяновича, посвященной жизни Иосифа Семашко и упразднению унии, так было сказано об основном виновнике этого события: «...никакие отдельные темные штрихи не могут омрачить общего блеска и величия создаваемого нами портрета». Значит, темные штрихи были, просто о них не хотели говорить. Да и как им не быть, если уже одна только борьба Семашко с беларуским языком причинила столь огромный ущерб духовной культуре нашего края, этническому самосознанию его коренного населения.

Надо сказать, что в вопросах языка среди самих духовных лиц православная церковь была куда более требовательной, чем светские учреждения по отношению к своим чиновникам. Среди них можно было услышать, помимо русского, польский и беларуский язык, что всячески преследовалось не только в деятельности самих церквей, но и в бытовой жизни церковников.

Известно, что в октябре 1862 года Семашко поручил всем своим благочинным сообщить ему, в каких бывших униатских церквях священники организуют пение по-польски. Он был очень недоволен, узнав, что таких лиц действительно много, особенно в приходах Дрогичинской, Скидельской и Шарашовской благочиний.

Вот такими «доброхотами» пожаловали в нашу страну русские православные попы. Их абсолютно не интересовали кровные интересы беларусов. Главное для них было совсем другое — оторвать последних от униатской религии, которая в течение многих десятилетий постепенно превращалась в народную, национальную, всякими правдами и неправдами как можно скорее распространить здесь православие московского великодержавного образца.

Практика оказалась совершенно иной по сравнению с тем, что обещали греко-католикам митрополиты Новгородский и Санкт-Петербургский, Киевский и Галицкий, Московский и Коломенский, а также другие высшие духовные чины в своей Синодальной грамоте от 30 марта 1839 года к присоединенным униатским епископам и духовенству. А там было сказано, что «до разнообразия же некоторых местных обычаев, которые не касаются догматов и Таинств, мы постановили выказать Апостольскую ласку и к стародавнему единообразию возвращать их через свободное убеждение с добродушием и долготерпением».

^{*} Журнал «Кривич», 1923, 3 2, с. 33.

В нашей исторической литературе основным проводником политики русификации беларуского края обычно признается царская администрация, а русская православная церковь оказывается при этом как бы несущественным довеском к ней. В качестве одного из главных русификаторов чаще всего упоминают М.Н. Муравьева, тогда как митрополит И. Семашко находится где-то в последних рядах (так, в пятитомной «Истории БССР», изданной в 1993 году, его фамилии упоминается только в связи с созывом церковного собора 1839 года в Полоцке). И это несмотря на то, что еще более ста лет тому назад А. Белецкий в статье «Иосиф, митрополит Литовский, как поборник русских интересов в Северо-Западном крае» назвал его «первым серьезным обрусителем Западнорусского края, в самом высоком и приличном значении этого слова».

Церковный историк Г. Киприянович писал:

«Преосвященный Иосиф был инициатором и главным двигателем воссоединения /воссоединения униатов с РПЦ — Л.Л./, которого твердо и неизменно поддерживала в его планах и действиях сильная рука императора Николая І. Все другие деятели были только более-менее старательными, более-менее сознательными исполнителями предписаний Иосифа — его соратниками».

Зато Иоанн, родной брат Иосифа Семашко, дал ему совсем иную характеристику:

«Проклятый: он и себя утопил и народ загубил».

Мало кто из представителей светского и духовного чиновничества мог представить себе, что когда в апреле 1905 года царь Николай II издаст указ «Об укреплении начал веротерпимости», то в Беларуси перейдут из РПЦ в католический костёл свыше 230 тысяч человек! Если бы такой указ появился на 50 лет раньше, когда еще были живы многие прежние униаты, цифра 230 тысяч несомненно была бы перекрыта в несколько раз.

Не вызывает сомнения и то, что православные беларусы переходили в католицизм не из уважению к нему, а из чувства обиды на РПЦ, которая принудительным упразднением Брестской унии лишила их своей национальной религии. Оставаться верным ей можно было только украдкой и чаще всего в одиночку. Например, на рубеже XIX — XX вв. молился дома по униатскому обряду Иван Горецкий, отец двух выдающихся беларуских деятелей — писателя Максима Горецкого и ученого Гавриила Горецкого.

.0

Напоминанием об уничтоженных и украденных духовных и материальных ценностях униатства остались голые здания храмов и монастырей. Уникальные рукописи и книги, хранившиеся в них,

пожрало пламя. Сегодня мы даже не можем представить себе истинные размеры потерь. Лишившись всего, что накопила западная русская и униатская церковь за восемь столетий, беларуский народ оказался в духовной нищете среди некогда равных ему соседних народов. Это не сгущение красок, ведь вплоть до XVIII века именно Церковь во всех странах Европы являлась главным центром образования и культуры.

Все, что осталось у народа — это дух униатства, передававшийся из поколения в поколение. Люди помнили, что оно было святой верой их далеких и ближних предков, что его насильно отобрали русские завоеватели. Вот что писал, например, о горькой судьбе бывших униатов и их потомков неизвестный автор стихотворения «Своя земля», напечатанного в 1904 году в сборнике «Песни»:

«Наша віоска "Салавичы" звеиса Былі унъяты калісьці дзяды, (...) Але за веру дык цярпелі не мала. Асэсар зганяе, здзірае и муче нас досьць, А поп сабе таксама дзярець з нас бывала, Іяк толькі, бывала, званар той задзвоне, Дык тут як з зямли асэсар тыц! И гвалтам з хат иягне, ў царкву гоне, Просто ў свеце ня можна жыць. Але нядоўга народ прыхітрыўся: Кожны ў нядзелю ранінька ўстане. Апрануўся, абуўся, памыўся І марш у лес, як паны на паўстанне. А там у пушчы гдзекольвек збяруцса, Чытаюць мадлітвы і плачуць шчыра; Сконьчань малииса і разыдуиса. Вот і ўся іх была вера. Самі сябе хрысцілі з вады, Жаніліся так, што без шлюбу... І многа, многа было з тем бяды І многа людей ішло на згубу!»

/Наша деревня «Соловичи» зовется Были униатами когда-то наши деды, (...) Но за веру потерпели немало. Асессор гоняет, обирает и мучает нас досыта, А поп тоже нас обирает. И как только, бывало, колокол тот зазвонит, Так асессор как из-под земли выскочит! И насильно из хат тащит, в церковь гонит, Просто на свете нельзя жить.

Но вскоре народ исхитрился:
Каждый в воскресенье раненько встанет,
Оделся, обулся, умылся
И марш в лес, как паны на восстание.
А там в пуще где-нибудь соберутся,
Читают молитвы и плачут искренне;
Окончат молиться и разойдутся,
Вот и вся была их вера.
Сами себя водой крестили,
Женились без свадеб...
И много, много было в том беды,
И много людей шло на погибель!

Идея унии снова возникла на втором съезде Беларуской Социалистической Громады, происходившем в январе 1906 года в Минске. Здесь много говорилось о том, какой раскол среди крестьянства происходит от разделения его на православных и католиков. Чтобы устранить разделение беларуского народа по конфессиональному признаку, громадовцы предлагали вернуться к унии. В соответствии с принятой на съезде резолюцией они обязались всячески содействовать ее возрождению.

Хорошо помнили об этом трагическом событии члены беларуской делегации, поехавшие в июне 1916 года в швейцарский город Лозанна для участия в работе Третьей Конференции Наций. В специальном меморандуме, подготовленном ими и зачитанном на конференции, так говорилось о превращении униатов в православные:

«Народ беларуский сопротивлялся этому принудительному соединению с церковью православной. Вооруженной силой и карательными экспедициями русских казаков вводили православие в Беларуси. Присоединение униатов к казенной церкви тянулось от 1820 до 1905 года. Кровь мучеников «возсоединенных любовию» окрасила земельку беларускую и снега Сибири. Переделка униатских церквей происходила с кровавыми драками; над селянами, упорно защищавшими веру отцов своих, нещадно издевались дикие банды казаков, проливавших кровь верующих и ксендзов греко-католических»*.

Прочное сохранение в памяти народа униатских традиций помогло идеологам беларуского национально-культурного Возрождения конца XIX — начала XX века распространить в массах идею о насущной необходимости своей национальной церкви, независимой от соседей и с Востока, и с Запада. Большинство «возрожденцев» считали, что ею должна быть Греко-римская церковь.

^{*} Газета «Вольная Беларусь», 1917, 29 сентября.

5. Во власти РПЦ

После ликвидации униатства в Беларуси русская православная церковь с утроенной энергией взялась за русификацию местного населения, в первую очередь крестьянства и мещанства. Главную ставку иерархи РПЦ делали при этом на пропаганду московского варианта православия в сфере народного просвещения. Профессор П.И. Ковалевский, один из видных дореволюционных идеологов русских националистов, писал в данной связи:

«Русская власть пошла по дороге обрусения путем введения русского языка и русской школы. Бесспорно, это два важных и могучих средства. Но еще более сильным средством является вера. Православие должно иметь все преимущества господствующей религии не потому только, что оно есть религия государственной русской нации, а потому, что православие есть религия национальная, это религия русской нации»*.

Проводя в жизнь политику русификации всех народов Российской империи, в том числе и беларуского, РПЦ действовала в самом тесном контакте с органами народного образования. Часто было невозможно провести четкую границу между деятельностью первой и последних.

Например, после подавления восстания 1863 года, когда царизм стремился вырвать молодые поколения беларусов из-под польско-католического влияния, попечитель Виленского учебного округа князь А.П. Ширинский-Шихматов (занимал этот пост в 1861—64 гг.) следующим образом сформулировал политику государства и православной церкви в области народного образования:

«В Белоруссии должна быть поддержана система правительственных училищ, свобода же обществ и частных лиц должно быть ограничена; она должно быть дана только обществам и лицам православного вероисповедания...

Действовать иначе, означало бы дать вражеской партии, которая имеет больше материальных и духовных средств, то оружие, которого она так давно и с такой настойчивостью домогается: любая школа, открытая для белорусов обществом или /частным/ лицом римско-католического вероисповедания, будет не проводником истинного образования в духа христианства и государственно-русским, а могучим оружием католическо-польской пропаганды. На этом основании решительно надо отстранить католиков от участия в деле образования белорусов. Дело образования белорусов, полагая по осуществленному опыту, может идти в этом крае наиболее успешно

^{*} Ковалевский П.И. Национализм и национальное воспитание в России. СПб, 1912, с. 310.

только при согласованных и совместных действиях министерства народного просвещения и местного православного духовенства»*.

Указанного Ширинским-Шихматовым курса неуклонно придерживались его преемники на посту руководителя Виленского учебного округа. Так, известный своей оголтелой русификаторской политикой попечитель Иван Корнилов (1864—68 гг.) заявлял, что для обеспечения лояльности населения Северо-Западного края царю и России православие и русские школы гораздо важнее, чем присутствие войск на этой территории. Вот что он писал, например, в марте 1864 года в письме, адресованном русскому публицисту М.Н. Каткову, шовинисту и черносотенцу:

«Мы обязаны в последнее время духовенству и Михаилу Николаевичу /Муравьеву — Л.Л./ тем, что имеем около 400 уже организованных народных сельских училищ с русскими учителями из лиц духовного звания и семинаристов».

В ходе выполнения программы русификации учащихся посредством православия, намеченной Корниловым, все учебные заведения края систематически получали бесплатно религиозную литературу на церковнославянском либо на русском языке (евангелия, молитвенники, псалтыри, книги по священной истории, церковно-гражданские буквари). Многие поколения беларуских детей учились во второй половине XIX века по книжке «Доброе чтение для православных». Но никто не подумал перевести на беларуский язык хотя бы ее.

Методы действий РПЦ в Беларуси резко отличались от ее собственных методов по отношению к другим нерусским народам христианской веры, в частности поволжским. Так, указом 1830 года духовенству Казанской епархии предписывалось «читать апостол и евангелие на их /приволжских народов — Л.Л./ языке и на славянском; говорить нравоучения на инородных языках».

Однако на беларуских детей это предписание не распространялось, ибо руководство РПЦ считало, что беларусы не являются самобытным этносом. И в Петербурге, и в Москве, и на всей территории Северо-Западного края православные попы без малейшего смущения заявляли, что беларусы — часть русского народа, только существенно «испорченные» полонизацией. В полном соответствии с такой идеологической установкой строилась вся религиозно-церковная и культурно-просветительская работа РПЦ и органов народного образования в землях бывшего ВКЛ. Суть ее хорошо видна из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1896—97 гг.:

^{*} Белецкий А.В. Сорокалетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России. Вильня, 1905, с. 57.

«Церковные школы служат важнейшим средством для утверждения православия и русской народности в Западном крае. Вместе с Церковью они образовывают религиозно детей и действуют на родителей их. Эти рассадники религиозно-духовного просвещения прививают начала православно-русской жизни даже многим иноверным детям и незаметно вводят молодое поколение, неславянское и раскольническое, в строй православно-русской жизни»*.

Вдохновляясь подобными соображениями, Синод расширял сеть церковно-приходских школ (ЦПШ) в Беларуси с небывалым рвением. Так, в церковно-приходских школах Витебской губернии численность учеников выросла с 12,2 тысяч в 1895 году до 20,4 тысяч в 1899; в Минской — с 26,5 тысяч до 42,1 тысяч; в Могилевской — с 38,1 тысяч до 48,1 (а всего с 76,8 до 110,6 тысяч). В этих губерниях в 1899 году число учащихся ЦПШ почти в два раза превышало чис-

ло учеников в народных школах Министерства просвещения.

Еще более интенсивно росла численность церковноприходских школ в Виленской и Гродненской губерниях, где были очень сильны позиции католицизма. В первой из этих губерний число таких школ vвеличилось с 4 в 1884 году до 352 в 1888 году, во второй с 534 в 1891 году до 1295 в 1901 году. Характерно, что за тот же период в Гродненской губернии число народных школ увеличилось с 299 до 326**. И хотя последние тоже не имели ничего обшего с национальной беларуской идеей, приоритеты видны совершенно ясно.

Униатская Троицкая церковь (1768 г.) Деревня Вольно (Барановичский район)

Характерной особенностью деятельности РПЦ в Северо-Западном крае было то, что она делала ставку преимущественно на приезжих священнослужителей. Некий Б. Соловьев, еще один идеолог русских националистов, писал в 1887 году на страницах популярно-

^{*} Журнал «Народное образование». Октябрь 1910, с. 385.

^{**} См. журнал «Полымя», 1929, № 5, с. 119.

го журнала «Новое время», что простым увеличением численности православных церквей не удастся надежно укрепить позиции русской церкви в Северо-Западном крае. Он заявил, что здесь «православие не может проводиться в жизнь священниками из местных уроженцев. Священники, дьяки, учителя гимназий и других учебных заведений должны назначаться из уроженцев внутренних губерний, чисто русского происхождения. Стиль церквей должен быть русский».

Разумеется, к советам и рекомендациям таких, как он, прислушивались и члены Синода, и государственные чиновники всех уровней.

Царизм проводил политику русификации на всех участках национально-культурной жизни в Беларуси (Северо-Западном крае), не просто опираясь на всестороннюю поддержку Русской православной церкви, но и используя ее в качестве основного средства такой политики. После восстания 1863 года и вплоть до начала Первой мировой войны, вся деятельность РПЦ на нашей земле была жестко подчинена одной главной цели: полной русификации беларуского населения и максимально возможной — представителей других этносов (поляков, литовцев, татар).

Возможности для этого у РПЦ были большие: помимо значительных финансовых средств, она располагала широко разветвленной сетью культовых учреждений. Например, в одной только Минской епархии к лету 1914 года насчитывалось 566 православных приходских церквей, 101 часовня, 6 монастырей. Во всех православных храмах во время литургии использовался церковнославянский язык, во время проповедей — русский. Священники молились за здоровье российского самодержца, славили русских святых.

.0.

В начале XX века многие просвещенные жители империи стала понимать, что вероисповедание не может служить индикатором национальной принадлежности. Но, вопреки духу времени, председатель Совета министров Российской империи П.А. Столыпин распорядился разделить коренное население Беларуси во время выборов в ІІІ и IV Государственные Думы (1907 и 1912 гг.) на две курии (русскую и польскую) именно по конфессиональному принципу. В первую зачислили православных, во вторую — католиков. Вот так просто был «решен» национальный вопрос: никаких беларусов в Северо-Западном крае нет, есть только русские (православные) и поляки (католики). Правда, было признано существование еще и евреев с татарами, но речь не о них.

И все же, несмотря на жестокую ассимиляционную политику, беларуский народ выжил. Он дождался тех коренных перемен, которые начались в национальных районах бывшей Российской импе-

рии после Февральской революции 1917 года. Но в том, что он выжил, нет никакой заслуги ни православной церкви, ни католического костёла. Выживанию нашего народа как самобытного этнического сообщества, хотя и с размытыми национальными основами, содействовали следующие факторы: а) преданность традициям предков; б) сохранение живого разговорного языка; в) появление художественной литературы на этом языке; г) формирование беларуской интеллигенции, немногочисленной, но с сильным национальным самосознанием.

Все это позволило приступить к практическому решению беларуского вопроса, несмотря на самое негативное отношение двух основных христианских конфессий к возрождению беларуского государства и беларуской национальной культуры.

.0.

К сожалению, и сегодня деятельность многих православных иерархов не отвечает национально-государственным интересам восточнославянских народов, а направлена на возвышение одной лишь России. Проиллюстрируем сказанное цитатой из речи архиепископа Могилевского и Мстиславльского Максима — уроженца Башкирии:

«Наша земля — Россия, в полном смысле слова. Ведь россиянами должны быть и беларусы, и украинцы, то есть все славянские народы. Вот это и есть Россия, со всеми другими народами, какие ее населяют»*.

Нет, почтенный архиепископ, беларусам никогда не быть россиянами, а россиянам — беларусами или украинцами. У каждого народа своя родина, с ее историей, национальной культурой, языком, традициями, укладом жизни.

Благодаря Богу, теперь мы хорошо разобрались со всем этим и полагаем, что национально сознательный беларус — всегда беларус, независимо от того, православный он, католик, униат, протестант или какой-нибудь другой веры. На все религии, исповедуемые беларусами, надо смотреть одинаково спокойно. Надо всесторонне использовать все имеющиеся христианские течения для укрепления этнокультурных основ народа. А этого, как свидетельствует наш собственный и чужой опыт, нельзя достичь, если люди обращаются к Богу не на своем родном языке.

Освободив католицизм от полонизма, а православие от русицизма, мы сделаем их явлениями сугубо национальными, поставим на службу своему собственному, а не чужому духовному Возрождению.

^{*} Газета «Вестник Могилева», 1993, выпуск от 29 апреля.

От редактора: Кстати говоря, обвинения в адрес католической и униатской церквей, выдвигаемые «задним числом» современными приверженцами РПЦ, сводятся к трем главным пунктам: а) ужасно, что вместо православия беларусы исповедали униатство либо католицизм; б) ужасно, что происходило «ополячивание» беларуского населения; в) ужасно, что «католические паны» (магнаты и шляхта) угнетали простой православный народ (крестьянство).

Однако эти обвинения по своей сути — чистая демагогия.

Во-первых, и католицизм, и православие, и униатство — христианские церкви. Они равны перед Богом. Почему это московское православие «лучше»?

Во-вторых, непонятно, чем «ополячивание» хуже «орусачивания». Поляки — славяне, генетически тождественные беларусам, тогда как русские — славянизированная смесь финнов с тюрками. Да если бы и не финны, и не тюрки, неужто русская культура XVIII—XIX веков хоть в чем-то превосходила польскую? По-моему, дело обстояло точно наоборот.

В-третьих, русские православные помещики угнетали свое крестьянство еще сильнее «панов». Во всяком случае, в Речи Посполитой никогда не было крестьянских войн, подобных восстанию Емельяна Пугачева. И Салтычихи там тоже не водились.

Так почему мы должны верить измышлениям российских «национал-патриотов»? А потому, искренне убеждены последние, что «русские — не такие как все», их соседи просто обязаны (уж не Богом ли?) подчиняться и верить только им. Казалось бы, просто бред. Но именно такого рода тезисы лежат в основе теорий московских идеологов с начала XVI века, когда монах Филофей выдвинул свой знаменитый лозунг «Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать». С той далекой поры вариации на тему «кругом нас враги» и «весь мир идет не в ногу» служат идеологическим обоснованием безудержной экспансии Московии, затем России, экспансии и территориальной, и политической, и духовной.

Нам, беларусам, не нужна ни русификация, ни полонизация. Мы должны быть самими собой!

ЧАСТЬ II.

БЕЛАРУСЫ В ЭПОХУ «РЕВОЛЮЦИОННОГО БОЛЬШЕВИЗМА»

Глава 3. Краткий очерк политической и культурной жизни (1917—1953 гг.)

(Захар Шибека, доктор исторических наук)

евральская революция позволила различным политическим партиям и общественным организациям легально осуществлять свою деятельность. В числе прочих возобновила свою работу Беларуская Социалистическая Громада. Наиболее многочисленными в ней были организации Минска и Петрограда. Первая имела национально-демократическую ориентацию, вторая — близкую большевистской. Но обе стремились к достижению автономии Беларуси в составе демократической России.

1. Поиск основ беларуской государственности (март 1917 — февраль 1918 гг.)

Первый съезд беларуских организаций. 25 марта 1917 года в Минске открылся съезд БСГ, обсуждавший текущий момент. На второй день прибыли представители от других беларуских организаций и партий. В общей сложности число делегатов достигло 150 человек. Они создали Беларуский национальный комитет (Белнацком) и объявили его высшим органом власти в Северо-Западном крае (на его части, свободной от немцев). Председателем Белнацкома был избран крупный пинский помещик, бывший член Государственной думы Роман Скирмунт. Ему доверили эту должность при условии, что он откажется от своего имения.

В комитет вошли 18 человек. Среди них — адвокат Павел Алексюк, ксёндз Винцент Годлевский, поэт Дмитрий Жилунович (Тишка Гартный), инженер Вацлав Ивановский, аг-

^{*} Сокращенный вариант глав V—VII из книги 3. Шибеки «Очерк истории Беларуси. 1795—2002», с некоторыми дополнениями.

роном Аркадий Смолич, филолог Бронислав Тарашкевич и другие. Представители БСГ получили только 6 мест в Белнацкоме, поэтому решающим влиянием в нем не пользовались.

Съезд принял обращение к Временному правительству РДР с весьма умеренными требованиями: предоставить автономию Беларуси и открыть во всех губерниях школы с беларуским языком обучения. Делегация из 5 человек, во главе со Скирмунтом, отвезла ее

Роман Скирмунт (1868—1939)

в Петроград, но там с беларуской делегацией никто не стал разговаривать.

Характер беларуского движения. С беларуским национальным движением новые российские власти могли не считаться. Оно было распылено по европейской части бывшей империи, к тому же разделялось на сторонников и противников автономии.

Организации беженцев в своем большинстве требовали автономии. А в землях самой Беларуси активно действовали сторонники «западнорусизма», которые выдвигали лозунг «единой неделимой» России, вели постоянную полемику с БСГ на митингах и в газетах.

Католическое духовенство в мае объединилось в Петрограде в партию

«Христианское демократическое объединение» (ХДО) во главе с ксендзом Фабианом Обрентовичем. Но эта партия из-за своей антибольшевистской ориентации редко находила взаимопонимание с БСГ. Правда, все беларуские организации поддерживали связь с Белнацкомом, признавали Минск политическим центром беларуских губерний, что в какой-то мере объединяло их.

Большинство членов Белнацкома ориентировалось на Россию. Комитет занимался преимущественно вопросами образования, просвещения и культуры, ничего не обещал крестьянам до созыва краевой беларуской рады (совета).

Действия российских партий. 7—17 апреля в Минске состоялся І-й съезд делегатов Западного фронта и тыла, который избрал Фронтовой комитет и поддержал политику Временного правительства. О судьбе Беларуси речь на нем не шла.

Политическая инициатива в Северо-Западном крае в это время принадлежала общероссийским партиям — в первую очередь эсерам и меньшевикам, преобладавшим в местных советах и комитетах порядка. Против беларуского национального движения единодушно

выступали все российские политики, начиная с бывших черносотенцев и кончая большевиками. Для того, чтобы скомпрометировать это движение в глазах крестьянства, они использовали тот факт, что Белнацком возглавлял крупный помещик — Р. Скирмунт.

В апреле состоялся І-й съезд крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний. На нем большевик Михаил Фрунзе сумел избежать рассмотрения беларуского вопроса. Он демагогически обвинил членов Белнацкома в намерении отделиться от России и отдать беларуских крестьян «в рабство польским помещикам». Более того, с подачи большевиков съезд осудил «за национализм» также и деятельность БСГ.

Провал наступления российской армии (16—30 июня по старому стилю, 29 июня — 13 июля по новому) на Юго-Западном фронте вызвал по всей стране взрыв недовольства Временным правительством. Деятельность большевиков активизировалась. Никто так громко, как они, не обещал измученному войной народу мир, право на землю, право на участие в управлении предприятиями, право на национальное самоопределение. Это было именно то, чего никак не могли дождаться граждане России от правительства в Петрограде.

Все же надежды в отношении Временного правительства сохранялись. Для его поддержки в Минске 15 июля 1917 года был создан Комитет революционных организаций из представителей Советов, Фронтового комитета, Комитета общественной безопасности, БСГ и других организаций.

Минские большевики создали в городе собственную организацию и начали выпуск газеты «Звезда», однако не смогли сколько-нибудь существенно распространить среди минчан антиправительственные взгляды. Позже (24 августа) городские власти закрыли эту газету за антиправительственную пропаганду.

«Полевение» громадовцев. Одновременно и БСГ под влиянием революционного романтизма склонилась влево. 4—6 июня она провела в Петрограде свой второй съезд, приняла на нем новую программу, объявившую целью партии «социализм в Беларуси». Программа предусматривала развитие беларуской культуры и автономию Беларуси (в составе РДР), со своим законодательным советом (радой), и с обеспечением равноправия всех наций. В БСГ в то время состояло до 5 тысяч человек, преимущественно крестьяне в шинелях.

«Собирание камней»

Второй съезд беларуских организаций. После сдвига «влево» БСГ попыталась отстранить от руководства беларуским движением либералов, которых представляла Беларуская партия народных социалистов (БПНС) во главе с Павлом Алексюком.

Возникшие споры обусловили созыв 8—12 июля в Минске Второго съезда представителей беларуских партий. С большим трудом делегатам удалось договориться между собой на платформе национального фронта. Они избрали вместо Белнацкома Центральную Раду (ЦР) беларуских организаций и партий. Правда, вскоре члены БПНС вышли из ее состава, а христианские демократы не были в нем представлены. В результате этот орган оказался под руководством левых сил. Таким образом, БСГ завевала лидерство ценой утраты единства беларуского национального движения.

В состав исполнительного комитета ЦР вошли Язеп Дыла, Полута Бодунова, Дмитрий Жилунович, Язеп Лёсик, Радослав Островский, Аркадий Смолич, Фабиан Шантырь и другие. К ЦР перешла от Белнацкома газета «Свободная Беларусь», выходившая в Минске с 28 мая под редакцией Я. Лёсика.

Деятельность Центральной Рады. Новая главная организация беларусов заявила о своем стремлении передать всю землю без выкупа трудовому народу. Центральная Рада представляла только те общественно-политические организации, которые признали необходимость автономии Беларуси, широкого использования родного языка, развития национальной культуры.

Круг деятельности ЦР несколько расширился по сравнению с Белнацкомом. Она наладила связи с беженцами, противодействовала вырубке беларуских лесов. Специально принятый ею «Устав белорусских национальных культурно-просветительских кружков в армии» предусматривал национальное воспитание беларусов-военнослужащих и участие их в защите завоеваний революции в России. Поэтому, когда в августе генерал Л.Г. Корнилов попытался осуществить государственный переворот в России, на защиту РДР дружно поднялись все беларуские силы.

Тем не менее, ЦР действовала преимущественно как национально-культурная организация. Она не смогла привлечь на свою сторону национальные меньшинства, не занималась созданием беларуских воинских формирований, мало внимания уделяла единству национальных сил и вообще вопросу о власти. Между тем, после провала корниловского путча Россия резко качнулась влево.

Беларуское движение в армии. Еще в мае Белнацком учредил Беларуский воинский союз. Тогда же появились первые полулегальные объединения беларусов в армии. К беларускому движению присоединились некоторые генералы: Константин Алексеевский, Киприан Кондратович, Пожарский. К осени в российской армии возникла целая сеть беларуских организаций — на территории Беларуси, России, Украины, Эстонии, Молдавии. Военнослужащие-беларусы находились под влиянием преимущественно эсеров и БСГ.

18-24 октября в Минске, с разрешения верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина, собрался съезд беларусов-военнослужащих Западного фронта. Приехали также представители беларуских организаций Балтийского флота, Румынского и Северного фронтов. Делегаты высказали готовность защищать беларуские земли и российскую демократию, приняли резолюцию о расширении сети беларуских военных организаций, избрали Центральную беларускую воинскую Раду (ЦБВР). Председателем ее исполкома стал Симон Рак-Михайловский, его помошниками — Язеп Мамонько и Константин Езовитов.

К этому моменту уже возникла необходимость в создании беларуских воинских частей. Российская армия разваливалась и не могла более зашишать Беларусь от немцев, а гражданское население от банд дезертиров. К тому же в Минской губернии уже начали хозяйничать польские военные части. Летом 1917 года, с согласия Временного правительства РДР и тогдашнего главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова, из поляков, служивших в российской армии, для борьбы против немцев был сформирован Польский корпус во главе с генералом Юзефом Довбур-Мусницким. Примерно половину солдат этого корпуса составили беларусы-католики.

Создание Великой беларуской рады. 15—24 октября, при участии представителей ЦБВР, состоялось заседание Центральной Рады беларуских партий и организаций, на котором этот орган был наделен полномочиями политического центра Беларуси и получил

Полута Бодунова (1885—1938), член руководства партии беларуских эсеров

Язеп Лёсик (1883—1940) видный беларуский политический деятель, языковед, писатель

название Великая Беларуская рада (ВБР). В состав ее исполкома вошли представители беларуских партий (БСГ, БПНС, ХДО). Председателем исполкома стал Вячеслав Адамович, его заместителями — поэт Алесь Гарун (Александр Прушинский) и агроном Аркадий Смолич.

14—25 октября в Минске прошел третий съезд БСГ. Он высказался за национализацию земли и передачу ее крестьянам (безземельным и малоземельным — бесплатно). В новый состав ЦК БСГ вошли Я. Дыла (председатель), А. Гарун, А. Смолич, П. Бодунова, Я. Воронко, С. Рак-Михайловский, Б. Тарашкевич и ряд других. Недовольство общедемократической программой Великой Беларуской Рады побудило членов БСГ к выходу из исполкома этой организации.

Главная преграда национальному возрождению

Захват большевиками власти в Беларуси. Первая Северо-Западная областная конференция партии большевиков, прошедшая в середине сентября, обсудила вопрос о свержении Временного правительства путем вооруженного восстания (решение о подготовке восстания принял VI съезд партии большевиков в Петрограде) и избрал Северо-Западный областной комитет партии под председательством прапорщика Александра Мясникова (Мясникяна).

Новый обком действовал в Виленской, Витебской, Минской, Могилевской губерниях, но главное — по всему Западному фронту. Большевики опирались в основном на нижние чины армии. Это дало им преимущество над беларускими национальными силами, так как на Западном фронте было очень мало солдат и унтер-офицеров из числа беларусов.

Успешный большевистский переворот в столице России (25 октября) не повлек за собой автоматический захват власти большевиками в беларуских землях. Их триумфального шествия, как об этом позже писали коммунисты, в действительности не было. Произошло иное — быстрый развал администрации Временного правительства. Но большевики были хорошо организованы и весьма активны. Уже 26 октября (8 ноября) Минский городской совет рабочих и солдатских депутатов, находившийся под контролем большевиков, объявил о роспуске городской думы, демократически избранной в августе, а вместо нее утвердил себя.

Борьба с большевиками. Против большевиков выступили представители органов власти Временного правительства и левоцентристские силы в Минске, Могилеве, Витебске, Орше. В Минске в противовес большевистскому Совету был создан революционно-демократический орган власти — Комитет спасения революции Западного

фронта. Демократы надеялись справиться со сторонниками Ленина так же, как это удалось сделать в июле с корниловцами.

Но бороться с большевиками оказалось намного труднее, чем с правыми, ибо они широко использовали социальную демагогию, пользовались поддержкой фронтовых воинских частей и люмпенизированного войной населения. Антибольшевистское сопротивление в Минске прекратилось 2 (15) ноября, когда на помощь Минскому совету рабочих и солдатских депутатов с Западного фронта прибыли воинские части, в том числе бронепоезд. Его командир, большевик Пролыгин, пробился в город посредством угроз расстреливать стрелочников и уничтожать железнодорожные станции.

Великая Беларуская Рада ограничилась изданием 27 октября (9 ноября) «Грамоты к беларускому народу», в которой оценила большевистский переворот как проявление анархии и призвала жителей западных губерний к объединению вокруг себя. Стала очевидной острая потребность в защите беларуского народа от большевистского экстремизма, кайзеровской армии и польских военных частей. Сложившиеся обстоятельства побуждали разбросанные по России национальные беларуские силы к консолилации.

Мирный этап национально-освободительного движения. Съезды беларуских военнослужащих прошли на Северном фронте (Витебск, 15–20 ноября), на Румынском фронте (Одесса, 3–8 декабря), на Юго-Западном фронте (Киев, 17–22 декабря). Все объединения военнослужащих-беларусов заявили о своем подчинении ЦБВР. Они приняли резолюции, адресованные большевистскому Совнар-

кому в Петрограде, с требованиями о провозглашении Беларуской демократической республики (в составе РСФСР), признании беларуского языка государственным в БДР, создании беларуской армии, возвращении в Беларусь ценностей, вывезенных за время войны, а также об ее восстановлении за счет государств, участвовавших в войне. Но петроградские большевики не обратили никакого внимания на эти резолюции.

А в Минске исполком ЦБВР во главе с генералом К. Кондратовичам медлил с формированием беларуских воинских подразделений, все ожидал распоряжений «сверху» — то ли от ленинского Совнаркома, то ли от Великой Беларуской Рады.

Александр Мясников (Мясникян, Мясникянц) (1886—1925)

Все гражданские организации беларусов группировались вокруг Великой Беларуской Рады. Именно она начала готовить Всебеларуский съезд. Таким образом, в Беларуси уже через месяц после свержения Временного правительства сформировались представительные политические организации беларуского народа (ВБР и ЦБВР), способные взять власть в крае. Однако действовали они нерешительно, чем и воспользовались большевики.

Советизация. В ноябре, окончательно победив Комитет спасения революции в Минске, большевики создали Военно-революционный комитет (ВРК) Северо-Западной области (Витебская и Могилевская губернии, плюс свободные от оккупации уезды Минской и Виленской губерний). Он стал высшим органом власти в Беларуси и на Западном фронте. Одной из первых мер новой власти явилось введение цензуры всех периодических изданий.

С 18 по 25 ноября (1—8 декабря) большевики провели в Минске сразу три съезда: областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, областной съезд крестьянских депутатов и фронтовой съезд солдатских комитетов Западного фронта. Все они под диктовку большевиков высказались за установление власти советов и одобрили создание единого Исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Северо-Западной области и фронта (Облискомзап).

При нем был создан исполнительный орган власти — Совет народных комиссаров. Ни одного представителя беларуского национального движения в Совнаркоме не было. В состав этого органа власти большевиков вошли люди (Александр Мясников, Вильгельм Кнорин, Карл Ландер), которые находились в здешних местах около года или чуть больше. Они отстаивали интересы своей партии, а не Беларуси, которая для них вообще не существовала. Большевистские лидеры рассматривали Беларусь в качестве разменной монеты на переговорах с немцами о перемирии, начавшихся 19 ноября (2 декабря) в Бресте.

Что показали выборы в Учредительное собрание. В ноябре повсеместно прошли выборы во Всероссийское учредительное собрание. Голосовали не только гражданские лица, но и военнослужащие. Беларуские национальные партии и организации получили на этих выборах ничтожный процент голосов (0,3). Большевики же набрали более половины, правда, только в войсках Западного фронта и в двух прифронтовых губерниях (Минской и Виленской), где населению важнее всего другого казался ленинский декрет о мире.

В Могилевской губернии большевики получили всего 23% голосов. Победили здесь эсеры, все больше отходившие от большевиков и склонявшиеся к сотрудничеству с местными национальными силами.

Всебеларуский съезд

Неизбежная инициатива. Великая Беларуская Рада признала, наконец, ленинский Совнарком в Петрограде, но отказалась признать легитимность Облискомзапа во главе с Мясниковым. Дело в том, что этот большевистский орган не рассматривал вопрос об автономии Беларуси, а потому местные патриоты вполне обоснованно заявили, что он представляет не беларуский народ, а российскую армию.

В середине ноября 1917 года ВБР и ЦБВР издали воззвание «Ко всему народу беларускому», призвав соотечественников взять управление краем в свои руки. Они объявили о созыве с этой целью в декабре в Минске съезда представителей беларуского народа.

Почти одновременно с такой же инициативой выступил в Петрограде Белорусский областной комитет при Всероссийском Совете крестьянских депутатов во главе с Е. Канчером. Этот комитет занимал просоветские позиции и пользовался поддержкой Совнаркома РСФСР.

Противодействие «областников». Комиссары Облискомзапа и ВРК делали все, чтобы не допустить созыва Всебеларуского съезда, так как боялись, что он лишит их власти. Отношения национальных и большевистских организаций в Минске приобрели враждебный характер. Обе стороны собирали силы. Президиум ЦВБР (С. Рак-Михайловский, Я. Мамонько, К. Езовитов, Т. Гриб, В. Захарко) начали создавать беларуские войска. Первыми национальными частями стали Беларуский минский полк и Беларуский конный полк в Орше.

В ответ большевистский Совнарком Северо-Западной области ввел в Минске с 30 ноября военное положение, а 2 (15) декабря запретил формирование беларуских воинских частей, хотя 23 ноября верховный главнокомандующий вооруженными силами РСФСР Н.В. Крыленко издал приказ о создании национальных воинских формирований — украинских, беларуских, латвийских и прочих.

Позиция большевистского правительства. Неожиданно для комиссаров Совнаркома Северо-Западной области глава Наркомата РСФСР по делам национальностей И.В. Сталин разрешил проведение Всебеларуского съезда и даже выделил для этого 50 тысяч рублей. Но, формально признав право беларуского народа на самоопределение, он одновременно выдвинул условие, что власть в Западной области должна принадлежать Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, то есть, все тем же большевикам. Была поставлена задача отстранить Великую Беларускую Раду от руководства беларуским движением и на Всебеларуском съезде легитимизировать захват большевиками власти в Беларуси.

Подготовительный период. В связи с подготовкой съезда в адрес Великой Беларуской Рады поступали наказы от беларусов-военнослужащих из всех углов России. Они поддерживали большевистские декреты о мире, о земле, о праве народов на самоопределение, но не признавали Облискомзап и считали, что до созыва Беларуского учредительного собрания власть в крае должна принадлежать ВБР либо ЦВБР.

Одетые в солдатские шинели крестьяне просили установить в Беларуси «власть того сермяжника, которого все национальности на протяжении нескольких веков осмеивали и оплевывали». Они предлагали вернуть на родину всех мобилизованных беларусов для формирования национальных полков. «Областникам» не осталось ничего иного, кроме как присоединиться к ВБР с целью подготовки Всебеларуского съезда.

7 (20) декабря «главный большевик» Беларуси Мясников огласил, наконец, приказ Крыленко от 23 ноября о формировании национальных частей. Но именно в тот день Украинская Центральная Рада (объединенный орган власти национальных партий) начала вооруженную борьбу против большевизированных советов, и создание беларуских воинских соединений снова оказалось под запретом. Это лишило депутатов Всебеларуского съезда прямой военной полдержки.

Отверытие съезда. Всебеларуский съезд начался в Минске 15 (28) декабря 1917 года. В нем участвовали 1872 представителя беларуского народа. Ни одной нации за период общероссийской смуты не удалось собрать столь представительного форума. Приехали посланцы со всей этнографической Беларуси, от всех фронтовых и тыловых организаций. В политическом плане большинство депутатов являлось эсерами и беспартийными. По социальному составу съезд был

преимущественно крестьянским.

Большевикам не удалось контролировать ход съезда. Уверенность его делегатам придало письменное заверение наркома по делам национальностей Сталина, что постановления съезда будут обязательными для Совнаркома РСФСР. Но в это же время Мясников инструктировал своих товарищей насчет того, как сделать съезд безрезультатным.

Разгон съезда большевиками. В ночь с 17 на 18 декабря делегаты приступили к рассмотрению вопроса о провозглашении беларуской республики. Увидев, что склонить съезд на свою сторону не удается, Совет народных комиссаров Северо-Западной области во главе с Карлом Ландером принял решение разогнать его. Около часа ночи 18 декабря подогретые водкой солдаты-большевики, которыми командовал военный комиссар минской губернии Николай Кривошеин, окружили здание, где проходил съезд, а через полчаса во-

рвались внутрь и пустили в ход приклады*. Делегаты возвели баррикады из мебели, и пока комиссары преодолевали их да приказывали делегатам съезда «расходиться», успели принять резолюцию о введении в пределах беларуских губерний республиканского строя, а также избрали свой орган власти — Всебеларускую Раду крестьянских, солдатских и рабочих депутатов — для управления краем вплоть до созыва Беларуского учредительного собрания.

Когда президиум съезда во главе с Иваном Середой был арестован, его место заняли новые делегаты во главе с Михаилом Гольманом. Они приняли резолюцию протеста против действий Совнаркома Северо-Западной области и о непризнании его власти. Впрочем, делегаты Всебеларуского съезда не собирались выступать против большевистской России (вполне удовлетворяясь автономией) и советскую власть как таковую не отвергали. Они всего лишь хотели ввести ее без диктата фронтовых комиссаров-большевиков.

Победители и побежденные. В связи с разгоном Всебеларуского съезда состоялись митинги протеста в Минске, Могилеве, Витебске, Орше, Полоцке, Игумене (Червене), а в Минске еще и забастовки на ряде предприятий, но всеобщего выступления против мясниковцев, к которому призвал Всебеларуский съезд, не произошло. Между тем, большевики считались только с силой, на митинги, резолюции и газетные статьи они не обращали никакого внимания.

Беларуские национальные деятели, в отличие от большевиков, не имели ни опыта политической борьбы, ни сильных партий. К тому же они хотели связать судьбу своей страны с Российской демократической республикой, которой уже не стало. Они предлагали федеративное устройство государства, несмотря на то, что в России установилась диктатура советов, не имевшая ничего общего ни с демократией, ни с федерализмом, а Украина провозгласила независимость. Национальные лидеры никак не могли решиться взять власть, наивно надеясь на подарок от большевиков, но в результате получили от них по шее.

Политическая неразбериха

Переход Рады на нелегальное положение. Избранная на Всебеларуском съезде Рада в составе 56 человек, во главе с Язепом Лёсиком, перешла на нелегальное положение. Она была законной преемницей власти в стране, принадлежавшей съезду представителей всего народа. Уже вечером 18 (31) декабря избежавшие ареста делегаты тайно собрались в железнодорожном депо под охраной рабочей дружины и утвердили за Радой роль исполнительного органа разогнан-

^{*} В 1936 году Н.Н. Кривошеин был казнен как «троцкист». — Прим. Ред.

ного съезда. Было решено подчинить этой Раде также и ЦВБР, а все другие демократические органы руководства распустить.

Из состава Рады был избран более узкий рабочий орган, Исполком Рады — 17 человек во главе с Я. Воронко. Ему поручили заняться беларусизацией советов на местах, а при первой возможности взять власть в свои руки.

Большевистский режим. В ночь с 19 на 20 декабря большевики совершили нападение на бывшую резиденцию губернатора, где находилось руководство Великой Беларуской Рады, Центральной Беларуской Воинской Рады и Беларуской Социалистической Громады. И снова солдаты были пьяны. Днем 20-го представители беларуских организаций переселились на улицу Полицейскую (дом № 2), а Мясников и Ландер устроили в Минске парад «революционных войск» в честь своей победы.

Большевики-мясниковцы стали хозяевами положения. До начала января они разогнали практически все городские думы, управы и земства в Северо-Западной области. Комиссары периодически совершали налеты на рынки, конфискуя у торговцев мыло, соль, табак, спички, муку. Не прекращались реквизиции продовольствия в деревнях. Беларуское подполье ничего не могло сделать. Большевики опирались на преданные им армейские подразделения, тогда

Симон Рак-Михайловский (1885—1938), деятель беларуского национального движения 1910—1930-х гг.

как крестьяне слабо поддерживали национальное движение.

Борьба за беларускую армию. Требовалась поддержка войск. Но декрет Н.В. Крыленко о формировании национальных войск на Западном фронте не исполнялся. Зато на Румынском фронте главнокомандующий генерал Щербаков создал благоприятные условия для этого. Уже 28 декабря, в ответ на разгон Всебеларуского съезда, фронтовые национальные деятели учредили Беларускую воинскую комиссию с целью формирования беларуских частей. Руководил этим процессом прибывший на фронт комиссар ЦБВР Павел Алексюк. В конце февраля 1918 года 100-тысячная беларуская армия готовилась к отправке на Родину.

Беларуские воинские подразделения организовались также в Одессе, Пскове, Витебске, Смоленске.

Подпольная деятельность в Минске концентрировалась вокруг ЦВБР, добившейся своей легализации под названием Белорусский совет солдатских депутатов. Солдаты-беларусы маленькими группами прибывали в город и вливались в 289-й пехотный полк. Россиян увольняли из него в запас. В каждой роте полка был учрежден беларуский комитет. То же самое происходило в минской караульной команде. Всей этой работой руководил поручик Константин Езовитов, возглавлявший исполком ЦБВР. Одновременно члены ЦВБР вели агитацию в окрестных деревнях. Агитаторами руководил С. Рак-Михайловский.

Первые претензии поляков на Беларусь. 12 января 1918 года Польский корпус Довбур-Мусницкого отказался подчиняться и Совнаркому РСФСР, и Совнаркому Западной области. Вскоре он установил свой контроль в Рогачеве, Жлобине, Бобруйске, на некоторых железнодорожных станциях. Мясников и его компания ничего не смогли противопоставить этому выступлению. Польские подразделения защищали имущество и жизнь помещиков, а также местных жителей-католиков, так как красноармейцы грабили поместья, нередко убивали раненых польских солдат и медицинских работников. Одновременно Польский корпус подавлял крестьянские выступления против помещиков.

В Минске работала Польская военная организация (ПОВ), а также находился нелегальный Верховный польский комитет, который руководил всеми польскими военными формированиями и организациями в России, в том числе корпусом Довбур-Мусницкого и Минской ПОВ. Отделения ПОВ подпольно действовали в Вильне и на оккупированной немцами территории Западной Беларуси.

Так в беларуских землях, наряду с большевистским центром власти, возник еще один — польский. Его поддержали местные помещики-католики. Возрождение беларуской государственности ничего хорошего им не обещало. Ведь беларуские социалисты уже заявили о своем намерении разделить помещичьи земли между крестьянами.

Подготовка беларуских деятелей к захвату власти. В январе 1918 года исполком Рады всебеларуского съезда предложил войти в его состав представителям от евреев и других национальных меньшинств. Активно работала ЦВБР. Ей помогали, рискуя жизнью, члены разных общественных организаций, а также сотрудники учреждений, подчинявшихся Совнаркому Западной области. Исполком ЦВБР ждал прибытия в Минск беларуских войск из Витебска, Киева и Одессы.

Но, когда почти все было подготовлено, чтобы отстранить большевиков от власти, беларуское руководство постигла неудача. В ночь с 26 на 27 января большевики совершили налет на штаб-

квартиру Белорусского совета солдатских депутатов (т.е. ЦВБР). Они арестовали шестерых руководителей исполкома, в том числе его председателя К. Езовитова, и запретили деятельность совета.

Сразу после разгрома ЦВБР его комиссары в Киеве, Одессе и Яссах вступили в переговоры с украинским и румынским правительствами о скорейшем проходе через их территорию беларуских полков, которые намеревались затем пробиваться к Минску.

14 февраля в Витебске произошла стычка сторонников Беларуской военной рады Северного фронта с большевистскими властями. Беларусы-военнослужащие возобладали над красногвардейцами, изгнали их вместе с комиссарами-большевиками из города. Все местные организации и профсоюзы поддержали Раду. Она взяла власть в свои руки и готовилась помочь Минску. А беларуский конный полк уже начал двигаться туда из Орши. Но 17 февраля большевизированный польский дивизион арестовал членов БВР Северного фронта, разоружил городскую караульную команду и вернул власть в Витебске большевистскому совету.

Бегство большевиков. 18 февраля 1918 года, после того, как делегация РСФСР сорвала переговоры в Бресте, немцы начали наступление по всей линии Западного и Северного фронтов. Большевистские комиссары вместе со своими сотрудниками уже 19 февраля эвакуировались в Смоленск. Всего этой публики набралось более ста человек, да еще было с ними около 200 охранников. Беглецы прихватили с собой все деньги из казны Совнаркома. Беларуские деятели пытались воспрепятствовать грабежу. Но комиссары угрожали, что откроют по городу огонь из пушек бронепоезда, если им помешают вывозить имущество. Они даже убили несколько железнодорожников, чтобы заставить работников железной дороги прицепить паровоз к пассажирским вагонам.

Тем временем немецкие войска спокойно занимали все новые и новые населенные пункты, нигде не встречая ни малейшего сопротивления.

2. Беларуская Народная Республика (март — ноябрь 1918 г.)

Условия возникновения БНР

Выход из подполья. В тот же день, 19 февраля, когда большевики бежали из Минска, освобожденные из тюрьмы руководители ЦВБР собрались, чтобы взять на себя обеспечение порядка и безопасности в городе. Комендантом Минска стал К. Езовитов. К концу дня 19 февраля беларуские силы контролировали все основные объекты Минска.

Но тут вмешались члены ПОВ и польские военнослужащие из корпуса Довбур-Мусницкого. Поздно вечером того же дня они попытались разоружить отряды беларуской комендатуры. Едва не произошло вооруженное столкновение, но все же удалось договориться о создании общей беларуско-польской комендатуры и разделе города на два сектора. Беларусы контролировали северо-западный (включая площадь Свободы), поляки — юго-восточный.

Провозглашение беларуской власти. Вышел из подполья и Исполком Рады Всебеларуского съезда. Исполняя волю съезда, он объявил себя высшей властью в Беларуси, избрал из своего состава первое беларуское правительство — Народный Секретариат во главе с Язепом Воронко, пообещал как можно скорее созвать Всебеларуское учредительное собрание. Все это было отмечено в Первой Уставной грамоте Всебеларуской Рады к народам Беларуси, опубликованной 21 февраля. Ее составители не упомянули прежний тезис об автономии Беларуси в составе России, но и объявить Беларусь независимым государством не решились.

В состав Народного Секретариата вошли члены ЦВБР Константин Езовитов, Ефим Белевич, Томаш Гриб, Петр Крачевский, Иван Середа. Возобновилась деятельность минской городской думы. Сотрудничать с новым правительством согласились деятели земств. Все имевшиеся в наличии беларуские вооруженные формирования вошли в состав Первого минского беларуского полка под командованием И. Радкевича. Начальником милиции стал известный театральный деятель Флориан Жданович.

Тем не менее, общая ситуация оставалась напряженной. И беларусы, и поляки ждали прихода немцев. Все же руководство ЦБВР не допустило захвата города польскими военнослужащими и обеспечило работу беларуских политических структур.

Второе наступление немцев. Но самостоятельной государственной деятельностью беларусы занимались всего неделю. Уже 25-го февраля в Минске утвердились немцы, первые отряды которых появились здесь еще днем 21 февраля. Установив свою власть в городе, они конфисковали кассу Народного Секретариата, сорвали с его здания бело-красно-белый флаг, прогнали служащих. Минский полк и милицию немцы разоружили.

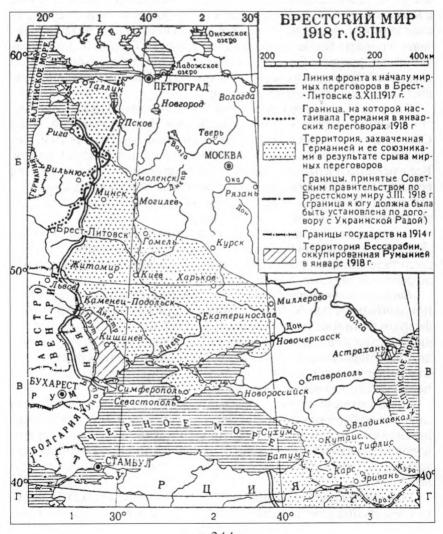
Новые хозяева не признали беларускую власть, так как считали западные губернии частью России. Не признали немцы и польских организаций, в том числе ПОВ. Но 28 февраля в результате переговоров немецкая военная администрация в Минске разрешила деятельность Народного Секретариата в качестве беларуского представительства.

Оккупанты продвинулись на восток до Днепра. Из всех беларуских земель под властью Совнаркома РСФСР остались только Смо-

ленская губерния, восточная часть Могилевской и Витебской губерний (шесть уездов полностью, девять — частично).

Брестский мир и его последствия для Беларуси. 3-го марта 1918 года в Бресте делегации РСФСР — с одной стороны, Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии — с другой, подписали трактат о мире. Беларусь в нем не упоминалась, мнение ее жителей никого не интересовало.

Несмотря на развал армии, Россия войну немцам, австрийцам и туркам не проиграла. Однако условия Брестского договора фактически означали ее капитуляцию.

Во-первых, Ленин и его комиссары отказались в пользу немцев от всех территорий, оккупированных ими до перемирия, заключенного 15 декабря 1917 года (т.е. от Латвии, Литвы и северо-западной Беларуси, включая Вильню, Гродно, Белосток, Волковыск, Лиду). Их дальнейшую судьбу должна была решить Германия. Во-вторых, они обязались уплатить контрибуцию в 6 миллиардов марок (золотом, зерном, скотом и другими товарами).

Большая часть Беларуси до Днепра и даже за Днепром, занятая немецкими войсками к моменту заключения мира, по условиям договора должна была оставаться под оккупацией вплоть до полной уплаты контрибуции, а затем — возвращена большевикам.

РСФСР признала независимость Украинской Народной Республики (всю территорию которой контролировали немецкие войска), а также ее права на Брестский, Пинский, Мозырский, Речицкий и Гомельский уезды Беларуси.

Беларуские лидеры сначала протестовали против узаконенной оккупации немцев. Но затем решили как-то договориться с новыми хозяевами. Ради этого Народный Секретариат составил специальный меморандум к оккупационным властям, содержавший обоснование необходимости беларуской государственности.

Однако по Брестскому договору немцы обязались не признавать на территории бывшей Российской империи никаких новых государств, провозглашенных после 3 марта. И все же старания Народного Секретариата не были напрасны. Официально не признанный, он получил возможность работать и хоть как-то спасать Беларусь, которую резали на куски.

Провозглашение БНР. 9 марта 1918 года Исполком Рады Всебеларуского съезда в ответ на Брестский мир, разделивший Беларусь между Россией и Германией, издал Вторую Уставную грамоту к народам Беларуси. В ней, наконец, было сказано об образовании Беларуской Народной Республики (БНР) в границах расселения и численного преобладания беларусов.

Законодательную власть получила Рада Всебеларуского съезда (председатель — Иван Середа), а исполнительную — Народный Секретариат (Александр Бурбис, Язеп Воронко, Константин Езовитов, Василий Захарко, Леонард Заяц, Петр Крачевский, Антон Овсяник, Иван Середа, Аркадий Смолич).

Окончательное решение вопроса о власти в Беларуси доверялось Всебеларускому учредительному сейму, избранному путем свободных всеобщих выборов. Грамота объявила социалистические принципы устроения государства, признала права национальных меньшинств, отвергла частную собственность на землю (с передачей ее в пользование тем, кто на ней работает), ввела 8-часовой рабочий день. То есть, она явилась конституционным актом.

По своему демократизму Вторая Уставная грамота превзошла конституцию РСФСР 1918 года. В БНР никто не был лишен права избирать и быть избранным. Она запрешала борьбу против религии. отвергала цензуру печати.

Немцы не имели никакого отношения к формированию государственных структур БНР. Члены Рады и правительства являлись избранниками беларуского народа (депутатами Всебеларуского съезда, состоявшегося в декабре 1917 года).

Объединение политических сил Минска и Вильни. Кроме Минска. важным политическим центр беларусов была Вильня. Сторонникам беларуского возрождения удалось собраться там 25-27 января 1918 года на конференцию и создать Виленскую Беларускую Раду. 18 февраля эта Рада объявила о разрыве всех связей с Россией.

Рада БНР в Минске кооптировала в свой состав 9 представителей Виленской беларуской Рады (в том числе Ивана и Антона Луцкевичей. Всеволода Ивановского). В Раду БНР вошли также представители земств, городских самоуправлений, национальных меньшинств (поляки, евреи, русские, украинцы, литовцы).

Провозглашение независимости БНР. 23 марта виленских членов Рады БНР пригласили в Минск на заседание Народного Секретариата. Обсуждался больной вопрос: где взять деньги. Ввиду того, что большевики, а затем немцы ограбили все кассы руководящих учреждений, было решено попросить ссуду у правительства Украинской Народной Республики (УНР).

Это решение Антон Луцкевич использовал как основание для следующего предложения: прежде, чем посылать делегацию в Киев. провозгласить независимость Беларуси. Он аргументировал это так: БНР формально является территорией России, ибо федеративную связь с ней, признанную Всебеларуским съездом, ни Первая, ни Вторая Уставные грамоты не расторгли. Поэтому правительство УНР, которое признано и Россией, и Германией, с юридической точки зрения не может одолжить деньги российской территории без разрешения Москвы. Кроме того, провозглашение независимости станет своего рода протестом против раздела Беларуси по условиям Брестского мира.

На очередном заседании Рады, начавшемся 24 марта в 20 часов, фракция БСГ внесла предложение о провозглашении независимости БНР. Сообщение о необходимости такого шага сделал руководитель фракции, фактически председатель БСГ, народный секретарь земледелия Аркадий Смолич. Обсуждение длилось десять часов. Только к шести часам утра следующего дня резолюция о независимости была принята.

Сторонники союза с РСФСР — представители земств, городов и Бунда — оказались в меньшинстве. Члены Объединенной еврейской социалистической партии и эсеры от голосования воздержались. Но даже вместе с оппозицией они составили менее половины членов Рады. В тот же день, 25 марта (после перерыва с 7 до 12 часов) началось постатейное обсуждение Третьей Уставной грамоты. Около трех часов дня она была утверждена.

Первое правительство БНР. Сидят (слева направо): Александр Бурбис, Иван Середа, Язеп Воронко, Василий Захарко. Стоят: Аркадий Смолич, Петр Крачевский, Константин Езовитов, Антон Овсяник, Леонард Заяц

Итак, с 25 марта 1918 года Беларуская Народная Республика была провозглашена независимым государством, а разделение страны, предусмотренное Брестским договором, — отвергнуто*. Согласно Третьей Уставной грамоте Рады БНР, в нее вошли Минская, Виленская, Витебская, Смоленская, Могилевская, Черниговская, Гродненская (с Белостоком) губернии, а также пограничные уезды ряда соседних губерний, где преобладало беларуское население.

st 25 марта 2008 года многие беларусы отмечали 90-летие Беларуской Народной Республики.

Вековая мечта беларуских борцов за независимость Отчизны начала сбываться. С акцией 25 марта уже не могли не считаться даже враги беларуской государственности.

Вынужденное двоевластие

Реорганизация Рады БНР. После провозглашения акта о независимости представители земств и городов (члены преимущественно русских и еврейских партий) вышли из Рады БНР, так как не хотели отказаться от идеи единой неделимой России. Немцы разогнали Раду БНР в тот же день, а в начале апреля запретили деятельность Народного секретариата.

В поисках выхода из создавшегося положения Рада БНР 12 апреля кооптировала в свой состав членов так называемого Беларуского народного представительства (в Минске), состоявшего из деятелей правоцентристских партий и организаций (БПНС, ХДО, Беларуский союз помещиков, Беларуский православный союз и др.).

Лидерами этого объединения были Роман Скирмунт, Александр Власов, Павел Алексюк, генерал Киприан Кондратович, ксёндз

Почтовая открытка, выпущенная в честь провозглашения независимости БНР

Винцент Годлевский, протоиерей Стефан Кульчицкий. Социалистическая окраска Рады сразу потускнела. Это успокоило немцев. Новые члены Рады выступали против национализации земли, настаивали на дальнейшем сближении с оккупантами.

Переговоры с Литвой. Руководство Виленской Рады, которое подчинялось правительству БНР, не исключало возможность государственного союза с Литвой, провозгласившей свою независимость еще 16 февраля.

На переговорах в Вильне с представителями Литовского Совета — Тарибы (23 апреля 1918) Антон Луцкевич, Доминик Семашко, ксёндз Адам Станкевич заявили, что политический идеал беларусов — возрождение Великого княжества

Литовского в виде федерации Литвы и Беларуси. Иными словами, они хотели подстраховаться. Литовско-Беларуское государственное сообщество в тех сложных условиях казалось более жизнеспособным. Сыграл свою роль и расчет на то, что Литовско-Беларуское государство скорее получит международное признание.

Но литовское руководство хотело подчинить себе Виленскую и Гродненскую губернии, а территориям с беларуским населением дать лишь автономию. Чтобы выжить между возродившейся Польшей и советской Россией, молодое литовское государство стремилось к максимально возможному территориальному расширению. Среди литовских политиков тоже имелись сторонники конфедерации Литвы и Беларуси, но преобладали сторонники «чистой Литвы». Они приглашали беларуских представителей в Тарибу. Беларуская делегация не приняла этого предложения, однако независимость Литвы признала.

Обретение правительством БНР реальной власти. Непризнанная Берлином Рада БНР достигла взаимопонимания с командующим 10-й оккупационной армией генералом Эрихом фон Фалькенхайном. Для начала он разрешил Раде создать аппарат местной власти. Постановление об этом было опубликовано уже 27 марта. А вскоре, 20 апреля, Рада разослала по губерниям, уездам, городам, волостям и деревням приказ о создании местных Рад (выборных органов власти) и принятии ими полномочий от оккупантов.

Выполнить этот приказ в условиях оккупации было сложно, но с 21 июня германское командование начало включать в состав своих уездных комендатур беларуских советников, назначаемых правительством БНР.

В компетенции Народного Секретариата БНР находились торговля, промышленность, просвещение, социальное обеспечение, дела беженцев и т.д. Но территория, на которую простиралась его юрисдикция, была ограничена. На западе она определялась линией первой немецкой оккупации, на юге — границами с УНР, на востоке — линией русско-германского фронта. Значительная часть восточной Беларуси находилась под контролем Польского корпуса Довбур-Мусницкого. Только к концу мая немцы разоружили польские части и подчинили себе весь район их дислокации. На беларуские земли севернее Кобрина и Пружан свои претензии высказывали деятели литовского государства.

Телеграмма кайзеру и раскол БСГ. 25 апреля, по инициативе Романа Скирмунта и его группы, Рада БНР отправила германскому кайзеру Вильгельму II телеграмму с благодарностью за «освобождение Беларуси от чужеземного угнетения» и с просьбой помочь в укреплении государственной независимости в форме союза БНР с гер-

манской империей. Накануне (23 апреля) Вильгельм II признал независимость Литвы и заявил о передаче ей Виленщины.

Но никакого результата беларусам телеграмма не дала. Берлин соблюдал условия Брестского трактата о мире. Зато эта телеграмма вызвала раскол БСГ, наиболее влиятельной партии в Раде БНР. Многие громадовцы восприняли ее как свидетельство «измены» своих членов в пользу «буржуазии и помещиков». Между тем, с точки зрения укрепления беларуской государственности, попытка опереться на немцев имела смысл.

Партийное разграничение. Вместо БСГ возникли новые партии: Беларуская партия социалистов-революционеров (БПСР, эсеры), Беларуская социал-демократическая партия (БСДП, эсдэки), Беларуская партия социалистов-федералистов (БПСФ, эсэфы).

Наиболее влиятельной среди них была партия эсеров (лидеры Т. Гриб, В. Ластовский, Я. Мамонько), работавшая в крестьянских массах и ориентировавшаяся на федеративный союз с Россией. Эсдэки (братья Луцкевичи, А. Гарун, Б. Тарашкевич, С. Рак-Михайловский, А. Смолич, Я. Лёсик) больше напоминали штаб без армии, ибо рабочих-беларусов было мало. Они ориентировались на поддержку социал-демократии стран Европы. Лидеров эсэфов (Я. Воронко, В. Захарко, П. Крачевский, А. Цвикевич) отличала от эсеров враждебность к большевикам.

Правее эсэфов стояли группа Скирмунта-Алексюка и Беларуское христианское объединение. Среди беларуских клерикалов выделялись ксендзы Винцент Годлевский (основатель партии), Александр Астрамович (известный также как поэт Андрей Зязюля), Фабиан Обрентович, Адам Станкевич, Константин Стапович (он же поэт Казимир Свояк).

Все эти партии имели своих представителей в Раде БНР, что создавало условия для фракционной борьбы и новых расколов.

Смена правительства. Телеграмма германскому императору вызвала кризис и в беларуском правительстве. В начале мая Народный Секретариат покинули А. Смолич, П. Бодунова, Т. Гриб, Л. Заяц. Премьер Я. Воронко подал в отставку. Социалисты ушли и из Рады БНР. В результате правоцентристы получили большинство в Раде и сформировали свое правительство во главе с Р. Скирмунтом. В его кабинет вошли П. Алексюк, К. Кондратович, Р. Островский.

Следующий политический кризис произошел в июне. Однако правым и левым на этот раз удалось договориться о создании коалиционного правительства, который возглавил Иван Середа. Председателем Рады БНР стал Я. Лёсик. Но противоречия сохранялись. Представленной в парламенте и правительстве БНР новой интеллигенции из крестьян, придерживавшейся народнической идеологии, трудно было договариваться с помещиками.

БНР на международной арене. Летом 1918 года правительство БНР, при посредничестве германского военного командования, попыталось убедить Совнарком РСФСР дать согласие на объединение с территорией БНР восточных районов Беларуси, занятых российскими войсками. С этой целью, а также в надежде на признание БНР, в Москву ездила специальная беларуская миссия, но народный комиссар иностранных дел РСФСР Георгий Чичерин даже не принял ее.

Зато БНР признали сначала Украина (УНР) и Литва, а затем Латвия, Эстония, Финляндия, Чехословакия. Консульства БНР открылись в России, Германии, Польше, Дании и Турции. Беларуские политические деятели делали все возможное, чтобы заявить международному сообществу о существовании беларуского национального государства.

Первый опыт государственной национальной политики

Символика и язык. Самоутверждению нации способствовал уже сам факт существования беларуского государства. Власти БНР выдавали своим гражданам беларуские паспорта, утвердили национальную символику в качестве государственной. Это герб «Погоня» и бело-красно-белый флаг.

Герб «Погоня», изображающий конного воина с мечом и щитом (на щите — шестиконечный крест), известен по ряду изображений с конца XIV века. В 1562 году его чеканили на монетах великого князя Литвы Сигизмунда II Августа, а Статут 1566 года зафиксировал «Погоню» в качестве государственного герба Великого княжества Литовского. Иными словами, к 1918 году его официальная история насчитывала уже 356 лет, а неофициальная — более 500.

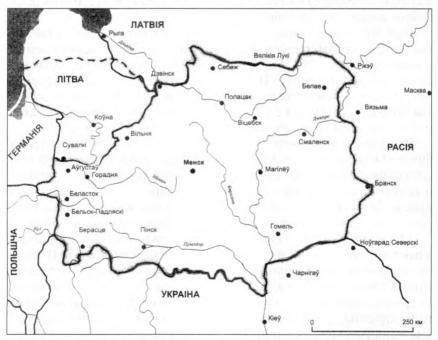
Что касается бело-красных цветов флага, то в Грюнвальдской битве (1410 г.) тридцать хоругвей ВКЛ из сорока участвовавших в сражении шли в бой со щитами, имевшими красные шестиконечные кресты на белом поле. Это древний символ Полоцка. Под белокрасно-белыми флагами в 1514 году воины князя Константина Острожского разгромили московских агрессоров в битве под Оршей.

12 апреля 1918 года Народный Секретариат объявил беларуский язык государственным и обязательным для всех граждан БНР. Усилиями Бронислава Тарашкевича, Язепа Лёсика, Антона Луцкевича, Янки Станкевича уточнялись его правописание и нормы грамматики, разрабатывалась беларуская терминология. В мае по инициативе Беларуской ученической громады появилось Общество беларуских сагайдаков (бойскаутов). Тогда же возникла юношеская организация «Беларуское студенческое утро».

Религиозный вопрос. Католики. Еще в начале 1917 года основанный в Минске Союз ксендзов-беларусов насчитывал около 200 человек. Уже тогда Беларуский национальный комитет начал борьбу за использование в костёлах беларуского языка. В 1918 году он звучал во многих храмах Беларуси.

Христианское демократическое объединение, под влиянием деятельности БНР и благодаря усилиям ксендза Годлевского, приняло новое название — Христианская демократическая слитность беларусов (ХДСБ), и включило в свою программу пункт о создании независимого беларуского государства. С 1 октября 1917 года в Минске действовала католическая семинария, готовившая священниковбеларусов. Ее ректором стал доктор философии Фабиан Обрентович. В ответ польский католический клир создал в июне 1918 года в Минске римско-католическую кафедру во главе с епископом Зигмунтом Лозинским.

Православные. В 1918 году в Беларуси появились первые православные приходы, где священники читали проповеди на беларуском языке. Андрей Корнилович, священник из Вилейского уезда, издал сборник проповедей на беларуском языке. Священник В. Романов издал в 1918 году в Минске переведенную на беларуский язык церковную книжку «Первые молитвы и познание православной веры».

Территория Беларуской Народной Республики (март 1918 г.)

Благосклонно относился к БНР православный архиепископ Минский и Туровский Георгий. Он сотрудничал с беларуским правительством в деле возвращения на родину эвакуированных священников и церковного имущества.

Особая нужда в православных священниках ощущалась в Виленском и Гродненском округах, где закрылись многие церкви. Если раньше только поляки считали «своими» всех католиков-беларусов, то теперь по их пути пошли и литовцы. Беларусы-католики вдруг превратились в «литовцев». Чтобы ослабить агрессию польского и литовского духовенства, правительство БНР добилось от немцев того, что летом в границах «старой оккупации» начали восстанавливаться православные приходы.

Образование. Академик Ефим Карский опекал средние школы, доктор наук Вацлав Ивановский — профессиональные, а кандидат филологии Бронислав Тарашкевич — народные начальные школы. При Народном Секретариате работало бюро по разработке школьных учебников, общество «Прасвета» занималось их изданием.

С 1 апреля 1918 года в Минске действовали курсы беларусоведения. С 1 сентября работали учительские курсы, в октябре был основан Беларуский учительский союз. Правительство БНР организовало сбор пожертвований на развитие просвещения.

В Минске уже в июле действовали около 20 беларуских начальных школ, открылся Беларуский педагогический институт. Его ректором стал В. Ивановский, преподавателями — Е. Карский, Б. Тарашкевич, В. Игнатовский. Стараниями профессора Журавлева была создана первая беларуская консерватория. Специальная комиссия во главе с профессором М. Довнар-Запольским готовила открытие Беларуского государственного университета. Предполагалось, что почти все профессора БГУ будут из числа беларусов. В Слуцке и Браславе открылись гимназии, в Свислочи — учительская семинария.

Культурно-просветительная деятельность. В 1918 году в БНР на беларуском языке выходили 6 газет и 3 журнала, работали 11 издательств, издавшие 35 книг на беларуском языке.

Активизировалась культурная жизнь. Ее центром в Минске стал Беларуский народный дом имени Максима Богдановича, открытый 19 мая. В тот же день на базе Общества драмы и комедии был основан Беларуский государственный театр. С августа культурно-просветительской деятельностью занимались общественные объединения «Отечество», Минское общество науки, литературы и искусства.

Председатель Народного Секретариата Я. Воронко заказал художнику С. Валенсевичу галерею портретов выдающихся беларуских писателей и ученых, а сам готовил к печати «Белую книгу Беларуси», излагавшую историю беларуского движения в 1917—18 гг.

В мае-июне 1918 года в Вильне прошла выставка беларуской культуры. Ее инициаторами выступили германские беларусоведы Энке и Брамер, беларуский ученый Иван Луцкевич. Готовилась выставка, посвященная Франтишеку Скорине.

Несбыточные надежды

Зависимость от оккупантов. Под контролем немцев беларуские лидеры занимались государственной деятельностью во всех областях жизни, кроме военной. Правительству БНР не позволялось иметь свою армию и милицию. Германское военное командование не допустило передислокации в Беларусь с Румынского фронта 100-тысячной беларуской армии.

Недовольство немцами подтолкнуло часть беларуских эсеров к развертыванию партизанской борьбы с оккупантами. С этою целью была создана специальная организация (Союз беларуского рабочего крестьянства), налажено сотрудничество с большевистским подпольем. Но, как это ни парадоксально, только под охраной 10-й оккупационной армии немцев беларусы и смогли спокойно заниматься государственным строительством.

Пересмотр оккупационной политики. Успешная деятельность администрации БНР впечатляла. Если сначала немцы терпели ее в основном чтобы избежать массового сопротивления оккупационному режиму, то уже через несколько месяцев стали рассматривать как один из существенных факторов в своих дипломатических планах. Независимое беларуское государство давало кайзеровской Германии возможность ликвидировать опасный российский клин (Беларусь как часть РСФСР), вбитый между новообразованными государствами — Украиной и Литвой.

Политики в Берлине стали рассматривать правительство БНР как резервное, которому при положительном для Германии исходе войны можно будет передать всю полноту власти в Беларуси. Однако ухудшение военного положения не позволило им осуществить эти планы. 27 августа 1918 года, как и было предусмотрено Брестским трактатом, после выплаты Россией большей части контрибуции, немцы начали эвакуацию своих войск с беларуских земель между Днепром и Березиной.

А 29 августа Совнарком РСФСР объявил об упразднении договоров царской России с Австро-Венгрией и Пруссией о разделах Речи Посполитой. Этот акт создал юридические основания для признания Польши, Литвы, Украины и Беларуси в качестве независимых государств. Но большевики лелеяли иные цели: они рассчитывали на поддержку народами бывшей Речи Посполитой идеи всемирной социалистической революции.

В поисках спасения. Международное положение БНР усложнялось. В связи с отходом немцев на запад ее лидеры искали возможности сохранения беларуской государственности. Одни члены правительства и депутаты Рады ориентировались на большевистскую Россию, другие — на буржуазную Польшу, третьи — на федеративный союз с Литвой, четвертые — на союз с Украиной. Газеты «Беларуский путь» и «Беларусь» выдвинули идею конфедерации Беларуси, Польши, Литвы, Латвии и Эстонии для противодействия «красной» России. На полную государственную самостоятельность рассчитывать не приходилось.

В октябре Народный Секретариат БНР переименовал себя в Совет народных министров. Возглавил его социал-демократ Антон Луцкевич. В этот новый, четвертый по счету кабинет, вошли и эсеры.

А. Луцкевич сделал попытку договориться с большевиками. С этой целью он поехал в Киев, и провел там переговоры с известным деятелем большевистской партии Христианом Раковским, а в начале ноября нанес визит в Москву, где встречался с Лениным.

Луцкевич соглашался на федеративный союз БНР с РСФСР, на введение в Беларуси советской конституции, настаивая только на признании Совнаркомом РСФСР суверенитета беларуской республики в форме внутреннего самоуправления (автономии). Но большевики в тот момент не видели смысла предоставить Беларуси даже автономию.

Не дали результатов и переговоры с А.И. Деникиным о признании БНР. Что касается Украинской народной республики, то она сама оказалась в столь же трудном положении.

Позиция немцев. В сентябре-октябре 1918 года немцы оставили Сенненский, Лепельский, Оршанский и Могилевский уезды, где немедленно была установлена власть администрации РСФСР. Революция в Германии и ее капитуляция на Западном фронте (11 ноября 1918 г.) ускорили эвакуацию германской армии.

Делегация Рады БНР напрасно просила в Берлине германское правительство официально передать ей власть в Беларуси при отступлении немецких войск. Столь же безрезультатными оказались переговоры представителей Рады с Солдатским советом 10-й немецкой армии, возникшим в связи с Ноябрьской революцией в Германии. Немцы до последнего противились формированию беларуских войск. Не воспользовались оккупанты и возможностью создать из воинских частей Польши, Литвы, Украины и Беларуси единый антибольшевистский фронт. А сами эти государства не смогли договориться между собой.

Надежды на независимую Литву. Единственным государством, которое согласилось поддерживать дальнейшие отношения с руководством БНР, оказалась Литва. Идею государственного союза

с Литвой сначала поддержали и клерикально-помещичьи круги Минской губернии. В руководстве БНР их представляло правительство Р. Скирмунта. С началом германского отступления (октябрь 1918) они направили делегацию во главе с графом Е. Чапским к начальнику штаба 10-й армии. Делегация передала ему меморандум, содержавший просьбу к кайзеру Вильгельму II о создании Литовско-Беларуского княжества под протекторатом Германии.

В ноябре 1918 года с литовским правительством начала сотрудничать Виленская беларуская Рада, которая делегировала в Тарибу Литовской Республики шесть своих представителей (А. Луцкевича, В. Ластовского, Д. Семашко, Я. Станкевича, В. Толочко, К. Фалькевича). Беларуский генерал К. Кондратович стал заместителем министра обороны Литвы. Началось формирование беларуских войск.

Бывший первый премьер БНР Язеп Воронко был приглашен в состав литовского правительства на должность министра по делам беларусов. Он согласился с идеей национально-культурной автономии Беларуси в рамках литовского государства — лишь бы избежать захвата Россией. Не только Воронко надеялся тогда, что министерство по делам беларусов создаст основу для федеративного союза двух народов. Беларуский национальный конгресс Гродненщины, заседавший 1—3 декабря, принял резолюцию о присоединении гродненской части БНР к Литве ради защиты от агрессии Польши. Большинство беларуских деятелей пошло на сотрудничество с литовцами в надежде сохранить беларускую государственность хотя бы в форме федерации Беларуси и Литвы.

Захват БНР российскими большевиками. Сразу после того, как в Германии произошла революция, ВЦИК РСФСР аннулировал Брестский мирный договор. Тем самым большевики восстановили юрисдикцию России на территориях, ранее переданных под германский контроль. Но Совнарком и ВЦИК РСФСР не признали БНР.

Уже 17 ноября Красная Армия начала вторжение на территорию БНР. Активизировалось большевистское подполье. 10 декабря красноармейцы захватили Минск, а 5 января 1919 года — Вильню. Таким образом, деятельность Беларуской Народной Республики продолжалась немногим более 7 месяцев, с 25 марта по 2 декабря.

Беларуские эсеры объявили Советскую Россию вторым после Германии оккупантом беларуской земли. Созданный их усилиями «Демократический краевой центр», в который вошли представители местных левоцентристских партий, пытался противостоять большевистской агрессии, но безрезультатно. Захват беларуской территории красными войсками и установление здесь советской власти сопровождалось арестами и расстрелами тех, кто активно выступал против большевиков и вообще «подозрительных».

Еще 3-го декабря 1918 года Рада и правительство БНР эвакуировались в Вильню. Тариба к тому времени установила контроль над всей Виленской губернией, поэтому нахождение в Вильне беларуского правительства, протестовавшего против этого, было нежелательным для литовского руководства. 27 декабря кабинет А. Луцкевича переехал в Гродно и находился там до апреля 1919 года, когда немецкие войска покинули город.

С приближением «красных» руководство Литвы в начале января 1919 года тоже уехало из Вильни в Ковно (Каунас). Министерство по делам беларусов попыталось закрепиться в Гродно, но в марте и ему пришлось уехать вслед за литовскими опекунами.

Часть беларуских деятелей БНР (в том числе В. Ивановский и Я. Лёсик) остались в Минске в надежде договориться с беларускими большевиками и под опекой Москвы создать вместе с ними коалиционное правительство. Однако впустую.

Почему БНР не защитила себя. Прежде всего, БНР не располагала боеспособной беларуской армией. Ее созданию препятствовали и Временное правительство РДР, и большевистский режим РСФСР, и немецкие оккупанты. Из-за малочисленности беларуской интеллигенции не хватало офицерских кадров. Мобилизованные на войну беларусы были разбросаны по фронтам далеко за пределами родной страны. Беларуское крестьянство, остававшееся почти безразличным к национальному движению, слабо поддерживало Народный секретариат и Раду БНР.

Не хватало финансовых средств. Их могли бы дать помещики, но они в своем большинстве связывали свои планы с возрождением Речи Посполитой. Их могли бы дать еврейские предприниматели, но они больше надеялись на Россию. Единство нации ослабляли противоречивые устремления национальных меньшинств — поляков, литовцев, украинцев, русских, евреев.

И все же беларуским патриотам удалось создать не просто свое правительство, а Беларускую Народную Республику, которая на много десятилетий осталась для беларусов образцом и символом национальной государственности.

3. Беларусь между большевизмом и национализмом

Путь к суверенитету «по-советски»

Деятельность беларуских коммунистов. Ленинский Совнарком имел дело с национально-культурным беларуским движением на территории России в среде беженцев и выходцев из Беларуси. Руководство им взял на себя Беларуский национальный комиссариат

(Белнацком), созданный большевиками в Петрограде 31 января 1918 года при Народном комиссариате по делам национальностей*.

«Комиссаром беларусов» стал Александр Червяков, его заместителем — Владислав Скоринка, секретарем — Дмитрий Жилунович. Инициатором создания Белнацкома выступила Беларуская социал-демократическая рабочая партия (БСДРП), учрежденная осенью 1917 года на базе петроградской организации БСГ. В апреле 1918 года она преобразовалась в беларускую секцию РКП(б) — Российской коммунистической партии (большевиков). Такие же секции возникали и в других городах России.

В марте 1918 года Белнацком переехал в Москву, где работал в течение года. В Петрограде, Витебске и Смоленске были созданы его отделы. В 1918 году в Петрограде работали высшие курсы беларусоведения, в Москве — Беларуский народный университет. Культурнопросветительские кружки беларусов действовали в Архангельске, Калуге, Орле, Оренбурге и других городах, практически везде, где жили беженцы из Беларуси.

В те города и уезды российских губерний, где жило много беженцев-беларусов, комиссариат посылал своих представителей. Аппарат Белнацкома весьма враждебно относился к БНР и призывал беларусов подчиниться большевикам. Его политические идеалы не простирались дальше идеи Беларуской автономной области в составе РСФСР.

Позиция большевиков и беженцев. Однако даже столь скромную программу не поддержали «областники» — руководители Западного обкома $PK\Pi(\mathfrak{G})$, удравшие из Минска в Смоленск в феврале 1918 года.

В апреле 1918 года Совнарком РСФСР объединил Смоленскую губернию и свободные от немцев уезды Могилевской и Витебской губерний в Западную область РСФСР.

В сентябре 1918 года делегаты III съезда советов этой области назвали ее Западной коммуной. Название «Беларуско-Литовская область», предложенное Белнацкомом, «областники» отвергли. Ставленники Москвы не открыли в Западной области ни одной беларуской школы, не издали ни одного беларуского учебника.

Общественность беларуских беженцев была настроена более решительно. Она высказывалась за советскую беларускую республику в составе России.

Что несла с собой советская власть. Жители Смоленской губернии, восточных уездов Могилевской и Витебской губерний еще в 1918 году сполна изведали, что такое советская власть. Чтобы платить Германии контрибуцию зерном и скотом, крестьян душили

^{*} Не путать этот комиссариат с Беларуским национальным комитетом.

продразвёрсткой. Для их ограбления создавались комитеты бедноты (у бедняков не было ни зерна, ни скотины) и специальные продотряды. Повсюду большевики закрывали и грабили церкви и монастыри.

Летом и осенью 1918 года в беларуских землях силой забрали в Красную Армию свыше 100 тысяч человек. Тех, кто отказывался,

расстреливали на месте.

С 5 сентября 1918 года на всей территории РСФСР была объявлена политика «красного террора». Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) и ее органы на местах получили неограниченные полномочия. Они топили в крови любые выступления против диктатуры большевиков. Все помещики и арендаторы сбежали. Но большевики вместо обещанного в 1917 году раздела помещичьих земель создавали на их основе совхозы или коммуны и препятствовали свободному хозяйствованию.

Выступление красноармейцев. 5 августа 1918 года вспыхнул бунт в дислоцированной в Орше Могилевской дивизии. Солдаты отказывались отправляться на Восточный фронт против Колчака. Гарнизонное собрание, созванное по инициативе эсеров, приняло резолюцию о ликвидации местного совета и замене его революционным комитетом. Карательная экспедиция из Витебска была отражена. Только на второй день бунт удалось подавить силами большевистских войск, прибывших из Витебска и Смоленска.

Не зная об этом, 2-й Смоленский полк оставил 8 августа свои позиции на демаркационной линии и направился в город Сенно, чтобы оттуда выйти на помощь повстанцам в Орше. После двух дней борьбы за Сенно с карательным отрядом большевиков и неудачной попытки перехода на территорию, занятую немцами, повстанцы Смоленского полка сдались.

Антисоветское движение. Крупное выступление крестьян против власти большевиков произошло в Велижском уезде Витебской губернии, населенном преимущественно беларусами. 10 ноября 1918 года в Велиже мобилизованные в Красную Армию молодые крестьяне отказались идти на фронт против Колчака и почти все покинули город. Тогда велижские большевики начали арестовывать тех, кто остался, а также горожан, участвовавших в демонстрации протеста. Многих арестованных они расстреляли. Напряжение нарастало. Через два дня гимназист Дмитрий Лайминг убил начальника местной ЧК Мусаева.

Узнав о зверствах большевиков, мобилизованные вместе со своими родственниками и знакомыми двинулись к городу, чтобы покончить с советской властью, мешавшей жить. Православные и староверы шли вместе. Священники благословляли людей на борьбу против безбожников. 18 ноября в бою под Велижем повстанцы с косами и вилами бросались на большевистские пулеметы. Бой длился целый день. Но победить не удалось.

Подобрав убитых и раненых, повстанцы рассыпались по лесам, чтобы вести борьбу дальше. В Велиж ворвался только конный отряд, наполовину состоявший из солдат и офицеров полка Станислава Булак-Балаховича, воевавшего тогда в составе армии Н.Н. Юденича. Но и они большей частью погибли при попытке освободить узников из тюрьмы. До Семичевского бора добрались около трех тысяч повстанцев. Остальных рассеяли большевистские отряды, уже научившиеся войне против народа*.

С 11 по 17 ноября 1918 года почти вся Витебская губерния была охвачена восстаниями. Более того, они разгорелись в Бельском и Порецком уездах Смоленской губернии и в Могилевской губернии. В Порецком уезде во главе повстанцев стояли трое братьев Жигаловых, сыновья местного священника, бывшие офицеры царской армии. Под их руководством повстанцы смогли захватить город Поречье и продержаться одни сутки. Повстанцы Вязьменской волости Полоцкого уезда 13 ноября захватили станцию Россоны.

Однако эти восстания были стихийными, неорганизованными. Определенную роль в них сыграли Витебский союз беларуского народа и Витебский союз православных приходов. Но если им удалось поднять людей на восстание, то умение руководить борьбой отсутствовало. Не было и общей цели. Одни боролись за независимую Беларусь, другие — за демократическую, но неделимую Россию. Тем не менее, все эти события показали, что «советская Белоруссия» изначально создавалась на крови народа.

Продненский форпост БНР. В середине февраля 1919 года Красная Армия закрепилась на линии Вильня — Лида — Слоним — река Щара — канал Огинского — Сарны. Западнее ее территорию контролировали литовцы, немцы, поляки, украинцы. Итак, значительная часть БНР оказалась под властью РСФСР.

Но по мере продвижения на запад большевики, неожиданно для себя, обнаруживали все большую популярность среди населения идеи беларуской государственности, которую оставила после себя БНР.

^{*} Вскоре, с 17 апреля 1919 года, согласно постановлению ЦК РКП(б) в 33 губерниях РСФСР были сформированы части особого назначения (ЧОН), состоявшие из коммунистов, комсомольцев и «наиболее сознательных рабочих». Они подчинялись высшему партийному руководству и не воевали на фронте, их главной задачей являлась «борьба с контрреволюцией», вспомогательной — охрана партийных органов. В 1925 году подразделения ЧОН были преобразованы в войска ГПУ (с 1934 года — НКВД). — Прим. Ред.

Кроме того, ее власть еще сохранилась на Гродненщине, которая, несмотря на противодействие поляков, вплоть до ухода немцев (апрель 1919 г.) являлась жизнедеятельной частью беларуской республики. Стараниями коменданта Гродно Николая Демидова здесь удалось создать беларуский пехотный полк, охранявший город. Функционировали беларуские культурные заведения («Беларуская хатка», «Лучина», «Отечество»), работали беларуские школы, выходили беларуские газеты, на зданиях висели бело-красно-белые флаги. В уездах действовали беларуские комиссары и уездные рады. Росли как грибы беларуские кружки, работал национальный театр.

Планы большевиков. Сначала в Москве планировали создать советскую Литву, включив в ее состав большинство беларуских земель, а остальные — в состав России. 23 декабря 1918 года Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) — постоянный высший орган власти РСФСР — принял решение о сохранении для беларусов всего лишь Западной коммуны. Однако уже 25 декабря из Москвы в Смоленск, где находилось руководство Западной коммуны и Западного обкома РКП)б) пришла телеграмма ЦК РКП(б) с разрешением сформировать беларуское советское правительство.

В первую очередь это было связано с возрождением Польши, политическое руководство которой поставило вопрос о возрождении Речи Посполитой в границах 1772 года. Большевики не были уверены в том, что они закрепятся в Литве. Поэтому фактор польской угрозы стал для них главным доводом в пользу создания беларуской советской республики — как буфера между Россией и Польшей.

Повлияла на решение ЦК и конференция беларуских секций $PK\Pi(\mathfrak{G})$, состоявшаяся в Москве 21-23 декабря. Большевики-беларусы потребовали создать БССР по образцу других советских национальных республик (УССР, Латвийской ССР и т.д.), а также в качестве альтернативы БНР.

Беларуский вопрос обсуждался в Наркомате по делам национальностей. Сталин предложил сохранить за центральным бюро беларуской компартии и правительством советской Беларуси те же «куцые» права, которыми обладали Западный обком партии и отделы Западной комуны. Он посоветовал Мясникову провести только некоторые изменения в организационной структуре. Вот такой «суверенитет» готовился для беларусов.

Смоленская конференция. Вооруженная указаниями Сталина, группа Мясникова провела 30-31 декабря 1918 года в Смоленске VI конференцию большевиков Западной области РСФСР, объявив ее, после открытия, I-м съездом КП(б)Б как части РКП(б). Мясников выступил с предложением о провозглашение Беларуской Советской Республики. Необходимость этого мероприятия он объяснил исключительно внешнеполитическими обстоятельствами, в первую

очередь угрозой со стороны Польши. Съезд принял предложение Мясникова о создании БССР.

Ее территория охватила Витебскую (без трех латгальских уездов), Смоленскую (без четырех восточных уездов), Могилевскую, Минскую и Гродненскую губернии, а также часть Ново-Александровского уезда Ковенской губернии, часть Свенцянского и Ошмянского уездов Виленской губернии, четыре уезда Черниговской губернии (Мглинский, Новозыбковский, Стародубский, Суражский), где преобладало беларуское население (только Вильню большевики решили отдать Литве).

Эта территория примерно совпадала с территорией расселения беларуского этноса, установленной еще до революции академиком Е. Карским.

Председателем Центрального бюро $K\Pi(\delta)$ Б съезд избрал Мясникова. От беларуских секций $PK\Pi(\delta)$ в бюро, состоявшее из 15 человек, вошли только двое беларусов.

На этом же съезде большевики сформировали правительство БССР. Его образовали две группы людей: во-первых, 10 представителей Западной коммуны и беларуских секций РКП (И. Рейнгольд, Р. Пикель, М. Калманович, С. Иванов и другие, евреи и русские во главе с армянином А. Мясниковым); во-вторых, сотрудники Белорусского национального комиссариата в Москве (Д. Жилунович, А. Червяков, Я. Дыла, В. Фальский, Д. Чернушевич и двое других). Председателем беларуского правительства стал Дмитрий Жилунович, более известный на своей родине как писатель Тишка Гартный.

Комиссары-беларусы потребовали исключить из состава правительства БССР Александра Мясникова, Моисея Калмановича и Ричарда Пикеля, на том основании, что они до последнего момента активно выступали против создания беларуского советского государства. Испуганный Мясников 1 января 1919 года направил Сталину телеграмму с жалобой. В ответ нарком национальностей категорически потребовал от Жилуновича и его сторонников подчиниться решению ЦК РКП(б).

Вот так горстка партийцев подменила Всебеларуское учредительное собрание и надолго определила судьбу целого народа.

Провозглашение БССР

Большевистский Манифест. В ночь с 1 на 2 января 1919 года Временное рабоче-крестьянское правительство, которое возглавил Д. Жилунович, приняло манифест о провозглашении БССР. Манифест повторил идею беларуской государственности, уже провозглашенную во Второй Уставной грамоте БНР. Он, как и грамота, декларировал социальные права трудящихся, но умалчивал о демократи-

ческих правах и свободах личности, ибо они противоречили самой сути диктатуры большевиков. Это было единственное «новшество», предложенное ставленниками Москвы жителям Беларуси по сравнению с правительством БНР. Тем не менее, деятелей БНР манифест характеризовал как «врагов трудового народа».

Манифест был написан на русском языке. Местом его издания был указан Минск, хотя съезд происходил в Смоленске. На такие мелочи большевики не обращали внимания. Им срочно понадобилось создать марионеточное беларуское государство. 5 января 1919 года руководители БССР переехали из Смоленска в Минск.

Первый опыт беларуской «суверенности». Потребовалось немного времени, чтобы понять, что государственность Беларуси была для большевистского руководства России всего лишь дипломатическим маневром.

Так, поднятый некоторыми беларускими коммунистами вопрос об ассигновании средств для издания газеты на беларуском языке был отклонен на том основании, что народные массы почти не умеют читать по-беларуски. Большевистская газета «Звезда» выходила в Минске на русском языке. Все беларуские учебные заведения, созданные при БНР, были закрыты.

Не успел еще мир понять, где же находится БССР, как 16 января ЦК РКП(б) приказал исключить из ее состава Смоленскую, Могилевскую и Витебскую губернии, и присоединить их к РСФСР, якобы в связи с изменением «внешних обстоятельств». В ответ на такое решение Язеп Дыла, Всеволод Фальский и Фабиан Шантырь вышли из состава правительства БССР.

Еще через несколько дней вызванные в Москву руководители беларуской компартии узнали от Ленина о плане объединения БССР с Литовской ССР, созданием которой большевики «осчастливили» литовцев на две недели раньше беларусов — 16 декабря 1918 года.

Антибеларуский съезд советов. Совнарком РСФСР официально признал БССР только через месяц после ее провозглашения. Это не случайно. Дело именно в том, что сначала большевикам надо было провести партийное решение о территориальном ограблении Беларуси за счет трех указанных губерний — Смоленской, Витебской и Могилевской.

Правда, через пять лет РСФСР вернула беларусам часть захваченного, но оставила себе Смоленскую область, несмотря на то, что по данным переписи 1913 года она считалась этнически беларуской. Можно перерыть все учебники истории КПСС и «научного коммунизма» (были когда-то такие предметы в советских ВУЗах), но нигде мы не найдем ответа на вопрос: почему при оккупации БНР и создании БССР понадобилось передавать России Витебскую, Могилевскую и Смоленскую губернии. Разве цель коммунистического

движения состояла в том, чтобы приращивать Россию чужими территориями?!

Здесь отчетливо видна жадная рука Ленина. Он явно опасался, что оккупация Красной Армией Прибалтики, Беларуси, Украины, Кавказа — дело временное. А вдруг завтра те же беларусы выгонят эту армию, свергнут марионеточное правительство БССР, созданное штыками оккупантов, и возродят свою БНР? На фоне таких страхов, имевших в то время реальные основания, Ленин поспешил урвать кусок побольше — почти половину БНР.

Только после этого (2—3 февраля 1919 г.) в Минске собрался Всебеларуский съезд советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Чтобы исключить любые неожиданности, делегатов не избирали, их назначили соответствующие инстанции. Съезд избрал ЦИК БССР в составе 50 человек и Президиум, которому были приданы функции правительства, провозгласил федеративный союз с РСФСР, принял конституцию, являвшуюся копией российской.

Делегаты съезда не забыли снова объявить вне закона Раду БНР. Это делалось для того, чтобы исключить возможность кооптации в новые органы власти деятелей БНР.

Новым большевистским премьером Беларуси вместо Д. Жилуновича стал А. Мясников. Он сформировал кабинет (президиум ЦИК) из своих верных «областников».

Фактически ЦИК БССР и его Президиум играли роль временной оккупационной администрации РСФСР. Об этом свидетельствуют факты. Во-первых, съезд беспрекословно согласился с отторжением трех беларуских губерний. Во-вторых, в этих органах не было беларусов. В-третьих, они согласились со слиянием БССР и Литовской ССР — якобы ради усиления возможностей обороны от польского наступления. Но в действительности Лит-Бел должна была стать плацдармом для агрессии против поляков. Ведь «товарищ Ленин» заявил, что «мировая революция начнется с Польши»!

.0

Кстати говоря, в 1920 году нарком ССРБ по делам финансов Исаак Рейнгольд (1897—1936) и член ЦИК Лит-Бел Ричард Пикель (1896—1936) направили в ЦК КП Литвы и Белоруссии тезисы «К вопросу о создании Белорусской Советской Республики». В этом документе они отказывали беларускому народу в праве на самоопределение и создание своего национального государства. Провозглашение БССР в январе 1919 года они объяснили следующим образом:

«В период реоккупации 1918 года создание Белорусской Советской республики оправдывалось в первую очередь необходимостью иметь буферное государство между Советской Россией и белогвар-

дейской Польшей на предмет обеспечения Советской России от внезапного удара со стороны белой Польши.

Мотивы этнографического, экономического и культурного характера играли при создании Советской Республики Белоруссии привходящую роль. Присоединение к РСФСР Витебской и Могилевской губерний от Советской Республики Белоруссии и Первый Всебелорусский съезд Советов в Минске нагляднее всего проиллюстрировали, насколько соображения экономического, этнографического и культурного характера не играли никакой роли при создании Советской Республики Белоруссии...

Белорусы — не особая национальность или народность. Их язык, религия, культура ничем не отличается от великорусской. Белорусский национализм — чисто интеллигентское мещанское движение (и то незначительная часть), не имеющее никакой опоры среди трудящихся масс. Экономическое благосостояние исключительно зависит от Советской России и экономическое обособление последней было бы для нее гибельно»...

Лит-Бел. Объединение произошло уже 27 февраля 1919 года, в соответствии с постановлениями ЦИК обеих марионеточных республик. В Литовско-Белорусскую ССР со столицей в Вильне вошли восточная часть Виленской, Гродненская и Минская губернии, населенные преимущественно беларусами. Но все беларуское в этой «республике» считалось «контрреволюционным», ибо напоминало о БНР, и было запрещено. Газеты, плакаты, брошюры, книги издавались только на русском, польском и литовском языках. В армии (17450 человек на 1 апреля) преобладали «интерационалисты»: русские, латыши, евреи, немцы, чехи и китайцы. В Совнаркоме Лит-Бел не было ни одного беларуса. Не было в нем и литовцев, кроме председателя, Викентия Мицкевича-Капсукаса (1880—1935).

В Лит-Бел началась национализация промышленности, банков, железных дорог, была введена всеобщая трудовая повинность, церковь отделена от государства, уничтожены сословия и титулы и др. На территории Лит-Бел почти все крестьянство, кроме бедноты, лишилось даже фиктивного права выборов в советы. В городах избирать в советы могли только рабочие и ремесленники. При решении аграрного вопроса был взят курс на ускоренное создание коллективных хозяйств вместо раздачи крестьянам помещичьих земель.

Как уже сказано, единственное предназначение Лит-Бел заключалось в том, чтобы служить плацдармом для войны с Польшей.

Международная ситуация

Представительство БНР на Парижской мирной конференции. 18 января 1919 года в Версальском дворце под Парижем началась международная конференция по выработке условий мира с Герма-

нией и ее союзниками. Руководство БНР ожидало от этой встречи международных лидеров справедливого решения будущего своего Отечества, ведь именно в начале 1919 года разразилась советско-польская война за Беларусь и Украину.

В Париж на деньги, одолженные правительством Украинской Народной Республики, отправился председатель правительства БНР, он же министр иностранных дел Антон Луцкевич. Специально для участников Парижской конференции Луцкевич подготовил меморандум с кратким изложением истории Беларуси. К меморандуму прилагалась карта БНР. Свои надежды беларусы связывали в первую очередь с президентом США Вудро Вильсоном. Еще в начале 1918 года он предложил программу обустройства послевоенной Европы, предусматривавшую возможность создания на руинах трех бывших империй (Австрийской, Российской, Турецкой) новых свободных государств.

«Русский вопрос» в Версале. Представители Беларуси, Украины, Эстонии, Латвии, Литвы, Азербайджана требовали от стран Антанты признания своей независимости и помощи в борьбе против большевиков. В противовес им представители белого движения утверждали, что национальное движение столь же опасно для России, как и большевистское. Они соглашались признать право нерусских народов только на культурную автономию в «новой России».

Главы великих держав решили в Версале поддержать правительство адмирала А.В. Колчака, находившееся в Омске. В борьбе против большевиков им было удобнее опираться на всероссийского диктатора, чем на ряд национальных государств, которые, к тому же, спорили между собой о принадлежности территорий.

Версальская конференция объявила правительство Колчака правопреемником Временного правительства РДР, а национальные государства, возникшие на территории бывшей Российской империи, она признала только фактически, но не юридически. Колчак пообещал этим новым государствам автономию. Делегации Азербайджана, Беларуси, Грузии, Латвии, Украины, Эстонии и Северного Кавказа не согласились с таким решением конференции и 18 июня заявили в Версале коллективный протест.

28 июня 1919 года представители Германии подписали Версальский мирный договор. С этого момента Брестский договор 1918 года утратил силу. Парижская конференция завершила свою работу в январе 1920 года. Ее решения способствовали сохранению Российской империи. Однако, вопреки надеждам лидеров Антанты, она стала большевистской.

Польская оккупация Беларуси в 1919-1920 гг.

Между двумя огнями. Польское государство возродилось в ноябре 1918 года после капитуляции Германии. А уже 5 февраля 1919 года его руководство заключило в Белостоке соглашение с командованием германских войск о замене в губерниях Западной Беларуси немецкой власти на польскую власть. После этого подразделения спешно формировавшегося Войска Польского начали продвигаться в восточном направлении.

Поляки наконец-то смогли заняться реализацией плана возрождения Речи Посполитой. Используя любимое выражение коммунистической пропаганды, можно сказать, что они хотели восстановить «историческую справедливость». Однако в Санкт-Петербурге и Москве всегда, что в XIX веке, что в XXI, право на такую справедливость признавали только за Россией.

Великие державы, в первую очередь Франция, потакали политическим амбициям Польши в надежде на то, что эта страна сможет противостоять агрессивным устремлениям большевиков, пытавшихся экспортировать революцию в страны Европы.

Беларусь была нужна не только Польше, но и России — в качестве «коридора» на Запад. В марте 1919 года в Петрограде состоялся первый конгресс Коминтерна, провозгласивший программу борьбы за Всемирную Республику Советов. Через Беларусь пролегал самый короткий путь Красной Армии к Варшаве и Берлину.

Слабость большевиков в БССР. 9 февраля 1919 года польские войска вошли в Брест, 13 февраля в Волковыск. Первые боевые столкновения между польскими и красными войсками произошли 14 февраля 1919 года возле Березы Картузской. По сути дела, они знаменовали начало необъявленной Первой советско-польской войны.

К середине марта поляки заняли Слоним, Барановичи, Пинск. Польские подразделения продвигались на восток по всему фронту, почти не встречая серьезного сопротивления со стороны Красной Армии. Во-первых, ее главные и лучшие силы воевали с Колчаком. Во-вторых, положение большевиков в Беларуси было непрочным.

Так, в марте 1919 года им с большим трудом удалось подавить в Гомеле и Речице восстание голодных красноармейцев из Курской и Брянской губерний. Восстанием руководили бывший полковник М. Стрекопытов и Полесский повстанческий комитет эсеров. Повстанцы выдвинули лозунг Российской Республики без большевиков, но игнорировали беларускую специфику, поэтому местные крестьяне их не поддержали.

Весной и летом 1919 года крестьянские выступления против большевиков произошли в Несвиже, (город был свободен от большевиков с 14 по 19 марта); в местечке Мир (в апреле повстанцы

удерживали его 4 дня); в Борисове (в связи с насильственной мобилизацией в армию); в селе Доброе Мстиславльского уезда; в окрестностях городов Полоцк, Рогачев, Слуцк, Старобин. Крестьяне отвергали власть, грабившую их продразвёрсткой, да еще заставлявшую защищать ее с оружием в руках. Потерпев неудачу, повстанцы уходили в леса.

Прорыв поляков к Днепру. Благодаря всем указанным факторам, наступление поляков в Беларуси развивалось весьма успешно. 19 апреля 1919 года польские воинские соединения (в том числе две беларуско-польские дивизии) заняли Вильню. Правительству Лит-Бел пришлось срочно переехать в Минск. Вскоре (28 апреля) поляки вошли в Гродно и ликвидировали там власть правительства БНР.

Готовя дальнейшее наступление в Минскую, Витебскую и Могилевскую губернии, Пилсудский заявил жителям беларуских губерний, что польский меч несет им свободу от большевиков и нормальную экономику. Этот лозунг обеспечил благосклонную встречу польских войск в беларуских землях. Более того, был создан ряд повстанческих отрядов, действовавших в большевистском тылу по заданиям польского командования. Но в ряде случаев беларуские партизаны оказывали сопротивление польским оккупантам уже в первые месяцы их господства (например, в районе Слуцка).

8 августа в Минск вошли части польского генерала Станислава Шептицкого. Польская армия продвинулась до реки Березины (на линию Любань — Борисов — Полоцк — Двинск). Здесь линия фронта стабилизировалась до весны 1920 года. Первая польско-советская война к сентябрю фактически завершилась, хотя перемирие стороны не заключили.

Литовско-Белорусская ССР тоже фактически прекратила свое существование, несмотря на отсутствие официального заявления о самоликвидации. Ее руководство перебралось в Смоленск, где находилось при штабе Западного фронта.

С этого момента Совнарком РСФСР «забыл» о провозглашении БССР. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные штампы и печати ревкомов (органов советской власти), подготовленные весной 1920 года штабом Западного фронта в Смоленске. Например: «Борисовский ревком Минской губернии РСФСР», «Новогрудский ревком Минской губернии РСФСР» и т.д.

Надежды на Пилсудского. В Беларуси сначала многие надеялись на Пилсудского. Беларуские деятели знали, что он родился на Виленщине, умел говорить по-беларуски, принимал в свою армию местных крестьян и не запрещал им пользоваться родным языком.

12—14 июня 1919 года, с разрешения оккупационных властей, работал съезд беларуских делегатов Виленщины и Гродненщины. В резолюции, обращенной к участникам Версальской мирной кон-

ференции, делегаты заявили о своем желании видеть Беларусь единой. Съезд осудил намерение Колчака воссоздать Российскую империю, поддержал идею создания федеративного литовско-беларуского государства и беларуской народной армии. Избранную делегатами Центральную Беларускую Раду Виленщины и Гродненщины возглавил эсер Клавдий Дуж-Душевский. Потом его сменил Бронислав Тарашкевич, ориентировавшийся на поляков. Он не исключал возможность создания польско-беларуской федерации. Об этом шла речь при встрече делегации Рады с Пилсудским 20 июня.

А на Версальской конференции во время переговоров Антона Луцкевича с польским премьером Игнатием Падеревским дело дошло до выработки 1 июля 1919 года проекта договора между правительствами БНР и Польши, предусматривавшего создание беларуского государства в союзе с Польшей. Но этот проект не получил широкой полдержки среди польского руководства.

Когда польские войска заняли Минск, Пилсудский 19 сентября 1919 года выступил перед представителями минчан с речью на беларуском языке. Он прямо заявил о необходимости государственности для беларусов. После этого в Минске был создан представительный орган беларуских организаций — Временный беларуский национальный комитет (ВБНК) во главе с Алесем Гаруном. Его за-

местителем стал Всеволод Игнатовский. Комитет поддержал идею конфедерации Беларуси с Польшей, но домогался от польского правительства предварительного признания независимости БНР.

В польской столице 22 октября 1919 года Пилсудский принял Луцкевича, приехавшего 1 сентября в Варшаву с Версальской конференции. Ему руководитель польского государства пообещал лишь содействовать в создании беларуских воинских частей и в организации культурной деятельности.

Сопротивление или сотрудничество? В Минск отовсюду ехали деятели БНР, которые включались в культурно-просветительскую работу. 10 ноября возобновила свою деятельность Рада БНР. Но на первом же ее заседании беларуские эсеры не поддержали предложение соглашателей послать

Всеволод Игнатовский (1881—1931), историк, политический и общественный деятель, первый президент Академии Наук БССР

приветствие Пилсудскому. Это обеспокоило поляков. 20 ноября Пилсудский вызвал к себе Луцкевича и предложил изменить статус Рады БНР с «государственной» на «национальную». Луцкевич дипломатично согласился, после чего получил разрешение созвать 12 декабря ее сессию.

Среди радовцев образовались две группировки. Большинство (эсеры и социалисты-федералисты) считали, что сотрудничать с оккупантами нет никакого смысла. Они уже вели партизанскую борьбу против поляков. На ноябрьской (1919 г.) конференции партии эсеров было решено бороться на два фронта: против польских властей и против сторонников деникинской «неделимой России». С российскими большевиками эсеровские лидеры надеялись договориться о создании независимой Беларуской социалистической республики.

Меньшинство (правоцентристы, часть социал-демократов) утверждало, что есть надежда увидеть поворот польской политики по отношению к беларусам в лучшую сторону. Они рассчитывали с помощью Польши поднять культурный уровень и национальное самосознание народа, чтобы таким образом обеспечить условия для подлинной независимости Беларуси.

На такой почве уже 13 декабря Рада раскололась. Антипольская фракция (50 человек) образовала Народную Раду БНР (во главе с федералистом Петром Крачевским) и свой кабинет министров во главе с эсером Вацлавом Ластовским. А те, кто надеялись на поддержку поляков (37 человек), создали Наивысшую Раду БНР (во главе с Иваном Середой) и свое правительство во главе с социал-демократом А. Луцкевичем. Правда, Луцкевич находился в это время в Варшаве. Раскол Рады БНР сильно ослабил беларуское национальное движение.

Оккупационный режим. Власть на оккупированных беларуских территориях осуществлял Генеральный комиссариат восточных земель, созданный поляками при штабе Литовско-Беларуского фронта. Его возглавлял Ежи Осмоловский, бывший офицер корпуса генерала Довбур-Мусницкого. Новые хозяева прежде всего разогнали крестьянские советы (местные органы самоуправления), возникшие в конце 1918 года под немецкой оккупацией и защищавшие беларуские деревни от грабежа со стороны польских армейских подразделений.

Восточнее Белостока поляки учредили четыре округа — Виленский, Брестский, Волынский и Минский, а их, в свою очередь, разделили на уезды во главе со старостами. Гражданская оккупационная администрация полностью подчинялась военному командованию и самостоятельного значения практически не имела. Польские солдаты отбирали у крестьян то, что не успели отобрать предыдущие

оккупанты. Они также грабили еврейских торговцев. Минск целый год оставался во власти поляков.

В августе 1919 года был издан приказ о возвращении бывшим владельцам всей недвижимости, отчужденной большевиками. Помещики, получив власть в городах и на местах, стремились отомстить крестьянам за «самовольство». Но в первую очередь поляки расправлялись с коммунистами.

20 августа 1919 года был опубликован приказ о языках. Беларуский язык «дозволялся» в повседневном обиходе, но государственным считался польский язык. Началась полонизация. Беларуские школы могли работать только в Минском округе. Всеволоду Ивановскому удалось снова открыть Беларуский педагогический институт в Минске. Но на Гродненщине и Виленщине беларуские школы закрывались, православные храмы передавались католикам.

Польская стратегия. Идея польских политиков была такова: «На востоке надо проглотить столько, сколько можно ассимилировать за одно поколение».

Восточную Беларусь они считали разменной монетой, которую можно отдать большевикам в обмен на их отказ от Беларуси западной. Соответственно, западные беларуские земли оккупанты полонизировали, а восточные грабили, вывозя оттуда все, что удавалось.

Практическая деятельность оккупационной администрации отвечала плану польского национального демократа (эндека) Романа Дмовского, требовавшего полной инкорпорации западнобеларуских земель. Эндеки были уверены в том, что беларусы неспособны к государственному суверенитету. Факт существования БНР они отбрасывали.

Польские шовинисты не желали слышать ни о какой Беларуси, для них существовали только «крэсы всходние» (восточные окраины) и «крэсовяки» (жители окраин, туземцы). Ничего хорошего население от поляков не дождалось: лишь реквизиции, издевательства, аресты, расстрелы, демонстрация превосходства «европейцев» над полудикими «туземцами». Не удивительно, что польская оккупация очень скоро вызвала массовое сопротивление беларуского народа и создала благоприятные условия для успеха большевистской пропаганды.

Деятельность пропольской партии. Антон Луцкевич быстро понял, что польские власти не поддержат беларускую государственность. В феврале 1920 года на приеме в Вильне Пилсудский признал, что не хочет делать никаких политических уступок в пользу «беларуской фикции». После этого Луцкевич ушел в отставку (28 февраля 1920 г.).

Его преемником стал Аркадий Смолич. В группу пропольской ориентации входили также Я. Лёсик, С. Рак-Михайловский, В. Ива-

новский, ксёндз А. Станкевич. Попытки активизировать беларускую культурную жизнь в Минске не имели успеха. Помещики настаивали на инкорпорации Беларуси в состав Польши, а среди беларуских эсеров враждебность к Польше только возрастала.

Созданная в августе 1919 года в Вильне Беларуская военная комиссия (БВК) из 10 человек была официально признана Варшавой только 22 октября. В ноябре она переехала в Минск и под руководством П. Алексюка пыталась развернуть деятельность. В состав БВК входили А. Гарун, С. Рак-Михайловский, Ф. Кушель. Но им не удалось создать ни одного воинского соединения, которое бы приняло участие в военных действиях.

Во-первых, всячески мешало польское военное командование. Во-вторых, не способствовал успеху принцип комплектования войск из добровольцев. Позже, при наступлении Красной Армии, БВК и подчиненные ей подразделения перебрались в Лодзь, а затем по приказу польских властей прекратили свою деятельность.

В мае 1920 года Наивысшая Рада предложила заключить государственный союз Польши с Беларусью по образцу бывшей Речи Посполитой — в надежде предотвратить раздел Беларуси между Польшей и РСФСР. Однако уже в июне, в связи с ухудшением положения на восточном фронте, она потребовала полной независимости БНР и установления протектората Лиги Наций над территорией Беларуси до созыва Всебеларуского учредительного сейма.

«Незалежники». Вацлав Ластовский, политический оппонент Антона Луцкевича, после двух месяцев пребывания в польской тюрьме в феврале 1920 года уехал в столицу Литовской республики Ковно (Каунас), куда перебралась запрещенная оккупантами Народная Рада БНР. Там он начал борьбу за независимость Беларуси в союзе с литовцами. Его правительство взяло на себя функцию международного представительства БНР. Ластовского поддержали все «незалежницкие» партийные и общественные организации беларусов, в том числе Беларуская партия социалистов-революционеров, представители которой входили в Народную Раду*. Эта партия вступила в открытую вооруженную борьбу с поляками за независимую Беларусь. По деревням создавались крестьянские дружины, которые объединялись в Союз беларуского трудового крестьянства. Его лозунг звучал так: «Сражаясь — сможем!»

Просоветская ориентация. Для самостоятельной борьбы беларуским эсерам не хватало сил. Потому они обратились за помощью к большевикам. В декабре 1919 года в Смоленске эсеры заключили соглашение с большевиками о совместных действиях против польских оккупантов. Партизанской борьбой руководил нелегальный

^{* «}Незалежнасць» по беларуски означает «независимость».

Беларуский повстанческий комитет, находившийся в Минске. Но результаты его практической деятельности были весьма скромными.

Позже (в мае 1920 г.) переговоры представительницы этого комитета Полуты Бодуновой в Москве убедили ее в том, что ленинцы никогда не признают независимость БНР и правительство Ластовского. Совнарком РСФСР, развертывая отряды «красных партизан», стремился использовать беларуское движение в своих целях.

Но, несмотря на тревожные сигналы, представители левого крыла партии эсеров по-прежнему ориентировались на союз с Москвой. Они наивно надеялись получить власть, на паритетных началах с большевиками, в возрожденной после изгнания поляков советской Беларуси. Эту иллюзорную надежду цинично поддерживал ЦК компартии Литвы и Беларуси, который уже не мог игнорировать

беларуские национальные силы.

Бывшие эсеры В. Игнатовский, Я. Кореневский, М. Куделько (поэт Михась Чарот) и другие создали 1 января 1920 года Беларускую коммунистическую организацию (БКО). Она опиралась на поддержку деревенских учителей и беднейшей части крестьян. БКО вела партизанскую борьбу против поляков и стремилась направить всё беларуское движение в «красное русло». Вместе с тем, беларуские коммунисты отстаивали идею беларуской государственности в форме автономии. Вот так польский шовинизм толкал некоторых беларусов в объятия российских большевиков. В результате большевизм постепенно становился одним из идейно-политических течений в самом беларуском движении.

Попытка национального объединения. Новое руководство Временного беларуского национального комитета (К. Терещенко, В. Ивановский, А. Смолич и другие) настаивали на необходимости консолидации беларуского национального движения. В первой половине 1920 года ВБНК пытался провести Второй всебеларуский конгресс для решения вопроса о дальнейшей судьбе Беларуси. С этой инициативой согласились все беларуские партии, однако польское правительство не поддержало ее.

20 февраля 1920 года Ивановский встретился с Пилсудским, но, как и Луцкевич в октябре 1919, он добился лишь разрешения на культурно-просветительскую работу в пределах Минской губернии, да на улучшение организации беларуских воинских частей в составе польской армии.

Как Россия с Польшей делили Беларусь

Пилсудский и Ленин. Ленин и его комиссары в 1919 году серьезно опасались «польской угрозы». Они не исключали возможность победоносного наступления поляков на Москву, куда еще в прошлом году переехало из Петрограда правительство РСФСР.

Войска генерала А.И. Деникина с мая месяца вели успешное наступление в северном направлении и нанесли ряд серьезных поражений Красной Армии. 25 июня они взяли Харьков, 30 июня Царицын (ныне Волгоград). 3 июля Деникин поставил задачу своим войскам овладеть Москвой. Отразив в августе контраступление красных, деникинцы 20 сентября взяли Курск, 6 октября — Воронеж, 11 октября — Чернигов, 13 октября — Орел.

Оказавшись в тяжелом положении, Ленин предложил Польше всю территорию Лит-Бел в обмен на мирный договор. Вождь большевиков проявил большую гибкость, чем Деникин, боровшийся за реставрацию Российской империи в полном ее составе. Если бы поляки осенью 1919 года продолжили свое наступление, то Москва неизбежно пала бы. Но Пилсудский не поддержал Деникина, так как он и его сподвижники являлись противниками всех национальных государств, возникших в бывшей империи. Их победа автоматически отвергала план Пилсудского создать федерацию из этих государств во главе с Польшей.

Вторая советско-польская война. Федеративный план Пилсудского предусматривал включение в состав «старой новой» Речи Посполитой еще и левобережной Украины, потерянной поляками в середине XVII века. Он не сомневался в успехе.

25 апреля 1920 года польская армия (170 тысяч человек, около 700 орудий), после 8 месяцев фактического перемирия, под командованием Пилсудского начала наступление в Украине. До 14 мая она вышла на рубеж Киев — Белая Церковь — Гайсин — Ямполь (на Днестре).

Однако большевики в конце января покончили с Колчаком, после чего перебросили на западное направление полумиллионную армию. Ленин направил туда лучшие кадры. Западным фронтом командовал М.Н. Тухачевский, Юго-Западным — А.И. Егоров. Роль его ударного кулака играла 1-я конная армия С.М. Буденного.

14 мая 1920 года Красная Армия начала наступление на Западном фронте, которое, однако, быстро захлебнулось. Зато в Украине (Юго-Западный фронт) ей сопутствовал успех. Киев пал 10 июня. А в июле молодой командующий Западным фронтом Михаил Тухачевский (27 лет), родом из беларуской шляхты Смоленшины, получив подкрепления, возобновил наступление и прорвал польский фронт. 11 июля его войска вошли в Минск, откуда они успешно продвигались к Варшаве, чтобы «принести на штыках» социализм в Европу.

Польская армия отступала, сопровождая свой уход массовым ограблением беларуского населения и дикими расправами над всеми, кто пытался сопротивляться насилию.

В это время министр иностранных дел Великобритании лорд Д. Керзон получил согласие правительства Польши на заключение

перемирия с РСФСР, при условии установления демаркационной линии по границе 1772 года. 11 июля 1920 года Керзон направил в Москву ноту с уведомлением об этом. Но теперь уже большевики, ослепленные своим успехом, не желали мира. Они отвергли сделанное им предложение. Красная Армия наращивала темпы наступления, комиссары воодушевляли бойцов лозунгом «Даешь Варшаву!»

Победа поляков. Над Польшей нависла реальная угроза потери только что возрожденной независимости. Более того, падение польского «буржуазного режима» по планам Ленина и шайки международных авантюристов в виде пресловутого Коминтерна должно было стать только первым шагом в деле «советизации» всей Европы.

Тут уже забеспокоились державы Антанты. В Варшаву для координации помощи срочно прибыла англо-французская миссия. Потоком пошли из Франции эшелоны с оружием, боеприпасами, техникой, обмундированием, продовольствием (за счет огромных запасов, накопленных во время мировой войны). В Войско Польское вступали массы добровольцев.

В середине августа войска Тухачевского вышли на подступы к Варшаве. Но там они встретили упорное сопротивление. В защите Варшавы участвовали 1-я и 2-я беларуские дивизии, сформированные из жителей местечек и деревень, расположенных между Вилией и Неманом. 16 августа Войско Польское перешло в контрнаступление. Произошло так называемое «чудо на Висле». Красная Армия потерпела сокрушительное поражение и на Западном, и на Юго-Западном фронтах. До 20 тысяч красноармейцев погибло, около 65 тысяч попало в польский плен, 20 тысяч бежало в Германию. В Минске 15—17 октября снова хозяйничали поляки.

Начало торговли беларускими землями. Еще во время наступления на Варшаву правительство РСФСР начало делить беларуские земли. 12 июля 1920 года, учитывая тот факт, что Литва враждует с Польшей, оно признало национальное правительство Литвы и заключило с ним мирный договор. Ленин заявил, что занятые поляками беларуские города Вильня, Гродно, Щучин, Лида, Ошмяны, Сморгонь, Браслав «принадлежат Литве». Правда, 14 июля Красная Армия заняла Вильню, но при отступлении в сентябре сдала город литовской армии.

Большевики добились того, что Литва вступила в острую конфронтацию с Польшей и БНР, претендовавшими на те же территории. Заняв Вильню, литовское руководство ничего не сделало для беларусов ни в административном плане, ни в области культуры. В связи с этим беларуские организации Вильни выразили недоверие Доминику Семашко, который с февраля 1920 года исполнял обязанности министра по беларуским делам в правительстве Литвы (вме-

сто Я. Воронко, обвиненного в связях с Москвой и ушедшего в отставку).

По августовскому договору 1920 года с Латвией, Москва передала ей приграничную полосу беларуских земель Витебской губернии

Александр Червяков (1892—1937), первый председатель Совнаркома БССР, председатель ЦИК БССР в 1920—1937 гг.

Дмитрий Жилунович (Тишка Гартный) (1887—1937), беларуский писатель и политический деятель

вместе с Двинском (ныне Даугавпилс). Через беларуское население Двинщины она планировала влиять на политику Латвии.

Отношение большевиков к воссозданию БССР. Одновременно шли споры о воссоздании советской государственности в Беларуси. Этого настойчиво требовали беларуские коммунисты, которые доказали свою преданность Москве борьбой с поляками. О воссоздании Лит-Бел не могло быть и речи, так как литовский народ уже провозгласил свою демократическую республику.

Гражданская война убедила Ленина в том, что без поддержки просоветских национальных сил удержать под властью большевиков бывшую империю не удастся. Поэтому, чтобы предотвратить переход власти в руки национальных сил, большевики стали переодеваться в национальные одежды. Созданная при ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии специальная комиссия хотя и не видела реальных оснований для образования беларуской советской республики, должна была исполнить директиву Москвы.

Второе провозглашение советской республики. 31 июля 1920 года была опубликована Декларация о провозглашении Советской Социалистической Республики Белоруссия (ССРБ). Ее территория в тот момент не имела четких границ, она состояла из 18 уездов Минской и, отчасти, Гродненской губерний. Москва успела уже присвоить себе значительную часть беларуских земель (Смоленскую, Витебскую,

Могилевскую губернии), поделиться ими с Литвой и Латвией, а Белостокский край планировала отдать Польше — после установления там советской власти (ведь в это время наступление на Варшаву развивалось вполне успешно).

Функции правительства ССРБ исполнял Военно-революционный комитет во главе с Александром Червяковым, сформированный в основном из членов Минского ВРК, созданного в Минске еще до занятия его большевиками. В состав ВРК вошли также лидеры беларуских эсеров и бундовцев, сотрудничавшие с большевиками в борьбе против поляков.

Беларуские эсеры требовали создания правительства из представителей всех социалистических партий, формирования беларуской армии и провозглашения полного суверенитета Беларуси — согласно прежним обещаниям ЦК компартии Лит-Бел. Наивные люди, они никак не могли понять, с кем имеют дело. Но Декларация от 31 июля лишь повторила Манифест марионеточного правительства Д. Жилуновича от 1 января 1919 года. Потому эсеры ее не подписали.

Что касается «областников», те искренне заявляли, что считают ССРБ национально-культурной автономией беларусов в составе одной только Минской губернии, да и то временно. Кстати, в декабре 1920 года Вильгельм Кнорин, председатель ЦБ компартии Беларуси (отделившейся от литовской компартии с 5 сентября), распорядился вести всю деловую переписку комиссариатов ССРБ исключительно на русском языке.

Позиция правительства БНР. Руководство БНР во главе с Ластовским не признало провозглашения ССРБ и характеризовало вторичное установление советской власти как московскую оккупацию. Оно требовало от Совнаркома РСФСР вывода Красной Армии и признания независимости Беларуси. Требование о признании беларуской независимости было предъявлено и Польше. При условии поддержки поляками этого требования беларуское правительство соглашалось вести общую борьбу против большевиков. Тем более, что Польша уже признала независимость Украины и Литвы.

В мае 1920 года, перед угрозой раздела Беларуси между Польшей и Россией, Ластовский был готов пойти на федерацию с Польшей, если бы она согласилась на создание Беларуско-Литовской Республики. Последнюю попытку договориться с Польшей Ластовский сделал в сентябре 1920 года, когда литовское руководство после отступления большевиков присоединило к своему государству Виленский край. Но ни в Москве, ни в Варшаве беларуских деятелей не захотели услышать.

«Диктатор» Желиговский. После того, как Красная Армия откатилась под ударами поляков за Минск, 9 октября 1920 года польский генерал Люциан Желиговский, уроженец Ошмян, командир Литов-

ско-беларуской дивизии, по согласованию с Пилсудским атаковал новые владения Летувы, захватил Вильню и объявил себя диктатором провозглашенного им государства «Средняя Литва».

В ответ литовское правительство разорвало дипломатические отношения с Польшей и фактически начало необъявленную войну с ней. На сторону литовцев встало и ковенское правительство Народной Рады БНР во главе с Ластовским.

Правительство же Наивысшей Рады БНР поддержало акцию Желиговского, но она не принесла ожидаемых политических дивидендов. Название «Западная Беларусь», которое сначала предназначалось для нового государства, Варшава отклонила. Действия правительства и сейма Средней Литвы быстро приобретали все более выраженную польскую ориентацию.

Советско-польское перемирие 1920 г. В июле 1920 года предложение английского министра иностранных дел Д. Керзона о заключении мира по предложенной им линии границы отклонили и поляки,

и русские.

Но на переговорах в Риге, проходивших в сентябре — октябре, РСФСР соглашалась отдать Польше даже Минскую губернию в обмен на признание поляками Украинской ССР. Тем самым правительство Ленина соглашалось на ликвидацию советской Беларуси, территория которой тогда ограничивалась Минской губернией. Однако эндеки не пошли на это. Они опасались, во-первых, что им не удастся полонизировать православное население восточной Беларуси; во-вторых, что этот шаг повлечет за собой ухудшение отношений с «белой» Россией, если к власти придет генерал Петр Врангель.

Рижский договор. 12 октября 1920 года в Риге представители РСФСР и УССР с одной стороны, Польши с другой, заключили перемирие и предварительные условия мира. Соглашение о перемирии (пункт 1) признавало независимость советской Украины и советской Беларуси. Польша пошла на признание этих советских республик, а взамен сохранила за собой занятые в ходе контрнаступления беларуские и украинские территории. Граница раздела прежней БНР прошла чуть западнее Дриссы (на севере), Минска (в центре) и Турова (на юге), примерно совпав с линией немецких окопов мировой войны.

После заключения советско-польского мирного договора (18 марта 1921 г.) в составе ССРБ остались всего шесть уездов Минской губернии: Минский, Борисовский, Бобруйский, Игуменский, Мозырский и Слуцкий (52,3 тыс. кв. км), где жило чуть более 1,5 млн. человек. 12 уездов советской Беларуси отошли к Польше. Все остальные беларуские земли еще раньше присвоила себе большевистская Россия.

Кроме того, осенью 1919 года Совнарком РСФСР «передал» Латвии северо-западную часть Витебской губернии! Это Двинский (Даугавпилсский), Лудзенский, Резекненский уезды, и две волости Дрисского уезда!

Национально-освободительное движение 1920 года

Политические протесты. Все деятели БНР резко отрицательно оценили условия предварительного советско-польского договора и не признали его. 8 ноября совместный протест против советско-польского соглашения высказали делегации Западно-Украинской Республики и БНР, которые прибыли в Ригу для защиты своих государственных интересов. Перед угрозой раздела Беларуси правительство Ластовского 27 октября обратилось к странам Балтии с идеей Балтийско-Черноморского союза. Несколько позже (18 декабря) правительство БНР попросило Лигу Наций в Женеве провести в беларуских землях плебисцит. Но эти обращения не дали никаких результатов.

Надежды на Литву. 11 ноября 1920 года в Ковно был заключен литовско-беларуский договор о взаимном признании и совместной борьбе против польской агресссии. Обе стороны пришли к согласию, что не будут поднимать вопрос о границах до тех пор, пока беларуские и литовские земли не станут свободными от оккупантов. Правительство Ластовского получило дипломатическое представительство при литовском правительстве, право экстерриториальности в Литве и денежную ссуду. Договор 1920 года дал беларусам базу для национально-освободительной борьбы.

В свою очередь, беларуское правительство в Ковно обязалось поддержать литовское руководство во время планировавшегося плебисцита в Средней Литве и направить беларуские воинские части на защиту территории литовского государства. В составе армии Литвы действовал Беларуский отдельный батальон. На основе соглашения с литовским генеральным штабом от 3 сентября 1920 года началось формирование «Союза вольных беларуских стрелков» для партизанских действий в беларуских землях, занятых поляками.

Угроза раздела беларуских земель заставила правительство БНР в конце 1920 года прямо заявить в письме, направленном в Лигу Наций, что беларускому населению выгоднее войти на договорных началах в состав Литовской Республики, чем находиться под оккупацией Польши. Интерес к созданию единого беларуско-литовского фронта против Польши проявило также правительство Германии. Оно выделило правительству Ластовского ссуду в 40 тысяч марок для организации партизанской борьбы.

Антисоветские настроения. Росло недовольство советскими порядками и в народе. В который уже раз за последние 5 лет между Днепром и Бугом перемещались вражеские войска: сначала немецкие, потом большевистские, за ними польские и, наконец, опять большевистские. Очередное появление большевиков в 1920 году с их ненавистной продразвёрсткой стало последней каплей, переполнившей чашу народного терпения. Люди не могли смириться с тем, что новая граница разорвала их родственные и дружеские связи.

Борьба с большевистскими оккупантами шла, как правило, под знаменем БНР, но единого руководящего центра у повстанцев не было. Правительство Народной Рады БНР Ластовского находилось в Ковно. А правительство Наивысшей Рады БНР фактически осталось без авторитетного лидера. Антон Луцкевич не принадлежал к числу харизматических вождей.

Вступленне в борьбу Булак-Балаховича. Наиболее известным организатором вооруженного сопротивления большевикам стал Станислав Булак-Балахович (1883—1940), бывший агроном с Виленщины, который во время мировой и гражданской войн прошел путь от рядового царской армии до генерал-майора в армии Н.Н. Юденича (тоже беларуса по происхождению). Под влиянием руководителя военно-дипломатической миссии БНР в Латвии и Эстонии Константина Езовитова генерал в ноябре 1919 года перешел на службу БНР.

Временно содержание его отряда взяло на себя эстонское правительство. В марте 1920 года этот отряд (до тысячи человек) с разрешения польского правительства переехал из Эстонии в Брест. Но сразу вступить в борьбу за Беларусь Булак-Балаховичу не пришлось. Пилсудский направил его на украинский фронт. В тот момент он опасался, что генерал объединится с беларускими эсерами, готовившими антипольское восстание. В сентябре 1920 года Булак-Балахович прорвал фронт Красной Армии и освободил Пинск. Он шел по пятам отступающих красноармейцев, помогая наступлению польской армии.

Булак-Балахович в планах Пилсудского. Пилсудский пытался использовать балаховцев в борьбе за «Третью Россию», свободную и от большевиков, и от монархистов. С его «подачи» 27 сентября Булак-Балахович заключил договор с лидером русских эсеров Борисом Савинковым, возглавлявшим в то время Русский политический комитет (РПК) в Польше, согласно которому принял командование воннскими соединениями РПК. В свою очередь, генерал признал Савинкова политическим лидером.

Одновременно было начато активное привлечение добровольцев для формирования «армии вторжения». Булак-Балахович планировал прорвать фронт около Мозыря и двинуться на Смоленск, используя в своих интересах наступление генерала Врангеля с юга. Во время переговоров с РСФСР осенью 1920 года Пилсудский (в отличие от планов польского правительства) задумал создать буферное беларуское государство с центром в Минске. С этой целью он решил использовать Булак-Балаховича, который должен был пробиться со своими войсками через советские тылы в Минск и там получить власть из рук польских военных. В качества политической ширмы для этой акции за спиной Наивысшей Рады БНР был срочно создан Беларуский политический комитет (БПК) из 7 человек (В. Адамович, П. Алексюк, Р. Островский и другие).

Генерал-майор С. Булак-Балахович (слева) в 1920 г.

12 октября Булак-Балахович заключил договор с БПК. В обмен на помощь в организации беларуской армии он пообещал передать власть БПК после занятия Минска. Не оставил генерал и мечту о походе на Москву. Поэтому акция Булак-Балаховича проводилась с согласия Савинкова и в расчете на поддержку формирований РПК.

Однако этот план провалился. У Булак-Балаховича не оказалось ни времени, ни сил для его реализации. Он ждал прибытия подразделений РПК, формировавшихся в Люблине и других польских городах. Но 12 октября 1920 года было заключено польско-советское перемирие. По его условиям все антисоветские вооруженные силы, находившиеся на территории, подконтрольной Польше, следовало распустить. Савинковцам пришлось прекратить формирование своей армии. 17 октября польские войска покинули Минск.

После этого Булак-Балахович получил от Пилсудского неофициальное разрешение действовать самостоятельно с целью создания беларуского государства.

Беларуский поход Булак-Балаховича. 25 октября отряд Булак-Балаховича перешел польско-советскую границу. Впервые идея осво-

бождения беларуских земель от большевизма временно объединила беларусов, поляков и русских, хотя свои действия во время похода они координировали плохо. Тем не менее, 6 ноября Булак-Балахович освободил Туров, 8 ноября — Петриков, 10 ноября — Мозырь. Повсеместное недовольство крестьян большевистской продразвёрсткой способствовало быстрому увеличению численности армии (с 5,5 тысяч человек в октябре до 11 тысяч в ноябре).

В Мозыре Булак-Балахович провозгласил независимость Беларуси, объявил о формировании Беларуской армии и назначил сам себя ее главнокомандующим. Командование русскими воинскими подразделениями (савинковцами) он поручил своему брату — полковнику Язепу Булак-Балаховичу. Правительства Народной Рады (во главе с Ластовским) и Наивысшей Рады (во главе со Смоличем), а также большевистский ВРК (во главе с Червяковым), были объявлены незаконными.

Беларуский политический комитет преобразовал себя в правительство Беларуской Народной Республики. Это было первое беларуское правительство, обладавшее реальной властью на определенной части беларуской территории. Премьер-министром стал Вячеслав Адамович (старший), Павел Алексюк — его заместителем и министром иностранных дел, Юрий Синкевич — министром экономики, Радослав Островский — министром просвещения, полковник Беляев — военным министром.

Правительство Адамовича издало манифест к беларуского народу, в котором изложило свою программу: борьба за независимость Беларуси, выработка конституции, конфискация крупных помещичьих владений, союз с Польшей, опора на страны Антанты. Оно присвоило С. Булак-Балаховичу титул «начальника» беларуского государства — в подражание Пилсудскому. За одну неделю удалось сформировать крестьянский партизанский отряд и армейский полк.

Поражение Булак-Балахавича. После Мозыря, видимо под влиянием русских офицеров и Б. Савинкова, армия Булак-Балаховича, вместо наступлення в направлении Бобруйск — Минск, двинулась в сторону Речицы — Гомеля, в надежде соединиться с армией Врангеля. Но вскоре пришли сведения, что 14 ноября войска Врангеля разбиты Красной армией. Эта новость резко отрицательно повлияла на боевой дух балаховцев. Взять Речицу не удалось.

Большевики срочно направили в Полесье значительные военные силы (16-ю армию под командованием Н.В. Соллогуба), которые окружили войска Булак-Балаховича. Им пришлось отступать. В конце ноября — начале декабря 1920 года они пробились через заслоны красных на территорию Западной Беларуси, где и были интернированы. Лишь некоторые беларуские отряды остались на вос-

токе, в труднопроходимых болотно-лесных районах, чтобы вести партизанскую борьбу*.

Причины поражения. Итак, поход потерпел неудачу. Он являлся только частью стратегического замысла Пилсудского: руками генерала Л. Желиговского создать союзное Польше Великое княжество Литовское (или «Среднюю Литву»), руками генерала П. Врангеля создать «Третью Россию», руками генерала С. Булак-Балаховича создать Беларускую народную республику. Однако походы Врангеля на Москву и Желиговского на Ковно провалились. Надежды на широкое крестьянское восстание в восточной Беларуси тоже не сбылись.

Около половины солдат Булак-Балаховича составляли русские красноармейцы, попавшие в плен к полякам, а затем завербованные людьми Савинкова. Естественно, что они не горели желанием воевать за независимость Беларуси и при первой возможности переходили на сторону Красной Армии.

В таких условиях действия Булак-Балаховича явились чем-то средним между революционным романтизмом и политическим авантюризмом. Воюя с большевиками, он недооценил значение поддержки народа, гнул спину перед Пилсудским, допустил ряд ошибок. Кстати, отряды русских эсеров, входившие в состав его войск, позволяли себе еврейские погромы. Но самому Булаховичу и его окружению антисемитизм не был присуш. Достаточно сказать, что одним из его подразделений являлся еврейский эскадрон поручика Цейтлина. Зависимость Булак-Балаховича от Польши и союз с Савинковым связывали руки генералу, не способствовали его авторитету среди политических лидеров Беларуси.

Слуцкое восстание. В слуцкой земле было много зажиточных крестьянских хозяйств. Во времена БНР возник Беларуский национальный комитет Случчины (БНКС). Он создавал в населенных пунктах местные советы, вел активную культурно-просветительскую и кооперативную работу. В марте 1919 года в Слуцком уезде уже произошло антибольшевистское восстание, подавленное властями. После занятия Слуцка поляками там работали беларуские школы и учительские курсы. В ответ на грабежи польских военных развернулось партизанское движение. За всем этим стоял БНКС.

В июле 1920 года его разогнали большевики. Но с их отступлением он 11 октября вышел из подполья и взял власть в свои руки. На домах Слуцка появились бело-красно-белые флаги, порядок обепечивала беларуская милиция. Повсюду в деревнях избирались комитеты самоуправления. Польские власти смотрели на это сквозь

^{*} Позже Булак-Балахович обосновался в Беловежской пуще, где занимался обработкой древесины. В мае 1940 года, участвуя в польском сопротивлении, он погиб в Варшаве.

пальцы, так как согласно условиям перемирия от 12 октября Слуцкий уезд передавался большевикам.

14—15 ноября 1920 года состоялся съезд представителей Слуцка и Слуцкого уезда (107 делегатов). Наибольшее влияние на нем имели беларуские эсеры. Съезд заслушал выступление делегации от Булак-Балаховича, но отказался признать генерала «начальником» Беларуси. Делегаты приняли резолюцию, в которой признали власть БНР, приветствовали «сестру Польшу», а правительство ССРБ характеризовали как незаконное.

Съезд избрал Беларуский совет Случчины (БСС) из 17 человек, во главе с эсером Владимиром Прокулевичем, которому передал власть и доверил формирование армии БНР. Набралось около десяти тысяч добровольцев, включая бывших красноармейцев. Это позволило создать Первую Слуцкую стрелковую бригаду, состоявшую из двух полков: 1-го Слуцкого и 2-го Грозовского. Защитники Случчины имели свой марш «Мы выйдем тесными рядами», который написал участник восстания Макар Костевич (псевдоним — Макар Кравцов)*.

БСС исполнял функции временного правительства БНР на территории Слуцкого уезда. Он послал Белревкому Червякова — Кно-

Владимир Прокулевич (1887—1938), лидер слуцких повстанцев

рина протест против раздела БНР и намерения большевиков ввести на ее территорию Красную Армию. Но предотвратить наступление «красных» повстанцы не могли. Большевики вторглись в ноябре сразу после того, как польская армия ушла из Слуцка и Слуцкого района.

Жители Слуцкого и частично Бобруйского уездов поддержали свое руководство. Войска повстанцев (до 4 тысяч человек) сражались за свободу в течение месяца. Например, деревня Семежево несколько раз переходила из рук в руки. Ряд подразделений Грозовского полка погиб в боях около местечка Вызна до последнего человека.

Но армия большевиков обладала значительным перевесом в численно-

сти и вооружении. Надежды на помощь из Польши и на то, что повстанцев поддержат жители других уездов, не сбылись. Не хватало оружия, опытных командиров, продовольствия, сильно мешала

^{*} Многие беларусы именно его считают национальным гимном.

эпидемия тифа. Несмотря на драматизм момента, продолжалась борьба за политическое лидерство между эсерами и сторонниками Булак-Балаховича, которую усложняли своими интригами посланцы Наивысшей Рады БНР. Объединение слуцких повстанцев с армией Булак-Балаховича так и не произошло. В конце декабря 1920 года их отряды перешли на другую сторону пограничной реки Лань и были интернированы поляками.

Лозунг Слуцкого восстания 1920 года был таков: «Ни польских панов, ни московских коммунистов». Оно явилось первым самостоятельным выступление беларусов за свою независимость. Ныне ежегодно в конце ноября в Беларуси (неофициально), а также среди беларуской эмиграции отмечаются дни этого восстания.

Другие крестьянские восстания. Еще в октябре 1920 года крестьяне во главе с Павлюком Калечицем провозгласили Койдановскую Независимую Республику (в нынешнем Дзержинском районе Минской области), которую четыре дня защищали от большевиков, после чего перешли к партизанской борьбе. Повстанцы выпустили воззвание с призывом бороться за независимую Беларусь, свободную от коммунистов.

Локальные антибольшевистские восстания, преимущественно под руководством беларуских эсеров, произошли в Игуменском и Бобруйском уездах. Крупные выступления против большевиков, вызванные реквизициями продовольствия и мобилизацией в Красную армию, имели место в Борисовском, Оршанском и Гомельском уездах. В ноябре 1920 года в Гомеле, когда стала известно о приближении Булак-Балаховича, стихийно вспыхнул бунт новобранцев.

Беларуские эсеры оказывали влияние на стихийное народное движение протеста через сельские кооперативные организации, где они занимали руководящие должности. В октябре 1920 года уездные комиссары Белревкома докладывали своему председателю Червякову, что «население волостей, узнав о самоопределении Белоруссии, не хочет признавать никакой власти, кроме правительства независимой Белоруссии, и относится весьма враждебно к созданию волостных ревкомов, заявляя, что власть надо выбирать, а не назначать из Москвы».

Чужеземцев, прибывших в качестве членов ревкомов с тылами Красной Армии, крестьяне вынуждали спасаться бегством, а сами избирали свои собственные органы самоуправления. Например, в Белоруцкой, Холопенической, Волосевической волостях Борисовского уезда.

Попытки обуздания беларуского крестьянства. Истреблять дух независимости беларуского народа большевики начали уже в 1920 году, с молчаливого согласия беларуских коммунистов. Более того, эти коммунисты сами жестоко подавляли народные восстания. Не хватало железнодорожных вагонов, чтобы вывозить арестованных в Сибирь. То было очень мрачное время в истории Беларуси.

К концу 1920 года открытая национально-освободительная борьба прекратилась, она трансформировалась в антибольшевистское партизанское движение. С ноября 1920 года координировать действия партизан пыталась «Беларуская крестьянская партия Зелёного дуба», которую создал Вячеслав Адамович-старший. Непосредственное руководство партизанскими отрядами осуществлял Вячеслав Адамович-младший (псевдоним «Дергач»). С 26 ноября в Лунинце (Западная Беларусь) начал действовать Главный штаб партизанских отрядов во главе с Владимиром Ксеневичем (псевдоним «Грач»). Теоретиком и идеологом партии выступал член Главного штаба, беларуский писатель Антон Левицкий (литературный псевдоним — Ядвигин Ш.). «Зелёнодубовцы» объявили своей целью борьбу за независимую и единую Беларусь.

Итоги войны. В ноябре — декабре 1920 года в Минске прошел III съезд КП(б)Б. Он назначил от имени Москвы новую администрацию ССРБ. Ее возглавил Александр Червяков, который объединил в своем лице должности председателей Центрального исполнительного комитета («псевдопарламента») и Совета народных комиссаров

(правительства).

Как и следовало ожидать, мирный договор между Польшей и РСФСР был заключен в Риге 18 марта 1921 года без участия беларуской делегации. Он подтвердил предыдущую договоренность сторон о разделе Беларуси и Украины.

Правительство БНР заявило, что условия Рижского договора не являются обязательными для беларуского народа и что оно продолжит борьбу за независимость и единство страны. А Червяков промолчал, хотя в октябре 1920 года он уверял представителей БНР в Риге, будто бы беларуское советское правительство «на раздел Беларуси не согласится».

4. БССР в 1920-е годы

Партизанская борьба. В 1921 году обстановка в советской Беларуси была тревожной и сложной. В лесах по-прежнему скрывались повстанцы. В западной части страны формировались партизанские отряды, которые затем переходили на восток, чтобы воевать против большевиков (поляки этому не препятствовали). К началу июня 1921 года, по официальным сведениям советского руководства, в БССР действовали до 3,5 тысяч «бандитов». В среднем, в каждом отряде числилось 40—50 бойцов. Большей частью отрядов руководил созданный в 1920 году Главный штаб партизанских отрядов «Беларуской крестьянской партии Зелёного дуба».

Большинство партизан составляли беларусы: сыновья зажиточных крестьян и священников, бывшие гимназисты, учителя, унтерофицеры и офицеры. Их объединяла одна цель — борьба с большевиками. Помогало хорошее знание здешних лесов и болот, а также молчаливая поддержка населения. Некоторые отряды имели свою агентуру в советских учреждениях.

Сильное партизанское движение развернулось в Борисовском, Игуменском и Слуцком уездах, а также в Витебской и Гомельской губерниях, которые в тот период входили в состав РСФСР. Партизаны убивали российских большевиков и их ставленников, жгли сельсоветы, уездные исполкомы, склады, лавки, почтовые отделения, мосты, льнозаводы, заготовленный для сплава лес, перерезали телефонные и телеграфные линии. Например, отряд атамана Громового в районе станции Западная Двина пустил под откос военный эшелон. Атаман Воронов потопил на реке Усвяты пароход «Коммунист» и баржи с зерном. Атаман Георгий (Юрка) Монич в апреле 1921 года остановил международный поезд Париж — Вена — Варшава — Москва — Манчжурия возле станции Приямино, нашел в нем около 60 большевиков и приказал «всыпать» каждому по 50 шомполов. А у 80 беспартийных граждан РСФСР отобрал все ценности и деньги в качестве «платы за спектакль».

Партизаны довольно эффективно парализовали деятельность советских и партийных учреждений в сельской местности. Но некоторые партизанские отряды грабили мирное население. Например, конный отряд «батьки» Червонца совершал налеты в Могилевской и Смоленской губерниях. Многие партизаны, по мере потери своих командиров и веры в смысл борьбы, постепенно превращались в бандитов. Действовали в лесах и обычные банды уголовных элементов, так называемые «зелёные».

Со второй половины 1921 года участились случаи, когда польская сторона устраивала антисоветские вылазки под лозунгом независимой Беларуси, но исполнителями являлись поляки и русские эмигранты из организации Савинкова.

Разгон некоммунистических партий. 20-тысячная партия беларуских эсеров готовила восстание по обеим сторонам границы. Однако польские власти раскрыли заговор и арестовали его руководителей. В советской Беларуси борьбу с эсерами вели органы ВЧК. В ночь с 16 на 17 марта 1921 года в Минске чекисты арестовали около 800 активистов партии эсеров, а также членов их ЦК и Минского комитета. С учетом партийцев, работавших в уездах, число арестованных достигло 1500 человек. Среди них были известные деятели беларуской культуры, поддерживавшие «зелёнодубцев» — Владимир Теравский, Франтишек Олехнович, Всеволод Фальский и многие другие.

В июне 1924 года большевики заставили беларуских эсеров созвать съезд и объявить на нем о роспуске партии как в восточной, так и в Западной Беларуси. Бунду пришлось заявить о самороспуске еще раньше,— на внеочередном съезде в марте 1921 года.

Некоммунистические партии и общественные движения одно за другим прекращали свое существование. Устанавливалась партийная монополия большевиков.

Подавление вооруженной оппозиции. С целью борьбы против беларуских партизан и повстанцев большевики милитаризовали районы, пограничные с польским государством. Свирепствовали большевистские отряды особого назначения (ЧОН). Сначала они гонялись за партизанами, а затем стали направлять свои акции и против населения. Каратели угрожали казнить каждого десятого жителя в «подозрительных» деревнях, назначали крупные денежные награды за доставку партизанских вожаков живыми или мертвыми.

В 1922 году большевики объявили партизанам амнистию, но те из них, кто поверил и сдался, стали жертвами репрессий. В результате непрерывных репрессий, а также в связи с либерализацией экономической политики Москвы (НЭП) поддержка партизан ослабла. Надежды на внешнюю интервенцию и на крестьянские восстания не сбылись.

Военное положение в Слуцком и Игуменском уездах было отменено в апреле 1922 года. Но в некоторых местах партизанское антисоветское движение продолжалось до 1926 года. Отдельные партизаны скрывались в лесах вплоть до прихода немцев в 1941 году!

Введение партийной диктатуры. Во владениях большевиков все функции руководства концентрировались в руках партийного аппарата. Членов сельских, районных, городских и иных советов люди «избирали» по спискам, составлявшимся соответствующими комитетами $K\Pi(6)$ Б. Эти же комитеты руководили работой советов. Не удивительно, что в так называемых «выборах» всегда участвовало менее половины избирателей.

В 1921 году компартия БССР насчитывала 1,5 тысячи членов; в 1925 году — 6,6 тысяч. В 1929 году партийно-советский аппарат БССР на две трети состоял из евреев, русских и поляков. На долю беларусов приходилась одна треть.

Руководителями беларуской компартии Москва назначала чужеземцев: латыша Вильгельма Кнорина (1920—22, 1927—28 гг.), поляка Вацлава Богуцкого (1922—24), русских А. Асаткина-Владимирского (февраль-сентябрь 1924), Александра Криницкого (1924—27), австрийца Яна Гамарника (1928—29), эстонца Константина Гея (1930—32). На БССР автоматически распространялись все решения ЦК РКП(б)/ВКП(б) и руководящих органов РСФСР. Провозглашение СССР. 16 января 1921 года был заключен «рабочекрестьянский» договор о союзе между БССР и РСФСР. Беларуское большевистское руководство согласилось, что наиболее важные дела (финансы, транспорт, армия и др.) будут решать объединенные народные комиссариаты в Москве. А в феврале 1922 года Москва добилась от всех национальных республик права представлять их интересы на международной арене.

С целью усиления легитимности своей диктатуры в национальных районах бывшей царской империи 30 декабря 1922 года партия большевиков объявила о создании Союза Советских Социалистических Республик (СССР) — то есть, «красной империи». Беларусь была в ней небольшой провинцией с населением 1,5 млн. человек. Тем не менее, формальный правовой статус республики повысился.

«Укрупнение» БССР. Вопрос о возвращении присвоенных РСФСР беларуских земель секретарь Центрального бюро КП(б)Б Кнорин поставил еще при заключении польско-советского перемирия осенью 1920 года. С той поры оно все время оставалось в центре внимания беларуских большевиков. В сентябре 1922 года партийно-советское руководство БССР официально попросило ЦК РКП(б) вернуть республике Витебскую губернию, часть Смоленской и созданную в 1919 году Гомельскую (вместо Могилевской) губернию, где преобладало беларуское население.

Московское руководство согласилось вернуть часть беларуских территорий спустя 14 месяцев после образования СССР. 7 марта 1924 года ЦИК РСФСР принял постановление об «укрупнении» БССР и передаче ей 15 уездов: Витебского, Городокского, Дриссенского, Лепельского, Оршанского, Полоцкого, Сенненского и Суражского Витебской губернии; Быховского, Климовичского, Могилевского, Рогачевского, Чаусского и Чериковского Гомельской губернии; Горецкого уезда Смоленской губернии.

Беларуская эмигрантская пресса назвала этот шаг Москвы третим разделом Беларуси (считая предыдущими разделы 1919 и 1921 гг.). Действительно, примерно половина беларуских земель из тех, что были отобраны в 1919 году, остались в составе РСФСР.

В августе 1926 года большевистское руководство Беларуси снова попросило ЦК ВКП(б) вернуть Гомельскую губернию и три уезда Псковской губернии (Велижский, Невельский, Себежский). Чтобы успокоить неугомонных беларусов, в декабре 1926 года Москва произвела второе «укрупнение». На этот раз БССР вернули из состава Украинской ССР только два уезда — Гомельский и Речицкий. Все же в результате «укрупнений» население советской Беларуси увеличилось с 1,5 до почти 5 млн. человек, а территория с 52 до 125 тысяч кв. км.

Интриги вокруг «укрупнения». Псковский губком партии не возражал против возврата Велижского уезда, однако кремлевское руководство этого как бы «не заметило». Вопрос о возвращении обсуждался на всенародных собраниях в каждой волости. Правда, голос народа имел совещательный характер. Последнее слово оставалось за Москвой. Она так и не вернула в полном объеме то, что присвоила в 1919 году.

На Могилевщине и Смоленщине было много случаев, когда участники волостных собраний требовали присоединения к советской Беларуси, но их воля игнорировалась. Небольшие города Злынка, Клинцы, Новозыбков, Стародуб, находившиеся в 20—30 км от Гомеля, не вернули БССР только потому, что там имелись спичечные фабрики и ряд других промышленных предприятий. В то же время вместе с возвращенными беларускими землями прибавилось много русифицированных партийно-советских бюрократов и учителей. Они усилили позиции противников беларуской национальной идеи.

Конституция и административный раздел. В 1927 году была принята Конституция БССР — на три года позже союзной конституции. Дело в том, что беларуские коммунисты ждали новых «укрупнений», и надеялись избежать упоминаний о диктатуре пролетариата в республике, где 80% населения составляли крестьяне. Но Москва не допустила такой «вольности». Беларуская конституция практически ничем не отличалась от союзной. Согласно ей, избирательного права лишились все нетрудовые группы населения (духовенство, торговцы, лица, использовавшие наемную рабочую силу), бывшие чиновники и полицейские и все те, кто в 1917—21 гг. боролся против советской власти.

С 1929 года БССР делилась на 10 округов (Бобруйский, Витебский, Гомельский, Калининский с центром в Климовичах, Минский, Могилевский, Мозырский, Оршанский, Полоцкий, Слуцкий), 100 районов и 1446 сельсоветов. В 1930 году округа преобразовали в области. В 1938 году их было пять (Витебская, Минская, Могилевская, Гомельская и Полесская с центром в Мозыре).

В 20-е годы в местах компактного проживания этнических меньшинств были созданы национальные сельсоветы. В 1928 году их насчитывалось 67: 23 еврейских, 19 польских, 16 русских, 5 латышских, 2 украинских, 2 немецких.

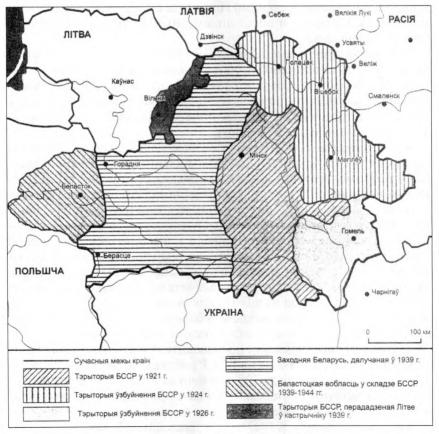
Экономический либерализм

НЭП. Шесть лет войны разрушили экономику. За это время беларуские земли (в современных границах) потеряли 1,4 млн. человек, в том числе 107 тысяч эмигрантов и 246 тысяч беженцев, так и не

вернувшихся домой. Наиболее сильно пострадала Гродненщина, население ее юго-западной части сократилось на 60%.

Впрочем, в крайне тяжелом положении пребывал весь СССР. В марте 1921 года X съезд РКП(б) вынужден был принять так называемую «новую экономическую политику» (НЭП). Впрочем, новой она была только для большевиков, которым пришлось на время отказаться от административно-командных методов управления экономикой.

Крестьян освободили от продразвёрстки, при которой отбирали почти все продукты, и заменили ее продналогом, когда забирали лишь определенную часть, оставляя кое-что не только для нужд семьи, но и на продажу. Земельный кодекс 1923 года закрепил право крестьян пользоваться землей по наследству и выбирать форму хозяйствования. Ремесленники, уплатив налог, могли открывать ма-

«Укрупнение» БССР в 1924—1939 гг.

стерские и мелкие предприятия. Государственные фабрики и заводы перешли на самоснабжение и хозяйственный расчет. Около 300 из них были сданы в аренду иностранцам. Позволялась свобода торговли. Правда, нэповская свобода была временной и неполной. Ее границы всегда определяли партийные чиновники.

Торговля. Маленькая БССР, зажатая между Россией и Польшей, не могла рассчитывать на самостоятельное экономическое развитие. Традиционные торговые пути, соединявшие до 1914 года Беларусь с Прибалтикой, Польшей и Западной Европой, перерезала советско-польская граница. Однако большевистские таможенники и пограничники никак не могли остановить натуральный торговый обмен между западной и восточной Беларусью, который они называли контрабандой. Граница кормила людей, правда, дорогой ценой. За «контрабанду» давали не менее 5 лет заключения в лагерях, а иногда дело оборачивалось даже казнью «польских шпионов». И в то же время на пограничной станции Негорелое стояла большая деревянная вышка, на которой висел лицемерный лозунг — «коммунизм сметет все границы!»

Советские деньги обесценились. В 1922—24 гг. инфляция достигла невероятных масштабов: в обороте находились денежные купюры в миллионы и миллиарды рублей! Поэтому до 1924 года, когда в оборот был введен червонец, обеспеченный золотом, беларуские крестьяне предпочитали золотые монеты царской чеканки, американские доллары и другую валюту.

Промышленность. Понемногу возрождались дореволюционные предприятия. Государственная промышленность ориентировалась на переработку местного сырья и находилась преимущественно в союзном подчинении. А теми предприятиями, что обрели самостоятельность, руководили, как правило, некомпетентные «начальники». Низкая квалификация управленческого персонала и устаревшее изношенное оборудование вели к выпуску некачественной продукции. Но в условиях дефицита промышленных товаров производители искусственно завышали розничные цены на свои изделия. Их мало кто мог купить, поэтому значительная часть изделий оседала на складах. Выход из положения «красные директора» искали за счет рабочих, которых заставляли больше работать, не увеличивая зарплату. Рабочие отвечали забастовками и хищениями.

На частных предприятиях производительность труда была выше в полтора — два раза. На них в БССР работали всего лишь 3% рабочих, зато они выпускали до 70% розничных товаров! Властям приходилось закрывать нерентабельные малые государственные предприятия или сдавать их в аренду частным лицам.

Сельское хозяйство. К 1927 году трудолюбивое беларуское крестьянство навело порядок на сельскохозяйственных угодьях. Исчезли

пустоши, размножилась скотина, оживилась торговля на ярмарках и рынках. Появились зажиточные хозяева, имевшие возможность арендовать землю и нанимать батраков. Крестьянам, выращивавшим технические культуры или проводившим мелиорацию, власти снижали налоги. Для накопления средств на развитие хозяйств крестьяне создавали сельскохозяйственные общества (кредитные, машинные, мелиоративные).

Но все же удовлетворения деревня не ощущала. Прежде всего, не хватало земли. После национализации ее основная часть перешла в государственные фонды — земельный и лесной. Беларуским крестьянам осталось только 23,3%. Декрет о земле фактически не был реализован, так как землеупорядочивания в 1927 году дождались только 15% крестьянских хозяйств БСССР из числа тех, кто в этом нуждался. Деревня принимала тем временем беженцев, возвращавшихся на родину, демобилизованных красноармейцев и еврейских рабочих, спасавшихся от голода. Отцовские наделы приходилось делить между взрослыми сыновьями. В результате уровень обеспечения землей в БССР был на 41% меньше, чем в среднем по СССР. Чтобы поддержать хозяйство, на продажу часто везли последнее. По официальным данным, около 96% крестьянских хозяйств лишь кормили себя.

Проблему малоземелья беларуской деревни большевики решали по примеру Столыпина. С 1926 года они начали переселять беларуских крестьян в Сибирь и на Дальний Восток, осваивать новые земли путем создания хуторов, а также поощрять исход на лесоразработки и новостройки. Крестьяне сами стремились на хутора, ведь около 74% хозяйств были чересполосными. Народный комиссар земледелия БССР Дмитрий Прищепов всячески тому способствовал. Он имел возможность познакомиться с организацией сельского хозяйства в Дании и Германии и хотел, чтобы беларуские крестьяне жили не хуже иностранных фермеров. Землю совхозов он раздавал крестьянам. В деревне был популярен прищеповский лозунг: «На свинье — к коммунизму!»

Изменения в сельскохозяйственной политике. Но 7 июня 1929 года ЦК КП(б)Б своим решением запретил хуторскую форму землепользования, ибо она мешала загонять крестьян в колхозы. В тот момент около 35% крестьянских хозяйств БССР были хуторскими.

Отныне был взят курс на разрушение зажиточных хозяйств с целью создания послушного государству класса крестьянской бедноты, этой опоры большевиков в деревне. Тем более, что крестьяне отказывались сдавать зерно государству по заниженным ценам. В поисках выхода власти создавали совхозы, которым выделяли лучшие пахотные земли и технику. Но и это не прельщало сельчан прощаться со своими единоличными хозяйствами.

В 1927 году большевики попытались начать коллективизацию. Однако за целый год удалось создать только около 400 колхозов, из них 170 еврейских. Около 40% еврейского населения городов и местечек БССР не имело постоянной работы. Потому еврейская беднота спасалась от голода в колхозах, а 2154 еврейские семьи переехали в Крым и в Еврейскую автономную область.

Уровень жизни. «Новая экономическая политика» длилась около шести лет. За это время население Беларуси не очень разжилось. В 1927 году излишек рабочей силы в сельском хозяйстве составил 30—40% деревенского населения, в промышленности — до 25% от числа рабочих. Жилищный кризис в городах обострялся размещением в приграничной полосе все новых и новых воинских соединений.

Более 60% детей школьного возраста не хватало мест в существующих школах, в 20 районах республики не было больниц. Тем не менее, половина республиканских доходов отправлялась в союзный бюджет.

В сентябре 1927 года беларуский Совнарком сообщил в Москву, что промышленность и товарооборот в БССР так и не достигли уровня 1913 года. Экономического чуда благодаря НЭПу не произошло. Беларусь превратилась в запущенную окраину.

Национально-культурная политика

Праницы влияния беларуских коммунистов. Вступив в КП(б)Б, беларуские деятели заняли довольно высокие руководящие должности. Александр Червяков стал председателем ЦИК БССР, Дмитрий Жилунович — редактором газеты «Советская Белоруссия», Всеволод Игнатовский — наркомом просвещения, Александр Бурбис — заместителем наркома иностранных дел, Антон Балицкий и Язеп Кореневский — заместителями наркома просвещения, А. Сташевский — первым секретарем ЦИК и СНК республики.

Они обрели возможность влиять на большевистскую политику, особенно в Наркомате просвещения. Там беларуские силы преобладали и делали все возможное для развития национальной школы, национальной культуры. Они упорно работали, несмотря на сохранение угрозы того, что БССР опять станет областью РСФСР.

Врагами идеи беларуской государственности выступали пришлые большевики, преобладавшие в государственных структурах. В марте 1921 года с трибуны X съезда РКП(б) даже прозвучало обвинение, что в Минске местные коммунисты искусственно создают беларускую нацию. Но неожиданно в защиту беларусов выступил нарком по делам национальностей И.В. Сталин. Обстоятельства текущей политики вынудили большевистское руководство СССР формально признать в тот период не только свободу предпринима-

тельства, но и право наций на самоопределение. Оно либерализовало национальную политику, чтобы привлечь на свою сторону население национальных республик. Этим воспользовались беларуские коммунисты для активизации культурно-просветительской деятельности. Но период «естественной» беларусизации продлился недолго — до середины 1924 года.

Провозглашение беларусизации. 15 июля 1924 года вторая сессия ЦИК БССР провозгласила политику беларусизации. Местные большевики поставили цель: за 2—3 года перевести на беларуский язык весь партийно-советский аппарат и дислоцированные в БССР войска Красной Армии, пополнить органы управления беларусами, развернуть всестороннее изучение беларуского края.

Москва не препятствовала своей администрации приспосабливаться к местным условиям: изучать язык, историю, культуру, традиции беларуского народа, привлекать его представителей к низшему уровню руководства, все это — ради скорейшей советизации населения. Национал-коммунисты поддержали советскую беларусизацию. Ее теоретиком выступил Всеволод Игнатовский. При этом культурную традицию, заложенную коллективом газеты «Наша Нива» и руководством БНР, большевики решительно отвергли.

Состояние религии. Большевистский воинствующий атеизм во времена НЭПа стих. На волне либерализации в 1922 году в Минске собрался Краевой Собор и объявил автокефалию (независимость) Беларуской православной церкви от патриархии в Москве. Митрополит Мелхиседек выступил за введение беларуского языка в церковный обиход.

Нашлись и ксендзы, которые выступали за создание в БССР самостоятельной католической епархии, зависимой только от Рима. А евангелисты заявили о поддержке советской власти и допустимости службы верующих в Красной Армии.

С марта 1923 года проводилась кампания по конфискации церковных ценностей в пользу голодающего населения Поволжья. Священников судили за отказ от участия в этой кампании. Митрополит Мелхиседек в 1925 году был осужден на три года лишения свободы, а в 1931 году внезапно умер в Москве (имеются сведения, что его отравили сотрудники ГПУ).

Языковая политика. На VII съезде КП(б) Б в марте 1923 года, стараниями председателя Совнаркома Червякова, была принята резолюция, объявившая беларуский язык единственным государственным языком на территории БССР. Несмотря на это, во всех учреждениях по-прежнему господствовал русский язык. В 1924 году руководство республики подтвердило декрет бывшего правительства Лит-Бел об использовании в качестве государственных беларуского, русского, еврейского и польского языков. Дело в том, что

идеологическую обработку местных жителей было легче вести на их родных языках. Конституция 1927 года, хотя и подтвердила преимущество беларуского языка над другими, но государственными языками снова назвала русский, идиш и польский.

Партийно-советский аппарат всячески медлил с переходом на беларуский язык. Бюрократия, в своем большинстве русско-еврейская, отказывалась посещать курсы по изучению беларуского языка. Беларусизация руководящих структур шла медленно.

В БССР существовала территориальная дивизия РККА, укомплектованная беларусами. Но на беларуском языке в ней лишь проводили политзанятия, оформляли настенные газеты, развешивали плакаты с лозунгами. В других частях беларуский язык «изучали».

Люди видели, сколь несерьезно и формально большевики относятся к беларусизации, и чувствовали, что «мода» на беларуский язык скоро пройдет. Действительно, введение беларуского языка в повседневный быт и культурную жизнь промосковская администрация постоянно откладывала. Политика «беларусизации» была для Кремля только средством борьбы с национальной беларуской идеологией и с польским влиянием. Под видом беларусизации велась идеологическая обработка населения, в первую очередь молодежи.

Суд над листопадовцами. В марте 1926 года в Минске прошел судебный процесс над антисоветской организацией Юрия Листопада. Бывший участник Слуцкого восстания, друг Якуба Коласа, вместе с другими учителями Случчины расклеивал антисоветские листовки, распространял нелегальную литературу, призывал крестьян бороться против большевиков, разжигавших классовую ненависть среди беларусов. В тот период относительного «либерализма» власти не отваживались расстреливать политических противников, поэтому руководитель антисоветского подполья получил всего 5 лет тюрьмы, а пятеро его соратников — от трех до пяти лет.

С конца 20-х годов московское руководство, набравшись сил, взяло курс на полное подчинение национальных окраин центру, ибо ощутило опасность потерять власть. Тонкий слой образованной, национально сознательной интеллигенции, сформировавшийся еще до установления советской власти, был уничтожен либо выслан — как потенциально опасный для Сталина и его окружения*.

Научно-просветительская и художественная деятельность

Печать. В начале 20-х годов были основаны издательства «Беларусь» (государственное) и «Белтрестпечать» (кооперативное), приступившие к выпуску беларуских книг, учебников, журналов. Вско-

^{*} Уничтожение национальной интеллигенции рассмотрено в следующей главе.

ре оба издательства власти объединили в Беларуское государственное издательство (БелГИЗ) во главе с Д. Жилуновичем.

После этого издательская деятельность в БССР полностью оказалась под контролем партийных органов. Они следили за тем, чтобы кроме беларуских изданий выходила литература на языках всех наций, живших в Беларуси. В 1927 году из 11 республиканских газет 4 выходили на русском языке, 3 — на беларуском, по 2 на еврейском и польском. Все окружные газеты были русскоязычные. Из 11 журналов 4 выходили на беларуском языке, 3 на русском, 2 на русском и беларуском, 2 на идиш. Эти цифры свидетельствуют, что беларуская пресса находилась в ущемленном положении.

Образование. Больших успехов удалось достичь в беларусизации школы, несмотря на то, что русифицированная часть учительства относилась к переводу обучения на беларуский язык без малейшего энтузиазма. В 1922 году беларускоязычными были только около четверти школ, зато в 1928 году — до 80%. Вместе с тем открывались русские, еврейские, польские, украинские и литовские школы. Развернулось массовое движение за ликвидацию неграмотности.

В 1921 году в Минске открылся Беларуский государственный университет (БГУ), а через год — институт сельского и лесного хозяйства. В 1925 году его присоединили к Горецкому сельхозинституту, создав Академию сельского хозяйства. Годом раньше начал работать Витебский ветеринарный институт. Но беларуский язык был слабо представлен в ВУЗах. По-беларуски преподавали только отдельные предметы. Большевистское руководство заставляло студентов (как и военнослужащих, как чиновников) изучать беларуский язык, но не требовало пользоваться им. Кафедры беларусоведения при ВУЗах так и не создали. В 1924 году большевики произвели «чистку» студентов и преподавателей от «классово чуждых элементов».

Инбелкульт. Наркомат просвещения во главе с Игнатовским многое сделал для развертывания беларуской научно-просветительской деятельности, которая часто выходила за рамки официальной политики беларусизации. В 1921 году по его инициативе были созданы Государственная и Университетская библиотеки, Государственный музей, Центральный архив. А в 1922 году Наркомат просвещения выделил из своего состава Институт беларуской культуры (Инбелкульт) — первое официальное учреждение беларуской науки.

Для реорганизации Инбелкульта в Академию Наук большевикам потребовались 6 лет (1922—28). Такое учреждение, как Инбелкульт, не существовало более нигде. Оно возникло по инициативе беларуской интеллигенции, уставшей ждать разрешения Москвы на создание своей Академии. Положение о статусе Инбелкульта было утверждено лишь 25 июля 1924 года, после того как руководство республики взяло курс на беларусизацию и началось «укрупнение»

БССР. Руководителем Инбелкульта вместо Степана Некрашевича в 1924 году большевики назначили Всеволода Игнатовского.

Положение беларуской науки. В довоенной БССР науку держали «в черном теле». В 1928 году на нее израсходовали всего 0,55% республиканского бюджета, тогда как в целом по СССР — 1,12%. Инбелкульт все время находился на голодном пайке, его финансирование умышленно ограничивалось. Коммунистическое руководство БССР настороженно относилась к этому учреждению, где собрались наиболее сознательные и образованные беларуские интеллигенты. Многие из них ранее были членами либо БСГ, либо партии беларуских эсеров.

Вокруг Инбелкульта в 1928 году группировалось около 300 ученых. Среди них — академик Ефим Карский, писатели Янка Купала, Якуб Колас, Язеп Лёсик, Змитрок Бядуля, Максим Горецкий... Это было интеллектуальное ядро нации. Партийное руководство никогда не доверяло национальным деятелям. Всех их ГПУ держало под

негласным наблюдением.

Показательно, что решение о реорганизации Инбелкульта в Академию Наук было принято в Москве (март 1928), а дублирующему его решению местных властей предшествовало постановление ЦК КП(б)Б об усилении критики буржуазного национализма (сентябрь 1928). В 1929 году Инбелкульт превратился в Беларускую Академию Наук. Ведущие ученые бывшего Инбелкульта получили почетные звания академиков. Но уже в начале 30-х годов большинство инбелкультовцев стали жертвами сталинских репрессий.

И все же многое удалось сделать. Инбелкульт вошел в историю как первый научный центр беларусоведения. В нем разрабатывали нормы современного беларуского языка, беларускую научную терминологию, целенаправленно выявляли особенности беларуского этноса и беларуской культуры, изучали общественные отношения в беларуском обществе. Инбелкульт координировал краеведческую

деятельность, широко развернувшуюся в БССР.

Инбелкульт вместе с Наркоматом просвещения многое сделал для распространения в республике беларусоведения. Этот предмет начали вводить в школах с 1920/21 учебного года. В течение 1924—25 гг. курсы беларусоведения для учителей, государственных и партийных руководителей, рабочих открывались в столице, окружных и районных центрах. Кружки беларусоведения появились среди крестьян и студентов (Минск, Смоленск, Харьков). Лекции по беларусоведению для населения активно читали сотрудники Инбелкульта, в том числе Якуб Колас и Максим Горецкий. В 1924—27 гг. в Минске действовали Высшие курсы беларусоведения, готовившие учителей и лекторов. Беларусоведение служило средством национальной пропаганды.

Инбелкульт опекал беларуских писателей, печатал их произведения. Здесь нашли поддержку и понимание молодые Владимир Дубовка, Михась Зарецкий, Михась Лыньков, Кондрат Крапива, Михась Чарот, Кузьма Черный, многие другие литераторы. Без помощи Инбелкульта не смог бы существовать передвижной театр Владислава Голубка. Зал заседаний института украшал портрет Франциска Скорины, созданный минским художником Янкелем Крюгером.

Литература. С 1920 по 1926 год в беларускую литературу пришли около 500 новых авторов — писателей, поэтов, публицистов. Окрыленные революционной романтикой, они жили и творили с надеждой на скорое улучшение жизни. В 1923 году при журнале «Маладняк» («Молодняк») возникло одноименное литературное объединение. Оно декларировало приверженность идеалам большевизма.

В 1926 году Владимир Дубовка, Язеп Пуща, Кузьма Черный, Змитрок Бядуля, Кондрат Крапива и другие вышли из «Маладняка» и создали литературное объединение «Узвышша» («Возвышение»). С января 1927 года это объединение, ориентированное на национальную идею и отвергавшее партийный диктат, наладило выпуск одноименного журнала.

В 1927 году от объединения «Маладняк» отпочковалась группа литераторов под названием «Полымя» («Пламя»), в которую вошли Михась Чарот, Михась Зарецкий, Алесь Дударь и другие. Позже к ним присоединились Янка Купала, Якуб Колас, Тишка Гартный (Д. Жилунович), Владислав Голубок. Вокруг этого объединения и одноименного журнала сгруппировались писатели старшего возраста и более умеренных взглядов, по сравнению с «Узвышшам». Но и тех, и других роднило чувство искреннего патриотизма.

В 1928 году всебеларуский съезд объединения «Маладняк» объявил себя первым съездом Беларуской ассоциации пролетарских писателей (БЕЛАПП). Новая структура вошла в аналогичное Всесоюзное объединение и немедленно развернула ожесточенную борьбу с инакомыслящими. Первой жертвой гонений стал Алесь Дударь. Была запрещена публикация его стихотворения «Разрубили наш край пополам» (1928 г.) о трагических результатах раздела Беларуси между Россией и Польшей. В 1929 году было запрещено издание романа Михася Зарецкого «Кривичи», посвященого проблемам развития беларуской культуры и языка.

Искусство. С сентябре 1920 года в Минске работал Беларуский государственный театр. В том же году в столице был основан беларуский театр под руководством Владислава Голубка. С 1926 года он назывался Беларуским государственным передвижным театром. В Витебске в 1926 году открылся Второй Беларуский государственный театр (БДТ-2). Театральное искусство переживало подъем, но под контролем большевистской цензуры. Так, в 1926 году из ре-

пертуара БДТ-1 исключили пьесу «Здешние» («Тутэйшыя») Янки Купалы. В 1927 году та же судьба постигла пьесу «Преисподняя» Андрея Мрия, в сказочной форме показывавшую борьбу беларусов за свой родной язык.

В 1920 году режиссер Юрий Тарич снял первый беларуский фильм «Лесная быль» о борьбе партизан с польскими захватчиками. Киностудия «Советская Беларусь» из-за отсутствия собственной материальной базы была создана в 1928 году в Ленинграде. В 1930 году беларуский кинематограф стал звуковым. Однако Москва приказала, чтобы кинофильмы снимали только на русском языке.

Белорусизация и самоутверждение нации. Главным идейным стержнем беларусизации являлась советизация. Она совпала по времени с формированием современной беларуской нации, существенно деформировав естественное течение этого процесса. Беларусизация городов заложила основы советской беларуской культуры, имевшей пролетарский (а не крестьянский) характер и противопоставленной культурной традиции «Нашей Нивы», развивавшейся в Западной Беларуси и в эмиграции. Все это существенно снижало ее привлекательность и обедняло национальное содержание.

Но в 20-е годы советизация в «национальной упаковке» еще не стала разрушительной для беларуского общества, так как сохранялось традиционное крестьянское хозяйство и существовала традиционная крестьянская культура. Советскому руководству еще не удалось навязать крестьянам идеалы большевизма. Беларусы добились признания своей самобытности, в чем царский режим им отказывал. Простые люди начали даже обращаться друг к другу с традиционными словами «дзядзька» («дядя») и «цётка» («тётя») вместо «товарищ».

БССР в нашей истории. Политика НЭПа и беларусизации укрепила советскую власть в Беларуси. Но политические мотивы создания большевиками БССР тогда мало кто понимал. Между тем, они всего-навсего разыграли беларускую карту против Польши — в противовес доставшимся ей западным беларуским землям.

Создание национально-культурной автономии БССР в 20-е годы тоже стало вынужденным шагом большевистского руководства. Ограниченное самоуправление ввели в БССР с единственной целью — не допустить реализации идеи национальной независимости беларуского народа. И все же под опекой советской России национальные идеалы беларусов частично осуществились. Уже сам факт существования БССР способствовал росту национального самосознания беларусов и международному признанию идеи беларуской государственности.

^{*} Перевод со стр. 21: «Сябар» — друг. Текст рекламы гласит «Ценность дружбы — держаться вместе».

5. Большевистская Беларусь в 30-е годы

Установление экономической зависимости от центра

Индустриализация по-большевистски. На XIV съезде ВКП(б) в 1925 году Сталин заявил, что индустриализация СССР нужна для победы социализма во всем мире. Большевики готовились к войне за «Всемирную республику советов», а потому стремились наладить массовое производство новейших видов оружия и военной техники. Главная цель «сталинских пятилеток» заключалась именно в подготовке к агрессивной войне на Западе, на Юге и на Востоке.

Тоталитарная система управления должна была обеспечить стране «прыжок» в экономическом развитии. Взяв курс на индустриализацию, руководство СССР проводило ее ускоренными темпами. Для этого требовались огромные капиталовложения. Главным источником средств явилось ограбление крестьянства, главным источником рабочей силы тоже служило оно. Государство обкладывало крестьян невыносимыми прямыми и косвенными налогами, занижало цены на сельскохозяйственные товары и завышало на промышленные. Например, в 1932 году корова на беларуском рынке стоила 50 рублей, а обычные сапоги в магазине — 62 рубля.

С 1927 года по всей стране власти начали проводить ежегодную подписку населения на облигации внутренних займов — сначала добровольно, затем принудительно. Фактически, под видом займов у населения отбирали от 5 до 15% заработной платы, которая и без того была крайне низкой.

Органы госбезопасности (ГПУ) занимались конфискацией у населения иностранной валюты (долларов, фунтов, марок и пр.), золотых монет царской чеканки, иных драгоценных предметов. Государство широко продавало за границу музейные ценности. Так, в музеях БССР в 1931 году были изъяты и переданы ленинградской экспортной конторе «Антиквариат» ВСЕ произведения западноевропейских мастеров, а также хранившиеся в них ценные реликвии иудейской веры. Руководил этой реквизицией представитель «Антиквариата» А. Брусчатко.

На «великих сталинских стройках» в широких масштабах использовался бесплатный труд сотен тысяч заключенных. Начиная с 1930 года, Госплан СССР и московское руководство ГПУ указывали партийно-советским руководителям областей и районов число «врагов народа и вредителей», подлежащих обязательному аресту и отправке в «исправительно-трудовые лагеря». Иными словами, они определяли потребности новостроек в числе рабов, после чего местные власти исправно поставляли им этих несчастных, бросая их за колючую проволку по самым фантастическим обвинениям. Именно

«зэки» (заключенные), работавшие за несколько кусков хлеба, несколько картофелин и миску баланды в день, построили Беломоро-Балтийский канал, Комсомольск-на-Амуре, Магнитогорский металлургический комбинат, Уралмашзавод, Березниковский и Соликамский химкомбинаты, завод сельхозмашин в Ростове-на-Дону, десятки других крупных предприятий первых трех пятилеток.

Промышленность Беларуси. В сельском и лесном хозяйстве БССР в 1926 году было занято 90% трудоспособного населения (в среднем по СССР — 80%). При этом в 1929 году в городах насчитывалось около 33 тысяч безработных, а беларуская деревня имела до 600 тысяч лишних рук. Так что индустриализация была нужна. Но, начав ее, ориентированная на Москву администрация республики варварски распоряжалась человеческими и природными ресурсами, не учитывала местную специфику, пренебрегала экономическими интересами населения.

С начала 30-х годов Москва устанавливала плановые показатели для местной промышленности союзных и автономных республик. За невыполнение их руководитель любого предприятия и любого органа управления мог потерять не только свою должность, но и свободу. Тем не менее, задания первой пятилетки для всех отраслей экономики не были выполнены ни в СССР в целом, ни в БССР в частности. Одновременно происходило разрушение кустарно-ремесленного производства. Частное предпринимательство было запрещено. Бывших «нэпманов» ограбили до нитки и бросили в концлагеря.

Во второй пятилетке (1933—37 гг.) экстенсивные методы индустриализации исчерпали себя. Не хватало электроэнергии. Неграмотные крестьяне, оторванные от земли, могли строить заводские корпуса с помощью лопат, кирок, тачек, носилок, но не работать в промышленности. Низкая квалификация рабочих сдерживала освоение производственных мощностей. Аварии и простои новой техники были обычным явлением. Материальных стимулов труда не существовало. Вместо этого повсюду висели большевистские лозунги и расхаживали надзиратели. Ошибки и провалы списывали на «диверсантов империализма» и «вредителей», которых «разоблачали» и судили в непрерывно возрастающем количестве.

Темпы индустриализации БССР были ниже общесоюзных. Все же промышленное производство понемногу увеличивалось. В 1937 году беларуская промышленность выпускала фанеру (29% союзной продукции), олифу (30%), спички (28%), дрожжи (25%), спирт, изделия из металла, бумагу, цемент, льняное волокно, трикотаж, обувь. Близость границы с Польшей (18 км от Минска) препятствовала строительству военных заводов. Благодаря этому фактору беларуская промышленность работала до войны на человеческие нужды.

Последствия индустриализации для беларусов. Через индустриализацию Москва экономически привязывала беларускую экономику к российской. Индустриализация оплачивалась потерей экономической самостоятельности.

В голодном 1932 году города не обеспечивались даже хлебом, который уходил за границу в обмен на валюту, нужную для покупки импортной техники и оборудования. В Борисове 8 апреля 1932 года после уменьшения выдачи хлеба по карточкам толпа голодных женщин и детей разграбила хлебную лавку, а работники спичечной фабрики «Березина» остановили работу, требуя от властей увеличения выдачи хлеба. Власти пообещали вернуть прежние нормы, но обрушили жестокие карательные меры на забастовщиков. 200 человек было расстреляно, 1200 отправлено в лагеря на срок от 5 до 10 лет.

Минск, 1930-е гг.

После этого весь персонал фабрики пришлось набрать заново, благо безработных хватало

От всеобщего голода советские города спас переход на систему самоснабжения продуктами. Например, в 1934 году около 60 тысяч городских семей в БССР получили индивидуальные земельные наделы в пригородах. Но даже в 1938 году в беларуских городах не хватало мяса и молока, практически отсутствовали в продаже сыр и сливочное масло. Промышленных товаров тоже катастрофически не хватало. В 1928—34 гг. действовала карточная система, обеспечивавшая самый минимальный жизненный уровень.

В 1939 году рабочие с семьями составили уже 22% населения БССР. Безработица исчезла, но заработки были ничтожные, а их выдача часто задерживалась. Низкие заработки вынуждали женщин становиться за станки наряду с мужчинами. Рост городского населе-

ния обострил жилищную проблему. Новых рабочих обычно селили в бараках, где в одной комнате часто жили две семьи. На промышленных предприятиях были установлены казарменные порядки.

Для пополнения государственной казны резко увеличился выпуск бумажных денег. Червонец перестал конвертироваться на золото. За 1928—40 гг. индекс розничных цен вырос в БССР в 6,3 раза. А покупательная способность рубля снизилась за это время на 60%.

Таким образом, индустриализацию Беларуси большевики проводили не ради ее жителей, а за их счет.

Закрепощение крестьян

Переход к принудительным заготовкам. Зимой 1927/28 года в СССР разразился кризис в области заготовки зерна. Дело в том, что низкие закупочные цены не стимулировали продажу его излишков. Крестьянам выгоднее было выращивать технические культуры, а зерном кормить домашний скот. Поэтому власти снова ввели продразвёрстку. В 1928 году они отобрали у беларуских крестьян в 3,5 раза больше зерна, чем в предыдущем. Но следующей зимой трудности с заготовками повторились. Опять пришлось использовать продразверстку.

Первая полытка сплошной коллективизации. Сталинское руководство решило форсировать коллективизацию крестьянских хозяйств, объявленную еще в 1927 году. Цель ее заключалась в том, чтобы лишить крестьян хозяйственной самостоятельности, превратить их в послушных государству сельхозрабочих. В соответствии с приказом Москвы январский (1930 г.) Пленум ЦК КП(б)Б принял обязательство завершить сплошную коллективизацию до конца 1931 года. Но уже в феврале того же года Бюро ЦК КП(б)Б, в ответ на призыв Москвы, приняло решение об ускорении коллективизации.

В деревни отправились тысячи уполномоченных, на городских предприятиях создавали специальные бригады помощи коллективизации. За три месяца большевики загнали в колхозы свыше 430 тысяч беларуских хозяйств, что составило 58% от их общего числа. При этом производилось полное обобществление имущества. Местные большевики арестовывали крестьян, отказывавшихся вступать в колхозы, конфисковывали их имущество, а людей высылали на Север или в Сибирь.

Антиколхозные восстания. Крестьяне ответили стихийным вооруженным сопротивлением. С января до середины апреля 1930 года таких выступлений в БССР произошло более 500. Повстанцы громили колхозы, забирали отнятое у них добро, убивали коммунистов и их пособников, защищали от насилия так называемых «кулаков». Крестьяне резали на мясо скотину, перемалывали зерно в му-

ку, чтобы ничего не досталось колхозам. К маю 1930 года поголовье лошадей, коров и свиней сократилось на четверть. В марте 1930 года крестьяне Бешенковичского района Витебского округа (до 500 человек) направились к райцентру, чтобы пожаловаться на невыполнение сталинского приказа об упразднении колхозов, но были встречены пулями.

2 марта 1930 года Сталину пришлось публично осудить чрезмерное рвение своих соратников по всей стране, чтобы избежать новой гражданской войны. Кроме того, беларуские большевики опасались, что в случае крестьянского восстания его поддержит Польша.

Ощутив послабление, почти все колхозники Беларуси до августа 1930 года вернулись к единоличной жизни. Большинство колхозов развалилось.

Вторая волна коллективизации. В 1931 году большевики снова начали проводить коллективизацию, только еще более жестокими методами. Зажиточных крестьян («кулаков» и «середняков») вместе с семьями вывозили на Урал, в Сибирь и Казахстан. Конфискованное у них имущество чаще всего разворовывало руководство колхозов и районов.

Более бедных противников колхозной жизни изолировали: лишали наделов в колхозных деревнях и давали им другие, за пределами колхозных полей. Если же земли не хватало, бедняков переселяли в своеобразные концлагери. Тех, кто сопротивлялся, без следствия и суда по решению «троек» (секретарь райкома партии, председатель исполкома райсовета, начальник райодела ГПУ) отправляли в тюрьмы или расстреливали. Путем жесточайшего насилия и произвола большевикам удалось до начала 1932 года загнать в колхозы более половины хозяйств. Число «раскулаченных» (разоренных) крестьянских дворов в ряде районов доходило до 10—20%, тогда как зажиточные крестьяне в беларуской деревне составляли перед коллективизацией всего 1,5%. Из 800 тысяч крестьянских хозяйств БССР было уничтожено около 95,5 тысяч (12%).

Колхозные заработки не кормили крестьян, сколько бы трудодней они не имели. Людей возмущали колхозные нравы — бесхозяйственность, уравниловка, воровство. Назначаемые районным начальством председатели кохозов чувствовали себя «князьями»: издевались над людьми, избивали, штрафовали, арестовывали, срывали со стен иконы, закрывали церкви, не давали коней для обработки приусадебных участков. И колхозники пахали на себе. Особенно свирепствовали так называемые «25-тысячники», рабочие, присланные из России вводить колхозные порядки. В 1931 году местным властям в БССР пришлось даже отдать под суд 65 этих «посланцев российского пролетариата» за чересчур далеко зашедшие злоупотребления.

Провал коллективизации. Принудительная коллективизация закономерно обернулась кризисом сельского хозяйства. В 1932 году резко сократилось поголовье скота, общее производство сельскохозяйственной продукции уменьшилось более чем на 25% по сравнению с 1926 годом. Беларуские крестьяне стали питаться хуже, чем в годы НЭПа.

Государственные цены на зерно и другие продукты не компенсировали расходов на их производство. Они были в 10—12 раз ниже рыночных. С начала 1932 года голод охватил Ельский, Наровлянский, Туровский, Гомельский и некоторые другие районы юга Беларуси. Сотни беларуских сельчан умирали голодной смертью, а зерно тем временем увозили на экспорт. Из Туровского района колхозники писали: «Если не поможете, придется съесть своих детей». Но, несмотря на явный провал политики коллективизации, большевистское руководство проводило ее самыми жестокими методами.

Многие колхозники снова становились единоличниками, хотя местные власти буквально давили их невыносимыми налогами, за невыплату которых угрожала конфискация имущества. Были случаи, когда большевики в домах бедняков-единоличников снимали с хозяев передники, рубахи и брюки. Но и это не помогало. От «голодомора», подобного украинскому, беларусов спасла картошка. Ее на экспорт не отправляли, поэтому кое-как с помощью «бульбы» удавалось выжить.

Именно тогда, в 1932 году, был принят печально известный закон «о пяти колосках», позволявший бросать в лагеря на 10 лет голодных крестьян лишь за то, что они подбирали колосья, оставшиеся на колхозных полях после уборки. По этому закону в БССР только за два года (в 1933—34 гг.) осудили свыше 10 тысяч человек!

Беларуские крестьяне убегали в города, в Сибирь, на Северный Кавказ, где жилось немного легче. Чтобы колхозники не разбежались совсем, в 1932 году в СССР ввели паспортную систему с пропиской по месту жительства. Отныне никто из сельчан под угрозой тюрьмы не мог оставить место жительства без паспорта, который сельским жителям не выдавали. Так большевистское государство на 35 лет превратило крестьян в своих крепостных рабов.

Отмечались случаи бегства крестьян на польскую сторону. Они семьями бежали из социалистического «рая», чтобы не умереть с голода и не попасть в лагеря. Желание покинуть БССР высказывали крестьяне латышской, литовской и немецкой национальностей. В ответ власти усилили пограничные заставы, создали конные отряды, патрулировавшие границу.

Только к концу 1934 года большевикам удалось более или менее закрепить колхозные порядки в деревне. Но и на шестом году коллективизации сопротивление советским властям не утихало. На-

пример, в Чаусском районе появились партизанские отряды, уничтожавшие колхозы и раздававшие их имущество единоличникам. В 1937 году в лесу у деревни Паньковская Буда Костюковичского района появились рукописные листовки с призывом «Бей угнетателей крестьянства — большевиков!». Фактически с самого начала коллективизации беларуское крестьянство постоянно вело явную и скрытую борьбу против большевистских властей.

Борьба с хуторянами-единоличниками. К концу 1937 года в БССР было коллективизировано 87% крестьянских хозяйств, меньше, чем в целом по СССР. Тогда, чтобы принудить единоличников вступать в колхозы, в 1937—39 гг. раскулачивание дополнили ликвидацией хуторов. Большинство крестьян отказывалось переселяться в деревни. Не помогали ни уговоры, ни льготы, ни кредиты на новое строительство. В таких случаях их вывозили принудительно, а все строения на хуторах уничтожали, чтобы не было куда возвращаться. За 1937—40 гг. около 200 тысяч хуторских хозяйств было переведено на центральные усадьбы.

Ухоженные хуторские земли заросли бурьяном. На новом месте только половина хуторян получила жилье, остальные долго жили в сараях или землянках. Так значительная часть беларуских крестьян потеряла свою «малую Родину». Истребление хуторов подрывало корни беларуской народной культуры. Но и переселение не заставило большинство хуторян-единоличников вступить в колхозы.

Становление колхозного крепостичества. Хуторяне не покорялись, но репрессии все же принудили пойти в колхозы основную массу единоличников. К концу второй пятилетки (1937 г.) в их руках осталось только около 5% посевных площадей республики. А коллективные хозяйства начали задыхаться от излишка рабочей силы. Тогда «лишних» крестьян в вагонах-«телятниках» по разнарядкам, спускавшимся «сверху», стали вывозить на сталинские стройки и малозаселенные земли, в том числе в опустошенную голодом 1933 года Одесскую область. В 1938—40 гг. ежегодно из БССР вывозили более 130 тысяч человек. Некоторая часть вывезенных самовольно возвращалась на родину, но совсем нищими.

Колхозы держались исключительно за счет дармового физического труда крестьян. Даже в 1938 году колхозники пахали преимущественно вручную (79% обрабатываемой земли), сеяли (85%), собирали зерно (98%), молотили (55%).

Чтобы еще больше усилить экономическую зависимость крестьян от государства, в 1939 году было проведено измерение приусадебных участков колхозников и единоличников с целью обрезки «излишков». А налоговый пресс усиливался. Так, в мае 1941 года вышел приказ об обязательной сдаче государству каждым крестьянским

двором молока, мяса, картофеля, овощей, овечьей шерсти и сена. Сами колхозы с заготовкой продуктов не справлялись.

Не миновал деревню и политический террор. Крестьян польской, латышской, литовской и немецкой национальностей обвиняли в шпионаже. За выступления против коллективизации колхозников и деревенскую интеллигенцию судили и высылали следом за «кулаками». Кроме того, «контрреволюционные организации» чекисты фабриковали специально, чтобы поддерживать среди колхозников «трудовую дисциплину», а все провалы колхозного хозяйствования списывать на «врагов народа», «троцкистов», «вредителей», «шпионов» и «диверсантов».

Коллективизация — трагедия беларуского народа. В результате коллективизации произошла беспрецедентная по своим результатам деформация социальной и экономической структуры беларуской деревни. Исчез весь слой наиболее трудолюбивых и умелых земледельцев. Одних убили, других сослали, третьи сбежали в города или в иные регионы. За 30-е годы беларуская деревня потеряла около миллиона жителей! А остальных начала развращать система коллективной безответственности и все, что было связано с ней: безынициативность, бесхозяйственность, злоупотребление алкоголем. Именно коллективизацией большевики нанесли смертельный удар крестьянской беларуской нации.

«Культурная революция»

Большевистская система образования. В 30-е годы вся система образования насквозь идеологизировалась. С 1929/30 учебного года в БССР ввели всеобщее обязательное начальное образование для детей от 8 до 11 лет. А в 1934 году в СССР была создана единая структура общеобразовательных школ: начальные (4 класса), неполные средние (7 классов), средние (10 классов). Организовывалась система профессиональных школ. Главной причиной тому послужило развертывание многомиллионной армии. Современную технику могли освоить только грамотные люди.

Но эти новшества не обеспечивались материально. Не хватало школьных зданий, тетрадей, учебников (к тому же многие учебники были запрешены, так как их авторов объявили «вредителями», «врагами народа»). Учителям по три месяца не платили зарплату, некоторые не могли ходить на работу в школу потому, что были разуты и раздеты в прямом смысле слова. Всеобщее обязательное начальное обучение имело формальный характер. Так, среди призывников Добрушского района в 1938 году было выявлено более 22% фактически неграмотных.

В 30-е годы были созданы учительские институты в Минске, Гомеле, Могилеве, Витебске, Рогачеве и сеть педагогических техникумов. Несколько специализированных учебных институтов открылись в Минске: медицинский (1931), народного хозяйства и политехнический (1932). Все они находились под пристальным наблюдением органов ГПУ-НКВД.

В 1932 году из 6984 школ 6269 (89,8%) вели обучение на беларуском языке. Но их учителя с 1936 года проходили аттестацию на преданность коммунистическому режиму. Ненадежных увольняли либо арестовывали, на остальных заводили дела, чтобы держать в страхе. Так, в 1938 году компромат имелся на 49 из 83 преподавателей Минского пединститута (59%), на 266 из 1057 учителей минских школ (25,2%).

Между тем, выпуски пединститутов и педтехникумов далеко не удовлетворяли потребности народного образования. Поэтому высшее образование имели не более 7% учителей БССР. Евдокия Уралова, приехавшая из России и назначенная в 1938 году народным комиссаром просвещения БССР, имела только начальное образование! Аресты нацдемов привели к тому, что во многих городских школах не осталось ни одного учителя беларуского языка и литературы.

Русификация. Политика «слияния языков и культур» народов СССР началась после XVI съезда партии (1930 г.). Уже в плане изданий Белгосиздата на 1935 год тираж учебников на русском языке составил 230 тысяч экземпляров, тогда как на беларуском языке — 119,5 тысяч. Беларусизация если и поддерживалась, то исключительно ради борьбы с польским влиянием. Польские и еврейские школы превращались в беларуские, так как последние легче было русифицировать. Незаинтересованность в изучении беларуского языка усиливало то обстоятельство, что к концу 30-х годов все 22 высших учебных заведения и почти все 95 техникумов БССР перешли на русский язык обучения.

В 1933 году коммунистическое руководство Беларуси издало декрет о реформе беларуского языка. Но все изменения и упрощения производились не ради совершенствования правописания, повышения авторитета беларуского языка, а с целью приближения его к русскому. Искусственно созданная близость позже (после войны) стала действенным средством русификации беларусов.

С сентября 1938 года изучение русского языка было введено с первого класса. В 1940/41 учебном году в большинстве городских школ беларуский язык употреблялся только в I—IV классах. В учебных заведениях и государственных учреждениях уничтожались картины, гравюры, статуи, бюсты, барельефы, изображавшие Франциска Скорину и Константина Калиновского.

Были ликвидированы все формы территориально-культурной автономии национальных меньшинств. В Минске был закрыт известный на весь СССР центр еврейской культуры.

Насилие над писателями. Тяжелые испытания выпали на долю беларуских литераторов. Их аресты начались с 1930 года. В 1932 году журнал «Маладняк» не имел своего помещения, а в редакции газеты «Літаратура і мастацтва» («Литература и искусство») не было даже стола. По 3—4 месяца не выплачивались авторские гонорары. Литературные журналы тоже ждали очереди в типографиях по 3—4 месяца. Молодые литераторы жаловались в ЦК КП(б)Б, что за 1932 год власти выделили на всю писательскую организацию талон на приобретение всего одних брюк! В 1932 году большевики фактически проигнорировали 50-летний юбилей Янки Купалы.

В 1934 году взамен прежних литературных объединений был создан Союз советских писателей Беларуси. Для того, чтобы его руководители охотнее подчинялись партийным директивам, им открыли доступ в правительственный распределитель (с той же целью позже организовали союзы композиторов, художников, архитекторов). Тяжелая атмосфера воцарилась в среде беларуских писателей и поэтов. Не прекращалась травля Янки Купалы и его единомышленников. Были отстранены от участия в общественно-литературной жизни Якуб Колас и Змитрок Бядуля. Молодежь публично присягала на верность компартии, что не спасло ее от репрессий в 1937—38 гг. Имели место взаимные публичные обвинения и многочисленные тайные доносы.

Набрали силу голоса воинствующих большевистских критиков, выступавших в печати с политическими разоблачениями «врагов народа» среди писателей и поэтов. Позже эти разгромные статьи послужили поводами для арестов. Историческую тематику большевики объявили националистической.

За 10 лет, с 1931 по 1941 год, в сталинские застенки и концлагеря попали более 60% беларуских литераторов, состоявших в то время в Союзе писателей. Из них после войны вернулись домой только 20!

Театры под наблюдением. Наступление на беларуское театральное искусство началось с театральной дискуссии 1928 года. Под обстрел попала статья Т. Глыбоцкого (псевдоним молодого поэта А. Дайлидовича, более известного под псевдонимом Алесь Дударь) о самобытности беларуского театрального искусства. Автора обвинили в попытке отрыва беларуской театральной культуры от русской. Заодно досталось руководителю Главного управления искусств Д. Жилуновичу за то, что он «не защитил линию партии».

В 1932 году в БССР было 16 театров, в том числе еврейский, польский и русский. Но от них все более категорично требовали дублировать московский репертуар. В 1938 году большевики закрыли Го-

мельский государственный драмтеатр, а его руководителя, известного артиста, режиссера и драматурга Владислава Голубка, первого народного артиста БСР, бросили в тюрьму и позже расстреляли. Та же судьба постигла художественного руководителя еврейского театра Михаила Рафальского.

Война с религией. Коммунисты начисто разорили в Беларуси православную церковь. Из 1445 дореволюционных церквей летом 1938 года действовали только две — в Орше и Мозыре. В соответствии с официальной идеологией атеизма, закрепленной в конституции 1936 года, церкви переделывали в клубы, амбары, склады. За 1937 год и первую половину 1938 были арестованы 3247 верующих, в том числе 400 священников и монахов, 5 архиепископов и митрополит. Беларускую православную автокефальную церковь объявили шпионско-повстанческой организацией, а всех ее священников (во главе с архиепископом Афанасием Вечерко) — «врагами народа». В тот же период попали в лагеря около 860 сектантов и 58 гомельских староверов. Что до католической церкви, то ее разгромили еще в 20-е годы. По всему СССР создавались структуры «Союза воинствующих безбожников» с целью пропаганды атеизма.

Но религия осталась фактически единственной формой народного протеста. Например, православные сектанты-молчальники Лепельского и Туровского районов не разговаривали с представителями советской власти, бойкотировали выборы, колхозы и переписи населения. В 1937 году в Шкловском, Дрыбинским, Чаусском районах развернулся массовое движение за возвращение захваченных властями церквей: 90 тысяч верующих поставили подписи под письмом с требованием открыть храмы. Позже 24 тысячи из тех, кто подписался, были арестованы.

Беларуское под арестом. К концу 30-х годов процесс культурного строительства в советской Беларуси окончательно подпал под контроль большевистского руководства Москвы и далее уже не мог осуществляться согласно национальным традициям. Если под властью Польши национальные деятели Западной Беларуси еще боролись за свое право на самобытность, то в БССР, в условиях жестокого сталинского режима, они отрекались от своих идеалов во имя социализма и скромного личного благополучия, всецело определявшегося степенью покорности партийной администрации.

Таким образом, в 1921—39 гг. на долю жителей Беларуси выпали тяжелые испытания. Разъединение беларуской нации между Россией и Польшей, казалось бы, неуклонно приближало ее кончину. Но, вопреки формальной логике, именно после того как народ разделили на две части, он осознал, наконец, свою общность.

Способствовала тому и политика беларусизации в БССР, а также идеологическая подготовка СССР к войне с Польшей. Советская

пропаганда постоянно внушала жителям восточной Беларуси, что на западе живут их братья, страдающие под гнетом польской буржуазии и помещиков.

6. Западная Беларусь (1921-39-е гг.)

Между Польшей и Литвой

Антипольское партизанское движение 1921 г. В ответ на Рижский договор ковенское эмигрантское правительство БНР созвало в сентябре 1921 года в Праге (Чехословакия) Первую беларускую национально-политическую конференцию. В ней участвовали представители беларуских партий и организаций, действовавших за пределами БССР. Там прозвучал призыв к вооруженному восстанию в Западной Беларуси и в БССР ради возрождения БНР. Польшу и Россию конференция объявила оккупантами.

Организацию сопротивления взяло на себя правительство В. Ластовского в Ковно. Однако реально оно было возможно только против Польши, чему содействовали Литва и Германия. Утратив поддержку РСФСР и не найдя взаимопонимания с Польшей, литовское государство по-прежнему опекало эмигрантское правительство БНР. Это позволяло Литве обращаться в Лигу Наций и к европейским государствам от имени жителей Виленщины и Гродненщины, на присединение которых она претендовала. Литва стала базой беларуского партизанского движения против польских властей.

А в Западной Беларуси летом 1921 года возник Центральный беларуский повстанческий комитет во главе с бывшим руководителем Совета Случчины Владимиром Прокулевичем. Главную роль в национально-освободительной борьбе играли в то время беларуские эсеры. Их военная организация называлась «Братство беларусов». Наиболее интенсивное партизанское движение развернулось в Белостокском и Гродненском округах. Одним из главных центров партизанской борьбы стала Беловежская пуща. Отрядами белостокских партизан руководил Герман Шиманюк (псевдоним «Скоморох»). Крупный повстанческий отряд возглавлял бывший царский офицер Вячеслав Разумович (псевдоним «атаман Хмара»).

Альтернатива вооруженной борьбе. В отличие от ковенского правительства, виленские беларуские деятели, прежде связанные с Наивысшей Радой, считали, что путем вооруженной борьбы добиться независимости Беларуси невозможно. Войну на два фронта — против Польши и против России — они считали непосильной задачей. В отличие от группировки Ластовского, они рассчитывали на достижение согласия с Варшавой. Тем более, что и Версальский и Риж-

ский мирные договоры обязывали Польшу уважать культурные и социальные права национальных меньшинств.

Диктатор Средней Литвы генерал Желиговский довольно сочувственно относился к беларуской культурно-просветительской деятельности. Беларуские социал-демократы А. Луцкевич, В. Ивановский, А. Смолич, Б. Тарашкевич, Ф. Яремич, христианский демократ ксёндз А. Станкевич, беспартийный М. Горецкий (известный писатель), группировавшиеся вокруг Беларуского национального комитета (БНК), созданного 10 октября 1920 года, решили воспользоваться этим для расширения сети беларуских школ, организаций и кооперативов.

Профессор Тарашкевич занял должность руководителя беларуского сектора в департаменте просвещения правительства Средней Литвы. Эти люди надеялись создать на Виленщине беларускую автономию. Развивая идею краёвца Михаила Ромера, профессор истории Витольд Каменецкий выдвинул идею образования трех кантонов: Литвы Западной с Ковно (литовский кантон), Литвы Средней с Вильней (польско-беларуский), Литвы Восточной с Минском (беларуский) в качестве федеративных единиц польского государства. Надежды беларуских лидеров создать автономию в составе Польше подкрепляли обещания польского руководства. Поэтому весной 1921 года при БНК был даже создан нелегальный Беларуский политический комитет. Но он быстро распался, так как в нем выявили польских агентов, стала понятной несерьезность польских обещаний.

В 1921 году А. Луцкевич, который отошел от политики, основал в Вильне Беларуский музей имени своего брата Ивана Луцкевича, умершего в 1919 году. В декабре 1921 года по инициативе Б. Тарашкевича возникло Общество беларуской школы, ставившее своей целью расширение сферы обучения беларуских детей на родном языке. В начале 20-х годов беларуские гимназии действовали в Вильне, Гродно, Новогрудке, Несвиже, Радошковичах, Клецке, Будславе. Существовали около 400 начальных беларуских школ. В Барунах (Ошмянский повет) и в Свислочи работали беларуские учительские семинарии.

Идея беларуско-литовской государственности. Большие надежды беларуские патриоты по-прежнему связывали с Литвой. Помощь литовского государства в 1921 году была щедрой как никогда. Оно содержало правительство БНР, финансировало Беларускую конференцию в Праге, принимало политических беженцев, помогало формировать отряды партизан. В целом беларуское правительство получило в 1920—22 гг. от Литвы около 2 млн. марок.

Не случайно 6 апреля 1921 года ковенское правительство БНР в письме к председателю польско-литовской конференции в Брюсселе о границах выразило согласие на переход беларуских земель от

Польши к Литве. За передачу беларуских земель Литве выступила и Центральная Беларуская Рада Гродненщины и Виленщины. Беларуские лидеры надеялись воссоздать беларуско-литовское государства, с которым связывали спасение от российского и польского нашествия. В дальнейшем они не исключали разграничения, если Беларусь встанет на ноги и того пожелают народы обеих стран.

Победа антипольской линии. Однако на упомянутой Пражской конференции (сентябрь 1921 г.) перевес получили противники сотрудничества с поляками, чему сама Польша дала немало оснований. Это принудило и БНК в Вильне отказаться от участия в выборах в Виленский сейм, объявленных в конце 1921 года генералом Желиговским. Решалась судьба Средней Литвы: быть ей в составе Польше или стать самостоятельной.

Беларуские лидеры сочли попытку осуществить давнюю мечту «краёвцев» нереальной. По мнению беларуских эсеров, Вильня должно была стать общим литовско-беларуским центром борьбы против польской оккупации, фактором объединения народов-соседей. Но 20 февраля 1922 года на выборах в Виленский сейм в депутаты прошли только сторонники единства с Польшей. Средняя Литва стала частью Польского государства. Впрочем, к бойкоту беларусами выборов приложила руку и Литва, которая тоже претендовала на Виленщину.

Беларуско-литовская акция 1922 г. против Польши. После выборов в Виленский сейм Литва развернула кампанию протеста против польской оккупации Средней Литвы. Литовское правительство подталкивало беларусов к военному террору против Польши. С весны 1922 года беларуские партизаны перешли к активным действиям. Всего в партизанском движении приняли участие до 10 тысяч человек. Они воевали против польского гнета, но необходимость борьбы за независимость Беларусь понимали, увы, не всегда.

Организатором партизанского движения на Белосточчине и Гродненщине была участница Пражской конференции Вера Масловская (позже перед польским судом она скажет: делала то, что и польские патриоты перед Первой мировой войной, когда боролись за свободу и единство своей Отчизны). После захвата партизанами станции Чаромка, подрывов мостов, поджогов складов лесоматериалов в Беловежской пуще, в некоторых уездах Западной Беларуси было введено осадное положение. Действовали военно-полевые суды, прокатилась волна арестов.

Еще в конце 1921 года польская дефензива (политическая полиция) начала аресты эсеровского руководства. А в 1922 году наиболее активных эсеров поляки выслали в Литву. Их надежда на польсколитовскую войну не сбылась.

Очередные попытки договориться с Литвой. Провал попытки литовского правительства вернуть Вильню ухудшил его отношение к беларускому движению. Тогда, чтобы снова активизировать литовскую поддержку, премьер БНР В. Ластовский и министр иностранных дел А. Цвикевич 3 мая 1922 года направили председателю Генуэзской конференции ноту с признанием права Литвы на Вильню. Но к тому времени большинство беларуских деятелей разочаровалось в эффективности литовско-беларуского сотрудничества. Неизменно пролитовская позиция Ластовского вызвала недовольство. Ему пришлось оставить пост премьера, а в апреле 1923 года вообще уйти из Государственной коллегии (правительства БНР). Ластовский и сам не питал чрезмерных надежд на Литву, но другого варианта не видел.

В 1923 году границы польского государства, включая Вильню, признала Комиссия послов государств Антанты. Польские власти разгромили беларуское партизанское движение. Помощь ему утратила смысл для литовского государства. Сближение с правительством БНР имело для него временный, тактический характер. Литва не могла поддерживать беларуское движение социалистического толка. К тому же, многие литовские лидеры отвергали идею союза и с Беларусью, и с Польшей, так как опасалось доминирования славян. Они изображали литовский народ единственным наследником ВКЛ.

Политическое банкротство пролитовской партии. В конце 1923 года все беларуские организации, министерство беларуских дел и беларуский батальон в Литве были ликвидированы. Фактически произошла денонсация литовско-беларуского договора 1920 года, хотя литовское правительство официального заявления об этом не сделало.

Полный отказ литовского правительства от политической поддержки принудил правительство БНР перебраться в Берлин, а затем в Прагу. В Ковно остался брошенный всеми Вацлав Ластовский, вместе со своим журналом «Кривич». Его место занял Цвикевич.

И все же Литовская республика многое сделала для укрепления среди беларусов идеалов независимости и ориентации на Европу. Только Литва пошла на заключение с БНР полноправного государственного договора. Но, в отличие от времен ВКЛ, идеалы свободы беларусов и литовцев теперь не совпадали. Пришлось делить не только земли, но и общую историческую традицию. Беларуские лидеры проявили приверженность идее союза с Литвой, однако и для них она была вынужденным шагом на тернистом пути к независимости Беларуси.

Становление польской власти

Отказ в автономии. В Западной Беларуси был введено принятое в Польше административно-территориальное деление: воеводства, уезды, гмины. Беларусы, общим числом около 2-х млн человек, оказались в Виленском, Новогрудском, Полесском и Белостокском воеводствах*.

Принятая сеймом конституция 1921 года провозгласила Польшу унитарной парламентской республикой. Польское руководство не пошло на политические игры с беларусами и не признало БНР. Поляки считали беларусов не нацией, а некой этнографической массой, подлежащей полонизации. Поэтому стремление сознательной части беларуского населения к независимости представляло опасность для польского унитарного государства.

Идею унитарной Польши активно поддерживали помещики Западной Беларуси. Сильное польское государство являлось для них гарантом обуздания беларуского крестьянства. С другой стороны, традиционную враждебность беларуской деревни к помещикам-католикам (отсюда к Польше вообще) всячески поддерживали православная церковь, большевистская и эсеровская пропаганда.

Важную роль в подчинении беларуских земель польские власти отводили своим колонистам (осадникам). Эти отставные офицеры и унтер-офицеры Войска Польского были вооружены, помогали армии, полиции, лесной страже, участвовали в борьбе с партизанами.

Все беларуские воинские и партизанские соединения, боровшиеся против большевистского режима в советской части Беларуси, в 1921 году поляки распустили. Польские власти поспешили предотвратить возможность их перехода на сторону ковенского правительства БНР. Но жестокие методы правления и насаждение поселений колонистов способствовало созданию в среде беларусов атмосферы отрицания всего польского и весьма способствовалио их консолидации на национальной основе.

Парламентская борьба. На 5 ноября 1922 года были назначены выборы в польский сейм. Ставка беларуских эсеров на вооруженную борьбу не оправдалась. А выборы в сейм давали возможность искать взаимопонимание с польским правительством парламентским путем. Беларуские деятели смогли договориться между собой, выработали общую демократическую платформу, создали Беларуский центральный избирательный комитет (БЦИК) во главе с А. Луцкевичем. Его заместителем стал Б. Тарашкевич, казначеем — А. Стан-

^{*} О жизни западных беларусов в составе Польши нынешние жители Беларуси знают очень слабо. Советская историография живописала этот период исключительно черными красками.

кевич. В состав комитета вошли почти все известные беларуские политические деятели Западной Беларуси.

БЦИК избрал тактику единого блока беларусов с евреями, украинцами и немцами. Он требовал автономии края с центром в Вильне, а также защиты культурных и социальных прав беларусов и других меньшинств. Программа получила поддержку населения и обеспечила успех на выборах. Послами (депутатами) сейма от БЦИК стали 11 человек, в том числе Павел Волошин, Петр Метла, Антон Неканда-Трепко, Радослав Островский, Симон Рак-Михайловский, Адам Станкевич, Бронислав Тарашкевич, Фабиан Яремич.

Сенаторами были избраны Александр Власов, преподаватель православной духовной семинарии в Вильне Вячеслав Богданович и кооператор Александр Назаревский. Антон Луцкевич свою канди-

датуру не выставил.

Депутаты обеих палат основали парламентскую фракцию (беларуский посольский клуб) во главе с Тарашкевичем. В январе 1923 года она внесла в парламент проект закона о культурной автономии для беларусов. Однако за целый год работы беларуским депутатам и сенаторам не удалося добиться от польского правительства ни одной уступки.

Национальное угнетение. Конституция 1921 года лишь формально гарантировала права национальных меньшинств. Польские власти, как и русский царизм, относили всех католиков к числу поляков.

В 1921 году православные епископы Юрий Ярославский и Дио-

нисий Веледынский получили от московского патриарха Тихона согласие на автокефалию православной церкви в Польше. Польское же правительство дало согласие на это спустя четыре года — 17 сентября 1925 года. Богослужение в церквях поначалу велось только на русском языке, но в 30-е годы в ряде случаев уже на польском. С 1921 до 1924 года число православных церквей в Западной Беларуси сократилось с 500 до 195, беларуских школ — с 400 до 20, беларуских кооперативов — с 40 до двух.

Беларуская молодежь практически не имела доступа в высшие учебные учреждения. Это вынуждало ее ехать на учебу в Чехию или даже в советскую Беларусь, которые давали стипендии.

Бронислав Тарашкевич (1892—1938), языковед, видный деятель национального движения в Западной Беларуси

За этот же период здесь поселились около 15 тысяч семей польских колонистов. Правда, из-за враждебного отношения местного населения около половины из них вскоре бросили выделенные им участки и вернулись к прежним местам проживания.

В 1923 году в Белостоке состоялся судебный «процесс 45-и», на котором 20 известных беларуских руководителей национально-освободительного движения были приговорены к каторжным работам. Беларуская партия эсеров была практически уничтожена. В польских тюрьмах находились около 1300 политических заключенных-беларусов. Произвол властей доходил до крайности. Беларусов нередко штрафовали и бросали в тюрьмы без всякой вины. Узников подвергали издевательствам и пыткам.

Коммунистическое антипольское движение. Уже в 1922 году левые эсеры Язеп Лагинович и Леопольд Родзевич создали просоветскую Беларускую революционную организацию (БРО), которая в декабре 1923 года соединилась с Коммунистической партией Западной Беларуси (КПЗБ), созданной в октябре того же года. Она считалась филиалом компартии Польши.

Другого выхода у эсеров не было. Польские репрессии сильно ослабили их партию, а Литва в поддержке отказала. Подкрепленные эсерами западнобеларуские большевики начали работу среди крестьянства и значительно повысили свой политический вес. Поначалу (1924—25 гг.) они еще имели определенную свободу от диктата Москвы в своих действиях — ощущалось влияние бывших эсеров. Последние создали в КПЗБ национальное крыло. Его лидерами были члены ЦК КПЗБ Михаил Гурин-Маразовский и Томашевский. Их идеалом являлась единая Беларусь и единая компартия, независимая от Москвы и Варшавы.

«Незалежники» полагали, что беларусы лишены национальной свободы и в Польше, и в СССР. Свои главные надежды они — без достаточных оснований — возлагали на народное восстание в Западной Беларуси осенью 1924 года. По их мнению, оно могло освободить западных беларусов от польской оккупации.

Большевикам, однако, удалося подавить «леваков» с помощью новых руководителей партии, присланных из Минска. Деятельностью КПЗБ отныне руководили из Минска и Москвы. Советские эмиссары тоже считали, что основной задачей КПЗБ является подготовка восстания в Западной Беларуси с целью установления советской власти, но только ради присоедиения к БССР. В бывшем имении Лошица, под Минском, формировались специальные боевые отряды во главе с испытанными чекистами, такими как Кирилл Орловский, Станислав Ваупшасов, Василий Корж, Александр Рабцевич и другими.

Весной — летом 1924 года эти отряды перешли границу и развернули активные действия в Западной Беларуси. Они нападали ночью на дома помешиков, осадников, полицейских, чиновников, убивали сотни людей. К советским «партизанам» присоединялись и некоторые местные беларусы. Для борьбы с партизанами при польском Генеральном штабе срочно был создан специальный отдел. Получив чрезвычайные полномочия. генералы Эдвард Рыдз-Смиглы и Люциан Желиговский нанесли коммунистическим партизанам серьезное поражение. Но окончательно край успокоился только в 1925 году. В апреле этого года в одном только Новогрудском воеводстве полиция арестовала около 1400 человек. Партизанские отряды ушли на территорию БССР.

Поражению движения в немалой мере способствовали сами коммунисты, заменившие национально-освободительные и экономические лозунги непонятными для сельчан призывами к борьбе за диктатуру пролетариата и мировую революцию. Расчеты Москвы на то, что западнобеларуское крестьянство поднимется на массовое восстание, не сбылись.

Борьба за воссоединение с советской Беларусью

Политика временных уступок. Польские власти основной удар направляли против политических движений левой ориентации и стремились не провоцировать крестьянство на дальнейшие выступления. Реформы 1924—25 гг. предусматривали упорядочивание экономических отношений в аграрном секторе. Кроме того, они позволили создавать школы с параллельным обучением на польском и беларуском языках. Но создание беларуских школ полностью зависело от доброй воли местной администрации. В 1925 году, через год после принятия закона о языках, беларусы имели всего-навсего 3 школы с преподаванием на родном языке и 19 двуязычных школ.

Большевизация беларуских лидеров. Тем временем в советской части Беларуси происходили события, казавшиеся привлекательными запалным беларусам. Москва вернула ряд захваченных территорий. позволила проводить беларусизацию, крестьяне получали землю для создания хуторов. Создавалось иллюзорное впечатление, будто бы там реализуется идея беларуской государственности. В этой связи среди деятелей Западной Беларуси возобладало благожелательное отношение к БССР.

Симпатии к большевистской Беларуси распространились и среди значительной части беларуской эмиграции в Литве, Латвии. Чехословакии, Германии. 12-16 октября 1925 года в Берлине состялась Вторая всебеларуская конференция. На ней присутствовал представитель БССР Дмитрий Жилунович, получивший специальное задание от бюро ЦК КП(б)Б добиваться ликвидации беларуского правительства в эмиграции и переезда его деятелей в Минск. Ему удалось убедить членов правительства БНР во главе с А. Цвикевичем приостановить свою деятельность и признать Минск единственным центром национального возрождения Беларуси.

После этого деятелей Западной Беларуси и эмиграции стали все настойчивее приглашать на работу в БССР. Первым в Минск приехал бывший премьер-министр БНР А. Цвикевич, за ним последовали другие известные эмигранты. В 1926 году по личному приглашению А. Червякова в БССР переехал и В. Ластовский. Вряд ли беларуские лидеры полностью доверяли большевикам. Закон 1923 года об амнистии еще не являлся гарантией их личной безопасности. Но желание хоть что-то сделать для национального возрождения преобладало у них над опасениями и сомнениями.

В Западной Беларуси еще действовало Беларуско-польское общество, выходила полонофильская газета «Гражданский голос», но значительная часть здешних беларуских лидеров тоже начала ориентироваться на воссоединение с БССР. Так эндековская Польша и советская Беларусь — одна кнутом, другая пряником — весьма существенно ослабили позиции «незалежников» в беларуском национально-освободительном движении.

Руководство Рады БНР, находившееся в Праге, во главе с ее президентом Петром Крачевским, отказалось признать самороспуск совета министров, который произошел на Второй всебеларуской конференции. Тем более, что заявление о признании БССР министры правительства БНР сделали уже после своей отставки. Потому символическая власть БНР все же сохранилась*. «Незалежниками» остались лидеры беларуских эсеров Томаш Гриб, Полута Бодунова и Язеп Мамонько, председатель Рады БНР Василий Захарко, ставший преемником Петра Крачевского после его смерти в 1928 году.

Раскол Беларуского клуба. В 1925 году Москва изменила тактику по отношению к Польше. Взамен партизанских акций ставка была сделана на подготовку всеобщей революции. Для этого использовались все легальные средства. В частности, через КПЗБ советское руководство пошло на сближение с левым крылом Беларуского посольского клуба в сейме. В результате переговоров с коммунистами 24 июня 1925 года левые депутаты объявили о выходе из Беларуского клуба и создании новой фракции — Беларуской крестьянско-рабочей громады (БСРГ) во главе с социал-демократом Б. Тарашкевичем.

^{*} Рада БНР существует до сих пор. Она находится в США, а ее президентом с 1997 года является Ивонка Сурвилло. Рада не собирается передавать свои полномочия органам власти Республики Беларусь, так как они, в свою очередь, связывают начало беларуской государственности с БССР, а не БНР.

В посольском клубе остались всего три человека. При этом Адам Станкевич занялся реорганизацией партии беларуских хадеков, отстаивавших идею единого и независимого беларуского государства. Еще двое — Фабиан Яремич и Василий Рогуля — создали партию Беларуский крестьянский союз, ориентировавшуюся на Литву.

Идея вооруженного единения с БССР. Первый пункт программы БСРГ, составленной Тарашкевичем, требовал объединить все беларуские земли в независимую республику под властью крестьян и рабочих. Фактически это означало присоединение Западной Беларуси к БССР. Лидеры БСРГ (Тарашкевич, Рак-Михайловский и другие) согласились с требованием Москвы о вхождении всех беларуских территорий в состав СССР, но при том условии, что БССР получит полное внутреннее самоуправление. Они по-прежнему не понимали, что нельзя верить обещаниям большевиков, всегда и везде преследовавших только свои собственные цели.

БСРГ фактически превратилась в легальную частью КПЗБ, а Бронислав Тарашкевич стал ее членом. В 1927 году правительство БССР израсходовало полмиллиона рублей на нужды КПЗБ. Деньги западнобеларуским коммунистам передавал представитель СССР в Варшаве Александр Ульянов (сын известного минского врача). Далее их распределял директор Беларуского кооперативного банка в Вильне Радослав Островский. Под влияние большевиков подпало также созданное в 1921 году Общество беларуской школы (ОБШ), которое с 1926 года получило право действовать во всех воеводствах Западной Беларуси.

Пик коммунизации. В мае 1926 года Пилсудский возглавил государственный переворот, стал диктатором и объявил программу «санации» — оздоровления Польши. В связи с этим в правительственных кругах начались разговоры о переходе государства к федеративному принципу устройства. Польская администрация в Беларуси пребывала в растерянности.

Используя момент, беларуские коммунистические силы пошли в наступление. Под влиянием агитации БСРГ, КПЗБ и ОБШ крестьяне подали польским властям свыше 30 тысяч петиций об открытии в 1927/28 учебным году 1229 государственных школ на беларуском языке (польские власти открыли только 50, из них 32 — двуязычные). К концу 1926 года БСРГ увеличилась до 100 тысяч членов. Беларуское движение поднялось на неслыханную высоту. К нему присоединялись даже евреи и поляки, недовольные существующими порядками.

Эти факты свидетельствовали о консолидации беларуского народа вокруг идеи освобождения от Польши и создания единой независимой Беларуси с помощью коммунистической России. Национальные лозунги соединялись с социалистическими. Польша была не

единственной страной, где под влиянием советской пропаганды и агентуры росла популярность коммунистов. Такие же процессы происходили тогда в Италии, Франции, Германии.

Репрессии против БСРГ. В октябре 1926 года Пилсудский приехал в Несвиж, где ему представили множество свидетельств того, что коммунисты овладевают Западной Беларусью. Эти факты убедили диктатора в том, что создание федерации означает фактический отказ от «крэсов всходних» в пользу Москвы. С этого момент он отбросил идею федерализма и занялся разгромом коммунистических организаций. На громадовцев обрушились боевики ППС (польской социалистической партии). Их поддержали местные помещики.

В Старой Березе полиция силой разогнала в январе 1927 года разрешенный властями съезд БСРГ. Около 100 делегатов получили побои и ранения. Руководителей Громады и беларуских депутатов сейма арестовали. А польский сейм не только одобрил эти аресты, но и запретил БСРГ. Тем самым были нарушены статьи конституции 1921 года и принципы парламентаризма. Готовился судебный процесс над деятелями Громады. Власти хотели одним ударом расправиться и с беларускими коммунистами, и со всеми деятелями беларуского национально-освободительного движения, выставив их агентами Коминтерна и Москвы. Правда, властям все же не удалось объявить все беларуские политические и общественные организации большевистскими.

Лидеров БСРГ не стали держать в польских тюрьмах. Чтобы не иметь лишних забот, Пилсудский отправил их в СССР, обменяв на польских политзаключенных и арестованных ксендзов. А с обмененными беларускими деятелями в середине 30-х годов расправились органы НКВД. Их обвинили в «шпионаже для Польши»!

Некоторые уступки. Одновременно польское правительство пошло на определенные уступки беларусам. В 1926 году на муниципальных выборах они получили около 20% мест в городских и гминных органах управления. С 1927 года в польских гимназиях Западной Беларуси и в Виленской православной духовной семинарии было ведено изучение беларуского языка. Новогрудская и Виленская беларуские гимназии обрели равные права с польскими. Было позволено увеличить число беларуских и двуязычных школ. Местной польской администрации варшавские чиновники указали на необходимость знания беларуского языка. Но вопрос о предоставлении беларусам культурной автономии не рассматривался.

Трагизм беларуского движения. Национальное угнетение — с одной стороны, коммунистический миф о «свободной счастливой БССР» — с другой, подняли на борьбу, погнали под пули и в тюрьмы тысячи крестьян, десятки беларуских лидеров. Руководство ВКП(б) беззастенчиво эксплуатировало святое стремление белару-

ского народа к воссоединению, желая всего лишь расширить границы большевистской империи. И все же главной причиной беларуского движения в Западной Беларуси была антибеларуская политика польских властей, а не симпатии беларусов к большевикам. Об этом говорит тот факт, что и после разгрома БСРГ национальное движение не прекратилось.

Поиск новых моделей национальной жизни

Коммунистические идеалы теряют привлекательность. Попытка созданного коммунистами в 1928 году беларуского депутатского крестьянско-рабочего клуба «Змаганне» («Борьба») во главе с Игнатом Дворчаниным продолжить дело БСРГ не имела успеха. Новый клуб требовал от беларуских организаций полного подчинения себе и лояльности по отношению к Москве. Промосковская ориентация коммунистов, апатия беларуской общественности и политический террор заставили беларуские силы изменить методы национально-освободительной борьбы.

Представители некоммунистических течений из числа бывших громадовцев видели спасение беларуского дела в деятельности на поприще культуры, просвещения и экономики. В 1926 году Беларуский крестьянский союз и беларуские христианские демократы основали Беларуский институт хозяйства и культуры с целью поддержки хозяйственной деятельности крестьян и их просвещения. К 1930 году 60 его отделений действовали в селениях Виленского и Новогрудского воеводств. Институт открывал кооперативы, машинные станции, библиотеки.

Клерикальный национализм. Православная церковь не стала надежной опорой беларуской крестьянской оппозиции. Православное беларуское демократическое объединение, действовавшее в 1927—31 гг., пыталось защищать культурные права беларусов, но главными пунктами его программы были религиозные требования. Вовлечению православной церкви в беларуское движение препятствовали ее аполитичность, русский характер церковной культуры, и — по контрасту — полонофильство определенной части клира. Так, в 1935 году, при поддержке польских властей, в Белостоке возникло Общество православных поляков имени Пилсудского. Позже его филиалы появились в Гродно, Слониме, Волковыске и Новогрудке. Но в ответ многие верующие, которых заставляли молиться по-польски, прекратили посещать храмы.

В таких условиях роль общенационального христианского лидера начало брать на себя католическое духовенство. С октября 1926 года Христианское демократическое объединение беларусов превратилось в политическую партию всего беларуского населения не-

зависимо от его вероисповедания, приняв новое название — Беларуская христианская демократия. БХД продолжила традицию беларуских хадеков в борьбе за объединенную независимую Беларусь, а также за беларуский язык. Наиболее известными лидерами БХД были ксендзы А. Станкевич и В. Годлевский, весьма критично относившиеся к СССР.

Беларуские полонофилы. В 1930 году А. Луцкевич вместе с Р. Островским учредил в Вильне Центральный союз культурных и хозяйственных организаций (сокращенно Центросоюз). В отличие от деятелей из Беларуского института хозяйства и культуры, Луцкевич верил в возможность обеспечения национальных интересов беларусов путем сотрудничества с польским правительством. Центросоюз занимался созданием библиотек, деревенских читален, распространением сельскохозяйственной и беларуской литературы (серия изданий «Крестьянская библиотека»), издавал газету «Наперад» («Вперед»). С Центросоюзом сотрудничал ряд беларуских общественных организаций.

Осенью 1931 года Луцкевич и Островский создали Беларуский церковный комитет, а через год — Общество беларуского просвещения и начали издавать ежегодник «Родной край». Фактически, проправительственный Центросоюз противостоял «незалежницким» устремлениям виленского Беларуского национального комитета.

Пилсудчики перехватывают эстафету от сталинистов. Санационный режим Пилсудского не считал нужным сотрудничать с беларускими антикоммунистическими силами, решительно отказался от политики уступок 1926—27 гг. и встал на путь полной ассимиляции беларусов. Началось ограничение беларуской культурно-просветительской деятельности. В 1928 году была закрыта гимназия в Радошковичах, в 1930 запрещена деятельность Беларуского издательского общества, в 1931 году закрыта Клецкая гимназия, в 1934 году — Новогрудская.

К середине 30-х годов польское государство вступило в период относительной экономической и социальной стабильности. Власти использовали это для еще большего закрепления правовых основ унитарности государственного строя. В новой конституции 1935 года права всех неполяков были урезаны до минимума. Место умершего 12 мая 1935 года Пилсудского занял Эдвард Рыдз-Смиглы. Президентом республики стал Игнаций Мосьцицкий. Они и развернули новое наступленне на беларуское движение.

В Картуз-Березе с 1934 по 1939 год действовал концлагерь с чрезвычайно жестоким режимом. Через него прошли почти 10 тысяч человек — беларусов, украинцев, поляков — борцов за национальную независимость и демократию. Были закрыты Общество беларуской школы (1936 г.), Беларуский институт хозяйства и культуры и Союз

беларуских учителей (1937 г.), Беларуский хозяйственный союз (1938 г.). Еще в 1928 году виленский епископ запретил беларусам-католикам (в первую очередь ксендзам) вступать в БХД, читать ее газету «Беларуская крыніца». В 1937 году БХД закрыли вообще. В 1938 году был ликвидирован Беларуский национальный комитет в Вильне. Остались только Беларуское научное общество и Беларуский музей имени И. Луцкевича.

В 1938/39 учебном году в Западной Беларуси не работала ни одна беларуская школа. Тогда же закрылся единственный беларуский монастырь в Друе. Число костелов возросло со 157 в 1917 году до 416 в 1938.

Название «Беларусь» официально более не использовалось — только «крэсы всходние». Многие люди стали опасаться называть себя беларусами. Именно в тот период неприязнь ко всему польскому глубоко укоренилась в сознании беларусов.

Все же продолжалось издание журналов на беларуском языке «Беларуская летопись», «Колосья», «Христианская мысль», «Студенческая мысль», «Путь молодежи». Беларуское научное общество выпускало свой «Ежегодник». Эти издания печатали и националистов, и коммунистов, но читала их преимущественно интеллигенция. Беларуские деятели теряли возможность национально-культурного влияния на сельчан.

Взаимное непонимание. Под влиянием резкого усиления давления со стороны крайне правых польских политических сил, коммунисты поддержали идею создания в Западной Беларуси Народного фронта. Но у них практически не было шансов возглавить общедемократические силы. Чтобы завоевать доверие западных беларусов, коммунистам надо было осудить политические репрессии в СССР, сделать какие-то шаги на-

Винцент Годлевский (1888—1942) священник и политик, жертва нацистов

Адам Станкевич (1892—1949) священник, историк, публицист, жертва сталинистов

встречу Польше, которой угрожала гитлеровская Германия, отказаться от идеи объединения со сталинской БССР. Но КПЗБ не могла пойти на это хотя бы потому, что находилась под бдительным контролем агентов НКВД.

В 1936 году католическая Беларуская христианская демократия объединилась с православным Беларуским крестьянским союзом и Беларуским демократическим объединением и приняла более широкую общебеларускую программу. Новая политическая организация взяла название Беларуское народное объединение — БНО (Янка Позняк, Станислав Гринкевич). БНО сотрудничала и с коммунистами в просветительских и хозяйственных учреждениях. Это заставило ксёндза В. Годлевского отойти от ее деятельности.

Взаимопонимания «левых» и «правых» не удалось достичь даже перед угрозой германского нацизма. Более того, разочарование Минском и Варшавой толкнуло отдельных беларуских деятелей в объятия нацизма. В 1935 году по инициативе Ф. Акинчица была создана Беларуская национал-социалистическая партия. Она не нашла сколько-нибудь широкой поддержки и воспринималась как курьез, но факт ее появления свидетельствовал, что среди некоторых беларуских лидеров возник расчет на поддержку со стороны гитлеровской Германии.

Разгон КПЗБ. В 1937 году начался очередной экономический кризис. Агрессивность нацистской Германии непрерывно усиливалась. Даже один из лидеров КПЗБ, Станислав Мертенс, считал, что в случая агрессии Германии коммунисты должны защищать Польшу. Лозунг защиты независимой Польши, которая бы уважала национальные и социальные права беларуского народа, мог сплотить беларуские политические силы. Но такого не произошло.

16 августа 1938 года КПЗБ, вместе с компартиями Польши и Западной Украины, решением исполкома Коминтерна были распущены. Этого требовал Сталин. Вся партийная организация беларусов была объявлена союзницей польского империализма. А польское руководство, со своей стороны, считало эту партию союзницей московских империалистов. Функционеров КПЗБ вызвали в СССР и там большей частью казнили, меньшей — бросили в лагеря.

Положение некоммунистических сил. Антибеларуская политика польского правительства привела к ослаблению крупнейших легальных беларуских партий — Беларуского народного объединения (ксёндз А. Станкевич) и Беларуского крестьянского союза (Ф. Яремич). Христианские демократы довольно активно пытались сделать свою партию главной беларуской политической силой в Польше: они расширяли деятельность среди православного населения, тесно сотрудничали с партией Ф. Яремича. Но клерикалы уже не могли сплотить беларусов, которых репрессировали и польские, и совет-

ские власти. Польская дефензива продолжала аресты беларуских деятелей даже в августе 1939 года, всего за несколько дней до нападения нацистской Германии.

Национально-освободительная борьба в Западной Беларуси происходила преимущественно в рамках социалистической идеологии. Что ж, судьба вскоре дала западным беларусам возможность убедиться в ее «привлекательности» на собственном опыте.

Некоторые сравнения. Экономический спад 1924—25 гг. и особенно мировой экономический кризис 1929—33 гг. существенно ухудшили положение жителей Западной Беларуси. Безработица стала хроническим явлением. В 1928 и 1934 годах деревня голодала. Крестьяне начали носить домотканую одежду, чего прежде здесь никогда не было. Немецкий контрабандный сахарин, доставлявшийся через литовскую границу, считался лакомством. Не случайно беларуские депутаты сейма называли положение своего края колониальным.

Зато западные беларусы избежали тех жутких экономических и социальных экспериментов, которые производили большевики с их соотечественниками на востоке. В первую очередь это касается колхозного движения, массовых репрессий и комсомольского беспредела под лозунгом «долой стыд, семью и материнство».

В годы экономического подъема (1937—38) Виленское, Новогрудское и Полесское воеводства по урожайности зерна и картофеля достигли показателей Франции, причем без использования тракторов и другой техники. Крестьяне Полесского воеводства откармливали на заболоченных сенокосах по 12—20 и более голов крупного рогатого скота, продавали скот на мясо, а за вырученные деньги приобретали зерно и муку.

...Попав в сталинские застенки, известный филолог, литератор и политический деятель Язеп Лёсик еще в 1930 году заявил своим палачам, что без независимого Польского государства не было бы и БССР.

7. Объединение беларуских земель (сентябрь 1939 — июнь 1941 гг.)

Удар в спину полякам

Накануне. Красная Армия была стянута к польской границе за неделю до наступления. 17 сентября советское радио заявило о необходимости спасения беларусов и украинцев от захвата их нацистской Германией. Никто тогда не знал, кроме высшего руководства ВКП(б), что войну против Польши немцы начали в соответствии с советско-германским договором о ненападении (пакт Молотова-

Риббентропа) от 23 августа 1939 года и приложенным к нему секретным дополнительным протоколом. В нем польское государство делилось на две сферы влияния — Германии и СССР.

Граница должно была пройти примерно по линии рек Плисса, Нарев, Буг, Висла и Сан, то есть, через Варшаву. Литва вместе

с Вильней переходила к гитлеровцам.

Военные действия союзников. Первым (1 сентября) напала на Польшу Германия. Польская армия упорно сопротивлялась врагу. Англия и Франция объявили Германии войну, но фактически ничем не помогли Польше. В то время, когда поляки защищали Варшаву, на них напал ССССР. На рассвете 17 сентября 1939 года войска Белорусского и Киевского особых военных округов вторглись на территорию Польского государства.

Так началась Вторая мировая война. Гитлер и Сталин выступали в ней вначале союзниками. Правда, Сталин немного помедлил, чтобы в глазах мировой общественности главным виновником агресс-

си выглядел Гитлер.

28 сентября 1939 года нацисты захватили Варшаву. Польская армия потеряла за 4 недели войны 66 тысяч убитыми и 133 тысячи ранеными. Свыше 418 тысяч польских военнослужащих оказались в немецком плену. Среди погибших, раненых и пленных было и беларусы. Немецкие самолеты бомбили польские военные объекты на территории Западной Беларуси, немецкие войска вошли в Брест.

На востоке польские армии получили приказ избегать стычек с красноармейцами и, по возможности, уходить на территорию Венгрии или Румынии. Но польские патриоты организовывали сопротивление по собственной инициативе. Крупные бои происходили в районе Вильни, Гродно (20 и 21 сентября), Ошмян, Львова. Упорное сопротивление Красная Армия встретила на Полесье, в районе Пинска и Кобрина. Несколько армейских соединений и моряки Пинской флотилии под командованием генерала Франтишека Клееберга не сдались в плен большевикам, а пробивались на помощь защитникам Варшавы. Польские войска трое суток успешно обороняли от нацистов и Брестскую крепость.

Войска Вермахта, сломив героическое сопротивление поляков, еще до прихода Красной Армии захватили польские земли восточнее Варшавы, которые по секретному протоколу находились в советской зоне интересов. Сталин с этим легко согласился. Оккупация центральной Польши не позволила бы ему называть свою захватническую акцию «освободительным походом». Тогда союзники Польши — Англия и Франция — вполне могли объявить войну обоим агрессорам: и Германии, и СССР.

Но, отказавшись от центральной Польши с Люблином и Модлином, правобережной части Варшавского воеводства в пользу гитле-

ровцев, Москва потребовала взамен Литву. Взаимопонимание было достигнуто, 28 сентября обе стороны подписали новый секретный протокол к договору о дружбе и государственных границах, который уточнил зоны влияния Германии и СССР. Немцы должны были оставить захваченный ими Брест. Перед выводом своих войск из города немецкий генерал Гейнц Гудериан предложил командованию РККА устроить совместный парад немецких и советских войск. Он состоялся 23 сентября 1939 года на центральной площади Бреста (аналогичный парад был устроен также в Львове).

В войне с Польшей были убито и ранены около 2600 красноармейцев. Потери поляков в боевых действиях против красных были меньше — всего несколько сот человек. Но около 240 тысяч польских военнослужащих попали в советский плен. Среди них было очень много беларусов и украинцев.

Катынский расстрел. Трагическая судьба постигла пленных польских офицеров. Их расстреляли по приказу кремлевского руководства в апреле — мае 1940 года. В Катынском лесу под Смоленском погиб 4421 человек, в Старобельском лагере под Харьковом — 3820, в поселке Медный возле Калинина (ныне Тверь) — 6311, в тюрьмах БССР — 3870, в тюрьмах УССР — 3435 человек, а всего 21857 человек! Среди них было немало уроженцев Западной Беларуси. Только в апреле 1990 года Москва призналась в совершенном преступлении и передала польскому правительству списки расстрелянных поляков.

Отношение Сталина к пленным полякам изменилось, когда Гитлер напал на Советский Союз. Тогда они потребовались для борьбы с Германией. В соответствия с соглашением, заключенным 14 августа 1941 года правительством СССР с эмигрантским польским правительством в Лондоне, на советской территории формировалась польская армия генерала Владислава Андерса, который до того сидел в Лубянской тюрьме, в Москве. Первые 25 тысяч ее бойцов составили пленные польские солдаты и офицеры, выпущенные из лагерей, где они провели более двух лет. Примерно 10% из них пришлось на беларусов, вставших под польские штандарты, чтобы вырваться из лагерей. Многие из них потом так и остались «поляками».

Прощание с поляками. Мало кто думал, что польская армия так легко уступит Беларусь московским коммунистам. Все помнили разгром красных в 1920 году. Беларуское население, безусловно, радовалось, что польские угнетатели разбежались. Кое-где группы беларусов и евреев нападали на польское гражданское население, но такие инциденты происходили редко. Чаще в беларуских домах поляков укрывали от бесчинств мародеров.

Многие беларусы верили поначалу, что они присоединились к свободной независимой Беларуси. В некоторых районах беларуское

и еврейское население даже поддержало Красную Армию с оружием в руках. Такие выступления обычно готовили местные коммунисты, вышедшие из подполья. Так, в Скиделе (Гродненская область) они, вместе с дезертирами из польской армии, заняли городские учреждения еще до прихода красноармейцев и объявили советскую власть. Но вскоре в Скидель вошел польский полк, отступавший из-под Вильни на Гродно, и разогнал повстанцев. При этом погибли 20—25 человек. Массовых всенародных восстаний нигде не было. Большинство населения пассивно наблюдало за дальнейшим развитием событий. Впрочем, были случаи, когда красноармейцев встречали хлебом и солью, цветами, устанавливали триумфальные арки.

Главными инициаторами «манифестаций радости» выступали бывшие рядовые члены КПЗБ. Их тогда насчитывалось около трех тысяч. Большевиков поддержали беднейшие слои общества, считавшие советскую власть «своей». В ряде мест спонтанно возникли революционные крестьянские комитеты (ревкомы). В соответствии с приказом командующего Белорусским фронтом М. Ковалева, в уездных и волостных центрах создавались временные управы, отряды народной милиции и рабочей гвардии. Не ожидая официального разрешения, ревкомы и управы стали делить землю и имущество помещиков между крестьянами, взяли на себя руководство предприятиями. Что касается интеллигентов, то они еще очень плохо понимали суть большевизма. Поэтому многие считали приход Красной Армии меньшим злом, чем нацистская оккупация.

Инкорпорация Западной Беларуси

Миф о счастливоме воссоединении. Московские идеологи восхваляли вторжение Красной Армии, провозглашали начало новой эры в истории беларуского народа, эпохи национального единства под руководством ленинско-сталинской коммунистической партии.

Для идеологической обработки населения были срочно задействованы уцелевшие коммунисты и национальные деятели. В пропагандистских целях новые власти поначалу снизили государственные налоги и цены на промтовары. Кроме того, в первые месяцы своего существования новая власть в самом деле сделала кое-что полезное для наиболее бедной части беларуского крестьянства. Оно получило конфискованные у помещиков земли. Все беларуские дети стали учиться на родном языке.

Административные изменения. В конце октября 1939 года в Белостоке собралось Народное (Национальное) собрание. «Выборы» его депутатов прошли в условиях жесткого контроля со стороны военного командования и сотрудников НКВД, по заранее составленному списку, не содержавшему альтернативных кандидатур (на каждый

депутатский мандат претендовал только один кандидат). Депутаты единогласно проголосовали и за провозглашение в Западной Беларуси советской власти, и за объединение ее с БССР в единое государство, и за вхождение в состав СССР, и за национализацию земли, банков, промышленных предприятий. Разумеется, эти «просьбы трудящихся» в кратчайшие сроки удовлетворили Верховные Советы БССР и СССР.

Взамен прежних воеводств и поветов большевики создали пять областей: Барановичскую, Белостокскую, Брестскую, Вилейскую, Пинскую. Они, в свою очередь, были разделены на районы. 19 ноября 1939 года произошло разграничение районов между БССР и УССР. Раздел производился по линии бывших Минской, Гродненской и Волынской губерний.

Уничтожение «антисоветских элементов». Таковыми считались представители бывшей польской администрации, колонисты («осадники»), члены некоммунистических партий и организаций, помещики, предприниматели. Аресты начались уже в октябре 1939 года и продолжались без перерыва по июнь 1941. Значительную часть арестованных людей большевики казнили (до 40–45%), остальных отправляли в ссылку.

В тюрьме оказался и бывший редактор «Нашей Нивы» Александр Власов. В октябре 1939 года он пришел в редакцию беларуской газеты, открывшейся в Молодечно, чтобы предложить свои услуги. Но когда редактор прочитал его автобиографию, в которой он рассказал о своем участии в беларуском национальном движении, направил Власова на «беседу» в органы НКВД, где того немедлено арестовали. Власов умер в Марийской АССР, по пути в концлагерь.

После окончания пропагандистской кампании беларуские коммунисты (бывшие члены КПЗБ) и национальная интеллигенция Западной Беларуси стали не нужны большевикам. Их тоже начали арестовывать по заранее составленным спискам. Кроме того, подвергались арестам — с последующей внесудебной расправой — зажиточные крестьяне, мелкие ремесленники, торговцы.

Органы НКВД осуществляли массовые депортации населения. По имеющимся сведениям, всего из Западной Беларуси и Западной Украины с сентября 1939 года по июнь 1941 было вывезено в Коми АССР, Сибирь, Казахстан, на Дальний Восток и в другие необжитые места около 680 тысяч человек (в том числе часть военнопленных). Среди них до 320 тысяч поляков (в том числе беларусы-католики), 217 тысяч украинцев, 91 тысяча беларусов и полешуков, 83 тысячи евреев, 20 тысяч литовцев и русских. Около трети из них (220—230 тысяч) погибли либо в пути, либо в ссылке от холода, голода, болезней, отчаяния.

Большевики отправили в ссылку из Западной Беларуси каждую четвертую польскую семью. Таким способом они стремились изменить этнический состав местного населения, чтобы навсегда покончить с польскими претензиями на «крэсы всходние».

По подсчетам американского исследователя Яна Гросса, за 1939—41 годы сталинисты уничтожили в три раза больше жителей бывшей Речи Посполитой, чем нацисты*. Между тем, в Западной Беларуси и Западной Украине польских граждан было почти вдвое меньше, чем на территории, оккупированной немцами!

Уже в сентябре-октябре в Западной Беларуси и в Западной Украине возникло польское антисоветское подполье. Оно подчинялось своему эмигрантскому правительству во главе с генералом Владиславом Сикорским, которое находилось сначала в Париже, а с 1940 года в Лондоне. Подпольные организации объединились в общепольский Союз вооруженной борьбы. Его целью являлось возрождение независимого польского государства в границах 1939 года.

Грабеж края. Красноармейцы неожиданно для себя увидели в Западной Беларуси мощеные дороги, зажиточные деревни, богатые ярмарки, и образ нишей страны, о которой говорили им перед вторжением комиссары и пропагандисты, мгновенно исчез. Обутые в брезентовые ботинки с обмотками, одетые в поношенное обмундирование из некачественной материи, сталинские бойцы и офицеры хватали все, что попадало им под руку. На восток потоком шли посылки. На рынках в Минске и других городах БССР шла бойкая торговля «польскими» товарами.

По захваченным землям блуждали эмиссары российских музеев, вывозившие беларуские богатства. Множество ценных вещей награбил в помещичьих имениях в 1940 году Московский исторический музей. Центральный антирелигиозный музей вывез в том же году из Пинска в Москву два вагона старинных рукописей и книг (более 30 тысяч), принадлежавших библиотеке Пинской католической семинарии. Местное коммунистическое руководство разделило богатства Несвижского замка князей Радзивиллов. Часть их попала в Минск, а оттуда стараниями нацистских оккупантов — в Германию. По подсчетам Яна Гросса, прямые материальные потери в результате двухгодичного советского господства в Западной Беларуси составили более двух миллиардов польских злотых!

Советская администрация. Репрессиям подверглись практически все поляки и беларусы, которые находились на польской государственной службе, в том числе лесники и сотрудники почты. Для их замены требовался большой контингент образованных людей с опытом практической работы. Но большевистское руковод-

^{*} Cm. Gross J.T. Revolution from abroad. Princeton, 1988.

ство не доверяло местному населению — даже после его «чистки». До 1941 года в КП(б)Б смогли вступить только 46 бывших членов западнобеларуской, польской и западноукраинской компартий! Обычно их подозревали в сотрудничестве с польской контрразведкой и принимали в беларускую компартию только тогда, когда им удавалось получить рекомендации от пяти большевиков с «незапятнанным прошлым».

Новые граждане БССР попали в разряд людей второго сорта. Их способности и таланты остались невостребованными большевистскими властями. На руководящие должности назначали работников из восточных областей республики. В январе 1940 года вышел приказ об отправке туда более 17 тысяч аппаратчиков. До конца года цифра мобилизованных достигла 31 тысячи человек. Понятно, что в своем большинстве это были не лучшие кадры, а те, от кого хотели избавиться на прежних местах работы. Однако присланных все равно не хватало, только тогда у некоторых жителей Западной Беларуси впервые появилась возможность принять участие в управлении своим краем. Правда, в состав советской администрации вошли преимущественно не беларусы, а более образованные поляки и евреи.

Советизация экономической жизни. С октября 1939 года большевистское руководство начало вводить в западных землях советские порядки. Польские деньги отменили практически без замены их на советские, все денежные вклады в сберегательных кассах и банках, в том числе трудовые вклады, конфисковали. Была объявлена государственная монополия на торговлю — и магазины мгновенно опустели. Национализировалась промышленность. Создавались ремесленные кооперативы, которые разрушали мелкое производство в местечках. Безработных ремесленников приглашали на государственные предприятия, которые реконструировались и работали в три смены, либо на предприятия восточной Беларуси. Крестьян периодически привлекали на строительство военных объектов. Безработица исчезла. Люди могли заработать деньги, только вот далеко не всегда на них можно было купить нужные товары. Изумленные крестьяне и горожане впервые узнали о таких понятиях, как «дефицит» и «очереди».

Делались настойчивые попытки организации совхозов и колхозов. Но желающих нашлось мало. Дислоцирование в западных областях БССР большой массы войск создало повышенный спрос на продукты питания и открыло крестьянам широкие возможности заработка. До советско-германской войны удалось коллективизировать всего 2% крестьянских хозяйств, да и то путем принуждения.

Крестьянам запретили нанимать сезонных рабочих, сдавать землю в аренду. С 1941 года у единоличников начали обрезать землю, оставляя им не более 10-15 гектаров (таких хозяйств оказалось бо-

лее 37 тысяч). Отрезки раздавали беднякам. Между ними разделили имущество 25 тысяч высланных из Беларуси польских колонистов, а также часть помещичьих земель.

Советизация духовно-культурной жизни. Уже в ходе вторжения Красной Армии разрушались культовые здания. После установления советской власти церковные земли были конфискованы. Религиозные общины стали душить налогами, а задолженность по налогам служила основанием для конфискации храмов. Церкви, костёлы, синагоги переделывали в кинотеатры, мастерские, склады, клубы, тюрьмы. Запретили преподавать в школе религию, звонить в церковные колокола, выносить предметы культа за пределы храмов, устраивать крестные ходы. С мая 1940 года церковные браки утратили юридическую силу, отныне надо было регистрировать брак в ЗАГСе. Некоторые райисполкомы выгоняли священников на строительные работы наравне с крестьянами. Многих из них обвинили в сотрудничестве с бывшими польскими властями и арестовали.

В крупных городах открылись дома политпросвещения, в уездных центрах — дома соцкультуры, в волостях — хаты-читальни. Из Минска везли горы политической литературы и портретов советских руководителей. В каждом районе стала выходить своя газета на беларуском языке. Но постепенно они переходили на русский язык.

Радио в то время пользовалось примерно такой же популярностью, как сейчас — телевидениие. Однако в Западной Беларуси существовала всего одна радиостанция, построенная в Барановичах в 1938 году. Большевики немедленно обратили внимание на это обстоятельство. Уже к сентябрю 1940 года в западных областях появились 9 новых радиостанций — в Белостоке, Бресте, Вилейке, Гродно, Новогрудке, Пинске и других городах.

Но самым эффективным средством пропаганды коммунистических идей стало кино. За 1939—41 гг. количество кинотеатров в городах Западной Беларуси увеличилась втрое. По деревням кочевали кинопередвижки. Большинство западнобеларуских крестьян впервые увидело движущиеся образы на экране, это производило сильное впечатление на них.

Русификация образования. В декабре 1939 года ЦК КП(б) Б принял постановление «О мероприятиях по организации народного образования в западных областях БССР». Оно предусматривало введение в Западной Беларуси всеобщего обязательного бесплатного обучения.

С целью подготовки педагогических кадров предусматривалась организация месячных курсов переподготовки местных учителей и создание специальных учебных заведений. С 1 января 1940 года были открыты педагогические либо учительские институты в Барановичах, Белостоке, Гродно и Пинске, педагогические училища в Белостоке, Бресте, Волковыске, Гродно, Лиде, Молодечно и Пинске.

На 1 сентября 1940 года в Западной Беларуси было 5643 школы. Из них — 4278 беларуских (75,8%), 932 польские (16,5%), 173 русские (3%), 150 еврейских, 61 литовская, 49 украинских школ, в которых учились свыше 800 тысяч детей (в среднем, 142 ученика на школу). Русский язык изучался в беларуских школах с 3-го класса, во всех остальных с 3-го класса изучался беларуский язык.

Новые власти взяли общий курс на русификацию системы образования, но проводили ее осторожно. Одним из способов являлось репрессирование части местного учительства. Взамен устраненных присылали новых учителей. Под тем предлогом, что большевистские посланцы не знали беларуского языка, вместо беларуских школ открывали русские. Это делалось только в городах.

Другой способ заключался в отмене обязательного изучения беларуского языка в польских, еврейских, литовских и русских школах. Осенью 1940 года его заменили русским, а в русских школах изучение беларуского языка вообще отменили. Третье направление русификации — обеспечение школ учебниками на русском языке, присылаемыми из БССР и РСФСР.

Разочарование советами. Местные жители вскоре увидели множество заключенных, которых привезли из России и БССР на строительство военных объектов. Рассказы узников быстро разрушили миф о народной власти и всеобщем счастье в «стране советов». Люди не понимали абсурдных приказов советских чиновников, например, работать во время церковных праздников или выполнять план заготовок зерна во время жатвы. В октябре 1940 года даже ЦК КП(б)Б признал, что воспитательная работа в западных областях свелась к вымогательству налогов методами грубого администрирования и к сгону людей на принудительные работы.

Выборы в Верховный Совет БССР и СССР в феврале 1940 года не вызвали никакого энтузиазма. Например, в отдельных избирательных округах Вилейской области от участия в голосовании отказались от 50 до 75% избирателей. Некоторые деревни вообще не голосовали. Возникли сомнения, может ли такая власть продержаться долго. Уже в 1940 году жители Белостокской области стали убегать от большевиков в оккупированную немцами Польшу. Восточные беларусы невольно обманули западных, предложив им взамен независимой Беларуси московскую неволю.

Западная Беларусь вплоть до июня 1941 года оставалась регионом с особым режимом управления. Сохранялась старая советско-польская граница с пограничными заставами. Гражданскому населению запрещалось пересекать ее в том и другом направлении без специального разрешения. Более того, коммунистическое руководство республики постоянно разжигало недоверие «восточников» к «западникам», которое дожило до наших дней.

Судьба виленских беларусов

Сюрприз с Вильней. 19 сентября 1939 года Красная Армия захватила Вильню. Сразу началась чистка города от так называемых антисоветских элементов. Заодно красноармейцы грабили городские магазины и даже пешеходов.

Сталин и Гитлер согласовали между собой передачу Вильни и Виленского края (6,9 тыс. кв. км) Литве. Но Москва не посчитала нужным уведомить об этом беларуское партийное руководство. Этот факт убедительно свидетельствует о марионеточном характере беларуского советского государства.

Главным идеологическим комиссаром в Западной Беларуси был назначен Иван Климов, тогдашний заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б)Б. Его штаб-квартира находилась в Вильне. Климов не знал о запланированной передачи Вильни Литве. Он думал, что именно здесь будет заседать Национальное собрание. Он и его помощники создали временную виленскую управу. Беларуский язык был признан официально, начала выходить беларуская газета «Виленская правда», открывались беларуские школы. Виленщина готовилась к выборам в беларуский «парламент». Среди местных беларусов ходили слухи о переносе столицы из Минска в Вильню.

Охота на беларускую интеллигенцию. Наконец и руководству БССР стало известно, что Виленщина переходит к литовцам. Договор об этом между СССР и Литвой был подписан 10 октября 1939 года. Спектакль с использованием виленских беларуских деятелей на планировавшемся в Вильне заседании Национального собрания стал ненужен.

Климов вполне мог передать Литве вместе с городом живших там беларуских деятелей, но этот убежденный сталинист приказал арестовать их на основе списка, заранее составленного в НКВД и вывезти в БССР. Литовские наблюдатели-дипломаты зарегистрировали около 800 лиц, арестованных чекистами в Вильне.

Виленские беларусы понесли большие потери. Чекисты схватили одного из начинателей беларуского движения Антона Неканду-Трепко, известного публициста Владимира Самойло, автора стихагимна «Мы выйдем тесными рядами» Макара Кравцова, редактора «Беларускай крыніцы» Янку Позняка (деда Зенона Позняка), поэтессу Наталью Арсеньеву, Вячеслава Богдановича и ряд других. Многие из них погибли. По мнению большевиков, беларуская интеллигенция «в своем большинстве была настроена националистически, придерживалась пропольской ориентации». Поэтому они считали необходимым изолировать ее от общества.

Трагически сложилась судьба Антона Луцкевича, самого авторитетного беларуского деятеля в Вильне. Когда в город ворвались боль-

шевики, он был директором Беларуского музея имени Ивана Луцкевича и преподавателем Виленской беларуской гимназии. Его тайно арестовали в ночь с 26 на 27 сентября. Климов не хотел, чтобы этот арест разрушил раньше времени иллюзии виленских беларусов. Но Луцкевич был слишком известным человеком для того, чтобы его исчезновение прошло незаметно. Уже 29 сентября к Климову пришла беларуская делегация с вопросом о судьбе своего лидера. Тот пообещал отыскать Луцкевича, а сам срочно отправил его в минскую тюрьму, откуда беларуский деятель уже не вышел.

По официальным данным, Особое совещание при НКВД БССР приговорило А. Луцкевича 14 июня 1941 года к 6 годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и он умер в 1946 году в Семипалатинской области. Но это — ложь. Точно известно, что 22 июня 1941 года Луцкевич находился в минской тюрьме. Наиболее вероятно, что он погиб между 22 и 30 июня в пути между Минском и Бобруйском во время эвакуации заключенных из Минска, так как почти всех политзаключенных конвой расстрелял по дороге.

всех политзаключенных конвои расстрелял по дороге

Напомним в этой связи решение Бюро ЦК КП (б)Б от 22 июня 1941 года:

Слушали: О заключенных, содержащихся в тюрьмах западных областей, приговоренных к ВМН /высшей мере наказания/.

Постановили: Поручить тт. Цанаве и Матвееву передать директиву об исполнении приговоров в отношении осужденных к ВМН, содержащихся в тюрьмах западных областей БССР.

В обстановке паники и неразберихи первых недель войны, упомянутое постановление развязало палачам руки в отношении всех категорий заключенных. Их гнали пешком и на каждом привале истребляли: расстреливали, уничтожали гранатами, даже давили грузовыми автомобилями. К настоящему времени опубликованы леденящие душу воспоминания тех, кто чудом уцелел или невольно стал свидетелем...

Виленские трофеи. 22 октября 1939 года в Вильню приехала литовская полиция. Большевики перед своим уходом грабили все, что могли: промышленные предприятия, музеи, архивы, библиотеки, магазины, квартиры. Награбленное, в том числе старинные книги, коллекции монет и средневекового оружия, они грузили в вагоны и отправляли в Минск. В частности, в октябре 1939 года в Минск доставили оборудование виленского радиозавода, на основе которого весной 1941 года заработал минский завод ламповых радиоприёмников. Но в спешке не смогли забрать все, а то, что погрузили, по дороге частью было украдено, частью пришло в негодность. В Минске все это свалили в подвалах и коридорах разных учреждений. Позже некоторые подвалы залила вода, складированные там ценности при-

шли в негодность, а часть вывезенных предметов литовцы вернули во времена немецкой оккупации.

Итак, Вильня перешла к новым хозяевам, хотя Сталин и Молотов сами публично признали, что этот город и его окрестности не были литовскими. Но, отдав Вильню, СССР получил по советско-литовскому договору о взаимной помощи (от 10.Х.1939 г.), право на создание военных баз в Литве — в Алитусе, Пренах, Гайжунах и Новой Вильне. Сталин отдал Вильню литовцам временно, так как достаточно скоро (в августе 1940 г.) он захватил всю Литву. Сделав это, он для смягчения недовольства ее граждан отрезал от БССР еще 2,6 тыс. кв. км и в ноябре 1940 года передал их Литовской ССР.

Присоединение Вильни к Литве произошло вследствие преступного сговора Сталина и Гитлера, действовавших исключительно в захватнических целях. Но это событие оставило болезненный след в памяти всех пострадавших народов — поляков, беларусов, литовцев.

Приобретения и потери

Основания для утешения. Разделение Беларуси в 1921 году на две части было трагедией нации. Беларусы стремились к объединению и получили его. Объединение соответствовало национальным интересам беларуского народа. Пока Беларусь оставалась разделенной между Россией и Польшей, существовала опасность полной русификации ее восточной части и полной полонизации западной.

После 1939 года БССР увеличила свою территорию почти вдвое — со 127 тысяч квадратных километров до 235 тысяч. Вдвое увеличилась и численность населения, достигшая 10 млн. человек. Благодаря объединению, беларусы приобрели такую этническую массу, которая позволила им более успешно пройти через последующие испытания сталинского террора, Второй мировой войны и коммунистической денационализации.

Основания для недовольства. К сожалению и стыду, объединение беларуских земель произошло в результате сговора между гитлеровской Германией и сталинским СССР. Оно произошло в системе тоталитарного государства. Беларусы не получили национальной независимости, о которой мечтали, не стали хозяевами своей земли.

А в Западной Беларуси один захватнический режим сменился другим, еще более жестоким. Здесь была уничтожена интеллектуальная элита нации, ангажированная в культуру европейского образца и относительно свободная от коммунистических иллюзий. Погибли носители идеи беларуской независимости. Большевики обрели возможность беспрепятственно формировать у беларусов

психологию рабского подчинения чуждому им руководству. Это на десятилетия замедлило развитие самосознания нации.

Только некоторые патриоты — депутат сейма Янка Станкевич, председатель партии беларуских христианских демократов Адам Станкевич, Радослав Островский, Николай Щорс, Витовт Тумаш и ряд других успели покинуть Отчизну.

Вековое польско-русское соперничество за беларуские земли завершилось в 1939 году в пользу большевистской России. Они стали плацдармом для дальнейшей советской экспансии на запад, плани-

ровавшейся Сталиным и его кликой.

Кроме того, как утверждает беларуско-польский историк Евгений Миранович, Сталин хотел превратить Белостокскую область БССР в польскую автономию — в качестве основы для создания в будущем, после «Великого освободительного похода» в Европу, коммунистической Польши. Поэтому он активно размещал там войска и не проводил коллективизацию.

8. Германо-советская война (июнь 1941 — сентябрь 1943 гг.)

Успехи нацистов

Захват нацистами Беларуси. 22 июня 1941 года Германия напала на СССР. Война между СССР и Геранией была неизбежна. Оба союзника готовились к нападению друг на друга, но Гитлер опередил. Внезапный мощный удар вызвал панику среди военнослужащих Красной Армии. Молодых командиров не учили обороняться. Они имели право только наступать. А опытных офицеров выкосили сталинские репрессии.

Несмотря на героическое сопротивление отдельных частей РККА, германские войска непрерывно шли вперед. Танковые группировки Готта и Гудериана, продвигаясь от Вильни и Бреста, заняли Минск уже 28 июня. Западнее беларуской столицы в гигантском «котле» оказались основные силы Белорусского военного округа: 330 тысяч красноармейцев попали в плен, немцам достались в целости и сохранности более 60 окружных складов с оружием, топливом, провиантом. До 400 тысяч военнослужащих погибли в боях.

16 июля немцы заняли Смоленск, а к концу августа они контролировали всю территорию БССР. 4 августа в Борисов прилетал Адольф Гитлер для совещания со своими командующими.

Поведение большевиков при отступлении. Наступление немцев вызвало развал советской администрации в БССР. Например, из Пинска местные власти бежали еще тогда, когда немцы находились более чем в 100 км от города. Весь ЦК КП(б)Б 25 июня, на четвертый

день войны, уже находился в Могилёве. Некоторые номенклатурные работники из БССР в конце июня добралась с семьями на легковых машинах до Москвы, однако оттуда их отправили назад.

Функцию управления взяли на себя органы НКВД. Но из Западной Беларуси сотрудники этого ведомства почти ничего не вывезли, не провели там и мобилизацию призывников. Зато из восточных областей они отправили 1,5 млн. человек на работу в Россию, а в Красную Армию мобилизовали до 500 тысяч. В результате население восточной части Беларуси сократилось более чем на треть. Политических заключенных спешно расстреливали здесь во всех тюрьмах. В общей сложности чекисты успели казнить свыше 20 тысяч человек. Крупные промышленные предприятия, сельскохозяйственная техника, скот, зерно — все ценное из восточных областей либо вывозили, либо уничтожали. Коммунисты сожгли значительную часть Витебска и Полоцка, а после войны списали эти разрушения на немцев.

Кремлевские стратеги сознательно создавали невыносимые условия не для гитлеровцев (их кормила и одевала вся завоеванная Европа), а для беларуского народа, оставшегося под немецкой оккупацией. Обещанная советской властью безопасность оказалась пустым словом. Огромные материальные затраты, понесенные жителями БССР в 30-е годы для вооружения и содержания Красной армии, пропали даром. Беларуский народ остался беззащитным и вынужден был искать спасение своими силами.

Большевики и нацисты, бредившие о мировом господстве, втянули в кровавую бойню и беларуский народ, поставив его перед проблемой поиска спасения. Но разве можно было надеяться на сталинское тоталитарное государство, на оккупированную Польшу, на нацистскую Германию, на далекие Англию и США?

Нацистское нашествие. Оккупанты принесли беларусам реквизиции и грабежи. Разграблению подверглись научные учреждения, библиотеки, музеи. Ценное научное оборудование, редкие книги, лучшие произведения искусства — все вывозилось в Германию. Многие магазины, учреждения и квартиры разграбили мародёры.

Население поражалось жестоким отношением гитлеровцев к военнопленным. Но беларусов немцы часто отпускали по просьбам родственников. Пользуясь этим, многие беларуские женщины освобождали из плена мужчин славянской внешности, выдавая себя за их родственниц. Беларусы стали свидетелями невероятной враждебности нацистов к евреям, которых перед войной насчитывалось в БССР около 750 тысяч. Уже в ходе своего наступления немцы уничтожали еврейские семьи и грабили их имущество, а позже всех уцелевших загнали в многочисленные гетто.

По плану «Ост», в беларуских землях планировалось оставить не более 25% беларусов, да и то с целью онемечивания. Всех остальных планировалось после окончания войны частью уничтожить, частью выселить в Сибирь. На освобожденном от них пространстве должны были поселиться немецкие колонисты. Евреи и цыгане подлежали полному уничтожению. Однако этот план держался в секрете даже от многих высших руководителей Третьего рейха. О нем впервые стало известно только на Нюрнбергском процессе.

Оккупационная администрация. По приказу Гитлера от 17 июля 1941 года, на оккупированных восточных территориях создавались рейхскомиссариаты. В том числе рейхскомиссариат Остлянд (Восточные земли) с центром в Риге. В его состав вошли генеральные комиссариаты Эстония, Латвия, Литва и Белоруссия (Belorussland). Общее руководство оккупированными землями осуществляло из Берлина Министерство восточных территорий во главе с Альфредом Розенбергом.

Площадь генерального комиссариата Беларусь, по сравнению с БССР, сократилась до четверти ее бывшей территории (около 60 тыс. кв. км). Восточная граница совпала с довоенной, но в дальнейшем предполагалось перенести ее дальше на восток, присоединив Смоленщину.

Южные районы Брестской, Пинской, Полесской и Гомельской областей вошли в рейхскомиссариат Украина; северо-западные районы Брестской области и вся Белостокская область оказались в составе Восточной Пруссии; северо-западная часть Вилейской области отошла к генеральному комиссариату Литва. При этом большая (восточная) часть генерального комиссариата Беларусь осталась в юрисдикции командования тыла группы войск «Центр».

А в западной части (включая Минск) была создана гражданская администрация во главе с генеральным комиссаром Беларуси Вильгельмом Кубе. Такое положение считалось временным, но сохранилось до конца оккупации. В подчинении Кубе находились 10 окружных комиссариатов. В округах существовали уездные и волостные управы. Комиссариат Минска являлся особой административной единицей.

На востоке наряду с военными комендатурами создавались волостные, районные и городские управы. Взамен советской милиции немцы учредили вспомогательную полицию. В деревнях были избраны старосты.

Раскол общества. Оккупация наглядно выявила раскол беларуского общества на сторонников и противников советской власти. Какая часть населения осталась преданной Советам, никто не подсчитал. На основе имеющихся данных можно предположить, что летом — осенью 1941 года приверженцами большевиков оставались лишь те

члены компартии и комсомола, и те сотрудники советских органов, которые не смогли эвакуироваться. Все остальные либо открыто выступали против советской власти, либо застыли в ожидании.

В то время народ еще не понимал опасность нацизма. Ведь с августа 1939 года коммунисты стали союзниками нацистов и полностью прекратили антифашистскую пропаганду. Да и во время Первой мировой войны немцы вели себя в Беларуси вполне нормально. Поэтому сначала гражданское население надеялось приспособиться к новым хозяевам.

Истоки сотрудничества с немцами. Под немецкой оккупацией беларусы утратили даже ту марионеточную государственность (БССР), которую имели при сталинском режиме. Но и теперь нашлись патриоты (преимущественно из числа эмигрантов), которые не забыли о БНР и не отказались от мысли воссоздать ее. Война Германии с СССР, как им казалось, дала шанс разрушить большевистскую империю руками нацистов. Эмигранты, находившиеся в Берлине, учредили Беларуский национальный центр (в июне 1941 г.) во главе с врачом Николаем Щорсом и ксендзом Винцентом Годлевским. Но надежда на то, что этот Центр будет преобразован в беларуское правительство, не сбылась. Гитлер не сомневался в скорой победе Третьего рейха, а потому не видел нужды в национальных автономиях.

Лидеры христианских демократов (В. Ивановский, Я. Станкевич) и Станислав Гринкевич из Беларуского национального объединения понимали, что Германия не подарит беларусам независимость. Их расчет был иной. Они верили, что США вместе с Англией в конце концов победят как нацистов, так и большевиков. Немецкую же оккупацию эти патриоты хотели использовать для внедрения беларусов в местную администрацию, для развития их национального самосознания и для создания собственных вооруженных сил.

Еще осенью 1940 года Янка Станкевич организовал в подполье Партию беларуских националистов (ПБН), чтобы от ее имени наладить контакты с польским сопротивлением и западными союзниками. Свой вклад в обоснование необходимости сотрудничества с немцами внесли также В. Годлевский и редактор «Минской газеты» А. Сенькевич.

Правда, многие беларусы пошли на службу к немцам по материальным соображениям, в первую очередь — люди, обиженные советской властью, которых было очень много.

Политика гауляйтера Кубе. Генеральный комиссар (гауляйтер) Беларуси Вильгельм Кубе был своеобразным человеком. Его суждения и планы во многом существенно отличались от официального курса руководства нацистской Германии. Так, он был убежден, что ради

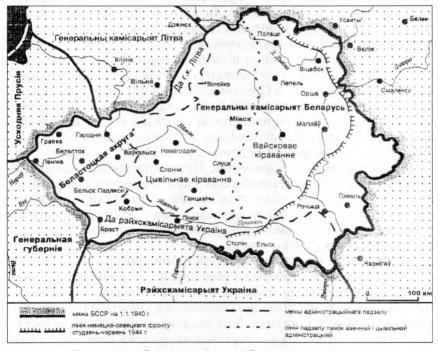
победы над большевизмом надо сотрудничать с беларусами, составлявшими большинство населения на подвластной ему территории.

Его первое распоряжение от 10 сентября 1941 года касалось открытия беларуских начальных школ. Руководство школьным делом Кубе поручил ксендзу Винценту Годлевскому, через год замученному в гестапо. Беларускую интеллигенцию Кубе использовал для комплектования оккупационной администрации.

Положение в Западной Беларуси. За полтора года Москва не смогла полностью советизировать земли, присоединенные в 1939 году. Крестьяне-западники немедленно распустили немногочисленные колхозы и вернулись к индивидуальному хозяйствованию.

А вот беларуская интеллигенция в западных областях не имела никакого опыта управления. Потому местную аминистрацию и вспомогательную полицию немцы первое время формировали преимущественно из поляков. Даже служебным языком здесь стал польский. Кроме того, гитлеровцы возвращали поместья помещикам, а крестьянские выступления протеста подавляли.

Поляки не забыли о том, что в 1939 году беларусы лишили их на «крэсах» и власти, и имущества. Польские националисты стали клеветнически обвинять многих беларусов в принадлежности к партии

Территория Беларуси во время Второй мировой воны

большевиков, чтобы уничтожать их руками немцев. Это повлекло немалые жертвы в первые месяцы оккупации, особенно среди беларуской интеллигенции, и без того немногочисленной. Защищаясь от истребления, беларусы в свою очередь стали доносить на поляков.

Разобравшись в сути происходящего, гауляйтер Кубе остановил террор против беларусов. Перемена в политике оккупантов подтолкнула многих беларусов к сотрудничеству с немцами, а поляков — к переходу в оппозицию. Уже осенью 1941 года активизировались польские подпольные группы Союза вооруженной борьбы. От имени польского эмигрантского правительства Владислава Сикорского в Лондоне они боролись на два фронта — и против нацистского рейха, и против большевиков — ради возрождения Польши в границах 1939 года. Польско-советский договор о совместной борьбе против Германии (14 августа 1941 г.) местные поляки сначала игнорировали.

Положение в беларуском Полесье. Здесь, в районе совместного проживания беларусов и украинцев, действовали подразделения Украинской повстанческой армии («Полесская сечь») во главе с Тарасом Боровцом по прозвищу «Тарас Бульба». Устремившись к Москве, немцы обошли болотистое Полесье стороной, потому значительная его часть оказалась под контролем «Полесской сечи», а также беларуских формирований Всеволода Родько и Михаила Витушко. В каждом районе они назначили своих руководителей и разделили землю между крестьянами.

Но позже немцы пришли и сюда, установили свои порядки. С конца 1941 года, когда гитлеровцы разогнали правительство украинских националистов, а Степана Бандеру посадили в концлагерь, бульбовцы вслед за поляками и бандеровцами развернули борьбу на два фронта — против нацистской Германии и против большевистской России. Но малочисленные беларуские организации, в отличие от них, на разрыв с немцами не решились.

Начало партизанского движения. На востоке после большевистских и нацистских реквизиций люди жили на грани голода, особенно в городах. Здесь не было столь активного сотрудничества населения с оккупантами, как в западных землях. Немцам пришлось набирать людей во вспомогательную полицию и местную администрацию преимущественно силой.

За выражение поддержки Красной Армии или советской власти людей штрафовали, подвергали телесным наказаниям, а то и вешали. Поэтому Восточная Беларусь была сравнительно благоприятным районом для организации советского подполья и развертывания партизанского движения. Базу движения сопротивления составили представители бывшего партийно-советского, комсомольского и колхозного «актива», не имевшие шансов на сочувствие со сторо-

ны нацистов. Многие из этих людей были искренне преданы коммунистам, превратившим их «из грязи в князи».

Тем не менее, массового партизанского движения долгое время не было и в восточной части бывшей БССР. Часть отрядов создали красноармейцы, оказавшиеся в окружении. Отдельные отряды успели создать местные партийные и советские власти, причем основную часть партизан в таких отрядах составили сотрудники милиции, органов НКВД, офицеры запаса. Но большинство партизанских отрядов и групп формировались в советском тылу, после чего их переправляли через линию фронта в восточную Беларусь. В западных областях советских партизанских отрядов до лета 1943 года вообще не было в соответствии с условиями советско-польского соглашения августа 1941 года. Там воевали отряды польской Армии Краёвой (АК).

Согласно подсчетам беларуского историка Игоря Лялькова, в 1941 году общее число советских партизан в восточных областях БССР не превышало 5 тысяч человек. В 1942 году их численность возросла до 10—12 тысяч, что составило максимум 1,8% от общей численности граждан старше 18 лет. Иными словами, никакого «всенародного сопротивления» оккупантам здесь долгое время не было. Ситуация начала меняться с 1943 года под воздействием двух факторов: с одной стороны, жестокой оккупационной политики немцев, с другой — перелома хода войны в пользу большевиков.

Почти все первые партизанские отряды стали легкой добычей немцев, особенно те, что пришли из-за линии фронта. Людей посылали на верную гибель. Только после победы Красной армии под Москвой партизаны несколько воспряли духом. К началу 1942 года на территории восточной Беларуси дислоцировалось до 200 мелких партизанских отрядов. Но их «боевая деятельность» в основном сводилась к самообеспечению продовольствием, боеприпасами, медикаментами — как за счет населения, которое они просто грабили, так и за счет оккупантов.

Местные жители, страдавшие от реквизиций и произвола со стороны партизан, нередко указывали немецкому командованию или подразделениям вспомогательной полиции расположение партизанских баз, выдавали им связных, других пособников коммунистов. В 1942 году 10—12 тысячам партизан противостояли 16 тысяч полицейских, которые вместе со специальными немецкими частями участвовали в борьбе со «сталинскими бандитами» и в репрессиях против евреев. Зимой и весной 1941—42 гг. немцы, при поддержке полиции, уничтожили значительную часть партизанских отрядов.

Враги Беларуси. Война проявила ряд тенденций, гибельных для местного населения. Нацисты планировали колонизацию и геноцид; большевики стремились восстановить сталинскую диктатуру;

польские националисты боролись за возрождение своего господства в Западной Беларуси; украинские националисты хотели подчинить беларуское Полесье; литовские и латышские националисты претендовали на северо-западные и северные районы Беларуси. И все они ради достижения своих целей истребляли местное население.

Выбор — сотрудничество (1942 — сентябрь 1943 гг.)

Теноцид евреев. На территории Беларуси действовали 260 концлагерей (вместе с филиалами). Сюда привозили антифашистов, коммунистов и других врагов Третьего рейха из Австрии, Голландии, Германии, Венгрии, Польши, Франции, Чехословакии. Только в лагере Тростенец, под Минском, за время оккупации погибли около 206 тысяч узников. Среди его жертв преобладали евреи и русские (военнопленные), но были и беларусы. Больше людей, чем в Тростенце, погибло только в Освенциме и Майданеке. А всего на территории Беларуси в концлагерях погибли до 800 тысяч человек.

Кроме того, нацисты создали в беларуских городах и местечках 155 гетто. В 1942 году в Лахвенском гетто (Слуцкий район), а в 1943 году в Глубокском и Белостокском гетто вспыхнули восстания, безжалостно подавленные с использованием артиллерии и танков. Некоторые узники пробились в леса к партизанам, где появились целые еврейские поселения. Многих евреев прятали беларуские семьи, хотя за это им угрожала смертная казнь.

Но к концу 1943 года все гетто на территории Беларуси опустели. Самые большие жертвы пришлись на Минск, где гитлеровцы уничтожили около 100 тысяч евреев, в том числе 25 тысяч, доставленных из оккупированных стран Западной Европы. После ликвидации очередного гетто все оставшееся от евреев имущество грабили немцы и полицейские. Остатки разбирали местные жители. Нацисты также истребили почти всех беларуских цыган.

Местные жители, как правило, не участвовали в массовых экзекуциях. Этим занимались, помимо немецких зондеркоманд, отряды эстонской, латвийской и литовской полиции, но большей частью — украинские формирования.

Выживание горожан. Все промышленные предприятия были объявлены собственностью германского государства, хотя фактически ими руководили обычные собственники («шефы»). Городское коммунальное хозяйство и оптовую торговлю контролировали германские фирмы. Местное население могло заниматься только ремесленной деятельностью и розничной торговлей на рынках и в киосках. В оккупационной экономике господствовал «Остлянд-банк», находившийся в Риге. С 1942 года его отделение действовало и в Минске.

На все население в возрасте от 18 до 45 лет распространялась всеобщая трудовая обязанность. Работать на предприятиях приходилось по 14—15 часов в сутки, но заработки были в 4—6 раз меньше, чем у немецких специалистов. В Минске в 1943 году дневного заработка не хватало на покупку килограмма картошки. Правда, жизнь эвакуированных беларусов, работавших на военных предприятиях в советском тылу, была не лучше.

Работа на немцев стала главным средством спасения горожан от голода, так как продуктовые карточки власти выдавали только рабочим, малолетним и калекам. Но с точки зрения сталинского руководства такие рабочие являлись предателями. «Народные» и прочие комиссары, которые даже в блокадном Ленинграде питались деликатесами, всерьез полагали, что население на оккупированной немцами территории должно было выбрать смерть вместо жизни!

С осени 1941 года началась вербовка людей в возрасте от 17 до 40 лет на работу в Германию. Организация «Беларуская народная самопомощь» привлекала местную молодежь возможностью пройти у немцев рабочую выучку, приобрести специальность. Но добровольцев находилось немного. Тогда с 1942 года рабочих начали брать силой. От этой акции немцы стремились получить двойную пользу: ликвидировать людские резервы для партизан; заменить боеспособных немцев на заводах и в сельском хозяйстве Германии беларусами. Всего в Германию было вывезено из Беларуси до 380 тысяч человек. А в советский тыл, как уже сказано, большевики эвакуировали около 1,5 миллиона (вместе с детьми и стариками).

Аграрная политика оккупантов. Новые хозяева были заинтересованы в развитии сельскохозяйственного производства для нужд фронта. Крестьянские семьи бесплатно получали в собственность до гектара земли под приусадебные участки и до семи гектаров пахотной земли во временное пользование. Им позволялось держать домашний скот без каких-либо ограничений. Чтобы поддержать разоренные большевиками крестьянские хозяйства Восточной Беларуси, немцы весной 1942 года обеспечили их посевным материалам и плугами, ремонтировали тракторы, давали коней.

Кубе не стал вводить на подчиненной ему территории общинные хозяйства в соответствии с гитлеровским положением от 16 февраля 1942 года. Весной 1942 года он передал колхозные земли и инвентарь в единоличное пользование крестьянским дворам, объединявшимся в земельные кооперативы. Но самые лучшие земли нацисты забрали себе и создали на них поместья немецких и голландских колонистов. На работу к ним крестьян гнали силой.

Беларуская народная самопомощь. После поражения под Москвой (декабрь 1941 г.) нацисты стали более охотно и широко сотрудничать с беларусами. При этом Кубе опирался на Беларускую народную са-

мопомощь (БНС), созданную в октябре 1941 года. Эта организация имела свои окружные и районные отделения, волостные кружки. Гауляйтер разрешил БНС заниматься не только благотворительностью, но и культурно-просветительской деятельностью. В июле 1942 года была сформирована Главная рада БНС (12 человек), во главе с Иваном Ермаченко. При ней отделы — политический, военный, школьный, культуры, пропаганды, здравоохранения. Местные рады БНС с соответствующими отделами были учреждены в каждом округе. Фактически Кубе готовил административный аппарат, который в случае необходимости мог перенять руководство у немцев.

Беларусизация под контролем нацистов. Возрастала общественно-политическая и культурная активность беларуских деятелей, которые отовсюду ехали в Минск. С осени 1941 года начали открываться беларуские начальные школы. К июню 1942 года на территории под гражданским управлением действовали около 3,5 тысяч школ с 346 тысячами учеников. В августе 1942 года немецкие власти разрешили открывать беларуские гимназии, в декабре их насчитывалось около 30.

В 1942 году были основаны беларуские профсоюзы и женская лига. В том же году православный всебеларуский Собор постановил возродить Беларускую автокефальную церковь. В марте 1942 года была узаконена деятельность Беларуского экзархата униатской церкови. Однако вскоре гестапо арестовало и замучило ее руководителя, священника Антона Неманцевича, а деятельность Беларуского экзархата запретило.

Беларуская самооборона. В июне 1942 года Кубе выступил с инициативой создания беларуских вооруженных сил — Беларуской самообороны (БСА). Ее содержание возлагалось на местное население, а руководство — на немецких офицеров. Нацисты видели в БСА инструмент борьбы с советскими партизанами, беларуские лидеры — основу будущей беларуской армии.

Наплыв добровольцев в Западной Беларуси был велик. В восточных областях производилась и принудительная мобилизация. Кубе выступал за самостоятельность БСА, использование в ней беларуского языка и беларуских офицеров. Со второй половины ноября 1942 года шефом БСА стал майор Франтишек Кушель. Всего удалось сформировать около 20 батальонов. Но немецкие власти не обеспечивали их питанием, не выдавали обмундирование, задерживали вооружение. В батальонах распространилось пьянство и дезертирство. Голодные самооборонцы нередко грабили население.

Переход к карательным экспедициям. Политика уступок, на которую пошла немецкая администрация, не положила конец партизанскому движению в восточных областях, которое организовывал штаб в Москве, и тогда немцы сделали ставку на силу. Первая круп-

ная карательная экспедиция против партизан («Болотная лихорадка») прошла с 21 августа до 21 сентября 1942 года. В результате ее были убиты до 10 тысяч человек, но партизаны составили среди них не более 500 (5%). Беларуские деревни уничтожались вместе с жителями только за то, что находились в районе действия партизанских отрядов. Свои карательные экспедиции немцы проводили руками украинцев, русских, латышей, литовцев и самих беларусов.

Но все же беларуские формирования часто отказывались истреблять своих безоружных сельчан. Если беларуские командиры, служившие нацистам, протестовали против расправ с мирным населением, их арестовывали, вывозили в Германию, расстреливали.

Попытка отказа от помощи населения. Преступления оккупантов не вызвали ни одного протеста со стороны БНС. Тем не менее, нацисты (служба СД, гестапо) были недовольны деятельностью БНС и ее военных соединений (БСА), которые ничем не отличились в борьбе с партизанами. Вдобавок, в марте 1943 года съезд деятелей БНС одобрил меморандум об автономии Беларуси, создании беларуского правительства и беларуской армии для ведения войны против СССР. Сразу после съезда немцы ограничили компетенцию БНС сферой здравоохранения и материальной помощи населению. Ее руководителя Ивана Ермаченко они обвинили в злоупотреблении властью и выслали в Прагу. Ему так и не удалось стать беларуским премьером и уравнять Беларусь в правах с Литвой, где действовало литовское правительство, немцы платили рабочим и служащим в 2—3 раза больше, а продукты питания в 2—3 раза были дешевле, да и налоги ниже.

В апреле 1943 года БСА была ликвидирована. Солдат частью перевели в полицию, частью отправили на работу в Германию. Немцы сохранили в Минске лишь один беларуский полицейский батальон.

Новые уступки. Уже в мае того же года гитлеровцы возвратились к политике сотрудничества с местным населением. Ситуация на восточном фронте ухудшалась. Министерство Розенберга отказалось от плана ликвидации гражданской администрации в Беларуси. В июне 1943 года оно заявило о праве крестьян на земельную собственность. Правда, это право в основном осталось на бумаге из-за действий партизан. Одновременно в стратегически важных пунктах по инициативе Кубе стали создавать «полицейские деревни» для сдерживания партизан. Их жителям выдавали оружие, они получали земельные и налоговые льготы. Но крестьянство уже не стремилось сотрудничать с немцами, к которым потеряло доверие. В 1943 году оккупанты не смогли получить в Беларуси сельхозпродукты в том объеме, на который рассчитывали. Крестьяне платили немцам налоги только там, где они контролировали положение. А в парти-

занских зонах гитлеровцы силой отбирали у людей последний кусок хлеба. Примерно так же поступали и партизаны.

Новые организации. Тем не менее, Кубе не отказался от поддержки беларуских националистов. По его ходатайству Берлин (Розенберг) разрешил создать Союз беларуской молодежи (СБМ), первую организации такого типа в восточных оккупированных землях. Торжественная церемония в связи с этим событием произошла 22 июня 1943 года в Минском городском театре. В тот день Кубе впервые официально пообещал беларусам независимое государство под протекторатом Третьего рейха.

Беларуская молодежь довольно охотно вступала в СБМ, куда принимали в возрасте от 10 до 20 лет. Привлекали патриотические лозунги, красивая униформа, экскурсии в Берлин. До конца оккупации в СБМ вступили около 12,5 тысяч юношей и девушек. Одну из целей СБМ его лидеры видели в ликвидации психологии неполноценности среди беларуской молодежи. Но в то же время эта организация отравляла молодых людей идеями нацизма и антисемитизма. Лидер СБМ Михаил Ганько подчинялся непосредственно Кубе.

27 июня 1943 года Кубе создал из числа беларусов Раду Доверия при Генеральном комиссариате. В нее вошли 16 человек. Председательствовал минский бургомистр Вацлав Ивановский, его заместителем был новый руководитель БНС Юрий Соболевский. Рада не обладала никакой реальной властью, но была нужна Кубе для группирования беларуских сил. Предполагалось, что в подходящий момент она возьмет на себя административную функцию управления краем. Пока же Рада занималась преимущественно культурно-просветительской деятельностью.

Борьба за выбор методов оккупации. Летом 1943 года началась новая антипартизанская кампания. Карательная операция «Котбус» привела к уничтожению 13 тысяч человек, из которых около 90% принадлежали к мирному населению. Рада Доверия получила сведения, что в Першайской волости Воложинского уезда были сожжены десять деревень вместе с жителями. 23 августа на совещании в Генеральном комиссариате ее члены потребовали от немецких властей прекратить репрессии против невинных людей и дать гарантии безопасности тем, кто возвращался из леса. С докладом выступил Василий Русак, представитель от Баранович. Немецкие офицеры возмущались, но Кубе взял своих советников под защиту и стал доказывать Берлину нецелесообразность войны против мирных жителей. Обострился давний конфликт гауляйтера с СС.

С другой стороны, своей политикой поблажек беларусам Кубе путал карты Москве, основывавшей свою стратегию партизанской войны на усилении враждебности населения к немцам. Сразу 16 партизанских отрядов и спецгрупп, действовавших в Беларуси, еще

в 1942 году получили задание убить Кубе. Охота на него длилась около года. Наконец, в ночь с 21 на 22 сентября 1943 года под кроватью гауляйтера взорвалась магнитная мина. Ее подложила горничная Елена Мазаник, а принесла мину партизанская связная Мария Осипова. Женщинам удалось бежать к партизанам, которые переправили их в Москву. Некоторые исследователи полагают, что СД (нацистская служба безопасности) знала о готовящемся покушении, но специально ничего не сделала для его предотвращения. Снова интересы нацистов и сталинистов сошлись!

С одной стороны, гибель Кубе дала гестаповцам повод для расстрела в качестве мести четырех тысяч ни в чем не повинных людей, арестованных в Минске. С другой стороны, Центральный штаб партизанского движения и ЦК ВКП(б) в Москве избавились от своего самого умного врага в Беларуси.

Особенности оккупационной политики на востоке. Деятельность Кубе в пользу местного населения почти не распространялась на Восточную Беларусь. Военные власти не видели разницы между беларусами и русскими. В восточных областях возникли лишь отдельные кружки беларуских организаций (БНС и СБМ). Все официальные издания выходили на русском языке. Беларуские школы существовали фактически лишь один учебный год (1942/43 г.).

Для борьбы с партизанами в начале 1942 года нацисты создали в восточных областях Беларуси специальные полицейские подразделения из добровольцев и военнопленных — «Днепр», «Березина», «Припять», «Осинторф». Неофициально они называли себя Русской народной армией (РНА), или просто «народниками», хотя во главе их стояли немецкие офицеры. Народники являлись сторониками свободной от большевиков России — республиканской или монархической, но единой и неделимой. В марте 1943 года части РНА присоединилась к Русской освободительной армии генерала А.А. Власова.

Выбор — сопротивление (1942 — сентябрь 1943 гг.)

Московские ворота в Беларусь. В начале февраля 1942 года между партизанами и советским тылом установилась связь через Витебские (Суражские) «ворота» — лесисто-болотистую полосу шириной около 40 км, где отсутствовала сплошная линия фронта. Немцы ликвидировали эти «ворота» только в сентябре. Голодные полуразрушенные районы северо-восточной Беларуси отправляли через эти ворота в Россию зерно, картофель, скот, а принимали оружие, радиостанции, пропагандистскую литературу, группы диверсантов и партизан.

Одновременно в других районах создавались партизанские аэродромы для сообщения по воздуху с советским тылом. В мае 1942 года при Главном командовании Красной Армии начал действовать Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) во главе с первым секретарем ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко. В сентябре, в качестве его отдела, был создан Беларуский штаб партизанского движения во главе с Петром Калининым.

Советские партизаны в 1942 г. С января 1942 года из советского тыла вещала радиостанция «Советская Беларусь». Летом был налажен выпуск подпольных газет, в том числе на беларуском языке. В течение 1942 года на территории Восточной Беларуси сформировались структуры партийного подполья. Действовали тайные обкомы, горкомы и райкомы компартии и комсомола.

Партизаны осуществляли диверсии, освобождали военнопленных и людей, мобилизованных на работу в Германию. Сталин требовал усиления партизанской борьбы в Беларуси, так как летом он ожидал нового удара немцев на Москву. Но в июне немцы бросили все силы на юг, в направлении Сталинграда, и партизанские диверсии на беларуских железных дорогах им почти не мешали. Затишье на центральном участке фронта позволило партизанам развернуть борьбу с немецкой администрацией. Партизаны уничтожали бургомистров и старост вместе с семьями (они убили до 500 человек), вели пропаганду среди населения.

Большевистские агитаторы врали людям, будто бы Сталин намерен после войны распустить колхозы, что партизаны воюют за новое устройство жизни в СССР. Если уговоры не помогали, в ход шел террор. За сотрудничество с немцами присланные Москвой сотрудники НКВД в ряде случаев жгли беларуские деревни. Учителей, работавших во вновь открытых беларуских школах, они расстреливали как предателей, а школьные здания приводили в негодность.

Беларуский народ оказался между двух властей, как между молотом и наковальней. Обиженные большевиками вступали в полицию, обиженные нацистами — уходили к партизанам. Молодежь, чтобы избежать отправки на работу в Германию, убегала в лес. Очень помог партизанам приказ немецкого военного командования о возвращении размещенных по деревням красноармейцев-окруженцев в лагеря военнопленных (март 1942 года). Забирали в партизаны и силой. Долгое время партизаны не вызывали особого сочувствия среди населения. За жестокость и мародерство деревенские жители боялись их больше, чем немцев.

В августе 1942 года Сталин отказался от централизированной материальной поддержки партизанских отрядов и посоветовал им перейти на самоснабжение за счет врага. Под этой маркой некоторые «народные мстители» стали отбирать у сельчан не только то, в чем

нуждались, но даже детскую одежду, часы, женские украшания, а потом пропивали награбленное. Было много случаев избиения и убийства крестьян. Партизан стали называть бандитами даже те, кто ждал прихода Красной Армии.

В 1942 году партизанское движение концентрировалось в Восточной Беларуси. К концу года советские партизаны, по официальным советским данным, действовали на 30% территории Беларуси, в их рядах якобы насчитывалось 50 тысяч человек (фактически — не более 12 тысяч). До лета 1943 года массового партизанского движения не было. Пресловутые «партизанские» и «освобожденные» зоны представляли собой глухие лесные и заболоченные территории, где отсутствовали не только немецкие гарнизоны, но даже блок-посты на проселочных дорогах.

Советские партизаны в 1943 г. Только с весны 1943 года партизанское движение начало приобретать действительно массовый характер. Партизанские отряды объединялись в бригады, имевшие штабы и комиссаров. Обычно комиссар одновременно являлся секретарем подпольного райкома партии. В отряды назначались политруки. Компартия взяла партизанское движение под жесткий контроль. Усилилась дисциплина. Мародёров стали наказывать. Партизанским командирам запретили расстреливать подчиненных без следствия и суда.

В конце февраля 1943 года правительство БССР в эвакуации (оно находилось в московской гостинице «Якорь») издало воззвание к полицейским об амнистии при условии перехода на сторону партизан. Это увеличило число перебежчиков.

Победа Красной Армии под Сталинградом сделала перспективу возвращения советской власти более реальной. А жители Восточной Беларуси хорошо знали, что это такое. Среди них ходили слухи о том, что всех, кто не помогал партизанам, большевики сурово накажут. Люди стали уходить к партизанам, думая о своем будущем. Многие брались за оружие, чтобы отомстить за издевательства карателей над их родственниками. Представители беларуской советской интеллигенции в своем большинстве сознательно боролись на стороне советской власти, которая дала им образование и соответствующее идейное воспитание. Чем больше местных жителей уходило в леса, тем шире помогали партизанам крестьяне.

В западных же областях параллельно росту численности партизан увеличивалось и количество полицейских. Среди западных беларусов, успевших познакомиться с практикой большевизма за полтора предвоенных года, преобладали антисоветские настроения. Кроме того люди видели, что там, где нет партизан, нет и карательных акций против гражданского населения.

К концу 1943 года в Беларуси, по данным ЦШПД, насчитывалось около 153 тысяч советских партизан (в действительности не более 70 тысяч — *Прим. Ред.*). Существовали целые зоны в лесных и болотистых районах, где партизаны полностью контролировали обстановку. Здесь действовали советские органы власти (под контролем сотрудников НКВД), люди жили по советским законам, платили налоги. Партизаны помогали крестьянам сеять, собирать урожай, открывали школы для детей. Например, площадь Кличевской партизанской зоны составила 3 тысячи кв. км, здесь жило около 70 тысяч мирных жителей.

Во время Курской битвы партизаны Беларуси активизировали свою деятельность. Они осуществили в помощь Красной Армии запланированную Москвой операцию по массовому подрыву рельсов и военных эшелонов («рельсовую войну»), начавшуюся 3 августа и продолжавшуюся 45 суток. Провели они и целый ряд рейдов по тылам немцев, чем вызвали очередной карательный поход против себя и беларуских деревень в «освобожденных зонах».

Характер советского партизанского движения. Хотя в 1943 году к партизанам присоединилось немало беларусов, партизанщина не стала их национальным движением. В партизанских отрядах Беларуси воевали представители почти всех наций СССР (особенно много было русских и евреев), а также иностранные антифашисты. В целом, их было почти столько же, сколько и беларусов.

Партизанская война приобрела элементы гражданской войны. Весной 1943 года 30 тысяч беларуских полицейских противостояли 50—60 тысячам партизан. Они воевали между собой. Обе стороны устраивали рейды, налеты на лесные базы и гарнизоны в населенных пунктах, засады на дорогах, осуществляли акты индивидуального террора. Семьи, родственники и целые деревни становились заложниками обоих сторон. Партизаны зверски пытали и вешали пленных полицейских, а те — зверски пытали и вешали пленных партизан. Полицейские переходили к партизанам, партизаны вплоть до лета 1944 года — к полицейским.

Польское сопротивление. С февраля 1942 года в Западной Беларуси Союз вооруженной борьбы создавал отряды Армии Краёвой, подчиненной польскому правительству в Лондоне. В 1942 году они провели серию диверсий против немцев под общим названием «Вяхляж» («Веер»). За поддержку аковцев польское население подвергалось жестокому немецкому террору. Было много жертв.

Поляков массово увольняли с работы. Благодаря этому, в 1943 году доля беларусов в составе гражданской администрации генерального комиссариата Беларусь возросла до 80%, а в полиции — до 60%. В травлю поляков немцы втягивали и Беларускую народную самопомощь. На это аковское подполье ответило террором против бела-

русов. Так, в Лидском округе от его действий в 1943 году погибли 1200 беларусов, в Новогрудском — свыше 300.

После поражения под Сталинградом гитлеровцы смягчили отношение к польским патриотам и стремились столкнуть их с советскими партизанами. В апреле 1943 года были разорваны дипломатические отношения между правительством СССР и эмигрантским правительством Сикорского в связи с обнаружением останков польских офицеров, казненных большевиками в Катыньском лесу. Польские эмигрантские власти были крайне возмущены уничтожением 22 тысяч польских офицеров и ложью властей СССР относительно их судьбы.

С этого времени АК превратилась для большевиков во вражескую организацию. 22 июня 1943 года ЦК КП(б)Б принял постановление об «усилении» партизанского движения в западных областях Беларуси. ЦШПД приказал многим партизанским отрядам перейти из восточных областей в западные, потребовал создать там сеть подпольных партийных и комсомольских организаций. Аковцы в ответ расширяли свои ряды, в том числе за счет беларусов-католиков. К осени 1943 года польские и советские партизаны уже воевали не только с нацистами, но и между собой. Жители западных беларуских земель оказались среди трех взаимно враждебных сил (нацистов, партизан, аковцев) и страдали от каждой из них.

Украинское сопротивление. С весны 1943 года активизировали свою борьбу против советских партизан бандеровцы и бульбовцы, действовавшие в Полесье. Весьма враждебно они относились и к аковцам, а вот беларусов хотели сделать своими союзниками. Так, в одной из листовок УПА, выпущенной в декабрь 1943 года, было сказано, что у обоих народов общие враги — немцы, русские и поляки. В конце 1942 — начала 1943 года руководитель БНС Иван Ермаченко вел переговоры с руководством ОУН. Была достигнута договоренность о совместных действиях против советских партизан.

Беларуское национальное подполье. Партия беларуских националистов (ПБН), как и другие некоммунистические организации того времени, ждала спасения от США и Англии. Поэтому ее деятель Вацлав Ивановский не терял связь с аковцами. На нем держалась польская агентура в Минске, бургомистром которого он стал. Янка Станкевич вел переговоры с руководством АК. Руководители ПБН видели в Польше союзницу в борьбе против большевиков и не исключали возможность федеративного союза с ней. Однако переговоры в июле 1942 года в Минске и в январе 1943 года в Варшаве не дали результатов, так как эмигрантское правительство Польши настаивало на возвращении к границам 1939 года.

Еще в 1939 году в Вильне были заложены основы Беларуской независимой партии (БНП). Ее идеологом выступил священник Вин-

цент Годлевский. В 1942 году в Минске состоялся нелегальный съезд партии, избравший своим лидером Всеволода Родько. Минский комитет возглавил Юлиан Сакович, виленский — Франтишек Олехнович. БНП выдвинула идею создания единого национального фронта. В своем печатном органе «Бюллетень» (1942—46 гг.) партия призывала молодежь, партизан и полицейских не проливать напрасно братскую кровь, а объединяться в национальные партизанские отряды для борьбы с нацистами и большевиками за независимую Беларусь. БНП удалось организовать несколько вооруженных и подпольных групп в Минске, Слониме, Новогрудке, Глубоком.

В 1942—43 гг. на Полесье (Брестская область) формировалось беларуское народное сопротивление, которое иногда действовало совместно с подразделениями УПА. Но поднять народ на вооруженную национально-освободительную борьбу малочисленные беларуские патриоты не смогли. Советским партизанам удалось уничтожить беларуское руководство БНП. Отдельные национальные отряды присоединились к советским партизанам, другие продолжили борьбу с советской властью после изгнания немцев.

Беларуская национальная подпольная деятельность концентрировалась вокруг разрешенного немцами Беларуского национального комитета в Вильне. Его членами были известные беларуские деятели Ф. Олехнович (убитый в марте 1944 года агентом НКВД), А. Станкевич, Я. Станкевич. Они пытались объединить беларускую интеллигенцию.

Особую позицию занимали эмигрантские круги БНР в Праге. Они не хотели сотрудничать с немцами, но и национальное партизанское сопротивление не приветствовали, так как опасались, что это вызовет напрасные жертвы среди народа.

9. Завершение германо-советской войны (сентябрь 1943 — май 1945 гг.)

В ожидании Красной Армии

Перелом в войне. Война продолжалась, каждый ее день приносил новые жертвы. Трагедия беларусов заключалась в том, что большинство этих жертв были напрасны, ибо не вели к национальному освобождению.

Одержав победу в Курской битве, Красная Армия осенью 1943 года вошла на территорию Беларуси и до конца года заняла Гомель и Мозырь. В Гомель из Москвы переехали ЦК КП(б)Б и Совнарком БССР.

После убийства Кубе обязанности генерального комиссара Беларуси исполнял группенфюрер войск СС (генерал-лейтенант) Курт

фон Готберг. Его полномочия распространились на восточные и южные беларуские земли, которые еще не успела занять Красная Армия и которые ранее находились в подчинении командования группы войск «Центр» или рейхскомиссариата Украины.

Смена беларуских лидеров. Фон Готберг сначала игнорировал Раду Доверия и подозревал ее председателя Вацлава Ивановского. Ему не понравилось, что делегация Рады во главе с Ивановским не только приняла участие в похоронах Кубе в Берлине, но и использовала эту поездку для того, чтобы передать в Министерство восточных территорий (т.е. Розенбергу) проект создания автономной Беларуси и воссоединения всех ее земель. 6 декабря 1943 года Ивановского застрелили «неизвестные», когда он возвращался домой из городской управы. Готберг постепенно освобождался от людей Кубе и формировал собственную команду беларуских националистов. Он планировал использовать беларуское движение для усиления борьбы с советскими партизанами. Новым лидером беларусов, сотрудничавших с немцами, стал Радослав Островский.

Беларуская центральная рада. 21 декабря 1943 года в Минске состоялось торжественное собрание, где Готберг объявил о создании Беларуской центральной рады (БЦР) и назначил Р. Островского ее президентом. БЦР была совещательным органом при генеральном комиссаре, но в области социальной опеки, культуры и просвещения имела право действовать самостоятельно. Ей была поставлена цель мобилизовать все национальные силы на борьбу с большевизмом. В состав БЦР вошли 12 человек. Заместителями Островского стали Николай Шкелёнок и Юрий Соболевский. Среди членов рады значился и лидер Беларуской независимой партии Всеволод Родько.

Новые лидеры сразу включились в активную пропаганду идеи создания беларуской армии. Проводились многочисленные манифестации в поддержку БЦР, независимости Беларуси и борьбы с партизанами. Распространялись обращения к партизанам, призывавшие их вернуться по домам. В этой пропаганде принимала участие Беларуская автокефальная церковь.

Беларуская краевая оборона. 23 февраля 1944 года фон Готберг по предложению Р. Островского издал приказ о создании Беларуской краевой обороны (БКА) и доверил БЦР мобилизацию. За отказ от службы семьям призывников угрожали жестокой расправой. Но значительная часть молодежи Западной Беларуси под воздействием пропаганды восприняла БКА как последний шанс построить независимое Отечество под немецкой опекой и записывалась в беларускую армию добровольно. На призывные пункты пришли около 40 тысяч человек! Столько оккупантам не требовалось. Более половины призывников окружные комиссары забраковали и отпра-

вили домой. Всего, с учетом присоединенных полицейских батальонов, в состав БКА вошло около 25 тысяч человек. Верховным командующим БКА стал Ф. Кушель. Подразделения БКА отчасти использовались в борьбе с партизанами, но в большей мере для охраны железнодорожных эшелонов, мостов и лагерей военнопленных.

Второй всебеларуский конгресс. Незадолго до вступления Красной Армии в Минск немцы разрешили созвать Второй всебеларуский конгресс. Он прошел в Минске 27 июня 1944 годе в зале столичного театра (напомним, что первый конгресс состоялся здесь же в декабре 1917 г.). Участвовали 103 делегата из оккупированной Беларуси, а также из Польши, Литвы, Латвии, Вены, Кёнигсберга, Праги и Берлина.

Конгресс отказал БССР в праве называться беларуским национальным государством, заявил о расторжении всех польско-советских соглашений относительно Беларуси и провозгласил ее независимость под покровительством Германии. Единственным законным представителем беларуского народа была объявлена Беларуская центральная рада во главе с президентом Радославом Островским. По предложению президента конгресс послал телеграмму Адольфу Гитлеру, в которой заверил, что беларуский народ будет до конца бороться вместе с немецкими солдатами против общего врага — большевизма.

Итак, гитлеровцы согласились на уступки. Призрак независимой Беларуси предназначался в первую очередь молодежи, которую немецкие власти рассматривали как резерв рабочей и военной силы для рейха. Советский миф о суверенной БССР заменялся нацистским мифом о независимой Беларуси в составе германского рейха. Спекулируя на национальных чувствах, нацисты нагло обманывали беларускую молодежь, чтобы использовать ее в своих интересах.

На что надеялись беларуские лидеры. Между тем, Р. Островский уже в ноябре 1942 года сомневался в победе Гитлера и вел в переговоры с представителями Армии Краёвой. В 1944 году он хотел усилить с помощью немцев позиции беларусов, создать собственные вооруженные силы и руководить из эмиграции их дальнейшей борьбой за независимость. Он надеялся на то, что западный блок после победы над Германией начнет войну против СССР, и в этой связи придавал особое значение союзу народов бывшей Речи Посполитой в будущей войне. Островский соглашался на федерацию Беларуси с Польшей, на объединение отрядов БКА и АК.

Сторонников Островского не могло остановить от сотрудничества с немцами успешное наступление Красной Армии, так как они верили, что возрожденный за время оккупации беларуский патриотизм в обозримом будущем уничтожит большевистское рабство в Беларуси.

БЦР отражала интересы значительной части западных беларусов. О широкой антисоветской оппозиции свидетельствовали результаты мобилизации в БКА, а также количественный рост членов СБМ: с 40 тысяч в конце 1943 года до 100 тысяч в середине 1944 года. Перед наступлением Красной Армии на Минск 8 тысяч его жителей добровольно вышли строить укрепления вокруг города. Советскому освобождению они предпочитали немецкую оккупацию.

Советские партизаны в 1944 г. Всеобщего перехода беларусов на сторону советских партизан не произошло. Но и сдержать дальнейший рост партизанского движения немцам не удавалось. На последнем этапе войны небольшие партизанские отряды превращались в партизанские подразделения Красной Армии — бригады и соединения. Они полностью подчинялись главному командованию в Москве и воевали в соответствии с его планами.

Главным направлением партизанской борьбы являлись диверсии на железных дорогах. Осенью 1943 года партизаны провели второй этап рельсовой войны под названием «Концерт», а в июне 1944 — третий, последний. Эти акции ослабляли коммуникации немцев перед наступлением Красной Армии. А беларускому крестьянству приходилось кормить целую партизанскую армию.

К июлю 1944 года в Беларуси насчитывалось около 143 тысяч партизан. Они действовали на 60% ее территории*. Им противостояли до 75 тысяч беларуских полицейских и солдат БКА. С немцами сотрудничало значительно больше беларусов, чем скрывалось в лесах. И все же до гражданской войны дело не дошло. Оккупанты не решились вооружить народ для борьбы против партизан, а в 1944 году уже не имели возможности сделать это. Сталин и его окружение тоже опасались дать партизанам «лишнее оружие».

С лета 1943 до лета 1944 года против партизан на территории Беларуси немцы предприняли несколько десятков крупных карательных операций. Кроме того, они стали использовать специальные группы «охотников за партизанами» («ягдкоммандо»). Если бы не наступление Красной Армии (операция «Багратион»), то до конца 1944 года советское партизанское движение в Беларуси было бы, в основном, разгромлено — к такому выводу пришли современные исследователи на основе изучения советских и немецких архивных документов.

^{*} По данным современных исследователей, все сведения ЦШПД о численности партизан и достигнутых ими успехах в борьбе против оккупантов значительно завышены. П.К. Пономаренко утверждал, что к началу наступления Красной Армии летом 1944 года (операция «Багратион») на территории Беларуси действовали 272.490 партизан в составе 150 бригад и 49 отдельных отрядов. В действительности их было около 143 тысяч, т.е. меньше почти в два раза. См. В.И. Боярский «Партизаны и армия», Минск, 2001. с. 238

Аковцы в Беларуси. Последние месяцы оккупации Беларуси прошли в постоянных стычках советских партизан с аковцами. Первой борьбу против них начала партизанская бригада Федора Маркова. В августе 1943 года она разоружила польско-беларуский отряд Кмитица (Антона Бужинского) в районе озера Нарочь. 80 командиров АК были приглашены на встречу, где их, несмотря на обещание полной безопасности, схватили и расстреляли.

В конце 1943 года гитлеровцы склонили некоторых аковских командиров к тайному сотрудничеству ради борьбы с советскими партизанами. Немецкие власти отказались от репрессий против поляков и обеспечивали их оружием. Главное командование АК в Варшаве осудило сотрудничество с немцами, но, несмотря на это, оно не прекратилось. Весной 1944 года Готберг разрешил провести мобилизацию в АК. По мере того, как аковское движение становилось все более массовым, оно делалось более беларуским. Так, в Новогрудском округе беларусы составили 40% местных аковцев. Вокруг АК группировалась та часть беларуского населения, которая не желала возвращения советской власти и делала выбор в пользу Польши. Тем более, что польское эмигрантское правительство обещало беларуским крестьянам различные послабления.

Проведя беспрепятственное вооружение местного населения (преимущественно беларуского) и получив его поддержку, отряды АК частично очистили от советских партизан Ошмянский, Островецкий и Сморгонский районы. В зонах действий АК немцы оставили за собой контроль только за городами и важнейшими дорогами. Здесь они взымали более низкие налоги и не отправляли людей на работу в Германию. Ощутив себя хозяевами, поляки расправлялись с врагами идеи возрождения Польши в границах 1939 года. Среди их жертв были и мирные жители, помогавшие советским партизанам. В то же время советские командиры расстреливали жителей Западной Беларуси за сотрудничество с АК.

Численность гражданского населения, погибшего от рук тех и других, определялось тысячами. Польские партизаны ходили грабить население в советские партизанские зоны, а советские партизаны делали то же самое в районах, подконтрольных АК. Война между аковцами и советскими партизанами приобрела характер гражданской войны беларусов за дальнейшую судьбу Западной Беларуси. Одни ориентировались на новую Польшу, вторые остались преданными советской России.

Наступленне Красной Армии. Немецкое командование подготовило вдоль берегов Западной Двины, Днепра, Березины, Свислочи, Щары, Немана, Буга оборонительные рубежи линии «Фатерлянд» («Отечество»). Эта линия прикрывала главные стратегические направления— на Варшаву-Берлин и на Восточную Пруссию. Но гит-

леровцы ожидали, что главный удар Красная Армия будет наносить не через Беларусь, а южнее полесских болот, в направлении на Луцк — Ковель — Люблин. Советское командование успешно скрыло от противника сосредоточение войск на исходных рубежах, и 23 июня 1944 года внезапно начало штурм линии «Фатерлянд».

Действия партизанских соединений в определенной степени способствовали успеху наступательной операции «Багратион». К началу августа вся Беларусь была освобождена от оккупантов. Советские войска сначала окружили немцев под Витебском и Бобруйском, а потом встречными ударами на Минск 3 июля выбили немцев из столицы БССР. Главные силы войск группы «Центр» оказались в «котле» восточнее Минска. Гитлеровцев безжалостно уничтожали и красноармейцы, и партизаны. Было убито до 70 тысяч человек, только 35 тысяч взято в плен.

Оценка беларуского сотрудничества с оккупантами. Война снова выявила стремление беларусов к независимости. Для народа, столетиями терпевшего национальное угнетение и не имевшего суверенного государства, сотрудничество с немцами стало единственным шансом спасения и укрепления своей национальной специфики. Это был жест отчаяния, обусловленный предыдущим русским и польским шовинизмом. Это было сотрудничество «стиснув зубы». Приходилось терпеть многочисленные унижения от оккупантов.

Согласно международному праву, такое сотрудничество не считается преступлением, ибо оно не было направлено против собственного народа. Нет оснований считать беларуских националистов коллаборационистами, то есть, единомышленниками нацистов. Настоящими коллаборационистами были только члены партии Фабиана Акинчица. Во Франции и Греции с немцами сотрудничало около 10% населения. Не больше был этот показатель и в Беларуси.

По мнению целого ряда зарубежных исследователей, сотрудничество населения с оккупантами в Прибалтике, Беларуси, Украине, на Северном Кавказе надо рассматривать как движение против сталинизма и за создание национальных государств (Я. Гофман, Я. Гросс, Д. Зиберт, Я. Малецкий, Ю. Туронок, С. Фролих, В. Штрик-Штрикфельд и другие). Вот что пишет обо всем этом современный беларуский исследователь Александр Татаренко:

«Официальная беларуская историческая наука всегда называла и по сегодняшний день продолжает называть бойцов беларуских национальных войсковых формирований исключительно изменниками и предателями Родины. И практически никто и никогда не задался в этой связи... вполне логичным вопросом: «А какую же Родину они предали?»

...Может, наши с вами земляки, веками проживавшие на этих территориях, предали Российскую империю, в состав которой дли-

тельное время входила Беларусь? Может, Польшу, а точнее, 2-ю Речь Посполитую, в административных границах которой Зпападная Беларусь находилась с 1921 по 1939 год? Или тот же СССР, «освободивший» наши земли?... Понятно, что ни на один на один из этих вопросов дать положительный ответ невозможно. Тогда о каком же предательстве может идти речь?

Сотрудничество беларуских националистов... с оккупационными властями — это отнюдь не предательство, а самый обычный сознательный выбор. Другое дело, правильным ли этот выбор был»*.

В 1941—44 гг. издавалось около 50 беларуских газет, журналов, календарей и различных бюллетеней. Эти периодические издания разоблачали сталинские преступления, публиковали исторические и этнографические материалы.

Беларуской интеллигенции удалось воспитать целый слой национально сознательной молодежи, большую часть которой война вытолкнула в зарубежье. В течение почти пяти десятков лет, считая с осени 1944 года, беларуская эмиграция периода конца войны являлась главным центром целенаправленного сохранения национальных идей и духовных ценностей, которые сегодня стали, наконец, доступными беларускому народу.

Изгнание немцев, продолжение войны

Первые шаги сталинистов. Уже с осени 1943 по весну 1944 года, несмотря на потребность восстановления самой Беларуси, из ее восточных районов забрали около 8 тысяч молодых рабочих на строительство Сталинграда. Десятки тысяч местных жителей большевики сгоняли на ремонт железных дорог и заготовку дров для паровозов, которым не хватало угля. Помимо разбора разрушенных зданий, специальные бригады уничтожали могилы немецких солдат и офицеров.

Во второй половине 1944 года Красную Армию пополнили 755 тысяч призывников из Беларуси. Хотя они не имели никакого военного опыта, их бросили на штурм Кёнигсберга и Пулавских высот на Висле, где они гибли тысячами. Следом за армией в беларуские города и деревни входили оперативные группы НКВД и НКГБ. Они развернули крупномасштабную политическую «чистку», повсюду ежедневно арестовывали людей. Вскоре в БССР была создана еще более разветвленная сеть репрессивных органов, чем до войны.

Беларусов не выселили в Сибирь, как предвещала немецкая пропаганда. Но всех, кто хоть как-то сотрудничал с немцами, объявили предателями. Органы НКВД развернули безжалостную продолжительную войну против них. При этом они преследовали и тех, кто

^{*} Татаренко А. Недозволенная память. 1921—1954. СПб., 2006.

просто работал на производстве, чтобы выжить. Фактически, большевистские власти считали «врагами» всех беларусов, за исключением тех, кто в 1941 году успел эвакуироваться.

Рабочие, немедленно привлеченные к восстановлению промышленных предприятий, работали почти бесплатно и без ограничения рабочего дня, ничем не отличаясь от пленных, использовавшихся на стройках. Крестьян опять загоняли в колхозы. Увеличенные наделы земли, которые крестьяне получили кто от немцев, кто от партизан, — обрезались. Горожане едва кормились по карточкам. Производился добровольно-принудительный сбор денежных средств и ценностей в фонд обороны, от которого никто не мог отказаться.

Но жители восточных областей терпели все лишения и радовались тому, что прекратились военные действия на их земле. Что ж, они возвращались к привычным условиям жизни.

Сопротивление коммунистам. Население Западной Беларуси, жившее в бывших зонах действий АК, оказывало сопротивление вернувшимся большевикам. Те увидели в Ошмянском, Островецком и Сморгонским районах удивительно зажиточных для военного времени крестьян, имевших по 3—5 коров, 2—4 лошадей, двухгодичные запасы зерна, стада мелкого скота. Большевики сразу же начали отбирать все это, а мужчин насильно призывали в армию, отправляли на уральские рудники или на шахты Донбасса в качестве рабочих. Нередко происходили настоящие облавы на прятавшихся в лесу мужиков, с собаками и оружием. В ответ крестьяне убивали коммунистов и поддерживали аковцев. А те терроризировали всех, кто поддерживал советскую власть, уничтожали целые семьи.

Однако с осени 1944 года аковцы отказались от вооруженной борьбы, а 19 января 1945 года польское правительство вообще распустило Армию Краёву. Власти выслали в отдаленные районы СССР около 80 тысяч бойцов АК вместе с их семьями. Но антисоветское польско-беларуское подполье продержалось в Западной Беларуси до 1952 года. Еще дольше боролись с коммунистами бандеровцы на Полесье.

Беларуские беглецы. После вступления Красной Армии в Беларусь члены БЦР уехали в Берлин. Нацисты, испытывавшие большую нехватку живой силы, планировали создать национальные воинские формирования из числа бывших советских граждан и отправить их на фронт. Но Островский хотел сохранить беларускую молодежь до того времени, когда войска союзников начнут войну против СССР. Ему удалось проигнорировать приказ нацистов о формировании бригады «Беларусь». Деятельность БЦР свелась к культурной и социальной опеке над соотечественниками. В это время на территории Германии, Польши и Чехословакии по своей или чужой воле находилось до полумиллиона беларусов. С прибли-

жением Красной Армии Островский начал переправлять их в западную часть Германии.

Беларуское националистическое подполье. В отличие от руководства БЦР, деятели Беларуской независимой партии (БНП) пытались бороться за свободу Отечества с оружием в руках. Но фактически их деятельность имела значение только для Абвера (военной разведки). В июне 1944 года руководство партии оставило в тылу Красной Армии несколько законспирированных разведгрупп. Летом того же года лидер БНП Всеволод Родько возглавил учебный центр Абвера в Дальвице (Восточная Пруссия), где готовил беларусов для разведывательной и диверсионной работы в БССР. В ноябре 1944 года на территорию БССР был заброшен небольшой отряд (27 человек) Михаила Мотушко, который возглавил созданные БНП вооруженные подразделения — Беларускую краёвую армию. Поднять измученное войной население на вооруженную борьбу против вернувшихся большевиков им не удалось. В 1944—45 гг. ряд деятелей БНП вместе с В. Родько попали в руки НКВД и были казнены.

Цена войны. За годы войны, по неполным данным, в БССР погибли около 1,5 млн. ее граждан, более 15% довоенного населения (Украина потеряла до 20% своих жителей, Россия — 5,4%). Примерно третью часть тех, кто погиб в Беларуси, составили евреи. Их удельный вес в населении республики сократился с 12,8% в 1941 году до 1,9% в 1959 году.

Но с учетом тех, кто не вернулся из эвакуации, остался в Германии и других странах Европы, и тех, кто не родился из-за войны, потери беларуского населения значительно превысили три миллиона человек. Если в 1941 году на территории современной Беларуси жили 9,5 млн. человек, то в 1945 году — около 6,2 млн.

Более 100 тысяч бывших фронтовиков стали калеками, война породила массовое вдовство и безотцовщину. Только полных сирот насчитывалось не менее семи тысяч. Война уничтожила около 9200 беларуских деревень, в том числе 692 деревни каратели уничтожили вместе с жителями. Имя одной из них — Хатынь, благодаря возведенному на ее пепелище мемориальному комплексу, ныне известно во всем мире. Сохранилась всего четверть довоенного жилого фонда в городах и райцентрах. БССР потеряла все колхозно-совхозное стадо скота. Домашний скот сохранился только в отдельных семьях. Сумма прямых материальных потерь БССР, согласно официальной оценке, составила 35 бюджетов 1940 года!

.0

Волей судьбы Вторая мировая война привела к объединению беларуских земель, но она же на четверть уничтожила и сильно разобщила беларуское общество. И все-таки оно устояло. Даже в годы

тяжких военных испытаний людей вдохновляли общие идеи: идея выживания, идея сохранения родного очага, родного языка, родной культуры, своего Отечества. Эти идеи принимало большинство беларуского народа. Разными были только средства их реализации. Общие идеи объединяли нацию, разные средства — разобщали.

Однако с нацизмом боролись не только советские партизаны, но и «лесные братья». Поэтому партизанское движение — гордость нашей страны. Победа в войне создала основу для дальнейшей консолидации общества. Далеко не все, кто встал на сторону немцев, разделял их идеологию. Далеко не все, воевавшие на стороне советской власти, были коммунистами по своим убеждениям. Наконец, всех беларусов объединяла родная земля.

10. Апогей сталинщины (1945-1953 гг.)

Эхо войны

Международное признание Беларуси. 9 мая 1945 года люди узнали о Победе. Этот день стал чрезвычайно радостным. Люди праздновали свою победу над смертью. Война объединила народы СССР кровью, победа объединила радостью и славой. Победители заслуживали более достойной жизни, чем до войны, и надеялись, что она скоро наступит.

Беларусь внесла в победу над нацизмом не меньший вклад, чем Франция или Польша. В Красной Армии воевали более миллиона жителей БССР. Кроме них, были еще и партизаны. Именно поэтому западные руководители антигитлеровской коалиции наделили БССР правом соучредительницы Организации Объединенных Наций (ООН). Беларуская делегация 26 июня 1945 года подписала Устав ООН.

Потеря Белостокской области. Но кремлевский диктатор абсолютно не считался с возросшим международным авторитетом Беларуси. Имеются сведения, что Сталин хотел забрать созданную в 1944 году Полоцкую область в состав Российской Федерации и объединить ее с Калининградской областью. Первому секретарю ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко едва удалось защитить северно-восточные границы республики.

Но западные границы отстоять не удалось. Еще в 1944 году коммунистические руководители Польши во главе с Болеславом Берутом выпросили у Сталина Белостокскую область, точнее — 17 районов этой области и три района Брестской области. Взамен БССР получила всего лишь 15 деревень бывшей польской территории.

Большевики во второй раз разделили беларуский народ и его землю. Сталин искал среди поляков верных союзников, а из белосток-

ских беларусов на всякий случай хотел сделать в Польше «пятую колонну». В то же время Белосток превратился в своеобразного информационно-культурного посредника между БССР и западноевропейскими странами.

Обмен населением с Польшей. В соответствии с беларуско-польским соглашением от 9 сентября 1944 года, в Белостоке начала работать советская комиссия по эвакуации. За два года ей удалось переселить в СССР около 36 тысяч беларусов (из них 20,4 тыс. в БССР). Но это составило только 30% от запланированной большевиками цифры в 120 тысяч. Несмотря на все обещания и угрозы, «польские» беларусы не хотели перебираться в «советский рай». Переехали в основном бывшие работники довоенного советского аппарата, самая бедная часть крестьян и рабочих. Все, кто имел свой кусок земли, остались на «малой родине».

Зато тех, кто хотел переселиться из БССР в Польшу, набралось около 520 тысяч человек. Не только беларусы-католики, но даже русские выдавали себя за поляков, лишь бы избавиться от сталинского режима. Деревни, до войны считавшиеся беларускими, вдруг сделались польскими, а их жители поголовно записались на выезд. Желание оставить СССР высказало большинство западнобеларуской интеллигенции. Право на переезд получили и западнобеларуские евреи. Но в 1947 году Москва опомнилась и закрыла эти ворота. Уехать, согласно документам бывшего архива ЦК КПБ, успели 232,2 тысячи человек (44,7% от записавшихся на выезд), большинство которых составили не поляки, а беларусы.

Западнобеларуская специфика. В 1945—48 гг. Гродненская, Брестская, Молодечненская области, западная часть Полоцкой области фактически находились на военном положении. Аковцы, несмотря на свой официальный роспуск, продолжали вооруженную борьбу. Украинские националисты считали юг Брестской области частью независимой Западной Украины. Не прекратилось и беларуское сопротивление.

Согласно подсчетам С. Ерша, в ожидании советско-американского военного конфликта десятки тысяч человек находились на нелегальном положении. Одни опасались наказания за сотрудничество с немцами, другие стремились избежать мобилизации в Красную Армию. Помимо того, большое недовольство среди местного населения вызывало насильственное насаждение советских порядков, русификация, диктат приезжих чиновников. Многие жители западных областей считали коммунистов оккупантами — еще худшими, чем нацисты. Все это питало как беларуское партизанское движение («лесных братьев»), так и беларуское антикоммунистическое подполье.

Беларуское вооруженное движение. Партизанскими отрядами, объединенными в Беларускую освободительную армию, руководил Михаил Мотушко. Основным местом их дислокации являлась Налибокская пуща. На Полесье (в Брестской области) со времен войны действовали последние отряды народного партизанского сопротивления. Вступила в борьбу с советской властью и Беларуская демократическая армия, сведений о которой сохранилось очень мало. Вплоть до середины 1950-х годов засылали свои группы в БССР беларуские эмигрантские организации. Существовало и стихийное сопротивление: местное население порознь и группами вредило советской власти. Днем они были мирные жители, ночью — партизаны. Наконец, до конца 1948 года действовали многочисленные банды уголовников.

Архивные партийные документы свидетельствуют: только за два с половиной года, с июля 1944 по декабрь 1946, органы госбезопасности БССР ликвидировали 814 вооруженных отрядов и подпольных боевых групп, в среднем, по 40—50 человек (всего более 37 тысяч человек), в том числе 667 польских, 97 беларуских, 23 украинских, 27 других. Советская власть в борьбе с партизанами потеряла за эти два года 924 человека убитыми.

В 1947—49 гг. «лесные братья» еще действовали активно. В дальнейшем партизанское движение приобрело форму вооруженного подполья и в таком виде сохранилось до середины 1950-х годов. Но это не значит, что все участники сопротивления были уничтожены. Одни группы самоликвидировались, другие перебрались за границу.

Антикоммунистическое подполье. В 1946—49 гг. органы НКВД выявили более десяти нелегальных объединений среди студенческой и школьной молодежи.

Беларуская подпольная организация под названием «Чайка» с 1946 года действовала в Слониме, Барановичском учительском институте, на Брестском железнодорожном вокзале, в Жировичском сельхозтехникуме и Ганцевичском педучилище. Роль координатора исполнял Центр беларуского освободительного движения, который возглавлял Василий Супрун.

В 1946—47 гг. в Новогрудке существовал Союз освобождения Беларуси, а в Глубокском и Поставском педучилищах — Союз беларуских патриотов. Аналогичные молодежные организации были раскрыты в местечке Лебедево Молодечненского района (1948—51 г.), Лиде (1950—51 гг.), Мяделе и Сморгони (1947—50 гг.), Пинске, Полоцке и в Минске.

Молодежь осуждала русификацию Беларуси и отстаивала право на изучение беларуского языка, беларуской культуры, беларуской истории. Конечную цель своей борьбы она видела в выходе БССР

из состава СССР и создании независимого беларуского государства. В ряде районов западных областей в 1946—49 гг. действовала подпольная организация «Союз борьбы за независимость Беларуси».

Всех участников подполья органы МГБ обвиняли в националистической пропаганде и подготовке кадров для террористических формирований. Военные суды приговаривали их к смертной казни либо к длительным срокам заключения. Но не все подпольные организации были раскрыты.

Возрождение тоталитаризма

Деятельность сталинских карателей. Знакомство с уровнем жизни в европейских странах заставило многих фронтовиков сомневаться в преимуществах советского строя, о которых говорили коммунисты. Потому советский режим старался заинтересовать их должностями и материальными подачками, а упрямцев ожидали репрессии.

Возрожденный карательный аппарат долгое время занимался проверкой политической благонадежности населения, находившегося в оккупации, бывших военнопленных и репатриантов. На протяжении почти 40 послевоенных лет эти категории граждан были ограничены в правах, состояли на спецучете, подвергались всякого рода ограничениям в правах и возможностях. Указ Верховного Совета ССР от 17 сентября 1955 года амнистировал только тех военнослужащих, которые смогли доказать, что попали в плен в безвыходной ситации.

По сведениям В. Адамушко, в 1946—53 гг. репрессиям подверглись не менее 50 тысяч жителей БССР. Борьбой с «предателями и ревизионистами» руководил ставленник Берия — министр госбезопасности Лаврентий Цанава. Целая нация находилась под подозрением у сталинистов только потому, что якобы «непобедимая» Красная Армия в 1941 году была разбита в рекордно короткие сроки и «сдала» беларуский народ оккупантам.

Подчинение Москве. Разветвлялась и укреплялась промосковская администрация. Число комиссариатов в правительстве БССР увеличилось с 18 (1936 г.) до 44 (1946 г.) В 1944 году были созданы новые области и районы. Теперь БССР состояла из 12 областей, каждая имела свой партийный, советский, комсомольский, хозяйственный и карательный аппарат. Глава беларуской компартии Пономаренко стремился посадить на высшие должности русских, преимущественно из числа тех, кто здесь партизанил. За 1941—46 гг. процент русских в составе номенклатуры ЦК КПБ(б) вырос с 19,5 до 26,9, тогда как представительство евреев сократилось с 17,8 до 6,1%. Удель-

ный вес беларусов тоже возрос (с 57 до 61,8%), но только за счет низших структур партийно-советского аппарата.

При этом процент русских в администрации западных областей БССР был намного выше, чем в восточных. Достаточно сказать, что из 1117 партработников в западных областях только 121 (10,8%) были местные жители (беларусы или евреи), всех остальных прислал «центр», и в основном — русских.

Основательная «чистка» партийной номенклатуры, которую ЦК КП(б)Б провел в 1946—48 гг., еще больше потеснила беларусов и евреев с вершины местной администрации. В 1951 году правительство БССР состояло из 22 русских, одного грузина, одного еврея и 9 беларусов. В Литве, Казахстане, Таджикистане ситуация с национальными кадрами в партийном и советском аппарате выглядела диаметрально противоположно.

Усиление русификации. Национальное движение в годы войны и победа народа усилили чувство национального достоинства беларусов и украинцев. Сталинский режим опасался подъема национализма. Поэтому в феврале 1945 года, по приказу из Москвы, ЦК КП(б)Б принял постановление о перевоспитании общества в духе советского патриотизма и ненависти к немецким оккупантам, которых в Беларуси давно уже не было. А 24 мая 1945 года на официальном приеме в Москве Сталин объявил русский народ ведущей силой Советского Союза.

Тем не менее, рост национального самосознания беларусов в первые послевоенные годы по инерции не прекращался. Требовались более жесткие меры. В августе 1947 года ЦК КП(б)Б принял специальное постановление «О пропаганде советского патриотизма». В нем осуждалась попытка беларуской интеллигенции (преимущественно западнобеларуской) противостоять насаждению русской культуры и бойкотировать местное руководство, игнорировавшее национальные традиции.

С 1947 года преемник Пономаренко, присланный из Москвы новый первый секретарь ЦК КПБ Николай Гусаров (1947—50 гг.) усилил борьбу с беларуским национализмом. Началось формирование системы партийной учебы с целью изучения «Краткого курса истории ВКП(б)», написанного группой московских авторов, но изданного в виде сочинения самого Сталина.

Новое руководство компартии и республики резко усилило русификацию коренного населения. Большевики использовали факты сотрудничества беларуских деятелей с нацистами для того, чтобы дискредитировать беларускую национальную идею. Ответственность за преступления нацистов они безосновательно перекладывали на беларусов, сотрудничавших с немцами. Естественную враждебность народа к нацизму они старались трансформировать во

враждебность к беларуским национальным деятелям и ко всему беларускому — языку, культуре, традициям, символике.

Более того, демагогией на тему сотрудничества некоторых беларусов с нацистами сталинисты оправдывали довоенные репрессии против «нацдемов». Кстати говоря, это идеологическое клише духовные наследники сталинистов используют до сих пор. Именно в этом лежат причины отвержения бело-красно-белого национального флага, герба «Погоня», обоих вариантов национального гимна («Магутны Божа» и «Мы выйдзем шчыльнымі радамі»).

Антисемитизм. В 1948 году по всему СССР развернулась кампания борьбы с так называемыми «космополитами», каковыми оказались евреи. В Минске был закрыт еврейский государственный театр. На памятниках жертвам нацизма отныне запрещалось упоминать евреев. Главного режиссера Беларуского государственного театра имени Янки Купалы Л. Литвинова обвинили в преувеличении значения пьес иностранных драматургов, доцента БГУ Л. Барагу — в неуважении к русским революционным демократам, заведующего отделом пропаганды газеты «Звезда» Ф. Иоффе — в презрении к беларуской культуре, руководителя промышленной кооперации БССР Марголина — в игнорировании подготовки беларуских кадров.

В 1952 году фамилия Марголина всплыла снова в связи с кампанией по борьбе с расхищением социалистической собственности и взяточничеством, которая проводилась под руководством нового первого секретаря ЦК КПБ Николая Патоличева. Вместе с семерыми другими «еврейскими буржуазными националистами» его осудили на заключение в лагерь. За первой группой еврейских «расхитителей» последовала вторая, за ней — третья.

Еврейских «националистов-вредителей» искали и находили повсюду. Репрессии направлялись против врачей, экономистов, ученых, партийной бюрократии. Москва поставила цель устранить евреев из органов управления, медицины, торговли. Весьма характерно то, что антисемитская политика в БССР проводилась в жизнь под лозунгом защиты интересов беларуского народа. Так на смену антисемитизму нацистов, развращавшему беларусов во время оккупации, пришел антисемитизм сталинистов. Они возродили старую российскую традицию — все свои проблемы и неудачи списывать на «козни евреев».

Религиозный террор. Велась упорная борьба с усилившейся за время войны религиозностью масс и оппозиционностью духовенства. Например, в 1946 году четверо православных священников в Гомельской области отказались признать патриарха Московского и всея Руси — как ставленника большевиков. Почти все ксендзы в Западной Беларуси не приняли советской власти и записались на выезд в Польшу, но по приказу из Ватикана забрали заявления на-

зад. Местные власти были этим недовольны. Они хотели всех католических священников либо переселить в Польшу, либо отправить в концлагеря.

Особенно беспокоило большевиков положение в западных областях БССР, где в 1946 году действовали 238 костёлов, 511 православных церквей, ряд синагог и общин баптистов-евангелистов. Власти закрывали костёлы. Ксендзам запретили вести занятия с детьми (1947 г.), совмещать службу в нескольких приходах (1948 г.). За период с 1945 по 1951 год были арестованы около 180 ксендзов, что составило 70% от их общей численности в БССР. Коммунистов за крещение своих детей исключали из партии, выгоняли с работы.

Евреи упрямо держались своих религиозных обрядов, хотя после войны власти разрешили им открыть на всю республику только одну синагогу (в Минске). Не оставались без внимания руководства и беларуские мусульмане. Все четыре мечети в послевоенной БССР закрыли.

Насаждение культа Сталина. В 1949 году, в связи с 70-летием Сталина, в его честь переименовали сотни колхозов, предприятий и улиц. Везде, где побывал вождь хотя бы проездом, появились мемориальные доски: Минск (1919, Западный фронт), Орша, Брест (1945, проездом на Потсдамскую конференцию). На беларуском языке в 1947—51 гг. были изданы все сталинские произведения. Вот только переименовать Бобруйск в Сталинск московские власти Гусарову не разрешили: то ли слишком много развелось сталинских городов по Союзу, то ли не тот город он выделил для переименования. Главную улицу Минска (Советскую) переименовали в проспект Сталина. В 1952 году грандиозный памятник вождю поднялся на Центральной площади Минска*.

Тоталитарная культура

Наука. В области естественных наук развернулась борьба против генетиков-морганистов (по имени американца Томаса Моргана, одного из основателей генетики). Академик Антон Жебрак лишился поста президента АН БССР за «антипатриотический» поступок — публикацию в американском журнале «Сайенс» («Наука») статьи с признанием недостатков биологической науки в СССР. Пострадал член-корреспондент АН БССР Александр Жирмунский за выступление на Международном конгрессе геологов. Советские ученые не имели права положительно оценивать достижения «буржуазной» науки. Позже Жебрака изгнали из АН БССР как «воинствующего морганиста».

^{*} Этот памятник снесли в ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года.

Ни одно издание не могло увидеть свет без разрешения органа цензуры — Главного управления по делам литературы и издательской деятельности при Совете Министров БССР, созданного в 1951 г. Доступ специалистов к иностранной научно-технической литературе был резко ограничен. Ее поступление в библиотеки, научные учреждения, проектные организации находилось под жестким контролем партийных цензоров.

«Идеологически верная» концепция истории БССР разрабатывалась под наблюдением ЦК КПБ(б) и под опекой московских историков-академиков Бориса Грекова (1882—1953) — трижды лауреата Сталинских премий — и Анны Панкратовой (1897—1957).

Об А.М. Панкратовой стоит сказать несколько слов. Она была убежденная сталинистка: вступила в большевистскую партию еще в 1919 году, вела партийную тработу в Украине и на Урале, преподавала в Академии коммунистического воспитания имени Крупской, в Комвузе имени Свердлова, в Военно-политической академии, с 1939 года и до конца жизни входила в состав ЦК ВКП(б). Панкратова являлась членом редакций крайне одиозных большевистских идеологических журналов «Борьба классов» и «Историк-марксист». Получила Сталинскую премию в 1946 году. Именно ей принадлежит следующий «перл»:

«Великий русский народ — первый среди равных в братской семье народов СССР. Он сыграл решающую роль в Октябрьской революции, в установлении власти Советов, в создании и укреплении Советского Союза, в построении социализма в нашей стране»*.

Именно Панкратова была главным редактором и соавтором учебника истории СССР для средней школы, по которому десятки лет учились все советские школьники, и который служил образцом для создания «типовых» школьных курсов историй народов СССР. Основная идея последних заключалась в утверждении «прогрессивного характера присоединения» к Российской империи всех без исключения «национальных окраин». Дескать, русского колониализма никогда не было, а русификация нерусских наций — явление сугубо положительное!

По приказу «сверху» все краеведческие и исторические музеи БССР изменили свои экспозиции таким образом, что теперь они начинались с советско-германской войны. Делалось все для того, чтобы беларуский народ не знал своего прошлого. Фактически людям внушали, что история беларусов началась только в 1919 году — с момента провозглашения БССР.

^{*} Панкратова А. Великий русский народ. М., 1952, с. 3.

Литература и искусство. Каноны для беларуской литературы и искусства вырабатывали партийные чиновники в республиканском ЦК партии, которые, в свою очередь, руководствовались постановлениями ЦК ВКП(б) и «накачками» на инструктивных совещаниях в Москве. Например, поэтессу Констанцию Буйло обвинили в национализме лишь за то, что она посмела назвать Беларусь самым красивым уголком на Земле. Происходили повторные аресты литераторов.

Большинство писателей, поэтов, художников, скульпторов, композиторов, кинематографистов в послевоенные годы на разные лады прославляли Сталина и большевиков. В 1949 году в кандидаты на получение сталинской премии выдвинули от БССР художницу Софью Ли (она происходила из полукитайской семьи) — за серию полотен о Туруханской ссылке Сталина. Многие обратился к теме войны и партизанского движения.

В любых своих произведениях деятели искусства не имели право отступать от принципов так называемого «социалистического реализма». Это означало изображать жизнь не такой, какой она была на самом деле, а в соответствии с выдумками пропаганды, то есть, лишенной серьезных общественных конфликтов, материально богатой, полной веры в счастливое будущее — и всегда под руководством партии. Творцы сталинской школы создавали в своих произведениях «большевизм с человеческим лицом», которого он никогда не имел. Тем самым они помогали сталинистам обманывать людей.

Победители под игом колхозного крепостничества

Коллективизация Западной Беларуси. До весны 1949 года коллективизация в западных районах БССР проводилась довольно осторожно. Но после ликвидации основных сил антисоветского подполья и здесь были использованы те же методы, что в БССР в 30-е годы. Принудительная коллективизация питала послевоенное беларуское сопротивление. Крестьяне скрывались в лесах и на болотах, жгли колхозные строения, убивали наиболее ненавистных представителей власти.

Присланный из Москвы в 1948 году второй секретарь ЦК КПБ(б) С. Игнатьев предложил за каждый террористический акт против колхозного актива репрессировать 10 «кулаков» и «подкулачников». Такими же нормами пользовались нацисты во время войны. В июне 1948 года было издано партийно-правительственное постановление, которое дало право колхозным собраниям по всему СССР выселять представителей «паразитических элементов». Но за 4 месяца из БССР выселили только 239 человек, в том числе 51 единолични-

ка. Несмотря на давление властей, люди крайне неохотно голосовали против своих односельчан. Наконец, единоличники тоже стали записываться в колхозы, хотя по-прежнему, как могли, держались за собственное хозяйство.

Чтобы ускорить коллективизацию, в первой половине 1949 года из западных областей выселили около семи тысяч семей, в том числе 3100 «кулацких», 2600 «националистических», 638 «полицейских» и 635 «бандитских». Все их имущество конфисковали и передали либо колхозам, либо государственным учреждениям. В 1951 году Н. Патоличев ходатайствовал в Москве о выселении еще 1683 «кулацких семей». Москва откликнулась. В 1952 году из западных областей БССР в отдаленные районы РСФСР снова вывезли почти 30 тысяч «кулаков».

Единоличников загоняли в колхозы путем экономических притеснений: обрезали наделы и приусадебные участки, увеличивали им натуральные налоги, которые по мясу и молоку в два — два с половиной раза превосходили налоги на колхозников. Благодаря мерам такого рода, численность «коллективизированных» хозяйств удалось поднять с 5% в 1948 году до 82% в 1950 году. Однако результаты коллективизации были столь же отрицательные, как и в 30-е годы. Разрушая хозяйства единоличников, коммунисты сокращали поступление сельскохозяйственных продуктов государству. В 1952 году более четверти колхозников не дотягивали до того минимума трудодней, который установила им партийная бюрократия.

С 1950 года производилось укрупнение колхозов. Большинство из них имело менее 100 дворов. Что ни деревня — то колхоз. Часть колхозных хозяйств административным путем власти объединяли в совхозы. Крупные хозяйства им легче было контролировать. Укрупнение использовалось и для того, чтобы скрыть грабеж общественного хозяйства местным начальством. Председатели обирали колхозные кассы или просто пропивали всё, что могли.

Хутора по-прежнему ликвидировали. Сносили и мелкие деревни, ибо разбросанные по лесам малые селения давали приют участникам антисоветского сопротивления. А на новом месте площадь приусадебных участков переселенцев умышленно сокращали (с 0,6 до 0,3 га), лицемерно ссылаясь на нехватку земли. В поисках выхода крестьяне самовольно захватывали пустующие колхозные земли. Только в 1951—52 гг. в колхозах (преимущественно в западных областях БССР) было выявлено и ликвидировано 76 тысяч таких захватов.

Даже по официальным сведениям, колхозникам более чем в трети беларуских послевоенных колхозов не выдавали на заработанные трудодни хлеб, более чем в половине — денег. Чтобы колхозники не могли спасаться от голода за счет колхозного добра, в 1947 году был принят очередной указ об уголовной ответственности за

расхищение государственного и общественного имущества. Он предусматривал тюремное заключение на срок от 5 до 25 лет даже за мелкую кражу. Селян спасали только приусадебные участки. Но и здесь их заставляли платить налог с каждого плодового дерева, с каждого пчелиного улья, с каждой головы домашнего скота, включая коз и свиней. В результате свирепой политики государства по отношению к крестьянству оно в масштабе всей республики фактически превратилось в батраков.

Условия и организация труда. Послевоенная деревня переживала острый недостаток тягловой силы. Например, в Витебской области пахали поля на коровах, а бороны по вспашке таскали люди. Машинно-тракторные станции (МТС) не справлялись с обслуживанием колхозов техникой. Зато при каждой МТС до 1953 года существовали политотделы, главной задачей которых являлась полная коллективизация деревни. Число электрифицированных деревень не достигало и 4%. На колхозных полях взамен мужчин, не пришедших с войны, работали женщины, старики, подростки. В 1948 году они составляли 77% работников деревни.

Аграрные программы большевиков. С 1949 года, по инициативе из Москвы, на торфяниках беларуского Полесья стали сеять азиатский кок-сагыз*. Создавались целые колхозы для производства природного каучука. Климатические условия делали это занятие бессмысленным в Беларуси, но местное руководство закрывало глаза — лишь бы выслужиться перед Москвой. В результате происходило расточительство лучших земель и человеческого труда.

Первый секретарь ЦК КП(б)Б Патоличев в 1950 году предложил долгосрочную программу осушения беларуских болот. Одновременно был взят курс на «окультуривание» колхозных земель: зимой вырубали кустарник, покрывший за годы войны около 30% площадей сенокосов, весной и осенью по вспашке собирали камни, разрушали окопы, траншеи и блиндажи.

За 1946—51 гг. колхозы БССР получили от государства около миллиарда рублей финансирования, но так и не стали продуктивными. Не помогало и то, что с 1952 года для сбора урожая в колхозы стали по осени ежегодно на месяц — полтора в массовом порядке посылать горожан, в первую очередь студентов. Государству приходилось систематически списывать долги и недоимки колхозов. И только благодаря самоотверженной работе сельчан, в основном на приусадебных участках, производство продуктов постепенно увеличивалось.

^{*} Кок-сагыз, многолетнее травянистое растение из рода одуванчиков, в корнях которого содержится каучук. От бредовой идеи выращивания этого растения государство вскоре отказалось, тем более что на Западе уже был синтезирован искусственный каучук. — $Прим. \ Ped.$

Послевоенная индустриализация и нищета

Восстановление промышленности. Энергетические мощности и производственное оборудование беларуской промышленности были уничтожены за время войны более чем на 90%. Компенсировать такие потери самостоятельно беларуский народ не мог. Однако объем помощи из Российской Федерации значительно уступал тому, что большевики вывезли летом 1941 года из восточных областей БССР. Многие вывезенные предприятия и рабочие коллективы так остались в России.

По приказу из Москвы был взят курс на создание в БССР машиностроения. С этой целью сюда везли промышленное оборудование из Германии. Благодаря трофеям, в 1947 году удалось начать производство на автозаводе и мотовелозаводе в Минске. В 1950 году серийное производство развернул Минский тракторный завод. Среди рабочих процветал травматизм. На долю ручного труда в промышленности БССР приходилось 60—70%.

Строители первых промышленных гигантов жили в палатках. Судебную ответственность рабочих за прогулы правительство отменило только в 1951 году. Крайне тяжелые условия труда и быта заставляли многих бросать предприятия и возвращаться в деревни.

Вследствие полной зависимости промышленности БССР от союзного сырья и поставок комплектующих изделий она работала не в полную мощность и не выполняла указанных Москвой планов. Никто не мог заставить союзные предприятия вовремя поставлять друг другу необходимые детали, запчасти и полуфабрикаты.

Послевоенный быт. Более 1,5 млн. человек жило тогда в землянках, преимущественно в восточных областях. Люди умирали от недоедания и тяжелых болезней. Всеобщая нищета и дефицит являлись источниками массовых заболеваний: тифа, чесотки, туберкулеза, малярии. В 1947 году были отмечены факты людоедства на почве голода в Полесской области. Не хватало самого элементарного — одежды, обуви, керосина, соли, спичек, мыла. И в 1950 году в городских квартирах часто гас свет, а в деревне не хватало обычных керосиновых ламп.

Инвалиды войны повсюду просили милостыню. До июля 1948 года они не имели никаких льгот. Правда, союзное правительство выделило на 1947 год средства для строительства двух тысяч домов для инвалидов, семей погибших воинов и партизан. Но Беларуси были нужны еще 75 тысяч домов. Даже в 1952 году в Минске, Витебске и Полоцке 672 семьи жили в землянках, хлевах или подвалах разрушенных зданий. В тяжкие послевоенные годы широко распространились карманные кражи, уличные ограбления, спекуляция, самогоноварение.

Изменения к лучшему. В декабре 1947 года Москва отменила карточки на продажу пищевых и промышленных товаров. Но и в 1948 году горожанам не хватало хлеба, сахара, растительного масла, муки, керосина. За всем этим выстраивались огромные очереди. Промышленные товары были дешевые, но их не хватало. А у колхозников почти не было денег. Тем не менее, люди упорно работали, надеясь на лучшее, и по приказу партийного руководства писали письма Сталину, сообщая о своих успехах, подлинных и минимых.

Пользуясь предвыборными кампаниями, горожане требовали электрического освещения улиц, открытия новых маршрутов городского транспорта, строительства бань. Под вывеской артелей и кооперативов открывались надомные портняжные, обувные и даже колбасные мастерские. Но в результате денежной реформы 1947 года, предусматривавшей обмен 10 старых рублей на один новый и полную компенсацию не более чем трехтысячных денежных вкладов в сберегательных кассах, крупные вкладчики многое потеряли, фактически их ограбило государство. В 1948 году по приказу из Москвы были приняты жесткие меры против кустарей.

При Сталине был порядок? 5 марта 1953 года умер Сталин. Большинство населения СССР искренне плакало от горя — до такой степени большевики «промыли» им мозги за годы советской власти. Да и теперь некоторые пожилые люди утверждают, будто бы при Сталине был порядок...

В действительности этот порядок был кажущимся, он являлся «порядком» гигантского концлагеря. Суть сталинской системы заключалась в администрировании, беззаконии, произволе всех уровней власти, оголтелом насилии, крайне жестоком отношении к собственному народу. Вот всего один пример. Только в 1952 году беларуские крестьяне подали 114 тысяч жалоб на злоупотребления местных властей при обложении налогами. Из них 66,6 тысяч (58,4%) подтвердились. «Высокое начальство» приезжало в колхозы на проверки и брало себе всё, что хотело — свежее мясо, птицу, мёд, ягоды, фрукты, самогон...

Многие «аппаратчики» сами занялись предпринимательством. Они прихватывали землю и заводили коров, которых бесплатно кормили колхозным сеном, а молоко продавали. «Первому партийцу» БССР Н. Гусарову пришлось в 1948 году принять ряд мер против «хозяйственного обрастания» партийно-советских работников.

Впрочем, скоро у большевистских руководителей отпала нужда в собственном предпринимательстве. Тоталитарное государство взяло их на полное содержание через систему повышенных заработков и специальных распределителей. Достаточно сказать, что помимо официальной зарплаты все номенклатурные работники с весны 1948 года стали получать от партийных органов так называемые «кон-

верты» — вторую зарплату, которая превосходила официально объявленную в два — три и даже в четыре раза! Более того, с «конвертов» не надо было платить ни налогов, ни партийных взносов! Эта позорная практика была ликвидирована только после XX съезда КПСС.

За период с 19 апреля 1946 по 31 марта 1947 года международное сообщество оказало гуманитарную помощь БССР в объеме 60 млн 820 тысяч долларов США (такая же помощь в еще больших размерах была оказана Украине). Но пищевые продукты, одежда, обувь, лекарства (в частности, пенициллин, стоивший в то время дороже золота) в подавляющем большинстве случаев доставались местной номенклатуре. А простой народ жил в полной нищете.

Одиозную черту абсолютного отчуждения от интересов народа советское государство приобрело именно в послевоенный сталинский период.

Глава 4. Уничтожение беларуской национальной интеллигенции в 1930-е годы

(**Максим Петров**, доктор наук по информационным технологиям)

«В узком смысле слова интеллигенция, это общность людей, цель существования которой заключается в том, чтобы нести достижения культуры, науки, искусства, политической сознательности в народ».

(«Беларуская историческая энциклопедия», том 3, Минск, 1996, с. 498)

«Интеллигенция — самая трудно выращиваемая ткань общества. Ее легче всего разрушить. Ее невероятно трудно восстановить. Она нуждается в постоянной защите».

(«Всемирная энциклопедия: Философия». Минск, 2001, с. 372)

бщеизвестно, что большевики, захватившие власть в бывшей Российской империи, с первых дней своего правления вели непрерывную беспощадную войну против своих сограждан. В этой войне они преследовали определенные цели, менявшиеся с течением времени, использовали разнообразные методы и средства.

В данной работе мы кратко рассмотрим лишь один из аспектов войны с народом: действия большевистского партийно-государственного руководства СССР и БССР, направленные на уничтожение беларуской национальной интеллигенции.

^{*} Сокращенный вариант этой главы опубликован в феврале 2008 года в газете «Секретные исследования».

1. «Великий инквизитор»

Вот что пишет российский историк В.И. Пятницкий по поводу того, кто являлся идеологом и организатором геноцида в СССР:

«Сталинская инквизиция зарождалась постепенно, со второй половины 1920-х годов. Великим инквизитором Страны Советов стал... руководитель правящей партии большевиков — ВКП(б) Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили)...

К своей цели он шел постепенно, маленькими шажками. Но цель, к которой он стремился, всегда была одной и той же — полная власть над громадной страной и всемирным коммунистическим движением. Он постепенно собрал вокруг себя единомышленников, готовых на все ради власти и связанных с ней привилегий...

Сталин объявил дьяволом Троцкого, а всех его фактических или потенциальных сторонников — его служителями. Постепенно всех, кто был хоть в чем-то не согласен с генеральным секретарем /партии/, объявили его противниками, то есть троцкистами, служителями дьявола. В конце концов даже сам большевизм, как движение, его взрастившее и поднявшее на высоту первого лидера, Сталин негласно счел дьявольским порождением и сверг. В названии руководимой им партии слово «большевистская» было упразднено.

...Вокруг Великого советского инквизитора собралась группа лично подобранных им соратников по искоренению инакомыслия в советском обществе. Только... инакомыслие стало именоваться иначе. Обвиняемых в этом преступлении теперь именовали «врагами народа» и «троцкистами».

...Для борьбы с «врагами народа» в 1935 году была создана особая Комиссия по безопасности при высшем партийном органе — Политбюро ЦК. В нее вошли самые верные опричники генсека: Молотов, Каганович, Жданов, Ворошилов, а также Ежов, Маленков и Шкирятов, не являвшиеся тогда даже кандидатами в члены Политбюро. Руководителем этой комиссии Сталин назначил самого себя.

Позже, в начале 1937 года, когда Сталин уже добился всей полноты власти в партии и стране, он переименовал эту комиссию в Малое Политбюро...

Остальные члены Политбюро ЦК и члены самого ЦК превратились в простых статистов, беспрекословно одобрявших все решения Малого Политбюро»*.

Все заявления о «произволе» карательных органов, якобы вышедших в 30—40-е годы из-под контроля партии, являются ложью. Вплоть до самого конца существования Советского Союза, в котором ВКП(б) — КПСС была не только правящей, но и единственной

^{*} Пятницкий В.И. «Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории». Минск, 2004, с. 614—615.

политической партией, эту выдумку специально внедряли в сознание масс, чтобы хоть как-то объяснить чудовищные репрессии против собственных граждан.

Множество документов, опубликованных после 1989 года, неопровержимо доказали, что политический геноцид в СССР осуществлялся ТОЛЬКО ПО УКАЗАНИЯМ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ, на основании общих планов этих «мероприятий» и персональных списков жертв, составлявшихся и утверждавшихся непосредственными помощниками Сталина и его специальными «порученцами» (такими как Г.М. Маленков, Л.З. Мехлис и подобными им), а также руководителями карательных органов, назначенными самим «великим инквизитором».

В своем докладе на XX съезде КПСС Н.С. Хрущев сообщил, что один лишь Н.Н. Ежов, занимавший пост наркома внутренних дел СССР с сентября 1936 по декабрь 1938 года, направил на утверждение Комиссии по безопасности при Политбюро ЦК ВКП(б) 383 списка, включавшие фамилии нескольких десятков тысяч лиц, подлежавших физическому уничтожению. Из них Молотов подписал 373 списка, Сталин — 362, Ворошилов — 195, Каганович — 191, Жданов — 177. А всего в «Особой папке» секретариата Сталина находятся 11 толстых переплетенных томов таких списков!

При этом Сталин ни один список не подписал в одиночку, он требовал, чтобы свои подписи ставили и другие члены Особой комиссии. В народе это называется круговой порукой.

2. Политика «великого перелома»

Осенью 1929 года по инициативе Сталина партия большевиков взяла курс на «великий перелом». Суть «перелома» заключалась в резком увеличении показателей производства важнейших видов промышленной продукции, предусмотренных первым пятилетним планом, в ускорении темпов индустриализации страны, в коллективизации сельского хозяйства. НЭП был «выброшен к черту».

По своей сути «великий перелом» был примерно то же самое, что и «большой скачок» в Китае в 1958—60 годах: попытка «перепрыгнуть» (за счет «волевых решений» и эксплуатации народного энтузиазма) через промежуточные этапы экономического и социального развития в «светлое завтра».

Результаты оказались печальными. План строительства новых промышленных предприятий удалось полностью выполнить с большим опозданием (лишь к концу 2-й пятилетки); провалилась программа производства технически сложных видов оружия (боевых самолетов, артиллерийских орудий, танков, кораблей, подводных лодок); зерно, необходимое для торговли со странами Запада, заго-

товили ценой полного его изъятия у крестьян в Поволжье, на Северном Кавказе и Украине, что вызвало голод в этих регионах*.

Как известно, Мао Цзедун после провала своих планов начал в Китае «великую пролетарскую культурную революцию» (1966—76 гг.), направленную на избиение руководящих кадров, научных и технических специалистов, творческой интеллигенции и всех инакомыслящих. Именно их он объявил виновниками закономерной неудачи.

Несомненно, что Мао руководствовался при этом примером Сталина, развязавшего в 1929 году длительную кампанию по выявлению «вредителей» в народном хозяйстве и системе управления, а также «замаскированных врагов народа» во всех социальных группах. Реально в качестве таковых Сталин и его подручные избрали наиболее образованную и активную часть общества, способную мыслить самостоятельно, то есть, потенциальных политических противников.

Одновременно сталинская группировка взяла курс на полное подчинение национальных окраин центру, ибо ощутила опасность, исходившую, по ее мнению, от носителей национальных идей в союзных и автономных республиках. Сталин серьезно опасался, что продолжение политики «коренизации» может в конечном итоге привести ряд союзных республик к выходу из состава СССР. В подобных намерениях он подозревал, в первую очередь, национальные партийно-советские кадры Украины и Беларуси, «в связке» с интеллигенцией (носительницей национального самосознания).

Соответственно, главным методом проведения в жизнь «нового курса» стали репрессии, жертвами которых были уже не представители «свергнутых эксплуататорских классов», как в период 1918—1928 годов, а вполне лояльные советские граждане. Сталин заявил: «репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления».

Параллельно тому, как репрессии приобретали все более массовый характер, в стране происходил переход от партийной традиции коллективной выработки решений к практике беспрекословного повиновения низших звеньев руководства — высшим. За девять лет (с 1929 по 1937 год) в СССР полностью сформировалась командно-административная система управления экономикой и всеми сферами общества. Кроме того, на «великих стройках социализма» (Беломорканал, Днепрогэс, Магнитогорский металлургический комбинат, Комсомольск-на-Амуре, десятки других), испытывавших трудности с привлечением вольнонаемных рабочих, вошел в массо-

^{*} Всего один пример. Было запланировано построить за 8 лет, с 1929 по 1937 гг., 369 подводных лодок. Реально построили 137 (37% от плана). — Прим. Ред.

вую практику бесплатный труд заключенных (до 12 миллионов человек к осени 1939 года), превращенных в государственных рабов*.

После того, как в 1937 году на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) была окончательно отстранена от власти группа Бухарина — Рыкова, становление системы единоличной диктатуры Сталина в партии и государстве завершилось.

Теперь, по его замыслу, надо было превратить все население огромного государства в «глину», беспрекословно и рьяно выполняющую любые распоряжения «начальства». Сталин, мечтавший о создании «Всемирной республики советов», хотел превратить всю страну в «единый военный лагерь», а граждан СССР — в послушных «винтиков», психологически неспособных ни обсуждать приказы, ни уклоняться от их исполнения.

Именно с этой целью Сталин приказал в 1937 году начать кампанию «большого террора». Она была направлена в первую очередь против партийно-советских и военных кадров, научно-технической и творческой интеллигенции, основная часть которых сформировалась уже при советской власти.

Беспощадное и, на первый взгляд бессмысленное исключение из обычной жизни огромной массы людей в действительности решало сразу несколько задач.

Во-первых, на «вредителей», «двурушников», «троцкистов», «национал-фашистов», «агентов иностранных разведок» списывали все провалы, неудачи и ошибки в экономическом строительстве и социальных преобразованиях, которые чаще всего проводились без соответствующей организационной подготовки, без нужного материального и кадрового обеспечения, на основании субъективных волевых решений. Происками «врагов» объясняли любые оплошности в развитии экономики, невыполнение хозяйственных планов и т.д.

Во-вторых, свирепый террор должен был запугать население огромной страны. Советских людей наглядно убеждали в том, что ничто не может гарантировать их от расправы — ни высокое положение в обществе, ни партийность, ни возраст (среди жертв были и дети, и глубокие старики), ни прежние заслуги. Популярный анекдот очень верно характеризует состояние общества в 30—40-е годы: «половина народа сидела, а другая половина тряслась, что посадят».

Некоторую надежду на личную безопасность давала лишь постоянная публичная демонстрация беспредельной преданности пар-

^{*} Только строительство Беломоро-Балтийского канала унесло жизни 300 тысяч заключенных! Канал строился исключительно в военных целях: для обеспечения перевода военных кораблей с Балтики на Север. Серьезного экономического значения он не имеет до сих пор. Комсомольск-на-Амуре — это город, постепенно возникший вокруг военного судостроительного завода № 199, построенного в 1932—37 гг.

тии (в первую очередь — «лично товарищу Сталину), и столь же беспредельной ненависти ко всем лицам, объявленным врагами (в том числе к своим друзьям и родственникам, которым «не повезло»).

В-третьих, чехарда непрерывных расправ и назначений, когда люди не знали уже, кому можно верить, в ком можно не сомневаться, подводила их к простой мысли: нужно верить только партии большевиков, и опять же, в первую очередь «лично товарищу Сталина». Поэтому, получая приказы и «ценные указания» начальства, следует не рассуждать, а с максимально возможным усердием исполнять их, какими бы нелепыми они ни казались.

3. Большевики и беларуская интеллигенция

В отношении интеллигенции большевистская партия, с одной стороны, подчеркивала необходимость привлечения всех ее профессиональных групп к участию в построении новой жизни; с другой — широко применяла репрессивные меры к тем, кто критиковал ее политику, высказывал свои собственные взгляды на развитие событий в обществе.

Контроль за интеллигенцией, особенно за той ее частью, которая сформировалась до революции, с каждым годом приобретал все более широкий размах. По материалам доносов и слежки с 1924 года составлялись секретные характеристики на каждого сколько-нибудь заметного интеллигента. В них отмечались не только факты биографии, но и политические взгляды, отношение к советской власти, содержание разговоров о политике с друзьями и сослуживцами. Эти характеристики использовались руководством государственных учреждений при увольнении и приеме на работу, служили основанием для разного рода «чисток», для разбирательства с теми, кто, по мнению властей, совершил какие-либо «политические ошибки» или допустил «уклон».

Информацию о беларуской интеллигенции собирали партийные органы на местах а также сотрудники Государственного политического управления (ГПУ) БССР, затем она поступала в ЦК КП(б)Б.

Свобода интеллигенции в первой половине 20-х годов в плане высказывания своих мыслей, в сфере творческой и общественной деятельности, была весьма относительной. Все то, что не укладывалось в рамки партийных догм, подвергалось резкой критике и сопровождалось административно-репрессивными мерами.

Например, 21 октября 1925 года газета «Советская Белоруссия» напечатала статью ассистента медицинского факультета Белгосуниверситета Павла Трамповича «Пути беларуской интеллигенции». Тот факт, что автор не подчеркнул в ней классовый подход и руководящую роль партии в работе с интеллигенцией, вызвал мгновен-

ную реакцию. Уже на другой день бюро ЦК КП(б)Б приняло решение об увольнении главного редактора газеты И. Шипило. В новой статье, помещенной в тот же день (22 октября), автору указали на его ошибки. Но главное, указали всем читателям, что признание интеллигенцией социалистической революции и диктатуры пролетариата означает не просто «ее совместную работу с партийными и советскими учреждениями», а «работу под руководством партии».

Резкой критике в феврале 1926 года подверглась подготовленная к печати книга профессора БГУ Митрофана Довнар-Запольского «История Беларуси». Бюро ЦК партии оценило ее как «выражающую позиции беларуского национал-демократизма» и запретило издавать. Более того, автора книги, доктора исторических наук, заставили навсегда покинуть Беларусь. С этой целью было принято постановление ЦК от 2 апреля 1926 года «О выезде М.В. Довнар-Запольского из БССР»*.

Комиссия Затонского и «крутой поворот» в БССР

Политбюро ЦК ВКП(б) в мае 1929 года направило в БССР с инспекцией специальную партийную комиссию во главе с Владими-

Митрофан Довнар-Запольский

ром Затонским**. Она находилась в Беларуси с 9 мая по 27 июня, т.е. полтора месяца.

По результатам своей работы комиссия представила доклад, включавший обзор экономической жизни, состояние и перспективы развития так называемых «местечек», анализ политико-просветительской работы, издательской деятельности, состояния прессы, вопросов беларусизации. Наиболее значительный по объему раздел доклада назывался «Наблюдения и замечания из области национальной идеологии».

Выводы комиссии отличались категоричностью. Было сказано, что на

** В.П. Затонский (1888—1938) в 1927—33 гг. был председателем Центральной контрольной комиссии КП(б)У и наркомом Рабоче-крестьянской инспекции МССР В 1038

^{*} Митрофан Владимирович Довнар-Запольский (1867—1934) родился в Речице (Минская губерния), в 1894 окончил Киевский университет, магистр с 1901, доктор исторических наук с 1905. В 1918 был членом Рады БНР. В августе 1925 — августе 1926 профессор кафедры истории Беларуси в БГУ. С сентября 1926 и до смерти жил в Москве. Его книга «История Беларуси» была впервые издана только в 1994 году!

идеологическом фронте в БССР ощущается «кулацкое наступление», содержание которого приняло «национальные формы». Более того, комиссия утверждала, что «значительное большинство интеллигентской верхушки... в решительный момент создаст единый антисоветский фронт».

С этой позиции члены комиссии негативно оценили деятельность председателя ЦИК БССР А. Червякова (в частности, за выступление на XII съезде КП(б)Б в защиту национальной интеллигенции, а также за представление к награждению орденом Трудового Красного Знамени артиста Ф. Ждановича и профессора Б. Эпимаха-Шипило за заслуги «в деле беларуского культурного возрождения»), наркома земледелия Д. Прищепова (за «насаждение кулацких» хуторов), наркома просвещения А. Балицкого (за проведение в ноябре 1926 года совместно с В. Игнатовским академической конференции по беларуской грамматике) и ряда других руководителей республики.

Жесткой критике подвергся председатель Совнаркома Дмитрий Жилунович (литературный псевдоним Тишка Гартный) за свои общественно-политические взгляды («защищал националистические проявления»), а также за литературное творчество («воспевал кулаков» и т.п.).

Были высказаны крайне критические замечания в адрес литераторов Янки Купалы (И. Луцевич), Алеся Дударя (А. Дайлидович), Михася Зарецкого (М. Косянков). Комиссия отметила, что общее направление деятельности литературных объединений «Маладняк» и «Узвышша» не соответствует «генеральной линии партии». Заезжего «ревизора» сильно возмутил тот факт, что поэта Янку Купалу в школах знали все учащиеся, а вот о Ленине слышал далеко не каждый.

Негативную оценку получила «История Беларуси в XIX и в начале XX вв.» Всеволода Игнатовского, изданная в 1926 году — за «идеализацию прошлого», популяризацию группы деятелей культуры, связанных с газетой «Наша Нива» и «отсутствие марксистского подхода». Комиссия осудила научные работы Степана Некрашевича, Вацлава Ластовского (историк), Аркадия Смолича (географ и этнограф), Бронислава Тарашкевича и Язепа Лёсика (языковеды), Бронислава Эпимаха-Шипило (этнограф) и ряда других ученых.

27 июня Затонский сообщил на заседании бюро ЦК КП(б)Б выводы комиссии. Доклад был направлен в ЦК и ЦКК ВКП(б), а также лично Сталину.

Выводы этой комиссии были использованы органами ГПУ для обвинений, предъявленных беларуской научной и творческой интеллигенции в 1929—31 гг. Собственно, ее и прислали для того, чтобы идейно подготовить расправу с беларуской научной и творческой интеллигенцией.

4. «Первая волна» репрессий (1930-32 гг.)

После визита сталинского контролера политика беларусизации практически свернулась. Первый удар в рамках «нового курса» был направлен против носителей беларуских национальных идей — ученых, литераторов, деятелей искусств, работников партийного аппарата и органов государственного управления. За ним последовали новые удары, круг жертв которых постоянно расширялся.

Общественно-политическая жизнь Беларуси в 30-е годы — это цепь взаимосвязанных, проходивших одновременно или вслед друг за другом кампаний по очищению общества, как тогда писали, от «классово-чуждых элементов», препятствовавших «развернутому социалистическому строительству», а точнее — сталинскому «крутому повороту во всей политике». Они были направлены:

- Против национал-демократизма и национал-уклона, как проявлений вражеского инакомыслия, отражение реставраторских настроений и тенденций в условиях обострения классовой борьбы;
- Против «замаскированной нацдемовщины», якобы пытавшейся в начале 30-х годов взять реванш за недавние поражения, осуществить реставрацию капиталистического строя и выход БССР из СССР;
- Против «кулацко-эсеровско-прищеповской контрреволюции», якобы готовившей антисоветское восстание в беларуской деревне, намеченное на весну 1933 г.
- Против «контрреволюционного троцкизма», который, согласно официальным пропагандистским штампам, стремился внедрить в сознание членов компартии и широких масс трудящихся «идеологическую контрабанду», направленную на подрыв генерального курса ВКП(б).

Эти кампании вылились в ряд судебных и внесудебных процессов в отношении ученых и технических специалистов, представителей творческой интеллигенции, партийных функционеров, работников государственного аппарата, деятелей церкви, крестьян, некоторых других групп населения.

Одновременно репрессии обрушились на еврейскую и польскую интеллигенцию, иудейское и католическое духовенство. В 1930 году была ликвидирована сеть еврейских нелегальных религиозных училищ («ешиботов»). В 1929—30 гг. за пределы БССР выслали свыше 1500 семей поляков, игравших активную роль в деятельности католического костёла.

Первой по времени стала кампания критики (точнее — шельмования) национальных демократов (нацдемов) в газетах и журналах. Она должна была завершиться, по замыслу центра, «раскрытием»

(в действительности — фальсификацией) подпольных националистических антисоветских организаций и судом над их членами.

Под этот замысел подводилось теоретическое обоснование. Термин «национал-демократизм» в дореволюционную эпоху и до начала «великого перелома» имел положительное значение, он обозначал борьбу за национальное и социальное освобождение народа. Но с 1929 года партийное руководство СССР превратило национал-демократизм в ярлык для обозначения «беларуского националистического уклона».

Нацдемов обвиняли в стремлении оторвать БССР от СССР и присоединить к Польше. Их социальной основой провозглашалось зажиточное крестьянство. В связи с этим все беларуское национально-освободительное движение, от Калиновского в XIX веке до беларуских секций РКП(б), большевистские идеологи отнесли к реакционным течениям. На XI съезде КП(б)Б было заявлено о необходимости «решительной борьбы с враждебными национально-демократическими элементами».

Отныне на руководящие должности в БССР Москва назначала только «своих» людей. В январе 1930 года эстонец Константин Гей занял пост первого секретаря КП(б)Б, а еврей Петр Рапопорт возглавил главный карательный орган — государственное политическое управление (ГПУ) БССР, наделенное правом выносить приговоры без суда.

Органы ГПУ составили список «неблагонадежных», включавший 826 участников беларуского национального движения периода 1917—24 гг. Из них достаточно быстро репрессировали всех, кто находился на территории БССР.

Началом активной борьбы с национал-демократами и прочими «врагами народа» стал процесс над членами сфальсифицированной контрреволюционной организации «Союз освобождения Беларуси».

Дело «Союза освобождения Белоруссии» (1930 г.)

Это дело ГПУ сфабриковало в 1930 году против интеллигенции, обвиненной в национал-демократизме, контрреволюционной и антисоветской деятельности. Оно явилось первым массовым политическим внесудебным процессом в БССР.

Одним из первых в феврале 1930 года арестовали заместителя директора Белгосиздата П. Ильюченко. Весной и летом арестовали основную часть тех, кто проходил по делу. Последним арестовали бывшего наркома просвещения А. Балицкого — 3 сентября.

Всего было арестовано 108 деятелей беларуской науки и культуры (107 беларусов, 1 русский). Почти все они проживали в Минске.

Среди них были вице-президент Академии наук Степан Некрашевич, академики Вацлав Ластовский (историк), Язеп Лёсик (языковед) и Аркадий Смолич (географ), ученые Н. Азбукин, Н. Касперович, С. Мелешко, А. Одинец, В. Прокулевич, И. Радзевич, С. Скондряков, Н. Щекотихин, наркомы земледелия (Дмитрий Прищепов) и просвещения (Антон Балицкий), зам. наркома земледелия Александр Адамович, ректор Белгосуниверситета Владимир Пичета, литераторы Максим Горецкий, Михась Громыко, Адам Бабареко, Владимир Дубовка, Язеп Пуша (Плащинский), режиссер и театральный деятель Флориан Жданович, редактор газеты «Звезда» П. Жаврид, многие другие. Самому старому среди них (Эпимаху-Шипило) был 71 год.

Следователи ГПУ «назначили» руководителем Союза освобождения Белоруссии В. Ластовского, а в состав его руководства «ввели» И. Красковского, Я. Купалу, Я. Лёсика, С. Некрашевича, А. Смолича, историка Алекандра Цвикевича и некоторых других.

Всех арестованных обвинили в следующем:

«Являлись членами контрреволюционной организации «Союз возрождения Белоруссии» (СВБ), в дальнейшем переименованной в «Союз освобождения Белоруссии» (СОБ), осуществляли организованное вредительство на культурном, идеологическом и других участках социалистического строительства, проводили антисоветскую националистическую агитацию, направленную на замедление темпов развития Белоруссии по социалистическому пути, ставя окончательной целью отрыв Белоруссии в этнографических границах от Советского Союза и создание так называемой «Белорусской Народной Республики (БНР)».

Политбюро ЦК ВКП(б) приказало готовить открытый судебный процесс по делу СОБ, подобный тому, который прошел в Киеве весной 1930 года по делу «Спілки визволення Украіни» — мифической контрреволюционной организации украинской национальной интеллигенции. Но в ходе следствия лишь 25 человек «полностью признали свою вину», около 20 человек признались «частично» (т.е. признали ошибки и недостатки в работе, но не вменяемые им преступления), а более 40 человек категорически отвергли все обвинения. И это несмотря на то, что на всех арестованных оказывалось мощное морально-психологическое давление.

Народного поэта Янку Купалу неоднократно вызывали на допросы по делу СОБ. Одновременно его резко критиковали в печати за принадлежность к «нацдемам». Чекисты хотели сделать поэта «руководителем» СОБ либо главным свидетелем обвинения. Доведенный до отчаяния, Купала 22 ноября 1930 года попытался покончить с собой. После излечения ему все же пришлось написать покаянное

письмо, которое опубликовала газета «Звезда». Ранее такое же письмо заставили написать Якуба Колоса.

Не все могли выдержать политическую травлю, унижение человеческого достоинства. 4 февраля 1931 года, после очередного допроса в ГПУ, окончил жизнь самоубийством бывший президент Беларуской академии наук Всеволод Игнатовский.

Сталинисты в тот момент не были еще вполне уверены, что им удастся беспрепятственно осуществить задуманное, опасались народного возмущения. Поэтому попытка самоубийства Янки Купалы и самоубийство Игнатовского заставили их отказаться от намерения устроить показательный процесс.

В ходе следствия дела на 18 человек, отвергших все предъявленные им обвинения, пришлось прекратить, так как чекистам не удалось собрать компрометирующие их материалы. Это М. Бойков, П. Бузук, М. Бурштейн, А. Дайлидович (Дударь), Л. Дашкевич, С. Дубинский, В. Шешелевич, Б. Эпимах-Шипило и другие.

Материалы дела составили 29 томов. Главными среди них по объему и значению являются показания арестованных, причем некоторые на сотнях страниц машинописного текста. Несмотря на то, что в процессе следствия органы ГПУ так и не получили конкретных доказательств существования СОБ, они осудили 90 человек на лишение свободы или ссылку.

Постановлением коллегии ГПУ от 18 марта 1931 года бывших народных комиссаров Балицкого и Прищепова, заместителя наркомзема А. Адамовича и заместителя директора Госиздата П. Ильюченка, дело которых, как

Классик беларуской литературы Максим Горецкий (1893—1938)

Нарком просвещения БССР Антон Балицкий (1891—1937)

Нарком земледелия БССР Дмитрий Прищепов (1896—1940)

коммунистов, в декабре 1930 года выделили в особое производство, приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Позже их расстреляли.

Еще 86 человек постановлением коллегии ГПУ от 10 апреля 1931 года осудили на меньшие сроки. В том числе 8 человек (М. Адерихо, Я. Бедрицкий, А. Дорошевич, П. Жаврид, Ф. Жданович, М. Касперович, А. Сак, И. Цвикевич) — получили 5 лет ИТЛ; один человек (П. Биндюк) — 3 года ИТЛ.

Остальные 77 человек сослали на 5 лет в отдаленные районы СССР (Николай Азбукин, Максим Горецкий, Михась Громыко, Михась Гурский, Владимир Дубовка, Вацлав Ластовский, Степан Некрашевич, Владимир Пичета, Чеслав Родзевич, Аркадий Смолич, Павел Трампович, Александр Цвикевич, Николай Щекотихин, Язеп Лёсик и другие известные деятели науки и культуры). Поэта Алеся Гурло приговорили к 5 годам ссылки условно.

Наркому земледелия Дмитрию Прищепову приклеили ярлыки «вредителя», «помощника и защитника кулаков», насадителя чуждых социалистическому землепользованию хуторов и посёлков. В официальных документах и в пропаганде его деятельность презрительно обозвали «прищеповщиной». Однако среди беларуских крестьян осталась хорошая память о наркоме Прищепове.

Нарком просвещения Антон Балицкий обладал большими организаторскими способностями и высокой трудоспособностью, умел подбирать нужных сотрудников. Во время его работы в качестве наркома просвещения был разработан и успешно выполнялся план введения всеобщего обязательного образования в соответствии с беларуской системой.

Александра Адамовича, заместителя наркомзема Прищепова, отправили в Соловецкий лагерь. Дальнейшие его следы теряются. Ясно лишь то, что он погиб в заключении.

Профессора географии БГУ Николая Азбукина сослали в сибирский город Налинск, точных сведений об его дальнейшей судьбе нет, но из ссылки он не вернулся.

Академика Степана Некрашевича сослали на Север, где он и погиб.

Академика-географа Аркадия Смолича вторично арестовали в 1938 году и убили в Омске.

Академика-филолога Язепа Лёсика в 1936 году снова арестовали и отправили в лагерь, где он умер в 1940 году.

Писателя-профессора Максима Горецкого сослали в Сибирь, он погиб в 1937 году.

Повезло разве что академику АН БССР, профессору Владимиру Пичете (1878—1947), ректору БГУ в 1921—29 гг. Его неожиданно ос-

вободили из ссылки в 1937 году, а в 1939 избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Всех остальных, кто проходил по этому делу (в том числе 18 фигурантов, избежавших приговора в 1930 г.), в 1937—41 годах снова арестовали и либо казнили, либо отправили в лагеря или новую ссылку.

Более того, некоторых «участников» СОВ в 1949—52 гг. арестовали по третьему-четвертому разу, осудив на пожизненное поселение в Сибири — на том «основании», что они были ранее осуждены (например, писателя и переводчика Владимира Дубовку, историка Николая Улащика, ряд других).

Все лица, осужденные по делу СОБ, были реабилитированы в период 1956—1988 гг. «за отсутствием состава преступления».

Дело «Союза освобождения Белоруссии» нанесло непоправимый ущерб беларуской науке и культуре. Лучших представителей национальной интеллигенции насильно лишили возможности заниматься творческой работой на пользу своей Отчизны, и вообще жить по-человечески. Лишь единицам через 25—26 лет посчастливилось вернуться домой.

Дело «Белорусского филиала Трудовой крестьянской партии» (1931 г.)

Эту «контрреволюционную шпионско-диверсионную организацию» сотрудники ГПУ БССР выдумали в мае 1931 года с целью проведения политического процесса над интеллигентами, имевшими отношение к вопросам развития сельского хозяйства БССР.

Следователи заявили, что БФТКП организационно оформилась в 1927—28 гг. (время составления 2-го пятилетнего плана).

Руководителями «организации» числились Р. Бонч-Осмоловский (председатель сельхозсекции Госплана БССР), Г. Горецкий (директор НИИ сельского и лесного хозяйства), П. Хоцкий (ученый секретарь отдела земельного планирования наркомата земледелия). Руководителями «направлений» — А. Михайлов (агрономия), В. Лиот (землеустройство), К. Решетников и академик А. Дубах (мелиорация), А. Попелышко (статистика).

Среди ее «членов» были квалифицированные специалисты по агрономии, зоотехнике, землеустройству, статистике (например, профессор Витебского ветеринарного института В. Маккавейский).

По заявлению сотрудников ГПУ, БФТКП имела ячейки на периферии, в которые входили работники окружных центров, районных структур власти. Ячейки «раскрыли» в Бобруйском, Витебском, Гомельском, Могилевском, Мозырском, Оршанском, Полоцком округах; в Глуском, Паричском и Юровичском районах, а также в Нар-

комземе, сельхозсекции Госплана, ЦСУ БССР, Белсельсоюзе, Белсельтресте, Белколхозцентре, Белсельхозбанке, НИИ сельского и лесного хозяйства, Белколхозстрое.

Следователи утверждали, что БФТКП была связана с другими «контрреволюционными организациями» — «Белорусским филиалом Промпартии», «Белорусским филиалом меньшевиков», «Союзом освобождения Белоруссии».

Ее социальной базой, по их мнению, являлись «организованные в производственные объединения кулацкие элементы, вооруженные охотничьи общества и крестьяне-исследователи, владельцы так называемых «культурных хозяйств», а также кулацкая часть добровольных корреспондентов ЦСУ».

Иными словами, в члены БФТКП чекисты зачислили в первую очередь сторонников развития сельского хозяйства по пути фермерства, а не убыточных колхозов и совхозов. Недовольство крестьян политикой сплошной коллективизации они подавали как «результат вредительской деятельности» этой «организации».

К ответственности привлекли 59 человек, 39 из которых проходили также и по другим делам. Их «вина» заключалась в следующем:

«В целях подготовки плацдарма для интервентов осушали болота в приграничных районах, работы по мелиорации проводили по вредительски», «тормозили развитие луговодства на осушенных землях, культурно-технические мероприятия проводили исключительно на землях кулаков, игнорируя колхозы и совхозы, организовывали кулацкие мелиоративные ячейки как базы для вооруженного восстания против советской власти» и, конечно же, «занимались шпионажем».

Все эти обвинения строились исключительно на показаниях самих арестованных, полученных при помощи незаконных методов воздействия.

Постановлением коллегии ГПУ БССР от 30 мая и 6 июня 1931 года 6 человек были приговорены к смертной казни (двоих расстреляли, четверым казнь заменили 10 годами лагерей), 13 человек — к 10 годам, 6 человек получили от 3 до 5 лет, 34 человека сослали в отдаленные районы СССР.

Всех этих людей реабилитировал Военный трибунал БВО своим постановлением от 22 апреля 1958 года «ввиду отсутствия состава преступления».

Дело «Белорусского филиала меньшевиков» (1931 г.)

Белорусский филиал меньшевиков (БФМ) — название «контрреволюционной вредительской организации», придуманной в июле 1931 года сотрудниками ГПУ БССР для возбуждения дела и прове-

дения политического процесса над интеллигентами, имевшими отношение к вопросам экономического развития БССР.

Создание БФМ следователи отнесли к 1928—30 гг. В число его организаторов и руководителей они записали А. Шейнина (члена президиума Госплана БССР, доцента БГУ), И. Герцика (доцента БГУ), И. Рубенчика (врача), В. Бермана (консультанта Белкоопсоюза), И. Гармизу (заведующего планово-экономическим сектором Белкоопсюза).

Ячейки БФМ были «выявлены» в Госплане, Наркомате снабжения, в финансовых органах и в системе потребительской кооперации. Их членам вменялось вредительство, антисоветская пропаган-

да, распространение контрреволюционной литературы.

К ответственности привлекли 30 человек, 11 из которых проходили также по делу «Белорусского филиала Трудовой крестьянской партии». К арестованным применялись незаконные методы воздействия, тем не менее, дали признательные показания только 12 человек. Обвинение строилось исключительно на этих показаниях, в т.ч. используемых как «свидетельства» вины тех 18 человек, которые отвергли предъявленные обвинения.

Решением коллегии ГПУ БССР от 23 июля 1931 года 6 человек (в т.ч. все 5 «руководителей») получили по 10 лет ИТЛ, 9 человек — по 5 лет, 7 человек — по 3 года, остальных 8 сослали в отдаленные

районы СССР на срок от 3 до 10 лет.

Постановлением Судебной коллегии Верховного суда БССР от 11 октября 1957 года все члены БФМ реабилитированы за недоказанностью предъявленного им обвинения.

Дело «Белорусского филиала Промпартии» (1931 г.)

Еще одна «контрреволюционная вредительская диверсионношпионская организация», придуманная сотрудниками ГПУ БССР летом 1931 года для возбуждения дела и проведения политического процесса над интеллигентами, имевшими отношение к руководству промышленностью БССР.

Создание БФП следователи отнесли к 1926 году. Ее ячейки «действовали» в Госплане, ВСНХ, Белстройобъединении, Белметаллобъединении, Белкожобъединении.

Согласно обвинительному заключению, «фактическим главой организации» был заведующий промышленной секцией Госплана БССР А. Каплан. Ее составу чекисты придали «еврейский уклон»: они объявили «шпионами-диверсантами» консультанта промышленной секции Госплана М. Мостикова, заместителя председателя комитета по химизации народного хозяйства при Совнаркоме В. Натансона, заведующего плановым отделом треста «Белторф»

И. Рогацкого, инженера аппарата ВСНХ БССР М. Эпштейна и ряд других технических специалистов.

Членам БФП вменялось в вину «желание перерождения советской власти в буржуазно-демократическую республику», а также проведение мероприятий, «которые должны были затруднять и тормозить развитие народного хозяйства и создавать те или иные провалы и трудности».

К ответственности привлекли 30 человек, 8 из которых также проходили как члены БФТКП. По утверждению следствия, этот «факт» подтверждал наличие связей между «контрреволюционерами в БССР. Кроме показаний арестованных и свидетелей (агентов ГПУ), других доказательств существования БФП не имелось.

Постановлением коллегии ГПУ от 23 июля 1931 года 10 человек были приговорены к 10 годам ИТЛ (с заменой на ссылку в Казахстан или на Урал), остальные — к 5 годам.

Все они реабилитированы в сентябре 1989 года.

Дела сельскохозяйственных специалистов (1932 г.)

В 1932 году ГПУ сфальсифицировало дела «Белтрактороцентра» и «Ветеринарных врачей». Самые массовые аресты пришлись на «Белтрактороцентр»: в этом объединении репрессиям подверглись 546 человек! По делу ветеринаров были арестованы и осуждены 254 человека: сотрудники Наркомата земледелия, НИИ сельского хозяйства, Витебского ветеринарного института.

По существу, почти полностью были уничтожены те немногочисленные квалифицированные кадры, которые работали в руководящих, исследовательских, учебных органах сельского хозяйства в центре и на местах, ибо попутно происходило «раскрытие врагов народа» в районах.

Например, в сентябре 1932 года ГПУ «ликвидировало» в Мозырском районе контрреволюционную организацию «Крестьянских союзов». В руководстве ею чекисты обвинили специалистов сельского хозяйства из числа дореволюционной интеллигенции — агрономов, землемеров. По этому делу проходило свыше 70 человек.

.0.

В результате всех этих «дел» немногочисленные ряды беларуской научно-технической и преподавательской интеллигенции, с большим трудом собранные в 20-е годы, были опустошены. Так, уже в феврале 1931 года К. Гей, первый секретарь ЦК КП(б)Б, и А. Чернушевич, заведующий отделом культуры и пропаганды ЦК, сообщили в Москву, что ряд вузов, в первую очередь БГУ, оказались «в катастрофическом положении и встали перед срывом занятий и даже полным закрытием ряда отделений». Они просили «не-

медля прислать в БССР научных работников по экономическим дисциплинам» для преподавательской и научной работы.

По заданию К. Гея, в Академии Наук были созданы специальные «бригады», которые старательно искали в напечатанных работах, в стенограммах докладов и выступлений сотрудников академии и вузовской профессуры признаки «нацдемовщины». Ревизовались поэзия и проза заподозренных в «нацдемовщине» писателей, газетные статьи и т.д. Выявленные бригадами «уклоны» систематизировались, изучались, делались желательные для ГПУ «научные выводы». Потом их печатали как труды «обновленной» Академии Наук.

Старательно просматривались школьные учебники. Большинство учебников изъяли из обихода, особенно хрестоматии для чтения, сборники диктантов, грамматики. Одни книги конфисковали автоматически ввиду ареста их авторов, независимо от содержания. Другие потому, что они не соответствовали эпохе коллективизации сельского хозяйства и сталинских пятилеток. Например, в хрестоматиях для чтения отныне не позволялось называть «образцовыми» единоличные крестьянские хозяйства, в задачниках — использовать примеры из жизни единоличных хозяйств. Учителя должны были сами выдумывать арифметические задачи из жизни колхозов, торговли кооперативных лавок.

Одновременно с арестами «нацдемов» из библиотек и книжных магазинов изымали все работы арестованных. Все, что создавалось в течение ряда лет — работы по истории, этнографии, географии, литературе, искусству, краеведению, произведения молодых и старых талантливых поэтов и прозаиков, научные исследования специалистов, — после ареста авторов были названы «вредным нацдемовским хламом». Вот краткий перечень некоторых работ, изъятых и уничтоженных в 30-е годы:

«Беларуская научная терминология» (выпуски 1922—30 гг.); «Беларуская этнография в исследованиях и материалах», в пяти книгах (1926—28 гг.); «Беларуский архив» в двух томах (1927—28 гг.); «Беларуские сказки, пословицы и заговоры», собранные А. Сержпутовским; «Беларуско-русский словарь» Байкова и Некрашевича (1925 г.); «Записки отдела гуманитарных наук Института беларуской культуры (филология, история, этнография, археология, искусство, право)» за 1923—29 гг.; «Очерки по истории беларуского искусства» (автор Шекотихин, 1928 г.); «Опыт лингвистической географии Беларуси» (автор П. Бузук, 1928 г.); «Труды Академической конференции по реформе беларуского правописания и азбуки» (1927 г.); «Труды и материалы к истории и археологии Беларуси», в трех книгах (1926—27 гг.); «Четырехсотлетие беларуской печати. 1525—1925» (1926 г.).

Это только незначительная часть огромной работы, проделанной большевистскими варварами!

5. «Вторая волна» репрессий (1933-35 гг.)

Первую волну репрессий в 1933—35 гг. сменила вторая волна. Ее организатором выступил новый первый секретарь ЦК партии Николай Гикало, занимавший этот пост с конца 1932 года до начала 1937 (прежнего секретаря Гея обвинили в ряде преступлений, арестовали и позже казнили).

На этот раз рассматривались фальсифицированные дела «Белорусской народной громады» и «Белорусского национального центра». Репрессиям подверглись литераторы, преподаватели ВУЗов, деятели национально-освободительного движения, переехавшие в БССР из Западной Беларуси.

Одновременно велась борьба с «засорением» нацдемами государственных учреждений. Главную опасность для «генерального курса ВКП(б)» новое руководство компартии БССР видело в беларуском национализме. Великодержавный русский шовинизм больше нигде не упоминался. Людей запугали до такой степени, что многие горожане (особенно в Минске) стали бояться говорить по-беларуски, чтобы не быть обвиненными в национализме.

В то же время произошло значительное усиление репрессивного аппарата. В декабре 1934 года (после убийства первого секретаря Ленинградского обкома партии, члена Политбюро и секретаря ЦК С.М. Кирова, организованного сталинскими подручными 1 декабря) карательные органы получили официальное (хотя и секретное) разрешение на применение пыток к подследственным.

Был также принят новый уголовный кодекс, статьи которого отличались исключительной жестокостью. Достаточно сказать, что согласно ему можно было по политическим мотивам осуждать на смертную казнь даже детей, начиная с 12 лет!

Дело «Белорусской Народной Громады» (1933 г.)

Эту «организацию» следователи ГПУ БССР выдумали в июне — августе 1933 года с целью устроения политического процесса над недобитой национальной интеллигенцией. Оно стало продолжением дела «Союза освобождения Белоруссии».

В состав данной «организации» чекисты включили 68 человек — беларуских литераторов (В. Жилку, Л. Калюгу, М. Лужанина, З. Остапенко, Ю. Таубина), преподавателей ВУЗов и студентов — якобы входивших в 13 ячеек.

Согласно версии ГПУ, БНГ охватила своей деятельностью города Минск, Оршу и Слуцк, а также Копыльский, Минский, Мозырский, Слуцкий районы, беларуские землячества в Москве, Ленинграде и Смоленске.

В состав центрального бюро БНГ следствие «ввело» А. Вашина (Л. Калюгу), А. Карачуна, Ф. Купцевича, В. Лущицкого, Р. Михальского, К. Рогачевского, К. Селедчика, а «идейное руководство» БНГ они приписали К. Езовитову, находившемуся в эмиграции (в Риге).

Было официально заявлено, что главной целью БНГ являлось «отделение БССР от Советского Союза» и установление «буржуазно-демократической Белорусской Народной Республики», с последующей ликвидацией социалистических форм в сельском хозяйстве и промышленности, создание хуторской системы землепользования, возрождение частной собственности на землю, на средства производства.

БНР якобы должна была войти в федеративный союз «Литва — Беларусь — Украина» со столицей союзного государства в Вильне.

Согласно обвинительному заключению, «контрреволюционная деятельность» членов БНГ проявлялась, прежде всего, в виде несогласия с усилением в БССР тоталитарного режима, в высказываниях о «русификаторской и колонизаторской политике Москвы», в идеализации самобытности Беларуси, в «протаскивании в печать нацдемовских терминов», в оппозиции политике коллективизации.

Виновными признали себя лишь 20 человек. Их показания, а также показания еще трех «членов» организации, проходивших по делу в качестве свидетелей (т.е. информаторов ГПУ), послужили единственным основанием для вынесения решения по делу.

Согласно постановлениям Особого совещания при коллегии ГПУ БССР от 10 августа и 4 ноября 1933 года, «руководители» организации получили 5 лет ИТЛ, «члены» — от 2 до 3 лет, часть сослали на Север, на Урал или в Казахстан, 11 обвиняемым зачли срок предварительного заключения.

Судьба сосланных была незавидной. Например, поэт Владимир Жилка умер в городе Уржуме в том же году.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР 24 августа 1956 года реабилитировала «за отсутствием состава преступления» 44 человека из 68, проходивших по данному делу. Остальные 24 были полностью реабилитированы в 1988 году.

Дело «Белорусского Национального Центра» (1933 г.)

Во второй половине 1933 года ГПУ сфабриковало обширное дело «контрреволюционной повстанческой и шпионско-диверсионной организации «Белорусский национальный центр».

БНЦ якобы создали в сентябре 1932 года М. Бурсевич, П. Волошин, Ф. Волынец, И. Гаврилик, И. Дворчанин, П. Метла, С. Рак-Михайловский и несколько других беларуских политэмигрантов, прибывших в БССР из Польши в апреле 1930 и сентябре 1932 гг.

Особый цинизм этого «дела» заключался в том, что некоторые его фигуранты, приехавшие из Польши, были арестованы сразу же по приезду в Минск и содержались под домашним арестом вплоть до начала процесса. То есть, они не имели физической возможности заниматься на территории БССР общественно-политической деятельностью.

Дело готовили начальник секретно-политического отдела ГПУ БССР Г. Лупекин, начальник отделения Я. Гозин, оперуполномоченные И. Басинкевич, Н. Горбачевский, С. Губский и ряд других, а также председатель ГПУ БССР Л. Заковский и его заместитель А. Залпетер. Материалы дела заняли 55 томов.

В обвинительном акте было сказано:

«БНЦ вел подготовку к свержению советской власти и своей конечной целью считал установление Белорусской фашистской республики во главе с военной диктатурой, входящей на основе федерации в состав Польского государства.

Свержение советской власти контрреволюционной организацией БНЦ мыслилось путем вооруженного восстания, намечавшегося, согласно установкам Польского Главного штаба, на осень 1933 или весну 1934 года.

В осуществление поставленных перед собой задач контрреволюционная организация БНЦ вела практическую подготовку к вооруженному восстанию путем:

- а) активной вербовки членов в контрреволюционную организацию и воспитания их в духе конкретных контрреволюционных задач;
- б) создания на периферии БССР широкой сети контрреволюционных повстанческих ячеек с задачами повстанческой агитации, выявления, учета и сбора оружия;
- в) создания специальных диверсионных групп с целью вывода из строя основных промышленных объектов военного стратегического значения:
- г) подготовки к совершению террористических актов над видными партийными и советскими работниками;
- д) экономического, военного и политического шпионажа в пользу польских разведорганов;
- е) создания ячеек контрреволюционной организации в частях Красной Армии на территории БВО.

Основными кадрами организации являлись перебежчики из Польши. Социальной же базой контрреволюционной организации БНЦ являлось кулачество, антисоветски настроенная интеллигенция, бывшие офицеры, служащие в государственных учреждениях, выходцы из социально-чуждых прослоек».

БНЦ якобы состоял из ячеек по 3—5 человек. Каждый их член поддерживал связь только с руководителем ячейки. Общее руковод-

ство осуществляла исполнительная «тройка» (С. Рак-Михайловский, И. Дворчанин, П. Метла).

Руководство БНЦ финансировал и направлял 2-й (разведывательный) отдел Генштаба Войска Польского через польское посольство в Москве и генеральное консульство в Минске. Следствие утверждало, что на эти цели «заговорщики получили 65 тысяч советских рублей и 3 тысячи долларов.

План восстания, по «легенде» фантазеров из ГПУ, заключался в устроении крупной провокации в пограничных районах, которая должна была вызвать военный конфликт между Польшей и СССР, стать началом боевых действий и восстания в БССР. Срок выступления — осень 1933 или весна 1934 года.

Состав будущего правительства БНР, по версии следствия, выглядел следующим образом: премьер-министр А. Луцкевич; министры Акинчиц (промышленности), Бурсевич (финансов), Волошин (почт и телеграфа), Гаврилик (просвещения), Волынец (транспорта), Дворчанин (земледелия), Метла (внутренних дел), Островский (юстиции), Рак-Михайловский (по военным делам), Тарашкевич (иностранных дел).

В августе — ноябре 1933 года органы ГПУ «раскрыли» ячейки БНЦ во множестве учреждений и организаций БССР: в Госплане, Наркомпросе, Наркомздраве, Наркомхозе, Наркомсвязи, отделении Союзхлопкосбыта, Академии наук, Белгосуниверситете, Энергоинституте, Садово-огородном институте, НИИ рыбного хозяйства, Белорусском телеграфном агентстве, радиоцентре, редакции органа ЦК партии газете «Звезда», Институте истории партии, ЦК МОПР, представительстве компартии Западной Белоруссии, научно-техническом издательстве, союзе писателей, государственной библиотеке. Кроме того, «удалось раскрыть» ячейки в Разведуправлении Штаба БВО, в гарнизоне города Борисова, в 34-м полку (Старые Дороги) и в 192-м полку (Орша).

Было заявлено, что следствие «раскрыло» (в смысле, придумало) в общей сложности 59 повстанческих ячеек, 19 диверсионных ячеек и групп, 4 террористические группы, 20 шпионских ячеек и резидентур, а также филиалы в Горецкой сельхозакадемии (21 человек), Березино (27 человек) и Гомеле (17 человек), молодежную организацию (47 человек). «Вражеская сеть» охватила 9 городов и 25 районов республики.

Однако эти цифры плохо согласуются с числом обвиняемых — 281 человек (77 в Минске, 204 — «на местах»). Теоретически, членов БНЦ должно было быть значительно больше. С учетом числа ячеек и численности «филиалов», как минимум — 400 человек. Впрочем, чекистов такие мелочи абсолютно не волновали.

Обвинение строилось исключительно на показаниях арестованных, полученных путем применения физических мер воздействия и других незаконных методов. Эти показания, написанные руками обвиняемых, были изложены в общих словах, не подтверждены ни документами, ни вещественными доказательствами. «Покаянные» показания обвиняемых имеют одинаковое по содержанию начало, протоколы допросов Бурсевича, Волошина и Метлы в значительной степени совпалают дословно.

Основные направления «деятельности» организации были сфальсифицированы через «показания» на допросах «главной» семерки обвиняемых. Эти показания писались во время следствия, в тюремных казематах, под воздействием и бдительным надзором следователей ГПУ. Из обвинительного заключения:

«В 1926 г. Польским Главным штабом на территории Восточной Польши был создан контрреволюционный «Польско-Украинско-Белорусский Блок» в составе 3 крупных националистических организаций («Украинский сельроб», «Белорусская Рабоче-Крестьянская Громада» и «Польская Независимая Партия Хлопска») с задачами активной борьбы с коммунистическим движением в Восточной Польше и организации широкой повстанческой, шпионской и диверсионно-террористической работы на территории Советского Союза.

По заданию того же 2-го Отдела Польского Главштаба в целях реализации задач «Блока» по Западной Белоруссии и БССР в г. Вильно в 1928 г. был создан видными националистами Островским и Луцкевичем «Белорусский политический центр».

Проводя энергичную работу по борьбе с коммунистическим и революционным движением в Западной Белоруссии, «Белорусский политический центр» в тесном контакте с польскими разведывательными органами на протяжении ряда лет перебрасывал на территорию БССР под разными предлогами шпионские, диверсионные, террористические и повстанческие кадры.

Для руководства работой по созданию контрреволюционной организации и активной подготовки вооруженного свержения советской власти в БССР «Политическим центром» была переброшена в БССР значительная часть его членов. Переброшенные в БССР легально и нелегально члены «Политического центра» для практического руководства контрреволюционной организацией создали «Белорусский национальный центр»...

14 ноября 1933 года постановлением «тройки» ГПУ был осужден 21 «заговорщик» из числа преподавателей Белсельхозакадемии: 8 человек к 8 годам лишения свободы с отбыванием срока в ИТЛ, 6 человек к 5 годам, 7 человек к 3 годам. Среди них И. Байков, М. Гончарик, С. Корженевский, В. Метельский и другие.

26 декабря 1933 «тройка» ГПУ осудила 17 человек из Гомельского «филиала» БНЦ: 4 человека получили 10 лет ИТЛ, 5 человек — по 8 лет, 7 человек — по 5 лет, один — 3 года условно. Среди них А. Акулик, В. Богданский, К. Герасимович, В. Закревский и другие.

Наконец, 9 января 1934 года «четверка» коллегии ГПУ вынесла

приговор еще 70 «членам» БНЦ.

На этот раз 25 человек были приговорены к смертной казни (в т.ч. И. Богданский, Л. Бобрович, И. Солоневич). Приговор был приведен в исполнение спустя 4 месяца — 17 мая. Еще 15 человек тоже приговорили к смертной казни, но расстрел заменили десятью годами лагерей (Бурсевич, Волошин, Волынец, Дворчанин, Рак-Михайловский и другие). 15 человек получили по 10 лет заключения в лагерях; 4 человека — по 8 лет; 7 человек — по 5 лет; 4 человека — по 3 года. Большинство было отправлено в лагеря на Соловки или в Коми АССР. Мерой наказания за несовершенные преступления для остальных 53 человек явилась ссылка.

Однако в 1937—39 гг. по решениям различных внесудебных органов из 45 лиц, осужденных 9 января 1934 года к заключению в лагеря, были расстреляны еще 22 человека. В частности, тройка УНКВД Лениградской области под председательством Л. Заковского (бывшего председателя ГПУ БССР) отправила на расстрел Бурсевича, Волошина, Волынца, Гаврилика, Дворчанина, Рак-Михайловского. Их убили в ноябре — декабре 1937.

Тех, кто отбыл сроки лагерного заключения, в 1950—52 годы выслали в отдаленные районы СССР.

Военный трибунал БВО 18 апреля 1956 отменил решение коллегии ГПУ от 9 января 1934 года в отношении всех обвиняемых по мотивам неполноты расследования и отсутствия доказательств.

Комитет государственной безопасности БССР провел проверку и дополнительное расследование: существование БНЦ не подтвердилось. В августе — сентябре 1956 решением военного трибунала БВО дело было полностью прекращено «ввиду отсутствии состава преступления», отменены постановления троек по «филиалам» БНЦ и решения особых совещаний МГБ 1950—52 гг. Только жизни 47 казненным и тем, кто умер в ссылке, никто не вернул.

Дело ПОВ (1933-35 гг.)

В 1933 году ГПУ СССР сфальсифицировало дело «Польской организации войсковой» (ПОВ). По нему первыми жертвами в БССР стали ксендзы. Большую группу их арестовали в период между 15 августа и 15 сентября 1933 года. За этими арестами последовали новые. Всех арестованных обвинили в принадлежности к «шпионской вредительской организации ПОВ».

Чекисты изобразили ее руководителем в БССР священника Минского кафедрального костёла А. Пучкар-Хмелевского. Его бросили в лагерь, а летом 1937 года расстреляли после повторного рассмотрения дела этой организации.

Вообще говоря, «Польская Воинская Организация» (ПОВ) была основана в 1915 году Юзефом Пилсудским для тайной деятельности против Австро-Венгрии и Германии. В 1918—20 годах она действовала и на территории бывшей Российской империи, в частности на Украине. Деятельность организации завершилась в 1921 году. К 1933 году ПОВ уже давно не существовала. Тем не менее, множество поляков были арестованы по ложному обвинению в принадлежности к ПОВ. Некоторым вынесли смертный приговор, других замучили во время следствия, третьи погибли в лагерях. Уцелевших заключенных расстреляли в 1937—38 годах.

ГПУ составило списки поляков, работавших в тот период в советских административных органах и органах госбезопасности БССР. К ним добавился перечень поляков, проживавших в польском автономном районе БССР. Он был образован в 1926 году и назван в честь Феликса Дзержинского. В районе имелась своя администрация, пресса, театр, школы, издательство.

В сентябре 1935 года в Минске и в Дзержинском районе прошла волна новых арестов, призванных, согласно официальной версии, положить конец агентурной сети ПОВ. Одновременно был ликвидирован польский автономный район.

.0

Характерной чертой процессов 1930—35 годов было то, что для довольно значительной части осужденных в качестве наказания определяли ссылку. Однако для удобства наблюдения за высланными людьми ГПУ обычно концентрировало их в небольших поселениях отдаленных губерний, где они не могли найти работу, чтобы заработать на пропитание.

Если учесть, что практически все сосланные были людьми умственного труда, в своем большинстве — неспособные к физическому труду, а их профессиональные возможности в местах ссылки никому не были нужны, нетрудно понять драматизм их положения. Не все имели родственников, способных систематически помогать деньгами или посылками. Тридцатые годы — самые трудные, самые голодные в СССР, население городов питалось по карточной системе, предусматривавшей мизерные нормы продуктов, поэтому для части осужденных ссылка обернулась замедленной смертной казнью путем истощения.

6. «Третья волна» репрессий (1937-38 гг.)

Первая и вторая «волны» массовых репрессий, начатых в 1929 году, продолжалась почти до середины 1935 года. В эти годы в БССР были репрессированы около 46 тысяч человек, из них свыше 13 тысяч казнены (данные И.Н. Кузнецова)*. Затем наступила короткая передышка перед «решающим штурмом».

Этот период в истории СССР позже получил название «большой террор». В данной связи надо отметить одну из важных особенностей политики Сталина — периодическое уничтожение исполнителей его воли. По приказам генсека $BK\Pi(\delta)$ за время «большого террора» были казнены, либо брошены в концлагеря, почти все организаторы и исполнители политических репрессий предыдущих лет.

Например, подверглись репрессиям бывшие первые секретари ЦК ВКП(Б) К. Гей, Н. Гикало, В. Шарангович, А. Волков, председатели ГПУ БССР П. Рапопорт и Л. Заковский, наркомы внутренних дел Б. Берман и А. Наседкин, их заместители И. Жабрев, Г. Хорхорин и М. Стояновский, значительно число партийных работников различных уровней и сотрудников карательного аппарата. Был казнен и В. Затонский, бывший московский «ревизор».

В январе 1937 года в Москве состоялся громкий процесс по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра». Его сопровождала широкая пропагандистская кампания. Именно этот процесс положил начало кампании по «ликвидации троцкистов и прочих двурушников» во всем Советском Союзе.

Масла в огонь подлил февральско-мартовский (1937 г.) пленум ЦК ВКП(б) и выступление на нем И.В. Сталина. Сразу же после него принятые решения начали проводить в жизнь на местах. В этой связи в Минске 14-18 марта проходил XIII пленум ЦК КП(б)Б. Выступая с докладом об итогах работы пленума ЦК ВКП(б), второй секретарь ЦК Д. Валкович отметил:

«Тов. Сталин учил нас, что нам нужна мощная, сильная диктатура рабочего класса для того, чтобы развеять в прах остатки умирающих классов и разбить всю их махинацию».

В тон ему было и выступление председателя СНК БССР Н. Голодеда, у которого были свои взгляды на борьбу с вредительством:

«Тов. Сталин также говорил, что нужно разбить гнилую теорию о том, что будто бы тот, кто может строить хорошо, — тот не может

^{*} Для сравнения: в царской России за период 1825—1917 гг. были приговорены к смертной казни за политические преступления 6360 человек, приговоры были приведены в исполнение в отношении 3932 лиц (62%). Но большевики превысили эти цифры уже к марту 1918 г., всего за четыре первых месяца пребывания у власти!

вредить. Эта теория гнилая. Враг-вредитель, вредя нашему делу, должен делать что-нибудь и хорошее, иначе врага-вредителя, если он не будет делать что-нибудь хорошее, быстро разоблачат. Он должен беречь себя для решающего момента.

...Прежде всего, товарищи, мы должны глубоко уяснить, что вредители проводили свою подрывную диверсантскую работу не только в решающих отраслях народного хозяйства (оборонной промышленности, химии, топливе, угле и т.д.), они работали всюду, не пренебрегали вредительством нигде, в том числе и у нас, в Белоруссии.

Мы еще не приступили (я прошу земельных работников это принять к сведению) искать вредителей в сельском хозяйстве. Мы ищем их в промышленности, на культурном фронте, на фронте идеологическом, но очень мало обращаем внимания на разоблачение вредителей в сельском хозяйстве, как будто там все благополучно. Я специально обращаю внимание членов пленума на то, что основной метод вредительства на данном этапе времени — это метод вызывания недовольства масс, восстановления масс против партии, против нашего государства.

...Всё надеемся на органы безопасности, на НКВД. Это позор для коммунистов, работающих на хозяйственной работе, для нас, руководящих хозяйством, позор самый настоящий, и мы из этого обязаны сделать вывод: Наркомвнудел — Наркомвнуделом, это всем известно, что НКВД стоит на страже нашего государства, но мы обязаны помогать Наркомвнуделу и помнить лозунг, что каждый коммунист должен быть одновременно чекистом, и врага, который замаскировался и пролез под бок, надо разоблачать, не ожидая от НКВД материалов. Это обязанность каждого коммуниста-хозяйственника, каждого коммуниста, работающего на хозяйстве, — на конкретных фактах замечать, где действует рука врага, и передавать, если сами не в силах разоблачать, органам НКВД».

На этом же пленуме произошла очередная смена «первого партийца». По указанию из Москвы первым секретарем ЦК избрали В. Шаранговича. Очень скоро и Валкович, и Голодед стали очередными жертвами восхвалявшегося ими Наркомвнудела.

Закончился пленум «программной речью» нового первого секретаря Василия Шаранговича. Она вполне соответствовала духу времени:

«Во всей ВКП(б) вскрыто довольно большое количество всяких троцкистов, вредителей, шпионов... Я не верю, товарищи, чтобы троцкисты, вся эта диверсионная и шпионская сволочь нашу Белоруссию оставили в стороне. (Голоса: «Правильно».)

Я думаю, что вся эта сволочь здесь, в Белоруссии, себя конспирирует больше для того, чтобы в наиболее ответственный для нас период строить нам какие только сможет пакости».

Мало кто из участников пленума верил, что все обстоит так на самом деле. Но они прекрасно знали, кто стоит за кулисами этого трагического спектакля. И очень хотели уцелеть...

В огромных масштабах шли аресты «белорусских национал-фашистов», «правотроцкистов», «польских шпионов». Их обвиняли в участии в различных контрреволюционных, антисоветских, диверсионных, шпионско-террористических и повстанческих организациях. Подследственные соглашались подписывать любые, самые нелепые обвинения, лишь бы скорее избавиться от невыносимых пыток.

БССР в это время охватила истерия подозрительности и всеобщего недоверия. Складывалось впечатление, что она буквально «нашпигована» шпионами, вредителями, контрреволюционерами и другими «социально-вредными элементами».

С 10 по 19 июня 1937 года в Минске проходил XVI съезд КП(б)Б. От начала и до конца он был пронизан духом подозрительности, призывами к борьбе с «врагами народа» и повышения бдительности. Все 70 с лишним человек, выступившие на съезде, не обощли тему «поиска и раскрытия врагов народа». Съезд заверил ЦК ВКП(б) и лично «товарища Сталина:

«Большевики Белоруссии безжалостно разгромят троцкиских, зиновьевских, бухаринских, национал-фашистских шпионов, вредителей, террористов — агентов германо-японского и польского фашизма.

Злейших врагов народа, продавших родину агентам заграничных разведок, мы будем уничтожать, как бешеных собак. Вся КП(б)Б окажет в этом деле ежедневную помощь органам НКВД во главе с их боевым руководителем тов. Ежовым» .

А спустя немногим более месяца, 29 июля 1937 года, XIV пленум ЦК КП(б)Б подвел результаты «работы» московской комиссии во главе Г.М. Маленковым и Я.А. Яковлевым (Эпштейном), посетившей БССР с целью разоблачения «врагов народа» среди партийных и советских работников. Несколько десятков таковых освободили от занимаемых должностей, исключили из партии, а затем репрессировали.

После выступлений ряда членов ЦК, которых все время перебивали своими репликами Г.М. Маленков и Я.А. Яковлев, по предложению того же Яковлева была единогласно принята резолюция пленума, подготовленная еще в Москве и санкционированная самим «генсеком». Вот выдержка из этого документа.

«Совершенно секретно

Резолюция пленума ЦК КП(б)Б по докладу члена ЦК ВКП(б) тов. Яковлева о решении ЦК ВКП(б) по вопросу о руководстве ЦК КП(б) Белоруссии от 29.07.1937 г.

- 1. Одобрить целиком и полностью решение ЦК ВКП(б) от 27.VII.1937 г. по вопросу о руководстве ЦК КП(б)Б. Признать совершенно правильным, что решением ЦК ВКП(б) первый секретарь ЦК КП(б)Б Шарангович, равно как и второй секретарь Денискевич и НКЗ /нарком земледелия/ БССР Низовцев, не только не выполнившие, но даже и не приступившие к выполнению поручения ЦК ВКП(б) о ликвидации последствий вредительства банды польских шпионов, не приступившие к ликвидации совхозов, созданных вредителями на крестьянских землях по приказу польской разведки, а также не предоставившие колхозникам принадлежавшие им по закону приусадебные участки, сняты ВКП(б) с работы, и дело о них, как о врагах народа, передано в НКВД.
- 2. Предложить всем партийным организациям во главу своей работы поставить:
- а) быструю и решительную ликвидацию последствий вредительства польских шпионов Голодеда, Шаранговича, Бенека, Червякова и др. и их фашистско-шпионской банды;
- б) разгром до конца польских шпионов, вредителей и диверсантов»...

Эти годы стали самыми трагическими для советского периода истории беларуского народа. Казалось, что в то время вся партийно-государственная машина и БССР, и всего Советского Союза работала только в одном направлении — в тюрьму и на кладбище.

Деятелей бывшей БНР и руководителей БССР расстреливали во внутренних тюрьмах НКВД (например, Вацлава Ластовского убили в Саратове в 1938 году, Аркадия Смолича тогда же в Омске), некоторые умерли в лагерях (например, Леонард Заяц).

Коммунисты-патриоты национальных регионов больше не требовались «центру». Более того, их рассматривали как «врагов» и безжалостно уничтожали, а взамен присылали послушных людей из разных уголков СССР. Отныне «местное руководство» во всех союзных и автономных республиках Москва формировала частью из «пришлых», частью из денационализированных местных люмпенов.

Исключение «врагов и вредителей» из компартии БССР составило по годам: в 1934 — 1427 человек, в 1935 — 7467 человек, в 1936 — 1937 человек, а всего 10.831 членов и кандидатов партии только за три года, предшествовавших «большому террору». В следующие два года число исключенных превысило 40 тысяч человек. А всего в период 1936—41 гг. беларуские коммунисты потеряли более 40% своего состава.

В могилёвской психиатрической больнице 11 апреля 1937 года погиб Дмитрий Жилунович. 16 июня 1937 года застрелился Александр Червяков.

Очередным первым секретарем ЦК КП(б)Б стал А. Волков. Он продержался 9 месяцев и одну неделю: с 11 августа 1937 по 19 мая 1938 года. Его сменил выходец с Кубани Пантелеймон Пономаренко, украинец по национальности.

Прежняя партийно-советская интеллигенция была уничтожена, а творческая и научно-техническая подверглась массовой «чистке». Отныне, с помощью московских «товарищей», на самые высокие

должности внезапно взлетали малограмотные люди.

Достаточно сказать, что к XVIII съезду ВКП(б), состоявшемуся в марте 1939 года, три четверти всех партийных и советских руководителей БССР имели только начальное образование! Естественно, что в своем подавляющем большинстве такие «пролетарские» кадры являлись преданными рабами своих хозяев и жестокими палачами собственного народа. Они до конца жизни были благодарны «сталинской партии», открывшей им путь к господству и привилегиям.

Во второй половине 1938 года репрессии пошли на спад и бумерангом вернулись к тем, кто их совершал. Кремлевское руководство приступило к уничтожению исполнителей и свидетелей «второй волны». Нарком внутренних дел СССР Николай Ежов (которого советская пропаганда называла «железным наркомом», а народная молва окрестила «злобным карликом») был смещен со своего поста 8 декабря 1938 года и 4 февраля 1940 года расстрелян.

Были казнены сталинские палачи беларуского народа, руководители ОГПУ и НКВД БССР — Б. Берман, Гепштейн, Л. Заковский, З. Кауфман, И. Леплевский, П. Рапопорт, Серышев, М. Стояновский, В. Ягоднин, ряд палачей превратился в заключенных. Например, Г. Власов, С. Левин, Я. Розкин получили по 10 лет каждый. Главу НКВД БССР Алексея Наседкина арестовали 16 декабря 1938 года, расстреляли в феврале 1940.

7. Дела «Объединенного антисоветского подполья» (1937–38 гг.)

Таково общее название целого ряда «антисоветских диверсионно-вредительских, шпионских, террористических и повстанческих организаций», придуманных в 1937—38 гг. сотрудниками НКВД БССР, чтобы привлечь «врагов народа» к ответственности и организовать ряд политических процессов.

Главный мотив обвинения членов ОАП — «борьба против коммунистической партии и советского правительства». Любопытно, что в число членов ОАП были также включены некоторые активные

сторонники «генеральной линии» ВКП(б) и «товарища Сталина», которых Москва назначила «виноватыми» за ошибки и провалы, допущенные в ходе «социалистического строительства».

Согласно обвинительным актам ОАП состояла из ряда автономных организаций. Итоги «борьбы» с ней подвел начальник 4-го отдела УГБ НКВД БССР 1 июня 1938 года:

«Справка УГБ НКВД БССР Итоги разгрома антисоветского подполья в БССР (по материалам следствия 1937—1938 годов по линии 4-го отдела УГБ НКВД БССР).

Следствие по ликвидированному в Белоруссии в 1937—38 гг. антисоветскому подполью показало блокировку всех антисоветских организаций и групп в борьбе против Коммунистической партии и советского правительства.

Уже в 1930—31 гг. троцкисты, правые, нацфашисты, эсеры, бундовцы, меньшевики, сионисты, поляки, церковники и сектанты в своей борьбе против нас слились воедино и имели свой объединенный антисоветский центр, руководившийся польскими, немецкими и латвийскими разведывательными органами.

Объединение антисоветских сил в борьбе против советской власти было настолько тесным, что подчас трудно различить, где кончается троцкистское подполье и где начинается национал-фашистская или правая организация. Методы и формы их антисоветской работы стали также одинаково наглыми и подлыми. Все они действовали по заданиям фашистских государств методами террора, шпионажа, диверсии, вредительства и повстанчества.

Всего по БССР арестовано и разоблачено в 1937—1938 гг. 2570 участников объединенного антисоветского подполья, из них: троцкистов и зиновьевцев — 376 человек, правых — 177, национал-фашистов — 138, эсеров — 585, бундовцев — 198, меньшевиков — 7, сионистов — 27, церковников и сектантов — 1015, клерикалов — 57.

(Всего 2580, а не 2570. Составитель справки был не в ладах с арифметикой — $Прим. \ Ped.$)

Значительное число арестованных участников антисоветского подполья работало: в центральных правительственных и партийных учреждениях — в ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ — 23, в ЦИК и Совнаркоме — 16. Арестовано и разоблачено наркомов и их заместителей — 40 человек, секретарей окружных комитетов, городских комитетов и райкомов КП(б)Б — 24 человека, председателей окрисполкомов, горсоветов и РИК — 20 человек, руководящих работников советского и хозяйственного аппаратов — 179, академиков и научных работников Академии наук — 25, преподавателей вузов — 41, писателей и литературных работников — 20 человек» .

Как видно далее из этого документа, в БССР в 1937—38 гг. был раскрыт целый «букет» антисоветских организаций: организация

правых, национал-фашисты, троцкисты-террористы, эсеровское подполье, бундовцы-сионисты, церковное подполье, польские шпионы-повстанцы.

Организация правых

Руководителями ее были объявлены Н. Голодед и Д. Валкович (председатели СНК БССР), А. Хацкевич (секретарь Совета Национальностей ЦИК СССР), Н. Гикало и В. Шарангович (первые секретари ЦК КП(б)Б), А. Червяков (председатель ЦИК БССР). Считалось, что они работали по заданиям Н.К. Антипова, Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова*.

Следствие заявило, что «местами наибольшей концентрации участников антисоветской организации правых» являлись ЦИК, СНК, ЦК партии, Госплан, наркоматы земледелия, местной промышленности, хозяйства, лесной промышленности, аппарат торговли и профсоюзные организации.

Основная задача организации — свержение советской власти. Ее руководителей и членов обвинили в подготовке в Москве убийства Сталина, а также в том, что они «проводили подрывную работу в партийном и советском аппарате, сельском хозяйстве, финансовой системе, промышленности и профсоюзах».

Национал-фашистская организация

Руководители Н. Левков (секретарь ЦИК БССР), Д. Жилунович (Тишка Гартный), А. Дьяков (нарком просвещения), а также Червяков и Шарангович (из «организации правых»).

По заявлениям следователей, «члены организации концентрировались» преимущественно в ЦК КП(б)Б, ЦИК, СНК, Академии наук, аппарате наркомата просвещения, вузах, Союзе писателей.

Главная их задача — «реставрация капитализма» в БССР. Выступали «против индустриализации страны и за сохранение кулака как основной опоры в деревне».

Согласно обвинительному заключению, НФО действовала «по непосредственным заданиям 2-го /разведывательного/ отдела польского Генштаба», «вела активную диверсионно-вредительскую работу в промышленности, сельском хозяйстве, системе народного образования и в области культуры».

^{*} Антипов Н.К. (1894—1938), Бухарин Н.И. (1888—1938), Рыков А.И. (1881—1938) — видные деятели из состава партийно-правительственного руководства СССР, обвиненные органами госбезопасности, по указанию Сталина, в несовершенных ими политических преступлениях и преданные смертной казни.

Эсеровская организация

Руководители — как заявили следователи — А. Чернушевич (нарком просвещения, бывший секретарь ЦК КПБ), Н. Панкевич (секретарь Академии Наук), П. Бодунова (в прошлом — видная деятельница партии беларуских эсеров).

Эсеровские группы были «выявлены в Бобруйске, Горках, Копыле, Круглом, Могилеве, Мозыре, Новобелице, Слуцке — в различных партийных и советских учреждениях, в системе народного

образования.

Главная задача организации — «отделение БССР от Советского Союза и создание Белорусского государства под протекторатом Польши».

Согласно обвинительному заключению, организация готовила теракты в отношении членов правительства СССР, для чего якобы были созданы боевые эсеровские дружины. Кроме того, она занималась шпионажем в пользу Германии, Польши и Латвии.

Эсерам приписали еще и «активную диверсионно-вредительскую работу в колхозах», а к их числу присовокупили ранее репрессированного наркома земледелия Д. Прищепова.

Троикистско-террористическая организация

Руководители Н. Гикало (из «организации правых»), Р. Рубинштейн (зав. отделом политорганов ЦК КП(б)Б), Л. Готфрид (зав. отделом культуры и просвещения ЦК партии).

Организация «действовала» с 1933 года «по непосредственным заданиям английской разведки»*. Вот так, не больше, и не меньше! В ее члены «записали» работников руководящих звеньев партийного, советского и хозяйственного аппаратов, научных учреждений, учебных заведений, горкомов и райкомов партии, райисполкомов, ЛКСМБ, промышленных наркоматов, наркомата финансов, наркомата юстиции, БГУ, союза писателей, комитета по делам искусств.

Задачи троцкистов-террористов, как утверждали следователи НКВД, были таковы:

«Дезорганизация хозяйства страны с целью дискредитации руководства партии, подготовка террористических актов против К.Е. Ворошилова и М.И. Калинина. /Организация/ «вела активную диверсионно-вредительскую работу в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте и в Красной Армии».

st Обращаю внимание читателей на то обстоятельство, что малограмотные следователи и «начальники» репрессивных органов утверждали, будто бы «заговорщики» сами себя так и называли: да, мы троцкисты-террористы, да, мы шпионы-повстанцы! Было бы смешно, если бы только людей не расстреливали по столь вздорным поводам. — $M.\Pi.$

Шпионско-повстанческая организация

Руководитель — митрополит Блинов. Имела «контрреволюционные группы» в Лепельском, Могилевском, Мозырском, Оршанском, Слуцком и Толочинском районах, возглавлявшиеся местными священниками.

По обвинительному заключению, «действовала по заданиям польской и японской (!) разведок», «вела большую работу среди сектантов, которые в Лепельском и Мозырском районах объявили себя «молчальниками», отказались от получения паспортов, участия в выборах и в переписи населения, сдачи продуктов по гособязательствам».

Белорусская автокефальная церковь

Эту «шпионско-повстанческую организацию» сотрудники НКВД придумали в июле — сентябре 1937 года для устроения политического процесса над деятелями Белорусской автокефальной православной церкви, провозглашенной в 1922 году.

По версии НКВД, организация начала формироваться еще в 1918 году во время немецкой оккупации Минска. Якобы она состояла из 13 повстанческих групп в Борисовском, Кличевском, Минском, Осиповичском, Пуховичском, Смолевичском, Смиловичском, Чаусском районах. Чекисты арестовали более 200 человек (в т.ч. двух архиепископов, 30 священников, 170 «кулаков», ряд представителей уездной администрации). В члены организации был зачислен и митрополит Мелхиседек (М.Л. Паевский), глава Белорусской автокефальной православной церкви, уже давно сосланный в Красноярск. Якобы он в 1919—20 гг. осуществлял «личную связь с Пилсудским»!

Руководителем БАЦ чекисты сделали епископа Филарета (Ф. Раменского). В «руководящий центр» были включены 12 человек: архиепископ Афанасий (Ф. Вечорка), священники Минской церкви св. Марии Магдалины А. Киркевич, С. Кульчицкий, М. Рубанович и регент П. Вершинский; священник Дзержинской церкви С. Садовский, дьяконы Я. Барановский и В.С. Лобач, бухгалтер А. Навроцкий, а также В.А. Лобач, М. Раменская, Н. Пуйман.

С польской разведкой БАЦ якобы была связана через ксендза И. Боровика и архиепископа А. Иноземцева в городе Пинске (принадлежавшем в то время Польше).

Членов организации обвинили в том, что они вели «контрреволюционную агитацию против колхозов», «по указанию Раменского (Филарета) проводили на практике унию с римско-католической церковью, привлекали к церкви антисоветский актив католиков».

В ходе арестов была конфискована литература религиозного содержания и приобщена к делу как «контрреволюционная», в том числе книги французского историка церкви Эрнеста Ренана, изданные до революции (!), журнал «Вера и разум» и прочие.

Решением Особой «тройки» НКВД БССР от 25 октября 1937 года епископ Филарет, архиепископ Афанасий, еще 10 «руководителей» БАЦ были приговорены к смертной казни и через неделю расстреляны; лишь двое (В.А. Лобач и Н. Пуйман) получили по 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

Вопрос о реабилитации участников «организации» поднимался руководством Русской православной церкви в июле 1940, январе 1954, январе — марте 1958 гг. однако только в отношении женщин было признано, что их осудили «без достаточных на то оснований». В мае 1960 года при рассмотрении заявления родственников был реабилитирован В.С. Лобач — «за недоказанностью состава преступления».

Наконец, 5 апреля 1989 года полностью реабилитировали всех остальных осужденных. Только вот в живых никого из них уже давно не осталось.

Бундовско-сионистская организация

Ее руководителем неожиданно для себя и окружающих оказался В. Ошарович, редактор еврейской газеты «Октябрь». Следствие якобы «установило», что в Минске существовал бундовский комитет из 6 человек, связанный с нелегальным ЦК Бунда в Москве.

Бундовские ячейки были «обнаружены»: в Минске (на швейной фабрике, деревообрабатывающем заводе, в типографии, Академии наук, наркоматах торговли и просвещения, Госбанке, Белкоопсоюзе, инвалидной кооперации); в Витебске, Гомеле, Могилеве, Мозыре.

Организация якобы «работала» по заданиям разведотдела польского Генштаба, литовской и американской разведок одновременно! Согласно обвинительному акту, она вела «активную вредительскую работу на промышленных предприятиях, главным образом в кожевенной и деревообрабатывающей промышленности, в артелях кустарей, торговом аппарате, финансовой системе и еврейских учебных заведениях». (Подумать только, «сапожник — вредитель!» — $M.\Pi.$)

.0

Это еще не все «контрреволюционные, шпионские и вредительские организации, «раскрытые» в БССР в 1937—38 годы. Помимо перечисленных выше, надо упомянуть следующие:

- Антисоветская националистическая организация «Белорусская национальная самопомощь» («БНС»);
- Антисоветская террористическая организация «Союз борьбы за освобождение Белоруссии» («СБЗВБ»);

— Контрреволюционная организация «Культурная помощь деревне»;

— Контрреволюционная антисоветская организация «Белорус-

ское отделение крестьянского бюро меньшевиков»;

— Сионистская контрреволюционная организация «Левый Гехалуц»;

— Сионистская молодежная организация («ЦСЮФ»).

Обвинения, предъявлявшиеся руководителям и членам «антисоветского подполья», основывались исключительно на признаниях самих арестованных, полученных путем применения к ним жестоких пыток и на показаниях свидетелей (как правило — негласных агентов НКВД, выступавших в ролях осведомителей и провокаторов).

«Руководителей» и «активистов» приговаривали к смертной казни, остальных — к различным срокам заключения в трудовых лагерях.

Реабилитация «членов» ОАП и других «контрреволюционных организаций» произошла в период с 1955 по 1989 годы.

8. Итоги репрессий 30-х годов

Сначала арестовали представителей беларуской интеллектуальной элиты, а потом их книги. В библиотеки поступали списки печатных изданий, подлежавших уничтожению. Например, в списке 1935 года значилось 1778 названий книг. Такие списки составлялись ежегодно, а то и несколько раз на год, вплоть до последних дней коммунистического господства. С июля 1933 года запрещенную литературу передавали в специальные хранилища, доступ в которые имели только партийные функционеры.

В 1937 году была прекращена подготовка к печати 10-томной «Белорусской Советской Энциклопедии», ибо она популяризировала, как выяснилось, «врагов народа», и, кроме того, должны была издаваться на беларуском языке.

Академия наук БССР оказалась практически разгромленной.

Нарком внутренних дел БССР А. Наседкин 25 июня 1938 года направил в ЦК КП(б)Б докладную записку «О вредительстве в Белорусской Академии наук». В ней он отметил, что в период 1932—37 гг. из 97 научных работ, планировавшихся в Институте истории АН БССР, были изданы только 10, причем 7 из них конфискованы. По его словам, «вредительство» в институте выражалось в том, что на протяжении ряда лет тормозилась «разработка подлинной истории белорусского народа» и издание научных пособий по истории. Вместо этого институт издал ряд «контрреволюционных книг», а руководство института срывало разработку «научной истории Белоруссии», «подменяя» ее буржуазно-националистическими теориями о самобытности беларуского народа.

Иван Сурта (1893—1937), нарком здравоохранения в 1933—1936гг. и президент АН БССР в 1936—1937гг.

В издательском плане Института литературы АН БССР на 1932—37 гг. значились 103 книги, но свет увидели лишь 19, да и то 16 из них вскоре были запрещены.

Далее Наседкин сообщил, что с января 1937 года по данный момент органы НКВД арестовали в институтах академии 57 агентов иностранных разведок, троцкистов и прочих, пока еще работают «разработанные нами 22 участника антисоветского подполья, 80 близких родственников репрессированных и 40 научных сотрудников — уроженцев зарубежных стран». Многих из них вскоре уволили с работы или арестовали.

В 1937—38 гг. были арестованы и казнены президенты Академии наук П. Горин и И. Сурта, академики Я. Афанасьев (почвовед), Т. Домбаль (экономист), М. Дурново (славист), С. Матулайтис (историк), П. Панкевич, И. Петрович /псевдоним Янка Неманский/ (литературовед), Б. Тарашкевич (языковед), В. Щербаков.

Умерли в лагерях академики Ц. Бурштин (математик), И. Замотин (литературовед), Е. Рывлин (историк). Десять лет отбыл в лагерях академик С. Сербента (историк и философ), восемь лет — ака-

демик М. Козлов (химик).

Тогда же были арестованы члены-корреспонденты Я. Бронштейн (литературовед, казнен), П. Бузук (филолог), С. Мельник, С. Огурский (историк), И. Харик (литературовед, казнен), Б. Шпенцер (хи-

мик, умер в лагере), М. Щекотихин (искусствовед).

В целом, академия потеряла за два года более 100 ученых. В 1938 году осталось всего 6 аспирантов из тех 139, которые имелись в 1934 году (4,32%). И это не считая потерь от репрессий в предыдущие годы! Институты философии и экономики в 1938 году вообще закрыли. Для замены репрессированных беларуских ученых и преподавателей высшей школы присылали выходцев из России.

Тяжкие испытания выпали на долю беларуских писателей, поэтов, публицистов, литературных критиков. Как сказано выше, аре-

сты писателей и поэтов начались с 1930 года.

В 1934 году вместо прежних свободных литературных объединений («Маладняк», «Узвышша», «Полымя») был создан единый Союз советских писателей Беларуси. С той же целью позже учредили союзы композиторов, художников, архитекторов. С самого начала в них воцарилась тяжелая атмосфера взаимных обвинений и доно-

сов. Историческая и фольклорная тематика квалифицировалась как националистическая. Требовалось восхвалять «счастливую социалистическую действительность» и «славное революционное прошлое».

До 1940 года «органы» репрессировали свыше 60% членов СП БССР состава 1935 года — 238 человек! Из них выжили лишь 20.

Среди авторов, популярных в середине 30-х годов, уцелели народные поэты Янка Купала и Якуб Колас, сатирик Кондрат Крапива, бывший председатель Союза писателей Михась Климкович, который от страха перед арестом перерезал себе горло, но его спасли от смерти. Возможно, это помогло ему избежать ареста. Не были арестованы Змитрок Бядуля, а также несколько молодых писателей.

Новый секретарь ЦК КП(б)Б Пантелеймон Пономаренко, назначенный Сталиным в мае 1938 года вместо Волкова, лично просил у Сталина в конце того же года разрешения на расправу с Янкой Купалой и Якубом Коласом. Однако непредсказуемый тиран приказал наградить беларуских поэтов орденами Ленина!* Известно, что Якуб Колас в 1938 году постоянно спал одетым, а возле его кровати стоял чемоданчик с бельем, теплыми носками и сухарями. Даже получив орден Ленина, Колас все равно продолжал спать с чемоданчиком у кровати.

Большевики закрыли Гомельский драматический театр, его руководителя, известного артиста, режиссера и драматурга Владислава Голубка, который первым получил звание народного артиста БССР, бросили в тюрьму и позже расстреляли. Такая же судьба постигла руководителя еврейского театра Михаила Рафальского.

Значительной потерей для беларуского музыкального искусства стала гибель композитора и дирижера Владимира Теравского, а также известного собирателя народных песен Антона Гриневича.

Коммунисты практически полностью уничтожили и католическую, и православную церковь в БССР. Так, из 1445 дореволюционных православ-

Владимир Теравский (1871—1938), дирижер, композитор, хормейстер

^{*} После XX съезда КПСС (1956 г.) Пономаренко распространял в беседах с разными людьми придуманную им ложь противоположного характера: будто бы это он упросил Сталина «не трогать» беларуских классиков.

ных церквей летом 1938 года действовали лишь две — в Орше и Мозыре. Церкви превращались в клубы, амбары, склады. Только за 1937 год и первую половину 1938 были арестованы 400 священников и монахов, 5 архиепископов и митрополит.

По всей стране, в том числе в БССР, создавались «Союзы воинствующих безбожников», насаждавшие атеизм самыми варварскими методами.

Среди интеллигентов того времени преобладали литераторы — прозаики, драматурги, поэты, критики, журналисты, переводчики, публицисты, редакторы, и ученые-гуманитарии (историки, литературоведы, филологи, географы, экономисты, краеведы), активно публиковавшие свои работы в газетах и журналах.

По данным Леонида Морякова, из примерно 570 литераторов, печатавшихся в БССР в 1920—30-е годы, органы ГПУ—НКВД репрессировали не менее 460 человек (80,7%). Если сравнить число всех литераторов (не только писателей), репрессированных в БССР, с численностью литераторов, репрессированных в других республиках бывшего СССР, мы получим страшный результат.

Российский журналист и исследователь Эдуард Белтов более 25 лет собирает материалы о репрессированных в 1930—40 годы в СССР деятелях литературы, культуры и науки. По его подсчетам, за указанный период репрессиям подверглись около 2000 литераторов (причем половина из них погибла), в том числе в России до 600, в Украине около 500. Белтов сказал в беседе с журналистом:

«Вопреки моим предположениям, репрессированных русских литераторов оказалось меньшинство. Из тысячи погибших примерно семьсот — писатели союзных и автономных республик. По национальным литературам был нанесен настолько сокрушительный удар, что некоторые из них от него еще не оправились, и вряд ли оправятся в ближайшее время»*.

Потрясающий факт: из 2000 литераторов, репрессированных в СССР в 30-е годы, 23% (460 человек) пришлось на Беларусь, население которой составляло тогда менее 5% жителей страны!

Вот что пишет Л.В. Моряков:

«Первого августа 1937 года на большом костре в «американке»/внутренней тюрьме НКВД в Минске/ горели несколько десятков тысяч рукописей! Горели произведения, которые запретила цензура или которые писались «в стол», для нас — потомков...

^{* «}Книжное обозрение», 1988, № 25, с. 7.

Нет рукописей — нет поэтов, нет истории, нет народа! Нашу историю вместе с нашим народом ОНИ все время и выкорчевывают. Когда мечом, когда огнем».

В пик репрессий (август 1937 — ноябрь 1938 гг.) только в Минске палачи-чекисты расстреляли более 10 тысяч человек. Это время Л.В. Моряков назвал «кровавым туннелем смерти». Случались дни, когда расстреливали по 200—250 человек. Лишь за одну ночь, с 29 на 30 октября 1937 года, в подвалах зданий минского НКВД палачи-чекисты расстреляли 27 литераторов (не считая еще 44 человек, не имевших отношения к литературному творчеству). Среди них было 19 беларусов и 8 евреев, все — молодые люди, в своем большинстве от 25 до 40 лет. Вот список этих ни в чем не повинных интеллигентов, ставших жертвами в ту страшную ночь:

Беларусы: Виктор Войнов (33 года), журналист; Анатоль Вольный (А. Ажгирей), 35 лет, поэт и прозаик; Платон Головач (34 года), писатель; Алесь Дударь (А. Дайлидович), 33 года, поэт, критик и переводчик; Михась Зарецкий (М.Косянков), 36 лет, прозаик и драматург; Прохор Исправников (35 лет), журналист; Василий Коваль (В. Ковалев), 30 лет, прозаик; Язеп Кореневский (50 лет), критик и публицист; Федор Кляшторный (34 года), поэт и переводчик; Алексей Кучинский (45 лет), редактор; Юрка Лявонный (Л. Юркевич), 29 лет, поэт; Валерий Моряков (28 лет), поэт; Сергей Мурзо (25 лет), поэт; Янка Неманский (И. Петрович), 47 лет, прозаик и публицист; Василий Сташевский (42 года), прозаик и драматург; Петр Хатулев (25 лет), критик; Михась Чарот (М. Куделько), 41 год, поэт, драматург, прозаик; Макар Шалай (М. Шалаев), 31 год, критик; Павел Шестаков (48 лет) редактор и журналист.

Евреи: Яков Бронштейн (40 лет), критик; Хацкель Дунец (40 лет), редактор, критик и публицист; Моисей Кульбак (41 год), поэт, прозаик и драматург; Соломон Левин (25 лет), критик; Залман Пивоваров (27 лет), поэт и переводчик; Юлий Таубин (26 лет), поэт и переводчик; Исаак Харик (39 лет), поэт; Арон Юдельсон (30 лет), поэт и публицист*.

.0.

Согласно официальным данным (по мнению ряда независимых исследователей, существенно заниженным) в БССР за период 1921—1953 гг. жертвами репрессий большевиков стали свыше 600 тысяч человек**.

^{*} Л. Маракоў. Ахвяры і карнікі. Мінск, 2007, с. 22-90.

^{**} И.Н. Кузнецов, Л.В. Моряков, Т.С. Протько и некоторые другие авторы определяют общее число людей, в той или иной мере пострадавших от репрессий в БССР за указанный период, в пределах от 800 тысяч до 1 млн 400 тысяч. — *Прим. Ред.*

В 1927—28 гг. в БССР было почти 5000 школ разных типов (преобладали начальные сельские с одним учителем), с контингентом учителей около 10 тысяч человек. В 4-х ВУЗах республики работали 504 преподавателя, на 6 рабфаках — 120, в 30 техникумах — 566, в 34 профшколах — 408, в 13 фабрично-заводских школах — 157, в 8 учебно-практических мастерских — 45. Всего 1800 преподавателей.

Из этих 11800 педагогов были репрессированы более 4-х тысяч (около 34%)! В первую очередь те, которые выделялись своим умом, способностями, квалификацией, активной гражданской позицией.

Врачей казнили более тысячи, православных и католических священников примерно 2 тысячи. Сталинские палачи уничтожали интеллигенцию Беларуси методично и последовательно.

Репрессии затронули все без исключения слои общества: партийные, советские, комсомольские и профсоюзные кадры, военнослужащих, сотрудников милиции и органов госбезопасности, рабочих, крестьян, священнослужителей.

Во-первых, это 250.449 лиц, осужденных судами либо внесудебными органами («тройками», особыми совещаниями, коллегиями ГПУ, НКВД, МГБ).

Во-вторых, более 250 тысяч крестьян, объявленных в 1929—53 гг. «кулаками», лишенных всего своего имущества и высланных в отдаленные районы Урала, Сибири, Казахстана.

В-третьих, более 100 тысяч жителей западных областей республики, репрессированных в административном порядке (т.е. без рассмотрения персональных дел) в 1939—41 и 1944—53 гг.

За период 1935—38 гг. («кировский поток» 1935—36 гг., «большой террор» в 1937—38 гг.), по официальным данным, им подверглись 86.168 граждан БССР, причем 25.425 человек (29,5%) из этого числа были казнены. Но, согласно подсчетам независимых историков, жертвами различных видов репрессий за эти 4 года стали свыше 400 тысяч человек, из числа которых были казнены около 50 тысяч.

И это еще не все. За период с 1926 по 1939 год сократилось население всех без исключения районов БССР, несмотря на достаточно высокую рождаемость (3—5 детей в семье). Эта убыль имеет только одно объяснение — массовые репрессии! Людей тысячами расстреливали, отправляли в северные, поволжские, казахстанские, сибирские и дальневосточные лагеря, ссылали в отдаленные районы.

Необходимо отметить то обстоятельство, что ближайшие родственники казненных автоматически становились жертвами репрессий. Их жёны неукоснительно получали 8 лет исправительнотрудовых лагерей (с формулировкой «как члены семей врагов народа»); дети старше 18 лет — 5 лет лагерей (с той же формулировкой, либо «за антисоветскую деятельность»); детей в возрасте до 5—6 лет отправляли в детские приюты (при этом им меняли фамилии), ос-

тальных — в специальные детские дома для ЧСИР («членов семей изменников родины»). Иными словами, большевикам мало было оклеветать и убить ни в чем не повинного интеллигента, они стремились уничтожить всю его семью!

Под угрозой находился любой мыслящий человек. Бывший нарком внутренних дел БССР Алексей Наседкин уже в камере смертников признался бывшему советскому разведчику Дмитрию Быстролетову, что получил из Москвы устный приказ выявлять и расстреливать в первую очередь «людей думающих». Беларуский поэт Сергей Граховский вспоминал, что когда его арестовали, то предложили такую сделку: сдай пять «мыслящих», и ты свободен!

Важное обстоятельство: почти все следователи НКВД в Беларуси (до 90%) были людьми «временными». Их присылали в Беларусь из России. Как и судей, входивших в так называемые «тройки». Они приезжали на несколько дней, зачитывали сотню-другую смертельных приговоров и уезжали. «Суд» обычно длился 10—15 минут, при этом сам обвиняемый отсутствовал!

Места массовых расстрелов коммунисты скрывали, все убийства производились тайно, по ночам. Беларускому археологу и искусствоведу Зенону Позняку удалось найти одно из таких мест под Минском — урочище Броды (Куропаты). Здесь в 1937—39 гг. людей расстреливали почти каждую ночь. По официальной оценке — около 30 тысяч жителей Беларуси и перебежчиков из Западной Беларуси. Однако такие Куропаты были возле каждого крупного города и районного центра Беларуси.

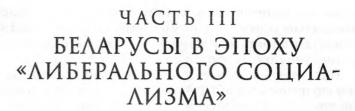
.0.

Трагическим результатом массовых репрессий 30-х годов в БССР явилось полное уничтожение дореволюционной интеллигенции и значительной части новой, советской.

Все они были репрессированы безвинно. Подтверждение тому — реабилитация этих людей государственными комиссиями, работавшими с 1955 года под контролем советских судебных органов.

Репрессии погубили элиту беларуской нации, ее интеллектуальный потенциал — литераторов, ученых, педагогов, священников, деятелей культуры. Это ужасное событие катастрофическим образом деформировало духовно-интеллектуальную жизнь беларусов на все последующие десятилетия. Была прервана связь поколений, утрачены многие духовные ценности, подавлено национальное самосознание народа. Понятно без лишних слов, что все это в колоссальной мере способствовало русификации беларусов.

Последствия большевистского духовного геноцида не преодолены в Беларуси до сих пор.

Глава 5. Краткий очерк политической и культурной жизни (1954—1991 гг.)

(Захар Шибека, доктор исторических наук)

Политическая «оттепель»

тмена военного положения в приграничье. После смерти Сталина партию большевиков возглавил 59-летний Никита Хрущев (1953—64 гг.), занимавший перед этим пост первого секретаря Московского горкома партии. В огромной стране начали происходить изменения. Уже в июне 1953 года был отменен чрезвычайный режим в приграничных районах, устранены ограничения на проживание, въезд и выезд. Началось сокращение численности войск, дислоцированных в этих районах. Иностранные граждане получили право на поездки во многие районы СССР (раньше им был открыт доступ только в Москву, Ленинград и некоторые порты).

Однако ЦК КПБ долгое время сопротивлялся распространению этих новшеств на БССР: первый секретарь ЦК Н. Патоличев высказывал опасения по поводу «ослабления государственной границы» и «проникновения вражеской агентуры». Конечно, это был только предлог. Ведь по другую сторону границы находилось дружественное государство — Польша, с коммунистами у власти и с советскими войсками на всей своей территории. Просто сталинисты не хотели абсолютно никаких изменений.

Новые принципы управления. В первый же год своего правления Н.С. Хрущев существенно сократил административный аппарат по всей стране. В частности, в БССР были ликвидированы 5 областей (Барановичская, Бобруйская,

^{*} Сокращенный вариант глав VIII—IX из книги 3. Шибеки «Очерк истории Беларуси. 1795—2002».

Пинская, Полесская, Полоцкая), а несколько позже еще и Молодеченская область.

Первых секретарей ЦК КПБ с 1956 года начали назначать (формально — «избирать», по принципу «один кандидат на одно кресло») из беларусов. «Пионером» стал Кирилл Мазуров (1956—1965 гг.). Он попытался поначалу проводить политику беларусизации, но быстро понял, что плывет против течения. Беларусы составляли в то время примерно две трети в партийно-государственном аппарате своей республики, однако по-прежнему занимали преимущественно второстепенные должности.

К 1963 году были ликвидированы 98 из 175 районов, имевшихся в республике. В ее западных областях расформировали политотделы

при МТС (машиннно-тракторных станициях).

Москва заявила о расширении прав союзных республик. В этой связи в БССР были утверждены государственный флаг (1953 г.), гимн (1955 г.) и герб (1956 г.), которые символизировали коммунистическую систему правления, «нерушимую связь» с Россией и «великим старшим братом» — русским народом. В 1961 и 1964 гг. к БССР присоединили небольшие территории Смоленской области, в связи с давними требованиями беларуского населения этих районов.

С 1958 года Хрущев совмещал обязанности первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР. Это время вошло в историю как период экономических экспериментов. Главным среди них явилось создание с конца 1957 года так называемых советов народного хозяйства (совнархозов). Они объединяли все отрасли и предприятия экономики по территориальному, а не по отраслевому принципу. В масштабах Советского Союза совнархозы принесли больше вреда, чем пользы, и в сентябре 1965 года на очередном пленуме ЦК от них отказались.

Но в союзных республиках (кроме РСФСР) совнархозы сыграли в основном положительную роль. Семь лет (1958—65 гг.) все отрасли экономики БССР были объединены в единый комплекс. Фактически это означало административную автономию, несмотря на то, что плановые задания для совнархозов по-прежнему устанавливала Москва. Но когда Хрущева «товарищи по партии» сняли со всех постов (14 октября 1964 г.), совнархозы ликвидировали и беларуская экономика снова оказалась под жестким контролем союзных министерств.

Усиление партийной диктатуры. Осуждение Сталина не повлекло за собой отстранение от власти его соратников. Основы большевистской тоталитарной системы сохранились практически в неизменном виде. Вслед за провозглашением на XXI (1959 г.) и XXII (1961 г.) съездах КПСС курса на «развернутое строительство коммунизма» происходило усиление диктатуры партийных органов в общественной жизни БССР. Партийные и комсомольские организа-

ции были созданы на каждом предприятии, в каждом колхозе и совхозе, во всех учреждениях. Комсомол, профсоюзы, другие общественные объединения являлись неотъемлемой частью командно-административной системы управления, созданной при Сталине. Привилегии партийного аппарата даже расширились. Осмелевшие после смерти вождя аппаратчики на местах начали брать себе больше материальных благ, чем это им позволялось «сверху». В апреле 1962 года ЦК КПСС вынужден был обратиться к бюрократии всего Советского Союза с закрытым письмом «Об усилении борьбы со взяточничеством и расхищением народного благосостояния». С того времени данная проблема стала для высшего партийного руководства источником постоянной «головной боли».

Пересмотр отношения к политическим узникам. По инициативе Хрущева, стремившегося таким способом подавить своих политических противников в ЦК КПСС, в 1954 году была начата реабилитация жертв сталинизма, в первую очередь коммунистов. За 1954—56 гг. в БССР вернулись около 17 тысяч человек, ранее осужденных за антисоветскую деятельность. Но уже в конце 1956 года К. Мазуров попросил Москву приостановить освобождение «врагов народа» и запретить им проживание в приграничных районах Беларуси. Местные коммунисты-руководители боялись мести людей, которым партия сломала жизнь. В каждом шаге и слове бывших жертв им мерещилась угроза своей неограниченной власти.

К 1962 году численность реабилитированных в БССР достигла 29 тысяч человек. Для наблюдения за бывшими политзаключенными и репатриантами в каждом районе был создан штат специальных уполномоченных КГБ. Тогда же, после возвращения на родину жертв сталинизма, в БССР появились и первые диссиденты среди

коммунистов.

Конфессиональный вопрос. Оживилась церковная деятельность. В 1955 году в Беларуси насчитывалось до полумиллиона католиков. Но костёлы в восточной части республики власти закрыли еще до войны, а в западных областях из 416 довоенных осталось только 152 (36,5%). Многим верующим приходилось ездить молиться в Литву.

В ЦК КПБ и в Совмин поступали многочисленные ходатайства о воссоздании костёлов. Только за 1956—57 гг. их было подано 311. Москва не возражала. Но ЦК КПБ решительно выступил против и усилил меры по атеистическому воспитанию населения, особенно в западных областях. Местная администрация во главе с Мазуровым проявляла больший консерватизм, чем московские хозяева. Верующие, боровшиеся за открытие Кальварийского костела в Минске, попытались в 1957 году выйти к Дому правительства, но встретили жесткий отпор милиции. Ксендзам отказывали в регистрации. Многие из них работали нелегально, другим пришлось покинуть БССР.

Православное духовенство в 50-е годы тоже активизировалось. Производился ремонт некоторых церквей, распространялась религиозная литература, церковные общины брали под свою опеку стариков, больных и бедняков. В 1957 году в ЦК КПБ поступило 21 заявление об открытии новых православных храмов. В том же году властям пришлось отказаться от сноса церкви в деревне Юдицыно (Шарковщина), после того как верующие, вооруженные косами, вилами и камнями, встали на ее защиту.

Но к 1960 году прежние методы насилия над верующими восстановились. Было официально запрещено посещать богослужение лицам моложе 18 лет. Советские школы оказывали на детей, посещавших храмы, жесткое морально-психологическое давление. С 1960 по 1964 год в БССР закрыли 508 церквей, 109 костёлов и молитвенных домой — якобы «по просьбам рабочих». Прекратили свое существование православные монастыри в Гродно и Полоцке, опустела Минская духовная семинария в Жировичах. Разрушались мусульманские и еврейские кладбища.

Особенно жесткая конфронтация наблюдалась между властями и теми протестантскими общинами, которые присоединились к общесоюзному движению за невмешательство государства в религиозные дела верующих. В 1960 году были разрушены молитвенные дома «протестантов-раскольников» в Бресте и в деревне Речки Пинского района. Деятельность непокорных общин объявлялась незаконной, а их руководителей (пресвитеров) отдавали под суд «за тунеядство», либо «за антисоветскую деятельность».

Национальная политика. Пленум ЦК КПБ, состоявшийся после смерти Сталина (июнь 1953 г.), отметил угрожающий упадок в национальном развитии советской Беларуси. Секретарь ЦК Михаил Зимянин призвал партийную номенклатуру говорить с народом на его родном языке. Однако хрущевская либерализация не затронула сталинских догм в области национальной политики. Наоборот, русификация усилилась. В августе 1956 года в Ташкенте прошла общесоюзная конференция преподавателей школ и ВУЗов, посвященная вопросам улучшения преподавания русского языка в национальных республиках. Ряд ее участников заявил, что русский язык якобы стал «родным для всех советских людей», что он «обогащает» словарный запас национальных языков. Тем самым они высказали волю партии: сделать культурную жизнь национальных республик преимущественно русскоязычной.

Хрущев выдвинул утопическую идею построения коммунизма в ближайшие 20—30 лет. Исходя из нее, партийное руководство СССР поставило задачу «слить» все нации в новую этническую общность — единый советский народ. В этой связи задачей «номер один» стала скорейшая русификация народов СССР. При посеще-

нии Минска в январе 1959 года, по поводу празднования 40-летия БССР, Хрущев так и заявил: «Чем скорее мы все начнем говорить по-русски, тем скорее построим коммунизм». Фантазии партийного руководства о «слиянии наций» были официально закреплены в программе КПСС, принятой в 1961 году на XXII съезде партии. В результате в Беларуси вскоре исчезли почти все школы с обучением на родном языке.

Русификация. Быстрый рост населения городов Беларуси превращал их в своеобразные фабрики русификации. Сталкиваясь в городах с русским языком на производстве, в сфере торговли и обслуживания, а также с русской культурой (кино, телевидение, газеты и журналы, концерты и т.п.), вчерашние деревенские жители стремились поскорее усвоить то и другое. Они видели, что знание русского языка и стандартов «городской культуры» является важным условием трудоустройства и продвижения по служебной лестнице.

При Совете Министров БССР действовало Главное управление по переселению, которое каждую пятилетку отдавало в распоряжение московских ведомств около 100 тысяч беларусов. Уезжая на чужбину в поисках заработка, они теряли там все права на обеспечение своих национально-культурных интересов и практически полностью русифицировались.

С сентября 1953 года Министерство связи СССР начало использовать главную радиостанцию БССР для трансляции первой московской программы. Качество вещания республиканской программы, переведенной на вспомогательную радиостанцию, резко ухудшилось, а главное — сократился объем беларуских передач из Минска. Областное радио на время вообще потеряло возможность выходить в эфир. В 1962 году передачи на беларуском языке занимали всего 6—7 часов ежедневного эфирного времени республиканского радио. С января 1963 года к расширенной трансляции центральных русскоязычных программ перешли и областные радиоузлы.

В 1963 году ряд двуязычных газет и журналов в БССР перевели на русский язык. В огромной степени содействовало русификации беларусов телевидение. В 1955 году в Минске построили небольшой телевизионный центр. С 1 января 1956 года он начал регулярные передачи, составив конкуренцию кино. Однако вторая и почти вся первая телепрограммы были на русском языке. Между тем, аудитория телезрителей ежегодно расширялась. Постепенно телевидение вошло буквально в каждый дом, в каждую квартиру. Оно сыграло огромную руль в русификации городского нпаселения.

Беларуское сопротивление. 16 января 1956 года был арестован и осужден на 7 лет преподаватель Гроденского педагогического института Бронислав Ржевский за то, что вместе со студентами организовал кампанию письменных обращений к властям в защиту бе-

ларуского языка. В 1957 году братья Леон и Михаил Белые (племянники народного писателя Якуба Коласа) расклеили в Минске листовки в защиту беларуского языка; вскоре их нашли и посадили, одного на 10, другого на 7 лет.

14 декабря 1957 года беларуская республиканская газета «Літаратура і мастацтва» («Литература и искусство») напечатала статью студента филологического факультета БГУ Бориса Саченко «Ценить родной язык», направленную против русификации. Будущий известный писатель предлагал перевести преподавание во всех школах с русского на беларуский язык. На страницах газеты был опубликован ряд писем читателей, поддержавших Саченко. Вскоре некоторых сотрудников редакции уволили за эти публикации с работы, а всех тех, кто письменно выразил поддержку, взяли на учет в КГБ.

Культурная жизнь

Образование. В 1959 году в БССР, по примеру РСФСР, средние общеобразовательные школы стали 11-летними, было введено обязательное восьмилетнее обучение. Но при этом был также установлен принцип добровольного выбора языка обучения. Отныне в Беларуси беларуский язык стал единственным школьным предметом, изучение которого зависело от желания учеников и их родителей. Это удивительное новшество позволило переселенцам из других республик СССР игнорировать язык коренного народа. Более того, установился такой порядок, что ученики имели учебники на беларуском языке, а учителя преподавали им по-русски.

В 1961 году в школах появился учебник истории БССР, написанный профессором БГУ Лаврентием Абецедарским. Это был образец холопского взгляда на историю беларуского народа. Он переиздавался ежегодно в течение 30 лет, именно на нем выросли те люди, которые ныне считают Беларусь частью России, а беларусов — «младшими братьями» русских.

Был открыт ряд новых высших и средних специальных учебных заведений. Несмотря на это, на каждые 10 тысяч жителей в республике приходилось 80 студентов ВУЗов и 88 студентов техникумов, тогда как в среднем по СССР, соответственно 120 и 108 студентов. Наблюдалось отставание от других союзных республик и по насыщенности хозяйства высококвалифицированными специалистами. На каждую тысячу рабочих здесь приходился 91 специалист, тогда как по СССР — 109.

Что касается вопросов обучения и подготовки кадров для национальной культуры, то в этой области финансирование производилось по «остаточному принципу». По расходам на культуру (в расчете на 10 тысяч жителей) БССР занимала в начале 60-х годов 13-е ме-

сто среди 15 союзных советских республик. За ней шли Туркмения и Таджикистан.

Художественная литература. На волне «хрущевской оттепели» в беларуской литературе появились талантливые произведения Максима Танка и Аркадия Кулешова, позже — Алеся Адамовича, Нила Гилевича, Григория Бородулина, Геннадия Буравкина. Вернулись из сталинских лагерей и ссылок чудом выжившие литераторы Владимир Дубовка, Сергей Граховский, Янка Скрыган, Алесь Звонак, Язеп Пуща, ряд других. Увидели свет некоторые произведения тех, кто не вернулся: Платона Головача, Алеся Дударя, Михася Чарота.

Ограничение национальной культуры жесткими идеологическими и административными рамками в сочетании с последовательной русификацией вызвали протест со стороны деятелей беларуской литературы. Литературовед Михаил Ларченко попытался пересмотреть большевистскую оценку роли беларуской газеты «Наша Ніва» (1905—1915), литературных объединений «Узвышша», «Маладняк» и «Полымя», но только навлек на себя жесткую критику за «националистические взгляды» (1956 г.).

В 1958 году увидела свет повесть Алексея Кулаковского «Добросельцы», в которой автор впервые в послевоенной беларуской прозе довольно правдиво показал колхозную жизнь. В результате он утратил должность главного редактора журнала «Маладосць» («Юность»), где напечатал свою повесть. В марте 1963 года на республиканском совещании «партийного актива» творческой интеллигенции, посвященном обсуждению новых указаний Хрущева в области культуры, его обвинили в «искажении партийной линии», а заодно с ним Ивана Чигринова, Виктора Коваленка и Валентина Тараса.

Искусство. В 1954 году минский оперный театр впервые в СССР поставил оперу Станислава Монюшко «Страшный двор» (или «Зачарованный замок»), написанную еще в 1865 году по материалам беларуских легенд (Монюшко был родом из Игумена, ныне Червеня— небольшого города в Минской области). Театр имени Янки Купалы обратился, наконец, к сценическому осмыслению судьбы своего патрона и представил зрителям пьесу Василия Витки «Счастье поэта».

Значительным событием в культурной жизни столицы в 1957 года стало открытие нового здания Государственного художественного музея БССР. В фонды этого музея было передано из запасников российских музеев немало работ известных дореволюционных и советских мастеров живописи. Однако художники дореволюционных отечественных школ живописи (Виленской, Витебской и других) практически не были в нем представлены. Правда, делались попытки отбирать для нового музея лучшие картины современных белару-

ских художников. Но... государственные чиновники от искусства признавали только «социалистический реализм», о котором имели весьма туманное представление. Немало унижений от руководства министерства культуры претерпели те художники, которые изображали советских людей такими, как они были на самом деле, а не такими, какими хотели видеть их партийные идеологи.

В беларуских городах охотно гастролировали деятели искусств из России. Но беларуских исполнителей до 1955 года в гастроли по РСФСР и другим республикам вообще не пускали.

В 1963 году в Беларусь приехал известный во всем мире певец Михаил Забейда-Сумицкий, выходец из Западной Беларуси. Власти сделали все возможное для того, чтобы его визит получил как можно меньшую огласку. В головах партийных чиновников не укла-

дывалась мысль о том, что талант мастера сцены расцвел и получил широкое признание независимо от их «соизволения», к тому же не в стране «победившего социализма», а на «загнивающем Западе». Все же Забейде удалось дать 11 концертов (в Минске, Барановичах, Витебске, Волковыске, Гомеле, Гродно, Лиде, Могилеве, Слониме).

Русский писатель Александр Фадеев, член ЦК партии с 1939 года, генеральный секретарь Союза советских писателей в 1946—54 годах, после XX съезда партии покончил жизнь самоубийством*. Перед этим он написал письмо в ЦК КПСС, в котором обвинил «самодоволь-

Михаил Забейда-Сумицкий (1900—1981)

но-невежественное руководство партии» в уничтожения искусства. Тем более это обвинение было актуально для беларуского народа, лишенного условий для развития полноценной национальной культуры. Самодовольное и невежественное московское чиновничество считало Беларусь всего-навсего одним из «экономическо-административных районов СССР».

Состояние экономики

Успехи индустриализации. Металлоёмкие предприятия пополнились в 1958 году заводом тяжелых грузовиков в Жодино. Кроме него, на привозное сырье ориентировались построенные в начале 60-х годов нефтеперерабатывающий комбинат в Новополоцке, азотно-туковый комбинат в Гродно, суперфосфатный комбинат в Гомеле. В конце 1963 года начала действовать первая очередь Солигор-

^{*} А.А. Фадеев (1901—1956) прославился свомими романами «Разгром» (1927), «Последний из удэге» (в 4-х частях, 1929—40), «Молодая Гвардия» (1945).

ского калийного комбината. БССР стала страной «большой химии». Электростанции постепенно переводились с местного торфа на привозные каменный уголь и нефтепродукты.

Индустриализация БССР осуществлялась в интересах общесоюзной экономики и, как обычно, без учета нужд беларуского населения. В начале 60-х годов на БССР приходилсь более 14% общесоюзного выпуска тракторов, около 11% металлорежущих станков, более 5% грузовиков. Значительной была ее доля в производства автоматических поточных линий станков, ЭВМ, сельскохозяйственных и мелиоративных машин, мотоциклов, велосипедов, подшипников, радиоаппаратуры, искусственных волокон, льняных тканей. С 1958 года минские тракторы «Беларусь» шли на экспорт, но валютная выручка от их продажи уходила в Москву.

В БССР, как и во всем СССР, преобладало экстенсивное развитие промышленности. Даже для новых крупных заводов было характерно технологическое отставание от стран Запада. Достаточно сказать, что в 1958 году 67% всех слесарно-сборочных работ в промыш-

ленности производилось вручную.

В 1961 году более трети предприятий республики не выполнили планов увеличения производительности труда. Соревнование за звание ударника (бригады, цеха) «коммунистического труда», навязанное «сверху», не помогало. Потогонная система имела свои пределы. Так, в январе 1962 года два дня бастовали 160 рабочих одного из цехов Гродненской обувной фабрики, недовольные очередным повышением норм выработки и задержкой зарплаты. Среди бастующих были и «ударники комтруда».

Индустриализация Беларуси, безусловно, достигла немалых успехов. И все же по переписи 1959 года в промышленности и строительстве БССР было занято лишь 19% населения против 32% в среднем по СССР. БССР по уровню промышленного производства на душу населения заняла 9-е место среди 15 союзных республик. Около 250 тысяч жителей деревни и до 100 тысяч горожан не имели постоянной работы. Однако сведения о безработных были засекречены. Без работы остались в основном те крестьяне, которых коммунисты согнали с земли, создав множество убыточных колхозов и совхозов.

Милитаризация. С 1955 года военному блоку США и западноевропейских государств (НАТО), созданному в 1949 году, противостоял блок государств социалистического лагеря («Организация Варшавского Договора»). Уже через год после этого (в октябре — ноябре 1956 года) беларуские парни в составе советских армий участвовали в подавления антикоммунистического восстания в Венгрии.

С 1957 по 1962 год номенклатура изделий военной техники, выпускавшихся на беларуских предприятиях, выросла почти в шесть

раз и достигла 100 наименований, а общий объем военного производства увеличился в 12 раз. На военное ведомство работали почти все крупные предприятия республики. На территории БССР размещалось ядерное оружие, были построены более десяти крупных военных аэродромов. Здесь базировались 26-я и 46-я воздушные армии (на аэродромах возле городов или поселков Барановичи, Береза, Бобруйск, Кобрин, Лида, Мачулищи, Орша, Поставы, Прилуки, Пружаны, Рось, Щучин).

Многие из призванных в армию юношей стали «атомными солдатами»: они обслуживали полигоны для испытаний ядерного оружия (на Новой Земле, в районе Семипалатинска и другие), подземные пусковые установки ракет и склады ядерных боеприпасов, служили на атомных подводных лодках, после чего возвращались домой инвалидами и преждевременно умирали.

Сельское хозяйство. С весны 1955 года колхозы получили право самостоятельно определять площади посевов и выбирать наиболее оптимальные для них виды животноводства. После ликвидации МТС в 1958 году колхозы получили технику в свое непосредственное распоряжение.

Но при Хрущеве жителей беларуских деревень заставляли везде сажать кукурузу, даже на приусадебных участках! Это было время, когда на беларуские поля пришла химия, а истребление лесов достигло предела возможного. Так, в 1955 году зрелые деревья вырубили на площади, составившей 80% от общей площади беларуских лесов! Именно тогда в обмелевших и загрязненных беларуских реках исчезли раки и прежнее изобилие рыбы.

Сельское хозяйство БССР ориентировалось на животноводство. Иногда беларуский край называли всесоюзным свинарником. В 1963 году здесь насчитывалось 70 свиноводческих колхозов и 45 совхозов. Пахотные земли превращали в выпасы и сенокосы, но кормов для животных все равно не хватало. Их везли со всего Союза, а республика теряла зерновые поля. Преимущественно вручную, ценой предельного напряжения сил, беларуские крестьяне производили около 5% общесоюзного объема товарного мяса и молока, 11% картофеля, 16% льняного волокна.

Появились несколько образцово-показательных привилегированных колхозов, вроде колхоза «Рассвет» (Кировский район Бобруйской, затем Могилевской области), который с января 1945 года возглавлял бывший боевик НКВД Кирилл Орловский (1895—1968). Туда возили заграничных гостей для демонстрации «преимуществ социализма», а также руководителей отстающих колхозов — показать им, «как надо работать». Но секрет успеха таких хозяйств, возглавлявшихся особо проверенными «бойцами партии», заключался

в том, что они негласно получали специальные дотации от государства и новую технику, пользовались различными льготами.

В начале 60-х гг. в большинство деревень Беларуси пришло, наконец, электричество. Но колхозно-совхозная система не обеспечивала страну продуктами питания. Не хватало даже хлеба. В первой половине 60-х годов повсюду, в больших городах и малых, в поселках и деревнях, можно было увидеть длинные очереди за хлебом. Не помогло и освоение целинных земель Казахстана, куда, кстати, власти «добровольно-принудительно» вывезли десятки тысяч беларуских юношей и девушек. С 1963 года, впервые в истории России и СССР, всесоюзному руководству пришлось начать импорт зерна. Увеличился дефицит всех видов продуктов питания.

Средний заработок колхозников был вдвое меньше минимального заработка горожан! В 1964 году 33% колхозов и 30% совхозов БССР считались «отстающими», то есть, они систематически не выполняли основные плановые задания. Средняя урожайность зерновых в Беларуси составила в 1960 году 8,7 центнера с гектара, примерно столько же, сколько местные крестьяне производили в 1850-е годы, во времена крепостничества, без каких-либо машин, удобрений и «достижений агрономии».

Борьба с «частнособственническими инстинктами». Чтобы окончательно и бесповоротно превратить жителей деревни в колхозных батраков, власти целенаправленно разрушали их личные хозяйства. Коммунистам особенно не нравилась западнобеларуская специфика. Первый секретарь Брестского обкома компартии Петр Машеров выступил на XXII съезде КПБ (1956 г.) за полное уничтожение хуторов и отмену льгот, установленных в 1947 году колхозникам Западной Беларуси. Эти льготы позволяли им держать в одном хозяйстве по две коровы с молодняком, по две свиноматки и по 20 овец и коз, то есть, вдвое больше, чем в восточных районах. После съезда повсеместно началось упразднение этих льгот.

Недовольные жители деревни Плотницы (Столинский район) в октябре 1956 года устроили бунт. Выступление народа против коммунистов в Венгрии они посчитали началом революции против советской тирании. Разобрали по домам колхозное имущество, утопили в озере ненавистного председателя колхоза. Но через пять дней в деревню вошли войска. Были арестованы 140 человек. Троих расстреляли, остальных осудили на сроки от 10 до 25 лет.

В других местах крестьяне просто терпели. Только их терпеливость спасала деревенский уклад жизни от окончательного разрушения. К счастью, у коммунистов не хватало строительных материалов и финансовых средств для создания «аграрных городов». Даже после десяти лет (1945—55 гг.) систематического разрушения крестьян-

ских хозяйств, государство получало от них основную долю молока и мясо. На долю колхозов приходилось всего 22—23%.

Однако наступленне на деревню периодически возобновлялось. В 1960 году из Москвы поступил приказ обрезать приусадебные участки рабочих и служащих совхозов, всех других государственных учреждений, находившихся вне городов. Отныне разрешалось иметь не более 0,35 гектара (три с половиной «сотки»). Так коммунисты искореняли у крестьян «частнособственнические инстинкты» и готовили их к жизни в коммунистическом обществе.

В условиях хлебного кризиса крестьяне и жители малых городов кормили скотину хлебом, ведь приобрести дешевый комбикорм не было никакой возможности. Но вместо того, чтобы наладить производство фуражного зерна, коммунисты боролись с ростом поголовья скота в частных хозяйствах. В 1963 году вышел приказ, который запретил крестьянам держать овец и коз, а также более одной коровы и одной свиньи. Представители районных финансовых отделов искали «внештатную» скотину в грязных хлевах. Однако эти меры не могли решить хлебный кризис. Послевоенный энтузиазм крестьян истощился. Новые поколения колхозников работали так, как им платили. А после отмены в 1962 году запрета на получение паспортов крестьянство хлынуло в города.

«Все ради блага человека, все во имя человека»

Экономический диктат и дискриминация. Обеспечение жителей союзных республик целиком зависело от Москвы. Она определяла, кому сколько дать из общесоюзного бюджета. Послушную БССР хрущевское руководство всегда обделяло. Так, в 1958 году фонды БССР составляли: по сахару — 8,6 кг на душу, тогда как в среднем по СССР — 15,2 кг; по обуви, соответственно, 87 рублей и 110; по тканям — 187 рублей и 270.

По кодификации розничной торговли БССР, в отличие от Латвии, Литвы, Украины или смежной Брянской области РСФСР, относилась ко второму поясу, где цены на товары потребления были на 7—10% выше, чем в первом поясе. В результате население республики переплачивало за год в среднем около 500 млн. рублей. И это несмотря на то, что денежные доходы населения БССР были меньше, чем у тех же соседей. А удельный вес поставок продуктов животноводства в общесоюзный фонд от объема заготовок в БССР был самым высоким в Союзе. Беларусь поставляла в общесоюзный фонд свыше 50% заготовленного для продажи мяса, тогда как Украина — 43,1%, Литва — 37%, РСФСР — 19,5%. Кроме того, Москва забирала себе более половины молока и около 47% куриных яиц, производившихся в республике.

В массовый обиход широко вошли промышленные изделия. Но в расчете на душу населения потребление важнейших товаров в БССР отставало от общесоюзного уровня. Даже не все крупные деревни имели магазины.

С 1 июня 1961 года впервые после войны были повышены цены на продукты животноводства и импортные товары. Непривычная ситуация вызвала всеобщее возмущение. «Не надо кормить Кубу и Африку!» — говорили люди. Издевательством выглядел коммунистический лозунг «Все ради блага человека, все во имя человека». Пришлось властям в 1962 году произвести деноминацию (один новый рубль обменивался на 10 старых). Это на время стабилизировало финансовую систему.

Без права на предпринимательство. Люди находились в полной экономической зависимости от партийной бюрократии. Любые попытки поднять свое благополучие собственными руками жестоко карались. С 1961 года начались гонения на лиц, не занимавшихся общественной работой. Дармоедами провозгласили и тех предпринимателей, которые не батрачили на советских бюрократов, а жили продажей собственных ремесленных изделий, перепродажей мелких розничных товаров, сдачей в найм квартир, извозом, шитьем и т.п. За год в БССР милиция выявила около девяти тысяч такого рода «тунеядцев». Одних трудоустраивали на промышленные предприятия, других судили и сотнями выселяли в специально отведенные места, в том числе на лесоразработки в Туровский район Гомельской области. После соответствующих «разъяснений», чтобы не попасть в ссылку, записались в колхозы последние единоличники.

За самогоноварение даже вдовам, не имевшим средств к существованию, давали три года лишения вободы. В 1958 году судили жителя Житковичского района Брестской области Саченко за «сопротивление властям». Старик провинился тем, что в зачет налогов отдал райфинотделу серую козу, а белую пожалел. За это бедняга получил 2,5 года заключения!

Повседневная жизнь. В январе 1962 года в городах БССР проживало 35% населения республики, а в целом по СССР — 51%. Среди союзных республик это был 13-й показатель из пятнадцати. Беларуских крестьян, видимо, крепче держали на колхозно-совхозной привязи. А промышленных городов у нас было мало. Городские квартиры в первую очередь раздавали советским офицером, которые в связи с сокращением вооруженных сил во второй половине 50-х годов буквально оккупировали беларуские города, особенно Минск.

Все необходимые товары жители городов приобретали через длинные очереди. С 1959 года жителям городов и городских поселков запретили держать скотину. Это больно ударило по их благополучию. Сельскохозяйственных продуктов не хватало, но, тем не ме-

нее, их вывозили за пределы БССР. И все же городская жизнь было намного легче деревенской. Потому в города, особенно крупные, старались перебраться все, кто мог.

В 1956 году уменьшилась налоговое обложение крестьян. Летом 1964 года Хрущев объявил о назначении колхозникам пенсий по старости и об увеличении зарплаты работникам культуры и сферы услуг. Жизнь понемногу улучшалась, но мало кто знал, что побежденная Германия уже обеспечила своим гражданам благополучие общеевропейского уровня — всего за 10 лет, прошедших после войны! А советским людям только обещали коммунизм, где когда-нибудь воцарится материальный достаток.

Зарождение демократической оппозиции. Сколько-нибудь значительных политических выступлений после смерти Сталина не было. Жители БССР, наученные горьким опытом, старались быть осторожными. И все же сталинизм не превратил всех их в послушных исполнителей воли аппаратчиков, ведь никакая сила не могла запретить людям думать и критически оценивать свою жизнь. Так, в октябре 1956 года «за антисоветскую агитацию и пропаганду» на два года заключения был осужден молодой журналист Федор Кардаш. Что он сделал? Всего лишь написал письмо Хрущеву, содержавшее критику колхозной системы.

В ноябре 1956 года в Гомеле возникла подпольная антисоветская организация «Партия свободы русского народа». Среди ее основателей были два беларуса, двое русских и один украинец. Они хотели бороться за признание права частной собственности, демократизацию общества, отмену руководящей роли КПСС, дружбу всех народов России. Примером для первых наивных беларуских диссидентов служили партии западноевропейского образца. В феврале-марте 1957 года основателей гомельской партии (санитарный врач М. Гречуха, заведующий магазином Ф. Козловский, рабочий-гравер А. Яткин, электромонтер М. Дехтярев, продавец Г. Винников) арестовали органы КГБ. Их осудили на срок от года до 10 лет лишения свободы. Дальнейшая судьба этих людей неизвестна.

По инициативе Хрущева на XX съезде КПСС (февраль 1956 г.) был осужден «культ личности Сталина». А через пять с половиной лет, в ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года, сразу после завершения работы XXII съезда КПСС, во всех городах и поселках СССР произошли удивительные изменения. Были переименованы улицы и площади, предприятия и институты, носившие имя Сталина, разрушены возведенные в его честь памятники, сняты портреты и убраны бюсты, имевшиеся в любом учреждении, любом учебном заведении, в каждой воинской части.

Однако политическая система «власти советов» и «руководящей роли партии» считалась незыблемой. Так, в 1963 году на три года по-

пал в тюрьму рабочий Пинского фанерного завода Николай Лагодич за то, что писал и распространял статьи и обращения, в которых осуждал нарушения в СССР Декларации прав человека и гражданина, провозглашенные еще в конце XVIII века!

1. «Развитой социализм». 1965-1985 гг.

Неосталинизм

Начало эпохи Брежнева. В октябре 1964 года в результате заговора высшего партийного руководства, «товарищи по партии» отправили на пенсию чересчур энергичного Хрущева. Его место занял Леонид Брежнев (1964—82 гг.).

Брежнев и его соратники перестали морочить людей коммунизмом. Их вполне удовлетворяло существующее положение вещей, которому они дали название «развитой социализм». Зато брежневская клика хотела превратить все народы многоэтнического государства в единую серую массу советских людей («homo sovieticus»): русскоязычных, культурно примитивных, довольных тем, что у них есть, послушных. В наибольшей мере коммунистам удалось сделать это в Беларуси.

Одновременно происходила фактическая реабилитация Сталина и сталинистов. Уже в начале 1968 года на республиканском совещании ученых и преподавателей ВУЗов прозвучало предложение о включении в учебные программы истории КПСС отчетных докладов и выступлений Сталина. Бывший узник ГУЛАГа, поэт Максим Лужанин, к 1970 году завершил антисталинскую поэму «Как рождался Новый мир», но полностью ее напечатали только в 1989 году. В 1971 году П. Машеров расширил штат органов госбезопасности и воссоздал Управление КГБ по Минской области, отмененное при Хрушеве.

Расцвет беларуского беспамятства. Руководство БССР во главе с новым первым секретарем ЦК КПБ Петром Машеровым (1965—1980) проявило особую склонность к идее воспитания «нового советского человека». Всех рабочих записывали в подконтрольные партии профсоюзы. Вся молодежь состояла сначала в пионерской организации, затем в комсомольской.

В 70-е годы полностью исчезли беларуские школы в городах, в несколько раз сократилась их численность в деревнях. С произведениями беларуских классиков молодежь знакомилась по переводам на русский язык! Обучение беларуских школьников велось по программам, составленным в РСФСР. Всеобщее среднее образование, а значит и русификация, с 1972 года стали обязательными.

Были открыты новые высшие учебные заведения в Витебске, Бресте и Минске. Но все ВУЗы республики вели обучение по общесоюзным (т.е. российским) программам и на русском языке. Даже в Институте культуры главное внимание уделялось изучению не беларуской, а так называемой «советской» культуры. Эта вывеска скрывала опять-таки русскую культуру и русское искусство.

На беларуские издания в 1960 году приходилось около половины общереспубликанских тиражей, в первой половине 70-х гг. — около трети, а во второй половине 70-х гг. — уже только пятая часть. Во время переписи населения в 1970 году около четверти горожан-беларусов не признали беларуский язык родным. Ни одна из союзных республик не была русифицирована до такой степени, как БССР!

Имперская историческая икола. При брежневском режиме окончательно сложилась историческая концепция оправдания царского и большевистского режимов в Беларуси (школа Л. Абецедарского). Беларускому народу навязывался миф, созданный идеологами царизма, о существовании общего древнерусского государства (Киевской Руси) и какой-то древнерусской народности, общего предка трех братских славянских народов. В соответствии с этим мифом беларусы и украинцы получили статус «младших братьев русского брата» и лишились права на древний период своей истории (IX—XIII вв.).

Когда в середине 60-х годов литературовед Николай Плашкевич и философ Николай Алексютович заявили в печати, что история Великого княжества Литовского — это наследие беларусов, их выступление было резко осуждено на партийных собраниях и в газетах. Великое княжество Литовское (ВКЛ) Абецедарский и компания провозгласили «русско-литовским государством», вследствие чего беларусы теряли вместе с ним самые богатые страницы своей средневековой истории (XIII—XVI вв.). Имперская школа умышленно не обращала внимания на автономию ВКЛ в составе Речи Посполитой, изображавшейся не союзом двух народов, а исключительно польским государством. Заодно создавался миф о том, как беларусы и украинцы стремились из «польской неволи» под власть русского царя.

История беларуского государства, по Абецедарскому, начиналась с 1919 года. Выходило, что это большевики создали и Беларусь, и беларусов. За такое благодеяние беларусы должны были вечно благодарить коммунистическую партию.

Травля евреев. Представители советской власти в БССР оскорбительно относились к евреям. На месте еврейского кладбища в Сиротине они построили свиноферму, в Гродно разрушили еврейские кладбища, а надгробные плиты использовали для фундамента памятника Ленину.

В Беларуси, традиционном месте жительства евреев, коммунисты развернули настоящую травлю их. Жестокое преследование и дискриминация подтолкнули евреев к массовой эмиграции, особенно после арабско-израильской войны 1967 года. Республика потеряла тогда немало прекрасных работников культуры, науки, здравоохранения, образования, промышленности.

Противоречия экономического развития

Топливный кризис. Открытие и эксплуатация в Беларуси с 1963—64 гг. месторождений калийной соли (район Солигорска) и нефти (район Речицы) не сделали беларусов богаче. Своими недрами они не могли распоряжаться по-хозяйски.

Например, в 60-е — начале 70-х годов на беларуских нефтяных вышках пылали факелы попутного газа. Союзное министерство отвечало только за нефть, поэтому ценное топливо бессмысленно терялось. В то же самое время зависимая от союзных поставок топлива и сырья БССР переживала острый газовый кризис. Министерство газовой промышленности СССР резко сократило в начале 70-х годов подачу топлива. Вследствие низкого давления в газопроводе, газ самопроизвольно отключался в жилых кварталах Минска и Витебска, Могилева и Орши, Новополоцка, Борисова, Жодино. Простаивал Гроденский химкомбинат, стояли другие предприятия.

По степени газификации квартир города БССР занимали одно из последних мест среди других республик. В 1971 году газом пользовались всего 13,5% деревенских жителей, тогда как в среднем по СССР — 21,3%. Топливный кризис обостряла нехватка мазута, поступавшего из Башкирии. А тот мазут, который производил нефтехимкомбинат в Новополоцке, отправлялся за пределы БССР. Этот идиотизм назывался «плановой советской экономикой»! Лишь после ввода в действие в 1972 году газопровода Торжок — Минск кризис пошел на спад, но периодически обострялся и позже.

Характер промышленного развития. Экономические реформы, осуществлявшиеся с середины 60-х годов союзным премьером А.Н. Косыгиным, несколько повысили экономическую самостоятельность предприятий и усилили роль экономических стимулов. Во второй половине 60-х годов промышленность Беларуси развивалась довольно успешно. Значительную долю в ней заняли радиотехника, электроника и оптика, работавшие в основном на министерство обороны.

В 70-е годы БССР по объему производства промышленности сравнялась с такими странами, как Австрия и Венгрия. В 1985 году промышленность Беларуси дала 60% валового продукта республики: из аграрной она превратилась в индустриальную.

В 70-е годы, с целью дальнейшего усиления экономической взаимозависимости различных регионов СССР, брежневская администрация специально внедряла всесоюзное кооперирование. Беларуси приходилось кооперироваться не только с европейской Россией, но также с Сибирью и Казахстаном. Чтобы не допустить безработицы, предприятия содержали многих лишних рабочих и разветвленную заводскую администрацию, что делало невозможной рациональную организацию труда.

В связи с индустриализацией преобладающая часть жителей БССР сконцентрировалась в городах. Там беларуский народ втягивался в бессмысленную милитаризованную экономику. Только военные предприятия проходили техническую модернизацию. Для коренного технического перевооружения массового производства почти ничего не делалось. Сверхдоходы от экспорта нефти расхолаживали, как будто благоприятная рыночная конъюнктура на нефть могла быть вечной. Да и не было у командно-административной системы никаких ресурсов. Как только власти попытались повысить качество продукции и ограничить потери, темпы роста промышленного производства в БССР сократились в 1981—85 гг. по сравнению с 1961—65 гг. почти вдвое. Беларуская промышленность по уровню новых технологий начала безнадежно отставать от стран Запада. Лишь отдельные предприятия выпускали продукцию высокого качества, например, Минский часовой завод.

Обострение экологических проблем. БССР выпускала до 25% химической продукции Советского Союза. В результате развития «большой химии» уже к началу 80-х годов в Солигорске, Новополоцке, Могилеве, Гродно возникли районы серьезной экологической угрозы. Химические гиганты строились в БССР, как правило, с нарушением купленной за границей технологии.

В 70-е годы в Беларуси осушили около миллиона гектаров заболоченных земель. Грунтовые воды уходили в глубину, а болота превращались летом в пустыни, зимой в ледники, где посевы то высыхали, то вымерзали. Экологические потери принесло строительство животноводческих комплексов возле рек. Только в декабре 1972 года Москва, наконец, обратила внимание на необходимость охраны природы, а в 1973 году было прекращено хищническое истребление беларуских лесов.

Тысячи гектаров отводились под военные объекты. По насыщенности военнослужащими и ядерным оружием Беларусь занимала среди других советских республик первое место. Белорусский военный округ был самым крупным в СССР по численности войск — свыше 270 тысяч человек. На территории БССР минобороны разместило две дивизии стратегических ракет: 33-ю в Мозыре, 49-ю — в Лиде.

Беларуская деревня. В конце 60-х и в 70-е годы по инициативе ЦК КПБ реализовывалась программа сноса «неперспективных» деревень. Их жителей насильно переселяли в крупные колхозные и совхозные поселки с многоэтажными домами. В результате нарушался традиционный деревенский образ жизни. Люди теряли вековые культурные и моральные ориентиры.

Мяса и молока в Беларуси производили столько, что не хватало холодильников и промышленных мощностей для их переработки. Но предприятия по переработке в республике все равно не строили. А корм для беларуского поголовья скота по-прежнему привозили со всего Союза. И сельскому хозяйству навязывалась союзная интеграция. При этом БССР имела более низкие, чем в соседних Смоленской и Псковской областях, закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, и в то же время она осушала за свой счет псковские болота!

Урожайность зерновых к началу 80-х годов возросла в БССР до 22 центнеров с гектара. Она была выше, чем в Украине и России, но втрое ниже по сравнению с западноевропейскими странами. Прямые потери сельскохозяйственной продукции доходили до 40%. А потери от краж просто не учитывались.

«Нефтерублёвое благополучие»

Хрущевское наследие. Средние заработки рабочих и служащих Беларуси были в 1965 году на 17% ниже, чем в среднем по СССР, у работников совхозов — на 20%. В ведущих отраслях промышленности производство продукции на одного работника был одним из высших, тогда как заработок — одним из низших среди союзных республик. Происходило систематическое перераспределение национальных богатств в пользу центра. Тех средств, которые планировал отпустить Госплан СССР для Беларуси на 1966—70 гг., не хватало, чтобы преодолеть ее социально-культурное отставание: требовалось вдвое больше. Машерову удалося добиться в Москве дополнительного финансирования. Но секрет успеха заключался не в его предприимчивости, а в появлении «нефтедолларов».

Черное сокровище. Высокая цена на нефть, установившаяся на международном рынке со второй половины 60-х годов, позволила руководству СССР продавать ценное сырье в европейские страны и получать за него значительные суммы. Союз теперь жил за счет нефти. В магазинах страны в большом количестве появились импортные товары. Повысились заработки горожан. В 1967 году была установлена пятидневная рабочая неделя.

Колхозникам с 1965 года платили пенсии по старости и инвалидности, а в 1966 году натуральную форму оплаты труда заменили

денежной. В 1968 году минимальный заработок колхозников сравнялся с минимальным заработком в городе.

Значительная часть беларуских граждан смогла приобрести бытовые товары длительного пользования — холодильники, телевизоры, стиральные машины. Значительно улучшилось питание горожан. Расходы на квартирную плату, коммунальные услуги, транспорт были в то время чисто символическими. Все это означало, что при Машерове беларуское общество вступило в эпоху массового потребления. Относительно стабильная жизнь способствовала еще и тому, что через 26 лет после окончания войны (в 1971 году) население БССР достигло, наконец, довоенного уровня (9,5 млн. человек) и продолжало увеличиваться, в том числе за счет приезжих из других республик.

Социальные контрасты. Особенно хорошо жили тогда представители партийной номенклатуры. Их должности фактически стали пожизненными. Бюрократия имела все, что хотела. Тогда же бюрократический аппарат начал сращиваться с «теневой экономикой». У простых людей по-прежнему хватало проблем. Периодически в магазинах исчезал тот или иной товар: то рыба, то мясо, то масло. Чтобы купить хорошие импортные вещи, приходилось много бегать по магазинам, стоять в огромных очередях. Ожидание очереди на покупку легкового автомобиля занимало много лет.

В 1984 году среднемесячный заработок рабочих и служащих в БССР составил 166 рублей, тогда как в РСФСР — 195 рублей. Притом надо учесть, что цены на промышленные товары систематически повышались. По сравнению со странами Западной Европы, уровень жизни населения СССР оставался очень низким.

Беларусь стало страной образованных людей. Но одновременно происходила девальвация интеллектуального труда. Заработная плата инженеров, учителей, врачей, научных сотрудников была меньше, чем у рабочих. Интеллигент повсюду являлся кандидатом номер один для подметания улиц во время так называемых «субботников», для работы в подшефных колхозах и совхозах. Презрительное отношение властей к интеллигенции не способствовало научно-техническому прогрессу.

В целом, советская Беларусь достигла к середине 70-х годов апогея стабильности и консерватизма.

Зарождение антикоммунистического движения

Назревание экономического кризиса. Уже в первой половине 70-х гг. цена нефти поползла вниз. Средства, полученные от ее продажи на пике рыночной конъюнктуры, страна очень быстро «проела». В 1971—85 гг. темпы роста расходов на социальную сферу и заработ-

ную плату опережали темпы роста национального дохода. Реформы Косыгина провалились. Социалистическая плановая экономика чувствовала себя все хуже, несмотря на регулярные денежные инъекции. В 70-е годы в Беларуси, как и во всем СССР, замедлился, а потом и остановился рост материального благополучия. Застой обернулся спадом производства. Наблюдался острый недостаток не только квартир, но и промышленных товаров массового спроса.

Обострилась пищевая проблема. Потребление жителями БССР мясных и молочных продуктов, рыбы, овощей и фруктов значительно не соответствовало международным стандартам. Необходимую калорийность пищи беларусы компенсировали за счет картофеля,

хлеба и жиров.

За железным занавесом. Формально провозглашенная в СССР свобода слова, печати и собраний на деле означала право «свободно поддерживать» и «горячо одобрять» политику коммунистической партии и советского правительства. Для несогласных с такой постановкой вопроса были предусмотрены воспитательные мероприятия в виде лишения свободы.

Коммунистические «князья» стремились удержать своих подданных в покорности путем политики изоляционизма. Выезд за границу был практически невозможен. Поводов для отказа было придумано много: низкий моральный уровень, недостаточная политическая сознательность, неурегулированность семейных отношений, наличие родственников за границей, охрана военных и государственных тайн. Речь о тех, кто побывал в заключении, вообще не шла. Специальные станции круглосуточно подавляли («глушили») иностранные программы на русском и беларуском языках.

«Второе слуцкое восстание». Недовольство коммунистическим режимом время от времени проявлялось в стихийных выступлениях. Например, в 1967 году произошли трагические события в Слуцке. Заведующий отделом местного исполкома, член партии, совершил убийство человека. Назначенный на октябрь суд доверия у жителей Слуцка не вызывал. Многотысячная толпа настойчиво требовала смертной казни для убийцы. Она столкнулась с охраной. Имелись жертвы. Помещение суда было сожжено. Власти арестовали 70 участников выступления. Двоих осудили на расстрел, остальные 68 человек получили от 7 до 15 лет лишения свободы.

Реакция на чехословацкие события. Попытка Чехословакии избавиться от московского диктата и ввод туда советской армии (1968 год) привлекли к себе всеобщее внимание. Осведомители КГБ в тот год зафиксировали среди жителей Беларуси «нездоровые разговоры и настроения». В числе тех, кто публично осудил советскую агрессию в Чехословакии, по официальным данным, были минский «предприниматель» Л. Кленцов, технолог из Могилева В. Макси-

менко, часовой мастер из Бреста Ф. Шидловский, минский инженер А. Гринберг, вилейский рабочий Пирожников, минский литератор Федор Ефимов, журналист и историк Анатолий Сидоревич.

Ночью 22 августа минчанин Николай Якимович разбросал в центре города написанные им от руки листовки такого содержания: «Коммунисты — империалисты, убирайтесь из Праги. Их свобода сегодня — это наша свобода завтра. Оружие неосталинистов — ложь». А 24 августа многие жители Минска обнаружили в своих почтовых ящиках записки, призывавшие требовать прекращения агрессии.

В 1970 году беларуский поэт и переводчик Сергей Панизник, который по мобилизации оказался в составе советских оккупационных войск, публично извинился перед чешскими учеными и журналистами, за что подвергся репрессиям.

Репрессии против диссидентов. После XXIII съезда КПСС (1966 г.) злоупотребления властью в среде партийной номенклатуры еще больше усилились. Создались неограниченные возможности для кланового руководства во властных структурах всех уровней. Сответственно, происходил возврат к репрессивным методам управления.

Во второй половине 60-х годов под наблюдение КГБ попала минская писательница Лидия Вакуловская, на квартире которой собиралась вольнодумная интеллигенция. Одна из участниц встреч записывала разговоры на карманный магнитофон. Накопив «компромат», чекисты радостно доложили в ЦК о «пресечении» деятельности группы антисоветски настроенной интеллигенции. Всех тех, кто хотя бы однажды побывал у Вакуловской, долгое время вызывали на допросы и «профилактические беседы».

В 1973 году в СССР прошла кампания по осуждению академика Андрея Сахарова, организованная «сверху». К ней присоединилось и руководство Академии Наук БССР. В начале 1974 года в такой же кампании осуждения писателя Александра Солженицына приняли

участие некоторые деятели беларуской литературы.

Диссидентов, как и при Сталине, снова сажали в тюрьмы и отправляли в ссылку, но чаще всего их запирали в психиатрических больницах. Это было дьявольское изобретение неосталинистов. Жертвами карательной психиатрии в БССР с конца 60-х годов стали журналист и историк Анатолий Сидоревич, литературовед и космолог Вячеслав Зайцев, врач и поэт Александр Навроцкий, заведующий кафедрой Минского медицинского института профессор В. Мирончик. Последний в своих

Вячеслав Зайцев (1917—1992)

«Встречных призывах к ЦК КПСС» выступил за демократизацию советского общества*.

На смену репрессиям физическим пришли репрессии моральные. Диссидентов превращали в изгоев общества, перед которыми закрывались все двери. Самым известным беларуским диссидентом был бобруйский рабочий Михаил Кукабака. За отказ от участия в выборах, выступления в защиту прав человека, осуждение русификации в ряде самиздатовских статей его 7 лет (1969—76) держали в психиатрической больнице, а потом еще 9 лет (1979—88) — в тюрьме. Михаила Кукабаку знала и защищала общественность США, Англии, Дании. Выступали в поддержку его и правозащитники России. Только в самой Беларуси никто за него ни разу не заступился.

В 1981 году нескольких студентов философского отделения БГУ принудили оставить учебу за то, что они посмели требовать демократизации учебного процесса. Один из них в знак протеста покончил жизнь самоубийством, выбросившись с шестого этажа главного корпуса университета.

Религиозное движение. Численность костёлов в Западной Беларуси сократилась за 15 лет (1955—70 гг.) со 152 до 107. Закрытие костёла в деревне Зареченка Гродненского района вызвало бунт верующих.

Ощущался недостаток священников. Католические семинарии существовали в то время только в Риге и Каунасе, но прием в них беларусов был ограничен властями. Это подтолкнуло священника костёла в деревне Медведичи Ляховичского района Вацлава Пянтковского на смелый поступок. В своем доме он создал подпольную семинарию, в которой за пять лет подготовил 10 священников. В 1976 году в Гродно начал нелегально работать священник-униат Виктор Данилов, бывший узник сталинских лагерей. Численность протестантских общин, не признававших над собой государственного диктата, увеличилась в Беларуси с 18 в 1965 году до 26 в 1979.

Искры национальной культуры

Литература. Высокая художественная ценность и глубокое социально-психологическое воздействие отличали произведения В. Быкова, А. Адамовича, Я. Брыля о прошедшей войне.

Нелегким оказался творческий путь Владимира Короткевича. Именно ему было суждено пробудить национальное самосознание беларуской интеллигенции. Историк по образованию, он успешно развил в современной беларуской литературе историко-романтическое направление, начало которому положил в 1840-е годы Ян Бор-

^{*} Ежегодно штатные партийные идеологи печатали в газетах «Призывы ЦК КПСС к советскому народу» в связи с различными юбилейными датами. Мирончик по-своему обыграл эту практику.

щевский своим романом «Шляхтич Завальня». Место Короткевича в беларуской литературе соответствует тому, которое Генрик Сенкевич занимает в польской. Его романами «Дикая охота короля Стаха», «Черный замок Ольшанский», «Колосья под серпом твоим», «Христос приземлился в Гродно» и другими зачитывалась наша мололежь.

Искусство. Сложилась группа художников и скульпторов, обращавшихся в своих произведениях к темам, связанным с беларуской историей и культурой. Но по-прежнему всякое отступление от канонов официального советского «реализма» преследовалось. Трагическая судьба постигла художника-модерниста из Речицы Александра Исачева. Он умер в 32 года, не дождавшись признания на родине. Ухали на Запад и получили там широкое признание беларуские художники В. Павловский, Т. Копша, Б. Заборов.

Мировую известность приобрел мемориально-архитектурный комплекс «Хатынь», открытый в 1969 го-

Писатель Владимир Короткевич (1930—1984)

ду (скульптор Сергей Селиханов). Группа скульпторов во главе с А. Аникейчиком создала удачный памятник Янке Купале в Минске. Памятник Якубу Коласу в Минске сотворил Заир Азгур, памятник Франциску Скорине в Полоцке — Алексей Глебов. Но таких монументов в честь выдающихся деятелей беларуской культуры, в память о событиях беларуской истории было очень мало. Зато памятники В.И. Ленину власти водрузили во всех без исключения городах и поселках БССР. На долю нашей небольшой республики пришлось не менее 25% от их общесоюзной численности. Они и теперь стоят, напоминая беларусам о недавнем советском прошлом.

Из 17 драматических театров БССР только три работали на беларуском языке. В минский театр имени Янки Купалы зрители ехали со всех уголков республики, чтобы посмотреть спектакли Андрея Макаёнка «Лявониха на орбите», «Трибунал», «Таблетка под язык», или «Люли на болоте» Ивана Мележа.

Киностудия «Беларусьфильм» начала производство телевизионных (1968 г.) и мультипликационных (1975 г.) фильмов, но ничего национального в ее продукции не было.

В рамках возможного. Партийно-бюрократическая система лишала беларуский народ естественного права на знание своего языка

и истории, на развитие национальной культуры. В этой связи следует вспомнить П.М. Машерова, занимавшего пост первого секретаря ЦК КПБ в течение 15 лет: с 1965 по 1980 год. Есть немало публикаций, авторы которых называют его «славным сыном беларуского народа». Значительно ближе к истине другая оценка: он был «верным сыном коммунистической партии», но не народа. В наше время просто нелепо отождествлять понятия «партия» и «народ».

Машеров настойчиво и последовательно проводил в жизнь космополитичные интересы партии, изрядно потрудился на поприще формирования денационализированного «советского человека» и русификации беларусов. Вот что, например, писал о нем Иван Шамякин, народный писатель Беларуси:

«Много хорошего сделал этот человек для экономики, для культуры. Но... Исчезал же язык народа — основа национальной культуры. Эти вопросы мы задавали и тогда, эта боль жгла, и мы кричали. Говорили и Машерову, и он соглашался. Но русификация не прекращалась. Она шла так же интенсивно, как при Гусарове (так ведь это был русский), при Мазурове; даже русак Пономаренко не позволял таких поворотов, когда газеты западных областей, районов, «Сельская газета» переходили на русский язык. Процесс этот не был стихийным. Он поощрялся — при стыдливом молчании многих. Машеров ни разу, ни на одном пленуме, совещании, съезде, сессии, торжественном заседании — не выступил по-беларуски».

Однако никакие ограничения не смогли остановить пробуждение и дальнейшее усиление интереса к своим национальным корням в среде беларуских интеллектуалов. В различных областях отечественной науки шло накопление ценных материалов, ждавших своего времени для использования в интересах нации. В 1967—75 гг. увидела свет 12-томная «Беларуская савецкая энцыклапедыя», в которой многие статьи по истории и литературе были написаны с национальных позиций.

На почве народной культуры (пусть изуродованной большевистским мракобесием), под влиянием интеллигентов, прошедших через сталинские лагеря (пусть их осталось мало), под воздействием идей беларуской эмиграции (хотя радио глушили, а литература поступала нелегально) появлялись все новые и новые национально сознательные личности. Полулегально, эзоповым языком они вели национальную пропаганду. Параллельно с конца 1960-х годов спонтанно формировалось движение в защиту историко-архитектурного наследия, развивалось краеведение, появилось движение по изучению фольклора.

Сохранение беларуского начала

Национальное движение среди ученых. В 1968 году историк Николай Ермалович (1921—2000) окончил работу над книгой «По следам одного мифа», в которой доказывал прямую причастность современной Беларуси к историко-культурному наследию Великого княжества Литовского. Работа, распространявшаяся через «самиздат», вызвала большой интерес и много лет передавалась из рук в руки. Ее напечатали только в 1989 году, в эпоху «гласности и перестройки». Одновременно Н. Ермалович являлся одним из авторов самиздатовского журнала «Подснежник» (1963—64 гг.), сам выпускал журнал «Беседы» (1975—76 гг.)*.

Несколько сотрудников Академии Наук БССР в 60-е годы образовали неформальный кружок, известный под названием «Академический центр». Они установили связь с представителями украинского национального движения. В начале 70-х гг. власти провели кампанию по «разоблачению» украинских националистов. След потянулся в Минск. В 1973 году Машеров издал приказ о борьбе с беларуским национализмом, подразумевая «Академический центр». Партийные чиновники составили «черный» список «националистов». В том же 1973 году руководство республики запретило Академии Наук проведение научной конференции об этногенезе беларусов.

В начале 1974 года пятеро ученых (А. Каврус, С. Миско, Н. Прашкович, М. Чернявский, В. Лапуть) и сотрудник издательства «Белорусская Советская Энциклопедия» В. Рабкевич остались без работы. В 1975 году был уволен из института истории Зенон Позняк за то, что под псевдонимом Генрих Ракутович написал и распространил аналитический обзор «Положение в Беларуси. 1974 год», в котором разоблачил репрессивную политику властей в отношении беларуской интеллигенции.

С 1980 года в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР действовал семинар «Беседы» («Сумоўе») под руководством профессоров Юрия Ходыко и Владимира Конона**. Но уже в следующем году по требованию КГБ семинар прекратил свою работу.

^{*} Самиздат — любопытное явление в советской истории. Множество людей, организационно не связанных друг с другом, перепечатывали на пишущих машинках, размножали на копировальных машинах и другими способами работы отечественных и зарубежных авторов, запрещенные советской цензурой либо отклоненные издательствами по политическим причинам. Их передавали из рук в руки, снова и снова копируя. Библиография «самиздата» насчитывает несколько тысяч названий! — Прим. Ред.

^{**} Слово «сумоўе» можно перевести и как «собеседование», но по смыслу более точным является термин «беседы». — Прим. Ред.

Национальное движение среди литераторов. В 1960—70 гг. вокруг гродненского писателя Алексея Карпюка (1920—1992) сложился круг общения национально сознательной интеллигенции. Карпюка, «виновного» в связях с А.И. Солженицыным, другими российскими диссидентами, в отместку за это нигде не принимали на работу и не печатали его произведения. К окружению Карпюка принадлежал и Василий Быков (1924—2003), получивший позже всемирную известность.

Но когда Быков в середине 60-х годов одним из первых в советской литературе начал по-новому (с позиций «окопной правды») осмысливать события германо-советской войны, партийные идеологи обвинили его в неуважении к «высокому подвигу народа» и в отсутствии патриотизма. Редактора журнала «Маладосць» Пимена Панченко, напечатавшего в 1965 году повесть Быкова «Мертвым не больно», за это уволили с работы*. А после того, как Быков отказался от предложения написать роман о «героизме чекистов» во времена войны, органы КГБ начали против него кампанию морального террора. В частности, гэбисты провоцировали подростков бить окна в гродненской квартире Быкова.

Примерно с 1975 года ходила по рукам анонимная сатирическая поэма «Сказ о Лысой горе», высмеивавшая добровольную денационализацию интеллигенции. Широкую известность приобрела в 1977 году брошюра «Письмо русскому другу» литературоведа и публициста Алексея Кавки, распространявшаяся через «самиздат». В ней осуждалась советская политика русификации национальных республик, было показано горестное состояние беларуской культуры. В 1979 году это «Письмо» напечатал в Лондоне в переводе на английский язык беларусист Джим Дингли. В 1985 году там же вышла на беларуском языке книга Олега Бембеля «Родное слово и морально-эстетический прогресс». За то, что автор посмел издать книгу за границей и осудил в ней национальную политику КПСС, его исключили из партии и уволили с работы.

Национальное движение среди художников. Национально сознательные творческие интеллигенты Минска с 1966 года регулярно собирались в мастерской художника Евгения Кулика и дискутировали о судьбах беларуской культуры и нации. Этот кружок, действовавший почти 20 лет (до 1985 года) получил неофициальное название «На чердаке». Участники кружка коллекционировали старые беларуские книги, организовывали краеведческие экскурсии, готовили художественные выставки, всеми силами и средствами пропа-

^{*} Получили известность повести Быкова: «Третья ракета» (1962), «Круглянский мост» (1969), «Сотников» (1970), «Дожить до рассвета» (1973), «Знак беды» (1982), «Карьер» (1986), «В тумане» (1987), «Стужа (1993).

гандировали беларускую культуру. Неформальным лидером кружка считался художник и искусствовед Леонид Борозна, трагически погибший в 1972 году. Он одним из первых заговорил о необходимости выхода Беларуси из состава СССР. Художники-вольнодумцы поддерживали дружеские отношения с «Академическим центром». В 1980-е годы кружок понес потери в результате репрессий, но позже (в 1991 г.) именно он составил ядро патриотической художественной общины «Погоня».

Национальное движение среди студентов. В 1968 году группу студентов Белгосуниверситета власти обвинили в национализме — за то, что они подали в ЦК КПБ, на имя первого секретаря Машерова, письмо с требованием перевода всего обучения на беларуский язык. Авторов письма отчислили из университета либо перевели в провинциальные ВУЗы. Среди них был и Алесь Рязанов, ставший впоследствии известным беларуским поэтом.

В 1979 году группа студентов БГУ и Театрально-художественного института создала вокально-драматическую мастерскую («Беларуская майстроўня») с целью возрождения в городской среде традиций беларуских народных обрядов и праздников. Одним из ее основателей выступил Винцук Вечёрка, будущий видный деятель Беларуского народного фронта. 25 декабря того же года милиция разогнала в центре Минска рождественскую процессию, устроенную членами «Майстроўні». В головах чиновников никак не укладывалась мысль о том, что все люди имеют право на самодеятельность. Если бы они могли, то потребовали бы подачи заявлений от

Григорий Ширма (1892—1978), создатель и руководитель академической хоровой капеллы Беларуси

граждан и на право дышать, не то, что петь на родном языке и наряжаться в национальные костюмы по случаю Рождества Христова.

Фольклорная деятельность сочеталась с культурно-просветительской. Под влиянием примера «Беларускай майстроўні» возникшие в начале 80-х годов рок-группы «Bond» и «Грёза» перешли на беларуский язык. Большой популярностью в то время пользовался беларуский поэт и бард Сергей Соколов-Воюш, исполнявший песни социально-патриотического содержания.

В 1983 году при «Майстроўні» возникло «Общество беларуской школы», которое собирало заявления родителей с требованиями открыть новые беларуские детские сады и школы, поддержать существующие. Эту акцию пресек КГБ.

Участники студенческого национального движения после окончания учебы создавали аналогичные объединения в Бресте, Гродно, Молодечно, Новополоцке. 13 июня 1984 года активисты «Майстроўні» устроили на площади Свободы в Минске несанкционированную демонстрацию протеста против сноса здания бывшего городского театра, где в 1852 году состоялась премьера первого беларуского спектакля «Крестьянка»*. Демонстрантов задержала милиция, началось следствие. Деятельность объединения приостановилась.

В 1983 году на стенах домов в Минске появились рисунки национального герба «Погоня» и лозунги патриотического содержания.

В октябре 1985 года студенты Юрий Макеев и Михаил Мирошников вывесили на здании Минского художественного училища имени Глебова бело-красно-белый национальный флаг вместо флага СССР. КГБ завел дело на «антисоветчиков». В результате Макееву пришлось покинуть училище.

Государственный национализм. Наряду с репрессиями машеровская администрация пыталась проводить политику «дозированного национализма» с целью успокоения местной интеллигенции и международной общественности. Официальная пропаганда прославляла достижения беларуского народа в различных областях. В большом почете у нее были беларуские космонавты Петр Климук и Владимир Ковалёнок, олимпийские чемпионы Александр Медведь (борец) и Ольга Корбут (гимнастка), другие известные беларуские спортсмены.

Климук взял с собой в космический полет сборник стихотворений Якуба Коласа, а потом подарил его музею поэта. Любовь космонавта к родному языку и к национальной поэзии нашла отражение

^{*} Спектакль был поставлен по произведению Винцента Дунина-Марцинкевича «Идиллия». Музыку написал Станислав Монюшко. Персонажи «из народа» говорят в спектакле по-беларуски; «паны» — по-польски. — *Прим. Ред.*

в Книге рекордов Гиннеса. Но на родине Климука надпись на монументе, воздвигнутом в его честь, сделали только по-русски. Один лишь этот факт наглядно показывает фальшивость национальной политики КПБ.

Особенности национального движения. Итак, во времена брежневского «расцвета» (или «застоя» — справедливы оба определения) жизнь в Беларуси была далека от всеобщего благоденствия. Интеллектуалы начали выступать в защиту национальной культуры в рамках существующей системы. Происходили и политические выступления. Однако об это мало кто знал. Репрессии производились тайно от общественности. Национальное движение еще не стало массовым и слабо увязывалось с деятельностью правозащитников. Активной национальной интеллигенции было мало.

Основную массу жителей республики национальные проблемы не волновали. «Простые люди» никогда еще не ели так сытно, как в «эпоху развитого социализма». Относительная стабильность жизни позволяла им молчать, терпеть и, как всегда, надеяться на «лучшее будущее». А эти надежды они связывали с очередным «красным царем», который наконец-то сделает народ счастливым. На почве таких настроений и мечтаний родился миф о Машерове — настоящем «друге народа», неустанно боровшемся за «народное счастье» и якобы «убитом» за это «агентами Кремля».

2. Разрушение большевистской системы власти. 1985–1991 гг.

«Перестройка» бракованного социализма

Избрание Михаила Горбачева. После смерти Л.И. Брежнева (1982 г.) и его преемника К.И. Черненко (1985 г.) высшую ступень власти в КПСС и СССР занял Михаил Горбачев (март 1985).

С середины 80-х годов стала очевидной необходимость реформ в СССР, а для патриотов Беларуси — еще и необходимость спасения беларуского народа от национального угнетения в виде «дружеских объятий старшего брата». Тогда считалось, что Союз легче реформировать, чем вырваться из него.

Апрельский (1985) пленум ЦК КПСС, затем XXVII съезд партии (февраль — март 1986 г.), провозгласили революционное обновление социализма, коренную «перестройку» советского общества. М.С. Горбачев начал уничтожать то, на чем изначально держалось большевистское государство — командно-административные методы управления экономикой и репрессивные методы управления обществом.

Порбачевские реформы и Беларусь. На фоне глубокого хозяйственного кризиса в целом по СССР, обеспечение беларуского народа пищевыми продуктами и промышленными товарами некоторое время оставалось довольно приличным. Согласно официальной статистике, во второй половине 80-х гг. промышленное производство в республике даже увеличивалось (в 1988 году — на 8%). В 1990 году БССР вывезла товарной продукции на 4,1 млрд. рублей, а импортировала на 2,1 млрд. рублей.

Столь значительное положительное сальдо обеспечило традиционное трудолюбие беларусов, преобладание легкой промышленности над машиностроением, более эффективное сельское хозяйство западных областей республики, где даже при колхозно-совхозных порядках крестьяне еще не успели полностью утратить привычку работать добросовестно. Но твердолобые местные коммунисты относили сравнительное благополучие республики к числу «преимуществ социализма» и с особым упорством держались за старые порядки.

Они проявили себя самыми непримиримыми противниками перестроечных процессов. Их устраивало в республике все, кроме перемен. Не случайно писатель Алесь Адамович, которому в 1988 году пришлось переехать в Москву, назвал БССР «Вандеей перестройки»*.

Углубление реформ. В 1990 году экономический кризис охватил и БССР. Прошло пять лет с начала перестройки, пока беларуские органы власти поняли суть проблемы: заставить работать командно-административную систему в новых условиях невозможно никакими способами.

С лета 1990 года начался переход от единой общегосударственной собственности к кооперативной, частной и смешанной. Наиболее предприимчивые люди создавали первые в Беларуси частные предприятия. Появились первые фермеры, первые совместные беларуско-иностранные фирмы. Но половинчатые реформы не увенчались успехом. В сельском хозяйстве уже не осталось крестьян-собственников, кровно заинтересованных в развитии товарного производства — их уничтожила колхозно-совхозная система. В промышленности реформаторы столкнулись с жестким сопротивлением военно-промышленного комплекса. Оказалось, что реформы надо начинать с политической сферы. А здесь они могли быть эффективными только при двух условиях: отстранения от власти коммунистического руководства, кормившегося за счет государственной собственности, и отказа от имперского принципа построения СССР, гигантские масштабы которого исключали эффективное хозяйствование и управление из единого центра.

^{*} Вандея — провинция на западе Франции, ставшая оплотом контрреволюционных сил и центром роялистских мятежей в 1792-1803 гг. — *Прим. Ред.*

Весь Советский Союз превратился в дискуссионный клуб. Общество искало приемлемые пути модернизации. В Минске еще в январе 1987 года по инициативе группы обществоведов (экономистов, философов, историков, журналистов) возник дискуссионный политклуб «Современник». Его заседания проходили сначала в квартире председателя клуба философа Льва Кривицкого, потом в кинотеатре «Вильнюс», еще позже в городском Доме политпросвещения. Эти дискуссии иногда собирали до тысячи слушателей и участников. В 1989 году напуганные городские власти лишили политклуб помещения. Многих его активистов уволили с работы.

Чернобыльская катастрофа. 26 апреля 1986 года произошла авария на Чернобыльской атомной электростанции — на украинской территории, но всего в 5 км от беларуской границы. Она сильно осложнила проведение горбачевских реформ. Для беларуского народа драматические результаты аварии умножились традиционной зависимостью местного партаппарата от Москвы. Три года (!) руководство КПБ во главе с Николаем Слюньковым (1980—86 гг.) запрещало сообщать населению о подлинных масштабах радиоактивного заражения и границах его распространения. В пораженных районах через несколько дней после катастрофы люди маршировали в первомайских колоннах и обрабатывали землю, вдыхая смертельную пыль. Только «аппаратчики» знали обо всем, и сразу после аварии начали вывозить свои семьи из опасной зоны.

Взрыв в Чернобыле по степени радиоактивного заражения местности соответствовал 90 хиросимским бомбам! На Беларусь выпало более двух третей этих радиоактивных веществ, накрывших одну треть ее территории. На землях повышенного загрязнения проживали около 20% населения БССР (2,2 млн. чел.). Тогда, в апреле — мае, ветры дули с Украины на Беларусь. А в Могилевской области расстреливали стронциево-цезиевые облака, плывшие к Москве, — и они опадали дождем на беларуские земли. Каждый раз, когда в жерло реактора сбрасывали с вертолетов мешки с песком и глиной, в воздух поднималась туча радиоактивного пепла и пыли, оседавшая в радиусе до 400 км.

В наибольшей мере пострадала предполесская низина, район с развитым сельским хозяйством. Тем не менее, по приказу партийного руководства БССР, производство на загрязненных площадях не останавливалось. С 1986 по 1989 годы в зонах повышенной радиации было получено 47,5 тысяч тонн мяса и 2 млн. тонн молока. Все эти продукты попали затем на стол потребителей.

В течение пяти лет после аварии в Беларуси в 22 раза (!) увеличилось число онкологических заболеваний щитовидной железы у детей. Около 20% беларуских детей в возрасте до 10 лет пришлось поставить на диспансерный учет. Паника, депрессия, игнорирование

законов и моральных норм стали характерными для большинства жителей чернобыльской зоны.

Для ликвидации результатов катастрофы только БССР требовалось 235 млрд. долларов. Но для переселения людей из зон загрязнения и на лекарства беларуское правительство израсходовало ничтожные средства. В одиночку Беларусь не могла справиться с этой бедой. Однако союзное правительство никаких субсидий БССР не дало, несмотря на то, что ежегодно она переводила в союзный бюджет почти половину прибыли республиканской экономики. Партийное руководство БССР ничего не сделало и для получения международной помощи. Вместо этого оно поощряло распространение лживых теорий о безопасности малых доз радиации. Иначе говоря, компартия осудила беларуский народ на радиационный геноцид. Подлинные размеры катастрофы и ее трагические последствия поныне остаются невыясненными в полном объеме.

Проблемы спасения нации. Чернобыль позволил многим беларусам понять две вещи: во-первых, катастрофическую зависимость своей страны от Москвы; во-вторых, необходимость борьбы за выживание нации. Продолжительность жизни в БССР была одной из самых коротких в Европе (у мужчин — менее 60 лет).

Однако низкий уровень политической культуры и национального сознания беларуского общества сковывал его силы в борьбе за собственное будущее. Нелегкую миссию пробуждения нации взяли на себя интеллектуальные и политические лидеры.

Организационное оформление беларуского национального движения

«Новые беларусы». Формирование нового сословия предпринимателей практически не влияло на беларуское национальное движение. Новобранцы бизнеса — вчерашние сотрудники партийного, комсомольского и советского аппрата, а также вышедшие из подполья «теневики» — ориентировались на всесоюзный рынок и нормы «советского образа жизни». Поэтому они не были заинтересованы в усилении сепаратизма. Ряды национально ориентированной оппозиции пополнялись в основном за счет интеллигенции. Между тем партийно-советское руководство начало сочетать моральнопсихологическую дискредитацию интеллигенции с дискредитацией экономической.

Молодежный авангард. После ликвидации в 1984 году «Майстроўні» сохранилась отпочковавшаяся от нее нелегальная группа «Незалежнасць» («Независимость»), стремившаяся расширить молодежное движение в форме легальной культурной деятельности, и по возможности придать ей политический характер. С этою целью

в феврале 1985 года в урочище Смольня Столбцовского района, под видом туристического слета, было проведено совещание представителей молодежи из Минска, Гомеля, Бреста и Новополоцка.

В 1985—86 годы в республике возникла целая сеть политизированных неформальных объединений: «Талака» («Артель»), «Тутэйшыя» («Здешние»), «Няміга», «Агмень» («Очаг»), «Нашчадкі» («Потомки»), «Сьвітанак» («Рассвет») в Минске; «Талака» в Гомеле; «Паходня» («Факел») в Гродно; «Крывічы», «Сакавік» («Март») и рок-клуб в Новополоцке; «Маладзік» («Новолуние») в Полоцке; «Узгор'е» («Взгорье») в Витебске; «Край» в Бресте; «Повязь» («Преемственность») в Орше; «Рунь» («Озимь») в Лиде. Они выступали за изучение и пропаганду беларуского языка, культуры, истории. Минские общества (прежде всего «Талака») по вечерам после учебы помогали строителям реставрировать Троицкое предместье.

В апреле 1986 года ветераны войны в Афганистане и комсомольцы-дружинники, натравленные властями, избили молодых беларуских патриотов — участников народного праздника «Ауканье весны», который проводили в Троицком предместье преподаватели Минского художественного училища Алексей Марочкин и Николай Купава. Власти цинично лгали народу, что беларуское национальное движение по своей сути — нацистское! Тем не менее, к весне 1988 года численность национальных молодежных объединений в Беларуси возросла до 40, в них участвовали свыше 3000 активистов.

Под предлогом народного праздника «Деды» (поминовение усопших) объединение молодых литераторов-нонконформистов «Здешние» («Тутэйшыя») устроило 1 ноября 1987 года несанкционированный митинг в Минске (в парке Янки Купалы), на котором впервые публично прозвучало осуждение сталинского геноцида по отношению к беларускому народу. В декабре того же года в Полочанке, под Минском, представители молодежных общин собрались на Первый вальный сейм, на котором высказались за радикальные перемены в Беларуси. Присутствовали представители молодежного движения из Литвы и Украины.

В августе 1988 года руководители минской «Талакі» Сергей Витушко и Винцук Вечёрка первыми подняли вопрос о необходимости возрождения беларуской национальной символики (август 1988 г.).

Активизация национальных сил. Интеллигенция старшего возраста по привычке пыталась искать защиту беларускому языку и культуре... в Москве! Так, в декабре 1986 года представители беларуской интеллигенции направили М.С. Горбачева свое обращение (фактически — жалобное заявление), известное под названием «Письмо 28-и», а в июне 1987 года еще одно — «Письмо 134-х» (по числу подписей). Разумеется, впустую.

В связи с осмыслением чернобыльской трагедии и разоблачением массовых казней 30-х годов (важную роль в этом плане сыграла статья Зенона Позняка и Евгения Шмыгалёва о Куропатах в газете «Литература и искусство» от 3 июня 1988 г.) разочарование общества существующим строем быстро усиливалось, а группирование национальной политической оппозиции ускорялось. Главными «застрельщиками» общественности выступали историк Зенон Позняк и знаменитый беларуский писатель Василий Быков.

На собрании демократической общественности Минска 19 октября 1988 года по примеру российского «Мемориала» было учреждено беларуское историко-просветительское общество памяти жертв сталинизма «Мартиролог Беларуси». На этом же собрании был избран Организационный комитет народного фронта за перестройку «Возрождение» в составе 32-х человек, под председательством Зенона Позняка.

Реакция властей. Партийно-государственные структуры Беларуси во главе с первым секретарем ЦК КПБ Ефремом Соколовым (1987—91 г.) весьма враждебно восприняли организационное оформление беларуского общественного движения, не подчинявшегося партийному контролю. Сразу же началась травля его участников в печати. Была сделана попытка создать свой собственный Беларуский народный фронт, руководство которым ЦК поручило первому

Установление в Куропатах памятного креста мученикам Беларуси

секретарю Минского горкома КПБ Петру Кравченко. Но официальный «фронт» не вызвал никакого доверия в массах.

30 октября 1988 года власти организовали погром митинга-реквиема в Куропатах, на месте массовых казней 30-х годов, проводившегося под руководством БНФ. На него пришло около 20 тысяч человек. Людей встретили водомётные и пожарные машины, шеренги милиционеров и солдат внутренних войск, слезоточивый газ, резиновые дубинки. 72 человека были арестованы. Созданная для расследования инцидента правительственная комиссия во главе с председателем Президиума Верховного Совета БССР Георгием Таразевичем «не нашла» виновников погрома. В ответ на реакционные действия властей возникли патриотические союзы воинов-беларусов (в Минске, Борисове, Москве, Костроме, Приозёрске, Твери). И все же беларуское национальное движение по-прежнему оставалось элитным и было направлено на модернизацию, а не свержение коммунистических порядков.

Создание Беларуского народного фронта. В январе 1989 года в Вильне (Вильнюсе) на Втором вальном сейме молодежных организаций была учреждена Конфедерация беларуских молодежных общин и принято решение о поддержке инициативы по созданию всенародной некоммунистической политической организации — Беларуского Народного Фронта (БНФ). В феврале эта Конфедерация и Оргкомитет фронта организовали в Минске митинг, собравший 40 тысяч человек. На нем впервые демонстранты потребовали исключить из Конституции БССР статью о руководящей роли партии, а беларускому языку придать статус единственного государственного языка на территории республики.

Учредительный съезд БНФ пришлось провести в более демократической Литве. Он состоялся 24—25 июня 1989 года в Вильнюсе. Идейным лидером БНФ стал всемирно известный писатель Василий Быков. Общее руководство было поручено Зенону Позняку. Его заместителями избрали искусствоведа Юрия Ходыко и историка Михаила Ткачева (умер в 1992 году после жестокого избиения «неизвестными», которых власти «не смогли» найти).

В принятой на этом съезде программе БНФ еще солидаризировался с «лучшими силами КПСС» в деле реформ, ставил своей целью возрождение беларуской национальной культуры, принятие закона о государственном статусе беларуского языка. Была также высказана идея подлинного суверенитета БССР в составе СССР — в смысле преимущества республиканских нужд и прав над всесоюзными. Неотложной задачей признавалась ликвидация последствий чернобыльской катастрофы. Таким образом, БНФ стал той организацией, которая возглавила национально-освободительное движение в Беларуси.

Михаил Ткачев (1942—1992), историк и археолог, один из лидеров БНФ

Границы влияния БНФ. В сентябре 1989 года БНФ организовал демонстрацию «Чернобыльский путь». С тех пор она стала ежегодной. Посредством регулярных митингов и акций политического протеста БНФ делал доступной для народа и международной общественности информацию о трагических результатах Чернобыля. Группы поддержки БНФ появились в Минской, Гомельской, Гродненской и Брестской областях, позже — в Могилевской и Витебской. Конфедерация беларуских молодежных общин активно способствовала

деятельности БН Φ , а в 1990 году слилась с ним. Базой движения являлись города, где в 1989 году проживало 64% населения страны.

БНФ начал издавать газету «Новости». Статьи сторонников движения печатались в журналах «Крыніца» («Источник»), «Полымя» («Пламя»), «Маладосць» («Юность»), газетах «Звязда» («Звезда»), «Настаўніцкая» («Учительская»). Они призывали к возрождению идеалов «Нашей Нивы» и Беларуской Народной Республики.

Однако патриотической части интеллигенции не удавалось существенно распространить свои идеи и взгляды среди русифицированного народа. Рабочие сомневались в том, что капиталистическая система организации труда лучше коммунистической. Созданные в 1989 году независимые профсоюзы («Рабочий союз Беларуси») во главе с В. Ивашкевичем, М. Соболем и С. Мухиным, объединяли всего несколько процентов рабочих и ограничивали свою деятельность исключительно социальной сферой. Закрепощенная беларуская деревня оставалась опорой для антинациональных коммунистических сил. Ветераны прошедшей войны, связанные с советской властью «славными победами», не желали ей изменять. Русская часть населения опасалась утратить свое привилегированное положение. В результате беларуское общество разделилось на два течения — советское (большее) и национальное (меньшее).

По переписи 1989 года в БССР жили 10,2 млн. человек. Из них беларусов — 78% (7,95 млн), русских — 13% (1,32 млн), поляков — 4% (408 тысяч), украинцев — 2,8% (286 тысяч), прочих — 2,2%. Отметим в этой связи, что в 1989 году из 40 тысяч членов БНФ 8 тысяч (20%) были по национальности русские. Все эти люди долгое время жили в Беларуси (многие здесь родились), считали ее своей Отчизной и делали для ее независимости иногда даже больше, чем патриотически настроенные беларусы.

Нарастание политического кризиса

Политика коммунистов. Коммунистические власти постоянно преследовали активистов беларуского национального движения. Официальные структуры отказывались регистрировать БНФ, запрещали легальный выпуск литературы. Члены БНФ работали нелегально и не могли обойтись без помощи извне. Ее оказывал, в первую очередь, литовский Народный фронт «Саюдис». Газета «Новости БНФ» с 1988 по 1990 год печаталась в Вильнюсе.

Действовали законы, запрещавшие использование беларуской национальной символики и распространение внецензурной литературы. Власти всеми силами и средствами изображали патриотов экстремистами и даже нацистами лишь на том основании, что они возродили беларускую национальную символику (бело-красно-белый флаг и герб «Погоня»), которую использовали беларуские националисты во времена первой и второй мировых войн. Оно и понятно, для коммунистов до 1919 года не было ни беларусов, ни Беларуси.

В конце 1988 года было создано Минское общество историков — специально для борьбы «с национализмом» в исторической науке. БССР превращалась в опору большевистских сил на западе СССР. Именно это дало основание писателю Александру Адамовичу назвать нашу республику «Вандеей перестройки».

Недовольство политикой воинствующего консерватизма, проводимой руководством компартии БССР, нарастало в рядах самой партии. Она не смогла выдвинуть из своего состава влиятельного крыла коммунистов-патриотов, как это произошло, например, в Литве. Но и среди беларуских коммунистов было много честных людей, сознательно или подсознательно оберегавших свой народ и родной край. Некоторые из них стали членами БНФ и активными борцами за национальное самоутверждение.

Сложившаяся ситуация заставила Верховный Совет республики 26 января 1990 года принять закон «О языках Белорусской ССР». В соответствии с ним, с 1 сентября 1990 года государственным языком признавался беларуский, а с конца 2000 года он должен был стать рабочим во всех учреждениях страны.

Первая парламентская оппозиция. На выборах в Верховный Совет 1990 года народу впервые было позволено выдвигать кандидатов в депутаты на собраниях населения. Центральный избирательный комитет сначала отказался регистрировать кандидатов оппозиционного Демократического блока во главе с БНФ, но потом отменил свое решение. Коммунистов напугала мощная демонстрация, проведенная БНФ 25 февраля 1990 года, в которой участвовало более 100 тысяч человек.

На мартовских выборах некоммунистические силы впервые за всю историю советской власти смогли провести своих кандидатов в народные депутаты БССР и в состав местных советов. Хотя большинство кандидатов от БНФ в ходе предвыборной кампании властям удалось «отсеять», Фронт получил в Минске 20 мандатов из 22. 67 депутатов Верховного Совета БССР составили Демократический клуб во главе с проректором БГУ Станиславом Шушкевичем.

Позже фракция БНФ во главе с Зеноном Позняком увеличилась, за счет перехода к ней других народных избранников, до 36 депутатов из 345 (10,4%), а Демократический клуб вырос до 100 человек.

Назревание союзного кризиса. Прежний состав Верховного Совета БССР завершил свою деятельность тем, что после провозглашения Литвой независимости потребовал от нее (29 марта 1990 г.) возвращения Виленского края. Делалось это по приказу из Москвы, чтобы посредством межнационального конфликта удержать Литву в составе СССР.

Но уже 26 апреля 1990 года в Минске по инициативе БНФ прошла рабочая встреча представителей народных фронтов Беларуси, Латвии, Литвы и Украины, где рассматривался вопрос о заключении в будущем политического Балтийско-Черноморского союза восточноевропейских государств — Украины, Беларуси, Литвы, Латвии и Эстонии. Такое объединение позволило бы укрепить суверенитет каждой из пяти стран и избавиться им от прежней зависимости.

Провозглашение государственного суверенитета. 86% депутатов Верховного Совета БССР составляли коммунисты. Ветераны партии организовали свою фракцию («Союз»), коммунисты-ортодоксы — свою (160 членов). Образовалась также группа руководителей предприятий, которая отличалась некоторым либерализмом, но выражала интересы управленческого аппарата. Все эти фракции «номенклатуршиков» объединяло упорное нежелание модернизировать общество и неприятие беларуской культуры. Председателем Верховного Совета был избран представитель партаппарата, секретарь Политбюро ЦК КПБ Николай Дементей, его заместителем — Станислав Шушкевич (19 мая 1990). Председателем Совета Министров БССР стал член Политбюро ЦК КПБ Вячеслав Кебич.

12 июня 1990 года в Москве Верховный Совет РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Волей-неволей то же самое пришлось сделать новому Верховному Совету республики. 27 июля 1990 года он принял Декларацию о государственном суверенитете БССР в составе советской федерации. Эта декларация подтвердила приоритет беларуского языка, провозгласила право на создание национальной армии, республиканской милиции и службы государственной безопасности. Декларация требовала от правительства СССР компенсации материального ущерба,

обусловленного последствиями Чернобыльской катастрофы. В то же время в ней признавалась необходимость заключения нового союзного договора между республиками СССР. Чтобы не утратить политическое влияние в обществе, коммунистическим властям пришлось изображать озабоченность проблемой национального возрождения.

Возрождение религий. В начале 1988 года в БССР было 370 православных приходов, свыше 100 общин бапистов и 65 католических приходов. Действовали религиозные организации пятидесятников, адвентистов, староверов. В 1989 году среди беларуских татар появились мусульманские общины.

Беларуские православные составляли единую епархию Российской православной церкви. Но в 1989 году здесь снова появились три древние православные епархии: Полоцкая и Витебская, Могилевская и Мстиславльская, Пинская и Брестская. В феврале 1990 года, в связи с ростом национального самосознания, был создан Беларуский экзархат Московской патриархии и введено название «Беларуская православная церковь». Ее возглавляет митрополит Филарет (Вахрамеев), русский по происхождению.

После 60-летнего перерыва папа Иоанн-Павел II в 1989 году назначил в Беларусь нового епископа — Тадеуша Кондрусевича, беларуса из Гродненской области. Понемногу началась беларусизация религиозной жизни. Сначала беларуский язык использовали только отдельные священники — католики, православные, баптисты. Затем на него перешли все беларуские костёлы.

В 1990 году стараниями беларуской интеллигенции и отца Яна Матусевича были созданы униатские общины в Минске, Гомеле, Полоцке и Новополоцке.

Духовное возрождение. Национальное пробуждение беларусов проявилось с середины 80-х годов. Именно тогда началось переосмысление истории Беларуси, возвращение к национальной культуре и национальным традициям. Беларуские традиции поддерживали художники, объединенные с 1991 года в общину «Погоня». Искусствоведы при активном участии Ю. Ходыко собирали экспонаты для Музея древней беларуской культуры. Большой интерес вызвали работы филолога Г. Киселева о литературном наследии Беларуси, историка Н. Ермаловича об истоках беларуской государственности. В декабре 1989 года в Минске прошел учредительный съезд Беларуского краеведческого общества во главе с Г. Кохановским. Появилась историческая проза в литературе (Леонид Дайнеко, Константин Тарасов, Владимир Орлов). В театре имени Янки Купалы режиссер Николай Пинигин поставил запрещенную раньше купаловскую пьесу «Здешние» (1990). Налаживались связи с беларуской эмиграцией.

За духовное возрождение нации активно взялись БНФ, Общество беларуского языка имени Ф. Скорины (созданное в июне 1989 года во главе с Нилом Гилевичем), Национальный научно-просветительский центр имени Ф. Скорины (создан в 1991 году во главе с Адамом Мальдисом), другие объединения и организации. Большой вклад в пробуждение самосознания беларусов внесли газеты «Литература и искусство», «Голос Родины», журнал «Пламя». С апреля 1990 года начала выходить газета демократической оппозиции «Свобода». А всего в том году в БССР издавались свыше 50 неформальных газет и журналов. Но перемены к лучшему в национальном сознании народа происходили очень медленно. В Минске на беларуском языке говорило не более 2% населения (максимум 30 тысяч человек из 1,5 млн).

Нарастание радикализма в БНФ. Хорошим стимулом для усиления беларуского национально-освободительного движения стало крушение коммунистических режимов в Польше, Венгрии, Чехословакии, ГДР, Болгарии, Румынии. Эти страны избавились от назойливой опеки Москвы. Вдохновляло беларусов и то решительное стремление к свободе, которое демонстрировали украинцы и народы стран Балтии. Неразумная политика союзного руководства, пытавшегося силой подавить национальные выступления в Тбилиси и Вильне, только ускорила дистанцирование Грузии и Литвы от России.

Под влиянием демократических изменений у соседей 11-12 мая 1990 года на заседании Сейма БНФ была уточнена программа. С той поры целью БНФ стало стремление к государственной независимости Беларуси, к многопартийности и рыночному хозяйству. Конференция БНФ в Минске (30 июня — 1 июля 1990 г.), а затем 2-й съезд фронта (март 1991 г.) утвердили эти цели программы. Народный фронт, объединявший уже 150 тысяч человек, решительно обособлялся от компартии.

Массовый выход граждан из КПСС и утверждение Декларации о суверенитете БССР повлекли за собой создание новых партий. В 1990 году возникли Национально-демократическая партия Беларуси (НДПБ) патриотического направления и Объединенная демократическая партия Беларуси (АДПБ) либерального направления; в 1991 году — Беларуская социал-демократическая громада (БСДГ, преемница БСГ), Беларуская крестьянская партия (БСП), Беларуская христианско-демократическая слитность. Однако эти новые партии были очень маленькие, максимум — несколько сотен членов.

Примечательно то, что в Беларуси даже во время «парада суверенитетов» ни одно политическое движение не отвергло идею союза народов СССР. Речь шла лишь об освобождении от тирании Москвы и коммунистической партии.

Провозглашение независимой Республики Беларусь

Последняя попытка спасти СССР. Недовольство московским централизмом нарастало по всему Советскому Союзу. В феврале 1991 года М.С. Горбачев еще агитировал в Минске за новый союзный договор, предусматривавший значительное расширение прав республик. В марте во время референдума о судьбе Союза большинство беларусов (82,7%) высказались за его сохранение. Люди не надеялись один на один справиться с последствиями чернобыльской катастрофы. Но и против Союза проголосовали в БССР 17,3% — около миллиона человек.

Хроника обретения независимости. Дальнейшие события происходили весьма быстро:

- -2 апреля. Правительство СССР повысило цены на многие виды товаров.
- 3 апреля. Минские рабочие начали забастовку, многотысячные колонны трудового люда собрались перед Домом правительства на митинг протеста.
- 4 апреля. К забастовке минчан присоединились рабочие Бреста, Бобруйска, Гомеля, Жодино, Орши.
 - 5 апреля. Стачкомы выдвинули политические требования.
- 9 апреля. Президиум Верховного Совета и правительство БССР снизило накал рабочего движения и народного возмущения объявлением ряда экономических уступок.

Митинг протеста в дни августовского путча 1991 года

- 19 августа. Группа представителей высшего партийно-государственного руководства СССР, во главе с Д. Янаевым, заявила, что власть в стране взял на себя Государственный комитет чрезвычайного положения (ГКЧП). СССР оказался на грани гражданской войны; руководство КПБ поддержало путчистов; только оппозиция БНФ в Верховном Совете активно и решительно протестовала.
- 20 августа. В Минске на площади Независимости собрался многотысячный митинг против ГКЧП и КПСС. Премьер Вячеслав Кебич воздержался от исполнения приказов путчистов. Ортодоксальное руководство ЦК КПБ планировало избрать через Верховный Совет президентом Беларуси нового первого секретаря ЦК А. Малофеева, чтобы он ввел чрезвычайное положение в БССР.
- -21 августа. Демократические силы России во главе с Б.Н. Ельциным победили путчистов. В связи с этим беларуские коммунисты, опасаясь народного гнева и репрессий со стороны России, одобрили почти все предложения БНФ.
- 25 августа. Чрезвычайная сессия Верховного Совета БССР придала силу закона Декларации о государственном суверенитете БССР, приостановила деятельность КПБ и КПСС на территории БССР. Спикер беларуского парламента Н. Дементей после разоблачения его связи с путчистами подал в отставку. Но, несмотря на все преступления коммунистов, ставшие известными к этому времени, остались многочисленные символы коммунистического режима в виде памятников партийным деятелям, названий улиц и различных учреждений.
 - 3 сентября. Польша первой признала независимость Беларуси.
- 17 сентября. Новым председателем Верховного Совета БССР был избран С. Шушкевич.

— 19 сентября. Внеочередная сессия Верховного Совета приняла решение о новом названии государства — Республика Беларусь; утвердила бело-красно-белый государственный флаг и герб «Погоня».

Наконец, 8 декабря произошло историческое событие поистине мирового значения. Руководители России (Б.Н. Ельцин), Украины (Л.М. Кравчук) и Беларуси (С.С. Шушкевич) подписали в Беловежской пуще соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ) со штаб-квартирой в Минске. Советский Союз исчез с политической карты мира!

По беловежскому соглашению Беларусь обязалась содержать российские войска на своей территории и согласовывать с Москвой свою внешнюю политику.

20 декабря Верховный Совет Республики Беларусь денонсировал Союзный договор 1922 года. Беларусь обрела реальную возможность строить свою собственную государственность.

Причины стремительных перемен. Руководство КПСС и правительство СССР быстро теряли доверие среди беларусов. Становились известными все новые и новые факты, раскрывавшие подлинные масштабы и последствия чернобыльской катастрофы. Благодаря усилиям активистов БНФ, коммунистическая партия была, наконец, отождествлена со сталинскими репрессиями и послевоенной русификацией. Важную роль играл пример соседних стран Европы, а также Прибалтийских республик, которые более решительно избавлялись от диктата коммунистов и Москвы.

Резкое повышение цен в апреле 1991 года вызвало волну общереспубликанских забастовок. Вопреки обещаниям Горбачева во время февральского визита в Минск, экономическое положение продолжало ухудшаться. Рабочие требовали от интеллигенции выработки планов преодоления экономического кризиса. Тем временем центральный аппарат управления БССР быстро разрушался. КПБ разделилась на ортодоксов и реформаторов.

Н. Дементей, в ответ на выступления рабочих и БНФ, уже в апреле 1991 года требовал ввести чрезвычайное положение во всем СССР, чтобы спасти единство государства. Но другие политики видели спасение Союза в его демократизации. В июне 33 депутата Верховного совета БССР создали фракцию «Коммунисты за демократию» во главе с А.Г. Лукашенко.

После неудавшегося августовского путча влияние БНФ возросло еще больше. Это вынудило депутатов-коммунистов пойти на негласный компромисс с депутатами от БНФ. В результате Беларусь стала независимой. А под давлением беларуской оппозиции и реформаторского московского правительства беларуский парламент согласился и на роспуск Советского Союза. Приостановив деятельность партии, коммунисты спасли себя от морального осуждения и официального преследования.

На чем держалась власть коммунистов? Как это ни парадоксально, их режим имел поддержку среди населения. Народ в своем большинстве верил в то, что живет в самом передовом, самом гуманном обществе, где все делается во имя человека.

Имперскую власть сохраняло не только жестокое всеобъемлющее насилие. За довольно короткий срок она сформировала у своих подданных тоталитарное мировоззрение, соответствующее нуждам правящего режима. Для этого использовались интенсивная идеологическая обработка масс, нагнетание страха, тотальная цензура, изоляционизм. Большинство людей не знало правды о жизни за пределами советского государства. Им вбивали в головы, что на Западе трудовой народ испытывает одни только страдания. Все эти мифы были наиболее популярны в БССР, которая сильнее всех других национальных республик интегрировалась в Советский Союз.

Постикоммунистическое наследие. Независимая Беларусь получила в наследство от прежней БССР колхозно-совхозную систему, которая за все 70 лет советской власти так и не сделала крестьян ни свободными, ни зажиточными. После распада СССР военная продукция, которую производило большинство беларуских промышленных предприятий, стала никому не нужна. А к переходу на «мирные рельсы», к тому же в условиях рынка, они абсолютно не были готовы.

Жителям Беларуси оставались неизвестными многочисленные зарубежные достижения в области гуманитарных наук. Глаза людям заслонял марксизм-ленинизм, безосновательность и утопизм которого сегодня очевидны. Широко пропагандировавшаяся доступность высшего и среднего специального образования на деле оборачивалась русификацией и приобретением знаний, не ценившихся в обществе, не воспринимавшихся всерьёз на международном уровне.

Коммунистический период нашей истории — это время неиспользованных возможностей.

.0.

Послевоенный период в Беларуси примечателен тем, что идея независимого государства исчезла из массового сознания, беларуский язык вышел из массового употребления, а беларуская школа стала чуждой повседневной жизни людей. Большинству жителей страны «беларуская идея» (идея государственной независимости, приоритета национальной культуры и родного языка) казалась чемто очень далеким от них и даже странным. Свой подлинный смысл она сохранила только в узком круге беларуских интеллектуалов. Представители коммунистических властей республики, несмотря на то, что сами являлись этническими беларусами, не шли дальше признания этнографической специфики беларусов как части единого советского народа.

Нация утратила свое естественное духовное наполнение (язык, религию, традиции, образцы культуры, историческую память). После 1930 года она потеряла почти все, что приобрела упорным трудом многих поколений за предыдущие столетия. В результате духовного геноцида коммунистов сформировалась беларуская эрзац-нация, то есть нация без национальной духовности, без национальных традиций, без своего языка. Ее внешней оболочкой являлся факт существования беларуской земли, беларуского этноса и отдельной республики — БССР. И это было то немногое, что спасало беларусов от полной и окончательной денационализации.

Но в 1991 году беларусы обрели независимость. С этого времени для нас начался принципиально новый период истории. Мы — нация древняя и в то же время очень молодая. Мы в самом начале пути...

Глава 6. Русификация беларуского языка в БССР

(Станислав Станкевич, доктор филологии)

1. Введение

огласно советской коммунистической теории, процесс слияния народов Советского Союза, превращение их в так называемую советскую, социалистическую (или, как стали говорить после XXII съезда КПСС, коммунистическую нацию), происходит на базе унификации национальных особенностей народов, населяющих Советский Союз: из этих разнородных национальных особенностей и черт формируются общие для всех черты и особенности как фундамент этой новой нации. Однако на практике процесс ее формирования происходит на базе исключительно русской — на базе российской истории, русской культуры, русского языка и русского патриотизма. Таким образом, имеет место не процесс стирания национальных особенностей народов СССР, в результате чего должна была образоваться новая социалистическая нация, отличная от всех населяющих Советский Союз народов, в том числе и от русского, а процесс всесторонней русификации нерусских народов. Такая национальная политика повлекла за собой в широком масштабе и русификацию всех нерусских языков, включая беларуский.

Развернутая еще в начале 30-х годов кампания против беларуского языка показывает, что его русификация поставлена во главу угла. Наиболее полно русификаторский подход к беларускому языку выражен в изданной в 1931 году под редакцией директора Института философии Белорусской Академии Наук академика С.Я. Вольфсона книге «Наука на службе нацдемовской контрреволюции», причем автором большинства помещенных в книге статей является сам акалемик.

Логическим завершением первой фазы этой кампании стало постановление Совета Народных Комиссаров БССР от 28 августа 1933 года «Об изменениях и упрощении белорусского правописания», но постановление это касается не только правописания, оно затронуло также фонетические и морфологические особенности беларуского языка.

^{*} Эта работа доктора Станкевича была впервые опубликована, на беларуском языке, в 1962 году в «Записках» Беларуского института науки и искусства (БИНИМ) в Мюнхене. В 1994 году ее переиздало отдельной брошюрой минское издательство «Наука и техника». Текст, публикуемый в данной монографии, перевел и отредактировал писатель Валентин Тарас. При этом он значительно сократил число примеров, приведенных автором.

Проводимая в Беларуси языковая политика не была локальным явлением — точно такая же политика проводилась во всех советских республиках. Для ее обоснования использовалась канонизированная в СССР теория академика Н.Я. Марра о возникновении и развитии языков. По теории Марра язык — явление классовое, и на протяжении всей истории происходит революционный процесс скрещивания языков, который ведет к их слиянию в один мировой язык. При этом Марр не признавал происхождения родственных языков, которые образуют семью языков или их группу, из одного корня. Он утверждал, что все языки возникли независимо друг от друга в разных местах земного шара.

Первую фазу большевистской языковой политики в отношении беларуского языка обстоятельно рассмотрел живущий в свободном мире доктор Я. Станкевич, а в отношении украинского — профессор В. Чапленко и профессор Р. Смаль-Стоцкий, причем последний, анализируя процесс русификации украинского языка, вкратце говорит о таких же процессах во всех нерусских языках, бытующих в Советском Союзе, в том числе о русификации беларуского языка*.

Смаль-Стоцкий прослеживает большевистскую языковую политику до 1950 года включительно, до того момента, когда Сталин отбросил языковую теорию Марра как «ненаучную и вульгаризаторскую». Вместо нее он выдвинул свою теорию, согласно которой будущему интернациональному мировому языку станут предшествовать зональные языки. В 1950 году Сталин писал:

«Мы будем иметь дело не с двумя языками... а с сотнями национальных языков, из которых в результате длительного экономического, политического и культурного сотрудничества наций будут выделяться сначала наиболее обогащенные единые зональные языки, а затем зональные языки сольются в один общий международный язык... который... явится новым языком, вобравшим в себя наиболее ценные элементы национальных и зональных языков**.

Согласно Сталину, один из прогнозируемых им зональных языков должен возникнуть в Советском Союзе, разумеется, на основе русского. Советское языкознание в дальнейшем замалчивало вопрос о зональных языках как в научном аспекте, так и в идеологическом, все внимание отдавалось проблеме возникновения единого мирового языка. Советский ученый М.Д. Каммари формулирует свой взгляд на эту проблему так:

^{*} Василь Чапленко. Бильшовіцка мовна політіка. Мюнхен, 1956; Roman Smal-Stocki. The Nationality Problem of the Soviet Union and Russian Communist Imperialism. Milwaukee, 1952.

^{**} И.В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950, с. 111–112.

«Для единения свободных коммунистических наций всё большей с течением времени необходимостью будет выделение из существующих языков одного, который мог бы лечь в основу грядущего единого всемирного языка как средства общения для всего человечества и вобрать в себя богатство всех других национальных языков и культур»*.

Каммари оставляет открытым вопрос, какой конкретно язык должен лечь в основу «грядущего всемирного языка», но логика его рассуждений не позволяет сомневаться в том, что этим языком должен быть русский. Несколькими страницами раньше приведенной цитаты, он пишет, ссылаясь на Ленина:

«Ленин подчеркивал, что великий русский язык будет абсолютно добровольно изучаться всеми народами России, если не навязывать его силой, не ограничивать права других наций и языков. Экономическое, политическое, культурное взаимодействие людей в многонациональном государстве и обществе закономерно подводит к добровольному изучению языка большинства населения, который становится средством межнационального общения наряду с изучением своего родного языка каждой нацией. Практика полностью подтвердила это ленинское предвидение. Для части малых наций, племен и народностей русский язык уже теперь стал не только средством межнационального общения, но и родным языком»**.

Как было сказано в начале, в основе идеологических принципов коммунизма применительно к национальному и языковому вопросу лежит постулат стирания национальных особенностей разных народов и грядущее их слияние в одну коммунистическую нацию, а их языков— в один всемирный язык. Но слияние языков произойдет в последнюю очередь, о чем говорится в новой Программе КПСС:

«С победой коммунизма в СССР наступит еще большее сближение наций, укрепится их экономическое и идейное единение, разовьются общие коммунистические черты их духовного облика. Однако стирание национальных различий, в особенности языковых различия, куда более длительный процесс, чем стирание классовых особенностей».

Из тактических и пропагандистских соображений в Советском Союзе постоянно говорят о полной свободе развития всех национальных культур и языков, об их равноправии. В той же новой программе КПСС сказано, что «в условиях братской дружбы и взаимно-

^{*} Каммари М.Д. Строительство коммунизма и развитие национальных языков. Журнал «Политическое самообразование», 1960, \mathbb{N}_2 4, с. 75.

^{**} Там же, с. 70.

го доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимного обогащения».

Но в действительности русский язык находится в положении избранника, что предоставляет ему полную гегемонию над всеми другими языками народов Советского Союза, а «взаимное обогащение», о котором твердят на каждом шагу, сводится на практике к одностороннему «обогащению» нерусских языков русским, без малейшего обратного влияния. Это исключительное привилегированное положение русского языка обосновывается обычно следующей его ролью:

- 1. Русский язык «по своему богатству, по грандиозному значению тех ценностей, которые созданы на этом языке, занимает одно из первых мест среди ведущих языков мира и не может не оказывать влияния на другие языки нашего Союза».
- 2. Русский язык занимает особое место среди других языков Советского Союза. Будучи языком великого русского народа, который оказывает невиданное в истории прогрессивное воздействие своей культурой на культуру других народов нашей страны, который вывел их на путь социализма, сплотил в единую, прочную многонациональную семью, этот язык не может не оказывать благотворного воздействия на национальные языки.
- 3. Как сказано в новой Программе КПСС, «процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет позитивное значение, потому что это способствует взаимному обмену знанием и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал инструментом межнационального общения и сотрудничества советских народов»*.
- 4. Ныне русский язык «стал вторым родным языком народов, населяющих территорию Советского Союза, и как таковой, животворит и обогащает собою их национальные языки. По данным переписи населения 1959 года, свыше 10 миллионов граждан нерусского происхождения назвали своим родным языком русский», сообщает уже цитированный выше М.Д. Каммари.

.0.

Задачей этой моей работы является рассмотрение нынешнего языкового процесса в БССР как итога большевистской языковой политики предшествующих лет. Рассматривается также движение сопротивления русификации беларуского языка, начавшееся в годы послесталинской «оттепели», на волне XX съезда партии, и про-

^{*} Формулировка пунктов 1-3 дана по работам беларуского советского языковеда Н. Круковского, опубликованным в 1958 году.

должающееся с переменным успехом поныне, то усиливаясь, то ослабевая.

Так же, как это было в 1930-е годы, когда кампания языковой русификации началась почти одновременно во всех советских республиках, нынешняя фаза русификации одновременна и одинакова повсюду и вызывает примерно одинаковую реакцию со стороны отдельных народов. Хотя, если говорить о славянских нерусских языках Советского Союза — о беларуском и украинском, родственных один другому, то нельзя не заметить, что русификационные процессы в беларуском и украинском языке идентичны даже в деталях.

Несколько иначе обстоит дело с неславянскими языками — тюркскими, народов Кавказа, а также с языками балтийских народов, которые только в 1940 году оказались в составе СССР. Процесс русификации во всех этих языках, несомненно, имеет некоторые отличия от процесса, происходящего в беларуском и украинском. Но принципы и метода русификации везде одни и те же. Поэтому обрисованное ниже положение беларуского языка в БССР в полной мере иллюстрирует и положение всех нерусских языков Советского Союза.

Реализация большевистской языковой политики в БССР, равно как и в других национальных республиках, проводится по двум направлениям одновременно. Оба эти направления одно другое дополняют и постепенно, но последовательно ведут, во-первых, к сужению сферы пользования беларуским разговорным языком в быту и на производстве, вообще в публичной жизни, к замене его русским разговорным языком в качестве «второго родного языка» беларуского народа; во-вторых, к всесторонней русификации беларуского литературного языка, к уподоблению его русскому. Оба эти процесса мы рассмотрим отдельно.

2. Сужение сферы использования беларуского языка

Официальный статус русского языка как «второго родного языка» нерусских народов Советского Союза привел не просто к двуязычию, но двуязычию перекошенному, к несоразмерному преимуществу русского языка над беларуским в публичной жизни БССР.

Наиболее очевидна гегемония русского языка в области школьного образования. Вопреки официальным утверждениям что в 1955—56 годах 95% школ Беларуси вели преподавание всех дисциплин на беларуском языке и только 5% на русском*, доминировал в школах русский язык. Формально эти 95% школ назывались беларускими, но именно формально, так как преподавание практически всех пред-

^{*} Культурное строительство СССР. М., 1956, с. 186-187.

метов, за исключением беларуского языка и беларуской литературы, велось, как правило, на русском языке почти во всех этих школах.

Приведем наиболее характерные высказывания самих советских учителей и студентов учебных заведений БССР на сей счет. О дискриминации и прямом игнорировании беларуского языка в школах первым с тревогой заговорил в конце 1957 года студент отделения журналистики филфака Беларуского государственного университета, молодой писатель Борис Саченко. В статье «Шанаваць родную мову» («Уважать родной язык»)*, Саченко в подтверждение своих доводов о деградации беларуского языка привел ряд красноречивых фактов. В частности, привел разговор, который состоялся у него с молодой учительницей. Вот что она ему рассказала:

«Я из деревни под Могилёвом, училась в беларуской школе, до поступления в университет разговаривала на беларуском хорошо, кажется, знала его. А в университете все забыла. Ничего удивительного! За пять лет не слышала на лекциях ни одного беларуского слова».

Далее Борис Саченко пишет:

«Куда бы ты не поступал — в техникум или институт — беларуский язык и литературу сдавать на вступительных экзаменах не нужно. Зайди в любую организацию, в любое учреждение— все делопроизводство ведется на русском языке. Все вывески на зданиях, все товарные этикетки— на русском!».

Чтобы придать своим высказываниям политическую весомость и, очевидно, чтобы перестраховаться от обвинений в «национальной ограниченности», Саченко цитирует слова Ленина:

«Члены РКП на территории Украины должны на деле обеспечивать право трудящихся масс учиться на родном языке и разговаривать на нем во всех советских учреждениях, должны всячески противостоять русификаторским попыткам оттеснить украинский язык на второй план, должны способствовать превращению украинского языка в средство коммунистического просвещения народных масс». «Это ленинское положение, — говорит Саченко в заключение своей статьи, — полностью относится и к нашему беларускому языку».

Статья Саченко вызвала живой отклик в среде беларуской советской интеллигенции и явилась началом широкой компании за возвращение беларускому языку его законного места в области школьного образования и вообще в публичной жизни.

В редакцию газеты «Літаратура і Мастацтва» («Литература и искусство», сокращенно — «ЛіМ») отовсюду посыпались письма от учителей, студентов, писателей, которые горячо поддерживали позицию Б. Саченко. Писем было так много, что газета открыла на

^{*} Газета «Літаратура і Мастацтва», № 99 от 14.12.1957.

своих страницах специальную рубрику, названную аналогично статье — «Шанаваць родную мову». Выдержки из некоторых писем уместно здесь привести. Так, студент 5-го курса филологического факультета БГУ В. Чемерецкий пишет:

«Добрых 90 процентов учебников и произведений художественной литературы, которые студент должен прочесть за пять лет учебы, изданы на русском языке... На иных лекциях испытываешь чувство стыда за преподавателей, столько в их речи небеларуских выражений, небеларуских слов. Какой-то русско-беларус-

Писатель Борис Саченко (1936—1995)

кий диалект! Наши выпускники говорят правду, сетуя, что университет им ничего не дал в плане практического владения беларуским языком, напротив, они больше забыли, чем приобрели. А ведь точно так же обстоит дело с беларуским языком и в других вузах республики»*.

Автор письма, продолжая мысль Саченко, делает следующий вывод:

«Только тогда, когда мы услышим живую беларускую речь из уст преподавателя, из уст продавца магазина, секретарши, инженера, директора завода, министра, когда все деловые бумаги, научные диссертации, протоколы судебных заседаний мы увидим написанными по-беларуски— только тогда беларуский язык займет надлежащее место в нашей жизни».

А вот что пишет учитель Валейковскай школы Сморгонского района:

«Б. Саченко справедливо отмечает, что в наших высших учебных заведениях трудно услышать родное слово. Даже в университете, о котором обычно говорится, что он— кузница национальных кадров. Я в прошлом году окончил беларуское отделение филфака БГУ, но лекции на родном языке читались только по курсу изучения беларуского языка и литературы. Как бы я порадовался за тех, кто учится сегодня, если бы и все остальные дисциплины стали преподаваться на родном языке!»**.

Не менее красноречивы замечания студента Минского архитектурно-строительного техникума В. Голуба, в которых содержатся ценные фактические данные:

^{* «}ЛіМ», № 3 от 8.01.1958.

^{**} Там же

«Наш родной язык— беларуский. Но как это ни странно, он занимает совсем незначительное место в культурной жизни. В Минске работают ныне 58 средних школ, из них лишь 9 — беларуские. Да если бы в одном Минске было такое положение! То же самое наблюдается в Гомеле, Бресте, Могилеве и других городах»*.

Упомянув конкретные примеры дискриминации беларуского языка в системе школьного образования, Голуб приводит факты такой же дискриминации и в других областях культуры:

«Не к лицу студии «Беларусьфильм» выпускать картины, в которых нет беларуской речи, стыдно за Академию Наук, что такие книги, как «История БССР», «История Минска», «Белорусское искусство» лишь незначительной частью тиража изданы на беларуском языке, а некоторые издания вышли только на русском»**.

Вторит авторам этих писем и преподаватель беларуского языка Майской школы-семилетки Крупского района К. Санько:

«В нашем районе насчитывается 79 школ с беларуским языком обучения, в них работает большая армия учителей с высшим и средним образованием, подавляющее большинство ведут уроки по-русски, за исключением уроков беларуского языка. Я целиком согласен с Б. Саченко, что-беларуский язык должен войти в повседневный быт всех слоев населения»***...

Газета «Літаратура і Мастацтва» далее приводит такой характерный пример:

«Учитель В. Василец /Погостская средняя школа Старобинского района/ пишет, что в школьной библиотеке из программных произведений беларуской литературы имеется только один экземпляр книги К. Чорного, две книги К. Крапивы и три экземпляра трилогии Я. Колоса «На ростанях», причем в русском переводе. Такое положение не только в библиотеке Погостской школы, но и во многих других школьных библиотеках».

...Все эти публикации «ЛіМа» не могли не вызвать определенный отклик «верхов». В номере от 26 февраля 1958 года газета опубликовала следующую информацию:

«Недавно министр просвещения БССР тов. Ильюшин обратился в нашу редакцию с письмом, в котором пишет, что «изучению родного языка в школах и педагогических учебных заведениях уделяется огромное внимание. Для начальной и средней школы, средних и высших учебных заведений педагогического профиля Министерством просвещения БССР разработаны соответствующие програм-

^{* «}ЛіМ», № 3 от 8.01.1958.

^{**} Там же.

^{*** «}ЛіМ», № 17 от 26.02.1958.

мы, изданы учебники по беларускому языку и литературе, методические пособия, сборники упражнений. Школьные учебники по остальным дисциплинам также изданы на беларуском языке в достаточном количестве. Школьные библиотеки укомплектованы в основном программными произведениями беларуской литературы.

Министерство провело в 1957—58 учебном году ряд мероприятий, направленных на улучшение преподавания беларуского и русского языка, на ликвидацию недостатков, которые имеются в этом деле. Учителям беларуских школ предъявлено строгое требование вести преподавание всех предметов, кроме преподавания русского языка, на беларуском языке. Руководящим работникам народного образования предложено при комплектовании беларуских школ преподавателями учитывать знание ими беларуского языка... В педагогических институтах преподавателям, которые преподают на русском языке, дано определенное время для подготовки к преподаванию на беларуском».

Ясно, что письмо министра просвещения в редакцию газеты — попытка успокоить общественное мнение, встревоженное тяжелым положением родного языка. Однако эта попытка не остановила поток писем о действительном, не на бумаге, положении дел. Не успокоила она и редакцию, которая, публикуя письмо министра, поместила на той же странице свое замечание:

«Министерство просвещения БССР, бесспорно, сделало и делает многое, чтобы изжить некоторые ненормальные явления в области школьного образования, но ответ т. Ильюшина не отражает в полной мере действительное положение в деле преподавания беларуского языка и литературы в школах и педагогических вузах республики».

Игнорируя требование учителей, представителей творческой интеллигенции, да и значительной части простых людей обеспечить в школах республики преподавание всех предметов на родном языке, игнорируя даже приведенное выше письмо министра просвещения, партийное руководство БССР не только проводило прежнюю языковую политику, но и еще более русификаторскую, в соответствии с политикой, навязанной всем национальным республикам Советского Союза.

В конце 1958 года на сессии Верховного Совета СССР был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшим развитии народного просвещения в СССР». Вслед за общесоюзным законом точно такие же законы были приняты в союзных республиках. В БССР — уже в начале 1959 года. В статье 11 параграфа II этого закона сказано:

«Учеба во всех школах Белорусской ССР осуществляется на родном языке учащихся. Родители имеют право решать, в школу с каким языком обучения отдавать своих детей». И далее: «Обучение русскому языку в школах, преподавание в которых ведется на белорусском языке, а также изучение белорусского языка в школах с русским языком преподавания, или другим языком, осуществляется по желанию учащихся и их родителей».

До принятия этого закона в русских школах, которые работают в союзных республиках, изучение в качестве отдельного предмета национального языка той или иной республики как ее второго государственного языка было обязательным. В свою очередь, в национальных школах каждой союзной республики обязательным предметом был русский язык. После вступления в силу вышеназванного закона ответ на вопрос — изучать или не изучать национальный язык в русской школе — зависит от желания учащихся и их родителей. Равно как и наоборот: учащиеся национальных школ и их родители сами решают, изучать русский язык или нет.

Казалось бы, все справедливо, ни один язык не дискриминируется. Если только не учитывать того факта, что родители учеников в Советском Союзе полностью зависят от партийных и советских органов, которые под диктатом центрального партийного руководства проводят политику вытеснения беларуского языка из всех сфер жизни. Поэтому в конечном счете именно от партийных и советских начальников зависит судьба беларуского языка во всех школах республики, не только в русских.

Что касается русских школ, то беларуский в них, утратив статус обязательного предмета, вряд ли будет изучаться хотя бы факультативно. Но и в беларуских — по названию — школах положение родного языка не изменилось к лучшему и после публикации письма министра просвещения. Красноречивый пример того, что происходит в так называемых беларуских школах, содержится в статье беларуского языковеда Я. Рапановича «Оберегать культуру языка»:

«По сей день во многих школах республики /автор имеет в виду формально беларуские школы — С.С./ беларуский язык преподается по-беларуски. Остальные дисциплины преподаются как попало, то на русском, то на «русско-беларуском» языке. Нетрудно представить, какая при таких порядках возникает мешанина. Ученики готовят домашние задания по беларуским учебникам и отвечают на уроках по-беларуски. Учитель объясняет задание и задает вопросы порусски, а школьники, отвечая, зачастую пользуются местным диалектом. Положение усугубляется еще и тем, что даже учебникам недостает культуры языка»*.

^{* «}ЛіМ», № 103 от 29.12.1961.

Приведенные выше факты и примеры достаточно полно иллюстрируют подлинное положение беларуского языка в системе школьного образования и опровергают официальные декларации «о свободном развитии и равноправии» всех языков народов Советского Союза. А процитированные нами высказывания учителей и студентов, других представителей интеллигенции показывают, что политика дискриминации беларуского языка в угоду русскому проводится вопреки воле и желанию беларуского населения.

Издание книг в БССР за период 1954-1960 гг.

Годы	Количество изданных книг	Тираж (тыс.)	Печатные листы (тыс.)	Оригиналь- ные	Переводные
1954 На бел. языке На рус. языке	733 428 305	15.914 10.511 5.403	153.370 98.831 54.539	481 193 288	252 235 17
1955 На бел. языке На рус. языке	670 260 410	12.952 7.198 5.754	133.403 76.080 57.323	524 131 393	146 129 17
1956 На бел. языке На рус. языке	742 281 461	13.736 7.063 6.673	160.358 68.237 92.121	591 163 428	151 118 33
1957 На бел. языке На рус. языке	928 393 535	16.300 9.097 7.203	165.705 84.580 81.125	791 280 511	137 113 24
1958 На бел. языке На рус. языке	1.191 478 713	14.512 8.836 5.676	160.492 83.106 77.386	1.043 352 691	148 126 22
1959 На бел. языке На рус. языке	1.317 571 746	17.101 9.499 7.602	175.628 84.249 91.379	1.127 421 706	190 150 40
1960 На бел. языке На рус. языке	1.602 425 1.177	14.231 7.134 7.097	147.454 61.534 85.920	1.487 326 1.161	115 99 16

Другой, помимо школы, областью, где превалирует русский язык, что никак не соответствует численности русского населения БССР, является издательское дело. Чтобы получить достоверное представление о том, что происходит в этой области, обратимся к статистике издания книг на беларуском и русском языке за период с 1954 года по 1960 включительно (по материалам ежегодников Всесоюзной Книжной Палаты «Печать СССР» за 1954—1960 гг.).

Эта статистика говорит сама за себя и пояснений не требует. Можно только отметить, что при гораздо большем число названий

книг, изданных на русском языке, их общий тираж значительно меньше общего тиража книг, изданных на беларуском. Что до газет, то их на беларуском языке, по числу названий, выходит почти в четыре раза больше, чем на русском. Но при этом общий тираж газет, выходящих на русском языке, мало уступает общему тиражу газет на беларуском /в отдельные годы тираж тех и других был примерно одинаковый/.

Издание газет в БССР за период 1954-1960 гг.

Годы	Количество	Разовый тираж (тыс.)	Годовой тираж (млн.)	
1954	216	1.299	228.924	
На бел. языке	176	761	130.229	
На рус. языке	40	538	98.695	
1955	218	1.314	233.203	
На бел. языке	177	814	140.624	
На рус. языке	41	500	92.579	
1956	215	1.354	236.4	
На бел. языке	172	776	128.8	
На рус. языке	43	578	107.6	
1957	234	1.530	268.7	
На бел. языке	191	884	145.0	
На рус. языке	43	646	123.7	
1958	207	1.626	279.9	
На бел. языке	164	872	140.6	
На рус. языке	43	754	139.3	
1959	213	1.770	291.0	
На бел. языке	167	950	143.7	
На рус. языке	46	820	147.3	
1960	199	2.188	324	
На бел. языке	154	1.134	150	
На рус. языке	45	1.054	174	

Что касается журналов, то здесь наблюдается противоположное: в течение последних шести лет журналов, издающихся на беларуском языке, было сначала вдвое, а позже стало втрое меньше, чем журналов на русском. А вот общий тираж беларуских журналов оказался вдвое выше тиража русскоязычных. Картина, однако, быстро меняется к худшему, Об ускорении темпов русификации можно судить по тому факту, что еще сравнительно недавно, в 30-е годы, 85% книг в БССР издавались на беларуском языке и всего лишь 5% на русском.

Число изданий, выходящих на языке титульной нации, во всех советских республиках несоизмеримо мало в сравнении с числом изданий, выходящих на русском языке. Тем не менее, во всех других

республиках (исключая Казахскую ССР, в которой из-за наплыва чужеродного национального элемента, прибывающего в Казахстан на освоение целинных земель, число изданий на казахском языке стремительно уменьшается, а число изданий на русском столь же быстро увеличивается) положение национальных языков не столь тяжелое, как в БССР.

Почему это так, объяснить не трудно. Языкам прибалтийских народов — литовскому, латышскому, эстонскому, легче противостоять далекому от них русскому языку, чем языкам, ему родственным. Огромное значение имеет и тот факт, что прибалтийские народы в период между двумя мировыми войнами имели

Издание журналов в БССР за 1955–1960 гг.

/включая прочую периодику — сборники, бюллетени и т.д./

Годы	Количество	Годовой тираж (тыс.)	
1955	39	4.432	
На бел. языке	14	3.047	
На рус. языке	25	1.385	
1956	43	4.898	
На бел. языке	16	3.179	
На рус. языке	27	1.719	
1957	54	5.140	
На бел. языке	19	3.580	
На рус. языке	35	1.560	
1958	88	6.709	
На бел. языке	24	4.858	
На рус. языке	64	1.851	
1959	90	7.942	
На бел. языке	24	5.807	
На рус. языке	66	2.135	
1960	92	10.393	
На бел. языке	24	7.192	
На рус. языке	68	3.201	

свои независимые государства и в составе Советского Союза оказались лишь в 1940 году, поэтому русификация еще не затронула их в полной мере.

В сравнительно лучшем положении, нежели беларуский, находятся грузинский и армянский языки, тоже неславянские, весьма далекие от русского, равно как и другие языки народов Кавказа, что создает для их русификации значительные трудности. По той же причине— удаленность от русского—остается довольно широкой сфера использования тюркских языков в среднеазиатских советских республиках.

Даже украинский язык в сравнении с беларуским сохраняет более прочные позиции и в быту, и на страницах печати. Это объясняется двумя причинами: а) громадной численностью украинского народа и, вследствие этого, большим удельным весом Украины в Союзе ССР, б) специфическим положением Закарпатской Украины, которая никогда не входила в состав Российской империи, до 1939 года население Закарпатья абсолютно не знало русского языка. Да и население всей остальной территории Западной Украины, воссоединенной в 1939 году с Восточной, испокон века русским языком не пользовалось.

Приведенные выше соотношения книжных и газетных изданий на беларуском и русском языках касаются только БССР, поэтому не дают полной картины положения дел. Надо помнить, что БССР, как и другие национальные республики, наводнена огромным количеством центральных, то есть общесоюзных изданий на русском языке — книгами, журналами, газетами, которые издаются в Москве и распространяются по всей территории Советского Союза. В результате процент книг и периодики, издаваемых в БССР на беларуском языке, ничтожно мал в сравнении с морем книг и периодики центральных издательств. И это в республике, в которой, по данным переписи населения, проведенной 15 января 1959 года, беларусы составляют 81,1 % граждан.

Чаще всего на русском языке издается в БССР политическая, техническая и научная литература. Лишь беларуская художественная литература и массовые пропагандистские брошюры выходят пре-имущественно на беларуском. Необходимо, однако, подчеркнуть, что оригинальная литература — произведения беларуских проза-иков и поэтов, а также литературные журналы — издается таким мизерным тиражом, который никак не может удовлетворить читательский спрос на эту литературу. Редактор Паричской районной газеты «Ленінская перамога» («Ленинская победа») С. Прач писал в 1958 году:

«На полках книжного магазина в Паричах стоит множество книг— политическая, научно-популярная литература, произведения русских и западноевропейских классиков, современных писателей. Но необходимую тебе книгу не всегда купишь. Совсем мало в магазине книг беларуских авторов. Причина, очевидно, в том, что в последнее время произведения беларуских писателей издаются ограниченными тиражами. Трехтысячный — пятитысячный, и даже восьмитысячный тираж недостаточен для удовлетворения спроса читателей. До районных центров доходит незначительное количество беларуских книг, а в сельских магазинах и ларьках их вообще не бывает... Довольно часто можно столкнуться с пренебрежительным отношением к распространению беларуской книги»*.

«Пренебрежительное отношение к распространению беларуской книги» — повсеместное в БССР явление. Писатель Иван Шамякин, выступая на 4-м съезде беларуских писателей в феврале 1959 года, заметил: «Нам, писателям, часто жалуются, что книг не хватает. Особенно много жалоб со стороны учащихся старших классов и преподавателей беларуской литературы». Важно отметить и такой факт: на открытом партийном собрании коммунистов Союза писателей БССР, состоявшемся 17 ноября 1961 года и посвященном работе

^{* «}ЛіМ», № 11 от 5.02.1958.

XXII съезда КПСС, меньше всего говорилось о съезде. Главным стал разговор о порочной практике распространения беларуских книг, все о том же «пренебрежительном отношении» к этому делу. Газета «Літаратура і Мастацтва» в своем отчете о собрании писала:

«Говоря о распространении беларуской литературы, о тиражах беларуских книг и журналов, Р. Соболенко привел такие цифры: по состоянию на 15 ноября на журнал «Полымя» («Пламя») подписались 3128 человек. А между тем в нашей республике около 20 тысяч библиотек, около 12 тысяч школ, сотни домов культуры и клубов. Журнал очень и очень редко до них доходит. Оратор критиковал порочный подход Белгосиздата к определению тиражей книг...

Как и Р. Соболенко, на вопросах распространения беларуской книги остановился П. Панченко... К сожалению, у читателя порой просто нет возможности познакомиться с беларуской книгой. П. Панченко привел возмутительный факт: руководство Могилевского парка культуры и отдыха, располагая значительными денежными средствами на подписку на газеты и журналы, не выписывает ни одного беларуского издания»*.

Старший инспектор правления «Союзпечати» М. Полуничев в статье «Журнал просится в библиотеку», приведя ряд фактов бойкотирования беларуских книг некоторыми библиотеками Могилева, ставит вопрос:

«Известны ли эти факты Министерству культуры БССР и Беларускому республиканскому совету профсоюзов?» и сам же отвечает: «Да, известны»... Однако никаких мер до сих пор не принято... Не выписывают беларуских литературно-художественных периодических изданий библиотеки средних и восьмилетних школ. — Пусть их выписывают преподаватели за наличный расчет, — сказал заместитель Министра просвещения БССР С. Умрейко. — У нас денег нет»**.

Приведенные факты убедительно доказывают, что в беларуской республике беларуский язык задвинут русским на задний план. *Мова* допускается выборочно: в области художественной литературы, за что следует благодарить прежде всего беларуских писателей, в прессе и в массовых пропагандистских брошюрах, в широком распространении которых заинтересовано из политических соображений партийное руководство. Во всех остальных областях общественной жизни господствует русский язык, почти вытеснивший *мову* даже из школы.

^{* «}ЛіМ», № 92 от 21.11.1961.

^{** «}ЛіМ», № 93 от 24.11.1958.

Русский язык, как общий для всех советских республик государ-ственный, как язык «классиков марксизма-ленинизма», «передовой социалистической нации» и «великого русского народа», как «средство межнационального общения», как «второй родной язык» всех народов Советского Союза (что провозглашено официально) стал, фактически, главенствующим языком в общественной, политической, хозяйственной и даже в культурной жизни БССР. Беларускому же языку, отодвинутому на задворки, отведена подсобная, вспомогательная роль, исполнение пропагандистских функций.

3. Советский беларуский литературный язык

В начале 30-х годов, в разгар антибеларуской кампании в области языка, национальную интеллигенцию обвиняли, как ни странно, в том, что она отстаивала чистоту родного языка, сопротивлялась его русификации. Упомянутый нами в первой главе академик Вольфсон писал в 1931 году:

«Одной из главных задач, которые поставили перед собой нацдемовские пуристы, была задача вытравить из белорусского языка всякие элементы русского. Они изгоняли сотни общепринятых, органически вросших в белорусский язык, русских слов. Они выкорчевывали все то, что в их глазах представлялось им «русицизмами»*.

Такое же обвинение содержалось в преамбуле правительственного декрета «Об изменениях и упрощении белорусского правописания» от 28 августа 1933 года:

«Национал-демократизм стремился всеми мерами и способами оторвать белорусский литературный язык от языка широких трудящихся масс, создал искусственный барьер между белорусским и русским языками и засорял белорусский язык средневековыми архаизмами и буржуазными вульгаризмами».

Таким образом, как реформа беларуского языка в 1933 году, так и вся дальнейшая большевистская языковая политика были нацелены на уничтожение «искусственного барьера» путем механического сближения беларуского языка с русским. Реформа 1933 года ввела в беларуский язык около 30-и фонетических и морфологических особенностей, живьем взятых из русского языка, чуждых беларускому и прежде в нем не употребляемых. Но вопрос о пополнении беларуского языка русским словарным материалом тогда еще не ставился. Русский словарный материал, вместе с внедрением все новых и новых морфологических, синтаксических и даже фразеологических норм русского языка, вводился в беларуский язык постепенно,

^{*} Навука на службе нацдэмаўскай контррэвалюцыі. Том 1. Менск, 1931, с. 125.

исподволь и уже не путем декретов, а в порядке горячо рекомендуемых «добровольных заимствований».

В предисловии к «Русско-белорусскому словарю», изданному Институтом языкознания Академии Наук БССР в 1933 году, «авторитетно» утверждалось, что «только после Великой Октябрьской революции... белорусский язык, как и вся культура белорусского народа, достиг за годы советской власти высокого развития... выработал свои литературные нормы, значительно пополнил лексический запас за счет лексики родного ему русского языка». Далее в предисловии говорилось, что «белорусский народ, противостоявший белорусским буржуазным националистам, верный дружбе народов, защищал чистоту своего языка, пополняя его из неисчерпаемых источников русского языка».

Ниже мы покажем на конкретных примерах, почерпнутых из текстов беларуской советской прессы, как происходит это «пополнение» беларуского языка «неисчерпаемыми источниками» русского в области и морфологии, и синтаксиса, и фразеологии, и лексики.

С этой целью нами проштудирован целый ряд текстов двух категорий: 1-я — политические, научные и публицистические тексты, опубликованные на страницах республиканских изданий, язык которых официально считается общепринятым нормативным беларуским литературным языком. 2-я— беларуская художественная проза, которая, как увидит читатель, достаточно упорно противостоит русификации и являет куда больше чистоту языка в сравнении с языком текстов 1-й категории.

Перечислим обе категории беларуских текстов, исследованных нами.

1) «История БССР», том 2, 1958 — 626 стр.; «Формирование и развитие белорусской социалистической нации», АН БССР, 1958 — 268 стр.; журнал «Коммунист Белоруссии», № 10, 1959 — 80 стр.; газета «Звезда» за 15.05.1961, 15.06.61, 15.07.61, 18.08.61, 19.09.61, равнозначно 320 страницам книжного формата; газета «Литература и искусство» (ЛіМ) за 16.05.1961, 16.06.61, 21.07.61, 18.08.61, 19.09.61, равнозначно 320 страниц книжного формата. В совокупности 1514 страниц.

2) И. Шамякин, «Криницы», 1957 — 364 стр.; М. Лыньков, «Векопомные дни», 1958, 4 тома — 1722 стр.; А. Кулаковский, «Расстаемся ненадолго», 1955 — 392 стр.; А. Кулаковский, «Дома», журнал «Полымя», 1959, № 6 и 7 — 77 стр.; П. Бровка, «Когда сливаются реки», 1957 — 444 стр.; П. Глебка, «Свет с Востока», журнал «Полымя», 1957, № 11 — 88 стр.; В. Карпов. «За годом год», 1957 — 614 стр.; В. Карпов. «Весенние ливни», журнал «Полымя», 1959, №№ 2, 3, 4; 1960, №№ 7, 8, 9 — 283 стр.; М. Последович, «С тобою рядом», журнал «Полымя» 1956, № 3, 1958, № 11, 1959, № 12 — 175 стр.; К. Крапива, «Люди

и дьяволы», журнал «Полымя», 1958, № 4 — 50 стр.; И. Мележ, «Дни нашего рождения», журнал «Полымя», 1958, № 12 — 41 стр.; А. Белевич «Добрые люди», 1957 — 179 стр.; Т. Хадкевич, «Даль полевая», 1959 — 494 стр. В совокупности — 4723 страницы.

Тексты 1-й категории цитируются в этой статье в переложении на дореформенное беларуское правописание. Примеры из текстов 2-й категории, иллюстрирующие русификацию, приводятся в подлинном виде.

Русицизмы в области морфологии

Еще реформа 1933 года ввела в беларуский язык несколько чуждых ему морфологических особенностей русского, отбросив беларуские. Например, для большинства имен существительных мужского рода в родительном падеже единственного числа реформаторы ввели окончание — «а» /завода, інстытута, сацыялізма/ вместо исконно беларуского окончания — «у» /заводу, інстытуту, сацыялізму/. Беларуские окончания имен существительных мужского и среднего рода в дательном и местном падеже множественного числа — «ом», «ох» заменили русскими окончаниями— «ам», «ах»... Та же реформа навязала беларускому языку ряд морфологических особенностей русского в области числительных и глаголов.

Нельзя не обратить внимания на элементы русского правописания в склонении имен существительных, проникшие в беларуский язык хотя и независимо от реформы, но не менее русификаторские. В частности, таким элементом является окончание «ей» в родительном падеже единственного числа вместо беларуского окончания «яў». В рассмотренных нами печатных текстах читаем: «непрыемнасцей», «магчымасцей», «выпадковасцей» (неприятностей, возможностей, случайностей*) вместо беларуской формы — «непрыемнасцяў», «магчымасцяў». Однако формы с окончанием «ей» /»эй»/ являются в беларуском языке нормой лишь в отдельных редких случаях, например, в словах «касцей», «мышэй».

Любопытно, что окончание «ей» вместо «яў» изобилует в текстах 1-й категории /политическая, научная, техническая литература/, а в текстах 2-й категории /художественная литература/ оно встречается значительно реже и зачастую параллельно с окончанием «яў», причем при написании на одной и той же странице одного и того же слова.

Подчеркнем еще одно русификаторское новшество в области имен существительных, которое в последнее время встречается все чаще. Это чуждые беларускому языку суффиксы имен существи-

 $[\]ast$ C учетом того, что сугубо беларуские слова непонятны русскому читателю, здесь и далее в скобках приводится их русский адекват. — *Прим. Пер.*

тельных «цель» /от русского «тель»/. Хотя в данном случае мы имеем дело не с морфологией, а с этимологией, русификаторская суть «новшества» от этого не меняется: «Амелян Кучын у марах бачыў ужо сябе (в мечтах уже видел себя) вызваліцелем родных мясцін»; «Ён з'яуляецца самым лепшым выхавацелем» (воспитателем); «Камуністычная партыя была натхніцелем (вдохновителем) і арганізатарам усенароднай барацьбы»; «Польскія правіцелі... праводзілі каланяльную палітыку». Опять же, в текстах 1-й категории слова с суфиксом «цель» встречаются то и дело, а в текстах 2-й категории их почти нет.

Весьма распространенным русицизмом в области прилагательных является образование превосходной степени прилагательных с помощью местоимения «самый» параллельно с беларуской приставкой «най». Например: «Мой калгас самы багаты»; «у атрадзе ён лічыўся (считался) лепшым знаўцам (знатоком) самых глухіх і самых кароткіх сцежак» (тропинок); «Камуністычны лад стварыў самыя спрыяльныя умовы (благоприятные условия) для росквіту талентаў (расцвета талантов) беларускага народа».

Подчеркнем, что в беларуском языке превосходная степень прилагательных может быть образована с помощью приставки «най» /найвышэйшы, найбольшы/ при взаимодействии ее с наречием «сама», но никак не с помощью местоимения «самы». По-беларуски скажем и напишем: «Мой калгас сама багаты», «у атрадзе ён лічыўся найлепшым знаўцам сама глухіх і сама кароткіх сцежак» (наречие «сама» означает «очень» или «совсем»).

Широко распространились в беларуском языке узаконенные реформой 1933 года деепричастия настоящего времени страдательного залога, каковых в нашем языке сроду не было. Сие «новшество» встречаем сплошь и рядом как в текстах 1-й категории, так и в текстах 2-й: «Грунтоўны (обстоятельный) аналіз праводзімых мерапрыемстваў»; «аналіз перажываемага моманту»; «у цемры пачуўся трэск распорваемага мяжка»; «Польшча, падштурхоўваемая (подталкиваемая) міжнародным імперыялізмам, напала на Савецкую Расію».

Но беларуский язык передает приведенные выше значения деепричастиями прошедшего времени страдательного залога: не «праводзімых» (проводящихся), а «праводжаных» (проведенных); не «перажываемага», а «перажыванага» (переживавшегося), не «распорваемага», а «распорванага» (распоротого), не «падштурхоўвамая», а «падштурхоўваная» (подтолкнутая).

В беларуском языке не существует также возвратной формы деепричастий, которая в русском является нормой и широко употребляется. Однако в последнее время эта форма настойчиво внедряется в наш язык вопреки его природе: «Народныя масы, змучаныя

вайной і усе узмацняючымся прыгнечаньнем» (усиливающимся угнетением); «Гэты плённы» (плодотворный) працэс быў перарван у сувязі з пачаўшаўся аккупацыяй заходніх раёнаў Беларусі»; «адбыўшыеся канферэнцыі былі бурныя»; «Сярод вызначыўшыхся (отличившихся) ў барацьбе з ворагам было нямала сыноў беларускага народа».

Не существующие в беларуском языке возвратные деепричастия заменяются в нем описательными формами при посредстве дополнительных определительных предложений с местоимениями «што» или «які», «якія» (который, которые). Так, вместо уродливой для беларуского языка фразы «сярод вызначыўшыхся ў барацьбе з ворагам, напишем: «сярод тых, што вызначаліся /или «якія вызначаліся»/было нямала сыноў беларускага народу» и т.д.

Характерно, что если в текстах первой категории /а нами просмотрено 1514 страниц таких текстов/ возвратная форма деепричастий встречается довольно часто, то на 4723 страницах текстов второй категории их нет совсем. Это свидетельствует о том, что лишь теперь начинают проталкивать в беларуский язык эту чуждую ему форму, встречая пассивное сопротивление беларуских писателей. И это при том, что даже реформа 1933 года не навязала нашему языку возвратные деепричастия.

В учебной литературе на сей счет наблюдается разнобой. Так, в учебнике беларуского языка для педагогических училищ и институтов, изданном в 1955 году (авторы П. Гурский, М. Булахов и М. Ларченко), на странице 262 сказано, что «возвратные деепричастия в беларуском языке употребляются редко»; в грамматике беларуского языка для средних школ (автор М. Жыркевич), изданной в 1956 году, возвратные деепричастия показаны как нормальная беларуская форма (стр. 129), а в изданной в том же году «Грамматике беларуского языка» Т. Ломтева о них нет ни слова. Надо полагать, потому, что Ломтев не считает их нормой.

Подчеркнем, что и в ходе нынешней кампании в защиту беларуского языка, развернувшейся на страницах печати, некоторые авторы, например, В. Красовский, писатель Янка Скрыган, считают возвратные деепричастия чуждой беларускому языку нормой и рекомендуют ими не пользоваться. Скрыган, в частности, приведя несколько фраз, в которых использованы возвратные деепричастия, заключает: «Мысль простая, а выражена безграмотно»*.

Широкое распространение получили такие русицизмы, как употребление именной /краткой/ вместо местоименной /полной/ формы деепричастий страдательного залога прошедшего времени в именительном падеже: «Пярэдні танк быў падбіт»; «здымак зроблен

^{*}См.: «ЛіМ», № 40 от 18.05.1957 и № 4 от 12.01.1962.

(снимок сделан) у 1937 годзе»; «у Мінску быў адкрыт Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт»; «быў закончан рамонт и уведзен у строй рад прадпрыемстваў» (ряд предприятий); «у гэтую вёску (деревню) быў прислан атрад паліцэйскіх»; «над будынкам германскага рейхстага быў узнят сцяг перамогі».

В отличие от русского языка, который употребляет деепричастия прошедшего времени страдательного залога в именной форме в качестве сказуемого, беларускому в данном случае свойственны местоименные /полные/формы этой категории деепричастий. По-беларуски следует писать падбіты, адкрыты, закончаны, уведзены, прысланы, узняты. Отметим, что именные формы в 1-й категории текстов употребляются так же широко, что и в русском языке, а в текстах 2-й категории преобладают местоименные.

В обоих категориях текстов, наряду с беларускими формами наречий, образованных из причастий, появляются и чуждые беларускому языку формы: «нешта *па-дзіцячы* радаснае, светлае нараджалася ў грудзях»; «папрасіце *па-чалавечы*»; «засмяялася і *па-хлапечы*, вітаючыся (по мальчишечьи, приветствуя) ударыла па яго далоні сваёю рукой»; «Кох *пакутніцкі* зірнуў (страдальчески взглянул) на яго». Но беларуская форма подобных наречий такова: *па-дзіцячаму*, *па чалавечаму* /или *пачалавецку*/, *пахлапецку*, *пакутніцка* (страдающе).

Русицизмы в синтаксисе

Одной из характерных синтаксических особенностей беларуского языка, которая отличает его от особенностей русского синтаксиса, является употребление разных падежей при глаголах с отрицанием и при тех же глаголах без отрицания. Глаголы без отрицания в роли сказуемого в предложении требуют винительного падежа, в котором стоит дополнение. Если же эти глаголы употребляются с отрицанием, они требуют дополнения в родительном падеже. В русском литературном языке в обоих случаях — при отрицании и без него — дополнение всегда выступает в винительном падеже. Эта особенность русского синтаксиса настолько глубоко проникла в беларуский язык, что стала чуть ли не нормой, а родительный падеж при отрицании — исключением.

Примеры: «Мне не хацелася трывожыць той спакой и роздум» вместо беларуской нормы «таго спакою і роздуму»; «не выставіў на пасмешышча дзікую безграматнасць Кісяля» вместо «не выставіў на пасмешышча дзікай безграматнасці»; «шукаць далека прыклады (примеры) ня трэба» вместо «прыкладаў»; «не ўцяміўшы сэнс яго слоў» вместо «няўцяміўшы сэнсу».

Правда, винительный падеж вместо родительного при отрицаниях изредка появлялся в беларуском языке и до того, как началась его

русификация, но подобные синтаксические конструкции и тогда воспринимались как русицизмы; каждый, кто заботился о чистоте беларуского языка, боролся с ними. Увы, сегодня эти конструкции, похоже, укоренились окончательно, хотя некоторые беларусы ощущают их чуждость своему языку. Так, писатель Янка Скрыган советует употреблять при глаголах с отрицанием только родительный падеж, ни в коем случае не винительный. Он заявляет, что правомерность такого требования подтверждается разговорной народной речью.

Кстати, русский народный язык тоже не знает винительного падежа дополнений при отрицаниях и употребляет родительный. Конструкции, о коих идет речь, вошли в русский литературный язык под влиянием неславянских западноеврепейских языков, главным образом под влиянием немецкого при посредничестве идиш — языка русских евреев. Особенно широко названные конструкции стали употребляться в советское время в языке газет. Поэтому данная синтаксическая форма должна рассматриваться как явление советизации русского языка, из которого она проникла в беларуский и стала признаком его русосоветизации.

.0.

В беларуском языке глагол «дзякаваць» (благодарить) в качестве сказуемого в предложении руководит дательным падежом, в то время как в русском — винительным. В современном беларуском литературном языке БССР наряду с преобладанием правильных для него форм стали появляться и русские формы. Например, «усе выступаючыя горача дзякавалі Савецкую Армію» вместо «дзякавалі Савецкай Армії», и так далее.

Напоследок обратим внимание на частое использование в современном беларуском литературном языке БССР предлога «па» и в тех синтаксических функциях, в которых он, в отличие от русского языка, не употребляется. Вот примеры: «толькі Вялікая Кастрычніцкая сацыялістычная рэвалюцыя, самая грандыёзная па маштабах, самая глыбокая па сваіх задачах і мэтах, разьбіла асновы нацыянальнага прыгнечаньня». По-беларуски же скажем «найболь грандыёзная маштабамі», или «паводле маштабаў», «найбольш глыбокая паводля сваіх задачаў і мэтаў». Нельзя писать «ракета пайшла па зададзенаму курсу», это не по-беларуски. По-беларуски пишем «ракета пайшла згодна з зададзеным курсам».

Подобное употребление под влиянием русского языка предлога «па» наиболее часто встречается в языке 1-й категории текстов, а во 2-й категории, в языке художественной литературы, лишь в редких случаях.

Фразеология и идиоматические выражения

Каждый язык имеет свою специфику не только в строго определенных грамматических формах — фонетике, морфологии и синтаксисе,— но и в присущих лишь данному языку оборотах речи, которые ни под какие общие грамматические правила не подпадают, потому что каждый такой речевой оборот подчинен правилам, установленным им самим. Обычно эти обороты речи относятся к фразеологии, или к идиоматическим выражениям. В современном беларуском литературном языке БССР, главным образом в текстах 1-й категории, находим уйму специфически русских выражений, чуждых беларускому литературному языку и ранее в нем не употреблявшихся. Нет их и в беларуских народных говорах. Вот несколько примеров этого ряда русицизмов;

- Заслугоўвае ўвагі пастаноўка пытаньня (заслуживает внимания постановка вопроса) аб больш рацыянальным выкарыстаньні (использовании) рабочай сілы ў калгасах»; Вялікай увагі заслугоўвае творчасьць беларускага жывапісца Пятра Сяргіевіча». Здесь перед нами буквальный перевод русского выражения заслуживает внимания, большого внимания заслуживает, чему соответствует беларуское выражение заслугоўвае на ўвагу, на вялікую ўвагу заслугоўвае.
- На самай справе. Дословный перевод специфически русского на самом деле. По-беларуски узапраўды.
- Ты *яснасьць унясі*. Опять таки дословный перевод русского выражения *внеси ясность*, которое передается одним беларуским словом *выясьніць*, или *высьветліць*.
- Па усіх швах затрашчалі тылы імперыялізма сугубо русское по всем швам в дословном переводе. Белорусский адекват затрашчаць на ўсе застаўкі.
- Піліп *па праву* лічыцца лепшым работнікам вытворчасьці идиоматическое русское выражение *по праву*, которому в беларуском языке есть адекватная замена *правільна лічыцца*, *справядліва лічыцца**.
- 3 хваляваньннем *глядзіцца* тая частка фільма, дзе паказана, як на завод прыехау Мікіта Сяргеевіч Хрушчоў; Цяпер, як ніколі, *патрабуецца*, каб прапагандыст добра валодаў тэорыяй; Сем мільёнау дамоў *мяркуецца* пабудаваць у сельскай мясцовасьці*.

Здесь перед нами примеры автоматического перенесения в беларуский язык специфически русских выражений с безличными формами возвратных глаголов: *смотрится* та часть фильма; *требуется*, чтобы пропагандист...; *предполагается* построить.

^{*} Число приведенных автором однотипных примеров здесь и далее значительно сокращено. — $\mathit{Прим}$. $\mathit{Пер}$.

Весьма опасно для беларуского языка насаждение в нем сугубо русских оборотов речи и идиоматических выражений, они опаснее русицизмов в области словарного состава, потому что разрушают внутреннюю структуру языка, его причинный характер.

Между тем в беларуском языке есть адекватная замена почти каждому русскому обороту речи, почти каждой идиоме. Молодой беларуский языковед, кандидат филологических наук Анатолий Аксамитов приводит примеры таких адекватов*. Так, вспомнив басню великого русского баснописца Крылова «Мартышка и очки» с её моралью: «чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться», Аксамитов указывает на бытующую в беларуском фольклоре такую же по смыслу пословицу: «Паглядзі, сава, якая сама». О человеке незлобивом, с доброй душой беларус скажет, что ён вока (глаз) табе незапарушыць, русский же в таком случае говорит — он пальцем тебя не тронет.

Русицизмы в области лексики

Процесс русификации беларуского языка наиболее широко затронул его лексический материал, словарный состав, что вполне объяснимо: даже при нормальном, ненасильственном влиянии одного языка на другой оно легче и проще воздействует на лексику, нежели на фонетику, морфологию или синтаксис.

Слова, заимствованные из русского языка, можно разделить на три общие категории:

- 1) Слова, хотя и со славянскими, но чуждыми беларускому языку корнями или с корнями непродуктивными, которые не образуют в нем морфологическое гнездо и выступают только в отдельных словах, далеких по своему значению и способу построения от соответствующих им русских слов;
- 2) Слова с корнями, присущими также беларускому языку и продуктивными, которые, однако, в том значении, какое они имеют в русском языке, в беларуском не употребляются, или же имеют совсем другую внешнюю структуру, нежели в русском;
- 3) Слова, которые в той же форме существуют и в беларуском языке, но имеют совсем другое значение.

Белорусский советский языковед Н. Круковский предпоследнюю группу слов называет структуралистскими кальками с русского языка, а последнюю группу — кальками семантическими.

Приведем наиболее типичные и распространенные образчики заимствовании из русской лексики, черпая примеры из всех трех категорий слов.

^{*} Журнал «Малодосць», 1959, № 9, с. 139.

А. Примеры слов с разными в обоих языках корнями

/Слов, помеченных звездочкой, нет в «Русско-белорусском словаре» издания 1953 года/

Аберагаць* — оберегать: «Падатковая (налоговая) палітыка аберагала інтарэсы памешчыкаў і кулакоў». В беларуском языке в этом значении употребляются слова ашчаджаць, ахоўваць.

Абвузданне* — обуздание: «Прадстаўнікі СССР у Лізе Нацый выступілі з заклікамі да *абвуздання* фашысцкіх дзяржаў». По-беларуски обуздание — *утаймаваньне*, *уціхамірваньне*.

Апасацца — опасаться: «Ён *апасаецц*а, каб праз гэта не павялічылі праграму наогул»; «Ваўчок, адчуушы, што Кашалёў мацней за яго воляй, *апасаўся* ўшчынаць (начинать) з ім спрэчку». По-беларуски— *баяцца, асьцерагацца, сьцерагчыся*

Ачаг — очаг: «Акупацыйны рэжым у Заходнім Берліне... ператварыўся ў небяспечны *ачаг* узнікнення новай вайны». По-беларуски — вогнішча.

Беражлівасць* — бережливость: «Спаборніцтва за эканомію і *беражлівасьць* набыло широкі размах. По-беларуски бережливость — *ашчаднасьць*.

Залог — залог: «У гэтым залог паспяховага выкананьня». Беларуский адекват слова залог — зарука.

Звяно — звено. «Брыгады сталі асноуным *звяном* у калгаснай вытворчасьц. По-беларуски звено — *вязьмо*, *вянцо*, *злучво*.

Каварны — коварный: «Але ўсе гэтыя *каварныя* намеры ворагаў беларускага народа праваліліся». По-беларуски коварный — *зрадливы, падступны*.

Несакрушальны — несокрушимый: «Беларускі народ прадэманстраваў сваё *несакрушальнае* маральна-палітычнае адзінства». Побеларуски несокрушимость — *нязломнасць*.

Пахаць* — пахоть: «На кожны двор припадала у сярэднім *пахаці* 5,2 дзесяціны». По-беларуски пахоть — *ворная зямля*, *ворыва*, *ральля*.

Плацце — платье: «Ёй не падабалася *плацце*... По-беларуски — *сукенка*.

Прыўрочаны* — приуроченный: «Спраўлялі свята ўраджаю, npы-урочанае да дзесяцігоддзя калгаса». По-беларуски — npымеркаваны.

Пуць — путь: «Русско-белорусский словарь» дает слово «шлях», а *пуць* только в значении железнодорожного пути.

Раздуваць* — раздувать: «Праціўнікі мірнага ўрэгулявання з Германіяй раздуваюць ваенны псіхоз». По-беларуски — раздзьмухваць.

Састаў — состав: «Павышалася майстэрства кіруючых (руководящих) кадраў каманднага cacmaby. По-беларуски состав — cknad.

Скатваць — скатывать вместо беларуского *скручваць*, *згортваць*: «Андрэй стаяў адным каленам на падлозе (полу) і скатваў шынель».

Смірны— вместо беларуского *рахманы*, *ціхмяны*, *пакорлівы*: «Нават шкада яго было, такога *смірненькага*».

Спаяны вместо беларуского знітаваны, згуртаваны: «Спаяныя братскай дружбай».

Урач — врач. По-беларуски — *лекар*. Но слово *лекар* уже совсем выброшено из беларуского языка в БССР.

Член — член: «Ен з'яўляецwа членам партыі». По-беларуски член, это сябра.

Б. Примеры слов с общими корнями, но с изначально русской структурой

Абавязацельства — обязательство: «Гэтае абавязацельства неабходна настойліва ажыццяўляць (осуществлять). По-беларуски — забавязаньне.

Абнародаваць — обнародовать: «У загадзе (приказе) абнародаваным у дзень вызвалення горада». По-беларуски — абвесціць.

Безагаворачны — безоговорочный: «Патрабавалася безагаворачная капітуляцыя Японіі». По-беларуски — бязумоўна или без ніякіх умоваў (без никаких условий).

Відазмяніць — видоизменить: «Новая гістарычная эпоха $\emph{відаз-мяніла}$ гэтую перспективу сацыялістычнай рэвалюции». По-беларуски — зьмяніць, перамяніць.

Грабёж — вместо беларуского слова *рабунак*: «Капіталістычныя краіны здабывалі сродкі шляхам (добывали средства путем) ваенных *грабяжоў*.

Злабадзённы — злободневный: «Значнае месца прысвечана (уделено) такім злабадзённым пытанням, як падбор і растаноўка кадраў». По-беларуски злободневный — надзённы (насущный), пякучы (жгучий).

Знамянальны — знаменательный: «Гэтая знамянальная дата залатымі літарамі ўпісана ў летапіс». По-беларуски — паказальная, важная, вялікая дата.

Малейшы* — малейший: «Нямецка-фашысцкія захопнікі люта распраўляліся з насельніцтвам за малейшае выказване нездавальнення акупацыйным рэжымам». Такой формы превосходной степени прилагательного малы беларуский язык не знает. По-беларуски — найменшы, найменшае.

Неймаверны — неимоверный, вместо беларуского слова *нявера-годны*: «Сродкі да жыцця мала-памалу знікаюць з причины *неімаверных* падаткаў».

Падзёж* — падёж: «Скараціўся *падзёж* маладняку. По-беларуски — *вопадзь, памор, пошасць*.

Састаяць* — состоять: «У партыі *састаялі*?» По-беларуски — «у партыі *былі*? *Належалі да* партыі?»

Спешка — вместо беларуского слова *пасьпех*: «З заводу давялося хутка выбраща (вскоре убраться), бо праявіў тут Боўцік непатрэбную (ненужную) *спешку*».

Стрымаць — сдержать: «Сваё слова мантажники *стрымали*». В этом значении в беларуском языке употребляется слово *датрымаць*, а *стрымаць* — это калька с русского *сдержать*.

Унізіцельны — унизительный: «Прыгнёт памешчыкаў і капіталістаў дапаўняўся *унізіцельным* нацыянальным зняволеннем. По-беларуски — *зыняважлівы*, *зыняважальны*.

Шэсце — шествие: «У перыяд трыумфальнага *шэсця* савецкай улады. По-беларуски — naxod.

В. Примеры беларуских слов с русским значением

Адмяніць — отменить: «Трэба ня толькі звергнуць эксплуататараў, ня толькі адмяніць іх уласнасць, трэба адмяніць яшчэ і ўсякую приватную уласнасць» (частную собственность). Слово адмяніць употребляется в беларуском языке только в своем непосредственном значении, а в переносном, как в приведенном примере, не употребляется. Вместо него должно стоять слова скасаваць.

Дзяленне — деление: «У 1938 годзе у Беларусі было ўведзена новае адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне». В данном значении в беларуском языке употребляется слово *падзел* (раздел, разделение), а слово *дзяленне* употребляется только в значении происходящего процесса, например, арифметического действия.

Колькі-небудзь — сколько-нибудь: «Адсутнічала колькі-небудзь значная прамысловасьць». Но колькі-небудзь употребляется в беларуском языке в значении безличного числительного, а не наречия, как в приведенном примере, так что это чистый русицизм. По-беларуски в данном случае говорится хоць крыху больш-менш.

То же самое явление со словом *некалькі* (несколько) — и оно в беларуском языке употребляется исключительно в значении безличного числительного, а не наречия: «Натуральна, *некалькі* зменшыліся і заработкі.

Пакуль — пока: «Між тым стварэнню дамавых кухань nакуль не ўдзяляецца належнай увагі» (должного внимания). В данном случае по-беларуски говорят nakyльшто.

Узрост — возраст: «Па ўзросту Андрэй і сапраўды быў старэйшы»... Слово «ўзрост» в беларуском языке обозначает высоту или увеличение роста, а в значении, которое имеет это слово в приведенном примере, употребляется слово век.

Приведенные выше три категории русицизмов лишь ничтожно малая часть словесных заимствований из русского языка... По оценке уже цитированного нами языковеда Н. Круковского, одни только непосредственные, прямые заимствования, которые мы отнесли к первой категории слов — с разными в обоих языках корнями — составляют примерно 3—5% всего словарного запаса современного беларуского литературного языка.

Беларуский языковед Янка Станкевич, рецензируя «Русско-белорусский словарь», изданный Институтом языкознания АН БССР и насчитывающий около 86 тысяч слов, замечает, что «в беларускую часть словаря введено не менее двух третей русских слов, написанных по-беларуски, причем искаженно, в нормативах «реформы»* /имеется в виду реформа 1933 года/.

Кстати, в предисловии к этому словарю прямо сказано, что «он, особенно в белорусской своей части, решает задачи нормативного характера». А это значит, что нормы словаря являются обязательными в его практическом использовании. Вот как далеко и быстро зашел процесс русификации беларуского языка!

В издании «Русско-белорусского словаря» 1953 года еще нет слов, помеченных нами звёздочками при перечислении наиболее распространенных русицизмов в области лексики. Как читатель мог заметить, таких слов довольно много. На тот момент, когда мы брали примеры русицизмов из опубликованных в БССР текстов, слова, помеченные нами, еще не были введены в беларуский литературный язык. Но прошло всего лишь несколько лет, и картина изменилась.

Н. Круковский относит к непосредственным заимствованиям из русской лексики только те слова, которые мы выделили в первую категорию. Слова из второй и третьей категории он относит к опосредованным заимствованиям, то есть к калькированию (так называется в языкознании процесс образования слов и выражений данного языка по образцу и типу слов и выражений другого языка).

На самом деле, однако, и здесь, за редкими исключениями, слова, выделенные нами во вторую и третью категорию, заимствованы из русского языка напрямую. О калькировании, которое происходило бы внутри беларуского языка, по его органическим законам, можно говорить лишь в отдельных случаях.

Это, на наш взгляд, подтверждается двумя важными обстоятельствами. Во-первых, абсолютно исключено, чтобы за столь короткий срок, какие-нибудь 30 лет, которые прошли с того дня, когда началась в БССР русификаторская вакханалия, — чтобы за это время могли произойти внутри беларуского языка столь огромные измене-

^{*} См.: «Беларускі зборнік» Института изучения СССР (Мюнхен), 1957, N 7, с. 165.

ния в направлении его русификации, Во-вторых, почти все заимствованные из русского языка слова, которые Круковский относит к опосредованным заимствованиям, имеют в беларуском свои собственные адекваты, которые употребляются по сей день параллельно с русицизмами в том же значении. Или же бытовали в беларуском языке до начала процесса русификации и лишь в ходе ее оказались отброшенными.

Таким образом, во всех трех группах слов русского происхождения, во всех случаях внедрения в беларуский язык русских грамматических форм, которые заняли место исконно беларуских, мы имеем дело с непосредственным, прямым, чаще всего механическим заимствованием русской лексики, что является свидетельством сознательного, запланированного, насильственного процесса русификации беларуского языка.

Наиболее опасными для беларуского языка являются те введенные и вводимые в него русские слова, которые мы отнесли ко второй и третьей категории. Поскольку у этих слов общие с русскими словами корни, причем в обоих языках эти корни продуктивные, неспециалисту, не языковеду, трудно распознать их русское происхождение.

Данным обстоятельством, очевидно, можно объяснить тот странный на первый взгляд факт, когда множество русицизмов обнаруживается в текстах даже тех беларуских советских авторов, которые являются искренними защитниками чистоты беларуского языка. Они просто не замечают, не понимают, что пользуются русицизмами, употребляя слова, отнесенные нами ко второй и третьей категории. Другое дело русицизмы первой категории, корни которых либо не существуют в беларуском языке, либо являются непродуктивными или малопродуктивными, — такие русицизмы тотчас распознаются как чужаки, пришельцы из русского.

Советский ученый М.Д. Каммари определил общие принципы, согласно которым «подобия и соответствия в языках народов СССР обусловлены влиянием русского языка». Эти подобия и соответствия, по Каммари, выражаются «прежде всего в заимствовании специфически русских и особенно новых советско-русских фразеологических сочетаний и в калькировании их; во-вторых, в освоении основного фонда интернациональной лексики при посредничестве русского языка». А языковеды И. Белодед и М. Мельничук определили русский язык как «источник усовершенствования национальных языков»*.

Все беларуские советские языковеды единодушно утверждают, что беларуский язык, особенно в советский период, увеличил свой

^{*} Журнал «Вопросы языкознания», 1959, № 5, с. 11.

словарный запас путем заимствований из русского. Н. Круковский объясняет это следующим образом:

«Какими бы широкими ни были возможности словообразования на базе собственного лексического материала, они все же не могут полностью обеспечить и удовлетворить стремительно возрастающую потребность общества в новых словах. Поэтому беларуский язык обращается за помощью к русскому, заимствуя из него необходимые слова, которые в силу тех или иных причин не могут быть созданы на базе собственных языковых средств».

Точку зрения Круковского разделяет другой беларуский советский языковед Φ . Янковский: «Заимствование является необходимостью только тогда, когда в языке нет соответствующего слова». /Выделено нами — С.С./

Отложим пока рассмотрение слов интернационального происхождения и обратим особое внимание на то, что лишь весьма незначительное число заимствований из русского языка, бытующих в современном беларуском языке, можно отнести к словам, которые подтверждали бы, что они пришли в беларуский язык, как специфически русские и «совершенно новые советско-русские выражения», что они являют собой «источник усовершенствования беларуского языка», что они именно те слова, которые «не могли быть созданы на базе собственных языковых средств».

В основном же русицизмы внедряются в беларуский язык в тех случаях, когда русифицируемые беларуские слова имеет совсем другие корни, нежели соответствующие им русские. Это во-первых. Во-вторых, когда беларуские слова и соответствующие им русские хотя и имеют общие корни, но рознятся своей структурой, то есть этимологическим строением; в-третьих, когда беларуские и русские слова с общими корнями и общим этимологическим строением рознятся семантически. Во всех трех случаях беларуские слова, которые теми или иными элементами отличаются от русских, механически выбрасываются из словарного запаса беларуского языка и столь же механически заменяются русскими.

...В свете всего сказанного ответ на вопрос, какова конечная цель языковой политики Советского Союза, становится однозначным. Эту цель назвал все тот же Н.Круковский:

«Сближение беларуского и русского языков уже зашло настолько далеко, что начинает образовываться пласт новых общих слов, которые являются началом нового, грядущего лексического единства».

По вполне понятным причинам Круковский «забыл» добавить, что это «грядущее лексическое единство» основывается исключительно на базе русского языка, а не за счет взаимовлияний, взаимодействия всех языков Советского Союза. На практике только нерус-

ские языки вынуждены «развиваться», «совершенствоваться», «обогащаться», опираясь на язык великого русского народа, Ему же нет нужды «обогащаться» за чей бы то ни было счет!

Тем, кто незнаком со всеми аспектами политической жизни СССР, может показаться весьма странным и непонятным, что не только партийные «просветители», но и специалисты, языковеды единодушно утверждают, что явная русификация беларуского языка — естественный процесс. Мало того, полезный для него. Так, кандидат филологических наук А.Аксамитов, который уже цитировался нами, после своих аргументов в защиту чистоты и самобытности беларуского языка вдруг приходит к выводу, несовместимому с его собственными высказываниями:

«В настоящий момент беларуский язык развивается путем его неуклонного сближения с великим русским языком. Но было бы ошибкой видеть в этом процессе упадок беларуского языка. Напротив, именно здесь отражается его наиболее полное и интенсивное развитие».

Те же утверждения встречаем и у Круковского:

«Процесс сближения беларуского языка с великим русским не является итогом деградации беларуского языка. Наоборот, это итог ...интенсивного его развития».

Думается, ни Аксамитов, ни Круковский сами не верят в то, что говорят, однако вынуждены принести непременную дань коммунистической идеологии.

4. Язык художественной литературы

Как не раз уже было нами подчеркнуто, многие беларуские писатели и поэты смело противостоят русификации родного языка. И они не одиноки — их поддерживают учителя и студенчество. Это противостояние стало наиболее явным и решительным в годы, когда началась послесталинская «оттепель» /1956—57 гг./, после развенчания культа личности Сталина.

Если сравнить господствующий в БССР, узаконенный литературный язык — язык научной, политической, технической и пропагандистской литературы, включая язык периодической республиканской печати — с языком беларуской художественной литературы, то нельзя не увидеть, что это во многом разные языки, настолько язык художественней литературы, хотя и он изрядно засорен русицизмами, отличается от языка прочих текстов. Художественная литература, защищаясь от русицизмов, смирилась лишь с теми из них, которые сделались общепринятыми и полностью вытеснили соответствующие им беларуские грамматические формы и слова.

Так, кроме русицизмов, навязанных реформой 1933 года, в языке художественной литературы возобладали такие русицизмы, как, например, форма родительного падежа множественного числа имен существительных женского рода— «непрыемнасцей», «магчымасцей» /беларуское окончание — «яў», а не «ей»: «магчымасцяў», «непрыемнасцяў»/. Плод русификации — лишенные беларуских окончаний формы деепричастий именительного падежа единственного числа: «падбіт», «зроблен», «узят». По-беларуски— «падбіты», «зроблены», «узяты».

Русицизмами являются также синтаксические формы дополнений в винительном падеже вместо родительного, когда глаголы, которым подчиняются эти формы, употреблены с отрицанием. Если говорить о лексике, то здесь русицизмов уйма: укоренились в языке художественной литературы такие, например слова, как «ачаг», «аплот», «знешні» (вместо беларуского слова «вонкавы»), «рабяты», «урач», «аб'ява», «беззаветны», «шэсце» (чуточку видоизмененное русское слова «шествие»), «член», «чарціць» и т.п.

Но есть и отрадные примеры. Так, в художественных беларуских текстах поныне нет чуждых беларускому языку форм деепричастий настоящего времени действительного залога, образуемых из возвратных глаголов /«пачаўшыйся», «адбыўшыйся»/,— хотя в официальном газетно-журнальном языке эти формы бытуют на правах нормы. Не встретишь в языке художественной литературы и таких русицизмов, как «састаў», «здзелка», «каварны», «мяцеж», «плацёж», «прадставіць» и т.д.

Изучая тексты беларуской художественной литературы, можно проследить на конкретных примерах сам процесс русификации, увидеть, как это делается. Сперва то или иное русское слово появляется в официальном языке изредка, как бы спонтанно, и употребляется параллельно с соответствующим ему беларуским словом. Например, вот уже несколько лет наряду с беларуским словом «танны» (дешевый) стало время от времени появляться чисто русское по происхождению слово «дзяшовы», которое, мелькая иногда в газетах и журналах, в язык художественной литературы пока не проникло. Но, думается, что с ним произойдет то же самое, что с такими русицизмами, как «папрок» (упрёк) и «поезд».

В официальном языке «папрок» и «поезд» употребляются параллельно с их беларускими адекватами «дакор» и «цягнік», однако последние употребляются гораздо реже. И, напротив, в языке художественной литературы слова «дакор» и «цягнік» встречаются во много раз чаще, нежели «папрок» и «поезд». Есть множество других примеров, которые говорят о том, что употребление того или иного русицизма в языке художественной литературы всего лишь вынуж-

денная дань писателя официальному направлению, а не тенденция самого языка, не тенденция автора.

Изучая тексты беларуской художественной литературы, можно проследить на конкретных примерах, как писатели в процессе редактирования своих произведений при подготовке их к отдельному изданию после опубликования в журнале избавляются от русицизмов, допущенных в первоначальной публикации. Как правило, русицизмы эти отбрасываются авторами и заменяются исконно беларускими словами и грамматическими формами. Мы сравнили с текстом журнальной публикации 3-й и 4-й тома романа М. Лынькова «Векопомные дни», отдельные издания романов В. Карпова «За годом год» и романа И. Шамякина «Криницы», и вот какая обнаружилась примечательная картина:

«Полымя»

Отдельное издание

М. Лыньков. «Векопомные дни»

Пасцябунчык — cmpacmны патрыёт свае бухгальтарскае справы.

Ты ж не глядзі, што я такая баязлівіца і *смірэнніца*.

Выказаў пажаданьне прыўрочыць аперацыю да прыезду.

Стаяла некалькі пушак, якія... сваімі памерамі ўнушалі павагу.

На жывапісным узгорку.

Ажаніўся на сямнаццацігадовай дзяўчыне.

Пасцябунчык — *заядлы* патрыёт свае бухгальтарскае справы.

Ты ж не глядзі, што я такая баязлівіца і *паслушніца*.

Выказаў пажаданьне, каб усю аперацыю *дапасаваць* да прыезду.

Стаялі некалькі пушак, якія... сваімі памерамі *выклікалі* да сябе павагу.

На маляўнічым узгорку.

Ажаніўся з сямнаццацігадовай дзяўчынай.

В. Карпов «За годам год»

Усе глядзелі на Васіля Пятровіча з недаўменнем.

У яе *ссутуленай* постаці (сутулой фигуре), у ейнай пакорнай *паходцы* было штосыці *манашаскае*.

Потым примусіла сябе сесці цыраваць шкарпэткі (штопать носки), якіх *накапіўся* цэлы *звязак*.

Людзі ўсё роўна праходзілі б пад ёй (пад аркай), ня стукаючыся галовамі аб *своды*.

Усе глядзелі на Васіля Пятровіча няўцямна.

У яе *згорбленай* постаці, у пакорнай *хадзе* было штосьці *ад манашкі*.

Потым прымусіла сябе сесці цыраваць шкарпэткі,

якіх набраўся цэлы жмут.

Людзі усё роўна праходзілі б пад ёй, ня стукаючыся аб скляпеньне галовами.

И. Шамякин «Криницы»

Адчапіся ты, Кацька, ад мяне, — *бясстрастна* сказала яна.

Школу я кончу, не хвалюйцеся, — ціха і *прымірыцельна* сказаў ён

Адчапіся ты, Кацька, ад мяне, — *абыякава* сказала яна

Школу я кончу, не хвалюйцеся, — ціха і *прымірэнча* сказаў ён

Как видим, писатели стремятся сохранять чистоту родного языка, но положение их сложное: политика русификации требует от них, чтобы они избегали «узких провинциализмов», «архаизмов», якобы искусственно созданных беларуских «неологизмов», что на практике приводит к отрыву от живого языка народа, из которого художественная литература черпает свое богатство. В результате отрыва от народной языковой стихии язык современной беларуской художественной литературы оскудевает, становится бедным и бесцветным. И все же он, несмотря ни на что, выгодно отличается от официального языка не только гораздо меньшим количеством русицизмов, но и стремлением сохранить животворную связь с глубинным народным языком. Пока что в языке беларуской художественной литературы присутствует немало глубинных народных слов и выражений, в том числе «провинциальных», которые обогащают языковую палитру. Вот пригоршня примеров:

Яна бегма кінулася ў хату — чисто народное слово, соответствующее русскому «бегом».

Лёдзю (Леокадию) нібы *выцялі* чым. *Выцяць* — синоним слова *ударыць*, в официальном языке он ныне не употребляется.

Кустаўё ўсюды, нізіна, то там, то сям ля кустоў пабліскваюць зоркі. Широко распространенная в народе собирательная форма от слова «куст».

А тут вось $i\partial si$ насупраць ночы. Выражение насупраць ночы в значении перад ночай (на ночь глядя) — типичное для беларуского языка, однако в публикациях прессы его не встретишь.

Пэўна (наверное), і прыгавор, які выносіць яму пасля смерці народны *погалас*, — самы справядлівы прыгавор. *Погалас* (по-русски — молва) тоже не употребляется в официальном языке.

Быў той слаўны вечар..., калі нават ноччу не адчуваеш яшчэ восеньскай *стыні*. *Стынь*, в значении *легкий холод*, в официальном советском языке не употребляется.

Нет в современном официальном беларуском языке таких исконно беларуских, некогда общепринятых, живых слов, как няўрымслівы (неугомонный), летась (в прошлом году), пазалетась (в позапрошлом), сёлета (в этом году), цёмначы — народное выражение в значении папацёмку (по-русски — в сумерках, во мраке).

I яшчэ адна сям'я, каторая не выехаўшы, — абласнога пракурора жонка і трое дзетак. Тут мы имеем дело с весьма характерной особен-

ностью беларуского языка — прошедее время изъявительного наклонения в форме «перфекта» подобно немецкому и английскому языку. Понятно, что эта чисто беларуская форма не может использоваться в официальном языке беларуской советской печати, радио, телевидения.

Беларуский автор В. Красовский, приводя немало примеров порочных переводов, сделанных с русского языка на беларуский в республиканских газетах и в БЕЛТА, указывает и основную причину такой порочности:

«Это происходит потому, что к переводу не везде подходят творчески — часто делают так, чтобы, скажем, пяти словам русского текста обязательно соответствовали пять слов текста беларуского»*.

Весьма меткое предостережение Красовского можно с полным правом отнести ко всему официальному газетно-журнальному языку в БССР, как в текстах переведенных с русского, так и в текстах оригинальных. Но к языку художественной литературы, даже при всех его русицизмах, его неестественном убожестве и значительном отрыве от народного языка, это замечание отнести нельзя.

5. Беларуские писатели в защите языка

Роль беларуских писателей и поэтов в борьбе за сохранение чистоты беларуского языка, в противостоянии русификации огромна. Пожалуй, только писатели сегодня сполна осознают важность такой борьбы и стремятся вынести обсуждение проблемы на общественную трибуну... Начиная с 1956 года писатели, а вслед за ними и работники культуры по сей день выступают в защиту языка публично. В основу дискуссии положен абсолютно правильный посыл беларуского советского филолога Ф. Янковского, что «безразличие к языку — это безразличие к народу и его культуре»**. Поэтому дискуссия о языке распространилась на все области беларуской культуры, заострив вопрос до предела: быть или не быть беларуской культуре, а в конечном итоге — беларускому народу?

...В широком плане дискуссию эту начал реабилитированный в 1956 году бывший узник сталинских лагерей, писатель Янка Скрыган. Его статья под скромным заголовком «Думкі аб мове» (Мысли о языке) содержала в себе следующий главный тезис:

«Знать язык — это значит знать законы его построения, знать его народную основу. Только зная народную основу языка, можно правильно и просто высказать ту или иную мысль, естественно, повину-

^{*} В. Красовский. О языке газет. «ЛіМ», № 40 от 18.05.1957.

^{**} Ф. Янковский. Равнодушие к родному слову. «ЛіМ» № 38 от 11.05.1957.

ясь законам данного языка, построить фразу, употребить единственно уместное для этой фразы слово, правильно поставить ударение; надо знать, как произносятся гласные, согласные, мягкие и твердые звуки данной речи в конкретной фразе, дабы сохранить звучание языка. Знать язык — это значит знать, как говорит народ»*.

«Знать, как говорит народ», и, понятно, формировать свой язык на базе народного — главное требование к тем, чьим делом является Слово. Далее... Скрыган говорит, обращаясь к своим коллегам:

«Слишком рано мы отрываемся от народной творческой среды и, не успев приобщиться к ее богатствам, спешим укрыться в рабочих кабинетах. Но сквозь стены кабинетов до нас с трудом доходят и блеск народной мысли, и гибкость фразы, и меткость присказки, и мудрость наблюдения. Все это мы черпаем из газет и чужих книг. Отсюда зачастую наша сухость и бесцветность, канцеляризмы и однообразие».

Сходные мысли развивал беларуский советский литературный критик Алесь Адамович. Указав на отрыв писателя Ивана Шамякина от народного языка и отметив, что писатели 20—30-х годов «считали своей важнейшей обязанностью следить, чтобы беларуский литературный язык произрастал на основе всех богатств народного языка», А. Адамович высказал пожелание в адрес современной беларуской литературы:

«Литературный беларуский язык в последние десятилетия стал более нормативным, стала богаче его лексика. И то, что литературный «книжный» язык стал больше отличаться от разговорного — абсолютно закономерно. Но это не значит, что... литературный язык должен быть лишен народных, бытовых и даже сугубо «местных» красок, что он должен быть похож на «переводной» язык. На дистиллированную воду, которая хотя и чистая, но малоприятная на вкус»**.

Как уже отмечалось, в процессе русификации из беларуского языка выбрасываются и заменяются русскими все те слова, которые своим корнем или формой строения отличаются от соответствующих слов русского. Это обосновывается необходимостью очишения литературного языка от «узких диалектизмов» или «провинциализмов». Алесь Адамович решительно выступил в защиту «диалектизмов»:

«Не надо нам слишком бояться понятия «диалектизм», надо сначала прислушаться, как данное слово звучит, вдуматься, насколько оно меткое и понятное. В любом, в самом маленьком «сусеке» живого народного языка можно порой найти крупные зерна народной мудрости и остроумия».

^{* «}ЛіМ» № 38 от 11.05.1957.

^{** «}ЛіМ» № 21 от 13.03.1957.

...Нельзя оставить без внимания интересные и острые замечания E. Ермаловича о так называемых «диалектизмах», к которым, о чем уже говорилось, причисляются все отличные от русского языка слова и формы, что влечет за собой изгнание их из беларуского языка. Ермалович пишет:

«Неразработанность литературных норм приводит к тому, что у нас считаются диалектизмами такие слова, которые никогда диалектизмами не были и не могут быть с точки зрения самых элементарных требований лингвистики... Где искать границу между диалектизмами и литературным языком? Такой абсолютной границы нет. Но если слово имеет беларуский или общеславянский корень, если оно бытует в народе, если народ его понимает или может понять по самой природе его корня, нашим критикам и редакторам не стоит придираться к этому слову. Такие слова значительно расширяют и обогащают нашу лексику, которая ни в коем случае не ограничивается словарем, насчитывающим восемьдесят тысяч слов, а раза в два, а может и в три богаче»*.

...Беларуские писатели выступили не только в защиту народных элементов беларуского языка, которые из него выбрасываются под видом «диалектизмов», но и, пусть менее смело, в защиту его традиций, в защиту старого языка, слов и выражений, которые отбрасываются как «архаизмы». Еще в самом начале дискуссии об языке, в 1957 году беларуский советский литературный критик Владимир Юревич писал:

«Беларуский язык существует не одно столетие. И в современном литературном языке мы встречаем множество элементов, которые были свойственны языку XIX, XVIII века и еще более ранним столетиям. Писатель не имеет права не обращать внимания на традиции, сложившиеся в далеком прошлом. Если послушаться иных «реформаторов» и отказаться от фонетического принципа, на котором построено правописание современного беларуского языка, то к чему это приведет? К отказу от основы общенародного языка и, стало быть, от его самобытности»**.

Позже тот же В. Юревич совершенно верно отметил:

«Трудно понять тех людей, которые считают своей заслугой то, что они забыли родной язык. Еще труднее понять их, если они работают на радио, где живое слозо, обращенное к народу, должно составлять основное содержание творческой деятельности каждого штатного сотрудника и приглашенного исполнителя... Беларуское радио должно иметь в эфире свой национальный облик»***.

^{* «}ЛіМ» № 8 от 25.01.1958.

^{** «}ЛіМ» № 34 от 27.04.1957.

^{***}В. Юревич. Художественное слово на радио. «ЛіМ», № 6 от 22.02.1961.

...Кроме теоретических рассуждений о народности языка и его чистоте, во многих выступлениях беларуских писателей приводятся конкретные примеры русификации беларуского языка, слова и выражения, живьём перенесенные из русского. При этом указывается, какие конкретно беларуские слова они вытеснили чисто механически. Однако никто ни разу не назвал эти чуждые нашему языку элементы их собственным именем — русицизмы. Даже совсем свежие русицизмы, только что привнесенные в беларуский язык, участники дискуссий, авторы публикаций и выступлений обозначают окольным путем. Дескать, «народ так не говорит», «это не беларуское слово», «канцелярщина», «книжность», «похоже на перевод» и тому подобное.

И хотя в советском лексиконе существуют термины «полонизм», «германизм» и подобные им, термина «русицизм» нет! Нет именно потому, что русицизмы в БССР «принято рассматривать» не как чуждые нашему языку элементы, а, напротив, как естественное и благотворное явление, обогащающее все нерусские языки.

.0.

Как известно, старый беларуский литературный язык — это язык Великого Княжества Литовского. Он развился на основе северо-западных говоров беларуской народности и литературным стал уже в первой половине XV века. В связи с политическим и национальным упадком Беларуси в XVII и XVIII веках он прекратил свое существование в качестве живого языка.

Новый беларуский литературный язык стал складываться в начале XIX века на волне беларуского национального возрождения, развиваясь на основе западных говоров беларуской народной речи. Как при своем зарождении, так и в дальнейшем он уже не пользовался старым литературным языком, протяженная, последовательная связь с которым была утрачена. Он развивался и обогащался на базе народного беларуского языка, черпая из него все необходимые ему слова и выражения, и создавая для новых понятий необходимые неологизмы, опираясь при этом на внутренние законы этого народного языка. Такой путь развития беларуского литературного языка длился до начала 30-х годов XX века, когда был внезапно прерван по воле советских русификаторов. С той поры единственной основой дальнейшего развития нашего литературного языка стал русский язык, как предлагает советская лингвистика и как официально требуют партийные директивы от нерусских языков.

Боле того, как мы видели на множестве примеров, из беларуского языка удаляются те его грамматические формы и слова, которые в нем существовали и были общепризнанны, но отличались от соответствующих русских форм и слов. Таким образом, русификация происходит не только одновременно с развитием беларуского литературного языка, но и распространяется на то его состояние, в котором он находился до начала русификаторской кампании, и о чем ни советские языковеды, ни партийные директивы в области языка не упоминают.

...Стоит напомнить, что в самом начале кампании по русификации нерусских языков народов Советского Союза (в начале 30-х годов) главное внимание... было направлено на внезапное и полное прекращение языковых процессов, посредством которых нерусские языки пополняли свою лексику словами интернационального значения, ориентируясь в основном на западные языки и обходясь без посредничества русского языка. Например, русификаторская кампания в отношении украинского языка, как показал профессор Р. Смаль-Стоцкий на богатом фактическом материале, фактически началась с требования унификации на русской основе не только технической и научной терминологии, но и вообще всех слов иностранного происхождения. И в БССР главным объектом большевистских нападок стала деятельность Терминологической Комиссии Беларуской Академии Наук — по причине выработки ею беларуской научной и технической терминологии в отрыве от русского языка.

После реформы 1933 года последующая языковая практика в СССР уже полностью завершила процесс русификации слов иностранного происхождения, так что беларуским элементом в этой категории слов осталось только правописание, да и то сильно русифицированное. Ныне даже некоторые личные имена рассматриваются в беларуском литературном языке как слова иностранного происхождения и используются с русскими языковыми особенностями. Весьма унизительно и то, что в беларуский язык механически введены из русского языка отчества, никогда ранее не употреблявшиеся ни в литературном языке, ни в народных диалектах.

...Таким образом, советская языковая политика направлена на прекращение сразу двух равноправных процессов нормального и естественного развития беларуского литературного языка: его базирования на беларуском народном языке и его ориентации на Запад в области усвоения необходимых интернациональных слов, принуждая и в первом, и во втором случае ориентироваться исключительно на русский язык.

.0.

Главным лозунгом беларуского национального возрождения всегда был лозунг, призывающий к сохранению родного языка. Еще в конце XIX века Франтишек Богушевич страстно воскликнул: «Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб ня умёрлі!» Каб ня умёрлі, не исчезли мы, беларусы, с исторической арены. В XX веке Янка Купала, духовный вождь беларуского народа, во многих своих про-

граммных стихах определял роль родного языка как самого важного и могучего фактора нашего национального бытия. Ныне историческую задачу сохранения этого фактора решают наследники Купалы, беларуские писатели и поэты — носители и выразители национального самосознания.

(На этих словах текст доктора Станкевича заканчивается. Однако составитель взял на себя смелость дополнить его одним материалом).

6. Письмо Якуба Коласа в Бюро ЦК КПБ*

Дорогие товарищи!

Если бы сила воображения могла нарисовать мне лет 50 тому назад сегодняшний Минск и всю нашу республику такими, какие они сейчас, это показалось бы недостижимой мечтой, фантастическим сном. Я говорю о том, что особенно дорого моему сердцу, ведь на моих глазах вырос и окреп беларуский народ, стал жить несравненно лучше, изменил облик своей земли. Молодые люди уже не могут представить свою страну без автомобиля на улице, без трактора в поле, без больших городов, без электрического света, без всеобщей грамотности, без кино и театра. Это все — /результат/ нашего труда, нашей заботы... Наше достояние — это мы сами, советские люди, трудолюбивые, простые. С тем большей бдительностью и усердием бережем мы свое счастье, труд, свои богатства.

Величайшим духовным богатством народа является его язык. В языке отразилась история народа, его трудовая жизнь, его борьба, его печали и радости, его природа, его любовь и гнев. Любить и уважать /родной/ язык нас учил великий Ленин, выдающиеся писатели, ученые, педагоги.

Беларуский язык сравнительно молод. Хотя и давно уже говорит на нем народ, но как язык науки, политики, литературы он /еще/ находится в периоде становления. Поэтому задача советской интеллигенции республики — беречь /свой/ язык, изучать его, разрабатывать и расширять. Это достигается, прежде всего, ежедневным его употреблением в быту, на работе, в государственных, общественных и культурных учреждениях.

^{*} Это письмо классик беларуской литературы Якуб Колас (К.М. Мицкевич) лично отнес в приемную ЦК КПБ 13 августа 1956 года. Видимо, оно далось ему нелегко. Многое переживший 74-летний человек был настолько взволнован, что после возвращения домой у него произошел сердечный приступ и в тот же день он умер. Партийные чиновники сдали письмо в свой секретный архив. Впервые оно было опубликовано только в 2001 году. Перевод письма на русский язык сделал Анатолий Тарас по публикации в журнале «Беларускі гістарычны часопіс» (2007, № 10, с. 56—57).

Все ли хорошо у нас в этом отношении? Далеко не все. На мой взгляд, дальнейшее развитие культуры республики очень много проиграет и, скажу прямо, стоит перед серьезной угрозой именно от недостаточного внимания к родному языку. Учреждения столицы вывели из обихода беларуский язык: на нем не ведется переписка, на нем не говорят с посетителями, в городах нет беларуских вывесок и надписей, мало беларуских афиш и плакатов. Смешно сказать, но, проехав Минск и /отрезок/ Слуцкого шоссе на протяжении 30 километров, я не увидел ни одного беларуского слова. Только в Русинове на исследовательской картофельной станции нашлись два почерневшие от времени надписи: «Кузьня» /кузница/ и «Сьвіран» /амбар/. Да и то, видимо, они были сделаны в 30-е годы, до реформы правописания, ведь после мягких согласных в них стоит мягкий знак.

Неужели наши автомобили, тракторы, станки, ткани, конфеты, папиросы стали бы хуже, если бы на них были беларуские надписи. Пусть только качество не подведет! Ведь сколько не пиши «Казбек» на минских папиросах, все равно потребитель потребует ленинградские. Свислочь река незавидная, но если папиросы с таким названием будут самыми лучшими, то они найдут спрос во всем Советском Союзе. Почему же мы допускаем, чтобы беларуские этикетки появлялись только на плохом гуталине и не очень вкусных напитках? Это ведь и мало, и просто обидно.

Академия Наук, которая должна быть центром беларуской науки, не пользуется беларуским языком, не издает на нем работ, не проводит заседания. То, что в Академии существуют институты языка и литературы, еще дело не решает. У нас до сих пор не разработана беларуская терминология по всем отраслям науки, что дало бы возможность писать по-беларуски научные работы, излагать по-беларуски специальные дисциплины. Неужели научная работа, если она хороша и интересна, что-нибудь потеряет, если будет написана по-беларуски! Наоборот, ее станут переводить и распространять на многих языках мира, как это происходит с произведениями наших литераторов.

Могут сказать, что, став на такой путь, распугаем в Академии ученых, уроженцев других республик, которые не владеют /беларуским/ языком. Нет, никто не собирается сажать за букварь уважаемых серьезных людей. Однако, проживая в Беларуси, им бы не грех научиться хотя бы читать газеты /на беларуском языке/. Большинство же наших ученых — беларусы, и /свой/ язык они знают, но им не пользуются. В их адрес и направлен этот упрек. Разве может быть серьезное развитие науки, если ученые не хотят уважать язык народа, на чьей земле они трудятся?

Союзы композиторов и художников тоже отказались от своего языка. Ну, пусть у них другие средства выражения мыслей и чувств,

не языковые. Однако внести вклад в национальное искусство и музыку, не зная язык народа, невозможно. Язык — самый важный элемент национальной формы, не зная его, не пользуясь им, ни художник, ни композитор не смогут овладеть всеми духовными богатствами народа.

Беларуский язык можно услышать в театрах и по радио. Но что это за язык? Это открытое глумление над ним. Артисты и дикторы нарушают элементарные правила произношения /слов/, расстановки ударений, /их/ язык засорен множеством искаженных слов-калек, неудачно заимствованных из русского языка. Происходит это потому, что артисты, сотрудники радио, журналисты, газетчики не пользуются языком в быту. Переводы газетных статей и материалов радио поручают машинисткам и малограмотным людям. Откуда же здесь взяться хорошему языку? Вот и пишут наши газеты и журналы: «прадстаячы», «маючыйся», «кіруемы» и другие чудовищные слова.

Театры, осуществляя постановку переводных пьес, по-своему неграмотно исправляют переводчиков, изменяют /отдельные/ слова и /целые/ предложения, так как, видите ли, беларуское слово «не звучит». Беларуское слово звучит, но они не знают его, не стремятся понять /его/ смысл и донести до зрителя. Названия пьес театры стараются давать так, чтобы они были не переведены, а лишь написаны беларускими буквами. Кстати, театр оперы и балета никак не может освоить оригинальный репертуар, переводов /на беларуский язык/ либретто классических опер не делает. Певцы, артисты филармонии, чтецы пренебрегают беларуским репертуаром. Можно услышать, что такого репертуара нет. Неправда, есть произведения и для чтения. Надо /лишь/ протянуть руку и взять. А начнешь шире использовать, так и репертуар расширится, /потому что/ будет больше желания работать у его создателей.

Студия «Беларусьфильм» снимает фильмы на русском языке, а потом дублирует их на беларуский. Таким путем национальную кинематографию не создать. Кстати, дублированные фильмы не появляются на экранах столицы, где и как их показывают, неизвестно.

А что мы имеем в области народного просвещения? В вузах, техникумах, школах преподавание на беларуском языке не ведется, наш язык излагается скверно, так, что он становится нелюбимым предметом. Беларуских школ мало, они находятся на окраинах, в худших зданиях, в худших условиях, как бы умышленно, чтобы малые дети не могли туда добраться. Даже во многих деревенских школах беларуского только и осталось, что заржавевшие вывески над крыльцом.

Говорят, против беларуской школы протестует население. Я и мои товарищи-литераторы тоже получаем оскорбительные письма за защиту /нами беларуского/ языка, за использование его. Надо хорошо

разобраться, кто это пишет. Правда, разбираться трудно, ведь пишут анонимы. Выражают ли эти письма подлинную волю и желание народа? Может, действительно наш народ разлюбил свой язык? Нет, этого не было, и быть не может! Прислушайтесь к жителям городских окраин и рабочих поселков, к колхозникам: из их уст звучит чистый, красивый беларуский язык. Никому из них в голову не придет протестовать против того языка, на котором они говорят.

Но есть мещанская прослойка, которая брезгливо относится к нашему языку; она оказывает влияние на недостаточно развитых лиц. К сожалению, прислушиваясь к голосу этого мещанства, некоторые люди в органах народного просвещения начинают ликвидировать беларускую школу и вообще преподавание /беларуского/ языка в ней. Но не волю народа исполняют они, близорукие. Выступать против родного языка, с одной стороны, люди могут вследствие непонимания /сути проблемы/, а с другой — наши враги, враги нашей советской действительности, враги дружбы народов. Вообще недостаточное внимание к языку дает материал для сплетен и инсинуаций нашим зарубежным врагам и их прислужникам.

В чем же причина сегодняшнего положения с языком?

В определенное время — надо ли объяснять, когда и отчего это было? — большая группа интеллигенции перестала пользоваться языком. Разговаривать тогда по-беларуски означало получить ярлык националиста.

Прошу понять меня правильно. Партия справедливо вела борьбу с буржуазным национализмом, вскрывая вредность и корень этого зла. Я имею в виду другое, а именно те нездоровые явления, в результате которых значительное число партийной и советской интеллигенции республики было безвинно репрессировано. Так вот, опасаясь быть наказанными без вины, люди прекращали говорить по-беларуски, а потом, естественно, понемногу и забывали язык. Так было со старшим поколением. Молодежь, подрастая, начала уже нигилистически относиться к /беларускому/ языку: зачем его изучать, если он не имеет практического применения, не используется для преподавания, для переписки, не звучит на собраниях...

К сожалению, не было сделано никаких шагов, чтобы исправить этот уклон от своего языка. Вызванный случайными и нездоровыми обстоятельствами отход интеллигенции от беларуского языка начал неправильно пониматься как вообще нелюбовь народа к нему, нежелание им пользоваться. Из этого непонимания и следовало то, что употребление беларуского языка постепенно уменьшалось.

Видимо, хватит рассуждать, пора перейти к конкретным предложениям? Положение /беларуского/ языка в республике требует улучшения. Я не о каких-то административных распоряжениях, смешно было бы беларусизировать беларускую республику. Дело

может решить хороший пример. Наиболее легким мне кажется такой путь. У нас проводится много республиканских совещаний, торжеств, праздников. На них выступают с докладами ответственные работники, которые знают беларуский язык. Вот пусть бы эти доклады /они/ делали по-беларуски. Это задало бы тон и показало уважение к языку со стороны руководства республики. Хороший пример переняли бы в областях, а затем и в районах. А то в самом деле некрасиво получается, что секретари райкомов и председатели исполкомов говорят с народом не на его языке. Мне думается, таким путем можно достичь большего контакта и взаимопонимания.

Второе. Такие учреждения, как Министерство культуры, Министерство просвещения, могут и должны вести свою работу на беларуском /языке/. Когда беларуским языком заговорят министры и их многочисленные заместители, начнут проводить на этом языке заседания, писать /документы/, тогда можно быть уверенным, что дело пойдет на лад.

Понятно, что не составит особого труда использование /беларуского/ языка в творческих организациях художников, композиторов, в театрах. Внедрение языка в Академии /Наук/ окажет влияние на внедрение его в учебных заведениях. Преподавание самого языка и основных предметов на нем — дело нетрудное. Кадры есть, учебники есть — нужна только расторопность министерства. Конечно, численность беларуских школ должна быть увеличена и условия в них должны быть хорошими.

Я не мастер делать предложения, их надо расширить и углубить. Обо всем этом необходимо хорошо и внимательно поразмыслить. ЦК найдет соответствующие методы и средства. Завел же я этот разговор потому, что не мог не завести, потому, что чувствую это своей обязанностью перед народом.

Глава 7. Национальная политика коммунистов в БССР (1945—1985 гг.)

(Валентин Мазец, кандидат исторических наук)

олитика партийного руководства СССР в области национальных отношений после завершения Великой Отечественной войны в общих чертах была такой же, как в предвоенный период. По-прежнему борьба с национализмом велась преимущественно репрессивными методами, хотя сами эти методы после смерти Сталина смягчились. Значительно больший размах, чем до войны, приобрели процессы русификации. Сравнительно

новым фактором национальной политики стал лишь государственный антисемитизм.

В первое послевоенное десятилетие национальная политика ВКП(б) — КПСС явно напоминала политику Российской империи с ее великодержавным русским шовинизмом и государственным антисемитизмом. Но и в последующие десятилетия принципиальных изменений в содержании национальной политики КПСС не произошло, определенную трансформацию претерпели лишь ее формы и методы.

1. Содержание национальной политики компартии

Борьба с национализмом

20 января 1945 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О политической работе партийных организаций среди населения западных областей БССР», главным стержнем которого был призыв к борьбе против «белорусских буржуазных националистов»:

«В печати и во всей агитационно-пропагандистской работе показывать трудящимся... что белорусско-немецкие националисты были и остаются наёмниками немецких захватчиков, соучастниками их преступлений против белорусского народа»*.

В атмосфере всеобщего недоверия и подозрительности, характерной для советского общества 30-40-х годов, даже пребывание на оккупированной территории во время войны рассматривалось как серьезное преступление. Именно поэтому в феврале 1945 года, вслед за постановлением союзного ЦК, было принято постановление ЦК КП(б)Б «О перевоспитании общества в духа советского патриотизма и ненависти к немецким оккупантам».

Немецких оккупантов на беларуской земле к тому времени уже давно не было. Смысл этого постановления заключался в том, чтобы поставить знак равенства между коллаборационизмом и беларуским национализмом. Отныне официальная советская пропаганда стремилась закрепить в общественном сознании стереотип о тесной взаимосвязи беларуского национального движения (кстати говоря, и ук-

^{*} Отзвуки этого постановления слышны до сих пор. Так, во время одного из выпусков телевизионной передачи «К барьеру!» на канале НТВ лидер ЛДПР В.В. Жириновский в споре с публицистом А. Прохановым заявил, что «беларусы во время войны продались немцам». Преподаватель Гродненского областного института повышения квалификации кадров образования М. Журавков, возмущенный этим заявлением, обратился к спикеру Государственной Думы России Б. Грызлову. Вскоре он получил ответ: Жириновский признал, «что в рассматриваемом конкретном случае в пылу полемики допустил некорректные высказывания, о чем глубоко сожалеет». См. газету «Труд» № 96 (1339) от 13 декабря 2007 г., с. 4.

раинского, и литовского, и других) с нацистскими оккупантами. Советские власти подозревали в «предательстве» любого человека, жившего во время войны на оккупированной территории, даже если он не служил оккупантам. Более того, у сотрудников органов МГБ и МВД вызывали недоверие и те, кто с оружием в руках боролись против оккупантов в партизанских отрядах или в подполье*.

Наряду с «перевоспитанием» населения «в духе ненависти к немецким оккупантам и их пособникам», важным компонентом национальной политики компартии являлась идеологическая борьба с любыми проявлениями национального самосознания. В частности, она нашла свое выражение в критике ряда деятелей искусства за их попытки осмысления исторического прошлого своих народов. Постановление ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 года «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» подчеркнуло:

«Крупным недостатком в деятельности Комитета по делам искусств и драматических театров является их чрезмерное увлечение постановкой пьес на исторические темы».

И это постановление немедленно нашло свое отражение в БССР. Осенью 1946 года бюро ЦК КП(б)Б выявило «ряд серьезных ошибок националистического характера» в книгах и статьях по истории БССР, в частности в предисловии секретаря ЦК КП(б)Б Тимофея Горбунова к 1-й части коллективной монографии «История БССР» (оставшейся неизданной), а также в брошюре того же Горбунова «Героическое прошлое белорусского народа». На XIV и XV Пленумах ЦК КП(б)Б партийной критике подверглись «проявления националистических теорий в области истории и литературы». Партийная критика немедленно нашла отражение в периодической печати, воплотилась в ряде идеологических кампаний.

В январе 1947 года было принято постановление ЦК ВКП(б) «О работе ЦК КП(б) Белоруссии», в котором подчеркивалось, что «отсутствие принципиальной большевистской критики произведений белорусских писателей, восхваление слабых малохудожественных произведений и замалчивание ошибок в творчестве писателей привели к появлению безыдейных и ошибочных произведений, которые неправильно отображают советскую действительность и борьбу белорусских партизан».

Литературный критик Василий Борисенко в статье «О некоторых вопросах истории белорусской литературы» тут же отметил:

^{*} МГБ — министерство государственной безопасности. В 1946 году народные комиссариаты были переименованы в министерства, Красная Армия — в Советскую Армию.

«Проявления рецидива буржуазно-националистических концепций в области истории белорусской литературы и литературной критики, искажение марксистско-ленинской методологии в области литературоведения до современного момента не получили еще соответствующего раскрытия на страницах наших литературно-художественных журналов».

Далее он сделал вывод о том, что «белорусский национализм всегда был и есть наихудшим образцом низкопоклонства перед империалистическим Западом».

«Идеологически ориентированные» критики (типа Борисенко) заклеймили как безыдейные стихотворения Констанции Буйло из сборника «Рассвет», стихотворения Петруся Бровки «Скворец» и «Ива над водою», Максима Танка «Я не знаю, кто ты» и «Дорогая моя», Аркадия Кулешова «Земля и море» и «Земля и небо», Петра Глебки «Смерть солдата», Адама Русака «Осенние напевы», проникнутые чувством искреннего патриотизма, любви к родной природе и своему краю.

Идеологические кампании в некоторых случаях завершались очередными арестами, хотя они уже не имели массового характера. Например, в конце 40-х годов по второму разу арестовали Станислава Шушкевича, Андрея Александровича, Бориса Микулича, Сергея Граховского и несколько других беларуских литераторов, в том числе находившихся в ссылке с 30-х годов!

Новая кампания идеологической травли беларуских писателей началась в 1951 году после появления в газете «Правда» статьи «Против идеологических искажений в литературе». «Националистический уклон» бдительные партийцы обнаружили в стихотворении украинского поэта Владимира Сосюры «Люби Украину». В связи с этой кампанией беларуская республиканская газета «Литература и искусство» («Літаратура і мастацтва») отметила в своей передовой статье:

«Статья «Правды» «Против идеологических искажений в литературе» предупредила всех писателей, всех поэтов о необходимости отчетливой идейной направленности каждого произведения, о необходимости того, чтобы каждое произведение по-настоящему отображало нашу героическую жизнь в эпоху великого Сталина».

В «Материалах к отчетному докладу ЦК КП(б)Б XIX съезду КПСС» (1952 год) подчеркивалось, что компартия БССР считает своей главной задачей «организацию идеологической борьбы против любых проявлений национализма».

В феврале 1956 года состоялся знаменитый XX съезд КПСС, на котором генеральный секретарь партии Н.С. Хрушев выступил с сенсационными разоблачениями так называемого «культа личности Сталина». Съезд ознаменовал начало пресловутой «хрущевской

оттепели» в жизни советского общества, продолжавшейся, с разнообразными «колебаниями», вплоть до отстранения Хрущева от руководства партией и государством в октябре 1964.

Однако «оттепель» в наибольшей мере выразилась в реабилитации жертв политического террора 30-х годов, и очень мало отразилась на содержании национальной политики. Так, в январе 1960 года было принято постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Оно в очередной раз подчеркнуло необходимость «вести непримиримую борьбу против любых проявлений буржуазного национализма, против тенденций к идеализации и затушёвыванию социальных противоречий прошлого, к искажению действительной истории той или иной нации и её взаимоотношений с другими народами СССР, против отдельных проявлений национальной замкнутости и исключительности».

Постановление призывало воспитывать трудящихся «в духе... непримиримости к пережиткам буржуазного национализма, к воссозданию и искусственному насаждению под маркой «национальных традиций отсталых, реакционных обычаев и нравов», к попыткам противопоставления неправильно понимаемых местных интересов общим интересам борьбы советского народа за коммунизм.

Не будет преувеличением утверждение, что на идейном уровне подобное отношение «центра» к национальному движению в союзных республиках сохранялось до конца существования СССР.

Государственный антисемитизм

Начало кампании антисемитизма в СССР положил секретный приказ, поступивший в действующую армию в конце 1943 года. Он предписывал устранить евреев со всех командных должностей уровня фронтов, армий и корпусов.

Осенью 1944 года на расширенном совещании Политбюро ЦК Сталин высказался за ограничение в назначении евреев на любые руководящие должности. По итогам совещания было составлено директивное письмо, которое секретариат ЦК разослал в январе 1945 года. Оно предписывало под различными благовидными предлогами устранять евреев с руководящих и ответственных должностей в народном хозяйстве, советском и партийном аппарате.

Вскоре после рассылки этого письма у евреев начали возникать проблемы при поступлении на работу и учебу, при получении квартир. Были введены негласные квоты, жестко ограничившие процент студентов-евреев. Так, в 1947 году в Московский университет впервые не поступило много евреев-медалистов.

В том же году из Уголовного кодекса убрали статью, предусматривавшую уголовную ответственность за проявления антисемитиз-

ма. В ряде населенных пунктов России, Украины и Беларуси произошли еврейские погромы. Власти не приняли никаких мер, чтобы защитить еврейское население от насилия.

В 1938 году среди секретарей райкомов и горкомов компартии БССР было 196 беларусов, 47 евреев, 36 русских. К осени 1947 года в этом звене партийного руководства осталось всего 10 евреев. А с 1955 года и по декабрь 1991 в числе секретарей райкомов и горкомов КПБ не было ни одного еврея.

14 мая 1948 года было создано государство Израиль. В первые месяцы его существования Сталин поддерживал национальное еврейское государство, так как в его политическом руководстве доминировали представители левых партий, а провозглашение независимости противоречило политике Великобритании на Ближнем Востоке. Сталин даже оказал Израилю значительную помощь оружием, поставки которого осуществлялись через Чехословакию. Но очень скоро кремлевский диктатор разочаровался в этих «жалких еврейчиках» (его собственные слова).

Как-то «наказать» чересчур независимых израильтян он не мог, зато в своей империи деспот мог вытворять все, что хотел. По его распоряжению соответствующие органы приступили к подготовке показательного политического процесса, который должен был оправдать в глазах советских людей политику государственного антисемитизма. На скамью подсудимых планировалось посадить руководителей Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Процесс должен был показать «всему советскому народу и прогрессивной мировой общественности антисоветскую националистическую работу» этих людей.

В ноябре 1948 года комитет был распущен, его председателя — народного артиста СССР Соломона Михоэлса — агенты МГБ убили в Минске. В период 1948—52 гг. в связи с фальсифицированным «делом ЕАК» были репрессированы 110 человек, в том числе 10 пошли под расстрел, остальные получили длительные сроки заключения. Однако устроить показательный процесс не удалось. Практически никто из членов комитета не дал признательных показаний, несмотря на зверские пытки. Позже всех их полностью реабилитировали.

8 февраля 1949 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О роспуске объединений еврейских писателей и о закрытии альманахов на еврейском языке». В соответствии с ним были распущены объединения еврейских писателей в Москве, Киеве и Минске. Более того, срочно закрыли все еврейские школы, журналы и газеты, издательства, театры.

Репрессии против евреев сопровождались идеологической кампанией по борьбе с «безродными космополитами» (в смысле — евреями), развернувшейся в СССР после публикации 28 января 1949

года в газете «Правда» редакционной статьи «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». В ней, в частности, было сказано:

«Эти критики утратили свою ответственность перед народом, являются носителям глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма».

Особенно широкий размах кампания борьбы «с безродными космополитами» приняла в БССР. Она сопровождалась «раскрытием таковых» среди журналистов, театральных и музыкальных деятелей. Был расформирован Государственный еврейский театр БССР, Могилевский областной драмтеатр, а «безродными космополитами» объявлены режиссеры М. Модель, Л. Литвинов, В. Головчинер, литературоведы Л. Бараг, А. Кучер и другие.

Продолжением «дела Еврейского антифашистского комитета» стало так называемое «дело врачей», раскручивавшееся МГБ СССР с ноября 1952 года. «Светил» советской «кремлевской» медицины (В.Н. Виноградова, Я. Эттингера и два десятка других) обвинили в том, что якобы они отравили выдающихся большевиков — А.С. Щербакова (умер в 1945) и А.А. Жданова (умер в 1948), планировали отравить «самого товарища Сталина». Разумеется, не просто так. Дескать, все они были членами международной еврейской террористической организации «Джойнт».

Газета «Правда» сообщила, что «убийц в белых халатах» разоблачила врач кремлевской больницы Лидия Тимашук. За это ее наградили орденом Ленина, а вскоре после того, как «дело врачей» было прекращено (летом 1953 года) агенты МГБ «устранили» ее, инсценировав автомобильную катастрофу.

В последующие десятилетия советской власти отношение партийно-государственных органов к евреям внешне выглядело по-разному, но по существу всегда оставалось негативным.

Возвеличивание русского народа

Новая тенденция в национальной политике руководства компартии и государства обозначилась во время войны. Высшее партийно-государственное руководство СССР, мобилизуя «советский народ» на победу в войне, реанимировало великодержавные стереотипы: о непобедимости «русского солдата», об его исключительной выносливости и героизме, о былой военной славе Российской империи.

К концу войны стереотипы такого рода способствовали трансформации понятия «советский народ». Отныне его основу составлял великий русский народ — первый среди равных народов. Дальнейшая эволюция этой концепции происходила в сторону негласного

разделения остальных народов СССР на «благонадёжные» и «не вполне надёжные». Соответственно, в национальной политике происходило возвышение роли русского народа и «русских братьев» во взаимоотношениях с другими народами Советского Союза.

Официальное начало этой тенденции положил И.В. Сталин 24 мая 1945 года, когда на приеме в честь победы в Великой Отечественной войне приветствовал не советский, а именно русский народ и заявил, что это «главный из народов СССР», что он «завоевал в войне право признаваться направляющим для всего Союза», что его главными чертами являются «ясность ума, твердость характера и выносливость».

Как всегда, на идеологическую установку Москвы одними из первых откликнулись беларуские партийные марионетки. Уже в июне 1945 года Пленум ЦК КП(б)Б принял постановление «О политической работе среди населения Гродненской области», которое обязало все парторганизации республики:

«Воспитывать рабочих в духе преданности социалистической Родине, в духе любви и уважения к великому русскому народу. Неутомимо объяснять рабочим, что только благодаря помощи наших русских братьев и всех народов СССР, связанных в одно целое дружбою, достигнуто освобождение Белоруссии от ига немецких оккупантов».

Тем временем кампания по возвеличиванию русского народа набирала силу в масштабах всего Советского Союза. Например, всесоюзное радио в течение четырех месяцев (с сентября по декабрь 1948 г.) провело цикл передач на тему «Великий русский народ — выдающаяся нация и руководящая сила Советского Союза».

Возникла острая необходимость найти и опубликовать как можно больше доказательств того, что русский народ древен, могуч и велик, и еще того, что все нерусские народы с эпохи раннего феодализма стремились изо всех своих сил добровольно к нему присоединиться. Дескать, российская империя создавалась не «железом и кровью», как все империи на свете, а преимущественно «на добровольных началах».

Более того, если Карл Маркс и Фридрих Энгельс неоднократно называли Россию варварской страной, а русских — дикарями, то Сталин занял принципиально иную позицию. По его мнению, в XIX веке и в начале XX столетия Европа становилась все более реакционной, тогда как русский народ полным ходом двигался к революции и, следовательно, становился все более «прогрессивным».

Разумеется, в одночасье появилось множество авторов, которые находили доказательства сталинским тезисам во всех областях общественной жизни — в политике и экономике, науке и технике, военном деле, литературе и искусстве, в деяниях прошлых эпох и в со-

бытиях современности. В частности, именно в конце 40-х годов стал популярным тезис, согласно которому «русские гении первыми открыли всё», тогда как коварные иностранцы постоянно воровали у них изобретения и славу.

В своей новейшей работе «Марксизм и вопросы языкознания», опубликованной в 1950 году, Сталин заявил, что русский язык «должен стать языком всего пролетариата». В такой многоязычной и многонациональной стране как Советский Союз, с его диктаторским репрессивным режимом, на практике это означало насильственное вытеснение национальных языков из всех сфер государственной и общественной жизни.

Конечной целью национальной политики компартии, по Сталину, являлось создание единой советской нации, на основе марксистско-ленинского мировоззрения, русского языка и «советской социалистической культуры». Нетрудно видеть, что и эта сталинская идея в неизменном виде сохранялась в СССР в качестве идеологического маяка вплоть до распада союзного государства.

Особенности реабилитации жертв массовых репрессий

После смерти Сталина в СССР с 1954 года постепенно началась реабилитация жертв политических репрессий. После XX съезда КПСС она приобрела массовый характер.

Однако тоталитарная политическая система подверглась не демонтажу, а только реформированию. Главным виновником политических репрессий компартия объявила Сталина, некоторых высших руководителей репрессивного аппарата СССР и союзных республик. При этом никто из его ближайших помощников (таких, как Молотов, Маленков, Каганович, Ворошилов, Андреев, Шкирятов) не был даже арестован. Вопреки фактам, руководство КПСС лицемерно заявляло, что в массовых репрессиях повинны исключительно органы государственной безопасности, якобы вышедшие из-под партийного контроля и «поставившие себя выше партии». Партийные деятели, поголовно участвовавшие в организации массовых репрессий, меньше всего хотели привлечь к ответственности самих себя и своих «товарищей по партии».

На низовом уровне такая политика нередко приводила к тому, что бывшие палачи и их жертвы, восстановленные в партии, состояли на учете в одних и тех же партийных организациях, сталкивались «лицом к лицу» на партийных и профсоюзных собраниях.

Кампания по реабилитации жертв политических репрессий затронула и БССР. Только за первые пять лет (1955—61 гг.) Верховный

суд БССР реабилитировал около 40 тысяч жителей республики, а военный трибунал Белорусского военного округа — около 20 тысяч.

Однако, во-первых, это было очень мало по сравнению с общим числом людей, подвергшихся политическим репрессиям за период с 1921 по 1953 годы — максимум 10% в отношении более чем 600 тысяч жертв.

Во-вторых, власти реабилитировали преимущественно партийных, советских, комсомольских и хозяйственных работников, начальствующий состав вооруженных сил и спецслужб, научно-техническую интеллигенцию. Случаи оправдания репрессированных деятелей культуры, искусства, религии составляли ничтожное меньшинство в общем массиве реабилитационных дел.

Например, в 1954—55 гг. «из-за отсутствия состава преступления» были реабилитированы всего лишь 15 литераторов, в 1956—57 гг. — еще 25. Между тем, за 25 предыдущих лет были арестованы свыше 200 членов Союза писателей БССР. Дожили до освобождения немногие. Из лагерей и ссылок вернулись А. Александрович, Г. Березкин, С. Граховский, В. Дубовка, М. Лужанин, Я. Пуща, Я. Скрыган, С. Шушкевич, еще несколько человек.

Постепенно из «закрытых» фондов возвращалась к читателям и «репрессированная» литература: книги, газеты, журналы. Писатель Борис Саченко вспоминал:

«Помню кабинет беларуской литературы в Государственной библиотеке имени Ленина, который просто был завален пожелтевшими номерами журналов «Маладняк», «Узвышша», «Полымя», а также книгами тех, кому возвращено было гражданство. С какой неутолимой жаждой набросились все, кто работал тогда в этом кабинете, на неожиданно подаренное щедрое богатство, которого не видели, даже некоторые не знали, что оно есть».

Газета «Литература и искусство («ЛіМ») стала печатать отдельные произведения тех, кто был репрессирован, их воспоминания. Однако реабилитированным литераторам позволили говорить далеко не всю правду о пережитом.

Крайне редко снимались обвинения с пресловутых «националистов». Более того, реабилитируя их за отсутствием «состава преступления» (т.е. устраняя обвинения в шпионаже, вредительстве, терроризме) политические обвинения с «нацдемов» не снимали вплоть до конца 80-х годов.

Вот пример. В декабре 1967 года научный сотрудник Института истории партии при ЦК КПБ В. Якутов, а в марте 1968 года преподаватель Минского педагогического института А. Клочко обратились в ЦК КПБ с заявлениями о необходимости реабилитации Дм. Жилуновича (Тишки Гартного) в партийном порядке. Член партко-

миссии при ЦК КПБ А. Рушкин, рассмотревший их заявления, с возмущением отметил:

«Однако и теперь находятся люди, даже члены партии, такие как т.т. Якутов и Клочко, которые, поднимая вопрос о реабилитации Жилуновича в партийном порядке, пытаются утверждать, что он не имел причастности к белорусскому национализму, тем самым ревизуют, берут под сомнение правильность линии нашей партии в борьбе со всякими антипартийными платформами, в том числе и с белорусскими националистами».

Он призвал руководство ЦК КПБ «осудить письменные заявления тт. Якутова В.Д. и Клочко А.М.» Парткомиссия при ЦК КПБ признала «невозможным оставить в дальнейшем Якутова В.Д. на работе в Институте истории партии при ЦК КПБ».

Таким образом, партийное руководство республики снова подтвердило свою приверженность линии на подавление беларуского национального движения. Оно не собиралось отступать ни на шаг в этом вопросе. Что касается обвинений беларуских национальных деятелей в «предательстве народных интересов», заключавшемся, по мнению советских властей, в сотрудничестве с немецким оккупационным режимом, то эти обвинения не сняты с большинства репрессированных до сих пор.

Курс на формирование «строителя коммунизма»

После XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) на первый план в национальной политике высшее руководство компартии выдвинуло задачу формирования «советского человека — строителя коммунизма». Но под этой новой вывеской скрывалась прежняя сталинская идея. Планировалось полностью вытеснить из сознания советских граждан «религиозные и националистические предрассудки», заменив их марксистско-ленинским мировоззрением; вместо национальных традиций и культуру распространить повсюду единую «советскую пролетарскую культуру» (она же — «социалистическая»); от национальных языков повсеместно перейти к русскому языку.

Не случайно постановление июньского 1957 года Пленума ЦК КПСС «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.» обвинило этих деятелей в том, что их группа «противодействовала твердому курсу партии, направленному на ускоренное развитие экономики и культуры в национальных республиках, что обеспечивает дальнейшее укрепление ленинской дружбы между всеми народами нашей страны».

Но «укреплять дружбу» между народами высшее партийное руководство планировало путем дальнейшего расширения сферы употребления русского языка, а «ускорять» развитие культуры — путем

внедрения «советской культуры на базе передовой культуры русского народа».

Еще в августе 1956 года участники межреспубликанской научнопрактической конференции в Ташкенте отметили, что «русский язык стал для всех советских народов «вторым родным языком» и главным источником «обогащения лексики национальных языков». На праздновании 40-летия провозглашения БССР в Минске (январь 1959 года) генеральный секретарь партии Н.С. Хрущев подчеркнул: «Чем быстрее все мы начнём разговаривать на русском языке, тем быстрее мы построим коммунизм».

В том же 1959 году был принят Закон СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». В соответствии с ним изучение языка титульной нации в союзных республиках — как отдельного предмета в русскоязычных школах — стало целиком определяться желанием родителей и самих учеников. А если учесть, что обучение во всех ВУЗах и техникумах Беларуси уже давно велось на русском языке, большинство родителей, особенно в городах, делали свой выбор в пользу русского языка. Одновременно партийно-государственные власти стали сокращать число национальных школ.

В результате в БССР начал быстро формироваться все более значительный слой так называемого «русскоязычного населения», в основном — за счет молодого поколения, утратившего возможность получать не только высшее, но и среднее образование на родном языке.

Ориентиры национальной политики

Содержание советской национальной политики периода 60—80-х годов в основном соответствовало установкам новой Программы КПСС, принятой на ее XXII съезде (октябрь 1961 г.).

В области экономики партия обязалась обеспечить дальнейшее развитие экономики союзных республик на основе их специализации и максимального использования имеющихся у них природных богатств. Одновременно был взят курс на формирование в СССР единого промышленного комплекса, в котором его составные части (союзные республики, области и автономии РСФСР) через экономические связи становились взаимозависимыми друг от друга и от главного центра управления (Москвы). Этот тезис объясняет истинный смысл строительства крупных промышленных предприятий в Прибалтике, Беларуси, Средней Азии, абсолютно ненужных самим этим республикам.

В Программе было сказано, что процесс становления коммунистической нации происходит в результате формирования *новых* на-

циональных элементов и особенностей, *общих для всех народов*. Предусматривалось постепенное слияние отдельных народов СССР в единую коммунистическую нацию, а их языков — в единый язык. Программа утверждала, будто бы в СССР «развивается общая для всех советских наций интернациональная культура», а «социалистический интернационализм» был объявлен «высшим качеством всех советских людей».

Соответственно, Программа декларировала заботу о дальнейшем расцвете национальных культур народов СССР, но с условием «укрепления их интернациональной основы», создания общей советской культуры через расширение общественных функций русского языка как языка межнациональных отношений в многонациональном государстве.

Наряду с этим, Программа традиционно заявила о важности дальнейшей борьбы «против проявлений шовинизма и национализма, против тенденций к национальной ограниченности и исключительности, к идеализации прошлого и замалчиванию социальных противоречий в истории народов, против национальных обычаев и традиций», так как все это препятствует «коммунистическому строительству». Было подчеркнуто, что «ликвидация проявлений национализма соответствует интересам всех наций и народностей СССР», а «каждая советская республика сможет в дальнейшем расцветать и укрепляться только в великой семье братских социалистических наций СССР».

Но в реальной жизни достичь «слияния наций» не удавалось. Народы СССР вовсе не стремились отказываться от своих национальных традиций, языков и культур. Это вызывало недовольство высшего партийного руководства.

Так, постановление ЦК КПСС «О руководстве Минского обкома Коммунистической партии Белоруссии идеологической работой» (июнь 1962 г.) призывало обратить внимание партийных организаций на «необходимость воспитания у рабочих чувства советского патриотизма и социалистического интернационализма», настойчиво вести борьбу «против самых мелких проявлений местечковости, поклонения устаревшим реакционным обычаям, против националистических пережитков и разными средствами пропагандировать достижения братских народов Советского Союза в строительстве коммунизма, укрепления дружбы и неуклонном сближении социалистических наций, развитие новых, интернациональных по своей сути традиций народов СССР».

Национальный вопрос рассматривался на пленуме ЦК КПСС в июне 1963 года. Было принято постановление «Об очередных задачах идеологической работы партии». В нем подчеркивалось:

«Советский патриотизм по своей сущности интернационален и несовместим с тенденциями к национальной ограниченности, независимо от того, в какой форме они проявляются»..., «воспитание советского патриотизма, любви к социалистической Родине, к великой Коммунистической партии Советского Союза — самая важная, первоочередная задача идеологической работы... Национализм по своей сущности является враждебным социализму, дружбе народов, противоречит объективному процессу развития и сближения социалистических наций».

Пленум обязал все парторганизации усилить работу по воспитанию у трудящихся «чувства социалистического интернационализма», вести непримиримую борьбу против любых проявлений национализма, в частности, против проповеди национальной исключительности и обособленности, против «идеализации» прошлого, против одобрения «реакционных» традиций и обычаев.

.0.

В октябре 1964 года на очередном пленуме ЦК КПСС был изгнан со всех партийных и государственных постов Н.С. Хрущев, его сменил Л.И. Брежнев, остававшийся лидером партии в течение 18 лет, до осени 1982 года. С этого момента в истории СССР начался период, получивший название «эпоха застоя». Он привел к нарастанию кризисных явлений в стране, завершившихся в 1991 году распадом СССР.

Кризисные явления были обусловлены не в последнюю очередь кадровой политикой, основы которой закрепили решения XXIII съезда КПСС (апрель 1966 г.). В уставе партии было ликвидировано введенное всего 5 лет назад XXII съездом ограничение срока пребывания на одной руководящей должности более 12 лет. В реальной жизни это новшество привело к расширению клановости и групповщины среди руководства всех уровней. В интересующем нас аспекте важно отметить значительное усиление национально ориентированных сил в партийно-государственных аппаратах всех союзных республик, кроме БССР.

Итоги переписи населения 1970 года засвидетельствовали, что заявленное сближение наций и народов происходило очень медленно. Число межнациональных браков, уровень миграции из одних республик в другие были относительно невысокими. Более того, рождаемость среди русского этноса начала снижаться, тогда как у среднеазиатских и мусульманских народов наблюдался быстрый рост населения. Возникла угроза того, что при сохранении такой тенденции русские утратят в будущем свою доминирующую роль в СССР.

Очередной XXIV съезд КПСС (1971 год) внес некоторые коррективы в содержание национальной политики. С одной стороны, съезд в который уже раз подчеркнул необходимость борьбы с «тенденцией к национальной ограниченности и исключительности, к идеализации прошлого и замалчивания социальных противоречий в истории народов», с «устаревшими нравами и обычаями». В то же время, в решениях съезда было отмечено, что партия и далее будет «последовательно осуществлять ленинский курс на расцвет социалистических наций и их постепенное сближение.

А в следующем году появилось постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию создания Союза Советских Социалистических Республик». Оно выделило в качестве «объективной закономерности развития социализма»... «теснейшее единство, всесторонний расцвет и неуклонное сближение всех наций и народностей». Был сделан вывод о том, что «за годы строительства социализма и коммунизма в СССР возникла новая историческая общность людей — советский народ, выросли поколения настоящих интернационалистов — самоотверженных борцов за коммунизм»*.

Таким образом, вместо декларированного ранее «слияния наций» партийные идеологи заговорили об их «сближении», ибо наконец поняли, что рассчитывать на полное исчезновение характерных черт основных наций и народностей в СССР не приходится.

Зато еще большее значение партийное руководство стало придавать повсеместному внедрению русского языка. Эти усилия не пропали даром. В большинстве союзных и автономных республик СССР русский язык значительно укрепил свои позиции. В первую очередь в Беларуси, где в 70-е годы русским языком свободно владело не менее 57% населения, в Украине (около 50%), в среднеазиатских республиках. Исключение составили Эстония, где использование русского языка не превышало в 70-е годы 29% (да и то лишь в городах), и Грузия, народ которой высказал решительный протест против уравнения в правах русского и грузинского языка как государственных.

В составе руководства ЦК КПСС преобладали представители русской национальности. Из 101 члена ЦК, избранных в период между 1952 и 1976 гг., 78 человек были русскими. Политбюро ЦК почти полностью состояло из русских и украинцев, с символическим представительством некоторых других национальностей. Ис-

^{*} В этой связи невольно вспоминаются яркие примеры, наглядно продемонстрировавшие «интернационализм в действии». Например, такие, как резня месхетинцев в Ферганской долине, массовые убийства армян в Сумгаите и Баку, гражданская война между «северными» и «южными» кланами в Таджикистане. Все это произошло еще до распада СССР. — Прим. Ред.

ключительно из русских и украинцев состоял и Секретариат ЦК КПСС, ведавший вопросами назначения на руководящие должности союзного значения.

Дальнейшая разработка концептуальных положений политики партии в национальном вопросе нашла отражение в постановлении, посвященном 60-й годовщине образования СССР (1982 год). В нем подчеркивалось, что «социалистическая по содержанию, многогранная по своим национальным формам, интернациональная по характеру советская культура стала великой силой идейно-морального единения наций и народностей Советского Союза».

Декларировалось, что «КПСС боролась и всегда будет решительно бороться против таких чуждых природе социализма проявлений, как шовинизм или национализм, против любых националистических вывихов, будь то антисемитизм или сионизм». В этой связи Постановление обратило внимание на такой существенный момент, как взаимоотношения между представителями разных национальностей в союзных республиках:

«Так как в ряде республик за последние годы значительно увеличилось число граждан некоренных национальностей, которые имеют свои специфические потребности в области языка, культуры и быта, партийные комитеты обязаны глубже понимать эти проблемы, своевременно предлагать пути их решения».

Особенно остро эта проблема стояла в Эстонской ССР. В данной связи в июле 1984 года было принято специальное постановление ЦК КПСС. В нем подчеркивалось, что «отдельные руководители /Эстонии/ не придают достаточного внимания патриотическому и интернациональному воспитанию». На практике этот тезис означал необходимость дальнейшего углубления процессов русификации: ведь «недостаточно воспитанными» оказались не русские, жившие в Эстонии, но категорически не желавшие изучать эстонский язык, а эстонцы, не стремившиеся переходить на язык оккупантов и не желавшие усваивать достижения «передовой культуры, русской по форме, советской по содержанию».

.0.

Итак, в рассматриваемый период национальная политика КПСС и советского государства характеризовалась борьбой против любых проявлений национального самосознания, которые неизменно характеризовались как национализм, а также против национальных традиций и обычаев.

Провозглашенный Сталиным и подхваченный партией лозунг «слияния наций» в «единую коммунистическую нацию» наиболее последовательно осуществлялся в БССР. Здесь проводилась целена-

правленная государственная политика по вытеснению беларуского языка из культурной и общественной жизни и расширению сферы употребления русского языка, ставшего средством межнационального общения. Это, в свою очередь, негативно отражалось на этнических процессах, происходивших в Беларуси. Национальный язык, один из главных признаков этноса и его стержень, постепенно исчезал в повседневном обиходе.

Следовательно, можно заключить, что эксперимент по созданию нового сообщества людей — «советского народа» — с наибольшим успехом проходил именно в БССР.

2. Формы реализации национальной политики в БССР

Доминирование некоренного населения

Партийно-государственное руководство. Еще не успела завершиться война, как по инициативе Москвы началось заполнение штатов государственных органов, учреждений образования, культуры и науки БССР представителями других национальностей, не знавшими ни беларуского языка, ни особенностей беларуской культуры.

В августе 1944 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительской работы среди населения». В связи с ним руководству отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) поручалось «направить на постоянную работу в БССР (в дополнение к ранее направленным 42-м пропагандистам) 8 руководящих пропагандистских работников из выпускников Высшей партшколы при ЦК ВКП(б) и 30 пропагандистов из выпускников межобластных курсов пропагандистов в г. Куйбышеве». А всего во второй половине 1944 года ЦК ВКП(б) направил в БССР 429 человек, занявших руководящие должности в областных и районных комитетах партии. Беларусов среди них не было.

Кроме того, в 1944 году 500 специалистов из РСФСР и других республик получило сельское хозяйство, 1506 медицинских работников — система здравоохранения. Москва требовала как можно скорее восстановить промышленные предприятия, наладить работу медицинских учреждений, а проблема владения специалистами беларуским языком никого там не волновала.

Более того, направление в БССР партийных и советских работников из других республик в значительной мере было обусловлено недоверием центральных органов власти СССР к местным кадрам, которых, по их мнению, требовалось «перевоспитать» в связи с тем, что они временно находились в оккупации. Вновь назначенные республиканские партийные чиновники систематически меняли мест-

ных руководителей, потенциально способных проводить относительно самостоятельную политику и пользовавшихся определенным авторитетом в народе. В результате такой политики только за два года (1944—46) в БССР сменилось около 90% руководителей районной и городской администрации, 83% председателей колхозов и директоров совхозов!

На 1 января 1945 года из 29.515 членов и кандидатов в члены компартии республики только 46,5% (13.726 человек) являлись беларусами, тогда как 36,9% (10.891 человек) составляли русские, а еще 16,6% (4898 человек) — лица других национальностей, преимущественно евреи. Следовательно, около половины членов беларуской партийной организации могли вести служебное делопроизводство и агитационно-пропагандистскую работу среди населения только на русском языке.

В 1948 году в составе КП(б)Б было 55% беларусов, тогда как русских — 27%, лиц иных национальностей — 18%.

Эти цифры показывают два факта: во-первых, несоответствие национального состава партии национальному составу населения БССР; во-вторых, втрое завышенное представительство русских (в структуре населения БССР их доля в то время не превышала 9%).

Практика выдвижения руководителей в Беларуси после войны по-прежнему была направлена на отстранение беларусов от власти. Так, в течение первых 12 лет после восстановления советской власти в БССР первыми секретарями ЦК КПБ являлись русские: П. Пономаренко (июль 1944 — март 1947), Н. Гусаров (март 1947 — июль 1950), Н. Патоличев (июль 1950 — июль 1956). Пост второго секретаря ЦК партии тоже обязательно занимал русский. Между тем, именно второй секретарь контролировал всю партийную номенклатуру в республике, так как он отвечал за работу с номенклатурными кадрами.

В 1946 году среди заведующих отделами ЦК КПБ было 44,4% русских, столько же беларусов, 11,2% — представителей других национальностей. Кстати, на протяжении 44 лет (1944—1988 гг.) доля русских среди заведующих отделами ЦК КПБ никогда не опускалась ниже 35%. Среди заместителей заведующих отделами русские составляли 30—35%.

В 1951 году в правительстве БССР было всего лишь 9 беларусов (29,7%) и 24 человека (70,3%) других национальностей: 22 русских, 1 грузин (министр госбезопасности), 1 еврей.

В 1953 году из 1408 сотрудников административных органов западных областей Беларуси только 114 человек (8,1%) были беларусами местного происхождения.

Постепенно «удельный вес» беларусов в составе республиканской номенклатуры возрос. На 1 января 1955 года беларусы со-

ставили 61,4 % руководящих кадров КПБ, русские — 26,15%, лица других национальностей — 12,45%. В республиканской компартии на тот момент беларусы составляли 60,23%, русские — 23,94%, прочие — 15,83%. Но в общей структуре населения БССР беларусов было около 84%, тогда как русских едва набиралось 10%.

При этом из 170 заведующих отделами культуры районных комитетов КПБ беларусов в 1955 году было 57% (98 человек), а русских — 28% (48 человек), других национальностей — 15% (24 человека). Через 5 лет (в 1960 г.) из 145 заведующих отделами культуры райкомов и горкомов КПБ было 54% беларусов (78 человек), 25% (37 человек) русских, 21% (30 человек) — других национальностей.

Лица русской национальности на протяжении более чем 30 лет были представлены в партийном руководстве в значительно большей пропорции, чем проживали в республике и состояли в республиканской компартии. Если к этому факту добавить другой — рабочим языком партийных функционеров и государственных чиновников, независимо от их национального происхождения, являлся русский — доминирование русского этноса просматривается вполне отчетливо.

Специалисты. В сфере науки представители русского этноса тоже занимали привилегированное положение. Как известно, ученые-беларусы в своем большинстве были репрессированы в 30-е годы. Поэтому не удивительно, что в 1950 году среди всех научных сотрудников Академии наук БССР беларусы составляли только 50,7%, тогда как русские — 25,8%, лица прочих национальностей — 23,5%. При этом среди сотрудников, имевших ученые степени кандидатов и докторов наук, ученые звания профессоров и старших научных сотрудников, русские преобладали весьма значительно.

В Министерстве просвещения БССР работали 48,5% беларусов, 28% русских, 23,5% — иных национальностей; в Министерстве здравоохранения беларусов было 37,2%, русских — 20,8%, прочих (в основном, евреев) — 42%.

В целом, в национальной структуре научных и научно-педагогических кадров республики беларусы составляли 44%, русские 26,3%, представители других национальностей — 29,7%. Беларусы находились в меньшинстве, что, как и в компартии, не соответствовало структуре населения.

В 1956 году из 24 действительных членов АН БССР было 15 беларусов и 7 русских, среди 15 членов-корреспондентов беларусов и русских было по 7 человек.

В 1967 году в общей массе научно-педагогических работников и специалистов, занятых научной работой в БССР, беларусов было менее половины — 47,6%, тогда как русских более трети — 35,1%. При этом беларусы составили 45,1% всех кандидатов наук, а рус-

ские — 37,6%. Среди докторов наук удельный вес беларусов и русских в республике был почти одинаков — 38,5 и 38,2%. Хотя процент ученых-беларусов несколько увеличился, по сравнению с 1950 годом, но и эти цифры не соответствовали национальной структуре населения.

В 1969 году из 18.678 научно-педагогических работников БССР беларусов было 48% (8965 человек), русских — 35,5% (6631 человек), иных национальностей — 16,5% (3082 человека). Среди 344 докторов наук беларусов было 142 человека (41,3%), русских — 127 человек (36,9%), прочих национальностей — 75 (21,8%).

На 1 января 1978 года в системе Академии Наук БССР беларусов было 2,5 тысячи человек (50,2%), русских — 1,8 тысячи (37,9%), других национальностей — 11,8%.

В 1970 году в пяти творческих союзах (писателей, журналистов, архитекторов, композиторов, кинематографистов) в целом беларусы составляли — 45,2%; русские — 29,2%; прочие — 25,6% (при этом в союзе композиторов было 13 беларусов и 14 русских, в союзе кинематографистов — 32 и 51, в союзе архитекторов — 93 беларуса и 128 русских). Как видим, беларусы составляли менее половины творческой интеллигенции.

Только в начале 1980 годов доля этнических беларусов превысила половину от общей численности научно-технических и научно-педагогических кадров в собственной стране, однако следует учесть, что в своем подавляющем большинстве эти беларуские кадры были русифицированы. Делопроизводство почти во всех институтах Академии Наук, во всех республиканских министерствах и ведомствах, во всех ВУЗах велось на русском языке.

Русское этническое меньшинство, которое по переписи 1989 года составило чуть более 13% от общей численности населения БССР, в течение всего послевоенного периода занимало доминирующие позиции в научной, научно-педагогической и научно-технической жизни Беларуси.

Городское население. В первые десять послевоенных лет (1945—55) осуществлялся широкий «завоз» рабочих и специалистов из России на все крупные беларуские предприятия. Кроме того, очень много русских самостоятельно приезжало на постоянное жительство в БССР. В результате действия этих двух факторов, «удельный вес» русских в составе городского населения достиг значительных величин. Так, в 1979 году среди жителей Бобруйска, Витебска и Полоцка русских было по 22%, Минска и Гомеля — по 20%, Бреста — 19%, Гродно — 18%, Могилева — 14%. Доля русских в общем составе городского населения БССР постоянно возрастала: в 1975 году они составляли 18,5%; в 1980 году — 19,4%; в 1988 году — 20,2%.

Наплыв мигрантов не только размывал традиционную этническую структуру населения Беларуси. Именно приезжие формировали в наших городах своеобразную культуру — не беларускую, а «советскую», основанную на русском языке, русской литературе, русских обычаях повседневного быта. Художественную и специальную литературу, а также периодические издания жители городов читали преимущественно на русском языке. Так, в начале 80-х годов 63,7% жителей городов БССР читали литературу и периодические издания только на русском языке; на русском и на беларуском языках — 24,8%; исключительно на беларуском языке — 8,8%.

Для горожан Беларуси всех национальностей основным средством общения и на производстве, и в быту стал русский язык. За 30 лет (с 1959 до 1989 года) общее число горожан, назвавших родным языком русский, возросло с 1 млн 309,6 тысяч до 3 млн 243,1 тысяч (в 2,48 раза), а их «удельный вес» в структуре городского населения увеличился с 16,26 % до 31,95%!

В результате урбанизации и индустриализации БССР в 1950 — 60-е годы наблюдался значительный приток в города деревенских жителей. Если в 1957 году их было около 70% от общего количества рабочих и служащих, то в 1960 году (всего через три года!) — уже 80%. Характеризуя этнокультурные процессы, происходившие в то время, беларуский писатель Сергей Дубовец метко подчеркнул: «крестьянская нация ... ринулась в город, где ее ждала городская культура — русско-советская».

Городских беларусов, назвавших родным русский язык, было в 1970 году 24% от общей численности, тогда как в целом по республике только 9,8%. Еще выше этот показатель был в Минске, где 39,3% беларусов назвали родным русский язык.

По переписи 1989 года менее 50% жителей беларуской столицы, областных центров (Бреста, Витебска, Гомеля, Гродно), колыбели беларуской государственности Полоцка, таких крупных городов как Бобруйск, Пинск и Новополоцк назвали беларуский язык родным. Только в Вилейке и Новогрудке свыше 80% горожан назвали своим родным беларуский язык.

Как видим, вследствие углубления процессов русификации в городах быстро сокращалось число беларусов, владевших родным языком. Например, если в сельской местности с 1959 до 1989 года это снижение составило лишь 1,52%, то в городах беларусов, назвавших беларуский язык родным, стало меньше на 7,67% (с 77,52% до 69,85%).

Кроме того, в городах быстрыми темпами происходила ассимиляция представителей других национальностей, проживавших в БССР. Так, по переписи 1970 года русский язык в городах назвали

родным 80,3% проживавших там евреев, 56% латышей, 55% армян, 54,5% украинцев.

При этом, что естественно, на производстве русский язык использовался шире, чем в семейной жизни, особенно это было заметно среди тех людей, кто сравнительно недавно переехал в город. Большинство городского населения Беларуси, особенно бывшие жители деревни (горожане в «первом поколении»), пользовались и продолжают пользоваться до сих пор смешанным русско-беларуским языком — так называемой «трасянкой».

Отметим попутно, что при смешении двух языков нарушаются нормы как беларуского, так и русского языка. Кроме того, беларусы по-своему произносят русские слова: они «гэкают», «дзэкают», «цэкают», «акают».

Средства массовой информации

Газеты и журналы. В послевоенный период в БССР неуклонно возрастал «удельный вес» периодических изданий на русском языке. Так, если в 1950 году годовой тираж журналов на русском языке составлял 1%, то в 1955 году — 31% от общего объема, а газет — 28% и 47% соответственно.

С 1 января 1963 года по решению ЦК КПБ начали выходить на русском языке ранее двуязычные газеты «Физкультурник Беларуси», «Сельская газета», «Гродненская правда», «Заря», журналы «Коммунист Белоруссии», «Блокнот агитатора» и «Сельское хозяйство».

Выпуск периодических изданий в 1950—1960-е годы свидетельствовал о неуклонном расширении процессов русификации в БССР. Если по количеству выпускаемых журналов на беларуском и русском языке в 1965 году соотношение было еще в пользу беларуских: 11 млн. 413 тыс. экземпляров против 3 млн. 714 тысяч, то в издании газет наблюдалась иная картина. Начиная с 1959 года, годовой тираж газет на русском языке превысил годовой тираж беларуских. В 1956 году выходили 172 газеты на беларуском языке общим тиражом 128 млн. 773 тысячи экземпляров, русских — 43 названия тиражом 107 млн. 663 тысячи. В 1959 году — 144 млн. 65 тысяч на беларуском языке и 147 млн. 353 тысячи на русском. В 1965 году — 176 млн. 238 тысяч на беларуском языке и 265 млн. 209 тысяч — на русском.

Увеличение объема тиражей газет на русском языке происходило за счет и республиканских, и районных, и ведомственных многотиражных изданий. В 1956 году выходили 7 республиканских газет на беларуском, 6— на русском языке. Все областные и районные газеты Витебской, Гомельской, Минской и Могилевской областей выходили только на беларуском языке. В Брестской области газета «За-

ря» (областная) выходила на двух языках, 23 районные газеты — на беларуском, 4 — на русском языке. В Гродненской области областная газета тоже выходила на двух языках.

Но с 1963 года, после реорганизации, проведенной в соответствии с постановлением ЦК КПБ от 21 апреля 1962 года, сразу 7 межрайонных газет перешли на русский язык. Из республиканских газет 5 стали выходить на беларуском, 5 на русском языке. В последующие годы это соотношение неуклонно изменялось в пользу русскоязычных изданий — как по числу названий, так и по тиражам. Например, в 1970 году в БССР выходили 175 республиканских, областных, городских, районных и многотиражных газет, из них 132 на беларуском языке (75,43%) и 43 на русском (24,57%).

Но гораздо важнее другое обстоятельство — весьма значительное превышение совокупных тиражей газет и журналов на русском языке над беларускими изданиями. Только с 1970 по 1983 год годовой тираж таких журналов возрос на 2,5 млн. экземпляров, а годовой тираж газет — на 166 млн. В 1983 году издавалась 75 названий русскоязычных журналов (включая научные и ведомственные) с годовым тиражом 7.4 млн. экземпляров, а также 76 газет разовым тиражом 3,4 млн. экземпляров.

Красноречивой иллюстрацией к сказанному могут служить темпы русификации гродненской областной газеты, формально считавшейся двуязычной. Если в 1955 году тираж русского варианта «Гродненской правды» составлял 18.600 экземпляров, а беларускоro-5 тысяч, то в 1960 году соотношение было 38.800 экземпляров на русском языке и 1 тысяча — на беларуском. В следующем году (1961) на русском языке выходили 45.523 экземпляра, и только 373 — на беларуском!

Кроме того, в весьма большом объеме в республику поступали центральные газеты (в частности, «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная Звезда», «Гудок», «Советская культура»), общественно-политические, научно-популярные и литературные журналы («Огонек», «Спутник агитатора», «Крестьянка», «Техника — молодежи», «Физкультура и спорт», «Знание — сила», «Вокруг света», «Новый мир», «Октябрь», «Нева», десятки других). Все они выходили в Москве, на русском языке. Среди этих изданий было немало детских («Мурзилка», «Пионерская правда», «Костер», «Юный натуралист», «Юный техник», «Юный художник» и другие).

Издание книг. Уже к середине 50-х годов возникло достаточно сложное положение с изданием литературы на беларуском языке. В ряде публикаций газеты «Литература и искусство» была отмечена слабая заинтересованность Государственного издательства БССР в издании книг беларуских писателей. Оно расходовало бумагу в первую очередь для выпуска «ходовой» литературы на русском

языке. Например, 100-тысячными тиражами ежегодно издавались такие книги, как «Консуэло» Жорж Санд, «Три мушкетера» Александра Дюма, «Красное и черное» Анри Стендаля, «Таинственный остров» Жюль Верна и им подобные. Беларуский литературовед С. Александрович с горечью отметил: «учреждение, призванное развивать и обогащать национальную литературу и культуру, превращается в коммерческое предприятие».

Параллельно снижались тиражи оригинальных беларуских изданий. Для большинства произведений прозы тираж составлял 5 тысяч экземпляров, для поэтических сборников — 2 тысячи. Явно недостаточными были тиражи изданий на беларуском языке для обеспечения учебного процесса. Например, в 1956 году ни Белгосиздат, ни Учпедгиз БССР не запланировали переиздание на беларуском языке трилогии Якуба Колоса «На распутье». Вместо этого готовилась публикация этого классического произведения беларуской литературы на русском языке. Такой подход способствовал углублению русификации, ибо беларуским школьникам в районных и сельских школах приходилось изучать трилогию в переводе на русский язык. Повесть-сказка Змитрака Бедули «Серебряная табакерка» дважды издавалась на русском языке, один раз ее издали на литовском, а вот на беларуском языке отдельной книгой она так и не вышла.

Не выпускались до конца 50-х годов полные собрания сочинений ни одного беларуского писателя.

Ситуация, сложившаяся с изданием беларуских книг, явилась результатом отношения руководителей системы книжной торговли к этому вопросу. В большинстве случаев не издательства устанавливали тиражи беларуской литературы, а руководители книготорговли диктовали их издательству, руководствуясь позорной «теорией», что беларуская книга якобы «неходовая», а потому надо издавать ее в минимальном количестве. Но в ходе дискуссии, происходившей в 1956—57 годах на страницах республиканских газет, было убедительно доказано, что книги беларуских писателей делали «неходовыми» сами торговые организации. Как правило, читатели не знали, что в продаже имеются те или иные произведения, потому что они лежали на складе, а после списывались как затоваренная продукция. Несмотря на выявление подобных фактов, Министерство культуры БССР совсем не спешило исправлять недостатки в работе Белгосиздата и книжной торговли. Несомненно, руководители министерства получали соответствующие инструкции в ЦК компартии.

В 1959 году в республике издали 1315 названий книг, из них 57% (744 книги) на русском, и только 43% (571 книга) — на беларуском. В следующие 11 лет ситуация еще больше ухудшилась: в 1970 году было издано 428 названий книг на беларуском языке совокупным

тиражом 9,4 млн. экземпляров (37,3%) от общего тиража), тогда как тираж русскоязычных книг достиг 15,8 млн. экземпляров (62,7%).

В январе 1964 года республиканская газета «Литература и искусство» опубликовала письмо от жителей деревни Городечно Новогрудского района. Они писали:

«При полной свободе печати и огромных возможностях развития родного печатного слова мы никак не можем (уже который год!) найти и купить настенный или настольный белорусский календарь. Многие люди хотели бы выяснить: что за иностранцы засели в белорусском издательстве в Минске? И кто им дал право вести денационализаторскую политику? Разве они никогда не читали произведений Ленина о национальном вопросе?»

«Глас народа» не остался незамеченным. Заведующий сектором печати, радио и телевидения идеологического отдела ЦК КПБ А. Толстик сообщил редакции, что письмо рассмотрено. Он отметил, что в 1963 и 1964 году издавался настольный перекидной календарь на беларуском языке, тираж которого составил 20 тысяч экземпляров. На 1965 году тоже запланировано издание настольного перекидного календаря на беларуском языке тиражом 25—30 тысяч экземпляров. Но такие отдельные обращения и ответные «меры быстрого реагирования» абсолютно не влияли на общие тенденции. И что такое 25-тысячный тираж для более чем трех миллионов беларуских семей?!

Редакционный совет издательства «Народная асвета» («Народное просвещение») фактически проигнорировал в начале 80-х гг. рекомендации и предложения Министерство просвещения БССР по номенклатуре и языку выпускаемой продукции. Так, в 1982 году только 13,9% методической литературы для учителей издательство выпускало на беларуском языке, а 86,1% — на русском языке; научно-популярной литературы для школьников — 25% на беларуском и 75% — на русском языке. Подобная диспропорция наблюдалась в течение ряда лет. В результате школьные фонды методической и научно-популярной литературы в 1985 году почти на 95% состояли из книг на русском языке.

В 1985 году общий тираж книг на русском языке достиг в БССР величины 46 млн экземпляров, тогда как беларуских составил 5 млн. экз. Иначе говоря, общий тираж книг на русском языке в 9,2 раза превосходил тираж беларуских.

Кроме того, из РСФСР, других союзных республик в магазины и библиотеки БССР поступало очень много научной, технической, исторической, общественно-политической и художественной литературы на русском языке.

Уничтожение памятников национальной истории и культуры

Республиканская газета «Литература и искусство» 2 июня 1956 года напечатала статью доктора искусствоведения М. Кацера «Нужны срочные меры». В ней он привел многочисленные факты разрушения ценных исторических памятников. Причем происходило уничтожение архитектурных и культурно-исторических памятников как не включенных в списки по охране наследия, так и тех, что находились под охраной государства.

Например, в Минске на площади Свободы был уничтожено прекрасное здание XVIII века — башня ратуши, а для строительства спортивного комплекса на древнем минском Замчище был выкопан котлован площадью около 500 кв. м, глубиной до 8 метров. На древнем городище Витебска развернулось строительства театра. Разрушались древние городища в Орше, Турове и Полоцке, замки в Лиде, Креве, Новогрудке, Смольянах.

Кацер требовал «срочно улучшить работу отделов Министерства культуры БССР, призванных заниматься охраной памятников, оживить работу научно-методического совета Академии наук БССР».

Письмо Кацера вызвало многочисленные отклики читателей, в которых они тоже возмущались безответственным отношением республиканских и местных управлений культуры к памятникам беларуской истории и культуры. Но Комитет по делам строительства и архитектуры при Совете Министров БССР не спешил реагировать на обращения.

В защиту памятников архитектуры выступили на общем собрании научные сотрудники Института истории АН БССР. Они поддержали инициативу ученых Москвы по созданию добровольного общества охраны памятников архитектуры, избрали комиссию по созданию общества в составе Я. Корнейчика, М. Гринблата и Л. Побаля. С призывом «Дорожить культурным наследием народа» обратился со страниц газеты в сентябре 1956 года тогдашний заведующий сектором этнографии и народного творчества Института истории АН БССР Адам Залесский.

В связи с этим обращением в редакцию «Литературы и искусства» пришло много писем. В конце концов властям пришлось както отреагировать на многочисленные обращения общественности и ученых, связанные с проблемами сохранения культурно-исторического наследия. 22 сентября 1956 года постановлением Совета Министров БССР в Минском художественном училище была открыта группа прикладного искусства по ткачеству и вышивке. Министерство культуры приступило к созданию в Государственном

историко-краеведческом музее в Гродно отдела этнографии. В 1958 году в Минске начали строить Государственный музей.

Должностные лица разных рангов дали ряд обещаний с целью успокоить общественность. Но на деле почти ничего не изменилось. Разрушение памятников продолжалось, как правило — под предлогом крайней их ветхости. Например, в Полоцке по прямому указанию секретаря ЦК КПБ С. Пилотовича в середине 70-х годов была взорвана самая древняя на территории БССР каменная церковь, построенная еще в начале XIII века. За семь с половиной столетий она пережила многое, но варварство большевиков доконало уникальный памятник. Таких случаев известна не одна сотня.

Уничтожение памятников истории и культуры производилось вполне сознательно. Партийные идеологи настойчиво проводили в жизнь установки русских партийных историков, таких, как Анна Панкратова, Борис Греков и им подобных, утверждавших, что не было у беларусов своей собственной истории. Дескать, цивилизация, культура, государственность — всё у них от русского народа!

Борьба с попытками защиты родного языка и культуры

В 1956—57 годах, в связи с «хрущевской оттепелью», в некоторых республиканских периодических изданиях появились публикации в защиту беларуского языка, исторического и культурного наследия. Одним из первых в защиту родного языка выступил Борис Саченко, тогда еще студент, а впоследствии — известный беларуский писатель.

Острые, справедливые выступления беларуских писателей в защиту родного языка, а также требование профессора-литературоведа Михаила Ларченко «о пересмотре оценок в истории беларуской литературы» вызвали сильное недовольство партийных идеологов. Орган ЦК КПБ, газета «Звезда» 12 января 1957 года поместила статью «убежденных партийцев» — историка Л. Абецедарского и литературного критика А. Сидоренко «За идейную чистоту наших литературных позиций». Эти авторы выразили возмущение тем, что «в последнее время на страницах некоторых республиканских газет и журналов отдельные наши писатели, литературоведы и критики выступили с путанными, объективно-вредными статьями». Основная критика адресовалась редакции газеты «Литература и искусство», которую «борцы за идейную чистоту» обвинили «в потере чувства ответственности перед нашим обществом».

Выступая на III Пленуме Союза писателей БССР в марте 1957 года, Петрусь Бровка обещал «родной коммунистической партии» и ее «ленинскому центральному комитету», что организация беларуских

писателей исправит свои отдельные недостатки и не позволит «никаким реакционным силам внести разлад в свои ряды». Еще бы, ведь партийные органы рассматривали художественную литературу как одну из форм идеологии! По их мнению, работники «литературного фронта» были обязаны «не только воспевать высокие коммунистические идеалы, но и уметь вести борьбу за них в ежедневной практической жизни».

В 1958 году подвергся жесткой критике беларуский писатель Алексей Кулаковский за «искажение событий, отступление от принципов социалистического реализма» в повести «Добросельцы»*. С осуждением этой повести выступили тогдашний заведующий кафедрой беларуской литературы Брестского пединститута В. Тележник, академик АН БССР, писатель М. Лыньков, министр культуры БССР Г. Киселев. Запуганный перспективой расправы писатель срочно выступил с публичным покаянием, признал все свои «ошибки».

После 1955 года инакомыслие («диссидентство») получило определенное распространение в БССР. Но, во-первых, в меньших масштабах, чем в РСФСР или Украине. А во-вторых, оно проявлялось, прежде всего, в форме защиты беларуского языка, культуры и истории.

Например, исследователь истории средневековой литературы, кандидат филологических наук Николай Прашкович в статье «Слово про Афанасия Филипповича» подчеркнул важное значение Брестской религиозной унии для интеграции беларуского народа в европейскую культурную среду. Кандидат философских наук Николай Алексютович (1921—1967) заявил в 1958 году, что Великое Княжество Литовское «по своему этническому составу, по своей территории и культуре было преимущественно белорусским». Это положение противоречило официальной историографии, согласно которой беларусы впервые обрели свою государственность только после января 1919 года. Немедленно оба автора-смутьяна подверглись жесткой критике в коллективах по месту работы, а затем и на страницах научной печати.

В октябре 1966 года студенты беларуского отделения филологического факультета БГУ обратились в ЦК КПБ с требованием перевести обучение их отделения полностью на беларуский язык. За это инициаторов обращения Александра Рязанова и Виктора Яроца обвинили в «национализме» и приняли меры с целью устранения их из БГУ. В итоге А. Рязанов и В. Яроц «не смогли» сдать зачет по армейской подготовке и были вынуждены продолжить свое обучение в Брестском и Гомельском педагогических институтах.

Было немало других аналогичных случаев, но для иллюстрации достаточно этих двух.

^{* «}Коммунист Белоруссии», 1958, № 11, с. 123.

3. Народное образование

Средняя школа

За годы войны большинство средних и начальных школ на территории БССР были сожжены либо разрушены. В 1944—46 годах школы в большинстве случаев работали в случайных помещениях, нередко — лишенных отопления. Дети часто не имели ни букварей, ни тетрадей, ни перьевых ручек, писали огрызками карандашей на газетной бумаге. Однако к 1951 году в городах, районных центрах, поселках и во многих деревнях кризис в отношении школьных зданий, учебных пособий и принадлежностей удалось преодолеть. Высшее партийное руководство СССР придавало огромное значение школьному образованию, которое оно считало важнейшим средством идеологической обработки молодого поколения. Поэтому «центр» отпускал средства, необходимые для скорейшего восстановления школьной системы в регионах, пострадавших от войны.

Учителя. Школьных учителей первые 5—10 лет после войны катастрофически не хватало. Поэтому на работу в БССР союзные власти направили несколько тысяч учителей из других республик, которые, естественно, не знали беларуского языка.

На 1 января 1946 года в республике работали 51.413 учителей, в том числе беларусов — 38.345 (74,58%), поляков — 7924 (15,41%), русских — 3181 (6,19%), евреев — 1489 (2,9%), украинцев — 474 (0,92%). Казалось бы, русских было немного, примерно столько, сколько насчитывалось их в общей массе населения. Но это данные в целом по республике, тогда как в западных областях уже тогда наблюдался «перекос» в сторону русских. Например, в Гродненской области, помимо поляков и евреев, работали 3334 учителя-беларуса и 1118 русских.

Всего за пять лет, к 1 января 1951 года число школьных педагогов достигло 72.133 человек, то есть, оно возросло почти на 20 тысяч человек. Более чем на половину этот рост обеспечили учителя русской национальности. Данная тенденция сохранялась вплоть до начала 60-х годов.

Русские и беларуские школы. На 1 сентября 1946 года подавляющее большинство начальных и средних школ в БССР — 10.937~(96,8%) были беларуские, лишь 363 средние школы (3,2%) в городах вели обучение на русском языке.

В течение всего последующего периода происходило неуклонное сокращение численности школ с беларуским языком обучения (далее в тексте — просто «беларуских») и увеличение количества русскоязычных (далее — «русских»). Кроме того, в связи с введением в 1949 году обязательного 7-летнего обучения власти начали от-

крывать двуязычные школы (в первую очередь в Минске и Минской области), учащиеся которых не знали толком ни беларуского, ни русского языка.

В первую очередь, число беларуских школ сокращалось в Минске и в областных центрах, во вторую — в городах, являвшихся административными центрами районов. Так, если в 1945/46 учебном году из 28 минских школ половина были беларуские, то в 1952/53 учебном году из 46 минских школ только 9 (19,6%) остались беларускими. То есть, за семь лет «удельный вес» их в столице сократился в два с половиной раза, хотя в абсолютных цифрах — лишь на 5 школ.

В Бресте к сентябрю 1952 года из 14 школ осталась всего одна беларуская! В Гомеле весной 1941 года насчитывалось 25 беларуских школ, к весне 1953 года их количество сократилось до 8, то есть, более чем в три раза! В том же 1952/53 учебном году 29 районных центров западных областей республики вообще не имели ни одной беларуской школы!

Весьма характерно то обстоятельство, что перевод школ на русский язык обучения производился по команде «сверху», без учета не только мнения родителей учащихся, но и этнического состава школьников. Например, в 1952/53 учебном году из 383 учеников русской семилетней школы № 7 города Минска 335 (87,5%) являлись беларусами.

В сентябре 1955 года из 11.346 школ республики 10.730 (94,5%) были беларуские (их «удельный вес» снизился, по сравнению с 1946 годом, на 2,3%), 667 школ (5,8%) — русские (увеличение на 2,6%), а 24 школы (0,4%) вели обучение на двух языках.

Через три года, в сентябре 1958, во всей БССР работали 11.492 школы. Из них 10.784 (93,8%) считались беларускими, 667 школ (5,8%) — русскими, 24 школы (0,4%) оставались двуязычными. Но при этом в областных и районных центрах (без Минска) картина выглядела иначе. Там насчитывалось 504 школы, из них 329 русских (65,3%), 21 двуязычная школа (4,2%) и только 154 беларуских (31,5).

Однако уже в то время во многих школах, формально считавшихся беларускими, все предметы, кроме беларуского языка и литературы, с 5 по 10-й классы, преподавались на русском языке. Например, так было в якобы беларуских средних школах — Клинокской и Хуторской Червенского района, Коминтерновской Бобруйского района, Бобруйской школе № 13, Вилейской № 1, Молодечненской № 1, Поставской № 2 и ряде других. Фактически, беларуский язык в этих школах изучался как отдельный предмет.

За 12 последующих лет, к сентябрю 1970 года, численность русских школ возросла до 1580 — на 913 школ (достигнув показателя 15,1% от числа всех школ республики), тогда как число беларуских сократилась на 1903 школы (до 8.881). Необходимо подчеркнуть

в связи с этим то обстоятельство, что подавляющее большинство беларуских школ находилось в деревнях и поселках, тогда как почти все русские школы были городскими десятилетками либо семилетками.

В следующие 10 лет (с сентября 1970 до сентября 1980), количество русских школ увеличилось еще на 27 школ, тогда как число беларуских резко сократилось (в 1,8 раза). Осталось 4.909 школ с формально беларуским языком обучения, хотя, как уже сказано, в действительности это далеко не всегда соответствовало реальности. За те же 10 лет (1970 — 1980) «удельный вес» численности учеников в беларуских школах БССР сократился с 51,1% до 35%, тогда как «доля» учащихся русских школ выросла с 48,9% до 65%.

Эта тенденция сохранилась и в последующие годы. На 1 января 1985 года в республике имелись 1684 русские школы и 4285 беларуские.

Итак, за 40 лет (с 1946 года по 1985) число беларуских школ сократилось на 6652 (в 2,5 раза), тогда как число русских школ увеличилось на 1321 (в 4,6 раза). Но гораздо сильнее впечатляют изменения, произошедшие в соотношении численности учащихся: в 1985 году в русских школах обучались 1 млн 1517 человек (73% от общего числа школьников), тогда как в беларуских — 373.912 школьников (27%). Как видим, среднее число учащихся в русских школах составляло 594,7 человека, а в беларуских — 87,3 человека. То есть, все беларуские школы относились к числу малокомплектных сельских или поселковых, тогда как все русские школы (в том числе сельские десятилетки, появившиеся в больших деревнях) имели нормальную численность и учащихся, и преподавателей.

Русский и беларуский языки в обучении. Как уже сказано выше, сразу после войны возникла и сохранялась до начала 70-х годов тенденция роста численности школьных педагогов некоренной национальности. В этом не было бы ничего плохого, если бы учителя, приезжавшие на работу в БССР из РСФСР и других союзных республик, в разумные сроки овладевали беларуским языком и вели на нем обучение. Однако никто от них этого не требовал. Более того, в педагогических институтах (а затем и в педагогических училищах) беларуский язык довольно скоро оказался в роли пасынка. Поэтому процент учителей, способных осуществлять учебную и воспитательную работу на беларуском языке, непрерывно сокращался. Но это — лишь одна сторона проблемы.

Другая сторона заключалась в том, что в школах республики преобладали учебники и учебно-методические пособия на русском языке. Так, уже в августе — сентябре 1944 года Наркомат просвещения БССР получил от Наркомпроса РСФСР 550 тысяч экземпляров учебников. До начала лета 1945 года их завезли еще 1 млн 200 тысяч экземпляров. В результате школы Беларуси примерно на треть обес-

печивались не беларускими, а русскими учебниками. Например, к 1 сентября 1945 года в Гродненскую область централизованно завезли 87.442 экземпляра учебников, из них 25.212 (28,8%) — на русском языке.

В последующие годы обеспечение школ республики учебниками и пособиями за счет фондов РСФСР прекратилось. С этой задачей вполне успешно справлялось учебно-педагогическое издательство БССР. Но вместо того, чтобы подготовить и издавать книги на беларуском языке по всем школьным дисциплинам, оно сделало своим правилом перепечатку работ российских авторов. Например, многие поколения беларуских школьников изучали физику по учебнику А.В. Перышкина, историю по учебнику М.В. Нечкиной, алгебру по пособию Я.И. Перельмана, русский язык — по учебнику Бархударова и Крючковой, и т.д.

В начале 1951 года по решению ЦК компартии республики был освобожден от занимаемой должности министр просвещения БССР Платон Саевич, отстаивавший концепцию обучения всех граждан республики только на беларуском языке. В 1952 году его предали суду по обвинению в «национализме». Советский суд, «самый гуманный в мире», приговорил заслуженного 59-летнего деятеля просвещения к 25 годам лагерей!* А новый министр уже в апреле издал приказ об отмене в русских школах выпускного экзамена и переводных экзаменов (из младших классов в старшие) по беларускому языку.

В июне 1952 года было принято постановление ЦК КПБ «О ходе преподавания русского и белорусского языков в школах БССР в свете учения товарища Сталина о языкознании». В нем подчеркивалась «политическая важность» овладения русским языком всеми гражданами Беларуси. С этого времени усилился процесс сокращения численности беларуских школ и фактического вытеснения из учебного процесса предметов, преподававшихся в них на беларуском языке.

С сентября того же года, по предложению ЦК КПБ, было ограничено изучение беларуской истории и культуры в Белгосуниверситете. В школах республики в тот период отдельный предмет «История БССР» не изучался (его ввели с середины 60-х годов). История беларуского народа эпизодически упоминалась в процессе преподавания курса «История СССР».

^{*}П. Саевич (1892—1956) в 1911 окончил Свислочскую учительскую семинарию, в 1924 — Коммунистический университет им. Свердлова в Москве. В 1926—29 был деканом в Беларуской сельхозакадемии, в 1929—32 ректором Коммунистического университета БССР, в 1932—33 директором Института истории партии при ЦК КПБ. В 1947—51 являлся министром просвещения. Его выпустили на свободу и реабилитировали уже в 1954 году, но пережитые страдания не прошли даром, через полтора года после возвращения домой Саевич умер, не дожив до 64 лет. — Прим. Ред.

Через пять лет, в апреле 1957 года, ЦК КПБ принял очередное постановление, посвященное школе. Помимо прочего, в нем было отмечено, что во многих семилетних беларуских школах и в большинстве средних беларуских школ преподавание всех предметов, за исключением беларуского языка и литературы, велось на русском языке. В то же время ученики пользовались учебниками на беларуском языке. Вследствие такого положения вещей, ученики не вполне понимали объяснения учителей, особенно по дисциплинам естественно-научного цикла. Многие учителя вели обучение на смеси беларуского и русского языков (т.е. на пресловутой «трасянке» — В.М.). Понятно, что их ученики тоже говорили и писали на смешанном языке, безграмотно излагая свои мысли как по-русски, так и по-беларуски.

С сентября 1957 года во всех русских школах БССР была введена практика освобождения части учеников от обязательного изучения беларуского языка. Проект соответствующего постановления Бюро ЦК КПБ утвердило еще 15 мая того же года. Во-первых, в постановлении было сказано:

«Разрешить Министерству просвещения БССР освобождать от обязательного изучения белорусского языка учеников — детей лиц кадрового состава Советской Армии, Военно-воздушных и Военно-морских сил и пограничных войск независимо от того, в какой класс русской школы БССР они поступают».

Во-вторых, постановление освобождало от обязательного изучения беларуского языка и литературы тех учеников VII—X классов, которые приезжали вместе с родителями (не военнослужащими) из других республик на постоянное жительство в БССР. А ученики, поступавшие в III—VI классы, должны были изучать беларуский язык и литературу, но переводились в старшие классы на протяжении трех лет независимо от оценок по этим предметам.

Весной 1959 года Верховный Совет СССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Его немедленно (уже 8 апреля) продублировал Верховный Совет БССР. По новому закону, изучение беларуского языка и литературы в русских школах (как отдельных предметов) отныне в наибольшей мере зависело от умения родителей учащихся представить убедительные доводы в пользу «освобождения» детей от беларуского языка.

Например, профсоюзный комитет предприятия «Осинторф» 18 июня 1959 года направил письмо в Министерство просвещения БССР и в Республиканский комитет профсоюзов, в котором сообщил, что от рабочих и служащих данного предприятия поступили многочисленные заявления с просьбой открыть с нового учебного

года русские классы в местной беларуской средней школе. Мотивация родителей была такова:

«Длительное время по направлению высших и средних специальных учебных заведений на предприятии работают специалисты русской национальности, которые имеют детей и кровно заинтересованы в обучении своих детей на русском языке».

В Министерство просвещения посыпались письма и заявления от бывших военнослужащих, оставшихся в БССР на постоянное жительство, от лиц, приехавших сюда на работу из других союзных республик. Все они просили освободить их детей от изучения беларуского языка и литературы, мотивируя это необходимостью избавления учащихся от перегрузки учебной работой:

«Так как они не владеют белорусским языком, в семьях разговаривают только на русском языке и не видят практической целесообразности изучать белорусский язык параллельно с изучением русского».

Процесс «освобождения» школьников от беларуского языка быстро распространился и на другие категории учащихся. Во многих городских школах его стали трактовать таким образом, что главное — желание либо нежелание родителей, а дает ли закон им право на это — особого значения не имеет. В результате такой своеобразного подхода процесс русификации школ приобрел в 60-е годы катастрофические размеры.

Особенно заметно это было в Минске. Министерство просвещения провело здесь в начале 1966 года выборочную проверку в шести русских школах (№№ 11, 18, 26, 35, 75, 93). Выяснилось, что в средней школе № 11 от изучения беларуского языка и литературы были освобождены все 790 учеников! В восьмилетней школе № 18 эти предметы изучали только 63 ученика из 550 (11,5%). В средней школе № 75 — 102 ученика из 783 (13%). В средней школе № 93 — 189 учеников из 1010 (18,7%). В средней школе № 35 — 218 из 1056 учеников (20,6%). Больше всего учеников изучало беларуский язык в средней школе № 26 — 42% (295 из 703 школьников), но и здесь они составили менее половины общего контингента.

Весьма красноречивые данные были получены при сравнении учебных планов беларуских и русских школ-восьмилеток. Так, в беларуских школах изучение беларуского языка и литературы занимало в I—IV классах 15 часов в неделю (совокупно для всех четырех классов), а в V—VIII классах (совокупно) 21 час в неделю. Всего — 36 часов. В то же время для изучения русского языка и литературы здесь предусматривались, соответственно, 31 час и 15 часов, а всего — 46 часов. Таким образом, русский язык имел общий перевес над беларуским в объеме 10 часов в неделю. И это в так называемых «белару-

ских» школах, где преподавание всех остальных предметов к тому времени уже происходило на русском языке!

Понятно, что в русских школах преобладание русского языка над беларуским в недельных планах выглядело еще внушительнее: 40 часов против 6 часов в I—IV классах и 24 часа против 12 часов в V—VIII классах. А всего 64 часа русского языка и литературы по сравнению с 18 «беларускими» часами (различие в три с половиной раза!).

Однако никаких действенных мер по исправлению сложившегося положения ни Министерство просвещения БССР, ни другие органы власти не предприняли.

На съезде учителей БССР, состоявшемся в марте 1968 года, ни один из 1016 делегатов, представлявших все области и районы республики, не сказал с трибуны съезда ни единого слова о катастрофической ситуации с беларуским языком в большинстве школ. Лишь три человека подали записки в президиум съезда с просъбой обратить внимание на крайне тревожное положение дел в этой сфере. Но только один из них — заведующий Ошмянским районным отделом образования, по фамилии Захаркевич — осмелился подписать свою записку. Он предложил в ней поставить на голосование резолюцию, предлагающую ввести обязательное изучение беларуского языка и литературы во всех школах, всеми учащимися. Однако президиум на это не пошел.

Безусловно, решающую роль в массовом отказе родителей учащихся и их самих от изучения беларуского языка сыграло то обстоятельство, что после окончания средней школы молодые люди могли продолжать свое образование в средних специальных и высших учебных заведениях только на русском языке. Исключение, да и то неполное, составляли беларуские отделения филологических факультетов, готовившие учителей беларуского языка и литературы, а также журналистов для периодических изданий, выходивших на беларуском языке.

Содержание гуманитарных предметов. В течение рассматриваемого периода процес обучения и воспитания детей и молодёжи, начиная с первого класса школа и заканчивая высшими учебными заведениями, находился под строгим идеологическим контролем.

Учащиеся начальных классов, как правило, были октябрятами. Следующей ступенью школьной политической иерархии являлась пионерская организация, за ней следовала комсомольская — ВЛСКМ (в БССР — ЛКСМБ). Для тех юношей и девушек, которые по каким-то причинам остались вне комсомола, поступление в ВУЗы и техникумы фактически становилось невозможным.

В период 70—80-х годов во всех школах страны в обязательном порядке проводились перед началом учебных занятий политические информации, на которых учащимся сообщали решения очередных

партийных пленумов и съездов, содержание многих правительственных распоряжений.

С сентября 1975 года в средней школе ввели факультативный курс этики, предусматривавший изучение «основ коммунистической морали». Как известно, главный тезис этой морали фактически повторял идею иезуитов: «цель оправдывает средства». В изложении партийных идеологов он звучал так: «морально то, что служит построению коммунистического общества». В роли судьи выступала, разумеется, компартия.

Но главным «идеологическим» предметом в послевоенной средней школе считался курс истории СССР, изучение которого начиналось, в зависимости от содержания школьных программ, с пятого или с шестого класса. На практике изучение этого курса сводилось к рассмотрению различных периодов российской государственности — через призму марксистско-ленинской идеологии. История других народов СССР в нем фактически не изучалась, а только упоминалась.

С сентября 1961 года в средних школах БССР был введен курс «История БССР». Его изучали по учебному пособию, которое написал беларуский автор, профессор Л.С. Абецедарский.

Основные концептуальные положения, сформулированные в нем, во многом предопределили направленность и содержание историографических подходов к рассмотрению ключевых моментов истории Беларуси, которые доминировали в беларуской исторической науке вплоть до конца 80-х — начала 90-х гг. ХХ века. Именно по этому учебнику в течение 30 лет знакомились с историей своей Отчизны все школьники Беларуси*. Поэтому он оказал определяющее воздействие на формирование взглядов нынешней правящей элиты страны на историческое прошлое нашей страны и нашего народа.

В учебнике Абецедарского был реанимирован миф, сформулированный ещё во времена господства российского самодержавия представителями «западнорусизма». Имеется в виду принципиально неверное положение о существовании в IX — XIII веках общей родины беларуского, украинского и русского этносов — древней Руси. Миф этот давно уже опровергнут наукой (археологией, генетикой, антропологией, лингвистикой, историей), однако по-прежнему живет в сознании многих поколений людей, заканчивавших школу в 1962—1991 годах.

Великое княжество Литовское характеризовалось в пособии как государство литовских феодалов. В этой связи характерно название

^{*} В 1972 году учебник Абецедарского был дополнен главой, посвященной переходу советского общества к этапу «развитого социализма». Имелся в виду период после 1958 года.

одной из брошюр Абецедарского, опубликованной в 1970 году — «Существовала ли в прошлом белорусская держава?» Разумеется, автор дал в ней сугубо отрицательный ответ на этот риторический вопрос.

Абецедарский и его ученики утверждали, что «стремление населения Белоруссии к воссоединению с братским русским народом», начиная с XV века выражалось в форме «народного движения за воссоединение с Русским государством» (так они называли Московское княжество, являвшееся одним из улусов Золотой Орды, а в 1480 году ставшее независимым). Агрессивную войну Московского царства против Речи Посполитой (1654—1667 гг.), в ходе которой население беларуских земель за 18 лет сократилось на 53,5% (с 2 млн 900 тысяч до 1 млн. 350 тысяч человек), авторы пособия назвали «борьбой белорусского народа за воссоединение с Россией».

Три раздела Речи Посполитой конца XVIII века (в 1772, 1793, 1795 гг.) преподносятся в пособии как «воссоединение Белоруссии с Россией». Начало беларуской государственности, согласно концепции Л. Абецедарского, связано не с Великим княжеством Литовским, и не с БНР, а с провозглашенной в 1919 году БССР.

Как сказано в соответствующих томах «Энциклопедии истории Беларуси» (1993 г.) и энциклопедии «Великое княжество Литовское» (2006 г.), большинство фактов и событий отечественной истории Абецедарский, его сторонники и последователи оценивали с позиций вульгарной социологии. Тем не менее, любые попытки отхода от изложенных ими концептуальных положений жёстко пресекались.

Например, после публикации в журнале «Полымя» (№ 5 за 1966 год) статьи кандидата философских наук Николая Алексютовича «А где же объективная истина», в которой автор доказывал, что Великое Княжество Литовское «по своему этническому составу, по своей территории и культуре было в основном белорусским», власти организовали широкую пропагандистскую кампанию, направленную на осуждение этого и подобных ему высказываний.

Обучение в любом вузе, независимо от профиля, будь то гуманитарный или технический, включало в себя обязательное изучение таких сугубо идеологических предметов, как «история КПСС», «диалектический и исторический материализм», «политическая экономия капитализма и социализма», «научный атеизм», «научный коммунизм».

Многие теоретические положения указанных дисциплин, особенно так называемого «научного коммунизма», не поддавались рациональному объяснению. Тем не менее, экзамены по этим предметам надо было сдавать, и студенты были вынуждены усваивать идеологические догмы идеологов компартии.

Высшая школа

Кадры преподавателей. Не успели отгреметь последние залпы войны, как началось восстановление системы высшего образования в БССР. Уже осенью 1944 года открылся пединститут в Гродно, позже — в Бресте. В 1948 году был открыт Минский пединститут иностранных языков. В 1951 году начал работать Гродненский сельхозинститут.

Однако местные институты не обеспечивали хозяйство БССР необходимыми специалистами. Нужда в инженерах-строителях, например, обеспечивалась за счет своих выпускников только на 8%. В БССР в 50-е годы один студент ВУЗа приходился на 550 человек, тогда как в Литве — на 312, Украине — на 300, Узбекистане — на 230, Латвии — на 220 человек.

При этом наблюдалась диспропорция между «удельным весом» беларусов в населении республики с одной стороны, среди преподавателей ВУЗов — с другой. Беларусы в то время составляли более 80% населения БССР, русские — около 8-10%.

На 1 сентября 1946 года в юридическом институте преподавателей-беларусов было только 26,9%; в политехническом институте — 30,75%; в институте народного хозяйства — 36%.

На 1 января 1951 года беларусы составили 44,5% преподавателей в 11 педагогических и учительских институтах республики. При этом в Брестском пединституте их было 37,9%; в Гродненском пединституте — 35,6%; в Гомельском пединституте — чуть более 25%.

По причине большой нехватки квалифицированных кадров преподавателей, владевших беларуским языком, а также вследствие отсутствия учебников и пособий на беларуском языке для большинства учебных дисциплин, обучение студентов повсеместно велось на русском языке. Исключение составляли отдельные предметы гуманитарного профиля, например, беларуский язык и литература.

Вступительные экзамены. Тенденция исключения беларуского языка и литературы из числа вступительных экзаменов в высшие и средние специальные учебные заведения наметилась уже в первом послевоенном учебном году (1945/46). В пяти ВУЗах республики эти предметы отсутствовали в перечне вступительных экзаменов. Кроме того, их не было в большинстве техникумов негуманитарного профиля — в Бобруйском автотранспортном, Гомельском и Новогрудском финансовых, Минском автомеханическом и ряде других.

К 1955 году вступительный экзамен по беларускому языку и литературе сохранился только в педагогических институтах и в театрально-художественном институте. Помимо технических ВУЗов, от него отказались все факультеты Белгосуниверситета, за исключением филологического. Среди 56 средних специальных учебных за-

ведений вступительный экзамен по беларускому языку сохранился в 8 из них (14,25 от общего числа). Это пять педагогических училищ, два училища культурно-просветительской работы и Минское художественное училище.

Вместе с тем, во всех упомянутых учебных заведениях беларуский язык абитуриенты сдавали не вместо русского, а дополнительно к нему! То есть, они оказывались в более трудном положении, чем остальные абитуриенты.

Летом 1966 года Министерство просвещения БССР разрешило абитуриентам сдавать устные вступительные экзамены в ВУЗы либо на русском языке, либо на беларуском. А выпускники беларуских школ получили право писать сочинение на вступительных экзаменах на беларуском языке при поступлении на все специальности, кроме тех, для которых русский язык являлся профилирующей дисциплиной. Однако на практике большинство ВУЗов проигнорировало это распоряжение.

Так, в 1980 году из 31 ВУЗа республики только 12 (38,7%) дали возможность абитуриентам сдавать вступительные экзамены по беларускому языку и литературе. Это три университета (БГУ, Гомельский, Гродненский), пять педагогических институтов, институт иностранных языков, институт культуры, театрально-художественный и Минский медицинский. Ни один технический ВУЗ, а также ни один институт сельскохозяйственного профиля (хотя там обучалась преимущественно сельская молодежь), вступительных экзаменов по беларускому языку и литературе не принимал.

Но и в тех ВУЗах, где такие экзамены принимали, подавляющее большинство абитуриентов предпочитало русский язык. Например, в 1983 году из 4338 абитуриентов пяти педагогических институтов (Брестского, Витебского, Минского, Могилевского, Мозырского) 3785 (87,3%) писали сочинение по-русски и только 553 (12,7%) — по-беларуски. В 1984 году эти цифры составили, соответственно, 4277 человек (85,8%) и 711 (14,2%). В 1985 году — 4154 (85,5%) и 705 (14,5%).

Кстати говоря, с 1 сентября 1981 года было введено обязательное изучение русского языка в детских садах для детей, не владеющих русским языком, а также в подготовительных классах при общеобразовательных беларуских школах.

А с 1 сентября 1984 года на всех нефилологических факультетах педагогических институтов был введен практический курс русского языка, рассчитанный (в зависимости от специализации) на 50-70 часов. Но и без того русский язык как в средних специальных, так и в высших учебных заведениях являлся не только учебным предметом, но и средством преподавания всех общеобразовательных и специальных дисциплин.

Национальный состав студентов. На 1 сентября 1947 года беларусов среди студентов было 51%, русских — 22%, лиц других национальностей — 27%.

На 1 сентября 1949 года в педагогических институтах Министерства просвещения БССР, готовивших учителей, насчитывалось 10.047 студентов, из них беларусов — 6.499 (64,7%). Казалось бы, не так уж плохо. Однако в ВУЗах других министерств картина выглядела иначе. Так, в институте народного хозяйства беларусы составляли 46,6% (234 из 502 человек), в институте физической культуры — 45,54% (184 из 404 человек), в ветеринарном институте — 44,65% (267 из 598 человек), в юридическом институте — 32,6% (304 из 933 человек).

На 1 сентября 1953 года среди студентов всех 13 высших учебных заведений БССР беларусы составили 63,8% (9523 человека), русские — 23,8% (3549 человек), представители других национальностей — 12,4% (1849 человек).

Таким образом, число студентов-беларусов постепенно увеличивалось. Но, во-первых, до начала 80-х годов их «удельный вес» среди студенчества был все же меньше, чем в структуре населения. Вовторых, среди преподавателей большинства ВУЗов беларусы попрежнему оставались в меньшинстве. В-третьих, в рассматриваемый период во всех институтах и в БГУ обучение велось на русском языке, исключение составляли отдельные гуманитарные предметы.

Поэтому именно ВУЗы объективно выступали в роли мощных центров русификации. Система высшего и среднего специального образования в Беларуси способствовала не укреплению, а «размыванию» этнического самосознания интеллектуальной элиты нации.

4. Некоторые результаты русификации

По переписи 1979 года, в БССР русский язык назвали родным 2 млн 697,5 тысяч человек, из них 1 млн 116,5 тысяч — русские, а 1 млн 581 тысяча — представители других национальностей. Кроме того, 5 млн 107 тысяч заявили, что они свободно владеют русским языком как вторым языком. В частности, 16% беларусов сочли русский язык своим родным, а 62% свободно владели русским языком как вторым. Только 22% жителей республики сохранили приверженность своему родному языку.

Менее 50% жителей беларуской столицы, областных центров — Бреста, Витебска, Гомеля, Гродно, Полоцка, таких крупных городов как Бобруйск, Пинск, Новополоцк назвали беларуский язык родным по переписи 1989 года. Только в Вилейке и Новогрудке более 80% горожан сочли своим родным беларуский язык.

Вследствие углубления процессов русификации, в городах быстро сокращалось число беларусов, владеющих беларуским языком. Если в сельской местности с 1959 до 1989 года это снижение составило лишь 1,52%, то в городах беларусов, называвших беларуский язык родным, стало меньше на 7,67% (снижение с 77,52% до 69,85%).

Итак, в рассматриваемый период в БССР проводилась целенаправленная политика вытеснения беларуского языка из культурной и общественной жизни и расширения сферы употребления русского языка, что, в свою очередь, негативно отражалось на этнических процессах. Эксперимент по созданию нового сообщества — «советского народа» — с наибольшим успехом проходил именно в БССР.

По переписи 1959 года 1,3052 млн человек назвали родным языком русский, из них русские — 658.849 человек. При этом основная масса жителей, считавших родным языком русский — 1,0399 млн. человек (79%) была сконцентрирована в городах. Русскоязычное население в городах достигло 41,8%.

Численность жителей с родным русским языком росла в основном за счет русских, украинцев и евреев. По переписи 1979 года русский язык назвали родным 2,6975 млн человек, из них 1,1165 млн — русские, 1,581 млн — представители других наций. Кроме того, 5,107 млн заявили, что свободно владеют русским языком как вторым языком. В результате интенсивного распространения в 70-е годы русского языка, по данным переписи 1979 года, 18,8% нерусского населения БССР назвали русский язык родным, а 60,7% владели им как вторым (свободно читали и говорили на нем).

Как видим, процесс русскоязычной ассимиляции беларусов в период 1945—1985 годов развивался по нарастающей линии. А языковая ассимиляция, как подчеркнула в своем исследовании Т. Микулич, «по сути, есть главный и решительный шаг к полной этнической ассимиляции».

5. О названиях городских улиц

(М.Н. Петров)

Я живу в Минске на улице, названной в честь Крыловича. Но это не беларуский поэт, расстрелянный коммунистами лишь за то, что писал стихи на беларуском языке, а подпольщик, осуществивший крупную железнодорожную диверсию в 1943 году. Что ж, он был беларусом по национальности и жителем БССР. А вот какое отношение к Беларуси имеют многие другие персоны, чьими именами названы улицы и площади беларуских городов, непонятно. И в то же время не увековечены в названиях сотни и тысячи выдающихся сынов и дочерей беларуской земли.

Например, в нашей столице есть улица великого русского поэта Александра Пушкина, писавшего по-русски и о русских, но нет улицы Адама Мицкевича, великого польско-беларуского поэта. Его поэму «Пан Тадеуш» специалисты называют энциклопедией беларуской народной жизни. Однако в беларуских школах даже сегодня изучают не «Пана Тадеуша», а пушкинского «Евгения Онегина». Нам, видите ли, очень важно знать особенности быта русского провинциального дворянства начала XIX века. Во всяком случае, гораздо важнее, чем жизнь наших собственных предков (например, беларуской шляхты) в ту же самую эпоху! Хорошо хотя бы то, что в Минске поставили памятник Мицкевичу.

Есть в Минске улица русского изобретателя-самоучки Ивана Кулибина, жившего во времена Екатерины II, но нет улицы выдающегося сына беларуской земли Казимира Семеновича — механика и военного инженера, одного из первых создателей ракет, прославившегося на всю Европу своей книгой «Великое искусство артиллерии», изданной в 1650 году в Амстердаме на латинском языке.

Имеется улица имени Суворова, дважды зверствовавшего на наших землях — в 1772 и 1794 годах, однако нет улицы Тадеуша Костюшко, нашего земляка, беларуса по происхождению, национального героя Польши, сражавшегося против карателя Суворова, и национального героя США, сражавшегося против английских колонизаторов.

Нет в Минске улицы Николая Судзиловского, выдающегося беларуского ученого-энциклопедиста XX века. А где и как увековечена память о деятелях беларуского культурного Возрождения первой четверти XX века? Вот фамилии палачей-чекистов на уличных табличках вы найдете: есть улицы Берсона и Опанского, Дзержинского и Володарского!

Открыв адресно-справочную книгу «Минск», изданную в 1981 году, мы обнаружим вот какие названия улиц и переулков беларуской столицы.

Они прославляют российских художников Айвазовского, Васнецова, Верещагина, Грекова, Нестерова, Репина, Сурикова, Федотова, Щедрина. А где же улицы Казимира Альхимовича, Витольда Белыницкого-Бирули, Генриха Вейсенгофа, Валентина Волкова, Аполинария Горавского, Евгения Зайцева, Юделя Пэна, Фердинанда Рущица, Ивана Хруцкого, Марка Шагала и других талантливых наших живописцев?

Есть улицы, названные в честь русских писателей, поэтов, литературных критиков Белинского, Герцена, Горького, Грибоедова, Добролюбова, Кольцова, Короленко, Лермонтова, Майкова, Маяковского, Некрасова, Никитина, Островского, Одоевского, Радищева, Рылеева, Серафимовича, Стасова, Толстого, Чернышевского, Че-

хова. А где улицы Анатоля Вольного, Михася Зарецкого, Тодара Кляшторного, Валерия Морякова, Янки Нёманского, Пилипа Пестрака, Михася Чарота?

Мы найдем в справочнике улицы и переулки, названия которых прославляют деятелей русской науки, техники, медицины, даже путешественников — Бехтерева, Вавилова, Веснина, Вильямса, Дежнева, Докучаева, Жуковского, Курчатова, Ломоносова, Менделеева, Мичурина, Павлова, Папанина, Пирогова, Ползунова, Седова, Семашко, Сеченова, Софьи Ковалевской, Столетова, Тимирязева, Филатова. Можно подумать, что в беларуских землях за восемь столетий истории не нашлось хотя бы пяти десятков выдающихся изобретателей, ученых, врачей, инженеров, агрономов, просветителей, путешественников, филологов!

Наши улицы названы в честь русских актеров Москвина, Неждановой, Собинова, Станиславского, Тарханова, Чайковского, Щепкина, Щукина (однако нет улицы имени Качалова, уроженца Гродно). Есть даже такие улицы, названия которых увековечили русских адмиралов Ушакова, Лазарева и Нахимова, служивших на Черном море в XVIII—XIX веках! Скажите на милость, какое они имеют отношение к сухопутной Беларуси? Они здесь не родились, никогда не жили, не бывали даже проездом.

Зачем столько улиц названо в честь советских военачальников — Бирюзова, Буденного, Ватутина, Гая, Доватора, Захарова, Котовского, Панфилова, Пархоменко, Рыбалко, Толбухина, Тухачевского, Чапаева, Щорса, Якубовского? Они что, все родились в Беларуси или хотя бы воевали здесь? То же самое можно сказать и о российских полководцах — Багратионе, Кутузове, Пожарском.

В Минске есть улицы Ивана Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачева, предводителей российских бунтовщиков в XVII—XVIII веках, когда беларусы жили вне России в своем национальном государстве. Но при этом практически нет названий в честь выдающихся деятелей беларуской дороссийской истории: князей и канцлеров, полководцев и просветителей ВКЛ. Они преданы забвению. Ведь российская историография всегда выставляла Литву (то есть древнюю Беларусь) главным историческим врагом Московии в деле «собирания русских земель».

То, что нет в Минске улицы князя Константина Острожского, понять можно. Ведь это он разгромил московских захватчиков в битве под Оршей в 1514 году. Но почему нет площади или хотя бы улицы князя Миндовга? Ведь именно он в XIII веке стал первым собирателем наших земель. Вполне возможно, что не было бы Миндовга, не было бы и Беларуси. А князь Михаил Глинский? Победой в битве под Клецком в 1506 году он покончил с набегами крымских татар на беларуские земли. Под руководством князя Льва Сапеги

в 1588 году был составлен Статут ВКЛ, ставший второй по времени появления конституцией в Европе. Его брали за образец в других странах, не наоборот.

Одной из главных причин такого положения вещей, несомненно, является незнание большинством беларусов своей национальной истории. Вот они и подменяют ее историей России, или даже выдумками. Например, некоторые жители республики верят, будто бы нашими предками управляли не канцлеры ВКЛ, а Иван Грозный и Петр Первый. Или же заявляют, что наш великий просветитель Франциск Скорина учился в Петербургском университете. Между прочим, Скорина получил диплом Краковского университета в 1506 году, за 250 лет до того, как в России появился первый университет!

Имена газет «Известия» и «Правда» — зачем они нам? Между тем, улицы, названной в память газеты «Наша Нива», в Минске нет. А уж она в развитии беларуской национальной культуры сыграла колоссальную роль. Ни Янка Купала, ни Якуб Колас без нее вряд ли стали бы литераторами. Ну ладно, нашим чиновникам, воспитанным в духе «культуры, советской по содержанию, русской по форме», может все еще казаться недопустимым прославление этого печатного органа «буржуазных националистов». Так назовите минские улицы в честь газет «Советская Белоруссия» и «Звезда»! Но не «Известий» и не «Правды».

Множество наших улиц носят имена российских и зарубежных революционеров, «пламенных большевиков», государственных и политических деятелей России, СССР и других стран, героев войны, прославившихся в России. Это улицы Авакяна, Азизова, Алибегова, Аннаева, Асаналиева, Бабушкина, Бакунина, Бумажкова, Веры Слуцкой, Володарского, Ворошилова, Жданова, Луначарского, Зои Космодемьянской, Зубачева, Калинина, Карастояновой, Карла Либкнехта, Карла Маркса, Кижеватова, Олега Кошевого, Красина, Кропоткина, Крупской, Куйбышева, Кульман, Куприянова, Лазо, Лизы Чайкиной, Луначарского, Матросова, Мельникайте, Минина, Михайлова, Олега Кошевого, Орджоникидзе, Пестеля, Плеханова, Пожарского, Путилова, Розы Люксембург, Свердлова, Семенова, Смолячкова, Стебенева, Урицкого, Фомина, Фучика, Халтурина, Чеботарева, Чекалина, Чигладзе, Чичерина, Чкалова, Щербакова, Юрия Смирнова...

Конечно, некоторые из перечисленных людей достойны уважения (хотя, например, к истребителю казачества Якову Свердлову, председателю петроградской «чрезвычайки» Моисею Урицкому, директору «ведомства лжи» — Совинформбюро — Александру Щербакову никакого уважения быть не может). Но при чем здесь Беларусь? Они родились за ее пределами, их деятельность никогда никоим образом не была связана с нашим Отечеством, вообще не имела ни ма-

лейшего отношения к нашей истории и культуре. Неужели мы увековечили память всех своих выдающихся земляков, и нам больше не хватило имен? Ах, если бы так! Так нет же, мы предпочитаем быть «Иванами, не ведающими родства». Именно здесь лежит одна из главных причин комплекса национальной неполноценности, испытываемого многими беларусами.

Например, наши соседи-летувисы колоссально гордятся своим художником Чюрлёнисом, нарисовавшим за недолгую жизнь (35 лет) всего два десятка картин, страдавшим психическим расстройством и покончившим жизнь самоубийством. А мы стесняемся вспоминать такого гиганта живописи как психически и физически нормального витебчанина Марка Шагала, прожившего 90 лет, нарисовавшего сотни картин. До него тому же Чюрлёнису — в смысле международного признания — далеко как до Луны и еще дальше.

Ах, он был еврей! Некоторые люди при упоминании этой национальности вздрагивают, то ли от сквозняка, то ли от смущения?! Вполне возможно. Но разве бытовые симпатии и антипатии относятся только к евреям? А кто был по национальности Айвазовский? Может быть, беларус? Нет, это чистокровный армянин Гайвазян, житель Феодосии. Вот и задумайтесь, кто нам ближе географически и этнически: крымский армянин или витебский еврей?

Кстати говоря, в Москве есть улица замечательного российского художника Левитана, еврея по национальности. Это к вопросу о том, прилично ли нам забывать великих земляков — евреев по национальности. Во всяком случае, смею думать, что лауреат Нобелевской премии мира израильский премьер-министр Ицхак Рабин более достоин того, чтобы в его честь назвали улицу в родном Бобруйске, чем Свердлов — еврей по национальности, палач по убеждениям, залитый кровью русских людей по самые ноздри.

Да и вообще, в Витебске примерно в одно время с Шагалом работали знаменитые российские художники Василий Кандинский и Казимир Малевич. Казалось бы, несложно создать в Витебске туристический центр мирового значения: «художественная мастерская» Пэна — Шагала — Кандинского — Малевича. Тут даже особой рекламы не требуется, эти мастера живописи и так широко известны образованным людям во всем свете. Но сия мысль почему-то обходит стороной головы руководителей отечественного туристического бизнеса.

Зато они пытаются «раскрутить» совершенно «дохлый» брэнд — пресловутую «линию Сталина». Невежественные гиды врут немногочисленным посетителям этого фортификационного аттракциона, будто бы «герои-красноармейцы» целую неделю успешно отражали здесь натиск полчищ «озверевших фашистов». Между тем, передовые части немцев появились в западных пригородах Минска уже ве-

чером 27 июня — на пятый день войны. На линии Сталина лишь в двух-трех точках произошли бои местного значения. Если уж наши «турначальники» так любят фортификацию, пусть бы восстановили замок в Ляховичах — самый мощный в Беларуси XVII века. Вот он действительно прославился тем, что в 1660 году успешно выдержал трехмесячную осаду войск московского воеводы Хованского.

Поскольку названия улиц, переулков и площадей беларуских городов не увековечили имена тысяч и тысяч выдающихся беларусов, поляков, евреев, чьи жизни и судьбы неразрывно связаны с Беларусью, постольку в сознании многих граждан неизбежно формируется представление о своего рода «вакууме» в историческом прошлом своей страны. Между тем, были у нас свои гении и герои, таланты и знаменитости, только наши «заклятые друзья» из России очень долго и очень старательно старались вытравить память о них. К сожалению, они, а также их сторонники внутри нашего государства весьма преуспели на этом поприще.

Я не касаюсь тех «пламенных революционеров» и «красных командиров», которые были выходцами из Беларуси (как Слуцкая) или деятельность которых была отчасти связана с Беларусью (как Мясников, Фабрициус, Фрунзе). Пусть уж остаются, поскольку есть еще люди, которые до сих пор верят, словно дети, в «романтику революции». Но чего стоят «романтические» производственные названия улиц — Базисная, Водозаборная, Коллекторная, Мелиоративная, Радиаторная, Силикатная, Стандартная, Экскаваторная, Бетонный проезд, переулки Водопроводный, Гаражный, Землемерный, МОПРа, Тиражный, Энергетический, или восемь (!) Железнодорожных переулков. Это до какой же степени надо презирать своих земляков, чтобы заставлять их жить под такими названиями? Вот тебе, минчанин, твоя «малая родина» — улица Силикатная! Или Коллекторная — имени «стока нечистот». Живи и гордись ею!

А чужая география? Есть в Минске улицы Арктическая, Амурская, Ангарская, Байкальская, Бакинская, Беломорская, Волжская, Волго-Донская, Енисейская, Иркутская, Кубанская, Ленинградская, Пензенская, Самарская, Севастопольская, Ташкентская, Тульская, Уральская, Хабаровская...

Между прочим, в Беларуси с незапамятных времен существуют реки Припять и Неман, Ареса и Щара, Буг и Мухавец, Днепр и Двина, Сож и Свислочь, озера Нарочь и Свитязь, но улиц, названных в их честь, в Минске нет. Вот Амурская или Байкальская — пожалуйста!

А Грюнвальд? В этой битве, произошедшей 15 июля 1410 года, соединенные войска Польского королевства и Великого княжества Литовского наголову разгромили могущественный Тевтонский орден. Победа славян при Грюнвальде на века принципиально измени-

ла военно-политическую ситуацию в Восточной Европе. Достаточно сказать, что 505 лет после нее, вплоть до кайзеровской оккупации 1915 года, на беларуские земли ни разу не ступала нога немецких захватчиков.

В сражении при Грюнвальде участвовали беларуские хоругви (полки) из 30 городов — Бреста, Быхова, Вильни, Витебска, Волковыска, Гродно, Дрогичина, Друцка, Заславля, Кобрина, Крево, Кременца, Кричева, Лиды, Лукомля, Медницка, Мельницка, Минска, Могилева, Мстиславля, Несвижа, Новогрудка, Орши, Ошмян, Пинска, Полоцка, Слонима, Слуцка, Трок, Чарторыйска.

Были также и русские — один полк из Смоленска. Но если открыть книгу, изданную в Москве в 2000 году — «100 великих битв», то можно узнать, что именно его усилия имели решающее значение для победы (авторы даже пишут о «трех русских полках», хотя утроение связано с ошибкой в переводе польского первоисточника). Отмечу и другое — число упоминаний воинов разных национальностей в статье о Грюнвальде в указанной книге: поляки — 26 раз, литовцы — 20, русские (в смысле — смоляне, хотя Смоленск в то время был частью ВКЛ, а не Московии) — 17, татары — 6, немцы — 4. Беларусы — ни разу!

У поляков и литовцев с давних пор вообще царит подлинный культ Грюнвальда (по-литовски «Жальгирис»). У них улицы в честь этой битвы названы и ордена, спортивные команды, романы изданы, кинофильмы сняты, в школах дети с малолетства изучают.

Вот так победами нашего народа гордятся другие, тогда как многие граждане Беларуси не знают даже азов своей истории. Вместо имен национальных героев, беларуские города изобилуют улицами и памятниками, посвященными Ленину, Марксу, Энгельсу, Розе Люксембург, Кларе Цеткин, другим революционерам. Что хорошего они сделали для нашего народа? Пусть памятники им ставят на их родине — в России или Германии, или в странах, ставших благодаря им великими и процветающими, если такие найдутся. У беларусов свое славное прошлое. Одна из самых великих его страниц — Грюнвальд.

Рассуждения на данную тему можно продолжать очень долго, поэтому остановлюсь. Сказанного вполне достаточно для того, чтобы немного задуматься. Только не надо трагически заявлять о недопустимости «переписывания истории, запечатленной в названиях». Парадокс, черный юмор и настоящая беда нынешнего беларуского общества заключается в том, что значительная его часть продолжает жить чужой историей, чужой культурой, чужой идеологией. Пора с этим кончать!

(М.Н. Петров)

Беларусь уже более 16 лет является независимым суверенным государством, беларуский язык имеет статус государственного, это язык «титульной нации». Но если вы захотите дать своему сыну беларуское имя Рыгор либо Зьміцер, а дочери — Ганна или Алаіза (в честь беларуской поэтессы Пашкевич-Тётки), то узнаете, что таких имен нет! Есть русские имена Григорий и Дмитрий, Анна и Элоиза (хотя на самом деле они тоже не русские, и уж тем более — не славянские), есть грузинское имя Тенгиз, есть татарское имя Ахмет, есть немецкое имя Карл, есть даже французское имя Анжелика, пожалуйста, называйте ими своих детей, внуков, правнуков!

Однако назвать в Беларуси беларуское дитя беларуским именем, а тем более переписать на беларуский манер свое собственное имя — НИЗЗЗЯ ни в коем случае!!! Скандальные тетеньки из ЗАГСА беларуских имен не знают, поскольку в их справочнике, составленном еще в советские времена, таких имен нет!

Проблема личных имен — это прекрасный образец нашей культуры, на словах якобы «беларуской», но в действительности русской по форме, советской по содержанию.

В итоге сложилась трагикомическая ситуация. Если какой-то беларус решит дать своему новорожденному сыну, допустим, имя Аркадзь — в честь выдающегося беларуского этнографа, географа и политика Аркадзя Смоліча и отправится с этой целью в ЗАГС, там женщина-регистратор вытащит из стола «Справочник личных имён народов СССР» и будет, ссылаясь на него, уверенно заявлять, что можно назвать сына азербайджанским именем Файзулла, татарским именем Ментемир, еврейским именем Моисей, а вот Аркадзем — ни в коем случае, потому что такого имени в этом справочнике нет (как нет там и всех других беларуских имён).

Зато имеется замечательное русское имя Аркадий, которое, по мнению сотрудниц упомянутого учреждения (мужчины там не работают), по-беларуски следует писать «Аркадзій». В действительности же оно греческое (то есть, не русское и не славянское), означает жителя одного из районов Эллады — солнечной Аркадии! А превращение имени «Аркадзь» в «Аркадзій» является подлинным триумфом невежества в области беларуского языка.

Я уж не говорю о таких беларуских именах как Язеп, Кастусь или, скажем, Яўхім. Вам с пеной у рта станут доказывать, что Язеп — это Исаак, Кастусь — Константин, а Яўхім, конечно же, Ефим.

Для большей убедительности перечислю еще несколько десятков прекрасных беларуских имен, отсутствующих в справочнике:

Алесь, Анатоль, Антось, Апанас, Аўген, Багрым, Браніслаў, Васіль, Вацлаў, Вітаўт, Генадзь, Зьміцер, Зянон, Карусь, Лаўрын, Лукаш, Лявон, Марка, Мікола, Міхась, Піліп, Радзім, Сымон, Хвёдар, Юрка, Якуб, Янка, Ясь, Яўген...

Алеся, Алёна, Аўгіньня, Вольга, Галька, Ганна, Зарына, Зоська, Івонка, Люцыя, Мальвіна, Міліта, Надзея, Наста, Паўліна, Стэфанія, Храсціна, Яніна...

После этого остается лишь удивляться тому, что армяне почему-то называют своих сыновей именем Ованес, но не Иван, а латыши — Петерис вместо простого и понятного Петр.

Между тем, проблема личных имен не столь проста, как это кажется многим нашим современникам, по уши погрязшим в материализме самого вульгарного толка и категорически не желающим думать о скрытой сути всех вещей. Чтобы много не рассуждать по этому поводу, ограничусь всего одной цитатой из работы православного русского философа Павла Флоренского «Об Имени Божием», написанной в 1921 году. В ней он, в частности, утверждал:

«Имя — это материализация, сгусток благодатных или оккультных сил, мистический корень, которым человек связан с иными мирами. И поэтому имя — самый больной, самый чувствительный член человека. Но мало того. Имя есть сама мистическая личность человека, его трансцендентальный субъект... По своему происхождению имя — небесно... В особенности — имена, принадлежащие великим богам, теофорные, т.е. богоносные имена, несущие с собой благодать, преобразующие их носителей, влекущие их по особым путям, кующие их судьбы, охраняющие и ограждающие их».

Мы в этой книге говорим о национальном самосознании людей. Позволю себе задать в данной связи риторический вопрос: кем ощущает себя человек, нареченный чужестранным именем, не имеющим никакого отношения ни к его национальному языку, ни к традициям его нации?

И в какой стране мы с вами живем: в России, или, может быть, все-таки в Беларуси?!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГОМО СОВЕТИКУС: БЕЛАРУСКИЙ ВАРИАНТ

(**Максим Петров**, доктор наук по информационным технологиям)

Тот, кто невольник против своей воли, — он может быть свободным в душе своей. Но тот, кто стал свободным по милости господина своего, или сам отдал себя в рабство, свободным быть не может.

Апокрифическое Евангелие от Филиппа (114)

Что такое «гомо советикус»

В СССР в течение нескольких десятилетий осуществлялся крупномасштабный проект по созданию человека принципиально нового типа — «человека советского», которому исследователи присвоили научное обозначение «гомо советикус» (homo soveticus)*.

СССР уже более 16 лет мертв, но «гомо советикус» никуда не исчез, разве что несколько трансформировался. Миллионы граждан России, Украины, Беларуси, других стран СНГ до сих пор обладают его менталитетом. Это поистине удивительно: среди русских, украинцев и беларусов живут люди, психологически не являющиеся ни русскими, ни украинцами, ни беларусами. Они иной национальности — советской. На территории СНГ, в том числе в Беларуси, одновременно существуют две большие группы населения — национальная и советская, которые находятся в конфликте между собой, так как их потребности, интересы, ментальность во многом не просто различны, а противоположны.

Причина появления «нового человека»

Сразу возникает вопрос: зачем понадобилось создавать «нового человека?» Ответ надо искать в области политики. Банда политических авантюристов, именуемая большевиками, захватившая власть в России в 1917 году и превратившая ее население в своих рабов, не могла долго держаться только на штыках. Единственной надежной

 $^{^*}$ Всемирно известный советский философ-диссидент А.А. Зиновьев (1922—2006) в 1982 году издал в Лондоне книгу под таким названием. Он же предложил сокращенный вариант термина — «гомосос».

гарантией сохранения господствующего положения могло служить для них превращение основной массы населения из рабов «по принуждению» в рабов «по убеждению»*.

Раб, подчиненный силой, способен восстать в любой момент (вспомним Спартака или Пугачева). А вот раб, добровольно принявший свое рабство, увидевший и прочувствовавший все выгоды такого состояния (а они тоже есть!), не просто подчиняется власти, но теряет сам инстинкт сопротивления. Он чрезвычайно пластичный материал («человек-глина»), покорно принимающий всё, что предлагают ему «вожди» — эти публичные посредники между массой рабов и классом новых господ. Более того, раб «по убеждению» готов защищать свое рабское состояние и благополучие своих хозяев всеми силами, средствами и способами.

В песне «Совки» Игоря Талькова (убитого, кстати говоря, в 1991 году «при невыясненных обстоятельствах») есть слова удивительного прозрения:

«...Они в создании своем не виноваты, Их вырастила власть, Ей надо наплодить дегенератов, Чтоб ненароком не упасть»...

В переводе с поэтического языка на научный, эти строки означают примерно следующее. Большевики решили превратить народы бывшей Российской империи в покорное стадо, не только неспособное к сопротивлению им, но и старательно работающее на «новых господ», что называется, «с энтузиазмом и с песней», а также готовое защищать их от внешних и внутренних врагов «не щадя своих сил, здоровья и даже жизни». Для этого надо было создать «новых людей», осознанно разделяющих провозглашенные большевиками бредовые идеи. Ради обеспечения своего замысла большевики разработали концепцию «нового человека», в действительности — «нового раба», но принадлежащего уже не конкретному владельцу, а государству в целом (фактически, новому классу эксплуататоров — партийной номенклатуре).

Идеологи большевиков утверждали, что в результате революции, гражданской войны, реформирования всех областей экономической, политической и культурной жизни в СССР произошла не деградация

^{*} Тех читателей, которые не согласны с оценкой большевиков как бандитов и авантюристов, отсылаю к ОФИЦИАЛЬНОМУ заключению Института российской истории РАН, подготовленному по указанию правительства России и опубликованному в марте 2006 года. Оно содержит общую оценку деятельности Ленина и ВКП(б) — КПСС. Главный вывод документа таков: «Деятельность В.И. Ленина направила страну в социально-экономический и духовный тупик, затормозила цивилизационное развитие страны и изолировала ее от всего цивилизованного человечества». См. «Аргументы и Факты», № 16 (1329), апрель 2006, с. 9.

общества, а напротив, были обретены новые позитивные качества (например, коллективизм), благодаря которым общество в целом и каждый конкретный человек в отдельности поднялись на более высокую ступень исторического развития. Правда в таком заявлении только то, что «гомо советикус», как социально-психологический тип, действительно принципиально отличается от личности традиционного типа, воспитанной в духе христианского мировоззрения, гуманистической культуры и принципов правового общества.

Средства формирования «новых людей»

Для формирования людей «нового типа» большевики использовали три основных средства — пропаганду, террор и образование.

Пропаганда

Главный принцип пропаганды большевиков оказался принципиально новым для своего времени. Это уже потом все пошли по их стопам — и нацисты, и диктаторские режимы второй половины XX века. Большевики, в отличие от просветителей XVIII и XIX веков, не верили в человеческий разум. Они поняли, что для убеждения масс не надо ничего логически обосновывать и доказывать. Если хочешь заставить множество людей поверить во что-то одно, сформулируй это положение как можно проще и повторяй его тысячи раз — долби и долби в одну точку. Весь секрет — в повторении.

Но при этом важно возбуждать своей пропагандой самые примитивные эмоции. Например, гнев против реального или мнимого врага, жалость к самим себе (к той аудитории, на которую рассчитана пропаганда), веру в то, что кто-то «сверху» (большевики) спасет их от всех бед, а им для этого надо только поддержать призыв пропагандистов — здесь, сейчас, по этому конкретному поводу. Дальше все изменится к лучшему, словно в сказке. Если не завтра, то очень скоро.

Еще от субъектов пропаганды требовалось создавать образы, воплощающие две противоположные черты. С одной стороны, большевики должны были казаться былинными героями, способными сокрушать рати супостатов (отсюда «железные коммунистические дивизии» и прочее в том же духе), то есть подавать себя как нечто высшее. С другой стороны, надо было выглядеть простыми, понятными, «своими в доску», похожими на толпу, со всем ее невежеством, глупостью и предрассудками.

Именно таков был метод убеждения Ленина (прочтите внимательно его работы, особенно речи). Он не использовал ни доказательств, ни логики, только долбил и долбил одно и то же. И таков его образ: «совсем простой», «прост, как правда»!

Средствами большевистской пропаганды служили публичные выступления (деятели КПРФ по сей день придают им решающее

значение в предвыборных кампаниях), газетные публикации, листовки и плакаты с броскими лозунгами, коротенькие пропагандистские брошюрки, напечатанные крупным шрифтом, радиопередачи. Спрятаться в СССР от пропаганды никто не мог, особенно в городах и на производстве. Митинги, собрания, лекции, политинформации, демонстрации...

Кроме того, большевики использовали во всю мощь кино. Ленин не зря утверждал, что «кино — наиважнейшее дело». Сегодня нам трудно даже вообразить ту колоссальную силу эмоционального воздействия, которое оно оказывало на массы в 30-е и 40-е годы. Фильмы, предельно примитивные по своим сюжетам, идеологии, режиссуре, актерской игре вроде «Броненосца Потемкина», «Максима», «Чапаева» сыграли гигантскую роль в деле оболванивания миллионных масс. У сегодняшнего зрителя они вызывают скуку и недоумение: чем здесь восторгались наши деды?

Teppop

Первым, кто выдвинул концепцию создания «нового человека», был Николай Бухарин (по определению Ленина — «главный теоретик и любимец партии большевиков»). Он еще в 1915 году заявил о неизбежности «складывания нового типа человека» при социализме. И он же четко указал, что главным средством такого «складывания» является насилие. В 1919 году в своей работе «Азбука коммунизма» Бухарин писал:

«Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Формы большевистского насилия были многообразны: экспроприация собственности имущих классов и слоев населения; «разбуржуазивание», «расказачивание» и «раскулачивание»; принудительное уравнивание населения по имущественным, культурным, идеологическим параметрам; агрессивный атеизм, тюремное заключение, казни...

Но центральным звеном всей большевистской системы «перековки» стал концентрационный лагерь. Напомню, что трудовые лагеря для перевоспитания «классово чуждых элементов» придумали Ленин и Троцкий, первые такие учреждения появились уже в 1918 году. Советские концлагеря исполняли не столько карательные, сколько экономические и воспитательные функции. Один поляк из Западной Беларуси (Александр Ват), прошедший через советские лагеря, написал:

«Название «исправительно-трудовой лагерь» является абсолютно точным. Это исправительный лагерь, только с одной оговоркой.

Происходит не исправление тех пяти или пятнадцати миллионов узников, ведь это меньшинство..., а дело во всем населении. Почти в каждой семье кто-то был в лагере, и каждый мог ждать, что туда попадет. И в этом было всё дело, чтобы каждый знал, что ему это угрожает каждую минуту, что лагерь страшен, и что об этом нельзя говорить... Чтобы посредством лагерей воспитывать всё население, которое еще не сидело в лагере».

Александр Солженицын в своем знаменитом исследовании «Архипелаг ГУЛАГ» оценивал число заключенных советской лагерной империи в 1938 году в диапазоне от 12 до 15 миллионов человек! Но ведь 15 миллионов — это почти каждый десятый житель страны. А если исключить детей до 12 лет, немощных стариков и беспомощных инвалидов, то еще больше, каждый седьмой или даже шестой!

Лагеря не какое-то малозначительное «отступление» от гуманных норм социализма, сугубо прекрасного общественного строя, как утверждали идеологи большевиков. Более чем 600 лагерей с миллионами абсолютно бесправных рабов, разбросанные по всему СССР от Бреста до Чукотки, это и была основа основ ленинско-сталинского советского общества. В переносном смысле, весь Советский Союз представлял собой огромный концентрационный лагерь. Такое сравнение проводится во множестве научных исследований, публицистических и художественных произведений.

А тот человеческий материал, который для лагерей не годился по причине слабого здоровья, отсутствия привычки к физическому труду или в силу особого упорства в «заблуждениях», подлежал списанию в расход. Около 22% лиц, арестованных карательными органами в СССР за период с 1922 по 1953 год, были казнены.

Школа

Очень большое внимание большевики уделяли школе. В первые несколько лет после октябрьского переворота они использовали школу для отрицания всей предыдущей культуры как «буржуазной» и «поповской». Отсюда, в частности, проистекали знаменитые лозунги комсомольцев 20-х годов, типа «долой стыд, семью и материнство», «попы — это кровопийцы» и подобные им.

Но по мере усиления системы власти большевиков облик и функции школы постепенно менялись. Коммунисты организовали школьное обучение таким образом, чтобы никто не мог выйти за рамки официально разрешенных знаний, а «пролетарское» государство не получало молодых граждан, владеющих «вредными» знаниями или научившихся задавать «ненужные вопросы». Соответственно, общей характеристикой всех школьных учебников по гуманитарным предметам (по истории, литературе, обществоведению)

являлась полная подчиненность содержащейся в них информации идеологическим установкам большевистской партии.

Особую линию в образовании и воспитании детей составляла жесткая критика традиционных семейных связей. Ведь семья могла остаться важным пристанищем духовной независимости. Поэтому ее стремились скомпрометировать путем превращения естественного конфликта поколений в конфликт политический. Кровное родство, эмоциональные отношения между детьми и родителями большевистские идеологи изображали в виде буржуазного пережитка.

В результате, положительные герои советской пропаганды обогатились фигурами детей-доносчиков. Хрестоматийным стал пример Павлика Морозова, который донес на своего отца и выступил против него в суде как свидетель обвинения. Менее известна 13-летняя Проня Колыбина, донесшая на свою мать. Об этом писала газета «Правда» в 1934 году, всячески одобряя ее поступок. Чтобы накормить голодных детей, женщина украла немного колхозного зерна. После того, как дочь выдала ее, несчастную мать согласно декрету «о колосках» осудили на 10 лет лагерей!

Трудно сказать, насколько частыми были такие случаи, но уже тот факт, что они использовались пропагандой в качестве образцов для подражания, ярко свидетельствует о направлении «перековки» личности. Далеко не случайно в 30-е годы главным советским авторитетом в области воспитания стал Антон Макаренко, педагог, имевший опыт работы в исправительных колониях ГПУ и НКВД. Суть его теории заключалась в том, чтобы сделать метод перевоспитания малолетних преступников универсальным методом советской педагогики.

Макаренко учил, что детей, подростков, юношей и девушек надо воспитывать в коллективе, дисциплинированном по военному образцу — в духе приоритета интересов коллектива над интересами его членов и в духе безусловного подчинения его официальному руководителю. Семья — это тоже коллектив, считал он, важнее всего в ней именно интересы семьи как цельной «ячейки общества», а не родителей и детей, взятых по отдельности.

В СССР к концу 30-х годов была создана единая система воспитания: ребенок воспитывался сначала в авторитарной семье, затем в тоталитарной школе, затем в милитаризованном государстве. Составной частью этой системы являлись обязательные для всех детские общественные организации — пионерская и комсомольская.

Так с детства большевистское государство растило «убежденных рабов», для которых государство — наивысший коллектив, партийные вожди — непререкаемые авторитеты

Одинаковы ли «гомо советикусы»?

Рассматривая феномен «гомо советикуса», следует помнить, что речь идет о СОБИРАТЕЛЬНОМ ОБРАЗЕ, концентрированно выражающем психологию большинства членов советского общества, проявляющуюся через типичное поведение в большинстве жизненных ситуаций.

Данный человеческий тип был порожден двумя группами факторов: с одной стороны — социально-политическими отношениями, присущими этому обществу (метафорически можно назвать их «наковальней»), а с другой — целенаправленными усилиями властей («молотом»).

Миллионы человеческих душ большевики подвергли «перековке». Этот термин в 20-е и 30-е годы был необыкновенно популярен в СССР. Перековывали не только отдельных людей, но и целые трудовые коллективы. При этом, как в настоящей кузнице, кто-то ломался, а кто-то начинал соответствовать формуле, выведенной поэтом Николаем Тихоновым еще в 1917 году:

> «Гвозди бы делать из этих людей Не было б крепче в мире гвоздей»...

Тот человеческий материал, который личное ставил выше общественного, а христианские духовные ценности — выше политических целей большевиков, «перековаться» не смог и большей частью погиб — надорвался на стройках и лесоповалах, помер в шахтах и рудниках, куда их отправили новоявленные «кузнецы». Заодно выяснилось, что интеллигентная часть этого «материала» в своем большинстве принципиально не желала превращаться ни в «гвозди», ни в «шестеренки». Но, как верно подметил В.И. Ленин, «жить в обществе и быть от него свободным нельзя». Поэтому одни интеллигенты «старого образца» застрелились (как Владимир Маяковский) или повесились (как Сергей Есенин), другие спились (как Александр Грин), третьи превратились в кочегаров котельных (как Андрей Платонов). Совсем безнадежных гуманитариев прикончили в 30-е годы чекисты.

Разумеется, далеко не каждый «гомо советикус» носил у сердца партийный или комсомольский билет. Хотя в своих важнейших проявлениях они были очень похожи, в деталях наблюдалось много различий. Поэтому следует рассматривать их в двух измерениях — вертикальном и горизонтальном. Что касается первого, то гомососы-интеллектуалы (интеллигенты «нового типа» — «выходцы из народа») существенно отличались от гомососов-плебеев («пролетарской массы»). А жители городов России имели мало общего с на-

селением пресловутых «национальных окраин» — бывших союзных и автономных республик СССР.

Наконец, играл роль возрастной фактор. Первое поколение советских людей (примерно до 1925 года) составили те, кто стали взрослыми еще при царе. Поэтому их нельзя считать вполне советскими. Скорее, это было поколение, обманутое и запуганное большевиками. А вот следующие два поколения воспитывались на демагогии, на коммунистических сказках, на терроре, на лозунгах типа «кто не с нами, тот против нас», «если враг не сдаётся, его уничтожают», «партия сказала надо — народ ответил «есть». Это поколения времен ГУЛАГа, сезона охоты на «врагов народа» и «космополитов». Из них получились настоящие «советские люди», классические «гомососы».

Позже, в «период расцвета эпохи застоя», на общественной сцене массово объявились карьеристы, всякого рода ловкачи-проходимцы, «теневики», а также туристы с гитарами и прочие «внутренние эмигранты». Но вот ведь в чем ужас, мозги представителей и этого поколения (эпохи «развитого социализма») были переполнены коммунистической ахинеей. Даже пресловутые диссиденты и те, кто им симпатизировал, тоже были типичные «гомососы», разве что слегка «зараженные» либеральными идеями.

Вспомним правозащитников 60-х и 70-х годов: они не отвергали советскую власть, а всего лишь наивно желали, чтобы эта власть соблюдала законы, установленные ею самой, они хотели увидеть социализм с «человеческим лицом». Эти честные, но наивные люди не понимали того принципиального факта, что большевистская банда сочиняла государственные законы и «моральный кодекс строителей коммунизма» не для себя, а для своих рабов, и что истинное «лицо» социализма советского образца — это скотская харя.

Типичные черты гомососов

Какие же черты являлись общими для людей «нового типа», независимо от их статуса в обществе, региона проживания и этнической принадлежности?

Прежде всего, это существа коллективные во всех своих значимых проявлениях. «Гомосос» психологически жестко привязан к группе, даже если временно находится на необитаемом острове. Мыслить в понятиях автономного индивидуального существования он не способен в принципе. «Гомосос» всегда сознает себя только частью какой-то социальной общности, начиная с уровня школьного класса, спортивной команды, производственной бригады, и кончая уровнем государства, в котором он — всего лишь маленький «винтик», а его семья — «ячейка».

Такую группу, с которой он себя соотносит, обычно называют коллективом, хотя во многих случаях правильнее было говорить о стаде баранов и овец. Соответственно, стимуляцию слияния с «коллективом» всех членов общества, полного подчинения интересов индивидов интересам коллективов партийное руководство считало важнейшей задачей своей внутренней политики. На ее решение была нацелена вся система пропаганды, принуждения, образования и воспитания.

Вот что вспоминала, например, одна польская интеллигентка (Барбара Скарга), узница казахстанских лагерей, которая до ареста жила в Западной Беларуси и не подверглась коллективистскому советскому воспитанию:

«Раньше я не осознавала, что различия заходят так далеко. Даже представители русской интеллигенции казались мне чужими. Это были симпатичные люди, и я дружила с ними. Живость их ума, отличное знание мировой литературы, прекрасная ориентация в различных вопросах политики и культуры вызывали уважение, однако я всегда ощущала, что нас разделяет пропасть. Арестованные во время «больших чисток», они были сливками лагерного сообщества. В лагере они находились уже так долго, что могли убедиться, чем является правда реального социализма. Однако по-прежнему были верны партии, идеологическим лозунгам...

Я встретила в Балхаше группу молодых людей из университета, которые создали там дискуссионный кружок, посвященный различным общественным и политическим вопросам. Они занимались, например, возможностью сочетания демократии и коммунизма, создания чего-то вроде «коммунизма с человеческим лицом». Всех их арестовали, конечно, за организованную деятельность против Советского Союза.

Помню дискуссии, которые я вела с ними. Их относительная откровенность не стерла культурных различий. Они относились к коллективу как к чему-то святому. Только его воля, его интересы были им важны. Личность, даже гениальная, не имела такого значения. Ее сопротивление коллективу они считали почти что преступлением. Когда я защищала независимость личности, ее право на собственные убеждения, частную жизнь, они смеялись и возмущались, поскольку одна личность всегда неправа. По их мнению, я рассуждала старыми буржуазными категориями, и их удивляла моя отсталость. Когда я говорила о страданиях личности, они меня не понимали, ибо какое это может иметь значение при создании столь великого строя... А это ведь были люди, составлявшие элиту»*.

^{*} Z profesorem Barbara Skarga rozmawia Izabella Sariusz-Skapska. /«Znak», 1993, № 7, s. 115.

Большевики приучили народ *поклонению своим вождям*. Характерный пример в этой связи. 6 октября 2005 года в передаче «К барьеру!» на канале НТВ во время обсуждения вопроса о выносе мумии Ленина из мавзолея, Александр Проханов, главный редактор российской шовинистической газеты «Завтра» (до 1991 года она называлась «День»), категорически выступил против. Он сказал, что делать этого нельзя потому, что для многих миллионов бывших советских граждан Ленин — святой. Мощи Ленина он приравнял к мощам христианских святых!

Действительно, большевики изначально сделали своих руководителей объектами почти религиозного преклонения масс. Они утверждали, что именно вожди партии воплощают волю «трудового народа». Большевики ставили своих вождей выше царей, почти на уровень Бога. Таким было их отношение к Ленину, затем — к Сталину. Поэт писал в 1924 году по поводу смерти Ленина:

> «Сейчас прозвучали б слова чудотворца, Чтоб нам умереть и его разбудят, — Плотина улиц враспашку растворится, И с песней насмерть ринутся люди»...

Аналогичного отношения народа большевики требовали к руководителям всех уровней своей власти. И действительно, всякий представитель партийной номенклатуры реально был «царем» для своих подчиненных на том участке (в наркомате, на заводе, в воинской части, в учреждении, даже в бане), руководство которым ему доверило вышестоящее партийное руководство (отнюдь не народ).

Эта власть была абсолютной. Например, губернатор в дореволюционной России не мог поступать, как ему вздумается, не только с дворянами, но и с представителями других сословий. Он подчинялся законам, общественному мнению, понятиям о «приличиях», о христианском милосердии и т.д. Да что там губернатор! Даже царьсамодержец в XIX и XX веке вынужден был учитывать «мнение общества», честь и достоинство привилегированной части нации. Зато любой секретарь райкома партии, тем более обкома или ЦК, особенно в 30-е и 40-е годы, мог сделать что угодно с любым человеком в своем районе (области, республике): выгнать с работы, посадить в тюрьму, даже казнить. Это подтверждают тысячи конкретных историй, опубликованных в печати после 1991 года.

Кстати говоря, наша семья испытала это на себе. Так получилось, что из-за моего отца секретарь одного из райкомов партии Минска получил «втык» в ЦК. Этого оказалось достаточным для того, чтобы он приказал сотрудникам прокуратуры состряпать «дело» против ни в чем не повинного пожилого больного человека и добился того, что отец «загремел» в тюрьму. Правда, потом органы прокурорского над-

зора СССР отменили приговор «ввиду отсутствия состава преступления», но к тому моменту отец провел за решеткой, с учетом предварительного заключения, 10 месяцев и вернулся домой чуть живой. И случилось это вовсе не в 1937 году, а в 1967, то есть, в эпоху всеобщего торжества «социалистической законности».

.0.

Большевистские идеологи проповедовали примат материальной сферы жизни над духовной (известный тезис Маркса «бытие определяет сознание», в противовес библейскому тезису «в начале было слово»). Отсюда следовало *отрицание духовных ценностей*.

Но, отказавшись от духовных достижений европейской цивилизации за две тысячи лет, воплощенных в догматах христианской религии, понятиях и концепциях гуманистической культуры, советские люди закономерно превратились в аморальных существ, крайне неразборчивых в средствах достижения своих эгоистических целей, не отягощенных никакими этическими нормами. Большевики (а затем по их примеру национал-социалисты) оклеветали, подвергли осмеянию то, что традиционно было святым для европейцев: веру в Бога, сознание своей грешности, понятие совести, идеалы сострадания и милосердия, вообще идею человечности как таковую.

Интересное наблюдение относительно советских людей есть в воспоминаниях западнобеларуской поэтессы-эмигрантки Ларисы Гениюш, впервые увидевшей «новых людей» в Праге в 1945 году:

«Мы очень разочаровывались в так называемых «советских» людях-беларусах, они шли на любой обман ради достижения своих шкурных целей, не зная никакой этики. Они были ловкие и хитрые, их методы были иногда страшными. Это были волки. Никакой доброты или милосердия, никаких ограничений для зла. Разговор с ними не окрылял, а настораживал тем, что они принижали лучшее в людях и человечности».

Кстати говоря, в 1948 году, когда к власти в Чехословакии пришли коммунисты, они выдали представителям МГБ СССР эту немолодую женщину, никогда не жившую в Советском Союзе и гражданкой его не являвшуюся, не совершившую никаких преступлений ни по чешским, ни по советским законам. А те немедленно отправили ее вместе с мужем в концлагерь!

Вот так и действовали «гомососы» повсюду, куда дотягивались их грязные лапы. Уничтожали массы людей морально и физически, цинично называя этот беспредел «высшей формой гуманизма»!

.0.

Следствием трех указанных выше базовых качеств «гомо советикусов» являлись многие другие их социально-психологические черты и особенности. Их детальному рассмотрению можно посвятить фундаментальный труд. Поэтому очень кратко коснемся лишь некоторых характеристик.

Прежде всего, это *аморализм*. Большевики сами противопоставляли созданного ими «нового человека» — «старому», т.е. верующему христианину, признающему «вечные» метафизические ценности (например, истины Евангелия), свободную волю и совесть человека, делающего сознательный выбор между добром и злом. С такой точки зрения типичный «гомосос» выглядит существом принципиально аморальным.

Большевики воспитали самих себя и своих рабов в том духе, что морально лишь то, что «служит делу борьбы за коммунизм», а это, в свою очередь, определяла партия, т.е. банда мерзавцев, воодушевленная своими людоедскими теориями. Вот гомососы и уничтожали без колебаний сотни тысяч соотечественников, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков.

Разве смог бы человек, обладающий совестью и верующий в Бога, расстреливать 13-летних девочек, обвиненных в том, что они — польские шпионки?! Он предпочел бы сам пойти на расстрел, дабы спасти свою душу! Разве смог бы он облить бензином и сжечь живых женщин и стариков (да хотя бы и животных) только потому, что ему сказали, будто это — враги, не уточняя, какие именно и в чем их вина?! А гомососы — могли, такие случаи известны, в том числе в Беларуси! Например, сотрудники органов НКВД — МГБ творили в Западной Беларуси и в Западной Украине перед войной, во время войны и в первые годы после нее такое, что нормальным людям кажется сегодня даже не зверством (звери так поступать не способны), а запредельным ужасом, абсолютным Злом. Не случайно кое-кто из них (те, что были поумнее) сами себя характеризовали как «веселых чуловиш большевизма»!

Советский человек всегда был готов обличить на собрании лучшего друга, если так ставило вопрос «руководство». Вспомните письмо 40 академиков, клеймивших «предателя» Сахарова; такую же травлю Солженицына; пламенные речи писателей при исключении Ахматовой, Зощенко, Пастернака из писательских организаций. Да ведь это капли в океане, вся жизнь была такой. Замечательно выразился один рабочий в письме в газету «Правда» по поводу Пастернака: «я никаких его книг не читал, но как все советские люди, глубоко осуждаю». Грызли всей сворой тех, кому раньше кадили — стоило указать пальцем и сказать «фас»; толкали друг друга в застенок и в лагерь, по принципу «умри ты сегодня, а я завтра»; считали другой образ действий безумием.

Логическим следствием преклонения перед вождями являлось одобрение «гомососами» всего, что вещали народу «верхи», причем одо-

брение вполне искреннее. Ученый и писатель Олег Волков, отбывший 28 лет в сталинских лагерях, после выхода на свободу сделал следующее наблюдение:

«Более всего бросалась в глаза всеобщая осмотрительность и привычка «не сметь свое суждение иметь»! И дружественно настроенный собеседник — при разговоре с глазу на глаз! — хмурился и смолкал, едва учуивал намек на мнение, отличное от газетного. Одобрение всего, что бы ни исходило от власти, сделалось нормой. И оказалось, что в лагере, где быстро складываются дружба и добрая спаянность... мы были более независимы духом»*.

То же самое подметил другой узник коммунистической системы, автор первой книги о лагерях «хрущевского периода» Анатолий Марченко. Когда его вызвали в кабинет начальника концлагеря за три месяца до очередного освобождения и снова попытались убедить «по-хорошему», он услышал:

«Марченко, вы скоро освободитесь. Вы понимаете, что, выйдя на волю, вы должны вести себя и думать, как все? Свобода это вам не лагерь, где каждый думает по-своему» (!)**

«Гомососы» не признают смысла в существовании отдельного человека. Для них любой индивид всегда только часть коллектива, только средство достижения чего-либо. Различие наблюдается лишь в том, что для гомососа идейного он — средство укрепления государства, средство борьбы за интересы партии, которые на поверку оказываются эгоистическими интересами партийной верхушки. А для безыдейного мелкого хищника другой человек — средство удовлетворения его собственных паразитических устремлений. Поэтому презрение к чужому «я» — важная черта «гомососа». Он нетерпим и агрессивен к проявлениям личностного начала в других людях. «Гомо советикус» считает себя вправе хамить другим, в первую очередь тем, кто стоит ниже его на лестнице социальной иерархии, но удивляется и негодует, когда ему отвечают тем же. Никогда не забуду изумления инструктора минского горкома партии, когда я в ответ на хамское «ты» этого человека (моложе меня лет на семь) начал обращаться к нему точно так же. Сказать, что он был потрясен, значит, ничего не сказать...

Однако *собственного достоинства у гомососа тоже нет* — это две стороны одной медали. Достаточно вспомнить случай с генеральным прокурором России, имевший место несколько лет назад. Его,

^{*} Волков О.В. Погружение во тьму. М., 1989.

^{**} А.Т. Марченко (1938—1986) пять раз осуждался по вздорным политическим обвинениям. В общей сложности он провел в заключении 19 лет и умер в тюрьме. Автор книг «Мои показания», «От Тарусы до Чуны», «Живи как все». — Прим. Ред.

семейного человека, сняли скрытой видеокамерой при посещении двух проституток, с которыми он занимался групповым сексом, а он, абсолютно не смущаясь, заявил, что на видеопленке — «похожий на меня человек!» О каком достоинстве в этом случае может идти речь?! Или взять высших чинов российского флота, вравших своему президенту — верховному главнокомандующему, а заодно и всем гражданам России — о причинах гибели атомной подводной лодки «Курск» и о ходе спасательных работ. Когда их уличили во лжи, никто не подумал не то, что застрелиться от бесчестья, но хотя бы подать в отставку!

Как уже сказано, сознательное рабство, в форме тотальной зависимости от микроколлектива (стада), от макроколлектива (партии, государства) и от вождей, составляет суть мировоззрения «гомососа». А рабу по убеждению собственная свобода не нужна. Он не способен отказаться от предписанной извне социальной функции и типовых сценариев поведения, поэтому всячески избегает ситуаций выбора. В его понимании никакого свободного выбора не существует — нигде, никогда. Есть только блажь, своеволие, дурь, одним словом, опасное отклоняющееся поведение.

Наконец, гомососу чуждо цивилизованное отношение к праву собственности. Границы между «своим» и «чужим» для него условны, изменяются им при первой же возможности. Законные интересы посторонних людей он игнорирует принципиально, а украденное воспринимает как свое кровное. Яркий пример такого поведения в научной среде и в области искусства — плагиат. В сфере материального производства это проявляется в глубоком неуважении плодов чужого труда.

Отсюда вполне логично вытекает *понимание примитивной «уравниловки» как социальной справедливости*. Вот типичный пример. «Литературная газета» в 70-е годы описала следующий случай. Некий изобретатель предложил новшество, которое удалось внедрить на его заводе и которое дало предприятию за год выгоду в несколько миллионов рублей. Тогда руководство завода решило наградить его премией в размере 20 тысяч рублей, что составляло менее 0,1% от обеспеченной им выгоды. Но главный бухгалтер, женщина, отказалась выдать эту сумму, мотивируя тем, что советскому человеку «неприлично» получать так много денег!

Гомосос-начальник всегда стремится лишить человека возможности зарабатывать достойно, все равно, руками или головой, чтобы после всячески его же попрекать: «страна тебе всё дала, а ты — скотина неблагодарная!»; «частник только о себе думает»...

Гомосос-работяга ненавидит тех, кто добивается чего-то выше среднего уровня упорным трудом, неважно — физическим или интеллектуальным. Если не хочешь пить с ним водку, поскольку це-

нишь свое время, ты для него принципиальный враг: «много о себе понимает; ему больше всех надо».

Думаю, сказанного достаточно для понимания сущности человека «нового типа», «строителя коммунизма», который во множестве экземпляров должен был образовать «советский народ».

«Гомососы» благополучно пережили крах системы, их создавшей. Правда, некоторые прежние личностные черты и социальнопсихологические ориентиры, присущие им, в новых условиях стали ненужными, но суть сохранилась. Например, гордость за «советскую социалистическую Родину» сменилась гордостью за «наш дом Газпром», Москва так и осталась центром «всего прогрессивного человечества», толпу врагов «первого в мире государства рабочих и крестьян» заменили многочисленные недруги «новой демократической России», а президентом этого «демократического государства», оказывается, может быть только один человек из 150 миллионов! Россиянам без вождя — спасителя нации никак невозможно!

На уровне обыденной психологии основных групп населения принципиальные изменения вообще надо искать с лупой в руках. В глаза бросаются до боли знакомые черты: например, приверженность к «уравниловке» в сфере экономического распределения; предпочтение честным заработкам методов насильственного присвоения чужой собственности (украсть, или отнять и поделить); любовь к низкопробной «культурной» продукции («попса», «поле чудес в стране дураков», юмор уровня «Аншлага»). А святая вера в «счастливый случай»? А много-много водки по всем мыслимым и немыслимым поводам?

От интернационализма - к империализму

После того, как в 1917 году Российская империя и Российская Демократическая Республика скончались одна за другой, в кратчайшие сроки на месте их прежних «окраин» появились независимые государства — Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Беларусь (БНР), Украина (УНР), Западная Украина (ЗУНР), Крым, Грузия, Азербайджан, Армения. Суверенитет этих «старых новых» государств официально признали другие европейские государства, а некоторые (Финляндию, Литву, Польшу, Украину, Грузию) признал и Совнарком РСФСР.

Однако вскоре большевики, бредившие идеей «мировой революции», создания «всемирной республики советов», пошли войной на эти «географические новообразования». В 1919—20 гг. они оккупировали Закавказье, Украину, Крым, восточную Беларусь.

Но попытки оккупации стран Балтии и Польши провалились. Не удалось также большевикам свергнуть с помощью финских «красных» законную власть в Финляндии. Получив жесткий отпор от поляков и прибалтов, они извлекли урок. После 1920 года большевики сделали одной из главных своих задач борьбу с так называемым «буржуазным национализмом». В эту категорию автоматически попали те люди, партии (даже социалистические) и общественные движения, которые стремились к обеспечению национального суверенитета (хотя бы в форме внутреннего самоуправления), а вместо «пролетарской культуры» ставили на первый план свою национальную культуру. Вдобавок, «буржуазные националисты» имели наглость ссылаться на то, что в прошлом их страны сотни лет прекрасно обходились без Российской империи, намекая, что и теперь как-нибудь обойдутся без РСФСР и ее новых правителей.

Вот почему большевики развернули во всех национальных республиках СССР жестокую борьбу против любых проявлений национальных движений «титульных» народов. Всё патриотическое и традиционное в этих республиках они именовали не только «националистическим», но еще и «отсталым», «реакционным», «антисоветским». Само понятие «патриотизм» тоже стало считаться «пережитком» в русле отрицания национального самосознания как «мелкобуржуазной идеологии».

Заодно и россиянам большевики рекомендовали забыть о своем прошлом, особенно периода новейшей истории. Ведь с ним были связаны такие вещи, как вера в Бога, уважение законов, многопартийность, выборы органов власти на альтернативной основе, собственная земля, частное предпринимательство, свобода слова, отсутствие цензуры и прочий «хлам», ненужный большевикам. А для обоснования необходимости ампутации национальной исторической памяти они ввели тезис о том, что «теперь народ новый, совсем другой — советский народ».

«Буржуазному национализму» большевики противопоставили «пролетарский интернационализм». Но вот что любопытно. Осуждая на словах внешнюю и внутреннюю политику царизма (тезисы Ленина: «Россия — тюрьма народов» и «жандарм Европы»), на деле они проводили ту же внешнюю политику, что и царский режим. Сам факт целенаправленного расширения СССР до границ царской России весьма убедительно доказывает преемственность. Напомню, что в начальный период Второй мировой войны Москва, являвшаяся союзницей Берлина, оккупировала Западную Беларусь и Западную Украину, Бессарабию, страны Балтии, пыталась оккупировать Финляндию. В 1945 году СССР едва не включил в свой состав еще и Польшу, но помешала крайне враждебная позиция Англии и США по этому вопросу.

Пожалуй, самое яркое свидетельство преемственности внешней политики — то, как Сталин обосновал народу необходимость войны

с Японией. Оказывается, все дело — в «восстановлении исторической справедливости». Дескать, Квантунский полуостров в Китае, с городами Порт-Артур и Дальний, отобранный у китайцев русскими империалистами в 1898 году, а у них японцами в 1905 — это «исконно русское владение», которые обязательно надо вернуть!

.0

В 30-е годы советские люди в России, Украине и Беларуси в значительной мере утратили свое национальное и религиозное содержание. Управлять денационализированными атеистами было удобно. Но затем началась война, причем совсем не та, к какой Сталин готовил страну. Не «великий поход в Европу» с целью свержения «прогнивших буржуазных режимов», а оборона от немцев, сумевших ударить первыми.

22 июня 1941 года Германия начала военные действия против СССР с армией в 3,5 миллиона человек.

В июне 1941 года в пяти западных военных округах СССР численность сухопутных войск (вместе с пограничниками и войсками НКВД) составляла около 3,5 млн. человек. До конца года погибли, пропали без вести, получили тяжелые ранения 4,1 млн. человек; оказались в плену 3,9 млн. (с учетом мобилизованных резервистов и войск, прибывших из тыловых округов). Таким образом, численность сдавшихся в плен красноармейцев на 400 тысяч человек превзошла предвоенный состав войск западных округов, где развертывалась группировка для действий по плану «Гроза».

В конце октября, через 4 месяца после начала войны, нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия получил справку «О деятельности Особых отделов и заградительных отрядов НКВД с начала войны по 19 октября 1941 года». В ней было сказано, что за «дезертирство и антипатриотические настроения» арестованы 657.364 человека, в том числе расстреляны 25.878 человек. Эти цифры не укладываются в голове: во время войны, в самый трудный ее период, всего за 4 месяца самим вывести из строя более 650 тысяч своих бойцов! Целый фронт!

Оказалось, что народ можно нещадно эксплуатировать, держать голодным и нищим, отбирать у него последнюю копейку на строительство танков, самолетов, подводных лодок. Но этот народ, превращенный в рабов партийного аппарата, не хотел воевать, потому что не видел в том смысла. В итоге 3 миллиона 900 тысяч человек — 70% личного состава довоенной РККА воевать просто отказались (остальные «кадры» находились в Закавказье, Средней Азии, на Дальнем Востоке). Вот где главная причина катастрофы 1941 года!

Вся концепция «наступательной войны вооруженного пролетариата», разработанная в Кремле, оказалась ошибочной. Немцы за-

просто оккупировали меньшим числом войск и бронетехники — по сравнению с PKKA — почти половину территорию СССР западнее Урала.

Выяснилось вдруг, что успешно сражаться в оборонительной войне может лишь тот, кто патриот своей Отчизны, кто уважает своих предков, их подвиги, их веру. Народ, лишенный национального самосознания, воевать не смог, тем более против нацистов (национал-социалистов), у которых национальное самосознание было возведено в подлинный культ «земли и крови». Оказалось, что человек на войне крайне нуждается в национальной самоидентификации.

И пока комиссары-большевики продолжали «вешать лапшу на уши» красноармейцев про «рабочий интернационализм», в оккупированных немцами национальных республиках быстрыми темпами возрождалось национальное самосознание. Правда, в специфических условиях оккупации оно зачастую обретало форму коллаборационизма, но все же возрождалось! Парадокс состоял в том, что именно нацисты позволили народам вспомнить о задушенном в СССР национальном самосознании. Это касается и русских. Напомню, что к лету 1944 года генерал А.А. Власов создал с помощью нацистов 500-тысячную (!) Русскую Освободительную Армию (РОА), бойцы которой присягали на трехцветном русском национальном флаге посвятить свою жизнь борьбе против большевизма, а на их шевронах и кокардах были изображены двуглавые орлы и святой Георгий Победоносец.

В октябре — декабре 1942 года Сталину пришлось пересмотреть идеологию правящего режима и придать ей национальную окраску. Он срочно ввел в массовую пропаганду ранее отвергавшихся героев войн царской России (напомню его слова: «пусть вас вдохновляет пример великих предков»), что еще в 1941 году считалось крамолой. Ликвидировал в войсках комиссаров — этих ненавистных партийных надсмотрщиков. Вернул офицерские и сержантские звания, дореволюционные погоны, мундиры, головные уборы, медали. Возродил гвардию. Казакам даже черкески разрешил носить. Дело дошло до того, что в войсках появились православные попы и иконы. Сталин учредил ордена в честь Александра Невского, царских генералов и адмиралов (Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова). Только после всех этих изменений Красная Армия смогла переломить ход войны.

А в мае 1945 года лично «товарищ Сталин» провозгласил «новый курс». Он решил, что надо постепенно всех «националов» превратить не просто в «советских людей», а в «советских русских»!

Правда, как во всяком сложном деле, не обошлось без некоторых эксцессов. В частности, «реабилитация» элементов национального самосознания русского народа стимулировала аналогичные процес-

сы в союзных республиках. Например, перед войной Франциск Скорина и Константин Калиновский считались в БССР запрещенными историческими персонажами. Они, видите ли, «являлись жупелами националистически настроенного беларуского студенчества 1920-х гг.» (почти поголовно посаженного в концлагеря). Но после «возвращения к жизни» Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова беларусам тоже разрешили вернуть себе Скорину и Калиновского. Впрочем, особой беды в том не было. Большевики всегда отличались умением идти на временные уступки, для того, чтобы после целиком овладеть жертвой.

.0.

Итак, к концу войны большевики нашли новую цементирующую идею для своей внутренней и внешней политики. Ортодоксальный ленинизм, с его назойливым интернационализмом, им уже не подходил, ибо резко диссонировал с империалистическими устремлениями Кремля. Поэтому объединительной идеей стал «советский патриотизм», который все больше и больше уподоблялся русскому патриотизму. А тот действительно имел глубокие корни, что облегчило власти формирование необходимых ей качеств у населения: верности коммунистическому государству и его вождям, самоотверженности и фанатизма, нетерпимого отношения к идеологическим «врагам», вообще ко всем инакомыслящим и, разумеется, к «буржуазным странам Запада».

Партийные идеологи выбирали из истории российской империи то, что было нужно в данный момент — примеры «настоящих русских героев», а также «извечных» врагов России. В результате препарированная история обрела черты безобразного гибрида марксизма и русского национализма. Например, царь Иван Грозный, психопат и садист, вдруг стал прогрессивным деятелем, так как он — по мнению Сталина — укреплял централизованное московское государство. Его главный палач Малюта Скуратов превратился в «талантливого русского полководца». Речь Посполитая, где не было сильной королевской власти (читай: господствовала анархия), а главное, жили беларусы с украинцами, земли которых захватила Россия, естественно, оказалась крайне реакционным и отсталым государством. Сам Бог велел русским прибрать ее к своим рукам.

Отныне кастрированная история превратилась в мощное средство борьбы с любыми поползновениями в сторону национальной независимости. По мнению всяких Панкратовых, Грековых и Абецедарских, к национальной независимости «окраин» (союзных республик) всегда и везде призывали те и только те силы, которые являлись врагами великого русского народа! В самом деле, национальные чувства и национальные традиции нерусских народов оста-

вались последним бастионом сопротивления мифам большевиков, вот почему $BK\Pi(\delta) - K\Pi CC$ столь свирепо боролась с национализмом народов CCCP.

Заметим, что никто в Советском Союзе не был осужден за русский национализм. Кремлевские власти боролись не против русских шовинистов, а против национальной интеллигенции, интеллектуальной и духовной элиты народов, покоренных Россией. Любопытная деталь: в секретных личных делах «фигурантов» негласного сыска КГБ 70-х годов есть графа, где спрашивается, имеет ли данный человек связи с националистическими организациями беларусов, евреев, латышей, литовцев, молдаван, украинцев, эстонцев. Националистические организации русских в этой графе отсутствуют. Следовательно, органы госбезопасности видели угрозу для СССР в любом национализме, кроме русского. «Настоящий» советский человек как раз должен был обладать менталитетом московского империалиста!

От гомо советикуса к гомо империкусу

В момент распада СССР иллюзорный мир большевистских мифов внезапно обрушился. Открылась неприглядная действительность во всех сферах политической, экономической и общественной жизни. Падение советской империи уничтожило очень важный стимул существования «гомососов» — гордость за принадлежность к «великому государству», которая компенсировала им жизнь, полную трудностей, нехватки и нищеты.

Это вызвало, с одной стороны, всеобщий психологический шок, а с другой — массовый психоз, который стал следствием не только избавления от многих иллюзий, но и нежелания согласиться с вновь открывшейся реальностью. Именно данный феномен объясняет ностальгию по «прошедшим временам», а также популярность идей типа «Москва всегда права» и «мы — православные».

Правда, с православием вышел «облом». Не надо всерьез воспринимать телевизионные «агитки» на тему встреч первых лиц государства с церковными иерархами. Во-первых, большинство тех россиян, что ходят в церковь, не в Бога уверовали, а на «помощь свыше» надеются (больше не на кого, ни в партком, ни в профком с жалобой теперь не пойдешь). Дескать, я — тебе, ты — мне. Ставят свечки, кланяются иконам, осеняют себя крестным знамением и уповают на чудо, вместо того, чтобы заняться своей душой — возлюбить ближних (хотя бы в семье), прекратить пакостить дальним (хотя бы соседям и сослуживцам), не тешить бесов (не пить, не блудить, не врать выгоды ради, не угождать начальству, не давать взятки, не воровать, и т.д.).

Во-вторых, близко уже то время (около 2020 года), когда мусульмане составят треть населения России. Первое, что они потребуют, — сделать свои религиозные праздники общенациональными. В самом деле, почему вся Россия должна торжественно отмечать Рождество Христово и Пасху, а день рождения Пророка Мухаммеда («мавлид»), праздник заклания («курбан-байрам») и праздник разговения («ураза-байрам») — нет?!

Что касается имперского элемента в сознании русского советского человека, то с этим дело обстоит сложнее. Вожди большевиков унаследовали поставленную еще Чингиз-ханом цель: дойти до последнего моря. Например, царь Александр II в предисловии к учебнику географии для кадетских корпусов написал: «Россия — государство не торговое и не земледельческое, а военное, и призвание ее — быть грозою света». Чем не девиз Чингиз-хана? В том же ряду другой лозунг царизма: «У России есть только два союзника: ее армия и ее флот».

Все соседи воспринимаются как потенциальные жертвы разбоя, которым следует безропотно покоряться России: она ведь «самая прогрессивная», «первая в мире страна победившего пролетариата», и в то же время — «хранительница духовности», вообще — последняя надежда всего человечества. Но если потенциальные жертвы нагло сопротивляются, чума на них! Вспомните Польшу: врезали поляки большевикам в 1920 году и немедленно превратились в «белополяков»! Вспомните Финляндию: дали финны достойный отпор в «зимней войне» и тут же стали «финскими фашистами»!

Поэтому и отвержение странами СНГ имперской идеологии Москвы кажется сегодня большинству российских идеологов «разрушением устоев», а критическое отношение к СССР воспринимается как «оскорбление России». Так полагают даже российские демократы. Например, Третьяков (бывший редактор «Независимой газеты», ныне редактор «Московских новостей») в программе Познера «Времена» весьма характерно оговаривался при обсуждении вопроса о создании в некоторых бывших союзных республиках музеев советской оккупации. Он их называл «музеями русской оккупации», и никто из собеседников его не поправлял, так как ныне все в Москве так это и воспринимают: для них «Красная Армия» равнозначна «русской армии», СССР — это Россия, и т.д.

Весьма наглядно подобная трансформация взглядов «гомо советикуса» в «гомо империкуса» видна на примере КПРФ. На своем последнем съезде российские коммунисты определили среди главных своих целей продолжение «войны пикетов» в Украине. А эта «война» имеет две главные задачи. Во-первых, ходить по Киеву с плакатами «Нет украинскому языку!». Но ведь Киев — Матерь городов русских и Креститель Руси. Выступать против языка Киева —

значит выступать против древнерусского языка. Увы, коммунисты этого не понимают, им украинский язык кажется чуждым, зато свой, который более чем на половину состоит из финской и татарской лексики — «истинно русским».

Во-вторых, ходить по городам Крыма с плакатами «Верните Крым России!» и «Долой НАТО из Крыма!». Но разве Карл Маркс говорил, что Крым должен обязательно принадлежать России? С вопросом его государственной принадлежности никак не связана борьба пролетариата за достойную жизнь. Между прочим, Крым стал украинским еще в 1954 году, за 37 лет до распада СССР!

Что касается НАТО, то вот ведь забавно: с разбежкой буквально несколько дней московское ТВ сначала в истерическом тоне сообщало о пикетах коммунистов против делегации НАТО в Крыму. А вскоре оно же в высшей степени благожелательно информировало население об учениях ПВО НАТО и России, с присутствием высокопоставленных генералов НАТО. Им КПРФ не досаждала плакатами «Фашисты НАТО — прочь руки от Москвы!». В окна московской гостиницы, где поселили натовских генералов, активисты КПРФ не бросали мусор и не пели под ними, взявшись за руки, «Вставай, страна огромная!». Интересная избирательность — не правда ли?

В январе 2006 года ПАСЕ почти единогласно (за исключением делегации России) осудила коммунистические тоталитарные режимы как преступные, абсолютно несовместимые с правами человека и гражданина, провозглашенными еще в 1789 году. Обсуждение этой проблемы состоялось 29 января 2006 года на первом канале российского ТВ в программе «Времена». В нем приняли участие люди разных взглядов.

Лидер КПРФ Зюганов, редактор газеты «Завтра» Проханов и лидер движения «Евразийское сообщество» Дугин заняли весьма характерную позицию. Они дружно порицали страны Восточной Европы, отказывающиеся признать, что советские войска освободили их от нацизма, на том основании, что освобождение предусматривает свободу, а вместо нее Красная Армия принесла диктатуру и террор коммунистов. Досталось Эстонии и Украине, Польше и Чехии — всем виновным в неуважении «подвига нашего народа». И тут же, во второй части разговора, эта троица дружно стала утверждать, что СССР — это и есть Великая Россия, которая тогда просто иначе называлась. Логики у шовинистов никакой: обижаются на то, что в Европе акт освобождения от германских оккупантов считают всего лишь имперским деянием, то есть, заменой на советскую оккупацию, но дружно уверяют, что СССР — это «новое издание» Российской империи!

Но если вы сами себя называете «Российской советской империей», тогда Великая Отечественная война — в свете таких представлений — война в самом деле империалистическая, в ходе которой Россия решала свои имперские проблемы: во-первых, сохранить власть над колониями (союзными республиками), во-вторых, приобрести новые колонии (те страны, что образовали пресловутый «социалистический лагерь»).

Зюганова, Дугина и Проханова не смущает, что при таком подходе все мемориалы советским воинам в странах СНГ и Восточной Европы автоматически превращаются в мемориалы солдатам Российской империи. А что должны думать об этом беларуские, украинские, грузинские, казахские ветераны войны? Оказывается, они воевали не за свою Родину, а только за Россию?

Такое объяснение сущности СССР повлекло за собой многое иное. Например, к 60-летию Победы телеканалы России подготовили массу программ, в доброй половине которых Красную Армию (советской она стала только в 1946 году) называют «русской армией». При этом в хронике поражений первых лет войны это еще Красная Армия, но освобождала Минск, Киев и Варшаву, брала Берлин уже «русская армия». Всех генералов РККА, невзирая на национальность, называют «русскими генералами».

А как прикажете воспринимать недавнее заявление высшего руководства Российской Федерации, что «с распадом СССР Россия потеряла много портов»? Однако после 1991 года территория России не уменьшилась ни на метр: она точно совпадает с границами РСФСР. Разве Рига и Таллин, Клайпеда и Лиепая, Одесса и Херсон, Керчь и Бердянск, Батуми и Поти — русские города? Так зачем московские власти трагически заявляют, что в 1991 году РСФСР потеряла «много портов»? Чтобы требовать их обратно?

Беларуские «гомо советикусы»

Стратегия формирования «человека нового типа» и «советского народа как принципиально новой человеческой общности» предусматривала перемалывание существующих в СССР народов ради создания какой-то мифической единой нации, с одним общим языком. Эта стратегия предусматривала, наряду с предельной централизацией управления, превращавшей союзные республики в чисто географические понятия, проведение в них такой политики, которая способствовала максимальной национальной нивелировке.

Как известно, доминанта национальных чувств любого народа — ощущение им своей уникальности. А главное выражение таковой — национальный язык и память о своих предках, не похожих на соседей. Поэтому в любой многонациональной империи доминирующая

нация стремилась навязать покоренным народам свой язык, достаточно вспомнить Индостан во времена английского господства. Но советский тип империализма и в этой области выделился новизной: большевики осуществляли не только языковую денационализацию, но и денационализацию историческую, последовательно вычеркивая из памяти народов их историческое прошлое.

Ради этого был взят курс на перевод партийных, государственных, хозяйственных, научных учреждений, средней, профессиональной и высшей школы национальных республик на русский язык, с ограничением сферы использования местных языков только пропагандой и художественной литературой, да и то временно. С этой целью под видом «Истории СССР» везде изучалась история Московского государства и Российской империи.

Давайте вспомним, что изучали в школе наши деды, отцы, да и те из нас, кто окончил школу до 1992 года. Все мы изучали историю России, хотя государство было многонациональным, объединяло около 100 народов, состояло из 15 республик. Но в коммунистической империи не имела права на жизнь ни история беларуского народа, ни украинского, ни литовского, ни казахского, ни прочих. Лишь тогда, когда очередной народ становился жертвой имперской агрессии, в учебниках вдруг появлялся новый, неведомо откуда взявшийся народ, «добровольно присоединившийся» к русскому.

Одни народы (например, беларусы и украинцы) якобы желали таким способом избавиться от «ига польских феодалов», другие (например, прибалты) — спастись от «онемечивания», третьи (армяне, грузины, азербайджанцы) — избежать «отуречивания», и т.д. Свои собственные «истории» местные холопы московского «начальства» трактовали как изначальное стремление народных масс «слиться в объятиях с русским старшим братом». Яркий пример — труды Лаврентия Абецедарского и его соратников. При этом открыто утверждалось, что во всех без исключения случаях утрата народами своей независимости и последующая русификация было явлением сугубо прогрессивным!

А если кто-то присоединялся «не добровольно», значит, речь шла об «отсталых племенах», погрязших в невежестве и нищете, способных вести только «примитивное хозяйство». Дескать, именно русским выпала миссия приобщить их к более высокой культуре, вывести из тьмы... Что ж, все мы видели, как уже в наше время русские «выводили из тьмы» многострадальный чеченский народ.

Позже потомки сегодняшних русских открестятся и от этого греха, снова перепишут свою историю и забудут о нынешнем варварском разбое, как забыли они все свои прошлые преступления. А ведь они уничтожают гордый чеченский народ уже 150 лет кряду. Вся ис-

.0.

Важное для Москвы геостратегическое положение Беларуси привело к тому, что и царизм, и большевики проводили здесь политику русификации наиболее методично. Москве нужно было раньше, требуется и теперь, чтобы беларусы стали русскоязычными, не русским народом, а именно «русскоязычным». Чтобы они полностью и окончательно забыли свой язык, свою историю, свои традиции, поголовно вступили в православную церковь, а в конечном итоге — «слились» с Россией. Отсюда сказки об изначальном «братстве», о «практически полной схожести беларусов с русскими», и о страшных злыднях — беларуских националистах, которые, само собой разумеется, все поголовно состоят на содержании западных спецслужб.

Незнание беларусами своей истории (хотя виноваты в том не они, а царизм и большевики) привело к удивительному явлению: на референдуме народ отверг свои исторические национальные символы. Но специально подчеркну: в очень большой мере им «помог» в этом телевизионный сериал «Духовная война», демонстрировавшийся беларуским ТВ перед референдумом. Главным консультантом и соавтором сериала является А. Проханов, один из самых оголтелых российских «национал-патриотов». Он уже давно без малейшего стеснения заявляет устно и письменно, что в 1991 году Россия утратила свои колонии, в смысле — «так называемые» союзные республики! И что для их возвращения необходимо «возродить Великую Россию», то есть, все ту же империю, где удел нерусских наций только один — полная и окончательная русификация.

Кстати говоря, Проханов не отвергает государственные символы нынешней России (бело-сине-красный флаг, двуглавый орел) и Москвы (изображение Георгия Победоносца) на том основании, что они были символами РОА генерала Власова. Их Проханов не находит «фашистскими». Но вот попытки беларуских патриотов выходить на демонстрации с бело-красно-белыми флагами и гербом «Погоня» — это для него означает «духовную войну Запада против беларусов» путем использования «фашистских символов». Почему? Да потому, что коллаборационисты в оккупированном немцами Минске ходили на демонстрации (в отличие от власовцев, отнюдь не на бой) с такими флагами и с гербом «Погоня». Полагаю, что в действительности подобные заявления — лишь проявление ненависти Проханова и его местных единомышленников к самой идее независимости беларусов от Москвы.

Герб «Погоня» как свою печать ввел не фашист и не коллаборационист, а великий князь Литвы Сигизмунд II Август. С 1562 года

«Погоню» чеканили на его монетах. Георгий Победоносец, как известно, был гербом Господина Великого Новгорода — до того, как его в XV веке «присоединила» Москва. Но сколь различна их судьба: один отвергнут, потому что он якобы «фашистский», другой же стал гербом Москвы. При том оба герба — христианские: на щите всадника «Погони» изображен шестиконечный крест, точно такой, какой был у святой Евфросинии Полоцкой еще в середине XII века.

В Отечественную войну 1812 года гусары императорского Белорусского гусарского полка носили бело-красные мундиры — по цветам беларуского национального флага, кокарду с «Погоней», изображение «Погони» на стяге полка. Можно вспомнить и то, что в Грюнвальдской битве 1410 года литвины — предки беларусов, на белых щитах несли красный шестиконечный крест византийского православия. Объявлять исторические христианские символы беларусов «фашистскими» — значит глумиться над великой историей нашей нации.

Но благодаря тому, что нашими «советниками-доброхотами» являются всякие Прохановы и Дугины, Третьяковы и Леонтьевы, Беларусь — единственная страна СНГ, не имеющая сегодня исторических национальных символов (герба и флага), национального названия парламента и денежной единицы. Сами термины «Рада» (совет) и «талер» (последний талер Гродненский монетный двор отчеканил в 1794 году, за год до российской оккупации) кажутся нашим «заклятым друзьям» из Москвы, вкупе с их местными сторонниками, чемто одиозно чуждым. В сознание «гомососов» прочно вбито неприятие всего западного. Однако Беларусь в прошлом (до конца XVIII века) была частью именно Европы. В этом ряду можно вспомнить Магдебургское право наших городов, ратуши, магистраты, городские часы, цехи мастеров и прочий сугубо европейский колорит, абсолютно чуждый азиатской Московии. И вот память обо всем этом, равно как и попытки возрождения наших сугубо западных традиций, — нож острый к горлу всех тех, кто мыслит себя только в одной позе: пол Москвой.

На основе всего сказанного напрашивается определение сущности «беларуского гомо советикуса»: это такой человек, который вопреки своему месту рождения, этнической принадлежности и гражданству добровольно отвергает беларуский язык, беларускую историю и культуру в пользу русского языка, российской истории и культуры; формально это беларус, но ментально — «советский русский».

Особенности «советских» беларусов

Во всех странах СНГ — бывших союзных республиках — коммунистическую идеологию заменили национальные идеи. За исключением Беларуси. В нашей стране пока никому не удалось разработать концепцию, способную объединить все слои населения и общественные группы. В Беларуси нет сегодня идеалов, общих для ее граждан — ни религиозных, ни социальных, ни политических.

Причина такого положения вешей заключается в том, что в БССР «советизм» развивался не параллельно национальной идее, как это происходило в других республиках, а вместо нее. Здесь на первых местах во всех сферах общественно-политической, экономической и культурной жизни находилось «советское», тогда как «национальное» вытеснялось на задворки, что неизбежно отражалось в массовом сознании.

Поэтому нет ничего странного в том, что мышление в категориях принадлежности к Советскому Союзу все еще характерно для большей части беларуских граждан. Им также свойственна иллюзия ментальной связи с этим несуществующим государством. Один известный беларуский режиссер сказал по этому поводу: «Мы застряли в Советском Союзе, как поросенок в заборе».

Все эти Ленины, Калинины и Дзержинские на городских площадях, русско-советские названия улиц, «октябрьские праздники», другие советские торжества, годовщины, юбилеи, «ленинские субботники», «доски почета», красные звезды и флаги — все это самым тесным образом связано с мифами коммунистической идеологии. Именно всей этой дребеденью десятки лет большевики — и московские, и свои собственные — дурили головы беларусам.

В 1992 году выход Беларуси из состава СССР позитивно оценили только 30,7% опрошенных лиц, тогда как негативно — 52,6%. Согласно социологическому опросу, проведенному в 2006 году, те же 52% беларуских граждан по-прежнему считают себя советскими людьми. Это означает, что в течение первых 15 лет существования независимой Беларуси в массовом сознании преобладала идеализация советского прошлого, присутствовало стремление к сохранению прежних порядков.

Такое состояние умов весьма значительно способствовало консервации многих фрагментов советского режима. Поэтому не удивительно, что официальная доктрина беларуского государства связывает все «важнейшие достижения» беларуской нации исключительно с коммунистическим руководством республики и Советского Союза. Вполне закономерно и то, что понятие национальных интересов остается чуждым большинству жителей страны, поскольку психологически они все еще связаны с бывшей империей. Как уже было показано в предыдущем изложении, коммунистические идеологи и партийные функционеры приложили массу усилий ради того, чтобы в сознании советских граждан понятие «русское» стояло в одном ряду с понятием «советское», понятие «антисоветское» — с «антирусским». В процессе сознательного смешения этих понятий произошла подмена национальных чувств, российский национализм превратился в элемент советской идеологии. Именно в объединении этих двух идеологий, коренным образом отличающихся друг от друга, — классовой и национальной, и заключалось «ноу хау» КПСС.

Для беларусов данное новшество обернулось не только уничтожением всей национальной интеллектуальной элиты, но и доминированием советского варианта классовой идеологии. Отсюда вполне логично проистекает отказ «советских беларусов» от европейских традиций — доминирования христианских ценностей, политического плюрализма, разделения власти на автономные ветви и уровни, самоуправления областей, городов и районов, правовых гарантий прав человека и гражданина, принципа частной собственности, автономии университетов, верности национальным традициям и многого другого. Польский исследователь беларуского общества Р. Радзик верно подметил:

«Жили сегодняшним днем, здесь и сейчас. Это отличало и теперь отличает беларусов от поляков, чехов, венгров, время которых насыщено категориями национального мышления, которому сопутствует сильное историческое сознание, активность элиты, живущей согласно традициям».

Соответственно, примерно половине беларусов и сегодня всё, что происходило в его стране до 1919 года, кажется неинтересным. Беларуским «гомо советикусам» нет дела до Полоцкого княжества и Великого княжества Литовского, до Речи Посполитой и Беларуской Народной Республики*. Коллективная историческая память беларусов редко выходит за границы периода существования советской власти, а если это и происходит, то касается преимущественно выдающихся личностей и эпизодов российской истории.

Российско-коммунистическая модель денационализации предусматривала создание такого положения, при котором все проявления «национального» ограничивались бы фольклорными особенностями и региональной спецификой. Например, беларуский язык вполне мог звучать со сцены в виде народных песен или в театральных спектаклях, но в реальной жизни он воспринимался как нечто

^{*} Один высокопоставленный чиновник беларуского МИДа в середине 90-х годов заявил, например, что он безразличен к гербу «Погоня» потому, что родился в БССР, а не в Великом Княжестве Литовском!

аномальное. Тех, кто всерьез пытался общаться с окружающими только по-беларуски, сразу зачисляли в группу подозрительных сумасбродов либо «оголтелых националистов». Далее они могли существовать без проблем только в узком круге единомышленников.

Сегодня, после нескольких десятилетий такой хитрой политики, хорошо видно, что она увенчалась огромным успехом. Во всяком случае, нынешние беларуские власти по-прежнему воспринимают всё беларуское преимущественно в категориях фольклора. Попытки же организации действительно национальной общественно-политической жизни оцениваются ими как проявления «крайнего национализма». Более того, сегодня в независимой Беларуси под маской «двуязычия» сохраняется прежняя доктрина русских «державников», которую столь рьяно проводили в жизнь «обрусевшие» местные руководители — всё та же русификация*.

Беларуское советское общество в принципе не могло воспитать граждан, способных стать субъектами ни гражданского общества, ни национально ориентированной политики. Именно поэтому главным стимулом деятельности наиболее активной части населения является в настоящее время потребление материальных благ. Как один из результатов такой ситуации мы видим тенденцию сокращения творческого потенциала общества (в науке, искусстве, культуре, экономике) и, одновременно, возникновение целой системы привилегий «новой номенклатуры», созданной по советскому образцу. В таких условиях любые попытки осуждения коммунистического режима (в том числе его преступлений) лишены смысла, поскольку с позиций «советизма», все еще господствующего в Беларуси, некого и не за что осуждать.

Отсутствие механизмов критического анализа, всеобщего обсуждения назревших социальных проблем и пропорционального представительства в законодательных органах всех основных групп населения сделало беларусов полностью зависимыми от доброй или злой воли узкого круга лиц, находящихся у руля власти исполнительной. А это, в свою очередь, привело к пассивности граждан во всех сферах жизни, причем в массовом масштабе. Беларуское общество весьма значительно отстает в своем развитии относительно европейских стран и в плане самоуправления, и в плане правосознания населения, что облегчает манипуляцию им.

^{*} Если во времена существования СССР во главе национальных окраин становился обрусевший «национал», то он проводил откровенно великодержавную политику против своей нации. Такой же навык остался у людей этого типа поныне. Дело в том, что в результате глубокой русификации советского времени они не представляют себя ни в каком другом языково-культурном окружении, кроме русско-советского. — Прим. Ред.

Сегодняшняя Беларусь — реликтовый обломок советского государства, сохранившийся в слегка измененном виде. Поскольку беларусам пока не удалось найти (либо возродить) собственные национальные и социальные ориентиры, для общества характерна путаница идей, усиленная неосоветской политикой властей. В сознании беларусов уживаются диаметрально противоположные взгляды, например, уважение к религии и почитание большевиков-атеистов, восхваление сталинского СССР и одобрение независимости своей страны, симпатия к России и критика ее за «развитие капитализма». Значительная часть населения высказывается за рыночные реформы, но одновременно одобряет административно-командную экономическую политику, по-советски считает государственные предприятия самой эффективной формой хозяйствования. Люди позитивно оценивают поступление иностранных инвестиций, но не одобряют продажу предприятий зарубежным инвесторам.

Политическая жизнь в беларуском обществе по существу отсутствует. Национально-патриотическая и гражданская деятельность отдельных личностей и мелких партий не играет сколько-нибудь значимой роли. Они подобны «вопиющим в пустыне». Беларуская же официальная идеология, частично заменившая марксистско-ленинскую доктрину, застряла между социализмом и своеобразно понятым патриотизмом. Однако национальная составляющая этой идеологии остается весьма скромной, достаточно условной, она скорее вынужденная. Ставка делается на социальный популизм.

И все же сам факт государственной независимости способствует постепенному пробуждению национального самосознания. Так, российская газета «Коммерсанть» в мае 2006 года отметила, что если в 2000 году около 50% беларусов желали объединения с Россией, то в 2006 году (по опросам и независимых, и государственных социологов) их осталось всего лишь 5%.

Но пока что беларусы осознали только самое простое и очевидное — преимущества жизни в небольшом спокойном государстве по сравнению с огромной, проблемной и чрезвычайно конфликтной Россией. Теперь начался следующий этап их дальнейшей эволюции, выражающийся в усилении любопытства к своему прошлому, к истокам нации, к особенностям своей психологии и культуры. За ним неизбежно придет время вполне естественного интереса к современному состоянию общества и жгучего желания его изменить.

.0:

Перед беларускими «гомо советикусами» ныне открыты два пути эволюции — либо они станут приверженцами беларуского национального возрождения (т.е. нормальными европейцами), либо войдут в лагерь сторонников возрождения «великой русской империи».

Решающее слово могли бы сказать властные структуры, но они не желают вмешиваться в спор, так как не заинтересованы в эволюции беларусов ни в европейцев, ни в российскую «пятую колонну». Им хочется как можно более долго сохранять «советских беларусов» такими, какие они есть сейчас. Управлять такими людьми эта власть умеет, а вот двумя другими типами — нет.

С одной стороны, власть заявляет, будто бы беларусы не имеют вкуса к политике, не хотят вступать в политические партии, поэтому наш парламент не будет формироваться по партийному принципу. Но откуда взяться в стране массовым партиям, если политические дискуссии на ТВ и в центральной прессе запрещены? То есть, в этом пункте власть хочет сохранить «гомо советикуса»*.

С другой стороны, власть испытывает огромное давление со стороны России — и от Кремля, и от воротил бизнеса. Поддаться ему — значит потерять свои кресла в пользу марионеток, которых в таком случае назначит московская администрация. Отсюда — выжидание и балансирование как единственно возможная политика.

Сегодня полемика в беларуском обществе, а также в России по поводу Беларуси, связана, в основном, с выбором между двумя указанными путями.

Упомяну в этой связи книгу российских докторов философских наук С.В. Лебедева и Г.В. Стельмашука «Белорусский феномен», изданную в 2006 году. Суть феномена они видят в том, что беларусы равнодушны к своей национальной самоидентификации и, в отличие от других соседей, «сохранили верность Русской империи». Выдавая желаемое за действительное, хвалят нас за то, что мы якобы настроены против Запада, и объявляют сторонниками московской идеи Великой Империи. Понятно, что от русских национал-шовинистов ничего иного ждать не приходится. Те же Лебедев и Стельмашук, к примеру, в одной из своих статей заявили, «что нет такой нации — украинцы»!

^{*} Тем не менее, чиновники выражают уверенность в том, что «гражданское общество» в Беларуси обязательно появится. Осталось лишь дождаться того удивительного момента, когда все соотечественники начнут свято соблюдать законы и инструкции, разрабатываемые чиновниками. Представители исполнительной власти не желают ни думать сами, ни слышать от других о том, что гражданское общество основывается на трех «столпах» — на экономической самостоятельности населения, независимого в этом плане от власти; на участии населения, объединенного в политические партии и массовые движения, в выработке управленческих решений; на контроле «снизу» за деятельностью чиновников всех уровней, от районов до «первых лиц». А «первые лица», кстати говоря, в гражданском обществе должны являть собой примеры для подражания, вместо того, чтобы увлеченно играть роли «главных погонял». Государственным чиновникам любого ранга еще чужда элементарная истина, что все они — только менеджеры по обслуживанию интересов народа.

Конечно, дыма без огня не бывает. У нас не перевелись еще люди, неспособные вообразить, как же это можно — жить и радоваться жизни без благоволения Москвы. Характерный пример подобных воззрений — статья П.Т. Петрикова «Методологические идеологемы историков», опубликованная в газете «Советская Белоруссия» 31 августа 2006 года. Вот что пишет этот доктор исторических наук, членкорреспондент НАН Беларуси:

«Прежде всего надо отметить... неприемлемость и историческую бесперспективность штампа «возрождения Беларуси» независимо и вопреки братской помощи русского народа и России, советской страны; формулы квазидемократов о «мифологизированной общности под названием «советский народ»; ошибочность «типичной логики» некоторых ученых, что сегодняшняя суверенная Беларусь выросла из ...идей националистов, а не благодаря самоотверженному труду и ратным подвигам беларуского народа и братской поддержке всех народов СССР.

Критика подобных новых подходов беларуских историков весьма актуальна. Потому что за последние 15 лет историческая наука в Беларуси, наряду с позитивным вкладом, сделала и определенный крен в сторону антирусской и антисоветской трактовки важнейших узловых проблем истории беларуского народа. ...Подрубая единые корни восточных славян в политической, хозяйственной и культурной жизни, эти историки расчищали поле для создания вместо реально существовавшего Великого княжества Литовского «Беларуска-літоўскай дзяржавы», даже «Беларускай дзяржавы».

...«Русификация» белорусов в тех условиях была исторически оправданна и оказала благотворное влияние на развитие нашего народа. Беларусы получили возможность учиться в Петербургском, Московском и других университетах, возрождать и развивать свою культуру и науку. ...Многие «русифицированные» ученые были удостоены Ленинских премий и Государственных премий СССР, Государственных премий БССР. Этим я хочу подчеркнуть, что сложный процесс «русификации», особенно в начальный период, в целом оказывал и оказывает благотворное влияние на развитие политической, экономической и социально-культурной жизни в Беларуси».

Такую точку зрения ученого, восхваление им роли царизма и большевизма в беларуской истории можно понять, хотя принять — вряд ли. Все его тезисы — позавчерашний день. И вот что любопытно. Обычно историки любого государства пытаются хоть каким-то способом изобразить его причастным к истории предыдущих государств, существовавших на той же территории; например, Италии — к Римской империи, Монголии — к державе Чингиз-хана, России — к Киевской Руси и Великому Новгороду, Польши — к Речи Посполитой. Но Беларуси профессор отказывает в этом, повторяя идеологический запрет времен тотального господства КПСС. Можно поду-

мать, что беларуская нация в самом деле появилась на свет Божий исключительно стараниями большевиков.

Не способствует национальному возрождению беларусов и Беларуская православная церковь, которая должна выступать, по определению, хранительницей национальных традиций и национального языка. Вместо этого священники БПЦ ведут службы в храмах, дают интервью, выступают перед общественностью только на русском языке, а традициями беларусов провозглашают традиции Российского государства, но не Великого княжества Литовского. Их как-то не убеждает в собственной неправоте тот факт, например, что Минск и Орша, Борисов и Полоцк, Брест и Новогрудок, все беларуские города более 400 лет (до 1772—1795 гг.) входили в состав именно ВКЛ, не Московского государства. Более того, некоторые церковные деятели даже восхваляют Суворова и Муравьева, этих палачей беларуского народа.

К счастью, наша власть уже поняла опасность подобных воззрений и концепций, которые фактически отрицают беларускую государственность как нечто самостоятельное от Москвы.

.0.

Приведенные выше примеры наглядно показывают диапазон выбора беларусов: если они не принимают национальной беларуской самоидентификации, то автоматически оказываются в лагере воинствующих московских империалистов. Тогда и ментально они становятся русскими, с присущим им презрением к чужим традициям и обычаям, языкам и религиям, с железобетонной уверенностью в монопольном обладании истиной во всех вопросах. Беларусам же свойственна толерантность (терпимость + либерализм), чуждая национальному характеру московских военно-служилых людей, каковыми они были на протяжении всей своей 800-летней истории. Это последнее обстоятельство позволяет думать, что в дальнейшей эволюции весь беларуский народ обретет менталитет европейцев.

ВИФАЧІОИЛЯИЗ

(Составитель А.Е. Тарас)

Указанные здесь исследования рассматривают вопросы беларуской истории и культуры того периода в жизни Беларуси, которому посвящена данная книга (лишь несколько работ касаются более ранней эпохи). Составитель не включил в перечень публикации до 1960 года, а также зарубежные издания, которых нет в фондах Национальной библиотеки.

На БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Манаграфі і брашюры

- Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду. Мн.: «Навука і тэхніка», 1993. 44 с.
- Адамушка У. **Палітычныя рэпрэсіі 20—50-ых гадоў на Беларусі.** Мн.: «Беларусь», 1994. 158 с.
- Александровіч С. Пуцявіны роднага слова. Праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы XIX пачатку XX стагодзя. Мн.: БДУ, 1971.-248 с.
- Аляхновіч Ф. У капцюрах ГПУ. /Дакументальная аповесць/ Мн.: «Мастацкая літаратура», 1994. 238 с.
- Анішчанка Я. **Беларусь у часы Кацярыны II (1772—1796 гады).** Мн.: «Веды», 1998. 212 с.
- Арлоў У. Прысуд выканаў невядомы: Ігнат Грынявіцкі. Мн.: «Навука і тэхніка», 1992.-52 с.
- Арлоў У. Імёны свабоды. Мн.: «Радыё Свабодная Эўропа», 2007. 576 с.
- Бандарчык В. Гісторыя беларускай этнаграфіі XIX ст. Мн.: «Навука і тэхніка», 1964. 282 с.
- Бандарчык В. Гісторыя беларускай этнаграфіі: Пачатак XX ст. Мн.: «Навука і тэхніка», 1970.-122 с.
- Бандарчык В. **Гісторыя беларускай савецкай этнаграфіі.** Мн.: «Навука і тэхніка», 1972. 166 с.
- Белы А. **Хроніка Белай Русі: Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы.** Мн.: «Энцыклапедыкс», 2007. 235 с.
- Болатаў А., Рыдзеўскі Г. Ахвяруючы сябе Бацькаўшчыне: Аркадзь Смоліч. Мн.: «Тэхналогія», 1999. 60 с.
- Брыгадзін П., Мацяс І. Усевалад Ігнатоўскі: Палітычны дзеяч, вучоны. Мн.: «Полымя», 1998. 94 с.
- Бяспалая М. **Беларуская вёска ў першыя гады нэпа (1921—1923 гг.).** Мн.: Беларускі універсітэт культуры, 1999. 254 с.
- Бяспалая М. **Культурнае жыщіё беларускай вёскі ў 1920-я гады.** /Вучэбны дапаможнік для студэнтаў/ Мн.: Беларускі універсітэт культуры, 2000. 156 с.
- Васілеўская Н. Абвінавачваецца ў нацыянал-дэмакратызме (Пра наркома асветы БССР А.В. Баліцкага). Мн.: «Навука і тэхніка», 1995. 64 с.
- Весялкоўскі Ю. Беларусь у Першай сусветнай вайне: Гістарычны нарыс. Беласток: /б.в./, 1996.-362 с.

- Весялкоўскі Ю. Нарысы па гісторыі Беларусі (985—1991). Беласток: /б.в./, $2002.-710\,\mathrm{c}.$
- Весялкоўскі Ю. Па слядах Другой сусветнай вайны. Вільня: «Рунь», 2002. 212 с.
- Весялкоўскі Ю. Ад Гарбачова да Белавежжа (1985—1991). Беласток: /б.в./, $2004.-288\,\mathrm{c}.$
- Віцьбіч Ю. Антыбальшавіцкія паўстаньні і партызанская барацьба на Беларусі. Вільня: «Gudas», 2006.-296 с.
- Выхота В. Нямецка-беларускія моўныя паралелі. Мн.: «Энцыклапедыкс», 1999.-206 с.
- Вялікі А. **На раздарожжы: Беларусы і палякі ў час перасялення (1944—1946** гг.). Мн.: БДПУ, 2005. 320 с.
- Гарбачова В. Паўстанне 1830—31 гадоў на Беларусі. Мн.: БДУ, 2001. $184\,\mathrm{c}.$
- Гарбачова В. Удзельнікі паўстання 1830—31 гг. на Беларусі (Біябібліаграфічны слоўнік). Мн.: БДУ, 2004. 398 с.
- Гарэцкі М. Гісторыя беларускае літаратуры. Мн.: «Мастацкая літаратура» $1992.-480~\mathrm{c}.$
- Гарэцкі М. **Публіцыстыка**, **1918–1919** гг. Мн.: БелНДІДАС, 2000. 158 с.
- Геніюш Л. Споведзь. Мн.: «Мастацкая літаратура», 1993. 272 с.
- Геніюш Л. Каб вы ведалі: З эпісталярнай спадчыны (1945 1983). Мн.: «Лімарыус», 2005. 448 с.
- Грыцкевіч А. Вакол «Слуцкага паўстання» (Барацьба з контррэвалюцыяй у Беларусі ў апошні перыяд грамадзянскай вайны). Мн.: /б.в./, 1987. 64 с.
- Грыцкевіч А. Гісторыя і міфы. Мн.: «БелФранс», 2000. 206 с.
- Далідовіч Г. **БНР і БССР: Роздум аб пакутным шляху беларускай дзяржаўнасці ў XX ст**. Мн.: «Пейто», 2002. 64 с.
- Дубавец С. Вострая брама: Беларускі культурны кантэкст на мяжы стагоддзяў. Выбраныя перадачы «Радыё Свабода» (1997—2004). Мн.: Радыё «Свабодная Эўропа», 2005. 520 с.
- Дубянецкі Э. **Таямніцы народнай душы.** /Кніга для вучняў/ Мн.: «Народная асвета». 48 с.
- Думін С., Канапацкі І. Беларускія татары: Мінулае і сучаснасць. Мн.: «Полымя», 1993. 206 с.
- Ёрш С. Вяртаньне БНП: Асобы і дакументы Беларускай незалежніцкай партыі. Менск Слонім: БГАКЦ, 1998. 186 с.
- Ёрш С. Рыцар свабоды (Ксёндз Віцэнт Гадлеўскі як ідэоляг і арганізатар беларускага нацянальнага антынацыстскага супраціву). Мн.: «Беларускі Рэзыстанс», 2004. 72 с.
- Запруднік Я. **Беларусь на гістарычных скрыжаваннях.** /Пераклад з англ./Мн.: «Бацькаўшчына». 1996. 264 с.
- Запрудскі І. **Нарыс гісторыі беларускай літаратуры XX стагодзя.** Мн.: БДУ, 2003. 138 с.
- Ігнатоўскі У. Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX сталецця. Мн.: Белгосиздат, 1926.-156 с.
- Ігнаценка Л., Кароль А. Усевалад Ігнатоўскі і яго час. Мн.: «Голас Радзімы», 1991.-122 с.

- Ільяшэвіч М. Расейская палітыка на землях былога Беларуска-Літоўскага гаспадарства за панаваньня Кацярыны II і Паўлы I (1772—1801). /2-е выданне/ Мн., 1992.
- Каваленя А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі, 1941—1944 г. (Вытокі. Структура. Дзейнасць). Мн.: БДПУ, 1999. 236 с.
- Каваленя А. Беларусь у выпрабаваннях вайны (1939—1945 гг.). Мінск: БДПУ, 2001.-100 с.
- Казбярук У. Рамантычны пошук: Назіранні над беларускім рамантызмам пачатку XX стагоддзя. Мн.: «Навука и тэхника», 1983. 184 с.
- Казбярук У. Светлай волі зычны звон: Алесь Гарун. Мн.: «Навука и тэхника», 1991. 64 с.
- Казлоў Л. Беларусь на сямі рубяжах (XI пачатак XX стагоддзя). /Карты/ Мн.: «Арты-Фэкс», 2000.-58 с.
- Каліноўскі К. **За нашую вольнасць: Творы, дакументы.** Мн.: «Беларуски книгазбор», 1999. 460 с.
- Калубовіч А. **Крокі гісторыі (Даследванні, артыкулы, успаміны).** Беласток Вільня Менск: «ГаМакс», 1993. 286 с.
- Калубовіч А. **На крыжовай дарозе: Творы з эміграцыі.** Мн.: «Бацькаўшчына», 1994. 318 с.
- Канапацкі І., Смолік А. Гісторыя і культура беларускіх татар. Мн.: Беларускі інстытут культуры, $2000.-258~\mathrm{c}.$
- Кандыбовіч С. Разгром нацянальнага руху ў Беларусі. Мн.: «Беларускі гістарычны агляд», $2000.-158~\mathrm{c}.$
- Карнейчык Я. **Беларуская нацыя (Гістарычны нарыс).** Мн.: «Навука і тэхніка», 1969. 310 с.
- Касмовіч Д. За вольную і суверэнную Беларусь. Вільня: «Gudas», 2006. 224 с.
- Касцюк М. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мн.: «Экаперспектыва», 2000.-308 с.
- Каўка А. Жывом! Старонкамі беларускага самапазнання. Мн.: Выданне «Дзядзькі Язэпа», 1997. 160 с.
- Каўка А. Каб не забыцца (Допісы розных гадоў). Мн.: «Медысант», 2006. 368 с.
- Кіпель В. **Беларусы ў ЗША.** Мн.: «Беларусь», 1993. 350 с.
- Клыкоўская Ц. **Саюз Беларускай Моладзі вяртаньне з забыцьця.** Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2004. 226 с.
- Крук У. Сялянскі рух на Беларусі, 1864—1900 гг. Мн.: «Навука і тэхніка», 1993. 175 с.
- Крук Я. Сімволіка беларускай народнай культуры. /2-е выданне/ Мн.: «Беларусь», 2003.-350 с.
- Куль-Сяльверстава С. Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: Фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII—1820-я гг.). Мн., БДУ, 2000.—260 с.
- Лабачэўская В.А. **Зберагаючы самабытнасць: З гісторыі народнага мастацтва і промыслаў Беларусі**. Мн.: «Беларуская навука», 1998. 376 с.
- Ладысеў У. Шлях да свабоды: 3 гісторыі рэвалюцыйна-вызваленчага руха ў Заходняй Беларусі ў 1919—1939 гг. Мн.: «Голас Радзімы», 1978. 132 с.

- Ладысеў У., Брыгадзін П. Паміх Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэльнасці Беларусі (1917—1939 гг.). Мн.: БДУ, 2003. 308 с.
- Ластоўскі В. **Кароткая гісторыя Беларусі.** /3-е выд./ Мн.: «Універсітэтскае», 1993.-126 с.
- Лінднэр Р. Гісторыкі і улада: Нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX XX ст. /Пер. з нямец./ СПб: «Неўскі прасцяг», 2003. 540 с.
- Літвін А. **Акупацыя Беларусі (1941–1944).** Пытанні супраціву і калабарацыі. Мн.: «Беларускі кнігазбор», 2000. 288 с.
- Лукашук А. **Прыгоды АРА ў Беларусі.** /б.м./: Радыё «Свабодная Эўропа»/Радыё «Свабода», 2005. 498 с.
- Лукашук А. За кіпучай чэкісцкай работай: З жыцця катаў. Мн.: «Наша Ніва». 1997. 190 с.
- Лукашук А. Філістовіч: Вяртаньне нацыяналіста. Мн.: «Наша Ніва», 1997. $80\ {\rm c}.$
- Луцкевіч А. За дваццаць пяць гадоў (1903—1928): Успаміны аб працы першых беларускіх палітычных арганізацый (Беларуская рэвалюцыйная грамада, Беларуская сацыялістычная грамада). Мн.: БелСЭ, 1992. 64 с.
- Лыч Г. Інтэлектуальная дзірка. Мн.: «Арміта», 1998. 206 с.
- Лыч Г. **Пакутлівыя блуканні.** Мн.: «Арміта», 2000. 232 с.
- Лыч Г. **Народам звацца (Навуковая публіцыстыка).** Мн.: «Хата», 2001. 336 с.
- Лыч Г. **Трагедыя беларускага сялянства.** Мн.: Інстытут кіравання, 2003. 268 с.
- Лыч Л. Беларуская нацыя і мова (Літаратурна-гістарычныя артыкулы). Мн.: «Мастацкая літаратура», 1994. 278 с.
- Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. /2-е выд., дап./ Мн.: «Экаперспектыва», 1997. 488 с.
- Лыч Л. **Беларуская ідэя ў постацях і здейсненнях.** Мн.: «Athenaeum», 2001. 80 с.
- Лыч Л. Хрысціянства ў этнакультурным жыцці Беларусі (ад старажытнасці да $1917 \, \mathrm{r.}$) Віцебск: ВДТУ, $2005. 220 \, \mathrm{c.}$
- Лыч Л. Гісторыя культуры Беларусі пад уладай Расійскай імперыі (канец XVIII ст. 1917 г.) Віцебск: ВДТУ, 2007. 246 с.
- Любецкая К. **3 гісторыі нямецка-беларускай, беларуска-нямецкай лексікаграфіі і тэрмінаграфіі.** Мн.: «Беларускі кнігазбор», 2002. 131 с.
- Макмілін А. Беларуская літаратура дыяспары. /Пер. з англ./ Мн.: «Тэхнапрінт», 2004.-439 с.
- Макмілін А. Беларуская літаратура ў 50—60-я гады XX стагоддзя. /Пер. з англ./ Мн.: «Беларускі кнігазбор», 2001. 330 с.
- Маракоў Л. Рэпрасаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі (1794—1991). /Энцыклапедычны даведнік/ Том 1 (479 с.), 2002; том 2 (378 с.), 2003; том 3, кніга 1 (532 с.), 2004; кніга 2 (742 с.), 2005.
- Маракоў Л. Рэпрасаваныя праваслаўныя свяшчэна- і царкоўнаслужыцелі Беларусі (1917—1967). /Энцыклапедычны даведнік/ Мн.: Беларускі экзархат, 2007. Том 1 (460 с.), том 2 (648 с).
- Маракоў Л. Ахвяры і карнікі. Мн.: выдавец Зм. Колас, 2007. 440 с.

- Марозава С. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596—1839 гг.). Гродна, ГрДУ, 2001. 352 с.
- Марціновіч А. **Хто мы, адкуль мы... Гістарычныя эсэ, нарысы.** Кніга 3. Мн.: «Беларусь», 2008. 447 с.
- Мікуліч А. Беларусы ў генетычнай прасторы: Антрапалогія этнасу. Мн.: «Тэхналогія», 2005. 138 с.
- Мікуліч Т. **Мова і этнічная самасвядомасць.** Мн.: «Навука і тэхніка», 1996. $160~\rm c.$
- Мірановіч Я. **Найноўшая гісторыя Беларусі.** СПб.: «Неўскі прасцяг», 2003. 270 с.
- Міхнюк У. Арыштаваць у высылцы: Дакументальны нарыс пра Алеся Дудара. Мн.: Бел
НДІДАС, 1996. 150 с.
- Мяснікоў А. Нацдэмы: Лёс і трагедыя Фабіяна Шантыра, Усевалада Ігнатоўскага і Язэпа Лёсіка. Мн.: «Беларусь», 1993.-110 с.
- Найдзюк Я., Касяк І. Беларусь учора і сяння: Папулярны нарыс з гісторыі Беларусі. Мн.: «Навука і тэхніка», 1993.-414 с.
- Палуян У. Беларуская сялянска-рабочая грамада. Мн.: «Навука і тэхніка», $1967.-224\,\mathrm{c}.$
- Платонаў Р. Палітыкі. Ідэі. Лёсы: Грамадзянскіе пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэолага-палітычнага дыктату ў Беларусі 20-30-х гг. Мн.: БелНДІДАС, 1996.-382 с.
- Платонаў Р. Лёсы: Гісторыка-дакументальныя нарысы аб людзх і малавядомых падзеях духоўнага жыцця ў Беларусі 20—30-х гг. Мн.: БелНДІДАС, 1998. 326 с.
- Платонаў Р. На крутым павароце: Ідэолага-палітычная барацьб на Беларусі у 1929—31 гг. (Дакументы, матэрыялы, аналіз). Мн.: БелНДІДАС, 1999.— 384 с.
- Платонаў Р. Беларусь у міжваенны перыяд: Старонкі палітычнай гісторыі ў святле архіўных крыніц. Мн.: БелНДІДАС, 2001. 282 с.
- Процька Т. Пакутнік за веру і бацькаўшчыну: Метрапаліт Мельхісэдэк. Мн.: «Тэхналогія», 1996. 64 с.
- Рудовіч С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Мн.: «Тэхналогія», 2001.-201 с.
- Сарокін А. Рэха эпохі крайнасцяў: Беларуская вёска ад Дэкрэта да Кодэкса аб зямлі (1917—1990-я гады.). Мн.: «Права і эканоміка», 2005. 304 с.
- Сачанка Б. Сняцца сны аб Беларусі... (Літаратурна-крытычныя артыкулы, інтэрв'ю). Мн.: «Мастацкая літаратура», 1990. 330 с.
- Сачанка Б. Беларуская эміграцыя. /2-е выд., дап. і пашыр./ Мн.: /б.и./, 1991.-112 с.
- Смалянчук А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на Беларусі і літоўскіх землях. 1804—1917. /2-е выд., пашыр./ СПб.: «Неўскі прасцяг», 2004. 406 с.
- Смоліч А. **Геаграфія Беларусі.** /4-е выд./ Мн.: Таварыства беларускай мовы імя Φ . Скарыны, 1993. 374 с.
- Сосна У. Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларуси ў канцы XVIII— першай палове XIX ст. Мн.: БДУ, 2000. 112 с.

- Станкевіч С. Русіфікацыя беларускае мовы ў БССР і супраціў русіфікацыйнаму працэсу. Мн.; «Навука і тэхніка», 1994.— 80 с.
- Станкевіч Я. За родную мову і праўдзівы назоў (Выбранае). Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. 742 с.
- Станкевіч Я. Гістарычныя творы. Мн.: «Энцыклапедыкс», 2003. 776 с.
- Струмянскі С. Страты Беларусі, або Доля беларускага народа. (Зборнік). Мн.: /б.в./, 2005. 144 с.
- Стужынская Н. **Беларусь мяцежная: 3 гісторыі узброенага антысавецкага супраціву.** Вільня: Беларуская жаночая ліга, 2000. 256 с.
- Сямашка Я. Армія Краёва на Беларусі. Мн.: «Хата», 1994. 270 с.
- Сяменчык М. Грамадска-палітычнае жыңцё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 сакавік 1918 гг.) Частка 1 (200 с.), частка 2 (160 с.) Мн.: БДПУ, 2001.
- Тарас В. **На высьпе ўспамінаў: Мэмуары.** /2-е выд., пашыр./ Мн.: «Наша Ніва», 2007. 606 с.
- Тарасаў К. Крыж памяці, меч лёсу: Кароткі спіс войнаў, стратаў, рэпрэсіяў, якія зведала Беларусь за тысячагоддзе. Мн.: «Лекцыя», 2001. 120 с.
- Тугай У. Латышскі этнас у сацыяльна-эканамічным і культурным жыцці Беларусі. /2-е выд./ Мн.: БДПУ, 2003. 306 с.
- Туронак Ю. **Мадэрная гісторыя Беларусі.** Вільня, Інстытут беларусістыкі, 2006. 904 с.
- Улашчык М. Была такая вёска (Гісторыка-этнаграфічны нарыс). Мн.: «Мастацкая літаратура», 1989. 174 с.
- Цвікевіч А. «Западно-русизм»: Нарысы з гісторыі грамадскай мысьлі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. /2-е выд./ Мн.: «Навука і тэхніка», 1993. 352 с.
- Цітоў В. **Народная спадчына: Матэрыяльная культура ў лакальна-тыпа- лагічнай разнастайнасці.** Мн.: «Навука і тэхніка», 1994. 300 с.
- Цітоў В. Этнаграфічная спадчына: Беларусь краіна і людзі. /2-е выд./ Мн.: «Беларусь», 2001.-206 с.
- Чарвякоў А. ...Я ніколі не быў ворагам. (Выбраныя артыкулы і прамовы. Успаміны сучаснікаў). Мн.: «Беларусь», 1992. 184 с.
- Чарота І. Пошук спрадвечнай існасці: Беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння. Мн.: «Навука і тэхніка», 1995. 160 с.
- Чэмер А. Сяргей Хмара. (Жыццё і творчасць). Вільня: «Saverenas», 1998.— 152 с.
- Чэмер А. Выбраныя Богам (Біяграфічная аповесць аб акадэміке Б.У. Кіте). Вільня: /б.в./, 1999. 224 с.
- Шакун Л. Карані роднай мовы (Выбраныя працы па гісторыі беларускай мовы). Мінск: /б.в./, 2001.-206 с.
- Шалькевіч В. **Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі.** Мн.: Маладзёжнае навуковае супольніцтва, 2002. 248 с.
- Швед В. Беларускія старонкі гісторыі дэкабрыстаў. Мн.: БелНДІДАС, 1998.-130 с.
- Швед В. Паміж Польшчай и Расіяй: Грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772—1863). Гродна: ГрДУ, 2001. 416 с.

- Швед В., С. Данскіх. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў. Гродна: ГрДУ, 2006.-252 с.
- Шыбека 3. Гарады Беларусі (60-я гады XIX пачатак стагоддзяў). Мн.: «Эўро Φ орум», 1997. 320 с.
- Шыбека 3. **Нарыс гісторыі Беларусі (1795—2002).** Мн.: «Энцыклапедыкс», 2003.-490 с.
- Шыбека 3. Минскъ сто гадоў таму. Мн.: «Беларусь», 2007. 304 с.
- Эбэрхардт П. **Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі. 1889—1989.** /Перак. з польск./ Мн.: Беларускі фонд Сораса, 1997. 277 с.
- Юрэвіч Л. Жыццё пад агнём: Партрэт беларускага ваеначальніка і палітычнага дзеяча Б. Рагулі на фоне яго эпохі. Мінск: «Arche», 1999.— 254 с.
- Юрэвіч Л. Вырваныя бачыны: Да гісторыі Саюзу Беларускай Моладзі. Мн.: «Энцыклапедыкс», 2001.-212 с.
- Юрэвіч Л. **Літаратурны рух на** э**міграцыі.** Мн.: «Беларускі гістарычны агляд», 2002.-242 с.
- Юхо Я. **Гісторыя дзяржавы і права Беларусі.** (Вучэбны дапаможнік) Мн.: РІВШ БДУ, 2000. Часткі 1 (350 с.), 2 (274 с.).
- Яноўская В.В. **Хрысціянская царква ў Беларусі. 1863—1914 гг.** Мн.: БДУ, 2002. 197 с.
- Янушкевіч Я. **Неадменны сакратар Адраджэння: Вацлаў Ластоўскі.** Мн.: «Навука і тэхніка», 1995. 68 с.
- Ярмалковіч В. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі да 1914 года. Беласток: «Ніва», 1997.-163 с.

Даведнікі, зборнікі, энцыклапедыі

- **Антысавецкія рухі ў Беларусі: 1944—1956: Даведнік.** /Пад рэд. А. Дзярновіча). Мн.: /б.в./, 1999. 190 с.
- **Аняменне: 3 хронікі знішчэння беларускай мовы.** /Пад рэд. Л. Дзіцэвіч/ Вільня: «Gudas», 2000. 320 с.
- **Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі.** /Уклад. С. Шупа/ Том 1, кніга 1 (866 с.), кніга 2 (872 с.). Вільня— Нью-Ёрк— Менск— Прага, 1998.
- Асвета і педагагічная думка ў Беларусі. Са старажытных часоў да пачатку XX ст. /Склад. Г. Сянькевіч і інш./
- Частка 1 (172 с.), частка 2 (206 с.). Мн.: Нацыянальны інстытут адукацыі, 1995.
- Частка 3: **1917-1945 гг.** (327 с.), Мн.: НІА, 2001 г.
- **Беларусазнаўства.** (Навуч. дапамож.). /Пад ред. П. Брыгадзіна/ Мн.: «Завігар», 1997. 288 с.
- Беларуская думка XX стагоддзя: Філасофія, рэлігія, культура (Анталогія). /Склад. Ю. Гарбінскі/ Варшава: выданне ПАН, 1998. 742 с.
- **Беларуская дыяспара: Нарысы гісторыі і сучаснага стану.** /Аўтары-складальнікі М. Бацян і інш./ Мн.: «Трыялета», 2006. 158 с.
- Беларуская народная вусна-паэтычная творчасць. /К. Кабашнікаў і інш./ Мн.: «Лексіс», 2000.-512 с.
- **Беларускі нацыяналізм:** Даведнік. /Склад. П. Казак/ Мн.: «Голас краю», $2001.-46~\mathrm{c}$.

- **Беларускі фальклор: Энцыклапедыя.** /Галоўны рэд. Г. Пашкоў/ Мн.: «Беларуская энцыклапедыя», Том 1 (765 с.), 2005; том 2 (828 с.), 2006.
- **Беларускія слоўнікі і энцыклапедыі (Бібліяграфія).** /Склад. В. Кіпель, З. Саў-ка/ Нью-Ёрк Мінск: /б.в./, 2006. 570 с.
- **Беларусы. Гісторыка-этнаграфічнае даследванне.** Мн.: «Беларуская навука», 1995—2006.
 - Том 1. Прамысловыя і рамесныя заняткі. 1995. 351 с.
 - Том 2. **Дойлідства.** 1997. 390 с.
 - Том 3. Гісторыя этналагічнага вывучэння. 1999. 365 с.
 - Том 4. Вытокі і этнічнае развіццё. 2001. 432 с.
 - Том 5. Сям'я. 2001. 374 с.
 - Том 6. **Грамадскія традыцыі.** 2002. 605 с.
 - Том 7. **Вусная паэтычная творчасць.** 2004. 586 с.
 - Том 8. Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва. 2005. 350 с.
 - Том 9. **Антрапалогія.** 2006. 575 с.
- **Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941—1945.** (Энцыклапедыя). /Гал. рэд. І. Шамякін/ Мн.: БелСЭ, 1990. 680 с.
- Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. (Пад рэд. Г. Пашкова і іншых) /2-е выданне/ Мн.: «Беларуская энцыклапедыя». Том 1 (2006) 688 с.; том 2 (2007) 792 с.
- Вяртанне: Дакументы і архіўныя матэрыялы па праблеме пошуку і вяртання нацыянальных каштоўнасцей, якія знаходзяцца за межамі Рэспублікі Беларусь. /Склад. А. Тоўсцік/ Мн.: Беларускі фонд культуры, 1992. 256 с.
- **Вяртанне-2:** Дакументы і матэрыялы... /Склад. А. Тоўсцік, М. Яліцкая/, 1994.-270 с.
- **Вяртанне-3:** Дакументы і матэрыялы... /Склад. А. Тоўсцік, М. Яліцкая/, 1996.-255 с.
- Вяртання маўклівая споведзь: Постаці творцаў беларускай гісторыі ў кантэксце часу. (Гісторыка-літаратурны зборнік) /У. Казбярук і інш./ Мн.: «Вышэйшая школа», 1994. 318 с.
- **Гістарычны шлях беларускай нацыі і дзяржавы.** (Рэд. У. Арлоў і інш.) /Выд. 2-е, дап./ Мн.: «Зм. Колас», 2005. 440 с.
- Гісторыя Беларусі. /Гал. рэд. М. Касцюк/ Мн.: «Экаперспыктыва».
 - Том 3: **Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.)**. 2004. 344 с.;
 - Том 4: Беларусь у складзе Расійскай Імперыі (канец XVIII пачатак XX ст.). 2005.-518 с.;
 - Том 5: **Беларусь у 1917—1945** гг. 2007. 615 с.
- Гісторыя Беларусі ад старажытных часоў да пачатку XXI стагоддзя (У пытаннях і адказах). /В. Галубовіч і інш./ Мн.: »Экаперспектыва», 2003. 296 с.
- **Гісторыя Беларусі: Кароткі нарыс.** /Пад. рэд. М. Касцюка, М. Біча/ Мн.: Мінабароны РБ, 1993. Частка 1 (77 с.), частка 2 (113 с.), частка 3 (144 с.), частка 4 (122 с.).
- **Гісторыя Беларусі ў кантэксце еўрапейскай цівілізацыі.** (Дапаможнік). /У. Сосна, кіраўнік аўт. кал. і інш.) Мн.: Цэнтр інавацыйных праграм і праектаў. 2003. 348 с.

Гісторыя Беларусі ў кантэксце сусветнай цівілізацыі. (Вучэбны дапаможнік) /Пад рэд. В. Галубовіча і інш./ 2-е выд. Мн.: »Экаперспектыва», 2006. — 590 с.

Гісторыя беларускага мастацтва. /Рэд. С. Марцэлеў, Л. Дробаў і інш./

Том 1: Ад старажытных часоў да другой паловы XVI ст. 1987. — 304 с.;

Том 2: Другая палова XVI — канец XVIII стагоддзя. 1988. — 384 с.;

Том 3: **Канец XVIII** — пачатак **XX** стагоддзя. 1989. — 448 с.:

Том 4: 1917—1941 гг. 1990. — 352 с.:

Том 5: **1941** — да **60-х** гг. 1992. — 255 с.:

Том 6: Пачатак **1960-х** — сярэдзіна **1980-х** гг. 1994. — 376 с.

Гісторыя беларускага тэатра. /Гал. рэд. Г. Барышаў/ Мн. «Навука і тэхніка».

Том 1: Беларускі тэатр ад вытокаў да кастрычніка 1917 г. 1983. — 496 с.

Том 2: **Тэатр савецкай эпохі. 1917—1945 гг.** 1985. — 607 с.

Том 3, кніга 1: Тэатр савецкай эпохі. 1945—1961 гг. (280 с.); кніга 2: Тэатр савецкай эпохі. 1962—1984 гг. (432 с.), 1987.

Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя. Мн.: «Беларуская навука».

Том 1: 1901—1920 гг., 1999. — 582 с.;

Том 2: 1921-1941 гг., 1999. — 902 с.;

Том 3: 1941—1965 гг., 2001. — 950 с.;

Том 4: 1986-2000 гг., 2003. — 974 с.

Гісторыя матэрыяльнай і духоўнай культуры нацыянальнасцей Беларусі ў другой палове XVIII— першай палове XIX ст. (Збор. навук. прац.) /Пад рэд. А. Лютага/ Мн.: БДПУ, 1996.— 190 с.

Гісторыя сялянства Беларусі ад **старажытнасці да 1861 года.** Мн.: «Беларуская навука». Том 1 (430 с.), 1997; том 2 (550 с.), 2002.

Гісторыя, якой няма ў падручніках (Матэрыялы навук.-практыч. канф. 27 красавіка 2002 г.). /Пад рэд. Н. Стужынскай/ Мн.: «Адукацыя і выхаванне», 2002.-584 с.

Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі. /В. Бандарчык і інш./ Мн.: «Навука і тэхніка», 1990. — 345 с.

Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва Беларусі. /В. Бандарчык і інш./ Мн.: «Навука і тэхніка», 1993. — 256 с.

Грамадскія ідэалы: Нацянальныя традыцыі, сучасны стан, погляд у будучыню. (Матэр. нав. канф. 26—27 лістапада 1998 г.) Мн.: ННАЦ, 2002. — 221 с.

Дарога праз Курапаты. /Рэд. С. Дубавец/ Выд. Радыё «Свабода», 2002. — 464 с. Дэмакратычная апазыцыя Беларусі 1956—1991. Персанажы і кантэкст (Да-

Дэмакратычная апазыцыя Беларусі 1956—1991. Персанажы і кантэкст (Даведнік). Мн.: «Архіў найноўшай гісторыі», 1999. — 181 с.

Ілюстраваная храналогія гісторыі Беларусі /Аўтар-складальнік І. Хаўратовіч/ Мн.: БелЭН. Частка 1 (220 с.), 1995; частка 2 (192 с.), 1997.

Канфесіі на Беларусі (канец XVIII — XX ст.). /Навук. рэд. У. Навіцкі/ Мн.: «Экаперспектыва», 1998. - 338 с.

Канфесіі на Беларусі: Гісторыя і сучаснасць (Зб. матэр. нав.-практыч. канфер. 7—8 кастрычніка 2004 г.). Брэст: БрДУ, 2005. — 325 с.

Краіна Беларусь: Ілюстраваная гісторыя. /Тэкст У. Арлова, мастак З. Герасімовіч/ Лёндан: «Angloproject corporation», 2003. — 320 с.

- **Курапаты (Артыкулы, навуковая справаздача, фотаздымкі).** /2-е выд./ Мн.: «Тэхналогія», 1994. 180 c.
- **Курапаты (Збор. матэр.).** Мн.: «Дыярыуш», 2002. 114 с.
- Мысліцелі і асветникі Беларусі. X—XIX стагоддзі. (Энцыклапедычны даведнік). Мн.: Бел9H, 1995. 671 с.
- **Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі.** /Рэд. С. Умрэйка і інш./ Мн.: «Народная асвета», 1968.-622 с.
- **На суд гісторыі: Успаміны, дыялогі.** /Уклад. Б. Сачанка/ Мн.: «Мастацкая літаратура», 1994.-303 с.
- Нацыянальная палітыка Расійскага самадзяржаўя на Беларусі ў канцы XVIII— пачатку XIX ст. (Збор. навук. прац). Мн.: БДПУ, 1995. 233 с.
- **Пазацэнзурны перыядычны друк Беларусі: Каталёг (1971—1990)** /Склад. Ю. Лаўрык, Л. Андросік/ Мн.: БГАКЦ, 1998. 170 с.
- Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX стагоддзі. (Матэр. навук.-практыч. канф. **27–28** лютага **1998** г.) /Склад. Н. Стужынская/ Мн.: /б.в./, 1998. 278 с.
- Расстраляныя ў Маскве і Ленінградзе: Індэкс ураджэнцаў Беларусі, расстраляных у Маскве і Ленінградзе ў 1920—1950-я гг. /Склад. Р. Карнілаў/ Мн.: «Мэдысант», 2002.-504 с.
- Роля беларускай дыяспары ў захаванні і развіцці беларускай культуры. /Рыхтавалі І. Іваноў, І. Лабацэвіч/ Лондан: Беларус. бібліятэка і музей імя Φ . Скарыны, 2003.-142 с.
- Роля асобы ў жыцці і дзейнасці хрысціянскіх цэркваў Беларусі ў XX стагодзі. (Збор. артыкулаў). Мн.: /б.в./, 2000.-136 с.
- **Рэлігія і царква на Беларусі: Энцыклапедычны даведнік.** /Гал. рэд. Г. Пашкоў/ Мн.: «Беларуская энцыклапедыя», 2001. 365 с.
- Славутыя імёны Бацькаўшчыны. /Гал. рэд. А. Грыцкевіч/ Мн.: Беларускі фонд культуры. Выпуск 1 (382 с.), 2002; выпуск 2 (382 с.), 2003.
- **Слуцкі збройны чын 1920 г. у дакументах і ўспамінах.** Мн.: «Энцыклапедыкс», 2001. 274 с.
- **Сыны і пасынкі Беларусі (Зборнік нарысаў).** /Склад. С. Барыс/ Мн.: «Полымя», 1996. 416 с.
- У пошуках страчанага: Гісторыя Беларусі ў старых паштоўках. /Тэкст А. Карлюкевіча/ Мн.: «Литература и искусство», 2007. 240 с.
- **Хто ёсць Хто сярод беларусаў свету.** /А. Мальдзіс і інш./ Частка 1. Мн.: «Энцыклапедыкс», 2000.-313 с.
- Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн.: «Беларуская энцыклапедыя», 1989.

Том 1 (1993) — 494 с.

Том 2 (1994) — 538 с.

Том 3 (1996) — 526 с.

Том 4 (1997) — 432 с.

Том 5(1999) - 592 c.

Том 6, кніга 1 (2001) — 592 с.; кніга 2 (2003) — 616 с.

- **Эканамічная гісторыя Беларусі.** /Пад рэд. В. Галубовіча/. (3-е выд.) Мн.: «Экаперспектыва», 1999. 446 с.
- Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя. Мн.: БелСЭ, 1989. 575 с.

На русском языке

Монографические работы

- Адамушко В.И., Иванова Н.В. «Помилуйте...»: Документы по репрессиям 1939—1941 гг. в Вилейской области. Мн.: ГАУ при СМ РБ, 1992. 96 с.
- Барабаш В.В. Поляки в антифашистской борьбе на территории Беларуси (1941—1944 гг.). Гродно: ГрГУ, 1998. 144 с.
- Бич М.О. **Развитие социал-демократического движения в Белоруссии в 1883—1903 гг.** Мн.: «Наука и техника», 1973. 231 с.
- Бич М.О. Рабочее движение в Белоруссии в 1861—1904 гг. Мн.: «Наука и техника», 1983. 280 с.
- Блинова Т.Б. Иезуиты в Беларуси: Роль иезуитов в организации образования и просвещения. Гродно: ГрГУ, 2002.-425 с.
- Бригадин П.И. Эсеры в Беларуси (конец XIX в. февраль 1917 г.). Мн.: «Згода», 1994. 152 с.
- Булгаков В. История белорусского национализма. Вильнюс: Институт белорусистики, 2006.-332 с.
- Быков В.В. Долгая дорога домой: Книга воспоминаний. Мн.: «Харвест», 2005. 448 с.
- Валахонович И.А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944-1953 гг. Мн.: БГУ, 2002.-144 с.
- Василевская Н.В. Формирование производственно-технической интеллигенции БССР. 1921—1941 гг. Мн.: «Наука и техника», 1986. 157 с.
- Ваупшасов С.А. **На разгневанной земле (Борьба трудящихся Западной Белоруссии против белополяков. 1920—1925 гг.).** /2-е, доп. изд./ Минск: «Беларусь», 1965. 344 с.
- Врублевский А.П., Протько Т.С. **Из истории репрессий против белорусского крестьянства. 1929—1934.** Мн.: «Навука і тэхніка», 1992.
- Григорьев Г.А. Крестьянские общества взаимопомощи БССР, 1921—1930 гг. Мн.: «Навука і тэхніка», 1993. 110 с.
- Гринблат М.Я. Белорусы: Очерки происхождения и этнической истории. Мн.: «Наука и техника», 1968.-288 с.
- Гурецкий А.А. Влияние политики Российского самодержавия на народное образование в Белоруссии в 1803-1825 гг. Мн.: БГПУ, 1997.-56 с.
- Данилов И.П. Записки западного белоруса: 1937—1945. Политика и война глазами очевидца и участника. Мн.: издатель В. Хурсик, 2007. 358 с.
- Довнар-Запольский М.В. История Беларуси. Мн.: «Беларусь», 2003. 678 с.
- Дорошевич Э.К., Конон В.М. Очерк истории эстетической мысли Белоруссии. М.: «Искусство», 1972. 320 с.
- Ермолович В.И., Жумарь С.В. **Огнем и мечом: Хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939—1953 гг.).** Минск: БелНИИ-ДААД, 1994.—112 с.
- Ершова Э.Б. **Исторические судьбы интеллигенции Белоруссии (1917–1941).** М.: «Россия Молодая», 1994. 282 с.
- Заерко А.Л. **Тюрьмы Белоруссии.** Книга первая: **1929—1935.** М.: «Полимаг», 2002. 265 с.

- Заерко А.Л. **Побеги из ада (История белорусского крестьянства).** СПб: «Невский простор», 2003. 302 с.
- Заерко А.Л. **Кровавая граница (История белорусского приграничья).** Книга 1: **1918—1939.** Мн.: «Камерон-Д», 2002. 280 с.
- Залесский А.И., Кобринец П.Н. **О национальных отношениях в Советской Белоруссии: Исторические очерки.** Гродно: /б.и./, 1992. 193 с.
- Зенькович Н.А. **Чья Белоруссия? Границы. Споры. Обиды.** М.: «Периодика», 2002.-396 с.
- Илькевич Н.Н., Платонов Р.П. Александр Ульянов и версия НКВД об антисоветском подполье в БССР (Фальсификация органами НКВД уголовных дел в 1937—1938 гг.). Мн.: БелНИИДАД, 1997. 100 с.
- Илькевич Н.Н. Академик Гавриил Горецкий: первое столкновение с ГПУ (К истории высылки за границу отечественной интеллигенции). /Докум. очерк/ Смоленск: «Посох», 1998.-87 с.
- Илькевич Н.Н. Адам Бабарека: арест лагерь смерть (Расправа со ссыльными белорусами в 1937—1938 гг.). /Докум. очерк/ Смоленск: «Посох», 1999. 127 с.
- Иоффе Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси (Краткий научно-популярный очерк). Мн. «Арти-Фекс», 1996. 292 с.
- Каменская Н.В. Становление народного образования в Белоруссии (1917—1920 гг.). Мн.: «Наука и техника», 1980.
- Карский Е.Ф. Белорусы. Мн.: «Беларуская энцыклапедыя», 2006.
- Том 1. Введение в изучение языка и народной словесности. 652 с.;
- Том 2. Язык белорусского народа. Книга 1. 454 с.; Книга 2. 508 с.
- Кацер М.С. Изобразительное искусство Белоруссии дооктябрьского периода (Очерки). Мн.: «Наука и техника», 1969.-201 с.
- Кацер М.С. Народно-прикладное искусство Белоруссии от первобытного общества до 1917 года. Мн.: «Вышэйшая школа», 1972. 173 с.
- Копысский З.Ю. **Источниковедение аграрной истории Белоруссии.** Мн.: «Наука и техника», 1978. — 136 с.
- Корнейчик Е.И. Белорусский народ в Отечественной войне 1812 года. Мн.: Белгосиздат, 1962.-243 с.
- Короткая Т.П., Прокошина Е.С., Чудинкова А.А. Старообрядчество в Белоруссии. Мн.: «Навука і тэхніка», 1992. 118 с.
- Круглов А.А. **Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987 гг.).** Мн.: «Беларусь», 1989. 360 с.
- Круталевич В.А. **История Беларуси: Становление национальной державности (1917—1922 гг.).** /2-е изд., доп./ Мн.: «Право и экономика», 2003. 585 с.
- Круталевич В.А. О Белорусской Народной Республике (Аналитические заметки и комментарии). Мн.: «Право и экономика», 2005. — 208 с.
- Крючок Г.Р. Очерки истории медицины Белоруссии. Мн.: «Беларусь», 1976. 266 с.
- Кузнецов И.Н.Возвращение памяти (Сб. документ. очерков). Мн.: «Арти- Φ екс», 1997. 277 с.
- Липинский Л.П. Крестьянское и солдатское движение в Белоруссии (1900 1907). Мн.: «Наука и техника», 1968. 195 с.

- Липинский Л.П. Классовая борьба в белорусской деревне. 1907 1914. Мн.: БГУ, 1981.-176 с.
- Лосинский Н.Б. **Революционно-народническое движение в Белоруссии. 1870—1884 гг.** Мн. «Наука и техника», 1983. 223 с.
- Луговцова С.Л. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Белоруссии в конце XVIII первой половине XIX вв. Минск: БГПУ, 1997.-78 с.
- Лютый А.М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII первой половине XIX века (К проблеме генезиса капитализма). Мн.: АН БССР, $1990.-180~\rm c$.
- Мечковская Н.Б **Белорусский язык: Социолингвистические очерки.** Мюнхен: «Otto Sagner verlag», 2003. 156 с.
- Михнюк В.Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919—1941 гг.). Мн.: «Наука и техника», 1985. 285 с.
- Мохнач Н.Н. Идейная борьба в Белоруссии в 30—40-е гг. XIX века. Мн.: «Наука и техника», 1971.-157 с.
- Мурашко П.Е. **Особого назначения... Из истории ЧОН Белоруссии. 1918—1924.** Мн.: БГУ, 1979. 104 с.
- Новик Е.К. Формирование кадров народного образования Белоруссии (1917— 1941 гг.). Мн.: «Наука и техника», 1981. 295 с.
- Орехво Н.С. Дела и люди КПЗБ: Воспоминания. Мн.: «Беларусь», 1983. 287 с.
- Панютич В.П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в **1861—1900 гг.** Мн.: «Навука і тэхніка», 1990. 375 с.
- Пастухова З.А. Среднее образование в дореволюционной Белоруссии. Мн.: Минобразования БССР, 1963.-86 с.
- Пилипенко М.Ф. Возникновение Белоруссии: Новая концепция. Мн.: «Беларусь», 1991. 142 с.
- Пичета В.И. История беларуского народа. Мн.: БГУ, 2003. $182 \, \mathrm{c.}$
- Платонов Р.П. Белоруссия, 1941-й: известное и неизвестное (По документам Национального архива Республики Беларусь). Мн.: БелНИИДАД, 2000. 208 с.
- Полуян В.А., Полуян И.В. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920—1939 гг. Мн.: Госиздат БССР, 1962. 222 с.
- Полуян В.А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927—1939 гг.). Мн.: «Наука и техника», 1978. 359 с.
- Полуян В.А. Западная Белоруссия в период экономического кризиса 1929—1933 гг. Мн.: «Навука і тэхніка», 1991. 207 с.
- Протько Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917—1941 гг.). Мн.: «Тессей», 2003.—688 с.
- Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941—1945. М.: «Вече», 2008.-432 с.
- Савицкий Э.М. Революционное движение в Белоруссии (август 1914 февраль 1917). Мн.: «Наука и техника», 1981. 182 с.
- Самбук С.М. **Революционные народники Белоруссии (70-е начало 80-х гг. XIX века)**. Мн.: «Наука и техника», 1972. 248 с.

- Самбук С.М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века (По материалам периодической печати). Мн.: «Наука и техника», 1976.-182 с.
- Самбук С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Мн.: «Наука и техника», 1980. 224 с.
- Сарычев В. В поисках утраченного времени. Книга первая. Брест: ОАО «Брестская типография», 2006. 306 с.
- Скир А.Я. Еврейская духовная культура в Белоруссии: Историко-литературный очерк. Мн.: «Мастацкая літаратура», 1995. 144 с.
- Смиловицкий Л.А. Евреи Беларуси: Из нашей общей истории. 1905—1953 гг. Мн.: «Арти-Фекс», 1999. 360 с.
- Смирнов А.Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М.: АН СССР, $1963.-392\,\mathrm{c}.$
- Смирнов А.Ф. Кастусь Калиновский. Мн.: Госиздат БССР, 1963. 200 с.
- Солошенко В.И. От народничества к марксизму: Распространение марксизма и образование социал-демократических организаций в Белоруссии. Мн.: «Беларусь», 1971.-151 с.
- Солошенко В.И. **Большевики в борьбе с мелкобуржуазными партиями в Белоруссии (1903—март 1917 гг.).** Мн.: «Беларусь», 1981. 206 с.
- Сорокин А.Н. Эксперимент: **Человек и земля.** Мн.: «Навука і тэхніка», 1994. 96 с.
- Сташкевич Н.С. Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии, 1917—1925. Мн., 1985.
- Тарас А.Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV—XVII веках. /Изд. 2-е, исправ./ Мн.: «Харвест», 2006. 800 с.
- Тарасевич М.И. Национально-культурный состав коренного народа Белоруссии. Мн.: ИПП Минэкономики РБ, 1994.-60 с.
- Татаренко А. **Недозволенная память: Западная Беларусь в документах и фактах. 1921—1954.** СПб.: «Архив АТ», 2006. 808 с. (+ 16 с. илл.).
- Терешкович П.В. Этническая история Беларуси XIX начала XX века в контексте Центрально-Восточной Европы. Мн.: БГУ, 2004. 223 с.
- Улащик Н.Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М.: «Наука», 1965. 479 с.
- Фридман М.Б. Отмена крепостного права в Белоруссии. Мн.: БГУ, 1958. $202~\rm c.$
- Хохлов А.Г. Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март **1917** март **1918**). Мн.: «Беларусь», 1965. 201 с.
- Хохлов А.Г. Коммунистические части особого назначения в Белоруссии. Мн.: «Беларусь», 1974.-110 с.
- Чантурия В.А. Архитектурные памятники Белоруссии. Мн.: «Полымя», 1982.-223 с.
- Чантурия В.А. **История архитектуры Белоруссии.** /3-е изд., перераб. и доп./ Том 1. **Дооктябрьский период.** Мн.: «Вышэйшая школа», 1985. 295 с.
- Черепица В.Н. Польское национальное движение в Белоруссии (последняя треть XIX века): Факты, события, комментарии. Гродно: ГРГУ, 1996. 144 с.

- Шабуня К.И. **Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907** гг. Мн.: Минобразования БССР, 1962. 435 с.
- Шкляр Е.Н. Борьба трудящихся Литовско-Белорусской ССР с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией (1918—1920 гг.) Мн.: Госиздат, 1962. 178 с.

Коллективные монографии, сборники документов, энциклопедии

- Белоруссия в эпоху капитализма (Сборник документов и материалов по истории Белоруссии. **1861—1900**). Мн.: «Наука и техника», 1990.
 - Том 1: Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии. 272 с.
 - Том 2: Развитие капитализма в промышленности, положение промышленных рабочих и рабочее движение в Белоруссии 1861—1900. 338 с.
- Белоруссия в эпоху феодализма /Сборник документов и материалов по истории Белоруссии с древности до 1861/. Том 4: Социально-политическая история и культура Белоруссии первой половины XIX века. Отечественная война 1812 года. Мн.: «Наука и техника», 1979. 376 с.
- **Белоруссия и Россия: общества и государства. (Сб. докладов).** /Ред.-сост. Д.Е. Фурман/ М.: «Права человека», 1998. 431 с.
- **Боль людская: Сборник воспоминаний жертв политических репрессий 1930— 1950-х гг.** /Сост. Н.В. Василевская и др./ Мн.: «Ковчег», 1999. 247 с.
- **Борьба за советскую власть в Белоруссии.** Том 2. **Февраль 1919—1920 гг. (Сб. документов и материалов).** /Сост. Т.Ф. Каряева и др./ Мн.: /б.и./, 1971. 631 с.
- **Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР**. /Документы и материалы/ Том 1. Мн., 1962.
- Мн., 1962. **Бунд в Беларуси, 1897—1921 (Документы и материалы).** /Сост. Э.Н. Савицкий/ Мн.: БелНИИДАД, 1997. — 607 с.
- **Вильна 1824—1825: Перекрестки памяти** /сост. А.И. Федута/ Мн. «Лимарус», 2008. 244 с.
- **Возвращенные имена. Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий.** /Сост. Н.В. Токарев/ Мн.: «Наука и техника», 1992. 120 с.
- **Восстание в Литве и Белоруссии, 1863—1864 гг. (Сб. документов).** /Ред. кол. В. Дьяков и др./ М.: «Наука», 1965. LV, 586 с.
- Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 июль 1944). Документы и материалы. Мн.: «Беларусь», 1967—1982.
- Том 1. Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941— ноябрь 1942), 1967.— 744 с.
- Том 2, книга 1. Развитие партизанского движения во второй период войны (ноябрь 1942 июнь 1943), 1973. 680 с.; Книга 2. Развитие партизанского движения во второй период войны (июль 1943 декабрь 1943). 1973. 814 с.
- Том 3. Всенародное партизанское движение в Белоруссии на завершающем этапе (январь июль 1944), 1985. 792 с.

- Докторские и кандидатские диссертации по историческим наукам БССР: Библиографический указатель 1944—1982 гг. /Сост. В.Н. Михнюк/ Мн.: /б.и./, 1982. 106 с.
- Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР: Документы и материалы. Том 1: 1917 март 1919 февраль. /Ред. А.И. Азаров и др./ Мн.: АН БССР, 1954. 514 с.
- **История Беларуси в документах и материалах.** /Сост. И.Н. Кузнецов, В.Г. Мазец/ Мн.: «Амалфея», 2000. 672 с.
- **История Беларуси: Словарь-справочник.** /Сост. И.Н. Кузнецов и др./ Мн.: «Экономпресс», 2000. 320 с.
- **Куропаты:** Следствие продолжается. /Тарнавский Г. и др./ М.: «Юридическая литература», 1990.
- **Очерки истории Беларуси**. /М.П. Костюк и др./ Часть 2. Мн.: «Беларусь», 1995.-560 с.
- Перед крутым поворотом. Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925—1928 гг.): Отражение времени в архивных документах. /Авт.-сост. Р.П. Платонов/ Мн.: БелНИИДАД, 2001. 310 с.
- Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939—1954 гг.). /Ситкевич С.А. и др./ Гродно: Аграрный унив-т, 2004. 344 с.
- Правда истории: Память и боль (Сборник материалов о репрессиях в 30—50-е гг. в Белоруссии). /Сост. Н.М. Жилинский/ Мн.: «Беларусь», 1991. 431 с.
- Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии: 1941—1944. (Документы и материалы). Мн. «Беларусь», 1965. 464 с.
- Публицистика белорусских народников. Нелегальные издания белорусских народников (1881—1884). /Сост. С.Х. и И.С. Александрович/ Мн.: БГУ, 1983. 134 с.
- Революционное движение в Белоруссии, июнь 1907 февраль 1917 гг. (Документы и материалы). /Сост. Т.А. Воробьева, Н.А. Рябцевич/ Мн.: «Наука и техника», 1987. 285 с.
- Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921—1939 гг.). /А.Н. Мацко и др./ Мн. «Беларусь», 1966.-403 с.
- **Репрессивная политика советской власти в Беларуси.** /Сб. науч. работ/ Вып. 1. (Сост. И. Кузнецов, Л. Басин). Мн.: /б.и./, 2007. 376 с.
- Страницы истории компартии Белоруссии: Суждения, аргументы и факты. /Под ред. Р.П. Платонова/ Мн.: «Университетское», 1990. 446 с.
- У истоков политического противостояния (Материалы и документы по истории общественных движений и политических партий Республики Беларусь). /Под ред. Э.М. Энтина/. Гомель: ГГУ, 1993. 228 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение: РУССКИЕ И БЕЛАРУСЫ	5
1. «Белоруссия» — придуманное название	6
2. Разное происхождение: генетика и антропология	
3. Разные языки	21
4. Разный уклад быта	32
5. Разные церкви	
6. Разные национальные кухни	
7. Разные национальные характеры	
8. Краткое резюме	
Часть I. БЕЛАРУСЫ В ТЕНИ ДВУГЛАВОГО ОРЛА	
Глава 1. Краткий очерк политической и культурной жизни	00
(1772—1916 гг.)	90
1. Период польского доминирования и литовско-беларуского регионализма (1795—1830)	00
	90
Период польско-русского противостояния и беларуского распутья (1831—1863)	114
3. Период русского доминирования и зарождения беларуского движения (1863—1904 гг.)	
4. Период модернизации империи и национального самоутверждения беларусов (1905—1916 гг.)	
Глава 2. Ликвидация униатской церкви и внедрение московского	
православия	190
1. Некоторые особенности униатской церкви в Беларуси	190
2. Наступление властей на униатство в 1772-1825 гг	194
3. Как уничтожили униатскую церковь	203
4. Последствия ликвидации униатства	212
5. Во власти РПЦ	223
ЧАСТЬ II. БЕЛАРУСЫ В ЭПОХУ «РЕВОЛЮЦИОННОГО	220
БОЛЬШЕВИЗМА»	
Глава 3. Краткий очерк политической и культурной жизни (1917—1953 гг.)	229
1. Поиск основ беларуской государственности (март 1917 — февраль 1918 гг.)	
 Беларуская Народная Республика (март — ноябрь 1918 г.) 	
Беларуская Пародная Геспуолика (март — полоры 1716 г.) Беларусь между большевизмом и национализмом	
4. БССР в 1920-е годы	
5. Большевистская Беларусь в 30-е годы	
Вольшевистская всларуев в 50-е годы. Западная Беларусь (1921—39-е гг.)	
7. Объединение бедаруских земель (сентябрь 1939 — июнь 1941 гг.)	

8. Германо-советская война (июнь 1941 — сентябрь 1943 гг.)	339
9. Завершение германо-советской войны	
(сентябрь 1943 — май 1945 гг.)	356
10. Апогей сталинщины (1945–1953 гг.)	365
Глава 4. Уничтожение беларуской национальной интеллигенции	
в 1930-е годы	378
1. «Великий инквизитор»	379
2. Политика «великого перелома»	380
3. Большевики и беларуская интеллигенция	383
4. «Первая волна» репрессий (1930-32 гг.)	386
5. «Вторая волна» репрессий (1933–35 гг.)	396
6. «Третья волна» репрессий (1937–38 гг.)	403
7. Дела «Объединенного антисоветского подполья»	407
8. Итоги репрессий 30-х годов	413
Часть III. БЕЛАРУСЫ В ЭПОХУ «ЛИБЕРАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗ	3MA»420
Глава 5. Краткий очерк политической и культурной жизни	
(1954—1991 гг.)	420
1. «Развитой социализм». 1965—1985 гг	
2. Разрушение большевистской системы власти. 1985—1991 гг	449
Глава 6. Русификация беларуского языка в БССР	
1. Введение	465
2. Сужение сферы использования беларуского языка	469
3. Советский беларуский литературный язык	480
4. Язык художественной литературы	495
5. Беларуские писатели в защите языка	499
6. Письмо Якуба Коласа в Бюро ЦК КПБ	504
Глава 7. Национальная политика коммунистов в БССР	
(1945—1985 rr.)	
1. Содержание национальной политики компартии	
2. Формы реализации национальной политики в БССР	
3. Народное образование	
4. Некоторые результаты русификации	
5. О названиях городских улиц	
6. О личных именах	555
Заключение. ГОМО СОВЕТИКУС: БЕЛАРУСКИЙ ВАРИАНТ	557
Библиография	590
На беларускай мове	
Ha pyagyay gariya	

Научно-популярное издание

ИСТОРИЯ ИМПЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ БЕЛАРУСЫ И РУССКИЕ, 1772—1991

Составитель, переводчик и научный редактор Тарас Анатолий Ефимович

Отзывы направлять редактору-составителю по адресу: А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 1.12.2008. Формат $60 \times 90^{-1}/_{16}$. Гарнитура «NewtonC». Печать офсетная. Уч.-изд. л. 33,9. Усл.-печ. л. 38. Тираж 300 экз. Заказ № 2055.

ООО «Поликрафт». ЛП № 02330/0131696 от 30.04.2004 г. 220103, г. Минск, ул. Кнорина, 50.

Издатель А.Н. Вараксин. Лицензия ЛВ № 02330/0131774 от 6.03.2006 г. e-mail: editpol@tut.by После захвата Российской империей в 1772—1795 гг. беларуской части Речи Посполитой (Великого княжества Литовского) в памяти жителей Беларуси за 200 лет было стерто почти все, что могло способствовать национальной само-идентификации. В послевоенный период организованный партийно-советским руководством процесс «забывания» беларусами своего языка, своей истории и культуры приобрел новый импульс. По замыслу кремлевских идеологов, все народы СССР должны были «слиться» в единую «коммунистическую нацию» на базе русского языка, советской культуры, марксистско-ленинской идеологии.

Несмотря на то, что Беларусь обрела в 1991 году независимость, общественность соседних стран, в первую очередь России, продолжает рассматривать ее через призму старых мифов и догм — как эпохи царизма, так и советской эпохи. Даже некоторые беларусы (а тем более представители других этносов) все еще верят в то, что «беларусы — часть великой русской нации», что «Беларусь — условное название Северо-Западного края Российской империи», что «язык, религию, культуру, искусство и вообще цивилизацию беларусы получили

от русских».

Предлагаемая книга последовательно и аргументировано опровергает эти и многие другие выдумки шовинистов.

